ЗАКОН и ВЛАСТЬ

№2
2026

Учредитель: **ООО «Русайнс»**

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016
ISSN **2587-831X**
Подписной индекс Роспечати **65001**

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru
Сайт: http://zakonivlast.ru/

Журнал входит в ***Перечень ВАК*** *ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ

Баранов Николай Алексеевич, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Буренко Владимир Иванович, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет

Гончаров Петр Константинович, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)

Гущин Василий Васильевич, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции

Конышев Валерий Николаевич, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Корконосенко Сергей Григорьевич, д-р полит. наук, проф., завкафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

Косаренко Николай Николаевич, к.ю.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Севастопольский государственный университет

Кошкин Андрей Петрович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Нурышев Геннадий Николаевич, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции

Мартынов Борис Федорович, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Нисневич Юлий Анатольевич, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"

Орлов Владислав Николаевич, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры организации исполнения наказаний, Санкт-Петербургский университет ФСИН России

Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ

Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Сардарян Генри Тигранович, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Скитович Виктор Викторович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Смоленский Михаил Борисович, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, Ростовский государственный университет путей сообщения

Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Главный редактор:
Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии
ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Подписано в печать: 28.02.2026 *Цена свободная* *Тираж* 300 экз. Формат: А4

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Содержание

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Роль публичной коммуникации органов власти в механизмах политического управления. Ларионов Е.И. 4

Современные политические риски и стратегии их управления. Мухаметзянов Р.А. 7

Институциональная дисфункция механизмов глобального управления в контексте перехода к полицентричной системе миропорядка. Мышкин К.Н. 13

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ

Эффективность информационных инструментов департамента образования и науки в продвижении комплекса ГТО в общеобразовательных школах Москвы. Аушева М.А. 16

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Информационная война как угроза национальной безопасности Российской Федерации. Гараева А.Н., Колобова С.А. 20

Япония и вопрос ядерного вооружения: сценарии, риски и международно-правовые ограничения. Иванов А.В. 26

Геоэкономика продовольственной безопасности в условиях поликризиса: эволюция политических ответов Китая (2022-2026). Корнев Н.А. 31

Транснациональная незаконная торговля оружием в контексте гибридной войны: угрозы безопасности и комплексные меры нейтрализации. Мороз В.А. 37

Институциональная модель стратегических аналитических центров Австрии и механизмы их адаптации в системе государственного управления Республики Узбекистан и России. Мороз С.А., Махаммаджанов Г.М., Рахимова М.А. 41

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА

Энергетические проекты России в странах Центральной Азии: направления реализации и стратегическое значение. Баярхуу Тугулдур 46

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ. ИНСТИТУТЫ, ФОРМЫ И МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Антимонопольное регулирование в сфере топливно-энергетического комплекса стран ЕАЭС в условиях цифровой трансформации общества. Беллас А.В., Букалерова Л.А. 51

Цифровизация государственного управления как инструмент политического контроля и обратной связи. Ларионов Е.И. 55

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Роль технических комитетов в стандартизации медицинской деятельности. Алёхичева А.А. 59

Круг субъектов ответственности за деликты, совершенные при использовании искусственного интеллекта. Алимова А.А. 63

Реализация конституционных принципов в прогрессивном налогообложении доходов физических лиц. Антипова Е.П. 66

Конституционно-правовой статус муниципального образования. Гаджидадаева М.С., Гаджиев А.Ш. 70

Правовая природа баллов и бонусов в виртуальной среде как объекта гражданских прав. Галкин Н.А. 75

Правило «разумного подхода» в антимонопольном законодательстве России: теория, практика и перспективы применения. Гольцов Д.А., Белобородов М.В. 79

Институт недобросовестных участников в системе государственных и муниципальных закупок: теоретико-правовой и практический аспекты. Гончарук Р.А., Белобородов М.В. 83

Правовой статус внутренних мигрантов из новых субъектов Российской Федерации: проблематика интеграции и перспективы. Григорьев А.В. 86

Защита чести и достоинства педагогов: гражданско-правовые механизмы. Карсакова М.А. 92

Проблема конкуренции и субсидиарного применения деликтных и кондикционных обязательств в гражданском праве России. Лихтина Ю.В. 95

Применение российско-китайского соглашения об избежание двойного налогообложения к инвестиционным доходам: особенности и проблемы толкования. Ло Цзюньяо 98

Правовые аспекты и биоэтические проблемы криоконсервации репродуктивного материала: российский и международный опыт. Макаренко Н.Н. 103

Профилактика конфликта интересов на государственной службе российской федерации: проблемы правоприменения и направления совершенствования. Николаев А.И. 108

Приостановление производства по делу на период медиации по семейным делам в гражданском судопроизводстве - основания, пределы усмотрения суда и гарантии разумного срока. Сафроненко И.А. 104

Профилактика конфликта интересов на государственной службе российской федерации: проблемы правоприменения и направления совершенствования. Николаев А.И. 108

Приостановление производства по делу на период медиации по семейным делам в гражданском судопроизводстве - основания, пределы усмотрения суда и гарантии разумного срока. Сафроненко И.А. 115

Основные направления развития национальной платежной системы Российской Федерации. Сечина Е.Ю. 119

Платформа «Приразломная»: правовые основы эксплуатации, экологической безопасности, обеспечения бюджетных доходов. Сорокина Е.В. 122

Правовое регулирование инструментов финансовой поддержки проектов развития: на примере деятельности Фонда Развития Промышленности. Сорокина Е.В. 127

Конституционно-правовая модель государственного (муниципального) финансового контроля. Тельян М.А. 131

Правосубъектность гражданско-правового сообщества собственников общего имущества в многоквартирном доме. Яковлев Ю.С. 136

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Принцип недопустимости ссылки на официальный статус в международном уголовном праве. Горский А.В. 140

Правовое регулирование трансграничной мобильности в рамках ЭКОВАС: проблемы гармонизации и обеспечения безопасности. Злобин Е.В. 144

Понятие «Безопасность в сфере ТЭК» в нормативных актах стран ЕАЭС. Климов Н.Е., Михневич А.В. 149

Правовое регулирование внешнеэкономической деятельности в сфере энергетики в условиях антироссийских санкций (на примере ПАО «Газпром»). Мансурова Е.А., Букалерова Л.А. 153

Основные направления изменений в международно-правовой архитектуре морских перевозок в эпоху трансформации миропорядка. Пинчук И.А. 157

Гендерные аспекты регулирования искусственного интеллекта в креативных индустриях: пробелы международного права и пути их устранения. Ратнер Н.П. 161

Экономико-правовой статус международной компании как разновидности юридического лица в Российской Федерации. Сабирова А.И. 166

Коллизионные аспекты защиты иностранных инвестиций при блокировке трансграничных платежей в условиях санкций: роль двусторонних инвестиционных соглашений. Цветков Р.А. 170

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Актуальные аспекты уголовной ответственности за причинение вреда средствами индивидуальной мобильности. Прутовых Р.Е. 175

Особенности ценностных ориентаций у несовершеннолетних, осужденных за корыстные преступления. Соболев Н.Г. 179

Диалектика развития уголовного законодательства в России. Сорокин А.И. 182

Личность виновного как система взвешенных параметров: алгоритм оценки общественной опасности личности. Тащилин Р.И. 186

Создание фиктивной задолженности в процедуре банкротства юридических лиц как типичный способ преступной деятельности. Федоров А.М. 190

Общая характеристика киберхищений и противодействия их развитию. Фрасов А.Д. 194

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Надзорная инстанция в уголовном процессе России: проблема дублирования функций кассации и перспективы фундаментального реформирования. Трофимик А.Г., Богданова А.Р. 198

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Процедурные аспекты обыска с изъятием цифровых устройств: порядок привлечения специалиста при изъятии электронных носителей; роль понятых при копировании данных с изымаемых устройств; оформление протокола: обязательные реквизиты и типичные ошибки. Александров С.А. 202

Особенности оценки и использования результатов судебных экспертиз при расследовании незаконного производства лекарственных средств. Карпов М.М. 205

Contents

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, AND TECHNOLOGIES

The Role of Public Communication of Government Bodies in the Mechanisms of Political Governance. E.I. Larionov 4

Modern Political Risks and Management Strategies. R.A. Mukhametzyanov..... 7

Institutional Dysfunction of Global Governance Mechanisms in the Context of the Transition to a Polycentric World Order. K.N. Myshkin 13

POLITICAL CULTURE AND IDEOLOGIES

The Effectiveness of the Department of Education and Science's Information Tools in Promoting the GTO Complex in Moscow Public Schools. M.A. Ausheva..... 16

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

Information Warfare as a Threat to the National Security of the Russian Federation. A.N. Garaeva, S.A. Kolobova 20

Japan and the Nuclear Weapons Issue: Scenarios, Risks, and International Legal Limitations. A. V. Ivanov 26

The Geoeconomics of Food Security in a Polycrisis: The Evolution of China's Policy Responses (2022-2026). N. A. Kornev..... 31

Transnational Illegal Arms Trade in the Context of Hybrid Warfare: Security Threats and Comprehensive Neutralization Measures. V. A. Moroz 37

The Institutional Model of Strategic Think Tanks in Austria and the Mechanisms for Their Adaptation in the Public Administration Systems of the Republic of Uzbekistan and Russia. S. A. Moroz, G. M. Makhamadzhanov, M. A. Rakhimova 41

POLITICAL REGIONALISTICS. ETHNOPOLITICS

Russia's Energy Projects in Central Asian Countries: Implementation Directions and Strategic Significance. Bayarkhuu Tuguldur 46

DEVELOPMENT OF POLITICAL PROCESSES. INSTITUTIONS, FORMS, AND MECHANISMS OF POLITICAL GOVERNANCE

Antimonopoly Regulation in the Fuel and Energy Sector of the EAEU Countries in the Context of the Digital Transformation of Society. Bellas A.V., Bukalerova L.A. 51

Digitalization of Public Administration as a Tool for Political Control and Feedback. Larionov E.I. 55

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITIES

The Role of Technical Committees in the Standardization of Medical Practices. Alekhicheva A.A. 59

The Range of Parties Liable for Torts Committed Using Artificial Intelligence. Alimova A.A. 63

Implementation of Constitutional Principles in Progressive Taxation of Personal Income. Antipova E.P. 66

Constitutional and Legal Status of a Municipality. Gadzhidadaeva M.S., Gadzhiev A.Sh. 70

The Legal Nature of Points and Bonuses in the Virtual Environment as an Object of Civil Rights. Galkin N.A. 75

The "Reasonable Approach" Rule in Russian Antimonopoly Legislation: Theory, Practice, and Prospects of Application. Goltsov D.A., Beloborodov M.V. 79

The Institute of Unscrupulous Participants in the System of State and Municipal Procurement: Theoretical, Legal, and Practical Aspects. Goncharuk R.A., Beloborodov M.V. 83

The Legal Status of Internal Migrants from New Subjects of the Russian Federation: Integration Issues and Prospects. Grigoriev A.V. 86

Protecting the Honor and Dignity of Teachers: Civil Law Mechanisms. Karsakova M.A. 92

The Problem of Competition and Subsidiary Application of Tort and Condictional Obligations in Russian Civil Law. Likhtina Yu.V. 95

Application of the Russian-Chinese Double Taxation Agreement to Investment Income: Features and Interpretation Issues. Luo Junyao 98

Legal Aspects and Bioethical Problems of Cryopreservation of Reproductive Material: Russian and International Experience. Makarenko N.N. 103

Prevention of Conflicts of Interest in the Civil Service of the Russian Federation: Law Enforcement Issues and Areas for Improvement. Nikolaev A.I. 108

Suspension of Proceedings during Mediation in Family Matters in Civil Proceedings - Grounds, Court Discretion, and Guarantees of a Reasonable Time. Safronenko I.A. 104

Prevention of Conflicts of Interest in the Civil Service of the Russian Federation: Law Enforcement Issues and Areas for Improvement. Nikolaev A.I. 108

Suspension of Proceedings during Mediation in Family Matters in Civil Proceedings - Grounds, Court Discretion, and Guarantees of a Reasonable Time. Safronenko I.A. 115

Main Directions for the Development of the National Payment System of the Russian Federation. Sechina, E. Yu. 119

The Prirazlomnaya Platform: Legal Framework for Operation, Environmental Safety, and Budget Revenue Security. Sorokina, E. V. 122

Legal Regulation of Financial Support Instruments for Development Projects: A Case Study of the Industrial Development Fund. Sorokina, E. V. 127

Constitutional and Legal Model of State (Municipal) Financial Control. Tel'yan, M. A. 131

Legal Personality of the Civil-Law Community of Owners of Common Property in an Apartment Building. Yakovlev, Yu. S. 136

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

The Principle of Inadmissibility of Reference to Official Status in International Criminal Law. Gorsky, A. V. 140

Legal Regulation of Cross-Border Mobility within the ECOWAS Framework: Issues of Harmonization and Security. Zlobin, E. V. 144

Concept "Security in the Fuel and Energy Complex" in the Regulatory Acts of the EAEU Countries. Klimov, N.E., Mikhnevich, A.V..... 149

Legal Regulation of Foreign Economic Activity in the Energy Sector under Anti-Russian Sanctions (using Gazprom as an Example). Mansurova, E.A., Bukalerova, L.A. 153

Main Areas of Change in the International Legal Architecture of Maritime Transportation in the Era of World Order Transformation. Pinchuk, I.A. . 157

Gender Aspects of Artificial Intelligence Regulation in Creative Industries: Gaps in International Law and Ways to Address Them. Ratner, N.P. 161

The Economic and Legal Status of an International Company as a Type of Legal Entity in the Russian Federation. Sabirova, A.I. 166

Conflict of Laws Aspects of Protecting Foreign Investments When Cross-Border Payments are Blocked under Sanctions: The Role of Bilateral Investment Agreements. Tsvetkov, R.A. 170

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY. CRIMINAL-EXECUTIVE LAW

Current Aspects of Criminal Liability for Damage Caused by Means of Personal Mobility. R.E. Prutovykh. 175

Characteristics of Value Orientations in Minors Convicted of Acquisitive Crimes. N.G. Sobolev. 179

The Dialectics of the Development of Criminal Legislation in Russia. A.I. Sorokin. 182

The Personality of the Perpetrator as a System of Weighted Parameters: An Algorithm for Assessing the Social Danger of an Individual. R.I. Tashchilin. 186

Creation of Fictitious Debt in Bankruptcy Proceedings of Legal Entities as a Typical Method of Criminal Activity. A.M. Fedorov. 190

General Characteristics of Cybertheft and Measures to Combat It. A.D. Frasov. 194

CRIMINAL PROCEEDINGS

Supervisory Authority in Criminal Procedure in Russia: The Problem of Duplicated Cassation Functions and Prospects for Fundamental Reform. Trofimik A.G., Bogdanova A.R. 198

CRIMINALISTICS. FORENSIC EXPERT ACTIVITIES. OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES

Procedural Aspects of Searches with Seizure of Digital Devices: Procedure for Involving a Specialist in the Seizure of Electronic Media; Role of Attesting Witnesses in Copying Data from Seized Devices; Drafting a Protocol: Mandatory Details and Common Mistakes. Aleksandrov S.A. 202

Peculiarities of Assessing and Using Forensic Expertise Results in Investigating Illegal Drug Production. Karpov M.M. 205

Роль публичной коммуникации органов власти в механизмах политического управления

Ларионов Евгений Иванович,
аспирант, Омская гуманитарная академия, loruonowgu@mail.ru

В реалиях существенной перестройки информационной среды классические односторонние модели трансляции государственного курса быстро утрачивают свою управленческую состоятельность. Актуальность темы предопределена тем фактом, что сегодня лояльность граждан и прочность институционального доверия конструируются, главным образом, на цифровых платформах, где от властных структур ожидается не «сухое» информирование, а включенный, эмпатичный диалог. Статья выстроена вокруг цели комплексно проанализировать роль публичной сетевой коммуникации как «несущей конструкции» современного политического менеджмента. Указывается на ключевое практическое и институциональное противоречие: с одной стороны, сетевое общество формирует жесткий запрос на транспарентность, неформализованность, высокую скорость управленческой реакции; с другой, госаппарат нередко по инерции тяготеет к использованию сложного бюрократического языка («канцелярита») и применению имитационных практик обратной связи. Резюмировано, что коммуникация окончательно эволюционировала из вспомогательного PR-инструмента в стержневой элемент повседневной легитимации принимаемых решений. Обосновано, что выстраивание грамотной инфраструктуры открытого взаимодействия (в частности, развитие экосистемы официальных страниц) выступает прямым «ускорителем» укрепления общественного доверия к правительственным и муниципальным структурам. Авторский вклад проявляется в концептуализации закономерного перехода от парадигмы «массового вещания» к модели «цифровой эмпатии»; в разработке прикладных рекомендаций по интеграции предиктивной алгоритмической аналитики для превентивного купирования локальной общественной напряженности. Изложенный материал будет полезен академическим исследователям-политологам, социологам коммуникаций, практикующим государственным менеджерам, специалистам цифровых штабов, которые конструируют «архитектуру» региональной информационной политики.

Ключевые слова: алгоритмизация управления, государственные паблики, институциональное доверие, политический менеджмент, предиктивная аналитика, публичная коммуникация, цифровая эмпатия

Введение

На фоне стремительной цифровизации общества и фундаментальной перестройки информационной среды механизмы политического управления сталкиваются с принципиально новыми, ранее не изученными вызовами. Преимущественно односторонние и директивные каналы трансляции государственного курса стремительно утрачивают свою былую результативность. Они уступают место интерактивным форматам взаимодействия. Роль публичной коммуникации органов власти сегодня не сводится исключительно к формальному информированию населения. По сути, она эволюционирует в сложный, многоуровневый инструмент конструирования политической реальности, непрерывной легитимации принимаемых решений, нивелирования социального напряжения. Как представляется, именно выстраивание грамотного, двустороннего диалога между властными структурами и гражданским обществом выступает в качестве ключевой детерминанты социально-политической стабильности государства. В отличие от предыдущих подходов, в рамках которых связи с общественностью рассматривались лишь как второстепенная, вспомогательная функция госаппарата, современная парадигма политического менеджмента трактует коммуникацию как «несущую конструкцию» всего управленческого цикла.

Значимость обсуждаемой в статье проблематики определяется тем, что, по-видимому, институциональное доверие граждан находится в прямой и неразрывной зависимости от степени открытости, оперативности реагирования, качества обратной связи, предоставляемой органами публичной администрации. Внедрение системных инфраструктурных проектов (разветвленная сеть «госпабликов» в Российской Федерации) качественно видоизменяет характер отношений по линии «государство – общество», последовательно минимизируя бюрократические барьеры и формируя образ власти, которая обладает «человеческим лицом». Вероятно, дальнейшее углубление данных тенденций потребует от управленцев как технологического «апгрейда», так и существенного социокультурного переосмысления роли чиновника в открытом цифровом пространстве.

Материалы и методы

В своей совокупности изученные при подготовке статьи работы демонстрируют многомерность анализа публичной коммуникации органов власти как ключевого элемента механизмов политического управления.

Так, К.С. Абдымомунова раскрывает диалогическую модель взаимодействия власти и гражданского общества, акцентируя нормативно-ценностные основания публичного дискурса [1]. Д.В. Волковский предлагает делиберативный подход к оценке качества цифровых коммуникаций. Автор вводит методологические критерии открытости, аргументированности, включённости граждан [2]. Г.И. Герасимова и С.А. Крюкова обосновывают комплексный межсубъектный анализ социально-политического взаимодействия [3]. М.А. Ковшов интерпретирует законодательную и представительную ветви власти через призму сетевой коммуникации [6]. К.С. Жуликова исследует нюансы интернет-коммуникаций в контексте политмобилизации молодежи [5]. И.В. Николаев типологизирует вербальные политические символы как инструменты конструирования

легитимности [8]. Е.Л. Рябова анализирует трансформацию властных структур на фоне сетевизации [9]. В свою очередь, И.Н. Ушаков рассматривает интернет-коммуникации в качестве источника институциональных инноваций [10]. Публикации А. Ершовой и А. Лысовой вводят количественные параметры аудитории госпабликов и соцсетей, помогая соотнести теоретические выводы с цифровой инфраструктурой публичного пространства [4, 7].

Выбор обозначенных материалов объясняется их способностью репрезентировать нормативный, институциональный, символический, digital-эмпирический уровни анализа публичной коммуникации как управленческого ресурса. Вместе с тем, в литературе наблюдаются пробелы: недостаточно проработана интегративная модель включения коммуникационных практик в общий механизм политического управления; ограничена сравнительная эмпирика результативности различных платформ. Помимо этого, присутствует противоречие между делиберативным идеалом горизонтального диалога и фактической централизацией сетевых коммуникаций власти.

В статье использованы системный и структурно-функциональный подходы (с целью уточнения места коммуникации в управленческом механизме), элементы делиберативного анализа (для оценки качества публичного взаимодействия), сравнительно-описательный метод (чтобы сопоставить институциональные и цифровые практики). Методологически указанное сочетание обеспечивает комплексное раскрытие исследуемой проблематики.

Результаты и обсуждение

Теоретико-методологическая база исследования опирается на синтез концепций сетевого общества и теории коммуникативного действия. В рамках современного академического дискурса публичная коммуникация органов власти интерпретируется не просто как передача сведений, а как стратегический процесс управления смысловыми потоками [2, 8, 9]. Традиционная бюрократия опиралась на иерархичность, закрытость. Однако современная digital-эпоха диктует строгий императив транспарентности. Вследствие этого политическое управление претерпевает существенную децентрализацию: центр тяжести смещается от выпуска официальных пресс-релизов к модерации общественных дискуссий на открытых сетевых площадках.

Государство в новой парадигме все чаще воспринимается в качестве сервисной платформы. Предположительно, успешность политического лидера или государственного института сегодня измеряется не стандартными «сухими» макроэкономическими показателями, а уровнем эмпатии, которая демонстрируется в публичном поле. Социальные медиа позволяют органам власти оперативно сканировать общественное самочувствие, выявлять триггеры недовольства на самых ранних стадиях, успешно купировать локальные кризисы до их перехода в острую политическую фазу. В отличие от классических средств массовой информации, соцсети обеспечивают беспрецедентную скорость обратной связи. Это делает их незаменимым ресурсом для гибкого, адаптивного государственного администрирования [1, 5].

Анализ актуальной эмпирической информации наглядно демонстрирует поразительные масштабы проникновения цифровых платформ в повседневную «ткань» политического управления. На сегодняшний день социальная сеть «ВКонтакте» служит ключевой площадкой для реализации государственной коммуникативной стратегии в Российской Федерации. По итогам 2024 года средняя месячная аудитория этой платформы достигла 88,1 миллиона пользователей, что уверенно охватывает подавляющее большинство экономически и политически активного населения страны. При этом количество авторов контента превышает 22,4 миллиона человек, которые ежедневно генерируют гигантские объемы информации [7].

Особое внимание уделяется проекту «госпаблики», который представляет собой стройную систему официальных страниц министерств, ведомств, администраций муниципалитетов, бюджетных учреждений. Совокупная аудитория таких госсообществ стремительно превысила отметку в 46,6 миллиона подписчиков и продолжает стабильно расти [4]. Уместно предположить, что подобная централизация официальных информационных потоков на одной digital-площадке помогает властным структурам точечно информировать граждан, глубоко анализировать их социальные запросы.

Анализ статистических данных дает возможность отметить, что главным «ядром» цифровой политической коммуникации является взрослая возрастная группа от 35 до 44 лет [7]. Вероятно, именно эти граждане – основные «реципиенты» управленческих сигналов. Они – наиболее активные инициаторы обратной связи. Вследствие этого резюмируем, что универсальные коммуникативные стратегии обречены на низкую эффективность; госорганам требуется глубокая сегментация публикуемого контента в строгой зависимости от поколенческих особенностей восприятия аудитории.

Важнейшим критерием результативности публичной коммуникации в системе политического управления служит уровень доверия населения к госинститутам. Грамотно выстроенный, уважительный диалог способен быстро конвертироваться в легитимность власти даже в периоды турбулентности.

Невзирая на видимые успехи, современная система государственной публичной коммуникации не лишена внутренних противоречий. Ключевой проблемой до сих пор остается остаточная бюрократизация сетевого языка (так называемый «канцелярит») [3, 10] и склонность некоторых управленцев к формальным отпискам [6, 10]. Для разрешения проблем и повышения качества политического менеджмента предлагаются следующие рекомендации (рис. 1):

Рис. 1. Ориентиры совершенствования публичной коммуникации органов власти в механизмах политического управления (составлено автором)

Так, рекомендуется внедрить в показатели эффективности (KPI) государственных пресс-служб метрики оценки тональности ответов. Новизна данного подхода состоит в качественном переходе от простого количественного учета отработанных жалоб к глубокой оценке эмоциональной удовлетворенности гражданина результатами коммуникации. Это поможет решить проблему бюрократического формализма.

Помимо этого, органам власти следует сместить фокус с реактивной управленческой модели на проактивную. Использование технологий машинного обучения для анализа мнений в соцсетях позволит достоверно прогнозировать очаги локального общественного недовольства задолго до их пика. Это дает возможность превентивно запускать разъяснительные кампании.

В отличие от устаревшего массового вещания, государственные страницы должны активно задействовать алгоритмическую доставку сообщений. С помощью этого шага новаторски нивелируется проблема информационной перегрузки аудитории, доставляя актуальную информацию строго заинтересованным целевым группам.

Заключение

Публичная коммуникация органов госвласти окончательно и бесповоротно утратила статус сугубо вспомогательного, технического инструмента. Она превратилась в стержневой элемент легитимации институтов публичной администрации. Эффективность и устойчивость современного политического менеджмента напрямую детерминируется качеством, транспарентностью, скоростью цифрового диалога с населением.

В отличие от предыдущих подходов, в которых исследовательское внимание фокусировалось, главным образом, на электоральных циклах и кризисных явлениях, сегодня убедительно демонстрируется высокая значимость непрерывности коммуникативного процесса. По-видимому, формирование политической лояльности и прочного социального капитала происходит не в момент электорального выбора, а в ходе ежедневного, рутинного, детального разрешения локальных жизненных проблем посредством доступных digital-платформ. Предположительно именно эта микроуровневая, ежедневная сервисная коммуникация формирует прочный «фундамент» макрополитической стабильности.

Рекомендации, сформулированные в статье, имеют высокую прикладную ценность; они могут быть имплементированы в программы профессиональной подготовки и повышения квалификации государственных служащих, а также активно применены при разработке объективных показателей эффективности для профильных подразделений по связям с общественностью.

Перспективы научных изысканий в данной многогранной предметной области видятся в глубоком изучении влияния генеративного искусственного интеллекта и технологий работы с большими данными на формирование проактивной и адаптивной коммуникативной стратегии современного государства. Как представляется, в самом ближайшем будущем политическое управление неминуемо перейдет от парадигмы реагирования на уже возникшие информационные поводы к их сложному сценарному моделированию. А это потребует принципиально нового, более высокого уровня научной и методологической рефлексии.

Литература

1. Абдымомунова К.С. Власть, гражданское общество и диалог в политической коммуникации // Коррекционно-педагогическое образование: электронный журнал. – 2021. – № 4 (28). – С. 121-125.
2. Волковский Д.В. Делиберативный подход к анализу качества цифровых коммуникаций власти и граждан: методологический аспект // PolitBook. – 2025. – № 3. – С. 90-116.
3. Герасимова Г.И., Крюкова С.А. Комплексный подход к взаимодействию субъектов социально-политического процесса // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2023. – Т. 16. – № 4. – С. 58-70.
4. Ершова А. Подавляющее большинство подписчиков госпабликов находится ВКонтакте // URL: https://zhiznraiona.ru/podavlyayushhee-bolshinstvo-podpischikov-gospablikov-naxoditsya-vkontakte/ (дата обращения: 28.02.2026).
5. Жуликова К.С. Анализ интернет-коммуникаций власти и общественных структур в процессе политической мобилизации молодежи // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2022. – Т. 12. – № 7 (88). – С. 2531-2543.
6. Ковшов М.А. Законодательная и представительная ветви власти с точки зрения сетевой политической коммуникации власти и общества // Общество: политика, экономика, право. – 2022. – № 2 (103). – С. 29-36.
7. Лысова А. Аудитория девяти крупнейших социальных сетей в России в 2025 году: исследования и цифры // URL: https://ppc.world/articles/auditoriya-vosmi-krupneyshih-socsetey-v-rossii-issledovaniya-i-cifry/ (дата обращения: 28.02.2026).
8. Николаев И.В. Вербальные политические символы в коммуникации общества и власти: опыт типологизации // Социодинамика. – 2021. – № 1. – С. 32-43.
9. Рябова Е.Л. Политическая власть в условиях нарастания сетевых коммуникаций: новые вызовы и новые возможности // Культура Мира. – 2023. – Т. 11. – № 30 (1). – С. 89-102.
10. Ушаков И.Н. Политические инновации в деятельности органов государственной власти на основе интернет-коммуникаций // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2021. – Т. 11. – № 4 (73). – С. 1175-1180.

The Role of Public Communication of Government Authorities in the Mechanisms of Political Governance

Larionov E.I.

Omsk Humanitarian Academy

In the context of a profound transformation of the information environment, classical one-way models of transmitting the governmental agenda are rapidly losing their managerial effectiveness. The relevance of the topic is determined by the fact that today citizens' loyalty and the resilience of institutional trust are constructed primarily on digital platforms, where public authorities are expected not merely to provide "dry" information but to engage in inclusive and empathetic dialogue. The article is structured around the objective of comprehensively analyzing the role of public online communication as the "load-bearing structure" of contemporary political management. A key practical and institutional contradiction is identified: on the one hand, the networked society generates a strong demand for transparency, informality, and rapid administrative responsiveness; on the other hand, the state apparatus often continues, by inertia, to rely on complex bureaucratic language and imitative feedback practices. It is concluded that communication has definitively evolved from an auxiliary PR instrument into a core element of the everyday legitimation of public decisions. The study substantiates that the development of a well-designed infrastructure for open interaction—particularly the expansion of official social media ecosystems—serves as a direct accelerator of public trust in governmental and municipal bodies. The author's contribution lies in conceptualizing the transition from the paradigm of "mass broadcasting" to the model of "digital empathy," as well as in formulating applied recommendations for integrating predictive algorithmic analytics to preemptively mitigate localized social tensions. The material will be useful for political scientists, communication sociologists, practicing public managers, and specialists in digital governance units responsible for shaping the "architecture" of regional information policy.

Keywords: algorithmization of governance; government social media pages; institutional trust; political management; predictive analytics; public communication; digital empathy

References

1. Abdymomunova K.S. Government, Civil Society and Dialogue in Political Communication // Correctional and Pedagogical Education: Electronic Journal. – 2021. – No. 4 (28). – Pp. 121–125.
2. Volkovsky D.V. A Deliberative Approach to the Analysis of the Quality of Digital Communication Between Government and Citizens: Methodological Aspect // PolitBook. – 2025. – No. 3. – Pp. 90–116.
3. Gerasimova G.I., Kryukova S.A. A Comprehensive Approach to the Interaction of Subjects of the Socio-Political Process // Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics. – 2023. – Vol. 16. – No. 4. – Pp. 58–70.
4. Ershova A. The Overwhelming Majority of Subscribers to Official Public Pages Are on VKontakte // URL: https://zhiznraiona.ru/podavlyayushhee-bolshinstvo-podpischikov-gospablikov-naxoditsya-vkontakte/
5. Zhulikova K.S. Analysis of Internet Communications Between Government and Public Structures in the Process of Youth Political Mobilization // Issues of National and Federal Relations. – 2022. – Vol. 12. – No. 7 (88). – Pp. 2531–2543.
6. Kovshov M.A. Legislative and Representative Branches of Government from the Perspective of Network Political Communication Between Government and Society // Society: Politics, Economics, Law. – 2022. – No. 2 (103). – Pp. 29–36.
7. Lysova A. The Audience of the Nine Largest Social Networks in Russia in 2025: Research and Figures // URL: https://ppc.world/articles/auditoriya-vosmi-krupneyshih-socsetey-v-rossii-issledovaniya-i-cifry/

Современные политические риски и стратегии их управления

Мухаметзянов Ратмир Айратович
аспирант кафедры социальных и политических коммуникаций, Уфимский государственный нефтяной технический университет, ratimort@yandex.ru

В статье рассматривается усложнение политических рисков в условиях глобальной турбулентности, когда политические решения и события приобретают повышенную неопределённость и становятся источником цепных эффектов для государства, общества и экономических акторов. Актуальность проблематики обусловлена одновременным воздействием нескольких факторов: усилением глобальной взаимозависимости, ростом роли негосударственных акторов, расширением цифровой среды и информационных технологий как пространства политической мобилизации и конкуренции, а также учащением внешних шоков кризисного характера. В этих условиях политический риск проявляется не только как вероятность «внешнего» кризиса, но и как постоянный элемент политического процесса, влияющий на устойчивость институтов, легитимность власти и управляемость политических систем. Особое место занимает электоральная сфера, поскольку выборы, выступая базовым механизмом политического участия, одновременно концентрируют риски делегитимации, протестной эскалации и институциональных дисфункций, особенно в переходных политических системах постсоветского пространства.
Ключевые слова: политические риски, управление рисками, глобальная турбулентность, политическая нестабильность, выборы, политическое участие, электоральные риски, институциональные гарантии.

Современный этап развития общества нередко характеризуют как «глобальное общество риска», вступившее в «эпоху глобальной турбулентности [3, с. 10]. Политическая сфера не является исключением: процессы глобализации, информационные технологии и новые угрозы кардинально изменили природу политических рисков. Под политическими рисками обычно понимаются вероятные события или действия в политической сфере, способные существенно повлиять на работу институтов власти, состояние общества или деятельность бизнеса. Если в прошлом источниками политических рисков преимущественно выступали государственные решения – например, приход к власти диктатора или экспроприация собственности, – то в XXI веке риски исходят из самых разных сфер [15, с. 68].

Наряду с правительствами и официальными акторами возрастающую роль играют негосударственные факторы: локальные конфликты, террористические акты, стихийные протесты, информационные кампании в социальных сетях и пр. В современных условиях политические события даже в отдаленных регионах мира с пугающей скоростью сказываются на глобальной и национальной безопасности [24]. Все это обуславливает особую актуальность эффективного управления политическими рисками.

Понятие «политический риск» возникло на стыке политологии и прикладных исследований (например, в сфере международного бизнеса), когда стало очевидно, что политические изменения могут влиять на реализацию решений и достижение целей различных акторов. В широком смысле политический риск – это вероятность того, что определенное политическое событие или действие повлечет негативные последствия для общества, государства или отдельных организаций.

Так, в бизнес-контексте политический риск XXI века определяется как вероятность, что то или иное политическое деяние существенно повлияет на деятельность компании; причём подчеркнуто, что речь идёт не только о действиях государства, поскольку всё чаще риски возникают не из правительственных кабинетов, а от самых разных субъектов – от гражданских активистов до местных чиновников.

В государственно-управленческом смысле политический риск связан с угрозой наступления событий, которые дестабилизируют политические институты или нарушают стабильность политического курса (например, массовые протесты, кризисы власти, внешнеполитические конфликты).

Ключевой особенностью политических рисков является их неопределенность и труднопрогнозируемость. Даже плановые события, например выборы, способны породить неожиданное развитие ситуации. Как отмечают аналитики, выборы представляют особую форму политического риска – их дата заранее известна, что позволяет заранее готовиться к разным сценариям, однако сами итоги и последствия выборов нередко приводят к значительным политическим переменам [23].

В отличие от техногенных или финансовых рисков, политические риски тесно связаны с человеческим фактором, действиями элит и массовым поведением, что затрудняет их точную оценку количественными методами [13, с. 20].

Тем не менее, исследователи выделяют различные уровни и типы политических рисков: от макроуровня (общегосударственные риски, затрагивающие всю политиче-

скую систему) до микроуровня (риски для отдельных акторов – партий, корпораций, лидеров). К типичным политическим рискам относят: институциональные риски (кризисы государственного управления, смена режима), социально-политические риски (массовые волнения, революции), внешнеполитические риски (войны, санкции, разрыв союзов), регуляторные риски (резкая смена законодательства), репутационные риски (утрата доверия к институтам власти) и др. [9, с. 216].

Важно подчеркнуть, что политические риски не всегда носят негативный характер: они представляют вилку возможностей – неблагоприятный исход можно попытаться предотвратить, а негативные эффекты смягчить с помощью активных действий. Управление рисками предполагает работу как с угрозами, так и с потенциальными благоприятными исходами (например, приход к власти реформаторов – риск для одних групп интересов может оказаться позитивным шансом для других). Таким образом, сложность и многогранность современных политических рисков требуют системного подхода к их оценке и управлению.

Современные условия формирования политических рисков существенно отличаются от эпохи холодной войны и биполярного мира. Можно выделить несколько глобальных трендов, влияющих на природу политических угроз:

Перестройка мировой системы: окончание противостояния сверхдержав упразднило прежние стабильные контуры союзов и конфликтов, сделав геополитический ландшафт более хаотичным. Возникли новые центры силы (стремительно развивающиеся государства, региональные лидеры), а также несостоявшиеся или изгои-государства. Безопасность и экономика оказались тесно взаимосвязаны в глобальном масштабе. Это породило ситуации, когда локальные конфликты мгновенно отражаются на мировых рынках и политике. Например, перенос китайской нефтяной платформы в спорные воды Вьетнама спровоцировал протесты, остановку фабрик и ощутимый сбой поставок продукции в США всего за считанные дни. Подобные цепные реакции демонстрируют возросшую взаимозависимость и высокую степень политических рисков в глобализированном мире [12, с. 48].

Экономическая глобализация и уязвимость цепочек поставок: Стремясь к эффективности, компании глобально распределяют производство. Однако длинные международные цепочки поставок повышают уязвимость перед политическими потрясениями в разных странах [17, с. 7]. Любой сбой – забастовка, санкции, погром – может оказать мультипликативный эффект. Государства, в свою очередь, вынуждены учитывать экономическую взаимозависимость при принятии политических решений, иначе страна-инициатор риска может пострадать сама (пример – санкционное противостояние, влияющее на обе стороны конфликта).

Информационно-технологическая революция: развитие интернета, мобильной связи и социальных сетей радикально изменило динамику политических процессов. Социальные сети и цифровые платформы стали ареной для политической мобилизации, распространения информации (и дезинформации), координации протестов и давления на власть. Простые граждане, вооруженные смартфонами, способны запустить вирусный эффект, нанося репутационный или политический ущерб крупным организациям и даже государствам.

Как отмечают исследователи, новые технологии вызвали лавину социального активизма: теперь политическая активность происходит повсеместно – «в квартирах, на улицах и даже в облаке». В результате традиционные институты сталкиваются с непредсказуемыми вызовами: от всплесков протестов, инициированных в социальных сетях и месседжерах, до кибератак со стороны анонимных групп. Информационно-идеологические войны стали реальностью: например, в условиях противостояния России и Запада наблюдается взаимное использование медиаресурсов для влияния на общественное мнение, что тоже создает риски для внутренней стабильности [1, с. 8].

Рост популизма и поляризации: Во многих странах (как развитых, так и развивающихся) усилилась общественная поляризация, разочарование в традиционных элитах, что приводит к подъему популистских и радикальных движений. Эта тенденция чревата непредсказуемыми результатами выборов и референдумов, сменой политического курса. Аналитики отмечают устойчивый тренд: избиратели все чаще отворачиваются от умеренных партий к новым популистским силам, что ведет к более фрагментированному и конфликтному политическому ландшафту [8, с. 51]. Антиэлитистские настроения повышают вероятность неожиданных политических решений (например, выход Великобритании из ЕС, избрание нестандартных лидеров), что должно учитываться при оценке рисков.

Внешние шоки и кризисы: Глобальные небезопасности – такие как пандемия COVID-19 или крупные военные конфликты – выступают мультиплицирующими факторами политических рисков. Пандемия коронавируса, к примеру, вызвала не только кризис здравоохранения, но и привела к серьезным социально-экономическим последствиям, протестам против ограничений и росту недоверия к власти во многих странах. Таким образом, современные политические риски носят комплексный характер: они часто возникают на пересечении внутренних и внешних факторов и развиваются стремительно, требуя от субъектов политики высокой адаптивности [11, с. 7].

Выборы традиционно рассматриваются в политической науке как ключевой институт политического участия граждан и легитимации власти. В демократическом обществе выборы представляют собой крупномасштабное политическое мероприятие, основной целью которого является легитимное воспроизводство органов публичной власти через процедуру волеизъявления народа [18, с. 65].

Посредством выборов гражданское общество взаимодействует с государством, передавая властные полномочия представителям общества согласно установленным правилам. Благодаря этому обеспечивается несколько важнейших функций выборов в политической жизни: во-первых, представительская функция – выборные органы отражают спектр интересов социальных групп; во-вторых, легитимирующая функция – власть, полученная через честные выборы, обладает общественным доверием и признанием; в-третьих, рекрутинговая функция – выборы служат механизмом обновления политической элиты; в-четвертых, интегративная функция – регулярные выборы способствуют интеграции общества вокруг общих процедур и правил игры, снижая вероятность нелегитимных форм смены власти.

Однако, как отмечают исследователи, политические выборы всегда сопряжены с риском. Риск заложен уже в самой сути демократического процесса – исход голосования неопределен, и избиратели могут совершить «неправильный» выбор, то есть поддержать кандидата, который впоследствии окажется некомпетентным или недобросовестным правителем [20, с. 25].

Более того, значительная часть граждан делает свой выбор не полностью осознанно – под влиянием предвыборной агитации, эмоций, или вообще не участвует в голосовании, что увеличивает вероятность непредсказуемых результатов. Не случайно еще в XIX веке Виктор Гюго замечал, что всеобщее голосование имеет свои темные стороны, хотя и остается «единственным способом ра-

зумного правления» [6, с. 104]. Действительно, демократия – это всегда риск, связанный с волеизъявлением масс.

Кроме внутреннего риска ошибочного выбора, существуют и иные электоральные риски, ставящие под угрозу саму функцию выборов как легитимного механизма формирования власти. В научной литературе выделяются так называемые рискогенные факторы избирательного процесса [14, с. 22].

Под ними понимаются обстоятельства, способные исказить подлинную волю избирателей или подорвать доверие к выборам: это могут быть внешние вмешательства (например, информационные атаки или кибер-вмешательство извне), состояние общественно-политической турбулентности (активные протестные движения, экстремизм), правовая неопределенность и несовершенство избирательных норм. Перечисленные факторы несут в себе опасности фальсификации итогов голосования, дискредитации организаторов выборов, делегитимации избранных органов власти, а в крайних случаях – отмены или переноса выборов [4, с. 83].

Появление подобных рисков мы наблюдали в новейшей истории: например, пандемия заставила ряд стран переносить выборы, а вооруженные конфликты – вводить режим чрезвычайного или военного положения, меняя порядок голосования. Таким образом, чтобы выборы оставались надежным средством формирования органов власти, необходимо уметь идентифицировать и нейтрализовать рискогенные факторы на всех стадиях избирательного процесса.

Особенно остро проблема политических рисков на выборах проявляется в переходных политических системах, к которым относится большинство постсоветских государств, включая Россию. Опыт последних десятилетий показывает, что именно выборы часто становились триггером политических кризисов в постсоветских республиках. Так, «цветные революции» в Грузии (2003), Украине (2004) и Киргизии (2005) были непосредственно связаны с массовым неприятием официальных результатов выборов, подозрениями в фальсификациях и последовавшими за этим протестами. Как отмечает аналитик Ф. Лукьянов, выборы и протесты против их итогов выступили катализатором революционных событий, и для многих властей на постсоветском пространстве день голосования превратился в режим ожидания сигнала о готовности к возможным потрясениям [16, с. 18].

Опасаясь «революционного развития», действующие режимы стали заблаговременно принимать профилактические меры, стремясь управлять электоральными рисками. В период кампаний усиливается контроль над информационным полем, привлекаются лояльные наблюдатели, иногда прибегают к откровенному давлению на оппозицию – все это нацелено на то, чтобы «уберечься от революции» [7, с. 12].

Следует отметить, что управление рисками на выборах – палка о двух концах. С одной стороны, государство обязано обеспечивать законность и безопасность избирательного процесса, предотвращать экстремистские провокации, вмешательство извне и иные угрозы. С другой стороны, управление, выражающееся в манипуляциях, давлении на избирателей и кандидатов, фальсификациях, само по себе становится рискогенным фактором. Применение недобросовестных технологий подрывает представительную природу власти, ведет к делегитимации результатов и долгосрочной утрате доверия граждан [10, с. 76].

Таким образом, власть попадает в дилемму: как снизить вероятность кризиса, не поступившись при этом подлинной конкурентностью и честностью выборов. Лучшим путём управления этим риском видится укрепление правовых и институциональных гарантий выборов – как справедливо отмечает Н.А. Власенко, основным гарантом от произвола и рисков выступают именно правовые механизмы [5, с. 138]. Создание прозрачных процедур, независимых избирательных комиссий, эффективная судебная защита избирательных прав – всё это снижает поле для злоупотреблений и тем самым уменьшает риск постэлекторальных кризисов.

В контексте России и других государств Евразийского пространства в последние годы предприняты шаги к модернизации системы обеспечения безопасности выборов. Например, внедряются технологии видеонаблюдения на участках, многодневное голосование призвано развести потоки избирателей и повысить безопасность, обновляется законодательство об экстремистской деятельности в период выборов. Одновременно, специфика текущей ситуации – санкционное давление, информационная конфронтация, военные угрозы на границах – вынуждает вводить особые правовые режимы. Так, выборы Президента РФ в 2024 г. проводились в условиях режимов повышенной готовности, близких к чрезвычайному положению в приграничных областях. Эти меры позиционировались как необходимые для защиты избирателей и организации процесса в сложной обстановке. Однако важно, чтобы временные исключения не стали постоянной нормой, иначе риск эрозии демократической функции выборов возрастает.

Выборы в современных условиях остаются краеугольным механизмом политического участия, но их успешное проведение и стабилизирующая роль возможны лишь при условии грамотного управления сопутствующими рисками. Электоральные риски следует заблаговременно оценивать и минимизировать – через укрепление законности, просвещение избирателей, мониторинг информационной среды и готовность институтов оперативно реагировать на внештатные ситуации. В следующем разделе рассмотрим общие подходы и стратегии управления политическими рисками, применимые не только к выборам, но и ко всей совокупности политических угроз.

Управление политическими рисками представляет собой комплексную деятельность, включающую в себя ряд взаимосвязанных этапов и мер. В общем виде процесс управления риском можно представить как цикл: идентификация – анализ – разработка мер воздействия (смягчение) – реагирование. Организации и государства, успешно справляющиеся с политическими рисками, как правило, обладают набором этих базовых компетенций. Рассмотрим содержание указанных этапов:

На первом этапе важно своевременно распознать зарождающиеся угрозы и «слепые пятна» в поле зрения руководства. Для этого необходима развитая интуиция и воображение, позволяющее представить нестандартные сценарии развития событий. Как говорил один известный инвестор, «самое опасное – верить, что будущее будет похоже на настоящее» [22, с. 132]. Методами выявления скрытых рисков зарекомендовали себя сценарный анализ и стратегические игры. Сценарное планирование предполагает разработку нескольких альтернативных картин будущего («оптимистичный», «кризисный», «статус-кво» и т.д.) с учетом политических факторов; «военные игры» или деловые игры позволяют в управленческой команде проиграть кризисные ситуации, чтобы понять, где тонкие места.

Использование таких инструментов стимулирует креативность мышления и помогает избежать опасной самоуверенности. В политической практике аналогичные подходы применяются спецслужбами и аналитическими центрами, которые отслеживают ранние признаки нестабильности (мониторинг социальных сетей, сбор информации

через сеть информаторов, анализ общественных настроений). Современные технологии – Big Data, анализ трендов также входят в арсенал идентификации рисков [21, с. 110].

Обнаружив потенциальную угрозу, необходимо тщательно проанализировать ее природу, вероятностные сценарии развития и возможные последствия. Здесь важно собрать надежную информацию из разнообразных источников. Анализ политических рисков нередко требует междисциплинарного подхода – учитывается исторический опыт, социологические данные, экспертные мнения. Одно из ключевых правил – ставить под сомнение собственные предположения. Поэтому аналитическая команда должна избегать группового мышления и подтверждения только желаемой точки зрения. Помогают специальные методы: формирование «красных команд», которым поручается представить альтернативный взгляд (например, оппозиции или конкурентов), проведение стресс-тестов и статистического моделирования (вплоть до Монте-Карло для прогнозирования распределения вероятностей последствий).

Важным компонентом оценки риска является также определение уязвимых мест: какие активы, институты или регионы наиболее чувствительны к данному риску. Совмещение списка важных объектов со списком уязвимых покажет, где сосредоточены наиболее критичные риски. Например, если стабильность государства в наибольшей степени зависит от благополучия столицы, то политическое волнение именно там представляет максимальную угрозу.

После оценки необходимо разработать и внедрить меры, снижающие вероятность наступления риска или смягчающие его последствия. Универсальные стратегии минимизации включают:

1) диверсификацию – распределение важнейших ресурсов, полномочий или активов по разным «корзинам» (чтобы выход из строя одной не был фатальным);

2) буферизацию – создание резервов времени и ресурсов, страховочных механизмов (например, резервные фонды, дублирующие каналы коммуникации, запасные планы действий);

3) кооперацию – совместные усилия с другими акторами, разделяющими сходные риски. Последний подход получил развитие, например, в бизнес-среде: конкурирующие компании могут обмениваться информацией о политических угрозах через отраслевые ассоциации.

В государственном управлении смягчение рисков достигается путем укрепления институтов: введения четких регламентов реагирования на чрезвычайные ситуации, обучения персонала действиям при кризисе, создания системы раннего предупреждения о надвигающихся угрозах. Предусмотрительные организации прописывают протоколы автоматических действий при сочетании определенных условий, стремясь уменьшить долю решений, принимаемых в панике.

Применительно к политике, это может означать наличие заранее разработанных мер на случай массовых беспорядков (пошаговый план для правоохранителей), планов на случай внезапной отставки правительства и т.д. Важный принцип: не класть все яйца в одну корзину – т.е. не концентрировать чрезмерно власть или ресурсы в одном месте, ибо это повышает системный риск. Даже при лучших профилактических мерах, полностью исключить наступление политических рисков невозможно – поэтому завершающий (но непрерывный) этап управления рисками состоит в оперативном реагировании на реализовавшиеся угрозы и адаптации системы к новым условиям. Адекватное реагирование означает, что при наступлении кризиса заранее подготовленная команда знает, что делать, и действует по плану, минимизируя ущерб. Для государств аналогом является наличие эффективного кризисного менеджмента: координационных центров при правительстве, советов безопасности, способных быстро принимать решения. Кроме того, важна гибкость политической системы – способность меняться по итогам кризиса.

Если риск реализовался (скажем, произошли массовые протесты), следует проанализировать, какие уроки извлечь: возможно, скорректировать политику, провести реформы, улучшить коммуникацию с обществом, чтобы в будущем снизить вероятность повторения подобного сценария. Таким образом, управление рисками – это динамичный процесс, где фаза реагирования переходит в новый цикл идентификации уже изменившихся угроз.

Отдельно отметим роль институционализации управления рисками. Во многих крупных организациях и государствах сегодня создаются специальные подразделения и должности, отвечающие за мониторинг и анализ политических рисков. Компании нанимают бывших разведчиков и экспертов по безопасности, чтобы отслеживать изменения политической обстановки и консультировать руководство [2, с. 415]. В структурах государства функцию мониторинга рисков выполняют аналитические отделы министерств, советы по стратегическому планированию, ситуации обсуждаются на уровне Совета Безопасности и др. Институциональный подход позволяет систематизировать работу с рисками и выработать корпоративную память о преодоленных кризисах.

Стратегическое управление политическими рисками опирается на проактивность, информированность и готовность к быстрому действию. Оно требует культуры мышления, при которой риск воспринимается не как форс-мажор, а как неотъемлемая часть политики, которую можно и нужно регулировать. Когда управление рисками становится частью принятия решений (как отмечают, лишь четверть руководителей интегрирует анализ рисков в планирование, но эта доля растет), политические системы и организации получают существенное конкурентное преимущество в условиях нестабильности.

В условиях глобальной неопределенности и множества новых вызовов умение распознавать и нейтрализовать политические риски становится важнейшей компетенцией как для государственных деятелей, так и для политических институтов и общественных движений. Проведенный анализ показал, что современный ландшафт политических рисков значительно усложнился: помимо традиционных угроз (силовой захват власти, внешняя агрессия) на передний план вышли трудно прогнозируемые феномены – информационные атаки, массовые протесты, вызванные социальными сетями, санкционные войны, глобальные кризисы здравоохранения и др. Эти риски, переплетаясь, формируют то, что У. Бек назвал «обществом риска», требующим от нас постоянной бдительности и адаптации.

Особое внимание в статье уделено выборам как центральному институту политического процесса. Выборы выполняют незаменимые функции в политической системе, но одновременно могут становиться источником нестабильности, если не обеспечены надлежащие гарантии честности и безопасности. В современных условиях для многих стран (особенно с переходными режимами) успешное управление электоральными рисками – это условие сохранения общественно-политической стабильности.

Опыт постсоветского пространства наглядно демонстрирует, что игнорирование проблем накопленного недоверия и попытки решить все риски силовыми методами могут привести к кризисам власти. Альтернативой служит

развитие устойчивых демократических институтов, повышение правовой культуры и прозрачности – то есть такие меры, которые превращают выборы из фактора риска в фактор развития.

Управление политическими рисками следует рассматривать не как разовую акцию в ответ на угрозу, а как непрерывный процесс стратегического руководства. Для этого нужны образованные кадры, системный анализ и междисциплинарные исследования, охватывающие политологию, социологию, правовые науки. Настоящая работа носит теоретико-аналитический характер и не претендует на исчерпывающее решение проблемы.

Тем не менее, опираясь на рассмотренные подходы, можно рекомендовать ряд общих принципов. Первый – предвидеть: стараться заглядывать за горизонт текущих событий, используя сценарии и прогнозы. Второй – предотвращать: устранять по возможности коренные причины риска (социальное недовольство – через диалог и реформы, институциональные пробелы – через обновление законодательства и т.д.). Третий – подготовить запасной вариант: иметь план «В» на случай, если риск реализуется (будь то альтернативные каналы связи в кризис или компромиссные политические решения для разрядки конфликта). И четвертый – обучаться на опыте: каждый кризис должен становиться уроком, улучшающим систему управления на будущее [19, с. 515].

В заключение подчеркнем, что политические риски являются неотъемлемой частью развития политических систем. Полностью устранить риск невозможно, да это и не нужно – определенная доля риска сопряжена с любой динамикой и конкуренцией, без которых нет прогресса. Задача состоит в том, чтобы держать риски под контролем, не позволять им перерастать в разрушительные кризисы.

Комплексный, научно обоснованный подход к управлению политическими рисками позволяет смягчить удары судьбы и направить энергию перемен в созидательное русло, обеспечивая устойчивое развитие политических институтов даже в эпоху глобальной нестабильности. Таким образом, управление политическими рисками в современных условиях – это одновременно вызов и необходимость, на который должна быть направлена совместная работа исследователей и практиков политического процесса.

Литература

1. Ахременко А. С., Бродовская Е. В. Влияние новых информационно-коммуникационных технологий на гражданский и политический активизм: линии напряжения дискуссионного поля // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 4–13.
2. Бадулина О. В. Система управления рисками как основа безопасности внешнеэкономической деятельности организации // Экономика и предпринимательство. 2013. № 12. С. 412–420.
3. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну / У. Бек; пер. с нем. В. Седельника, Н. Фёдоровой; послесл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
4. Власенко Н. А. Проблемы правовой неопределенности: курс лекций. М.: Инфра-М, 2015. 176 с.
5. Власенко Н. А. Риск как правовое понятие и как метафора // Юридическая техника: ежегодник. 2019. № 13. С. 136–141.
6. Власть над людьми и люди у власти / сост. Э. А. Борохов. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. 304 с.
7. Гельман В. Я. Режим, оппозиция и вызовы электоральному авторитаризму в России // Неприкосновенный запас. 2012. № 4 (84). С. 8–28.
8. Глухова А. В. Популизм как политический феномен: вызов современной демократии // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 49–68.
9. Григорьева Н. Е., Колобов А. О. Методы и опыт оценки политического риска // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2007. № 6. С. 214–230.
10. Данилов М. В. Электоральное доверие как фактор политических рисков и протестной активности // Политическая экспертиза: Политэкс. 2015. Т. 11. № 1. С. 74–90.
11. Данилова Е. А. Технологии политического PR в информационной войне России и Запада в актуальных условиях // Власть. 2023. С. 1–12.
12. Дегтерев Д. А. Оценка современной расстановки сил на международной арене и формирование многополярного мира: монография. М.: Русайнс, 2020. 214 с.
13. Дмитриев С. С. Цифровая мобилизация: новые механизмы и возможности политического управления // Управленческое консультирование. 2021. № 2. С. 18–25.
14. Ерыгина В. И. Рискогенные факторы избирательного процесса в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 10. С. 19–26.
15. Кобрин С. Дж. Политический риск: пересмотр и переосмысление // Журнал международных бизнес-исследований. 1979. Т. 10. № 1. С. 67–80.
16. Лукьянов Ф. А. Цветные революции наоборот // Россия в глобальной политике. 2024. № 4. С. 14–25.
17. Матвеенко В. А. Трансформация глобальных цепочек поставок в условиях геополитической нестабильности и регионализации торговли // Отходы и ресурсы. 2025. Т. 12. № 3. С. 1–13.
18. Нисневич Ю. А. Институт выборов как механизм легитимации публичной власти // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 10. С. 62–72.
19. Старостин А. М. Политические риски и культура прозрачности власти: российские контексты // Вопросы политологии. 2024. Т. 14. № 2. С. 512–526.
20. Федоркин Н. С. Управление рисками в избирательной кампании // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2016. № 3. С. 23–37.
21. Федоров В. И. Электронное голосование: российский и зарубежный опыт: монография. М.: Инфра-М, 2024. 237 с.
22. Шварц П. Искусство долгосрочного прогнозирования: сценарии для руководителей / пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2019. 352 с.
23. Pastor L., Veronesi P., Kelly B. The price of political uncertainty // VoxEU (CEPR). 31 March 2014 [Электронный ресурс]. URL: https://cepr.org/voxeu/columns/price-political-uncertainty (дата обращения: 30.01.2026).
24. *The Global Risks Report 2026* / World Economic Forum. Geneva: World Economic Forum, 2026 [Электронный ресурс]. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_The_Global_Risks_Report_2026.pdf (дата обращения: 12.01.2026).

Modern political risks and strategies for their management

Mukhametzyanov R.A.
Ufa State Petroleum Technological University

This article examines the increasing complexity of political risks in the context of global turbulence, when political decisions and events acquire increased uncertainty and become a source of knock-on effects for the state, society, and economic actors. The relevance of this issue stems from the simultaneous influence of several factors: increasing global interdependence, the growing role of non-state actors, the expansion of the digital environment and information technology as a space for political mobilization and competition, and the increasing frequency of external crisis-related shocks. Under these conditions, political risk manifests itself not only as the likelihood of an "external" crisis but also as a constant element of the political process, affecting the stability of institutions, the legitimacy of power, and the governability of political systems. The electoral sphere occupies a special place, since elections, while serving as a fundamental mechanism for political participation, simultaneously concentrate the risks of delegitimization, protest escalation, and

institutional dysfunction, especially in the transitional political systems of the post-Soviet space.

Keywords: political risks, risk management, global turbulence, political instability, elections, political participation, electoral risks, institutional guarantees.

References

1. Akhremenko A. S., Brodovskaya E. V. The Impact of New Information and Communication Technologies on Civil and Political Activism: Tension Lines of the Discussion Field // Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes. 2021. No. 4. pp. 4–13.
2. Badulina O. V. Risk Management System as the Basis for Security of an Organization's Foreign Economic Activities // Economy and Entrepreneurship. 2013. No. 12. pp. 412–420.
3. Beck U. Risk Society: Towards a Different Modernity / U. Beck; translated from German by V. Sedelnik, N. Fedorova; afterword by A. Filippov. Moscow: Progress-Tradition, 2000. 384 p.
4. Vlasenko N. A. Problems of Legal Uncertainty: Lecture Course. Moscow: Infra-M, 2015. 176 p.
5. Vlasenko N. A. Risk as a Legal Concept and as a Metaphor // Legal Technique: Yearbook. 2019. No. 13. pp. 136–141.
6. Power over People and People in Power / compiled by E. A. Borokhov. Moscow: OLMA Media Group, 2012. 304 p.
7. Gelman V. Ya. Regime, Opposition, and Challenges to Electoral Authoritarianism in Russia // Neprikosnovenny zapas. 2012. No. 4 (84). pp. 8–28.
8. Glukhova A. V. Populism as a Political Phenomenon: A Challenge to Modern Democracy // Polis. Political Studies. 2017. No. 4. pp. 49–68.
9. Grigorieva N. E., Kolobov A. O. Methods and Experience of Assessing Political Risk // Bulletin of the N. I. Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. 2007. No. 6. Pp. 214–230.
10. Danilov M. V. Electoral Trust as a Factor in Political Risks and Protest Activity // Political Expertise: Politex. 2015. Vol. 11. No. 1. Pp. 74–90.
11. Danilova E. A. Political PR Technologies in the Information War between Russia and the West in Current Conditions // Vlast. 2023. Pp. 1–12.
12. Degterev D. A. Assessment of the Current Alignment of Power in the International Arena and the Formation of a Multipolar World: Monograph. Moscow: Rusains, 2020. 214 p.
13. Dmitriev S. S. Digital Mobilization: New Mechanisms and Possibilities of Political Management // Management Consulting. 2021. No. 2. pp. 18–25.
14. Erygina V. I. Risk Factors of the Electoral Process in Modern Russia // Constitutional and Municipal Law. 2024. No. 10. pp. 19–26.
15. Kobrin S. J. Political Risk: Reconsideration and Rethinking // Journal of International Business Studies. 1979. Vol. 10. No. 1. pp. 67–80.
16. Lukyanov F. A. Color Revolutions in Reverse // Russia in Global Affairs. 2024. No. 4. pp. 14–25.
17. Matvienko V. A. Transformation of Global Supply Chains in the Context of Geopolitical Instability and Trade Regionalization // Waste and Resources. 2025. Vol. 12. No. 3. pp. 1–13.
18. Nisnevich Yu. A. The Institute of Elections as a Mechanism for Legitimizing Public Authority // Global Economy and International Relations. 2018. Vol. 62. No. 10. pp. 62–72.
19. Starostin A. M. Political Risks and the Culture of Transparency of Government: Russian Contexts // Issues of Political Science. 2024. Vol. 14. No. 2. pp. 512–526.
20. Fedorkin N. S. Risk Management in an Election Campaign // Bulletin of Moscow University. Series 12: Political Sciences. 2016. No. 3. Pp. 23–37.
21. Fedorov, V. I. Electronic Voting: Russian and Foreign Experience: A Monograph. Moscow: Infra-M, 2024. 237 p.
22. Schwartz, P. The Art of Long-Term Forecasting: Scenarios for Leaders / Translated from English. Moscow: Alpina Publisher, 2019. 352 p.
23. Pastor, L., Veronesi, P., Kelly, B. The Price of Political Uncertainty // VoxEU (CEPR). March 31, 2014 [Electronic resource]. URL: https://cepr.org/voxeu/columns/price-political-uncertainty (Accessed January 30, 2026).
24. The Global Risks Report 2026 / World Economic Forum. Geneva: World Economic Forum, 2026 [Electronic resource]. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_The_Global_Risks_Report_2026.pdf (accessed: 12.01.2026).

Институциональная дисфункция механизмов глобального управления в контексте перехода к полицентричной системе миропорядка

Мышкин Константин Николаевич
аспирант кафедры сравнительной политологии РУДН им. Патриса Лумумбы, 1142221068@rudn.ru

В статье анализируется системный кризис институтов глобального управления, обусловленный несоответствием архитектуры Бреттон-Вудской и ялтинско-потсдамской систем реалиям формирующегося полицентричного миропорядка. Рассматривается феномен институциональной дисфункции не как временный сбой, а как фундаментальная проблема «зависимости от колеи» (path dependence), блокирующая адаптацию международных организаций к перераспределению глобального экономического и политического потенциала. Особое внимание уделяется механизмам фрагментации правового поля, эрозии легитимности традиционных центров принятия решений и возникновению альтернативных, конкурирующих структур управления. Доказывается, что текущая дисфункция ведет не к обновлению старых институтов, а к формированию гибридной системы «сетевого регионализма», где эффективность управления достигается за счет снижения универсальности норм.
Ключевые слова: полицентричность, дисфункция, легитимность, инерция, суверенитет, фрагментация, асимметрия, реформирование.

Современная архитектура международных отношений переживает период глубокой турбулентности, который невозможно охарактеризовать лишь как геополитическое соперничество великих держав. Проблема носит более глубокий, структурно-функциональный характер и заключается в критическом снижении эффективности механизмов глобального управления, созданных в середине XX века. Мы наблюдаем классический институциональный разрыв: формальные структуры, призванные обеспечивать стабильность и предсказуемость мировой системы (ООН, МВФ, ВТО), остаются статичными, в то время как распределение реальной силы — экономической, военной и демографической — радикально изменилось. Этот диссонанс порождает состояние, которое можно определить как «институциональная дисфункция». Это не просто неспособность принять решение по конкретному вопросу, а системная блокировка каналов коммуникации и механизмов принуждения, делающая существующие нормы необязательными для исполнения де-факто при их сохранении де-юре. Центральной гипотезой данного исследования является утверждение, что дисфункция текущих институтов является необратимой в рамках их нынешних уставных документов, поскольку заложенные в них механизмы сдержек и противовесов, эффективные в биполярном или униполярном мире, в условиях полицентричности превращаются в инструменты взаимного паралича [3].

Анализ проблемы следует начать с природы легитимности глобальных институтов. Традиционно легитимность базировалась на двух столпах: репрезентативности (насколько состав участников отражает мировое сообщество) и эффективности (способности решать проблемы). Сегодня оба эти столпа разрушены. Экономический подъем Глобального Юга, прежде всего Китая и Индии, создал ситуацию, при которой распределение квот и голосов в международных финансовых организациях выглядит анахронизмом. Несмотря на реформу квот МВФ 2010 года, страны БРИКС по-прежнему обладают совокупным весом, несопоставимым с их вкладом в мировой ВВП по паритету покупательной способности. Эта асимметрия провоцирует не просто недовольство, а создание параллельных институциональных контуров, таких как Новый банк развития или Азиатский банк инфраструктурных инвестиций. Возникает феномен «оспариваемого мультилатерализма» [5], когда новые центры силы не стремятся разрушить старую систему фронтальной атакой, а выстраивают обходные пути, вымывая ресурсы и компетенции из традиционных структур. В результате глобальное управление фрагментируется: вместо единого свода правил формируется «лоскутное одеяло» региональных режимов, часто противоречащих друг другу.

Ключевой аспект дисфункции кроется в механизме принятия решений. Совет Безопасности ООН, задуманный как орган оперативного реагирования на угрозы миру, функционирует в режиме перманентного вето. Если в эпоху Холодной войны вето служило предохранителем от прямого столкновения сверхдержав, то в полицентричном мире, где количество акторов с суверенными амбициями возросло, право вето стало инструментом консервации статус-кво, который не устраивает никого. Институциональная ловушка заключается в том, что реформа СБ ООН невозможна без согласия пяти постоянных членов, чьи интересы прямо противоположны расширению клуба

обладателей этого права. Мы сталкиваемся с парадоксом: чтобы вернуть организации дееспособность, необходимо изменить ее устав, но процедура изменения устава требует консенсуса, достижение которого блокируется именно той недееспособностью, которую нужно устранить. Математически эта ситуация описывается как тупик теории игр, где кооперативная стратегия проигрывает некооперативной в каждом отдельном раунде переговоров [1].

Экономическая составляющая глобального управления также демонстрирует признаки глубокой эрозии. Всемирная торговая организация (ВТО), являвшаяся несущей конструкцией глобализации последние тридцать лет, фактически парализована после блокировки работы Апелляционного органа. Отсутствие арбитра возвращает мировую торговлю к состоянию «джунглей», где двусторонние тарифные войны и санкционные режимы становятся новой нормой. Санкции, применяемые в обход Совета Безопасности ООН, представляют собой отдельный пласт проблемы. Использование национальной валюты (доллара США) и инфраструктуры (SWIFT) в качестве оружия политического давления подрывает доверие к глобальной финансовой системе как к общественному благу (public good). Страны, опасающиеся вторичных санкций или заморозки активов, вынуждены диверсифицировать резервы и создавать замкнутые платежные контуры. Это ведет к регионализации финансовых потоков и снижению эффективности глобального распределения капитала. Полицентричность здесь проявляется не как гармоничный «концерт держав», а как серия изолированных крепостей, что неизбежно ведет к росту трансакционных издержек для всей мировой экономики [7].

Важно отметить, что институциональная инерция поддерживается бюрократическим аппаратом самих международных организаций. Международная бюрократия, сформировавшаяся за последние полвека, склонна воспроизводить старые нарративы и практики, даже когда они очевидно не работают. Это создает эффект «симуляции деятельности»: проводятся саммиты, принимаются декларации и рамочные конвенции, насыщенные выверенными, но бессодержательными формулировками, за которыми не следует реальных действий. Разрыв между риторикой и практикой («implementation gap») становится кричащим. Например, в сфере климатического регулирования или контроля над вооружениями существующие договоренности либо игнорируются, либо интерпретируются сторонами диаметрально противоположным образом. Кризис международного права как языка глобального общения очевиден — само понятие «нормы» размывается. Западные страны апеллируют к концепции «порядка, основанного на правилах» (rules-based order), в то время как незападные игроки настаивают на букве классического международного права и Устава ООН [4]. Кажущаяся терминологической, эта дискуссия отражает онтологический раскол: первые пытаются легитимизировать ситуативные политические практики постфактум, вторые — используют жесткий правовой позитивизм как щит для защиты суверенитета от внешнего вмешательства.

Проблема суверенитета в условиях полицентричности приобретает новое звучание. Глобализация 1990-2000-х годов предполагала постепенное размывание национальных границ в пользу наднационального регулирования. Текущий тренд — ренационализация политики. Государства возвращают себе контроль над цифровым пространством, критической инфраструктурой и информационными потоками. Это ставит крест на мечтах о «глобальном правительстве» или даже эффективно работающих глобальных регуляторах в таких сферах, как интернет или искусственный интеллект. Институты, созданные для регулирования трансграничных потоков, оказываются бессильными перед лицом «суверенного интернета» или протекционистских промышленных политик [8]. Дисфункция здесь проявляется в неспособности выработать универсальные стандарты: технологический мир раскалывается на техноэкономические блоки (китайский, американский, европейский), каждый из которых развивает собственные стандарты и протоколы, несовместимые с чужими.

Попытки разрешения данной проблемы через расширение существующих клубов (например, превращение G7 в G20) оказались паллиативом. «Группа двадцати» хорошо показала себя в момент острого кризиса 2008-2009 годов, но как постоянный механизм управления она слишком аморфна и лишена секретариата и механизмов принуждения к исполнению решений. Консенсус в формате двадцати стран с принципиально разными политическими системами и ценностными установками возможен лишь на уровне самых общих деклараций. Следовательно, мы наблюдаем дрейф центра тяжести принятия решений от универсальных организаций к «клубам по интересам» (ad hoc coalitions) и региональным блокам. Это не хаос, а сложная, мелкодисперсная структура порядка, где действуют не универсальные законы, а ситуативные сделки. Опасность такой системы заключается в ее неустойчивости: отсутствие арбитра высшей инстанции делает любой конфликт потенциально неуправляемым, так как нет процедуры его легитимной деэскалации, признаваемой всеми сторонами [2].

Перспектива выхода из институционального тупика видится не в косметическом ремонте ООН или МВФ, который маловероятен, а в формировании «режимных комплексов» (regime complexes) — гибких сетей перекрывающихся институтов, где отсутствие иерархии компенсируется функциональной специализацией. В такой системе полицентричность будет реализовываться через конкуренцию юрисдикций. Старые институты не исчезнут одномоментно, но превратятся в форумы для дискуссий («talk shops»), утратив функцию управления. Реальное управление перейдет на уровень макрорегиональных объединений (ЕС, ЕАЭС, АСЕАН, структуры вокруг Китая), которые будут договариваться между собой напрямую. Это откат от идеалов глобализма XX века к более прагматичной, жесткой, но, возможно, более устойчивой в данных условиях модели баланса сил XIX века, но на новом технологическом уровне. Институциональная дисфункция, таким образом, является не болезнью, которую можно вылечить, вернувшись в «золотой век», а симптомом отмирания одной организационной модели и болезненного рождения другой [6].

Анализ фактологической базы показывает, что «точка невозврата» пройдена. Доля стран G7 в мировом ВВП упала с 44-46% в начале 1990-х до менее чем 30% сегодня, тогда как вес БРИКС превысил этот показатель. Продолжать управлять миром с помощью институтов, где голосующие права закреплены по состоянию на 1945 год, невозможно физически. Сопротивление уходящих гегемонов, цепляющихся за институциональные привилегии, лишь ускоряет делегитимизацию этих институтов.

Если в ближайшее десятилетие не будет найден формат «большой сделки» по переучреждению правил игры (аналог Вестфальского или Венского конгресса), дисфункция перерастет в полный институциональный распад, чреватый серией горячих конфликтов за передел сфер влияния без каких-либо сдерживающих «красных линий». Глубина кризиса требует отказа от линейного мышления: простая экстраполяция прошлых трендов не работает. Необходима разработка новых организационно-правовых форм, способных инкорпорировать разнонаправленные векторы интересов без паралича всей системы, воз-

можно, через отказ от принципа консенсуса в пользу принципа квалифицированного большинства или «коалиций желающих» в рамках широкого мандата. Однако пока политическая воля к таким радикальным трансформациям отсутствует, и мировая система продолжает инерционное движение к состоянию управляемого хаоса.

Научная новизна данного анализа заключается в рассмотрении институциональной дисфункции как неизбежного этапа эволюции сложных систем при смене технологического и экономического уклада. Иллюзия, что существующие институты можно «починить» путем кадровых ротаций или небольших поправок, является опасным самообманом. Анализ показывает, что полицентричный мир требует принципиально иной архитектуры — горизонтальной, сетевой и, вероятно, менее либеральной по своей сути, так как она будет вынуждена учитывать ценностный плюрализм незападных цивилизаций, отвергающих универсализм западной модели. Таким образом, будущее глобального управления лежит не в унификации, а в координации различий.

Литература

1. Икенберри Дж. После победы: Институты, стратегическая сдержанность и восстановление порядка после крупных войн. - М.: Международные отношения, 2005. - 368 с.
2. Кейзер Д. Полицентричный мир: вызовы и перспективы глобального управления // Международные процессы. - 2020. - Т. 18. - № 2. - С. 45-62.
3. Меаршаймер Дж. Трагедия политики великих держав. - М.: АСТ, 2015. - 512 с.
4. Патрик С. Эрозия глобального управления: от униполярности к полицентричности // Foreign Affairs. - 2019. - Vol. 98. - № 3. - P. 66-78. (Пер. с англ.)
5. Ачарья А. Конец американского мирового порядка. - Cambridge: Polity Press, 2014. - 150 p. (Пер. с англ.: Конец американского миропорядка. - М.: РОССПЭН, 2016. - 192 с.)
6. Бузан Б., Лоусон Дж. Международная система в глобальной перспективе: структура, стратификация и регионы // Review of International Studies. - 2013. - Vol. 39. - № 5. - P. 1047-1067. (Пер. с англ.)
7. Эйхенгрин Б. Глобализация капитала: история международной финансовой системы. - М.: Дело, 2009. - 528 с.
8. Хаас Р. Мир в беспорядке: американская внешняя политика и кризис старого порядка. - N.Y.: Penguin Press, 2017. - 368 p. (Пер. с англ.: Мир в хаосе. - М.: Эксмо, 2018. - 400 с.)

Institutional dysfunction of global governance mechanisms amidst the transition to a polycentric world order

Konstantin N.M.

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

The article analyzes the systemic crisis facing global governance institutions, driven by the misalignment between the Bretton Woods and Yalta-Potsdam architectures and the realities of an emerging polycentric world order. The phenomenon of institutional dysfunction is examined not as a temporary failure, but as a fundamental problem of "path dependence" impeding the adaptation of international organizations to the redistribution of global economic and political power. Particular emphasis is placed on the fragmentation of the legal landscape, the eroding legitimacy of traditional decision-making centers, and the rise of alternative, competing governance structures. The author argues that current dysfunction leads not to the revitalization of established institutions, but rather to the emergence of a hybrid system of "networked regionalism," where governance efficiency is achieved at the expense of universal norms.

Keywords: polycentricity, dysfunction, legitimacy, inertia, sovereignty, fragmentation, asymmetry, reformation.

References

1. Ikenberry J. After Victory: Institutions, Strategic Restraint, and the Restoration of Order after Major Wars. Moscow: International Relations, 2005. 368 p.
2. Keiser D. Polycentric World: Challenges and Prospects for Global Governance // International Processes. - 2020. - Vol. 18. - No. 2. - Pp. 45-62.
3. Mearsheimer J. The Tragedy of Great Power Politics. Moscow: AST, 2015. - 512 p.
4. Patrick S. Erosion of Global Governance: From Unipolarity to Polycentricity // Foreign Affairs. - 2019. - Vol. 98. - No. 3. - Pp. 66-78. (Translated from English)
5. Acharya A. The End of the American World Order. - Cambridge: Polity Press, 2014. - 150 p. (Translated from English: The End of the American World Order. - Moscow: ROSSPEN, 2016. - 192 p.)
6. Buzan, B., Lawson, J. The International System in Global Perspective: Structure, Stratification, and Regions // Review of International Studies. - 2013. - Vol. 39. - No. 5. - P. 1047-1067. (Translated from English)
7. Eichengreen, B. The Globalization of Capital: A History of the International Financial System. - Moscow: Delo, 2009. - 528 p.
8. Haas, R. A World in Disarray: American Foreign Policy and the Crisis of the Old Order. - New York: Penguin Press, 2017. - 368 p. (Translated from English: The World in Chaos. - M.: Eksmo, 2018. - 400 p.)

Эффективность информационных инструментов департамента образования и науки в продвижении комплекса ГТО в общеобразовательных школах Москвы

Аушева Мадина Адамовна
студент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, madina.aush1902@mail.ru

В статье анализируется эффективность информационных инструментов департамента образования и науки города Москвы в продвижении всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» в общеобразовательных школах. На основе обобщения нормативной базы, статистических данных о количестве участников, образовательных организаций и информационных кампаний, а также сопоставления московских показателей со средними значениями для городов миллионников оценивается результативность применяемых цифровых и организационно коммуникативных инструментов и формулируются направления их дальнейшего совершенствования.
Ключевые слова: комплекс ГТО, информационная политика, департамент образования и науки города Москвы, школьный спорт, цифровизация, мотивация учащихся.

История существования комплекс «Готов к труду и обороне» (ГТО) связана еще с советской традицией, однако продолжается и в настоящее время [1; 2]. Сегодня развитие ГТО в России сопровождается масштабным ростом вовлеченности населения: к 2024 г. в системе зарегистрировано 22 млн участников, из которых 13,5 млн выполнили нормативы, а 10,2 млн получили знаки отличия. Показатели демонстрируют сформировавшийся общественный интерес к комплексу, однако именно школа остается основной площадкой, где закладывается регулярная двигательная активность [3]. По стране в 2024 г. комплекс внедрен в 31081 школу из 37624, то есть почти 83% общеобразовательных организаций [4].

Представленные показатели реализации федерального проекта «Спорт – норма жизни» за 2024 г. демонстрируют масштаб и динамику развития комплекса ГТО в стране, отражая как инфраструктурные достижения, так и значительный рост вовлеченности населения [5]. Итог результатов проекта, включая 2673 центра тестирования, 1723 площадки, 22 млн участников, 13,5 млн сдач нормативов и 10,2 млн знаков отличия, подтверждает эффективность государственной политики в развитии массового спорта.

Москва – один из наиболее развитых регионов в части информационного сопровождения ГТО: город стабильно превышает пороговые значения по числу мероприятий, информационных кампаний, цифровых инструментов, количеству центров тестирования и объему вовлечения школьников. Поэтому оценка эффективности информационных инструментов департамента образования и науки Москвы позволяет понять, каким образом информационная политика влияет на реальное участие учащихся в комплексе. Информационная политика в сфере спортивного развития понимается как совокупность инструментов, обеспечивающих доступ граждан к содержательной информации о целях, правилах и преимуществах спортивных программ. В отношении ГТО эта политика опирается на нормативные правовые акты: Указ Президента №172 от 24.03.2014 № 172 «О ВФСК ГТО», Федеральный закон от 4.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», Стратегию развития физической культуры и спорта до 2030 г. Во всех документах подчеркивается, что эффективная коммуникация является условием роста числа участников, формирования мотивации и интеграции комплекса в систему воспитания.

Таблица 1
Итоги реализации федерального проекта «Спорт - норма жизни» по состоянию на 2024 г.

Направление	Показатель	Значение
Кол-во центров тестирования ГТО	Ед.	2673
Кол-во ГТО-площадок	Ед.	1723
Введено в эксплуатацию объектов в 2024 г.	Ед.	55
План по строительству до конца 2024 г.	Ед.	72
Обучено специалистов в 2024 г.	Чел.	7621
План по обучению до 2025 г.	Чел.	48828
Всего участников ГТО	Млн. чел.	22
Выполнили нормативы	Млн. чел.	13,5
Получили знаки отличия	Млн. чел.	10,2

Источник: [6]

Методологически эффективность информационных инструментов оценивается по трем группам признаков: институциональным – насколько системно организована работа; коммуникативным – какие каналы используются и как часто; количественным – насколько растут показатели охвата и активности.

Москва относится к регионам с самым высоким уровнем цифровизации ГТО. В городе работает единая платформа записи на тесты, интеграция с mos.ru, электронным дневником, школьными журналами, а также цифровой кабинет участника, позволяющий отслеживать результаты в режиме реального времени. Дополнительно применяются уведомления, рассылки, телеграм-боты, электронные сертификаты и автоматизированная отчетность школ. По оценке уровня цифровизации Москва входит в группу «высокий уровень» вместе с Санкт-Петербургом и Татарстаном, в отличие от субъектов, где цифровые сервисы ограничены простыми сайтами и ручной регистрацией.

Информационная политика департамента образования и науки строится на массовых мероприятиях. В 2024 г., при пороговом значении 1200 мероприятий для городов-миллионников, Москва провела 1487 мероприятий ГТО, что является максимальным значением среди сопоставимых субъектов (Рис.1). Город также организовал 183 информационные кампании при среднем критерии 150, что подтверждает системность и интенсивность информационной работы. Школьные команды участвуют в городских фестивалях, марафонах, квестах; регулярно публикуются материалы о достижениях учащихся, лучших школах и рекордных результатах. Постоянная медийная активность поддерживает узнаваемость ГТО и способствует росту мотивации.

На уровне школы информация распространяется через классные часы, родительские собрания, школьные сайты, социальные сети, электронные коммуникации и работу координаторов ГТО. Департамент обеспечивает школы методическими материалами, презентациями, сценарием городских недель ГТО и рекомендациями по работе с родителями. В результате комплекс закрепляется не только в рамках уроков физической культуры, но и в системе воспитательной деятельности.

Высокий уровень информационной работы напрямую отражается в динамике показателей. Москва имеет 372 центра тестирования, что составляет одну из крупнейших региональных сетей, встроенную в шаговую доступность для школьников. Для сравнения: по стране создано 2673 центра, поэтому московская доля выглядит значимой и обеспечивает доступность тестирования [4].

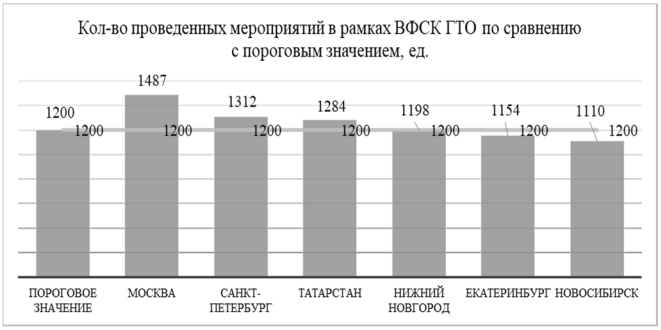

Рисунок 1. Количество проведенных мероприятия ВФСК ГТО в разных городах миллионниках [4]

Количество школ, участвующих в ГТО в РФ, выросло с 1987 в 2015 г. до 31081 в 2024 г., при этом Москвы относится к числу субъектов с практически стопроцентным охватом образовательных организаций. По числу участников Москва также превышает средние значения: при пороговом показателе 285000 участников, Москва имеет 311240, Санкт-Петербург - 295320, Татарстан - 289700 участников, что подтверждает высокую результативность информационной работы [4]. Доля населения, систематически занимающегося спортом, в Москве составляет 42% при пороге 40%, а уровень обеспеченности спортивной инфраструктурой - 94% при пороговом значении 82%, что косвенно отражает влияние информационной среды на установку жителей к активности [7].

Цифровые инструменты позволяют автоматизировать запись, хранение результатов, уведомления и аналитику, что снижает нагрузку на школы и делает участие в ГТО удобным. В регионах с низким уровнем цифровизации (например, Чеченская Республика, Якутия) регистрация проходит вручную, а отчетность передается не полностью, что существенно ограничивает вовлеченность учащихся. В Москве, напротив, информационный процесс выстроен непрерывно: участник видит свои результаты, получает уведомления, может следить за успехами школы и района, что создает мотивационный эффект. Цифровые кабинеты, городские рейтинги, электронные сертификаты и регулярное медийное сопровождение повышают статус участия в ГТО. У школьников формируется ощущение значимости результата, а у родителей - понимание возможностей комплекса (дополнительные баллы, участие в мероприятиях, включенность в городские проекты). Школьные координаторы отмечают, что наличие готовых материалов, городских рекомендаций и цифровых инструментов облегчает организацию мероприятий и делает информационную работу более регулярной [6].

Данное сопоставление позволяет сделать важный промежуточный вывод: цифровизация информационного сопровождения выступает не просто технической модернизацией, а содержательным фактором, изменяющим саму модель взаимодействия участника с комплексом. В условиях ручной регистрации и фрагментарной отчетности ГТО воспринимается школьниками как внешнее, эпизодическое требование; напротив, непрерывная цифровая среда, в которой учащийся видит собственный прогресс, сравнивает результаты и получает обратную связь, трансформирует участие из формальной обязанности в элемент личной траектории физического развития. Иными словами, информационный инструмент в данном случае выполняет не только коммуникативную, но и педагогическую функцию.

Несмотря на высокие показатели развития комплекса, информационная политика в Москве сталкивается с рядом устойчивых трудностей, которые снижают общий потенциал системы [8]. Прежде всего, сохраняется неравномерность активности школ: одни образовательные организации выстраивают развернутую коммуникационную работу и участвуют в большинстве городских мероприятий, тогда как другие ограничиваются формальными объявлениями и минимальным объемом информационных действий, что создает существенный разрыв в уровнях информированности и мотивации школьников разных районов [9].

Дополнительная проблема связана с перегрузкой школьных координаторов ГТО, на которых приходится значительный объем организационной и отчетной деятельности. В условиях плотного расписания и многочисленных административных обязанностей полноценная реализация информационных рекомендаций затрудняется [10]. Особенно остро это проявляется в школах с большой численностью учащихся, где один специалист вынужден совмещать функции организатора, методиста и медиакоммуникатора [4].

К числу не менее значимых ограничений следует отнести недостаточную дифференциацию информационных сообщений по возрастным группам. Существующие материалы преимущественно ориентированы на обобщенного адресата – «школьника», тогда как мотивационные установки учащихся начальной, основной и старшей школы существенно различаются. Для младших школьников наиболее действенными являются игровые и соревновательные форматы, для подростков – социальное признание и элементы самоидентификации через спорт, для старшеклассников – прагматические стимулы, связанные с образовательными перспективами. Отсутствие такой дифференциации снижает адресность информационного воздействия и, как следствие, его результативность в отдельных возрастных группах.

Кроме того, заслуживает внимания проблема информационной «усталости»: при высокой интенсивности кампаний существует риск того, что учащиеся начинают воспринимать сообщения о ГТО как фоновый шум, не требующий реакции. Этот эффект хорошо описан в теории коммуникаций и требует периодического обновления форматов, каналов и стилистики обращений к аудитории.

Дальнейшее повышение эффективности информационных инструментов департамента образования и науки требует комплексного подхода, ориентированного как на цифровое развитие, так и на работу с содержанием и организацией процесса. Перспективным направлением является усиление персонализированных цифровых сервисов, которые могли бы формировать индивидуальные траектории подготовки учащегося, предлагать рекомендации, фиксировать динамику результатов и включать элементы геймификации, делая участие в ГТО более интерактивным и привлекательным [11].

Не менее важным является расширение программ поддержки школьных координаторов: повышение квалификации по работе с цифровыми ресурсами, создание медиа-библиотек, автоматизация отчетности и формирование городских консультационных центров способны значительно снизить нагрузку на педагогов и обеспечить более высокое качество информационной работы [12]. Для старшеклассников целесообразно формировать прямую связку между ГТО и образовательными преимуществами, включая дополнительные возможности в конкурсных программах, проектных сменах или при поступлении, что соответствует выявленным мотивационным особенностям данной возрастной группы.

Отдельного внимания заслуживает развитие семейных форматов, которые могут включать городские семейные недели ГТО, тематические конкурсы и совместные мероприятия родителей и детей. Их внедрение позволяет закрепить ценности комплекса не только в рамках школьной среды, но и в домашнем окружении, повышая устойчивость участия обучающихся [10]. Важным направлением является и расширение партнерств со спортивными федерациями, вузами и работодателями, что способствует обогащению информационного поля новыми возможностями и повышению общественного престижа комплекса ГТО.

Также следует отметить потенциал использования данных, накапливаемых цифровыми платформами, для целей управления информационной политикой. Агрегированная аналитика (распределение участников по школам, районам, возрастным группам, динамика регистраций после конкретных информационных кампаний) способна стать основой для принятия обоснованных управленческих решений. Переход от интуитивного планирования информационных мероприятий к доказательному, основанному на данных подходу (*data-driven*) представляется одним из наиболее перспективных направлений совершенствования системы.

Помимо этого, целесообразно рассмотреть возможность введения механизмов обратной связи от самих учащихся: коротких опросов после тестирования, оценки информационных материалов, предложений по формату мероприятий. Включение школьников в процесс совершенствования информационной среды не только повышает качество коммуникации, но и формирует у них субъектную позицию по отношению к комплексу, что само по себе является значимым воспитательным результатом.

Выводы

Информационные инструменты департамента образования и науки Москвы демонстрируют высокую результативность, что подтверждается объективными количественными данными.

Представленные в статье показатели отражают сформированную устойчивую информационную среду, в которой сообщения о ГТО присутствуют постоянно и воспринимаются как неотъемлемая часть городской образовательной системы. Сочетание развитых цифровых платформ, активной медийной составляющей, внутришкольной коммуникации и межведомственного взаимодействия создает условия, при которых комплекс ГТО перестает быть разовой акцией и становится привычной частью школьной жизни.

В более широком контексте московский опыт демонстрирует, что информационная политика в сфере массового спорта наиболее эффективна тогда, когда она перестает быть автономной функцией и интегрируется в общую образовательную и воспитательную среду. Именно системность (сочетание цифровых сервисов, методической поддержки, событийной активности и межведомственного взаимодействия) обеспечивает тот кумулятивный эффект, который фиксируется в количественных показателях.

Дальнейшее развитие этой модели может быть полезно не только для других регионов России, но и для продвижения иных массовых социальных программ, где вовлеченность населения является ключевым условием успеха.

Вместе с тем дальнейшее развитие системы информационного сопровождения комплекса ГТО в московских школах требует целенаправленных усилий по нескольким взаимосвязанным направлениям:

1) персонализация цифровых инструментов: переход от унифицированных уведомлений к индивидуальным рекомендациям, учитывающим возраст, уровень подготовки и историю участия школьника;

2) развитие семейных форматов участия, которые закрепляют ценности физической активности за пределами школьной среды и формируют поддерживающую домашнюю среду;

3) системная поддержка школьных координаторов через автоматизацию отчетности, создание методических ресурсов и снижение административной нагрузки.

Реализация этих направлений в совокупности позволит не только сохранить положительную динамику вовлеченности, но и качественно изменить характер участия школьников в комплексе ГТО: от эпизодического выполнения нормативов к формированию устойчивой физической культуры.

Литература

1. Колодкин А. С. Исторический аспект подготовки молодежи к сдаче норм и требований комплекса ГТО / А. С. Колодкин, И. А. Галкин, А. О. Почашев // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 1-1(88). – С. 140-142.

2. Оразмурадова З. А. История возникновения и развития комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО) / З. А.

Оразмурадова, Е. В. Зазулина // Материалы Ивановских чтений. – 2022. – № 4(39). – С. 61-62.

3. Лаенко Е. Д. Роль и значение ГТО в современном обществе // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 111-6. – С. 46-50.

4. Мониторинг реализации комплекса ГТО в регионах. Аналитический центр при Правительстве РФ, 2023. – Текст электронный. – Режим доступа: https://ac.gov.ru/files/publication/a_gto_regions2023.pdf. – Дата обращения: 07.12.2025.

5. Билалов И. Н. Современные проблемы и перспективы развития Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «готов к труду и обороне» (ВФСК ГТО) / И. Н. Билалов, Т. М. Трегубова // Актуальные вопросы дополнительного профессионального образования в сфере физической культуры и спорта: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 15 ноября 2023 года. – Краснодар: Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, 2023. – С. 322-325.

6. Национальный проект «Демография». Федеральный проект «Спорт – норма жизни». – Текст электронный. – Режим доступа: https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/demografiya/sport_norma_zhizni/. – Дата обращения: 07.12.2025.

7. Гребенников А. И. Значение комплекса ГТО в формировании положительной мотивации школьников к занятиям физической культурой / А. И. Гребенников, К. П. Полонецкая // Перспективные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей международной научной конференции, Санкт-Петербург, 21 декабря 2024 года. – Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью «Международный институт перспективных исследований имени Ломоносова», 2024. – С. 15-16.

8. Пушкарева Л. Г. Продвижение ВФСК ГТО в современных мессенджерах / Л. Г. Пушкарева, А. Д. Паутов // Вестник Сибирского государственного университета физической культуры и спорта. – 2024. – № 1(10). – С. 62-66.

9. Подберезко Н.А. Эффективность реализации ВФСК ГТО в Сибирском федеральном округе на примере Алтайского края / Н. А. Подберезко, И. И. Самсонов, К. Г. Клецов, Е. А. Труевцева // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2023. – № 1(215). – С. 384-390.

10. Радченко Д. Г. Комплекс ГТО у студентов: результаты внедрения, проблемы и перспективы совершенствования / Д. Г. Радченко // Актуальные проблемы авиации и космонавтики: Сборник материалов XI Международной научно-практической конференции, посвященной Дню космонавтики и 10-летию науки и технологий. В 3-х томах, Красноярск, 07–11 апреля 2025 года. – Красноярск: Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнева, 2025. – С. 1236-1238.

11. Сандраков М. С. Подготовка школьников 16-17 лет к сдаче обязательных испытаний комплекса ГТО / М. С. Сандраков, И. И. Болдырев, М. А. Лымарь // Современная система физкультурного образования: традиции и инновации: Материалы Международной научно-практической конференции, Воронеж, 25 апреля 2025 года. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2025. – С. 3-6.

12. Колодкин А. С. исторический аспект подготовки молодежи к сдаче норм и требований комплекса ГТО / А. С. Колодкин, И. А. Галкин, А. О. Почашев // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 1-1(88). – С. 140-142.

Efficiency of information tools of the Moscow department of education and science in promoting the GTO complex in general education schools

Ausheva M.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article examines the effectiveness of information tools used by the Moscow Department of Education and Science to promote the all-Russian physical training and sports complex «Ready for labor and defense» (GTO) in general education schools. Based on an overview of the regulatory framework, statistical data on the number of participants, educational institutions, and information campaigns, as well as a comparison of Moscow's results with the average indicators of million-plus cities, the study evaluates the performance of applied digital and organizational-communicative tools and outlines directions for their further improvement.

Keywords: GTO complex, information policy, Moscow Department of Education and Science, school sports, digitalization, student motivation.

References

1. Kolodkin A. S. Historical aspect of preparing young people to pass the standards and requirements of the GTO complex / A. S. Kolodkin, I. A. Galkin, A. O. Pochashev // International journal of humanitarian and natural sciences. - 2024. - No. 1-1 (88). - P. 140-142.

2. Orazmuradova Z. A. History of the emergence and development of the Ready for Labor and Defense (GTO) complex / Z. A. Orazmuradova, E. V. Zazulina // Proceedings of the Ivanovo Readings. - 2022. - No. 4 (39). - P. 61-62.

3. Laenko E. D. The role and significance of GTO in modern society // Trends in the development of science and education. - 2024. - No. 111-6. - P. 46-50. 4. Monitoring the Implementation of the GTO Complex in the Regions. Analytical Center under the Government of the Russian Federation, 2023. – Electronic text. – Access mode: https://ac.gov.ru/files/publication/a_gto_regions2023.pdf. – Date of access: 07.12.2025.

5. Bilalov I. N. Current problems and prospects for the development of the All-Russian physical education and sports complex "Ready for Labor and Defense" (VFSK GTO) / I. N. Bilalov, T. M. Tregubova // Current issues of additional professional education in the field of physical education and sports: Materials of the All-Russian scientific and practical conference, Krasnodar, November 15, 2023. – Krasnodar: Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism, 2023. – pp. 322-325.

6. National project "Demography". Federal project "Sport is the norm of life". – Electronic text. – Access mode: https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/demografiya/sport_norma_zhizni/. – Date of access: 07.12.2025.

7. Grebennikov A. I. The Importance of the GTO Complex in Forming Positive Motivation of Schoolchildren for Physical Education / A. I. Grebennikov, K. P. Polonetskaya // Advanced Scientific Research: Current Issues, Achievements, and Innovations: Collection of Articles from the International Scientific Conference, St. Petersburg, December 21, 2024. – St. Petersburg: Limited Liability Company "Lomonosov International Institute for Advanced Studies", 2024. – pp. 15-16.

8. Pushkareva L. G. Promotion of the All-Russian Physical Culture and Sports Complex GTO in modern instant messengers / L. G. Pushkareva, A. D. Pautov // Bulletin of the Siberian State University of Physical Education and Sports. - 2024. - No. 1 (10). - P. 62-66.

9. Podberezko N. A. Efficiency of the implementation of the All-Russian Physical Culture and Sports Complex GTO in the Siberian Federal District on the example of Altai Krai / N. A. Podberezko, I. I. Samsonov, K. G. Kletsov, E. A. Truevtseva // Scientific Notes of P. F. Lesgaft University. - 2023. - No. 1 (215). - P. 384-390. 10. Radchenko D. G. The GTO complex for students: implementation results, problems and prospects for improvement / D. G. Radchenko // Actual problems of aviation and cosmonautics: Collection of materials of the XI International scientific and practical conference dedicated to Cosmonautics Day and the 10th anniversary of science and technology. In 3 volumes, Krasnoyarsk, April 7–11, 2025. - Krasnoyarsk: Siberian State University of Science and Technology named after academician M.F. Reshetnev, 2025. - P. 1236-1238.

11. Sandrakov M. S. Preparation of 16-17 year old schoolchildren for passing compulsory tests of the GTO complex / M. S. Sandrakov, I. I. Boldyrev, M. A. Lymar // The modern system of physical education education: traditions and innovations: Proceedings of the International scientific and practical conference, Voronezh, April 25, 2025. - Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 2025. - Pp. 3-6.

12. Kolodkin A. S. Historical aspect of preparing young people for passing the norms and requirements of the GTO complex / A. S. Kolodkin, I. A. Galkin, A. O. Pochashev // International journal of humanitarian and natural sciences. - 2024. - No. 1-1 (88). - Pp. 140-142.

Информационная война как угроза национальной безопасности Российской Федерации

Гараева Алина Николаевна
аспирант кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения, Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова,
alina.garaeva99@yandex.ru

Колобова Светлана Анатольевна
доктор политических наук, доцент, профессор, декан Высшей школы международных отношений и мировой политики, Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова

Предпринимается попытка осмысления понятия информационной войны как угрозы национальной безопасности в российском контексте. На примере актуальных международных событий рассматривается вопрос о принципах и методах ведения информационных войн: пропаганда, психологическое воздействие, дезинформация, информационно-идеологическая экспансия, информационно-культурная и экономическая блокада, кибератаки. Автором делается вывод о возрастающей важности данной сферы безопасности Российской Федерации и приводятся примеры мероприятий, проводимых с целью противодействия информационным войнам и укреплению информационной безопасности.
Ключевые слова: информационная война, Российская Федерация, США, международная информационная безопасность, психологическое воздействие, фейковые новости, дезинформация, пропаганда.

Введение

Прежде, чем начать разговор об информационном противоборстве и проблеме международной информационной безопасности, важно отметить, что на современном этапе развития международных отношений под влиянием такого процесса как глобализация, информатизация нашего общества привела к созданию единого глобального информационного пространства, где главным стратегическим национальным ресурсом становится информация и информационные технологии.

На сегодняшний день государствам необязательно обладать военной и экономической мощью, которая являлась приоритетом несколько лет назад. Теперь уровень развития информационного потенциала государства определяет его место в сложившейся системе международных отношений. Борьба за обладание и удержание информационного превосходства занимает одно из важнейших мест в геополитическом противостоянии стран.

Наиболее опасным явлением в информационной сфере является информационная война. Принято считать, что информационная война представляет собой обыкновенное нанесение ущерба информационно-телекоммуникационным системам, хакерские или кибератаки. На самом деле, данное понятие охватывает широкий комплекс мер и способов воздействия, которые оказывают прямое влияние на национальную безопасность государств и ведут подрывную деятельность посредством пропаганды, дипломатии, психологических кампаний, культурной и экономической экспансии, кибератак, и направлены на массированную психологическую обработку населения с целью вывода из строя работы государственных структур.

Методы ведения информационной войны

Наиболее распространенным и эффективным методом информационной войны считается **пропаганда и психологическая война.** В широком смысле это целенаправленное использование пропаганды, а также психологических, дипломатических, военных, экономических и иных средств для воздействия на мнение и поведение противника. Главной целью психологического воздействия является изменение модели мышления и поведения людей, а также групповых норм и общественного сознания в выгодном для противника направлении. Подобные мероприятия сказываются на возможности адекватно воспринимать происходящие события и принимать внутри- и внешнеполитические решения

Примером первой в мире информационно-психологической войны могут служить военные действия США против Ирака в 1991 году, где одним из наиболее эффективных средств воздействия на психологию населения была радиопропаганда, для осуществления которой американцами была разработана доктрина, получившая название Shock and awe («Шок и трепет») [1, С. 3]. Основными целями американцев на Ближнем Востоке, исходя из положений данного документа, выступали: защита Саудовской Аравии, ОАЭ, Катара и Омана от режима Саддама Хусейна; возврат независимости Кувейту; свобода западным судам в районе Персидского залива; демократизация Ирака. Для достижения поставленных целей США осуществили «мощную» психологическую кампанию.

Для эффективности ее проведения был задействован 8-ой батальон из состава 4-ой группы американских офицеров психологических операций, а также специально подготовленная рабочая группа, сформированная в

штабе командования многонациональных сил в Эр-Рияде (Саудовская Аравия) и состоящая из офицеров, отвечающих за психологические операции. В их расположении находились типографии, радиостанции и звуковещательные системы, которые принимали сигналы и радиопередачи, транслируемые коалицией. С 1 января 1991 года радиостанция ВВС увеличила время вещания на арабском языке с 3 до 10 часов в день, а на территории стран, граничащих с Ираком, транслировались передачи радиостанции «Голос свободного Ирака», которые пропагандировали мощь армии США, ее вооружение и военную технику, демонстрировали высокий уровень образования американских военнослужащих, а также критиковали режим Саддама Хусейна.

Во время операции «Буря в пустыне» (Ирак, 1991 год) была распространена не только радиопропаганда, но и печатная и устная пропаганда, эффективность которой сложно недооценить. С помощью Военных Воздушных Сил коалиционной группировки на Ирак и Кувейт было сброшено более 30 миллионов листовок, содержание которых звучало следующим образом: «Сопротивление бесполезно!», «Разгром неизбежен!», «Лучше сдаться в плен» [4, С. 6]. Более 90% опрошенных иракских военнопленных верили в достоверность данной информации, что и побудило их дезертировать. С помощью звуковещательной системы, установленной на вертолете, после проведения передачи «Неизбежность прихода смерти с небес» батальон иракской армии был убежден сдаться. «Эффективное» сочетание радиопропаганды, печатных материалов и психологического воздействия, подкрепленного постоянными бомбардировками и обстрелами, побудило иракские ВС сдаться в плен, а американцам использовать совершенно новые методы ведения информационной войны [13, С. 444].

Следующим методом выступает **дезинформация и распространение фейковых новостей**, целью которого является дестабилизация политических отношений (в партиях, объединениях, движениях) для разжигания конфликтов и создания обстановки недоверия и подозрительности, формирования образа врага. Это распространение искаженной или заведомо ложной информации в пропагандистских, военных (введение противника в заблуждение) или других целях, а также предоставление ложной информации противнику [5, С. 12].

На сегодняшний день психологическое воздействие и дезинформация являются наиболее распространенными методами ведения информационной войны, которые встречаются повсеместно и необходимы для создания образа врага отдельных государств в глазах мировой общественности.

Искажение действительности в пропагандистских целях – традиционный прием информационной войны. Например, можно вспомнить широко растиражированные в США в 1990 году, накануне операции «Буря в пустыне, свидетельства 15-летней кувейтской девочки о том, как иракские солдаты разоряли кувейтские роддома. Впоследствии выяснилось, что девочка была дочерью кувейтского посла в США и не находилась в Кувейте в момент иракского вторжения, а ее свидетельства были инсценированы пиар-компанией, нанятой правительством Кувейта. Пропаганда всегда была особенно активна накануне и во время войн. Однако образ сегодня, благодаря прогрессу техники, обогнал по степени реальности факт, и факт стал вторичен, а образ первичен, даже в случае своего полного несоответствия фактам. Нужный образ делают ярким, а ненужный факт – неясным, дискуссионным или вообще несуществующим [8, С. 234].

Другим примером может служить Боснийская война 1992-1995 годов. Для того, что создать образ врага в роли Сербии, были проведены массовые информационные кампании. К примеру, начиная с 1992 года, западными СМИ постоянно публиковалась информация, которую выдавали за правду, зная, что это прямая ложь. Телевизионная компания США, которая носит название Independent Television Network, транслировала фотографии сербского «Лагеря смерти» [16, С. 23], где, как позже выяснилось, старик-босниец в традиционной сербской одежде рассказывал о жизни «за проволокой» [7, С. 11]. Необходимо было довести до общественности, что данный лагерь был создан сербами с целью издевательства над местными жителями. Спустя несколько лет лишь в 2008 году после обнародования достоверной информации выяснилось, что это был пункт (школа) для помощи сербским беженцам, бежавшим из Боснии. Натянутая проволока вокруг школьного двора пыталась уберечь детей от случайного выхода за территорию лагеря. Однако для Конгресса США данная дезинформация стала официальным поводом для американских законодателей занять и пропагандировать открытую антисербскую позицию во время боснийской войны. Им удалось заставить мир поверить в то, что они выступают в качестве защитника мусульман и ведут «гуманитарную войну». Постоянное разжигание антисербской истерии, искаженных фактов, необъективных цифр (то есть дезинформация) привело к силовому методу урегулирования конфликта и создании образа врага среди невинного населения [12, С. 148].

Примером **фальсификации** информации и распространения «фейковых новостей» может служить грузино-осетинский конфликт в 2008 году. Мировые СМИ начали внимательно следить за ходом конфликта после расположения российских миротворцев на территории Южной Осетии. Грузинское руководство с самого начала конфликта перестало транслировать российские телевизионные каналы, а веб-сайты с расширением .ru. было немедленно заблокированы. Заявления Грузии об осадном положении и наступлении войск РФ, о совершенных российскими солдатами «зверствах» (этнические чистки) над мирным населением, а также об обстреле некоторых грузинских городов вызвали резонанс среди мировой и российской общественности [9, С. 15].

Образ жертвы в лице Грузии сыграл важную роль в эскалации конфликта и распространении заранее подготовленной сфальсифицированной информации, благодаря которой западные СМИ расценивали Россию, как государство, вмешавшееся во внутригосударственный конфликт. Более того, по официальным данным американской газеты The Washington Post и британской The Times, у Грузии были многочисленные контракты с пиар-агентствами, которые описывали подробности, в несколько раз преувеличенные, хода военных действий [14, С. 145]. Благодаря американской поддержке, Грузия смогла осуществить несколько мероприятий с использованием фейк-новостей: это, прежде всего, образ агрессора со стороны РФ и вмешательство во внутренние дела Грузии; фальсификация хронологии событий; искажение действительной информации (завышали потери ВС); фальсифицирование фактов жестокого отношения российских миротворцев к местному грузинскому населению.

В роли третьего метода информационной войны многие ученые [15, С. 234] выделяют **«навязывание идеологии»** или **«информационно-идеологическую экспансии».**

Это воздействие на сознательные (подсознательные), политические и ценностные ориентации объектов (или же групп объектов) посредством распространения и навязывания взглядов, идей и учений с целью формирования мировоззрения, соответствующего интересам влияющей стороны.

Здесь важную роль играют социальные сети, медиаресурсы, чьи площадки можно использовать для распространения своих идей и навязывания их обществу разных

стран. Целевой аудиторией подобных медиа и телеканалов выступает молодежь, в умах которых формируются новые идеологические установки, выгодные для пропагандирующих их стран. К примеру, в США при Государственном Департаменте был создан Офис по вопросам цифрового взаимодействия, в обязанности рабочей группы которого входит взаимодействие с иностранной аудиторией и промывка мозгов.

Ярким примером может служить процесс глобализации и вестернизации, и, например, ситуация вокруг Китайской Республики (Тайвань). Решение об отделении от Китайской Народной Республики было принято еще в 1949 году, но окончательное оформление о его независимости приходится на конец 20-го века. Несмотря на то, что Китай не при каких обстоятельствах не признает независимость Тайваня, США активно вмешивается в решение данного вопроса, настраивая Тайваньское правительство против режима, господствующего на территории КНР. В 2008 году на выборах Президента Китайской Республики (Тайвань) американский Офис цифрового взаимодействия использовал всевозможные методы для вселения ссоры в отношения двух стран и обеспечения сотрудничества США и Тайваня через завоевание симпатий со стороны местных жителей [11, С. 170]. В массовые скопления людей были доставлены специальные американские газеты, в которых подробно описывались идеи американской демократии и ценностей их народа. Многие школы и университеты обучались по американским учебникам, где искаженная история Тайваня преподносится для молодежи с точки зрения разрешения конфликта с помощью демократизации и помощи США [2, С. 3–6]. Создание образа «спасителя» со стороны США, распространение идей американского народа, пропаганда собственной идеологии и образа жизни послужили неким толчком для переноса ценностных ориентиров на молодежь Тайваня, которые они охотно переняли и используют по сей день. Более 80% опрошенных Тайванцев считают, что внедрение демократии – это важный шаг на пути «к свободе», который может привести к военным столкновениям между Китаем и Тайванем.

Следующим методом выступает **«информационно-экономическая блокада» и «информационный империализм».**

Зависимость современного экономического сектора от информационных технологий побуждает правительства некоторых стран к ведению информационных экономических войн. Информационная блокада становится неуязвимым и эффективным методом, так как она носит скрытый характер и проникает в информационные сети (вместо ввода санкций или эмбарго) противника без возможности отслеживания. Наблюдается тенденция к обеспечению зависимости материальных поставок от непрерывной работы информационных потоков, поэтому стабильность экономического сектора зависит от доступа к информационным ресурсам.

Отличным примером глобализации информационных экономических рынков может служить международная телекоммуникационная банковская система SWIFT. С одной стороны, данная система очень надежна и обеспечивает работу только сертифицированных банков, а любой «нарушитель порядка» или попытка взлома грозит удалением из данной системы.

Главными плюсами данной системы являются: интеграция финансовых институтов различных стран в международную финансовую систему и оперативный способ получения и обмена экономически важной информацией. Однако данная система выступает в роли лица, управляющего мировой валютно-финансовой ситуацией, что можно наблюдать на примере «замораживания» иранских вкладов и невозможности иранских руководителей распоряжаться своими счетами, что впоследствии привело к обострению иранско-американских отношений.

Таким образом, исходя из вышесказанного, можно отметить, что информационная война не ограничивается кибератаками и хакерскими взломами. Данное понятие гораздо обширнее и представляет угрозу национальной безопасности государств.

Информационная война в контексте Российской Федерации

Сегодня Российская Федерация также рассматривает данную угрозу в качестве приоритетной. В общем виде, угрозы национальной безопасности России в информационной сфере представляют собой деятельность иностранных государств, террористических организаций и преступных группировок с целью вывода из строя российских информационных систем, нарушения суверенитета, территориальной целостности, изменения конституционного строя страны, невозможности реализации национальных интересов России, подрыва традиционных ценностей, основ жизни граждан, а также психологического воздействия.

Несмотря на многообразие методов ведения информационных войн, которые ранее упоминались в статье, необходимо отметить способы применения этих методов на практике и опасность, которую они представляют для системы национальной безопасности России:

Информационно-психологические угрозы – неверное истолкование концепций и стратегий и их внедрение в интеллектуальную среду страны с целью ослабления оборонного потенциала нации и вывода из строя системы государственного управления. Основными целями выступают: дестабилизация внутриполитической обстановки в стране; возможность прихода к власти прозападного режима; распространение идей о нелегитимности действующего Правительства; формирование протестных настроений среди российской общественности.

Например, 23 июня 2020 года Федеральное Агентство Новостей опубликовало отчет о финансировании Вашингтоном неправительственных организаций, находящихся на территории России и поддерживающих оппозиционные настроения. В число таких организаций вошли: движение «Солидарность», созданное в 2008 году при поддержке Бориса Немцова американскими спецслужбами; «За права человека» Льва Пономарева, «Голос», а также «Штабы» Алексея Навального, который активно проводил антиправительственную политику в 2020-2021 годах. Госдеп США проводил финансирование российской оппозиции (несколько сотен миллионов долларов) с помощью United States Agency for International Development («Агентство по международному развитию») через фонд National Endowment for Democracy («Национальный фонд демократии»), который ежегодно выделял более ста грантов на оппозиционные программы.

Информационно-когнитивные угрозы – воздействие на сознание населения, смены его мировоззрения, ценностей, манипулирование общественным мнением, и навязывание новой картины мира и мотивов поведения через средства массовой коммуникации, социальные сети, печатные и электронные издания. Основные цели: разрушение национальных ценностей и навязывание прозападных идеалов и моделей поведения; деструкция мировоззрения и миропонимания российской молодежи; кризис государственной идеологии, деформация системы норм и ценностей.

Угрозы демографическому суверенитету. Информационное воздействие неправительственных организаций оказывает прямое влияние на демографический по-

тенциал страны с целью подрыва демографических показателей России, а также: снижения численности населения; создания обстановки социальной напряженности в стране; развала традиционного института семьи и искоренения семейных ценностей; получения преимуществ западных стран в демографических показателях и сохранения конкурентоспособности в глобальном масштабе.

Используя средства массовой информации, площадки виртуального общения, рассылки, новостные паблики, социальные сети, а также тактические медиа, происходит информационная деятельность, направленная на нейтрализацию мужского начала у мужчин, подавление женского начала, создание конфликтности в отношении холостых людей и людей, уже состоящих в браке, на пропаганду однополых браков, что, в конечном итоге, приводит к расслоению населения на определенные группы и усиливает враждебные настроения между ними, которые влияют на рост или снижение уровня населения.

Угрозы территориальной целостности и суверенитету. Современные информационные войны, которые ведутся против России направлены на: вывод из строя российских информационных систем; реализацию возможности изменения конституционного строя страны; невозможность реализации национальных интересов России; распространение террористических организаций и преступных группировок на территории страны.

Российские инициативы по вопросам международной информационной безопасности (МИБ) в рамках ООН

Информационную безопасность принято рассматривать как наиболее важную часть осуществления внешней и внутренней политики любого государства, где наиболее важным элементом выступают национальные интересы, их реализация, охрана и продвижение на глобальном уровне.

Несмотря на то, что феномен проблематики МИБ существует достаточно давно, по-прежнему не существует единства мнений относительно терминологии в рассматриваемой сфере. В начале 1990-х годов, когда информационная безопасность стала объектом политологических работ, под ней понимали сферу отношений, противопоставленную информационной войне. Принципиальное отличие сущности современного понятия «информационная безопасность» и вкладываемого в него формального наполнения объясняется спецификой подхода к изучению МИБ, сложившегося почти два десятилетия назад.

Впервые в научно-аналитической литературе вопрос информационной безопасности (кибербезопасности) был затронут американским ученым Дж. Наем, автором концепции «мягкой силы» государства, в рамках работы «Будущее силы в XXI веке» [6, С. 20]. Най освещает беспрецедентное формирование новой концепции в международных отношениях – концепции киберсилы, смысл которой заключается в способности оказывать влияние на политическую, социальную и экономическую сферы международного сообщества через интернет-пространство.

Сегодня, когда вызовы глобальной информатизации становятся одной из главных проблем международной повестки дня, а информационное пространство и его террористическое осмысление – предметом ряда исследований, интерес российской общественности, политического сектора и представителей экспертного сообщества к проблематике МИБ неизменно растет. Как объект приложения интересов всех мировых акторов, МИБ способствовала формированию новой сферы, ставшей не только широким полем сотрудничества, но и источником новых противоречий.

Первой в мире страной, которая «забила тревогу» и начала выносить вопросы обеспечения ИБ на мировую площадку, была Россия. Наша страна – единственная в мире, которая самостоятельно разработала концепцию МИБ и выступила с ней в ООН. Дабы не углубляться в основные положения резолюции, важно отметить ее главные моменты – это предложение по контролю информационного оружия, равноправное владение этим оружием и невозможность применения оружия государствами друг против друга.

В свою очередь, представители российского экспертного сообщества смотрят на эту проблему гораздо шире, чем представители стран западного сообщества. Это отражается на эффективности российской внешней политики в данном направлении: в вопросах обеспечения МИБ Россия исходит из необходимости усиления контроля над Интернетом, демилитаризации информационного пространства, а также разработки определенных правил поведения в цифровой среде. Однако в то же время отсутствие согласованной позиции между Россией и Западом отдаляет перспективы введения единых принципов поведения.

Транснациональный характер информационного пространства определяет природу появляющихся в цифровой среде вызовов и угроз. В связи с этим проблема обеспечения режима МИБ и противодействия информационной преступности подчеркивает важность организации международного сотрудничества, учитывающего особенности информационного пространства и опирающегося на нормы международного права.

Как известно, Россия в течение многих лет указывала на необходимость взаимодействия и на сегодняшний день остается главным инициатором открытого диалога и продвижения норм и правил кибербезопасности, используя все существующие механизмы – от двусторонних переговоров с другими государствами и рассмотрения на полях различных форумов, таких как G20 и БРИКС, и до региональных интеграционных объединений и международных организаций.

Начиная с 1998 года, когда Россия впервые внесла на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН проект резолюции «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной информационной безопасности», стало очевидно стремление российской стороны создать всеобъемлющие условия для формирования системы МИБ, а впоследствии – доказать всем участникам мирового сообщества, что угрозы в информационном пространстве сопоставимы по масштабу и последствиям с угрозами применения ядерного оружия. Неслучайно многие журналисты со всего мира нередко сравнивают проблему кибербезопасности с третьей мировой войной. Действительно, взаимодействие и равноправное стратегическое партнерство – это ключевое условие поддержания порядка и стабильности в цифровой среде. Информационная политика России и ее позиция по МИБ преследуют целью не развитие аналогичной противостоянию времен холодной войны системы международных отношений, а создание объединяющей площадки для практического сотрудничества и конструктивного открытого диалога.

Так, например, благодаря многолетним усилиям и активному участию России в вопросе обеспечения МИБ и мирного развития информационной среды, в ООН создается важный с дипломатической и политической точки зрения переговорный механизм – рабочая группа открытого состава (РГОС), пришедшая на смену ранее действовавшей Группы правительственных экспертов, которая прекратила свою работу ввиду ряда противоречий между участниками (США и их союзниками с одной стороны, и Россией, БРИКС и развивающимися странами – с другой). Несмотря на по-прежнему существующие разногласия, формирование РГОС – большой успех для российской

стороны, которая остается главным идеологом продвижения вопросов МИБ.

Россия неоднократно обращалась к государствам — членам ООН с вопросом о целесообразности создания международно-правового режима противодействия преступности с использованием ИКТ. С момента официальной постановки вопроса перед ООН российская резолюция по МИБ ежегодно принимается ГА ООН (в период с 1971 года по сегодняшний день их было принято более сорока, в частности последние «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» и «Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях»), а положения документа постоянно развиваются и дополняются идеями, отвечающими безопасности мирового сообщества.

Не стал исключением текст резолюции «Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях», закрепивший принципиально важные положения об исключительно мирном использовании ИКТ, действие общепризнанных принципов международного права в информационном пространстве, обладание государственным суверенитетом над ИКТ-инфраструктурой на своей территории, запрет на ничем не подкрепленные обвинения в кибернападении и ряд других.

В этой связи стоит отметить и тот вклад, который Россия внесла в развитие терминологии ООН по МИБ. В ответ на революционные действия в ходе «арабской весны», когда социальные сети выступали инструментом обеспечения интересов и координации деятельности протестных режимов, Россия дополнила уже существующую так называемую «триаду угроз» новыми элементами, а именно: опасность вмешательства во внутренние дела суверенного государства посредством ИКТ, нарушение общественной стабильности и разжигание межэтнической, межнациональной розни. Тем не менее миротворческая киберконцепция России не соответствует позиции ряда государств во главе с США, которые опасаются потерять контроль и влияние в ИКТ-сфере и ограничить свои возможности, что в результате приводит к торможению процесса принятия и реализации российских инициатив по данному вопросу.

Заключение. Информационная война на сегодняшний день является актуальной и неотъемлемой составляющей международных отношений. Учитывая вовлеченность Российской Федерации в международные процессы, в том числе и конфликты, проблема информационных войн против России становится все более актуальной. Проанализировав на исторических примерах методы, механизмы ведения информационных войн, в том числе против России, невозможно переоценить важность внедрения новых и поддержку уже существующих практик и мер, способных в перспективе обеспечить информационную безопасность РФ и ее граждан. Сегодня проблема информационных войн уже приобрела глобальный характер, и полное ее разрешение возможно лишь усилиями всех участников мирового сообщества

Литература

1. Blakesley P. J. Shock and awe: A Widely Misunderstood Effect. United States Army Command and General Staff College, 2004.
2. Carter J. U.S. Course in a Changing World // Department of State Bulletin. 2008. V. 80. № 2038. P. 3–7.
3. Harlan K. Ullman, James P. Wade. Shock and Awe: Achieving Rapid Dominance. – Center for Advanced Concepts and Technology, For sale by the U.S. G.P.O., Superintendent of Documents, 1996. – 199 p.
4. Lazarsfeld R., Merton R.K. Mass Communication, Popular Taste, and Organized Social Action. New York IK college, 2004. – 17 p.
5. Linebarger P. M. A. Psychological warfare. United States Army Command and General Staff College, 2010.
6. Nye J.S. The Future of Power. New York: Public Affairs, 2010.
7. Schoen F. & Lamb Ch.J. Deception, Disinformation, and Strategic. Communications: How One Interagency Group. Washington, D.C.: National Defense University Press, 2012. 155 p.
8. Барабаш В.В., Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А. Государственная пропаганда и информационные войны. Учебное пособие. – М.: АИРО-XXI, 2015. – 400 с.
9. Блиев М.М. Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений. М.: Европа, 2006. 468 с.
10. Гриняев С.Н. Информационная война в ходе агрессии США, Великобритании и их союзников против Ирака. Аналитический доклад. – Москва, 2010. – 118 с.
11. Гришин С.Е. Формирование культуры кибербезопасности в обществе – актуальная задача современности // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2011. № 4 (38). С. 170– 173.
12. Засурский Я.Н. Техника дезинформации и обмана. М.: Мысль, 2010. 246 с.
13. Ламанова Е.В. Психологическая война: теория и практика обработки массового сознания. М.: Центрполиграф, 2013. – 667 с.
14. Михайленко Т.А. Особенности информационной войны в современном мире. На примере грузино-южноосетинского конфликта в августе 2008 года. Журнал Факультета государственного управления МГУ «Государственное управление. Электронный вестник», Выпуск № 19 (июнь 2009).
15. Новые вызовы и угрозы безопасности РФ в условиях глобальных и локальных трансформаций: монография / кол. авторов ; под общ. ред. С.В. Устинкина, А.В. Никитина. — Москва: РУСАЙНС, 2023. – 388 с.
16. Савинова А.А. Политический медиадискурс в эскалации этнического конфликта в Косово//Коммуникология: электронный научный журнал. Том 5. №1. С. 45-49.

Information warfare as a threat to the national security of the Russian Federation

Garaeva A.N., Kolobova S.A.

Linguistics University of Nizhny Novgorod

This article attempts to understand the concept of information warfare as a national security threat in Russia. In the context of current international events, the impact of the question of the principles and methods of waging information warfare is explored: propaganda, psychological warfare, disinformation, information and ideological expansion, information, cultural, and economic blockade, and cyberattacks. The author draws conclusions about the waning importance of this area of Russian security and the measures taken to counter information warfare and information security.

Keywords: information warfare, the Russian Federation, the USA, international information security, psychological influence, fake news, disinformation, propaganda.

References

1. Blakesley P. J. Shock and awe: A Widely Misunderstood Effect. United States Army Command and General Staff College, 2004.
2. Carter J. U.S. Course in a Changing World // Department of State Bulletin. 2008. V. 80. № 2038. P. 3–7.
3. Harlan K. Ullman, James P. Wade. Shock and Awe: Achieving Rapid Dominance. – Center for Advanced Concepts and Technology, For sale by the U.S. G.P.O., Superintendent of Documents, 1996. – 199 p.
4. Lazarsfeld R., Merton R.K. Mass Communication, Popular Taste, and Organized Social Action. New York IK college, 2004. – 17 p.
5. Linebarger P. M. A. Psychological warfare. United States Army Command and General Staff College, 2010.
6. Nye J.S. The Future of Power. New York: Public Affairs, 2010.
7. Schoen F. & Lamb Ch.J. Deception, Disinformation, and Strategic. Communications: How One Interagency Group. Washington, D.C.: National Defense University Press, 2012. 155 p.
8. Barabash V.V., Bordyugov G.A., Kotelenets E.A. State Propaganda and Information Wars. Study Guide. Moscow: AIRO-XXI, 2015, 400 p.
9. Bliev M.M. South Ossetia in Collisions of Russian-Georgian Relations. Moscow: Evropa, 2006, 468 p.

10. Grinyaev S.N. Information Warfare during the Aggression of the USA, Great Britain, and Their Allies against Iraq. Analytical Report. Moscow, 2010, 118 p.
11. Grishin S.E. Formation of a Culture of Cybersecurity in Society – a Urgent Task of Our Time // Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University. 2011, No. 4 (38). P. 170–173.
12. Zasursky Ya.N. Techniques of Disinformation and Deception. Moscow: Mysl', 2010. 246 p.
13. Lamanova E.V. Psychological Warfare: Theory and Practice of Processing Mass Consciousness. Moscow: Tsentrpoligraf, 2013. – 667 p.
14. Mikhayilenko T.A. Features of Information Warfare in the Modern World. On the Example of the Georgian-South Ossetian Conflict in August 2008. Journal of the Faculty of Public Administration, Moscow State University "Public Administration. Electronic Bulletin", Issue No. 19 (June 2009).
15. New Challenges and Threats to Russian Federation Security in the Context of Global and Local Transformations: monograph / collective of authors; under the general editorship of S.V. Ustinkin, A.V. Nikitin. — Moscow: RUSAINS, 2023. – 388 p.
16. Savinova A.A. Political media discourse in the escalation of the ethnic conflict in Kosovo//Communicology: electronic scientific journal. Vol. 5. No. 1. Pp. 45-49.

Япония и вопрос ядерного вооружения: сценарии, риски и международно-правовые ограничения

Иванов Антон Вячеславович
младший научный сотрудник центра научно-аналитической информации Института востоковедения РАН,
3141592654.ai@gmail.com

Статья посвящена анализу вероятности появления ядерного оружия в Японии в условиях обострения региональной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Цель исследования – оценить политико-правовые, военно-технические и международные условия, при которых Токио может перейти к разработке или размещению собственного ядерного потенциала. Методологическая база включает сценарный анализ, элементы теории международных отношений (неореализм, институционализм), а также системный анализ внутренней и внешней политики Японии. На основе анализа выявлены ключевые факторы, сдерживающие вопрос разработки ядерного оружия, включая японские нормативные обязательства, позицию США и общественное мнение, а также условия, при которых эти барьеры могут быть преодолены. Делается вывод о нарастании структурных предпосылок для пересмотра ядерного курса, что имеет критическое значение для региональной стабильности и интересов России.
Ключевые слова: Япония, ядерное оружие, нераспространение, региональная безопасность, международные отношения, Азиатско-Тихоокеанский регион, стратегическое сдерживание, внешняя политика, ядерный потенциал, союзнические обязательства.

Введение

Япония занимает уникальное положение в глобальной архитектуре нераспространения ядерного оружия. С одной стороны, это единственная страна, подвергшаяся ядерной бомбардировке, что стало основой для формирования сильной пацифистской идентичности и юридических ограничений на обладание подобным вооружением, с другой Токио непосредственно располагает технологическими, финансовыми и материальными возможностями, достаточными для создания мощного ядерного потенциала в кратчайшие сроки. Возникающая в настоящие момент ситуация, связанная с обсуждением необходимости обладания страной восходящего солнца своего собственного ядерного вооружения, существенно обострилась за последнее полугодии существенного обострилось на фоне милитаристских заявлений и действий нового премьер-министра Санаэ Такаити. Подобные обсуждения связаны в первую очередь со сложившимся вокруг Японии комплексом внешнеполитических вызовов, связанных с нарастанием угрозы со стороны КНДР, стратегической конкуренции с КНР и отсутствии полной определенности в отношениях с главным союзником – США.

С 2022 года дискуссии о пересмотре ядерной политики в Японии приобрели новый импульс после того, как бывший премьер-министр Синдзо Абэ предложил публично рассмотреть возможность участия Японии в схеме ядерного обмена с США по образцу стран НАТО, которые позволяют США хранить свое ядерное оружие под своим контролем [6]. В дальнейшем в японском парламенте и научных кругах стали звучать призывы к «переоценке реализма» политики нераспространения в связи с растущими вызовами национальной безопасности, в части роста ракетно-ядерного потенциала КНДР и милитаризации Тайваньского пролива. Действующий японский премьер-министр Санаэ Такаити в своей книге «Исследование национальной мощи» еще до вступления в должность рассматривала комплекс мер по укреплению национальной мощи, включая наращивание оборонного потенциала и усиление союзнического взаимодействия с США, что вписывается в её более широкий политический курс на пересмотр послевоенных ограничений в сфере безопасности.

Настоящее исследование ставит своей целью всесторонне оценить вероятность и варианты появления ядерного оружия в Японии в обозримой перспективе. Для этого в исследовании решаются следующие научные задачи:

– анализ военно-технического потенциала Японии, в контексте обеспечения быстрого ядерный технологического прорыва;

– исследование политико-правовых ограничений, включая положения конституции Японии, ДНЯО и японского законодательства;

– изучение внутриполитических и общественных настроений по вопросу обладания ядерным оружием;

– выработка сценариев развития ситуации и их последствий для региональной и глобальной безопасности.

Методологически работа базируется на комплексном подходе, объединяющем сценарный и институциональный анализ, элементы неореалистской теории международных отношений и контент-анализ научных и экспертных публикаций. Источниками послужили японские, американские, корейские и российские академические издания, отчёты центров стратегических исследований (NTI, SIPRI, RAND, CSIS, JIIA), а также данные социологических

опросов и правительственных публикаций периода 2020-2026 гг.

Обсуждение

Япония обладает одной из наиболее передовых гражданских ядерных программ в мире, которая фактически формирует технологическую основу для потенциального быстрого перехода к созданию собственного ядерного арсенала. По последним оценкам Агентства по ядерной энергии Организации экономического сотрудничества и развития, страна накопила около 44,5 тонн обогащённого плутония, преимущественно изотопов Pu-239 и Pu-240. Из этого объёма примерно 8,7 тонн хранится внутри страны на объектах Японского агентства по атомной энергии и в хранилищах завода Роккасё (префектура Аомори), а остальное за рубежом: около 14,1 тонн во Франции на предприятии Ла-Гард и 21,7 тонн в Великобритании на заводе Селлафилд. Этот плутоний в основном получен в результате переработки отработанного ядерного топлива для производства смешанного оксидного топлива, где доля делящегося изотопа Pu-239 составляет около 55%, что делает материал технически пригодным для оружейных целей после минимальной дополнительной очистки [5]. Для сравнения, запасы гражданского плутония в США оцениваются примерно в 100 тонн и находятся под контролем Министерства энергетики, во Франции – в 75 тонн, в Великобритании – в 120 тонн, а в России – свыше 200 тонн, однако Япония лидирует по концентрации такого материала среди государств, не обладающих официальным ядерным статусом. Значительная часть японских запасов (потенциально до 1,3 тонны в год) может производиться на заводе Роккасё мощностью переработки 800 тонн отработанного топлива ежегодно, что неоднократно вызывало обеспокоенность Международного агентства по атомной энергии в связи с рисками распространения ядерных материалов.

Япония входит в ограниченную группу стран, полностью освоивших ядерный топливный цикл, включая импорт и обогащение урана, производство топлива, переработку отработанного топлива и хранение продуктов. Обогащение урана в Японии ведётся в исследовательских масштабах на центре Нингё-тоге (Японское агентство по атомной энергии) и на заводе в Роккасе с использованием центрифуг до 5% U-235. Переработка отработанного топлива осуществляется на заводах Токай (завершён) и Роккасе (в стадии пуска). Стоит отметить, что Япония располагала ограниченными запасами (около 300-350 кг) высокообогащённого урана, импортированного из США в рамках соглашения о мирном использовании атомной энергии 1988 г., который использовался на исследовательских реакторах и был полностью возвращён в США к 2024 г. Эксперты ведущих аналитических центров, таких как Инициатива по сокращению ядерной угрозы и Центр Джеймса Мартина по изучению проблем нераспространения, оценивают, что для создания 100 боеголовок мощностью 20 килотонн каждая Японии потребуется 600 килограммов плутония Pu-239. Полный цикл производства позволит изготовить первую боеголовку за 12 месяцев, а арсенал объёмом в 100 единиц – за 2 года при наличии политического решения. Подобные оценки подтверждаются отчётами Стокгольмского института исследования проблем мира и Федерации американских учёных, подчёркивающими статус Японии как порогового ядерного государства [3].

С точки зрения средств доставки Япония располагает многоуровневой инфраструктурой двойного назначения, способной после адаптации нести ядерные заряды. Баллистические и крылатые ракеты Type-12 противокорабельного назначения с дальностью свыше 200 километров и скоростью более 3 Махов уже развернуты в количестве более 500 пусковых установок. Кроме того, Япония активно развивает гиперзвуковые системы. Противокорабельные ракеты Type-12 модернизируются до дальности 1000 км (развёртывание в 2026 г.), а гиперзвуковой планирующий блок HVGP (скорость более 5 Махов, дальность 900 км) предназначен для поражения стратегических целей, включая авианосцы и наземные объекты, и может быть пригоден для ядерных зарядов после адаптации.

Авиационные платформы включают истребители пятого поколения F-35A и F-35B в количестве 84 единиц к 2026 г. с планом до 147 к 2030 г., совместимые с высокоточными крылатыми ракетами дальностью 900 километров, а также модернизированные F-15J и F-15DJ в количестве более 155 машин с боевой нагрузкой до 20 тонн. Подводный флот состоит из 22 дизель-электрических лодок классов С-1 и С-2, оснащённых торпедами Type-89 и Type-12 дальностью свыше 50 километров, с теоретической возможностью конверсии под крылатые ракеты дальностью до 2500 километров. Эсминцы системы «Иджис» (8 единиц с планом до 12 к 2027 г.) интегрированы с ракетами перехвата SM-3 и SM-6 [2;7].

Производственные мощности компаний Митсубиси Хэви Индэстриз и Кавасаки, по грубой оценке, могут позволить выпускать 50-100 боеголовок в год. В итоге технический потенциал Японии соответствует возможностям создания арсенала уровня Израиля или Пакистана за два-три года.

Главным юридическим препятствием для создания ядерного оружия в Японии остаётся статья 9 Конституции 1947 г., провозглашающая вечный отказ от войны как суверенного права нации и от силы или угрозы силой как средства разрешения международных споров, а также запрещающая содержание сухопутных, морских, военно-воздушных сил и любых других средств войны. Принятая под давлением американских оккупационных властей после капитуляции во Второй мировой войне, эта норма легла в основу пацифистской идентичности страны, хотя Верховный суд в решениях 1959 и 1973 годов фактически узаконил существование Сил самообороны как минимума необходимого средства защиты суверенитета. Однако интерпретация остаётся крайне узкой: допускаются исключительно оборонительные вооружения для непосредственной защиты островов, без права на наступательные действия или проекцию силы за пределами территории страны. Большинство японских конституционалистов, включая ведущих экспертов, настаивают, что ядерное оружие по своей стратегической природе и радиусу действия выходит за рамки самообороны, прямо противореча духу и букве статьи 9. Создание боеголовок, баллистических ракет средней дальности или ядерных носителей потребовало бы либо конституционной реформы (2/3 голосов парламента плюс референдум), либо рискованной попытки доктринальной реинтерпретации, чреватой судебными тяжбами и общественными протестами, подобными демонстрациям 2015 года против расширения роли Сил самообороны.

Дополнительным барьером служит политика «трёх неядерных принципов», сформулированная премьер-министром Эйсаку Сато в беседе с президентом США Линдоном Джонсоном 21 декабря 1967 г. и утверждённая постановлением нижней палаты парламента 24 декабря 1971 г.: не производить, не владеть и не допускать размещения ядерного оружия на своей территории. Хотя принципы не имеют конституционной силы и теоретически могут быть отменены простым парламентским решением, они превратились в краеугольный камень национальной идентичности, особенно на фоне опыта Хиросимы и Нагасаки. Правительственные опросы населения за 2021-2025 гг. показывают устойчивую поддержку на уровне 65-72%

граждан, воспринимающих их как неотъемлемую часть внешнеполитической культуры мира; среди женщин и молодёжи до 30 лет этот показатель достигает 75-80%. На фоне активного развития ракетной программы КНДР и роста региональной напряжённости доля допускающих «гибкую интерпретацию» выросла до 28% к 2023 г., но абсолютное большинство по-прежнему отвергает ядерный курс, что подтверждают ежегодные опросы и реакции на предложения Синдзо Абэ о «ядерном обмене» в 2022 г., отвергнутые премьером Фумио Кисидой как неприемлемые [1].

Вместе с тем несмотря на то, что японская политическая элита традиционно придерживалась антиядерного консенсуса, однако в последние годы наметился сдвиг в риторике отдельных представителей правящей Либерально-демократической партии (ЛДП). Примечательно, что бывший премьер-министр Синдзо Абэ в 2022 г. открыто призвал рассмотреть возможность совместного размещения американского ядерного оружия на японской территории по аналогии с Германией, Бельгией и Нидерландами. Его предложение не встретило категорического отторжения со стороны ключевых фигур в ЛДП, таких как Таро Коно и Ёсихидэ Суга, что свидетельствовало о постепенной нормализации ядерной риторики среди части консервативного истеблишмента.

В то же время оппозиционные партии (Конституционно-демократическая партия, Коммунистическая партия и др.) продолжают занимать жёстко антиядерную позицию. Их аргументы опираются как на моральный авторитет Японии как единственной пострадавшей от ядерных бомбардировок страны, так и на опасения дестабилизации региональной безопасности. Анализ парламентских дебатов за 2023-2025 гг. показывает, что любые попытки даже символического пересмотра «трёх принципов» встречают сопротивление и становятся объектом острой внутриполитической полемики.

Общественное мнение остаётся ключевым фактором, ограничивающим радикальные шаги в ядерной политике. После прихода к власти премьера Санаэ Такаити в октябре 2025 г. на фоне ее резких заявлений о возможном оказании Японией помощи Тайваню, в случае возникновения конфликта между Тайбэем и Пекином, а также отсутствия ее четкого заявления о приверженности неядерным принципам, ситуация обострилась. Опрос информационного агентства Дзи-дзи Пресс от января 2026 г. зафиксировал снижение поддержки сохранения принципов до 62,6% (с 72% в 2024 г.), при этом доля сторонников пересмотра составила 16,7%, особенно третьего принципа («не допускать размещения»), затруднились ответить 20,7%. Вместе с тем уровень поддержки безъядерного статуса все равно остается высоким, абсолютное большинство отвергает ядерный курс, что подтверждают ежегодные опросы среди населения.

Говоря о внешнеполитических препятствиях потенциального принятия Токио ядерного статуса, стоит отметить, что Япония занимает одну из ведущих позиций среди государств-участников Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), подписанного в феврале 1970 г. и ратифицированного японским парламентом в июне 1976 г. после длительных внутриполитических дебатов, связанных с согласованием гарантий безопасности со стороны США. Ратификация сопровождалась вступлением в силу всеобъемлющего соглашения о гарантиях МАГАТЭ, дополненного в 1999 г. дополнительным протоколом, что сделало всю ядерную деятельность страны, включая переработку плутония на заводе Роккасе, предметом строгого международного контроля с ежегодными инспекциями. Японская дипломатия последовательно продвигает антиядерную повестку на глобальных площадках, включая подготовительные комитеты Обзорных конференций ДНЯО, где Токио ежегодно выступает со специальными заявлениями о разоружении, а также в формате Инициативы по нераспространению и разоружению (запущена в 2010 г. совместно с Австралией), координирующей позиции порядка 25 стран по совершенствованию договоров о контроле над вооружениями и верификации запасов расщепляющихся материалов. Подобная роль закрепила за Японией статус «морального лидера» в ядерных дискуссиях, особенно учитывая исторический опыт атомных бомбардировок 1945 г., что проявляется в ежегодных резолюциях Генассамблеи ООН о безъядерных зонах и инициативах Хиросимского процесса по прозрачности ядерных арсеналов. Односторонний выход из ДНЯО или развитие оружейной программы неизбежно спровоцировал бы серьезный дипломатический кризис: немедленную приостановку сотрудничества МАГАТЭ, потенциальные санкции со стороны стран G7, изоляцию в Азиатско-Тихоокеанском регионе со стороны Китая, Республики Корея и Австралии, а также утрату уникального авторитета Японии как единственной страны, пережившей ядерное применение и отстаивающей полное разоружение в рамках трех неядерных принципов. Такой сценарий подорвал бы позиции Токио в глобальных переговорах по Договору о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО) и инициативам по ядерному разоружению, где Япония традиционно выступает посредником между ядерными державами и неядерными государствами.

Вместе с этим, сторонники отмены безъядерных принципов небезосновательно указывают на неблагоприятную для Японии внешнеполитическую ситуацию, связанную с нарастающей напряжённостью как в регионе, так и в целом в мире, характеризующуюся как ростом ядерных рисков, так и снижением предсказуемости со стороны ближайших стратегических акторов. Центральной угрозой остаётся КНДР, осуществившая за последние пять лет свыше 20 ракетных испытаний, включая запуск межконтинентальных баллистических ракет (МБР), способных нести ядерный заряд и достигать территории Японии. Особенно резонансным стало испытание от марта 2024 г., когда ракета «Хвансон-18» пролетела над Хоккайдо и упала в исключительной экономической зоне Японии.

Ракетно-ядерный потенциал КНДР, по оценке аналитиков Международного института стратегических исследований, достиг стадии операционного ядерного сдерживания, что в японских кругах всё чаще трактуется как системная угроза, сдерживаемая в первую очередь американскими средствами ПРО, размещенными в Японии. Однако события на Тайване в 2024 г., в ходе которых Китай провёл крупнейшие учения с имитацией блокады острова, а США заняли осторожную позицию, ограничившись политическим заявлением, что вызвало в Токио дискуссии о надёжности Вашингтона как гаранта безопасности региона, а также активизировало обсуждения возможного наращивания собственного военного потенциала, в том числе ядерного, на случай ослабления союзнических обязательств со стороны США. Кроме того, несмотря на благоприятные взаимоотношения, сложившиеся между японским правительством и текущей американской администрацией, в японские политические круги с определенной долей недоверия относятся к Д. Трампу, учитывая непредсказуемость его политических заявлений и решений. На фоне звучащей противоречивой риторики от американского лидера в части, касающейся возможного сокращения американских контингентов войск, дислоцирующихся в странах Юго-Восточной Азии, среди политических элит растут опасения о надежности японо-американского союза в условиях возникновения реального военного конфликта в регионе, что лишь усиливает риторику о необходимости обладания собственным ядерным потенциалом.

Вторым ключевым фактором стратегической тревоги японского руководства выступает стремительное военное строительство Китая, которое радикально меняет баланс сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе и ставит под вопрос достаточность существующих механизмов сдерживания. Согласно ежегодному докладу Министерства обороны США «Военное и оборонное развитие Китайской Народной Республики» за 2025 г., представленному Конгрессу в декабре, арсенал ядерных боезарядов КНР к середине 2024 г. превысил 600 единиц и сохраняет потенциал производства до более 1000 боеголовок к 2030 г. при ежегодном производстве около 100 новых зарядов. Этот процесс сопровождается модернизацией всей ядерной триады: вводом в строй более 100 новых шахт для баллистических ракет в западных провинциях (Юймэнь, Хами, Юйлинь), развертыванием подводных лодок тип 096 с баллистическими ракетами JL-3 (дальность 10 000 км) и перспективные разработки по интеграции гиперзвуковых планирующих блоков DF-27 в авиационные комплексы H-20 [8]. Одновременно активизация Народно-освободительной армии Китая в спорных акваториях Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей, включая регулярные пролета самолетов J-20 и кораблей тип 055 в зоны идентификации противовоздушной обороны Японии (по данным Минобороны Японии – 1121 нарушение воздушного пространства в 2024 г., рост на 18% по сравнению 2023 г.), формирует у руководства страны восходящего солнца устойчивое восприятие постепенного изменения поствоенного регионального баланса сил и роста собственной уязвимости. Подобная динамика активизирует дискуссии о необходимости перехода от пассивного доверия американскому «ядерному зонтику» к концепции сбалансированной автономии, где Япония способна нанести неприемлемый ответный ущерб потенциальному агрессору без прямого участия США.

Вместе с тем, учитывая исторические японские настроения и мнения, связанные с категорическим отказом от обладания ядерным оружием, останутся основным непреодолимым препятствием для руководства страны. Вместе с тем, с большей долей вероятности действующая администрации Санаэ Такаити будем пытаться лоббировать вариант, о котором в свое время осторожно заявлял Синдзо Абэ – размещение американского ядерного оружия на территории Японии по аналогии со странами Европы, где размещен американский ядерный арсенал без передачи управления японской стороне. Данный вариант развития событий видится наиболее вероятным. Кроме того, подобный опыт уже имел место быть: во времена холодной войны, в 1950-1960-х годах, США тайно размещали тактическое ядерное оружие на японской территории, а именно: бомбы B-57 и ракеты MGR-1 (Honest John) на базах в Иводзиме, Мисаве и Окинаве, что подтверждено рассекреченными документами Пентагона и свидетельствами бывших командиров Седьмого оперативного флота США [4]. Данные вооружения были официально выведены к 1972 г. в соответствии с первым из трех неядерных принципов Японии, однако в экспертной среде (аналитики RAND Corporation и Центра стратегических и международных исследований) периодически возникают предположения о возможном непубличном присутствии американских систем двойного назначения или компонентов расширенного ядерного сдерживания на военных базах в Японии, хотя официальный Вашингтон продолжает категорически исключать любое размещение, а Токио никак не комментирует подобные вопросы [4]. Не исключено, что Токио фактически стремится не к созданию своего собственного арсенала, а к легализации и формальному признанию уже существующей практики совместного ядерного сдерживания по модели НАТО, что позволило бы вывести скрытые американские активы из серой зоны и интегрировать их в национальную доктрину безопасности.

Результаты

На основании проведённого анализа можно выделить несколько ключевых факторов, определяющих вероятность появления ядерного оружия в Японии: высокий технологический и промышленный потенциал, растущее восприятие внешней угрозы, сдвиг в риторике правящих элит, а также сохраняющиеся юридические и общественные барьеры. Данные параметры позволяют выделить три базовых сценария, отличающихся по уровню вероятности, срокам и внешнеполитическим последствиям.

Сценарий 1. Сохранение текущего безъядерного статуса. При данном сценарии Япония продолжает придерживаться своих обязательств в рамках Договор о нераспространении ядерного оружия и внутренней нормативной базы, включая «трёх неядерных принципов». Одновременно Токио усиливает союзнические связи с США и повышает роль неядерных средств сдерживания, включая развитие национальных вооружённых сил и возможностей контрудара в рамках обновлённой Стратегии национальной безопасности 2022 г. В краткосрочной перспективе (вторая половина 2020-х гг.) данный вариант рассматривается большинством аналитиков как наиболее вероятный ввиду институциональной устойчивости безъядерной политики. К числу ключевых факторов, поддерживающих этот курс, относятся общественная чувствительность к ядерной тематике, правовые ограничения, закреплённые в национальной практике, а также потенциальные внешнеполитические и репутационные издержки в случае отхода от обязательств по ДНЯО.

Сценарий 2. Частичный пересмотр антиядерной политики (наиболее вероятный). В отличие от прежнего периода консенсусной безъядерной политики, во второй половине 2020-х годов в японском политическом пространстве сформировались условия для более жёсткой дискуссии о пределах «трёх неядерных принципов». Представители консервативного крыла Либерально-демократическая партия Японии, включая действующего премьер-министра Санаэ Такаити, публично допускали необходимость обсуждения механизмов, аналогичных «ядерному шерингу» НАТО, аргументируя это ростом угроз в регионе. Параллельно реализуется масштабное увеличение оборонных расходов и развитие военного потенциала, что снижает прежнюю табуированность силовых инструментов безопасности. Хотя официальная позиция Токио по-прежнему подтверждает приверженность Договору о нераспространении ядерного оружия и безъядерному статусу, сама институциональная среда изменилась: тема размещения американских ядерных средств перестала быть полностью маргинальной и стала предметом публичной политической полемики. В перспективе речь идёт не о немедленной легализации такого шага, а о постепенном расширении допустимого спектра стратегических опций, что повышает вероятность частичного пересмотра прежних ограничений, в частности «не размещать ядерное оружие».

Сценарий 3. Национальный военная ядерная программа (маловероятный) В условиях полного обострения региональной обстановки (например, при отказе США от союзнических обязательств или провале сдерживания КНДР) Япония может приступить к разработке собственного ядерного арсенала. Подобный сценарий предполагает пересмотр конституционного толкования статьи 9, либо ее изменения, отмену «трех принципов» и выход из ДНЯО, что политически и дипломатически является крайне затратным путем. Вероятность подобного развития событий остается низкой.

Заключение

Япония находится в уникальном положении потенциальной ядерной державы: обладая всеми необходимыми технологическими, материальными и кадровыми ресурсами, она одновременно сдерживается целым рядом жёстких правовых, общественных и союзнических ограничений. Страна сохраняет статус ядерной пороговой державы, но не выходит за формальные рамки Договора о нераспространении, что обеспечивает ей стратегическую гибкость в условиях нарастающих угроз.

Однако анализ внутренней динамики и внешнего давления свидетельствует о постепенной эрозии прежнего антиядерного консенсуса. Рост ядерной активности КНДР, милитаризация Китая, стратегическая неопределённость в действиях США, а также изменения в риторике части японских элит ведут к созданию условий, при которых ядерный вариант может быть переосмыслен как инструмент национального выживания. Несмотря на то, что в краткосрочной перспективе реализация ядерного сценария остаётся маловероятной, долгосрочная логика региональной нестабильности усиливает стратегические стимулы для Японии как минимум не исключать такой поворот. Ядерный вопрос Японии выходит за рамки двусторонних или технических дискуссий – он становится отражением структурного кризиса международного порядка и закономерного вызова существующей системе нераспространения.

Литература

1. Более 60% в Японии против обладания ядерным оружием [Электронный ресурс] // Nippon.com. 2026. URL: https://www.nippon.com/ru/news/yjj2026011500792/ (дата обращения: 13.02.2026).
2. Поддержка эсминцев класса «Иджис» Японии [Электронный ресурс] // Defense Security Cooperation Agency (DSCA). URL: https://www.dsca.mil/Press-Media/Major-Arms-Sales/Article-Display/Article/4361445/japan-aegis-class-destroyer-support (дата обращения: 14.02.2026).
3. Ежегодный отчёт Агентства по ядерной энергии ОЭСР за 2024 год [Электронный ресурс] // OECD Nuclear Energy Agency (NEA). 2025. URL: https://www.oecd-nea.org/upload/docs/application/pdf/2025-12/nea_annual_report_2024.pdf (дата обращения: 14.02.2026).
4. Япония подтверждает существование секретных ядерных соглашений с США [Электронный ресурс] // IDSA Comment. URL: https://idsa.in/publisher/comments/japan-unveils-existence-of-a-secret-nuke-pact-with-the-us (дата обращения: 14.02.2026).
5. Civilian HEU in Japan [Электронный ресурс] // James Martin Center for Nonproliferation Studies. URL: https://nonproliferation.org/civilian-heu-japan/ (дата обращения: 13.02.2026).
6. Japan should discuss NATO-like nuclear weapons sharing, Abe says [Электронный ресурс] // Bloomberg. 2022. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-02-27/japan-should-discuss-nato-like-nuclear-weapons-sharing-abe-says (дата обращения: 13.02.2026).
7. NIDS China Security Report 2026: «Imbalanced Partnerships: China, Russia, and North Korea» [Электронный ресурс] // National Institute for Defense Studies (NIDS), Ministry of Defense Japan. 2026. URL: https://www.nids.mod.go.jp/english/publication/chinareport/pdf/china_report_EN_web_2026_A01.pdf (дата обращения: 14.02.2026).
8. RAND Corporation. Challenges to U.S. Nuclear Deterrence Policy in the 21st Century [Электронный ресурс] // RAND Corporation. 2009. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/conf_proceedings/CF300/CF379/RAND_CF379.pdf (дата обращения: 13.02.2026).

Japan and the nuclear armament issue: scenarios, risks, and international legal constraints

Ivanov A.V.

Institute of Oriental Studies RAS

The article analyzes the probability of Japan acquiring nuclear weapons in the context of escalating regional security tensions in the Asia-Pacific. The aim of the study is to assess the political, legal, military-technical, and international conditions under which Tokyo might pursue the development or deployment of its own nuclear capabilities. The methodological framework includes scenario-based analysis, elements of international relations theory (neorealism, institutionalism), and systemic examination of Japan's domestic and foreign policy. Based on the analysis, the study identifies key factors restraining nuclear weapon development, such as Japan's normative commitments, the position of the United States, and public opinion, as well as the conditions under which these barriers could be overcome. The article concludes that structural prerequisites for a shift in Japan's nuclear policy are growing, which has critical implications for regional stability and Russia's strategic interests.

Keywords**:** Japan, nuclear weapons, non-proliferation, regional security, international relations, Asia-Pacific region, strategic deterrence, foreign policy, nuclear potential, alliance commitments.

References

1. More than 60% of Japanese oppose nuclear weapons possession [Electronic resource] // Nippon.com. 2026. URL: https://www.nippon.com/ru/news/yjj2026011500792/ (date of access: 13.02.2026).
2. Annual Report of the OECD Nuclear Energy Agency for 2024 [Electronic resource] // OECD Nuclear Energy Agency (NEA). 2025. URL: https://www.oecd-nea.org/upload/docs/application/pdf/2025-12/nea_annual_report_2024.pdf (date of access: 14.02.2026).
3. Support for Japan's Aegis-class destroyers [Electronic resource] // Defense Security Cooperation Agency (DSCA). URL: https://www.dsca.mil/Press-Media/Major-Arms-Sales/Article-Display/Article/4361445/japan-aegis-class-destroyer-support (date of access: 14.02.2026).
4. Japan confirms existence of secret nuclear agreements with the US [Electronic resource] // IDSA Comment. URL: https://idsa.in/publisher/comments/japan-unveils-existence-of-a-secret-nuke-pact-with-the-us (date of access: 14.02.2026).
5. Civilian HEU in Japan [Electronic resource] // James Martin Center for Nonproliferation Studies. URL: https://nonproliferation.org/civilian-heu-japan/ (date of access: 13.02.2026).
6. Japan should discuss NATO-like nuclear weapons sharing, Abe says [Electronic resource] // Bloomberg. 2022. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-02-27/japan-should-discuss-nato-like-nuclear-weapons-sharing-abe-says (date of access: 13.02.2026).
7. NIDS China Security Report 2026: «Imbalanced Partnerships: China, Russia, and North Korea» [Electronic resource] // National Institute for Defense Studies (NIDS), Ministry of Defense Japan. 2026. URL: https://www.nids.mod.go.jp/english/publication/chinareport/pdf/china_report_EN_web_2026_A01.pdf (date of access: 14.02.2026).
8. RAND Corporation. Challenges to U.S. Nuclear Deterrence Policy in the 21st Century [Electronic resource] // RAND Corporation. 2009. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/conf_proceedings/CF300/CF379/RAND_CF379.pdf (date of access: 13.02.2026).

Геоэкономика продовольственной безопасности в условиях поликризиса: эволюция политических ответов Китая (2022-2026)

Корнев Никита Андреевич
исполнительный директор Центра изучения Китая и стран АТР, Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина, kornev.nikita@urfu.ru

Актуальность исследования обусловлена трансформацией глобальной продовольственной безопасности от пандемийных потрясений к структурному поликризису, сочетающему геополитическую фрагментацию, климатическую нестабильность и инфляционное давление в период 2022-2026 гг. Объектом исследования выступают процессы обеспечения продовольственной безопасности Китая в условиях глобальных системных трансформаций. Предметом исследования являются эволюция рисков продовольственной безопасности и политические механизмы адаптации китайской аграрной системы. Цель исследования заключается в комплексном анализе трансформации рисков продовольственной безопасности и выработке научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию политики продовольственной безопасности Китая. Для достижения поставленной цели решены следующие задачи: проанализирована динамика мировой продовольственной безопасности в контексте поликризиса; исследованы особенности продовольственной безопасности Китая на фоне рекордных показателей производства зерна; выявлены ключевые риски и вызовы, включая климатические, демографические и технологические факторы; разработаны стратегические рекомендации по переходу к качественной модели продовольственной безопасности. Методологическая основа исследования включает системный анализ, сравнительно-исторический метод, статистический анализ данных ФАО, USDA и Национального бюро статистики КНР, а также метод прогнозного моделирования. Результаты исследования демонстрируют, что Китай достиг исторического максимума зерновой самообеспеченности (97% при производстве 714,9 млн тонн в 2025 г.) при сохранении структурной зависимости от импорта сои (около 90%). Выявлено усиление климатических рисков как системного фактора угрозы устойчивости производства, а также критическая важность перехода от количественной к качественной безопасности в рамках стратегии “всеобъемлющего восстановления села” (2025-2035). Выводы исследования свидетельствуют о необходимости теоретической переоценки подходов к продовольственной безопасности: от статической самообеспеченности к динамической резилиентности, от изоляции к интеграции в глобальные цепочки добавленной стоимости, от количественных показателей к комплексной оценке качества и устойчивости аграрной системы.

Ключевые слова: КНР; продовольственная безопасность; поликризис; климатическая адаптация; стратегия всеобъемлющего восстановления села; геоэкономика аграрных рынков; зерновая самообеспеченность; аграрная политика; устойчивое развитие; продовольственная дипломатия

Введение

«Для государя основой является народ, для народа — пища». С момента основания КНР страна достигла значительных результатов в решении проблемы продовольственной безопасности, успешно решив продовольственную проблему 1,4 млрд китайцев [1]. Однако период 2022–2026 гг. продемонстрировал качественно новый уровень сложности глобальной продовольственной системы.

В отличие от кризиса 2007–2008 гг., нынешняя ситуация характеризуется синергией множественных шоков: военный конфликт в Украине (2022), гуманитарные катастрофы в Газе, Судане, Гаити (2024–2025), экстремальные погодные явления, усиление La Niña, а также геополитическая фрагментация торговых потоков [2, 3]. По данным FAO и Всемирной продовольственной программы (ВПП), к 2025 г. 16 «горячих точек» голода охватывали более 300 млн человек, причем в шести странах (Судан, Газа, Южный Судан, Йемен, Гаити, Мали) зафиксирована катастрофическая (IPC Phase 5) нехватка продовольствия [3, 4, 5].

В этих условиях Китай продемонстрировал устойчивость аграрной системы: впервые в истории преодолен рубеж 700 млн тонн зерна (2024 г.), а в 2025 г. производство достигло 714,9 млн тонн [6, 7]. Однако достижение количественных целей сопровождается новыми вызовами: климатическая уязвимость, структурная зависимость от импорта сои, старение сельскохозяйственных кадров и необходимость перехода к качественной безопасности продовольствия [1, 21].

Центральный документ № 1 (2025 г.) определил новую парадигму: «всеобъемлющее восстановление села» (全面乡村振兴) как основу для модернизации сельского хозяйства в период 15-й пятилетки (2026–2030) [8, 9]. Это знаменует собой эволюцию от целевых показателей самообеспеченности к системной устойчивости аграрной экономики [1, 25].

Актуальность исследования

Актуальность настоящего исследования определяется несколькими факторами. Во-первых, глобальная продовольственная система переживает беспрецедентную трансформацию: от пандемийных потрясений к структурному поликризису, сочетающему геополитическую фрагментацию, климатическую нестабильность и инфляционное давление. Необходимо полноценное теоретическое осмысление реакции правительства КНР на данные вызовы. Во-вторых, заявлено, что Китай достиг исторических рекордов производства зерна, однако вследствие усиления теневых закупок с/х продукции в том числе в РФ, а также увеличения квот на те виды продукции, что являются хэджирующими на Шанхайской бирже, указывает на антикризисные течения в политике КНР, что требует переосмысления концептуальных подходов к оценке продовольственной безопасности. В-третьих, стратегия «всеобъемлющего восстановления села» (2025-2035) знаменует собой переход к интегрированной модели продовольственной безопасности, требующей научного осмысления.

Под руководством председателя Си Цзиньпина ЦК КПК уделяет более серьезное внимание проблеме продовольственной безопасности, требуя придерживаться

принципа о надежном и самостоятельном решении вопроса с питанием. Еще в декабре 2013 года на Центральной конференции по работе в сельской местности Си Цзиньпин подчеркнул, что «продовольственный вопрос нельзя рассматривать только с экономической точки зрения, его необходимо рассматривать и с политической точки зрения. Обеспечение национальной продовольственной безопасности является важной основой для достижения экономического развития, социальной стабильности и национальной безопасности».

Обзор литературы

Вопросы продовольственной безопасности привлекают постоянное внимание учёных по всему миру. Амартия Сен в своей фундаментальной работе показал, что голод разразился не из-за нехватки продовольствия, а в большей степени из-за неравномерного распределения и нарушения «энтайтлментов» — прав на доступ к ресурсам [10]. Этот подход остаётся ключевым для понимания современных продовольственных кризисов, которые, как показывает анализ FAO и Всемирной продовольственной программы, в 2025 году охватывали более 300 млн человек в 16 «горячих точках» голода [3, 4, 5].

Фан Шэнген проанализировал эволюцию продовольственной политики за последние три десятилетия, выявив тенденции трансформации от ориентации на производство к комплексной системе продовольственной безопасности, включающей доступность, стабильность и утильзацию [11]. В контексте пандемии COVID-19 Фан Шэнген и соавторы исследовали механизмы предотвращения глобального кризиса продовольственной безопасности, предложив концепцию «мировой продовольственной безопасности как общественного блага» [11].

В китайском контексте значительный вклад внесли отечественные и зарубежные исследователи. Хуан Цзикун переосмыслил перспективы продовольственной безопасности Китая в кратко-, средне- и долгосрочной перспективе, обосновав необходимость стратегического баланса между самообеспеченностью и международной торговлей [12]. Ду Мин и соавторы в актуальном обзоре 2025 года систематизировали вызовы, политику и перспективы продовольственной безопасности Китая, подчеркнув роль технологических инноваций и устойчивого развития [1].

Глобальный контекст продовольственной безопасности исследован в работах FAO [2], Всемирного банка [14], а также в Global Report on Food Crises [3, 15]. Источники демонстрируют трансформацию глобальной продовольственной системы от пандемийных шоков к структурному поликризису, сочетающему геополитическую фрагментацию, климатическую нестабильность и инфляционное давление. С точки зрения мировой торговли продовольствием, USDA отмечает, что мировая торговля масличными культурами концентрируется в руках нескольких крупных экспортёров, что создаёт риски рыночной власти и возможного использования продовольственного эмбарго как геополитического инструмента [17]. Чжао Хуан и соавторы проанализировали будущий спрос на продовольствие в Китае и его последствия для торговли и окружающей среды, показав, что изменение диеты и рост доходов приведут к увеличению импорта кормовых культур [13].

Проблемы геополитических рисков и их влияние на продовольственные рынки рассмотрены Ли Чунь и соавторами, которые разработали систему оценки продовольственной безопасности Китая с учётом пространственно-временной эволюции [16]. Ню Инь и коллеги проанализировали историю самообеспеченности зерном в Китае, выявив парадокс: высокий уровень самообеспеченности основными зерновыми культур сочетается с критической зависимостью от импорта сои и кормов [21].

В условиях пандемии COVID-19 Пань Дан и соавторы исследовали влияние кризиса на сельское хозяйство Китая с применением текстового анализа, выявив уязвимости аграрной системы к цепочкам поставок [18]. Чэнь Гоцян и Чжу Мэнь проанализировали тренды, последствия и рекомендации по обеспечению продовольственной безопасности в условиях пандемии, предложив механизмы смягчения рисков [30]. Структурные проблемы аграрного сектора Китая исследованы в работах, посвящённых использованию земельных ресурсов и экологической устойчивости. Лю Яньсуй и Чжоу Инчуань переосмыслили продовольственную безопасность и земельную политику Китая в условиях быстрой урбанизации, показав напряжённость между охраной пахотных земель и экономическим развитием [22]. Чжун Фан и Хун Фуцзюнь исследовали механизмы компенсации для главных зерновых регионов, предложив концепцию «взаимодействия благосостояния» между производящими и потребляющими регионами [24].

Цуй Най и Дун Цзюнь проанализировали продовольственную безопасность в главных зерновых районах, выявив диспропорцию между ростом производства и снижением доходов фермеров, а также экологическую деградацию [23]. Цзян Чанъюнь и Ли Цзюньчжу разработали систему индикаторов аграрной и сельской модернизации с китайской спецификой к 2035 году, предложив комплексную оценку устойчивого развития [25]. Вопросы спроса на корма и структурные сдвиги в потреблении пищи рассмотрены Дун Вэньцзюнь и соавторами, которые спрогнозировали будущий баланс спроса и предложения кормов в Китае в период быстрого перехода к новым моделям потребления [26]. Синь Сян и коллеги критически переосмыслили концепцию самообеспеченности, показав, что более высокий уровень самообеспеченности не всегда означает большую безопасность, особенно в условиях глобализированных цепочек добавленной стоимости [27]. Ли Синъи и Хань И проанализировали драйверы различий в ценах на импортное зерно, выявив ключевую роль транспортных издержек и качества продукции [28]. Ни Хунцзюнь исследовал структурную реформу аграрного предложения Китая с позиции открытости, обосновав необходимость интеграции в глобальные цепочки добавленной стоимости [29].

Таким образом, современная литература демонстрирует эволюцию подходов к продовольственной безопасности: от статической самообеспеченности к динамической резилиентности, от количественных показателей к комплексной оценке качества и устойчивости аграрной системы. Ключевыми темами становятся климатическая адаптация, технологический суверенитет, экологическая модернизация и интеграция в глобальные продовольственные цепочки.

Методология и методы исследования

Исследование проведено на основе системного подхода, позволяющего рассматривать продовольственную безопасность как комплексную систему взаимосвязанных элементов. Основными методами исследования являются: системный анализ для выявления взаимосвязей между факторами продовольственной безопасности; сравнительно-исторический метод для анализа эволюции рисков в динамике; статистический анализ данных ФАО, USDA, Национального бюро статистики КНР; метод прогнозного моделирования для оценки перспектив развития ситуации.

Теоретическая основа исследования опирается на комплекс междисциплинарных подходов и специальных теорий. Фундаментальным основанием служит концепция

«энтайтлментов» А. Сена, согласно которой голод возникает не вследствие абсолютного дефицита продовольствия, а из-за нарушения механизмов доступа к ресурсам [10]. Данный подход критически важен для анализа современных продовольственных кризисов, где распределительные конфликты играют ключевую роль наряду с производственными ограничениями.

Вторым теоретическим стержнем выступает теория секьюритизации Б. Бузана, О. Уивера и Дж. Уилдса, разработанная в рамках Копенгагенской школы безопасности. Согласно данной теории, продовольственная безопасность представляет собой результат «речевых актов» (speech acts), посредством которых политические элиты конструируют объективные угрозы как существующие проблемы безопасности [31]. В китайском контексте наблюдается последовательная секьюритизация аграрной сферы: от Документа № 1 (2025 г.), объявляющего «всеобъемлющее восстановление села» приоритетом национальной безопасности [8], до институционализации продовольственной безопасности в виде «закона о продовольственной безопасности» (2024 г.) [176]. Теория секьюритизации позволяет объяснить, почему Китай, достигнув рекордного производства зерна (714,9 млн тонн в 2025 г.) [6, 7], продолжает усиливать политику самообеспеченности: речь идёт о конструировании устойчивости как фундаментальной ценности, превышающей краткосрочную экономическую эффективность.

Третьим компонентом теоретической базы является концепция резилиентности (устойчивости) социально-экологических систем. В отличие от статической модели самообеспеченности, резилиентность акцентирует способность системы адаптироваться к шокам и трансформироваться в условиях неопределённости [1, 21]. Данный подход критически важен для анализа поликризиса 2022–2026 гг., когда сочетание климатических, геополитических и экономических шоков требовало не поддержания запасов, а развития адаптивных механизмов.

Информационную базу исследования составили официальная статистика ФАО, USDA, Всемирного банка, Национального бюро статистики КНР, документы правительства КНР, в том числе Центральные документы № 1 за 2024–2025 гг., научные публикации в рецензируемых журналах.

Результаты исследования

Глобальный контекст: поликризис и трансформация рисков

С 2022 г. глобальная продовольственная безопасность пережила несколько фаз: пандемийный шок (2020-2021), энергетический кризис и инфляционный всплеск (2022), геополитическая фрагментация (2022-2023), климатическая экстремизация (2024-2025). По данным FAO, мировые запасы продовольствия остаются достаточными, но распределительные конфликты усилились. Индекс цен на продовольствие FAO демонстрирует волатильность: после пика в марте 2022 г. (159,7 пункта) произошло снижение, но структурные факторы давления сохраняются [2].

Ключевые тенденции глобального продовольственного рынка: концентрация экспорта в руках нескольких стран (Аргентина, Австралия, Бразилия, Канада, Новая Зеландия, Россия, Таиланд, США контролируют около 55% мирового чистого экспорта продовольствия); усиление финансиализации аграрных рынков; рост нетарифных барьеров и экспортных ограничений; трансформация климатических рисков из периодических шоков в системный фактор [3, 14].

Основной причиной стремительного роста мировых цен на продовольствие является усиление глобальной инфляции. С начала XXI века цены на зерно резко выросли в 2008 и 2011-2012 годах. Глобальный индекс цен на продукты питания и на зерновые составили 98,1 и 103,1 соответственно в 2020 году, достигнув 113,5 и 125,0 соответственно в январе 2021 года и увеличившись до 135,7 и 140,6 соответственно в январе 2022 года [2].

Продовольственная безопасность Китая: достижения и парадоксы

Китай достиг исторического максимума производства зерна: 706,5 млн тонн в 2024 г. и 714,9 млн тонн в 2025 г. [6, 7]. Уровень самообеспеченности зерном достиг 97%, что значительно превышает международный порог безопасности в 95%. Запасы риса и пшеницы обеспечивают потребность на 18+ месяцев.

В 2015 году производство зерна в Китае впервые превысило отметку в 660 млн тонн, а к 2021 году выросло до 682,851 млн тонн. За 7 лет с 2015 по 2021 год производство зерновых культур в Китае составило в среднем 665,246 млн тонн. В настоящее время запасы зерновых культур в Китае избыточны, при этом запасы риса и пшеницы составляют более 70% от общего резерва. Запасов пшеницы может хватить для удовлетворения потребительских потребностей населения страны на полтора года.

Однако структурная зависимость от импорта сои сохраняется на критическом уровне (около 90%). В 2024-2025 гг. Китай импортировал около 100 млн тонн соевых бобов, что составляет более 60% мирового экспорта [17]. Диверсификация поставок (снижение доли США, увеличение импорта из Бразилии, Аргентины, России) смягчает геополитические риски, но не устраняет структурную зависимость.

Таблица 1

Сравнительные показатели продовольственной безопасности Китая

Показатель / Indicator	2020	2022	2024	2025	Источник / Source
Производство зерна, млн т / Grain production, mln t	669,5	686,5	706,5	714,9	[6, 7]
Импорт сои, млн т / Soybean imports, mln t	100,3	91,0	105	100	[17]
Самообеспеченность зерном, % / Grain self-sufficiency, %	94,9	95	97	97	[6]
Самообеспеченность соей, % / Soybean self-sufficiency, %	16,3	18	15	16	[17]
Высокостандартные земли, млн га / High-standard farmland, mln ha	—	—	66,7	70,0	[6]
Доходы сельских жителей, юаней / Rural income, yuan	17 131	20 133	23 119	24 700	[6]

За последние годы объем импортируемых основных видов зерновых культур значительно вырос, что привело к снижению самообеспеченности. Согласно данным USDA, чистый импорт зерновых в Китае увеличился с 28,1 млн тонн в 2019 году до 42,1 млн тонн в 2020 году, достигнув пика в 65,4 млн тонн в 2021 году [17]. В 2019–2020 гг. уровень самообеспеченности Китая зерном составлял 97,7% и 94,9% соответственно [6].

В последние годы объем импортируемого продовольствия значительно возрос как из-за факторов спроса, так и из-за факторов чрезмерного импорта, вызванных различиями в ценах на внутреннем и внешнем рынках. Разница в ценах стала важной причиной чрезмерного импорта. С

января 2015 г. внутренние цены на рис и пшеницу большую часть времени были значительно выше международных. По данным исследований Центра экономических исследований при Китайской академии общественных наук, к 2015 году оптовые цены на рис, пшеницу и кукурузу в Китае превышали международные на 30–50% [12, 28]. Это является важной причиной чрезмерного импорта риса и пшеницы и серьезных проблем с нехваткой запасов в последние годы.

Переход к «качественной безопасности»

Документ № 1 (2025 г.) инициирует стратегический сдвиг: «Необходимо одновременно обеспечивать количество и качество продукции, строить высокостандартные пахотные земли, укреплять научно-техническую поддержку» [8]. Новые приоритеты включают: устойчивость к климату (интеграция адаптационных мер в аграрную политику, сорта устойчивые к засухе, системы раннего предупреждения); зеленую трансформацию (сокращение использования химических удобрений и пестицидов, развитие органического земледелия); диверсификацию источников питания (аквакультура, «большой пищевой подход» 大食物观), снижение потерь и отходов; цифровизацию («интеллектуальное сельское хозяйство» как ключевой драйвер повышения эффективности).

Обсуждение результатов

Эволюция типологии рисков

Автор предлагает эволюционную типологию рисков продовольственной безопасности, основанную на концепции секьюритизации и теории резилиентности. В отличие от статических классификаций, данный подход акцентирует динамику трансформации угроз в условиях поликризиса 2022–2026 гг., выявляя механизмы, посредством которых объективные вызовы конструируются политическими элитами как приоритеты национальной безопасности. Эволюционная типология позволяет проследить не просто изменение интенсивности рисков, но и качественные сдвиги в их природе: от изолированных шоков к системным каскадным эффектам, от количественных дефицитов к дисфункциям цепочек добавленной стоимости, от экзогенных угроз к эндогенным уязвимостям аграрной системы. Анализ динамики рисков осуществляется на основе сопоставления показателей 2022 и 2026 гг., что даёт возможность оценить эффективность политических ответов Китая и выявить новые латентные угрозы, способные трансформироваться в доминирующие факторы нестабильности в среднесрочной перспективе.

Таблица 2

Сравнительный анализ рисков (2022 vs. 2026)

Категория риска / Risk category	2022	2026	Динамика / Trend
Глобальная инфляция / Global inflation	Высокий / High	Средний / Medium	↓
Геополит. конфликты / Geopolitical conflicts	Средний / Medium	Критический / Critical	↑↑
Климатические риски / Climate risks	Средний / Medium	Высокий / High	↑
Зависимость от импорта сои / Soybean import dependence	Высокий / High	Высокий / High	→
Деградация земель / Land degradation	Высокий / High	Критический / Critical	↑
Технологич. зависимость / Tech dependence	Средний / Medium	Высокий / High	↑
Демографическое старение / Demographic aging	Средний / Medium	Критический / Critical	↑↑

Новые «серые лебеди»

Синдром «посткризисной усталости»: после достижения рекордов 2024-2025 гг. существует риск политической релаксации. Исторический опыт (2015-2018 гг.) показывает, что после периода высоких цен на зерно следует спад мотивации фермеров и сокращение инвестиций.

«Зеленый протекционизм»: регуляции ЕС (CBAM, Deforestation Regulation) и потенциальные климатические тарифы США создают нетарифные барьеры для китайского агроэкспорта и усложняют доступ к передовым технологиям.

Водно-энергетический нексус: Северокитайская равнина, обеспечивающая 25% производства зерна, испытывает критический дефицит водных ресурсов. Переход на энергоемкие системы орошения (капельное, разбрызгивание) увеличивает энергопотребление сектора, конфликтуя с целями декарбонизации [18].

Структурные проблемы продовольственной безопасности Китая носят системный характер, охватывая деградацию земельных и водных ресурсов, технологическую зависимость и экономическую неустойчивость аграрного производства. Сокращение площади пахотных земель на 7,13 млн га за 2015–2019 гг. [19] и доминирование средне- и низкосортных земель (68,76%) [20] ограничивают потенциал наращивания производства, тогда как истощение водоносных горизонтов Северо-Китайской равнины и загрязнение водных ресурсов [21] подрывают экологическую основу аграрного сектора. Технологическая уязвимость в семеноводстве — импорт более 20 сортов кукурузы иностранными компаниями [23] — сочетается с экономическим дисбалансом: отрицательная рентабельность зернового производства в 2016–2019 гг. и высокая зависимость от ценовой конъюнктуры дестимулируют фермерскую мотивацию, создавая риск политической релаксации после достижения количественных целей.

Заключение

Анализ 2022-2026 гг. требует корректировки концептуальных подходов. Во-первых, от «самообеспеченности» к «устойчивой резилиентности»: традиционный индекс самообеспеченности теряет показательность в условиях глобализированных цепочек добавленной стоимости. Критически важны показатели: доля импорта из нестабильных регионов, уязвимость к климатическим шокам, технологическая независимость.

Во-вторых, «внутренний цикл» продовольственной безопасности: доктрина «двойного циркуляции» (双循环) применительно к аграрному сектору означает баланс между импортом сырья (соевые бобы) и экспортом высокодобавленной стоимости (переработка, технологии, стандарты).

В-третьих, продовольственная безопасность как элемент «мягкой силы»: в условиях глобального голода гуманитарная помощь и экспорт зерна становятся инструментами геополитического влияния (примеры: поставки зерна в Африку, Ближний Восток).

Период 2022-2026 гг. продемонстрировал, что продовольственная безопасность в эпоху поликризиса требует системной трансформации. Китай, достигнув исторических рекордов производства зерна, сталкивается с новым вызовом: переходом от количественной модели к качественной устойчивости.

Ключевые выводы исследования:

1. Резилиентность превышает самообеспеченность: способность адаптироваться к шокам важнее статических показателей запасов. В условиях поликризиса критически важна гибкость аграрной системы и способность быстро реагировать на изменяющиеся условия.

2. Технологии превышают ресурсы: интенсификация через инновации позволяет компенсировать ограниченность земель и воды. Технологический суверенитет в се-

меноводстве и аграрных технологиях становится ключевым фактором долгосрочной продовольственной безопасности.

3. Интеграция превышает изоляцию: эффективное использование «двух ресурсов и двух рынков» требует геополитической гибкости, а не автономии. Китай должен развивать стратегические партнерства и диверсифицировать источники импорта продовольствия.

4. Качество превышает количество: переход к качественной безопасности требует комплексного подхода, включающего экологическую устойчивость, безопасность пищевых продуктов и благополучие производителей.

Документ № 1 (2025 г.) и стратегия всеобъемлющего восстановления села закладывают основу для этой трансформации. Однако успех будет зависеть от способности преодолеть институциональную инерцию, демографический кризис и климатические ограничения. Продовольственная безопасность Китая в 2035 г. будет определяться не тоннажем урожая, а способностью системы адаптироваться к неопределенности.

Таким образом, с точки зрения комплексного потенциала по производству продуктов питания, поддержание продовольственной безопасности по-прежнему требует постоянного пристального внимания и не может быть недооценено. Поэтому необходимо серьезно относиться к развитию общих мощностей по производству продовольствия, заблаговременно принимать определенные меры, рассматривать национальную стратегию продовольственной безопасности в перспективе, строго внедрять систему защиты пахотных земель, придерживаться «красной линии» пахотных земель в 120 млн га, активно способствовать строительству высококачественных угодий.

Литература

1. Du M., Lei J., Li S. Navigating the Path to Food Security in China: Challenges, Policies, and Future Directions // Foods. 2025. Vol. 14, No. 4. P. 644. DOI: 10.3390/foods14040644

2. FAO. The State of Food Security and Nutrition in the World 2024. Rome: FAO, 2024. 320 p. https://doi.org/10.4060/cd1254en

3. FSIN and GNAFC. Global Report on Food Crises 2025. Rome: Food Security Information Network, 2025. 295 p. DOI: 10.71958/wfp130664

4. FAO and WFP. Early Warning Analysis of Acute Food Insecurity Hotspots. Rome: FAO, 2025. 45 p.

5. WFP. Hunger Hotspots: FAO-WFP early warnings on acute food insecurity. Rome: WFP, 2025. 62 p.

6. National Bureau of Statistics of China. China Statistical Yearbook 2024. Beijing: China Statistics Press, 2024. 890 p.

7. Xinhua News Agency. China's grain production exceeds 700 million tonnes for first time. Beijing, December 2024.

8. CPC Central Committee and State Council. Opinions on Further Deepening Rural Reform and Steadily Advancing Comprehensive Rural Revitalization (China's No. 1 Central Document for 2025). Beijing, February 23, 2025.

9. Xinhua News Agency. China's No.1 central document sets agricultural modernization roadmap. Beijing, February 2025.

10. Sen A. Poverty and Famines: An Essay on Entitlement and Deprivation. Oxford: Clarendon Press, 1981. 257 p. ISBN 978-0-19-828463-5

11. Fan S. Reflections of Food Policy Evolution over the Last Three Decades // Applied Economic Perspectives and Policy. 2020. Vol. 42, No. 3. P. 380-394. DOI: 10.1002/aepp.13065

12. Huang J., Wei W., Cui Q. The Prospects for China's Food Security and Imports: Will China Starve the World via Imports? // Journal of Integrative Agriculture. 2017. Vol. 16, No. 12. P. 2933-2944. DOI: 10.1016/S2095-3119(17)61830-8

13. Zhao H., Chang J., Havlík P., et al. China's Future Food Demand and Its Implications for Trade and Environment // Nature Sustainability. 2021. Vol. 4. P. 1042-1051. DOI: 10.1038/s41893-021-00764-2

14. World Bank. Commodity Markets Outlook: Implications for Developing Countries. Washington DC: World Bank, 2025. 125 p.

15. FSIN and GNAFC. Global Report on Food Crises: Mid-Year Update 2025. Rome: Food Security Information Network, 2025. 180 p.

16. Li C., Zhang Y., et al. Construction of China's Food Security Evaluation Index System and Spatiotemporal Evolution // Environmental Science and Pollution Research. 2024. Vol. 31, No. 17. P. 25014-25032.

17. USDA Foreign Agricultural Service. Oilseeds: World Markets and Trade. Washington DC: USDA, 2025. 45 p.

18. Pan D., Yang J., Zhou G., Kong F. The Influence of COVID-19 on Agricultural Economy and Emergency Mitigation Measures in China: A Text Mining Analysis // PLoS ONE. 2020. Vol. 15, No. 10. P. e0241167. DOI: 10.1371/journal.pone.0241167

19. Zhang L., Luo B. Agricultural Chemical Reduction: The Logic and Evidence Based on Farmland Operation Scale of Households // China Rural Economy. 2020. No. 2. P. 81-99.

20. Zhang Y., Lu X. A Comprehensive Evaluation of Food Security in China and Its Obstacle Factors // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2023. Vol. 20, No. 1. P. 451. DOI: 10.3390/ijerph20010451

21. Niu Y., Xie G., Xiao Y., et al. The Story of Grain Self-Sufficiency: China's Food Security and Food for Thought // Food and Energy Security. 2022. Vol. 11, No. 3. P. e344. DOI: 10.1002/fes3.344

22. Liu Y., Zhou Y. Reflections on China's Food Security and Land Use Policy under Rapid Urbanization // Land Use Policy. 2021. Vol. 109. P. 105699. DOI: 10.1016/j.landusepol.2021.105699

23. Cui N., Dong J. Grain Production Security in Major Grain-Producing Areas: Status, Challenges, and Guarantee Path // Issues in Agricultural Economy. 2021. No. 7. P. 130-144.

24. Zhong Y., Hong F. Thoughts on Constructing the Compensation Mechanism for the Development of Main Grain Producing Areas // Academic Journal of Zhongzhou. 2019. No. 270. P. 30-36.

25. Jiang C., Li J. Research on Indicator System of Agricultural and Rural Modernization with Chinese Characteristics in 2035 // Globalization. 2021. No. 4. P. 92-108.

26. Dong W., Wang X., Yang J. Future Perspective of China's Feed Demand and Supply During Its Fast Transition Period of Food Consumption // Journal of Integrative Agriculture. 2015. Vol. 14, No. 6. P. 1092-1100. DOI: 10.1016/S2095-3119(14)60992-8

27. Xin X., Liu R., Wang J. Getting Rid of the Misconception that the Higher the Self-Sufficiency Rate, the Safer the Food // Economic Issues in Agriculture. 2020. No. 10. P. 19-31.

28. Li X., Han Y. Analysis and Empirical Verification of Driving Forces of Grain Import Price Differences // Journal of South China Agricultural University (Social Sciences). 2018. Vol. 17, No. 5. P. 57-68.

29. Ni H. China's Agricultural Supply-side Structural Reform from an Opening-up Perspective // Issues in Agricultural Economy. 2019. No. 2. P. 9-15.

30. Cheng G., Zhu M. COVID-19 Pandemic is Affecting Food Security: Trends, Impacts and Recommendations // China Rural Economy. 2020. No. 5. P. 13-20.

31. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p. ISBN 978-1-55587-784-2

Geoeconomics of Food Security in a Polycrisis: The Evolution of China's Policy Responses (2022–2026)

Kornev N.A.
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

The relevance of this study is determined by the transformation of global food security from pandemic shocks to a structural polycrisis combining geopolitical fragmentation, climate instability, and inflationary pressure during 2022-2026. The research object comprises the processes of ensuring China's food security amid global systemic transformations. The research subject is the evolution of food security risks and political mechanisms of adaptation of China's agricultural system. The research aim is to conduct a comprehensive analysis of food security risk transformation and develop scientifically grounded recommendations for improving China's food security policy. To achieve this goal, the following tasks were accomplished: analysis of global food security dynamics in the context of polycrisis; investigation of China's food security features against the background of record grain production indicators; identification of key risks and challenges, including climate, demographic, and technological factors; development of strategic recommendations for transitioning to a qualitative model of food security. The methodological foundation includes systems analysis, comparative-historical method, statistical analysis of FAO, USDA, and China's National Bureau of Statistics data, as well as forecasting modeling method. The research results demonstrate that China has reached a historical maximum of grain self-sufficiency (97% with production of 714.9 million tons in 2025) while maintaining structural dependence on soybean imports (approximately 90%). The intensification of climate risks as a systemic threat to production sustainability has been identified, along with the critical importance of transitioning from quantitative to qualitative security within the “Comprehensive Rural Revitalization” strategy (2025-2035). The research conclusions indicate the necessity of theoretical reassessment of approaches to food security: from static self-sufficiency to dynamic resilience, from isolation to integration into global value chains, from quantitative indicators to comprehensive assessment of agricultural system quality and sustainability.

Keywords: China; food security; polycrisis; climate adaptation; comprehensive rural revitalization strategy; geo-economics of agricultural markets; grain self-sufficiency; agricultural policy; sustainable development; food diplomacy

References

1. Du M., Lei J., Li S. Navigating the Path to Food Security in China: Challenges, Policies, and Future Directions // Foods. 2025. Vol. 14, No. 4. P. 644. DOI: 10.3390/foods14040644
2. FAO. The State of Food Security and Nutrition in the World 2024. Rome: FAO, 2024. 320 p. https://doi.org/10.4060/cd1254en
3. FSIN and GNAFC. Global Report on Food Crises 2025. Rome: Food Security Information Network, 2025. 295 p. DOI: 10.71958/wfp130664
4. FAO and WFP. Early Warning Analysis of Acute Food Insecurity Hotspots. Rome: FAO, 2025. 45 p.
5. WFP. Hunger Hotspots: FAO-WFP early warnings on acute food insecurity. Rome: WFP, 2025. 62 p.
6. National Bureau of Statistics of China. China Statistical Yearbook 2024. Beijing: China Statistics Press, 2024. 890 p.
7. Xinhua News Agency. China's grain production exceeds 700 million tonnes for first time. Beijing, December 2024.
8. CPC Central Committee and State Council. Opinions on Further Deepening Rural Reform and Steadily Advancing Comprehensive Rural Revitalization (China's No. 1 Central Document for 2025). Beijing, February 23, 2025.
9. Xinhua News Agency. China's No.1 central document sets agricultural modernization roadmap. Beijing, February 2025.
10. Sen A. Poverty and Famines: An Essay on Entitlement and Deprivation. Oxford: Clarendon Press, 1981. 257 p. ISBN 978-0-19-828463-5
11. Fan S. Reflections of Food Policy Evolution over the Last Three Decades // Applied Economic Perspectives and Policy. 2020. Vol. 42, No. 3. P. 380-394. DOI: 10.1002/aepp.13065
12. Huang J., Wei W., Cui Q. The Prospects for China's Food Security and Imports: Will China Starve the World via Imports? // Journal of Integrative Agriculture. 2017. Vol. 16, No. 12. P. 2933-2944. DOI: 10.1016/S2095-3119(17)61830-8
13. Zhao H., Chang J., Havlík P., et al. China's Future Food Demand and Its Implications for Trade and Environment // Nature Sustainability. 2021. Vol. 4. P. 1042-1051. DOI: 10.1038/s41893-021-00764-2
14. World Bank. Commodity Markets Outlook: Implications for Developing Countries. Washington DC: World Bank, 2025. 125 p.
15. FSIN and GNAFC. Global Report on Food Crises: Mid-Year Update 2025. Rome: Food Security Information Network, 2025. 180 p.
16. Li C., Zhang Y., et al. Construction of China's Food Security Evaluation Index System and Spatiotemporal Evolution // Environmental Science and Pollution Research. 2024. Vol. 31, No. 17. P. 25014-25032.
17. USDA Foreign Agricultural Service. Oilseeds: World Markets and Trade. Washington DC: USDA, 2025. 45 p.
18. Pan D., Yang J., Zhou G., Kong F. The Influence of COVID-19 on Agricultural Economy and Emergency Mitigation Measures in China: A Text Mining Analysis // PLoS ONE. 2020. Vol. 15, No. 10. P. e0241167. DOI: 10.1371/journal.pone.0241167
19. Zhang L., Luo B. Agricultural Chemical Reduction: The Logic and Evidence Based on Farmland Operation Scale of Households // China Rural Economy. 2020. No. 2. P. 81-99.
20. Zhang Y., Lu X. A Comprehensive Evaluation of Food Security in China and Its Obstacle Factors // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2023. Vol. 20, No. 1. P. 451. DOI: 10.3390/ijerph20010451
21. Niu Y., Xie G., Xiao Y., et al. The Story of Grain Self-Sufficiency: China's Food Security and Food for Thought // Food and Energy Security. 2022. Vol. 11, No. 3. P. e344. DOI: 10.1002/fes3.344
22. Liu Y., Zhou Y. Reflections on China's Food Security and Land Use Policy under Rapid Urbanization // Land Use Policy. 2021. Vol. 109. P. 105699. DOI: 10.1016/j.landusepol.2021.105699
23. Cui N., Dong J. Grain Production Security in Major Grain-Producing Areas: Status, Challenges, and Guarantee Path // Issues in Agricultural Economy. 2021. No. 7. P. 130-144.
24. Zhong Y., Hong F. Thoughts on Constructing the Compensation Mechanism for the Development of Main Grain Producing Areas // Academic Journal of Zhongzhou. 2019. No. 270. P. 30-36.
25. Jiang C., Li J. Research on Indicator System of Agricultural and Rural Modernization with Chinese Characteristics in 2035 // Globalization. 2021. No. 4. P. 92-108.
26. Dong W., Wang X., Yang J. Future Perspective of China's Feed Demand and Supply During Its Fast Transition Period of Food Consumption // Journal of Integrative Agriculture. 2015. Vol. 14, No. 6. P. 1092-1100. DOI: 10.1016/S2095-3119(14)60992-8
27. Xin X., Liu R., Wang J. Getting Rid of the Misconception that the Higher the Self-Sufficiency Rate, the Safer the Food // Economic Issues in Agriculture. 2020. No. 10. P. 19-31.
28. Li X., Han Y. Analysis and Empirical Verification of Driving Forces of Grain Import Price Differences // Journal of South China Agricultural University (Social Sciences). 2018. Vol. 17, No. 5. P. 57-68.
29. Ni H. China's Agricultural Supply-side Structural Reform from an Opening-up Perspective // Issues in Agricultural Economy. 2019. No. 2. P. 9-15.
30. Cheng G., Zhu M. COVID-19 Pandemic is Affecting Food Security: Trends, Impacts and Recommendations // China Rural Economy. 2020. No. 5. P. 13-20.
31. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p. ISBN 978-1-55587-784-2

Транснациональная незаконная торговля оружием в контексте гибридной войны: угрозы безопасности и комплексные меры нейтрализации

Мороз Владимир Алексеевич
Аспирант, кафедра стратегических коммуникаций и государственного управления; Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации» (ДА МИД России), morozvova2001@mail.ru.

В работе исследуется феномен транснациональной незаконной торговли оружием как инструментального элемента гибридных войн. Актуальность исследования обусловлена качественной трансформацией нелегальных оружейных рынков: от стихийного разграбления арсеналов к управляемым государственными и негосударственными акторами логистическим сетям, встроенным в легальные коммерческие потоки. Целью работы является идентификация системных угроз, возникающих при интеграции теневых оружейных поставок в стратегию гибридного противостояния, а также разработка комплекса мер нейтрализации, выходящих за пределы традиционного экспортного контроля. Методологическую базу составляют системный анализ структурных связей между криминальными сетями и разведывательными сообществами, сравнительно-правовой анализ международных режимов регулирования, а также метод кейс-стади, применённый к конфликтам последнего десятилетия. Результаты исследования демонстрируют, что ключевая угроза смещается из плоскости количества оружия в плоскость его качества и управляемости поставок: на чёрные рынки поступают высокоточные системы, переносные зенитные ракетные комплексы и ударные беспилотники, что нивелирует технологическое превосходство регулярных армий.

Ключевые слова: транснациональная преступность, незаконная торговля оружием, гибридная война, прокси-силы, контрабанда, даркнет, криптовалюты, экспортный контроль, международная безопасность, сетецентрические угрозы, блокчейн-прослеживаемость

Введение

Завершение периода «холодной войны» породило большие надежды на достижение прочного мира и стабильности. Однако окончание XX и начало XXI в. характеризуются высокой динамикой политических событий, возникновением новых очагов напряженности в различных регионах, слабой предсказуемостью развития ситуации в мире. Сегодня в современных международных отношениях транснациональная незаконная торговля оружием перестала быть периферийной проблемой криминалистики или таможенного контроля [1, с. 6]. В условиях тотальной гибридизации конфликтов нелегальные потоки вооружений трансформировались в один из наиболее эффективных и при этом трудно доказуемых инструментов стратегического воздействия [2, с. 25]. В свою очередь гибридная война, стирающая различия между состоянием мира и войны, между солдатом и гражданским лицом, между легальными поставками и контрабандой, создала идеальную экосистему для процветания теневых оружейных рынков. В связи с этим незаконная торговля оружием на сегодняшний день обслуживает не только классические криминальные синдикаты, но и вполне респектабельные правительства.

Угроза, исходящая от этого явления, носит комплексный характер: она размывает монополию государства на легитимное насилие, удлиняет временной горизонт конфликтов, делает их экономически самодостаточными и, самое главное, создаёт эффект бумеранга, когда оружие, произведённое для одной гибридной кампании, через цепочку перепродаж возвращается в метрополию, обслуживая уже внутренний терроризм [3, с. 378]. Актуальность темы продиктована не столько ростом объёмов изъятий нелегального оружия, сколько качественным изменением самого ассортимента: на чёрные рынки проникают не только автоматы Калашникова, но и переносные зенитные ракетные комплексы, противотанковые управляемые ракеты, ударные беспилотники и средства радиоэлектронной борьбы. Это означает, что негосударственные акторы и террористические группы получают потенциал, способный нейтрализовать техническое превосходство регулярных армий, что кардинально меняет баланс сил в любом региональном конфликте. Целью данной работы является комплексный анализ транснациональной незаконной торговли оружием именно как инструмента гибридной войны, выявление структурных связей между криминальными сетями и спецслужбами, а также формирование системы мер нейтрализации, выходящих за рамки традиционного эмбарго и усиления пограничного контроля.

Методы исследования

Методологическая база исследования строится на сочетании системного подхода, позволяющего рассматривать незаконную торговлю оружием не как изолированные преступные эпизоды, а как устойчивую сетевую структуру, встроенную в глобальные политические процессы, и сравнительно-правового анализа, направленного на оценку эффективности существующих международных режимов контроля, таких как Программа действий ООН по стрелковому оружию или Вассенаарские договорённости. Эмпирическую базу составили открытые отчёты Стокгольмского института исследований проблем мира, доклады

Управления ООН по наркотикам и преступности, материалы Интерпола и Европола, а также аналитические записки неправительственных организаций, отслеживающих маршруты контрабанды.

Результаты исследования

Современная незаконная торговля оружием в контексте гибридной войны прошла три этапа эволюции. Первый этап, приходящийся на конец двадцатого века, характеризовался доминированием «наследственных» арсеналов: основные потоки формировались за счёт разграбления государственных складов в зонах распада государственности, как это было в Сомали, Афганистане или странах бывшей Югославии [5, с. 15]. Второй этап, охватывающий период глобальной войны с терроризмом, ознаменовался так называемым эффектом обратного слива, когда оружие, поставляемое легально союзным правительствам и повстанческим группам, оказывалось на чёрном рынке благодаря коррупции или военным поражениям. Третий, современный этап, непосредственно связанный с гибридными войнами, представляет собой принципиально иную модель. Это уже не стихийный рынок, а управляемый процесс, где поставки вооружений прокси-силам планируются заранее, финансируются через офшорные компании, а транспортировка осуществляется под прикрытием гуманитарных конвоев или коммерческих грузоперевозок с поддельными документами.

Ключевым выводом является наличие устойчивой корреляции между эскалацией гибридных кампаний и резким увеличением предложения на теневых рынках специфических видов вооружений, характерных именно для армий государств-агрессоров. Так, например, появление в Мали или Центральноафриканской Республике боеприпасов и осколочных гранат, произведённых в странах Восточной Европы в течение последних двух лет, невозможно объяснить только активностью криминальных группировок, что указывает на целенаправленную деятельность спецслужб по диверсификации каналов поставок.

Исследование выявило, что важнейшей угрозой безопасности становится феномен «оружейного вампиризма», когда нерегулярные вооружённые формирования, получив современные образцы вооружений, быстро адаптируют их под свою тактику, а устаревшие, но всё ещё боеспособные образцы сбрасываются на коммерческий чёрный рынок. Это создаёт долгосрочный негативный эффект, так как даже после урегулирования конкретного конфликта оружие остаётся в регионе на десятилетия, формируя среду для перманентной преступности и терроризма.

Отдельно следует выделить угрозу, связанную с «цифровизацией» контрабанды. Сегодня всё чаще сделки инициируются через даркнет и криптовалютные платформы, а логистика использует коммерческие платформы для совместных перевозок, что делает практически невозможным физический досмотр всех грузов. Фактически, незаконная торговля оружием стала стресс-тестом для либеральной экономической модели, основанной на свободе торговли и минимизации таможенных барьеров, поскольку преступники используют именно эти преимущества для быстрого перемещения товаров через границы.

Цифровизация транснациональной незаконной торговли оружием представляет собой не просто смену инструментов коммуникации, а фундаментальную трансформацию самой структуры преступного бизнеса, делающую его практически неуязвимым для традиционных методов правоприменения. Если ещё пятнадцать лет назад контрабанда вооружений требовала личных встреч, проверок через доверенных лиц, наличных расчётов в офшорных зонах и физической передачи товара из рук в руки, то сегодня весь жизненный цикл сделки, от поиска покупателя до финальной доставки, может быть осуществлён без единого контакта между продавцом и заказчиком.

Даркнет, вопреки расхожему мнению, давно перестал быть убежищем одиночек-энтузиастов и мелких дилеров. На таких платформах, как Hydra до её ликвидации или RAMP, а также на многочисленных зеркалах и вновь возникающих площадках, сформировалась полноценная инфраструктура верифицированных продавцов. Система работает по принципу маркетплейса: продавец получает рейтинг, отзывы, гарантии эскроу-счетов в криптовалюте. Покупатель из любой точки мира заходит через браузер Tor, выбирает товар из каталога, где зачастую указаны не только автоматы или пистолеты, но и гранатомёты, переносные зенитные комплексы и даже заказные партии боеприпасов, и оплачивает покупку биткоинами или анонимными монетами. Администрация площадки выступает гарантом, удерживая средства до подтверждения получения груза. Это полностью исключает классическую оперативную вербовку: оперативник не может внедриться в среду, потому что среды как привычного физического сообщества не существует. Есть анонимные никнеймы, которые сегодня активны, а завтра меняют ключи шифрования.

Однако критически важным звеном, обеспечивающим жизнеспособность этой схемы, является не столько даркнет, сколько легальная коммерческая логистика [6]. Именно здесь происходит разрыв между высокотехнологичным заказом и физическим перемещением товара, и именно здесь преступники достигли наибольшего успеха в эксплуатации уязвимостей либеральной экономической модели. Международная контейнерная перевозка, обрабатывающая десятки миллионов стандартизированных сорокафутовых контейнеров ежегодно, построена на принципах доверия и минимизации барьеров. Груз отправляется от двери до двери, пересекая за время пути до десяти-пятнадцати юрисдикций.

Таможенные службы физически способны досмотреть не более двух-трёх процентов от общего объёма. Даже современные сканеры не всегда позволяют идентифицировать разобранные узлы оружия, упакованные в пластик и залитые герметиком, или замаскированные под промышленное оборудование. Схема выглядит следующим образом: оружейный дилер в Пакистане или на Балканах заказывает контейнер, например, с мебелью или сельскохозяйственной продукцией. Внутри этого легального груза, в специально оборудованной полости, размещается партия пистолетов или комплектующих. Все документы оформлены идеально: инвойс, упаковочный лист, сертификаты происхождения. Контейнер следует через порты Стамбула, Пирея или Роттердама. На каждом этапе досмотр носит выборочный характер, и вероятность того, что именно этот контейнер откроют, крайне мала. Но даже если его откроют, найти скрытую полость, не имея точных координат закладки или рентгеновского аппарата высокого разрешения, практически невозможно.

Ещё более сложная для обнаружения схема использует платформы каршеринга грузоперевозок, так называемые биржи логистики. Сервисы вроде Uber Freight или европейские аналоги позволяют перевозчикам с простаивающим транспортом брать заказы на доставку [7, с. 60]. Преступные группы создают подставные компании-однодневки, регистрируются на таких платформах, получают заказ на перевозку совершенно легального товара, например, стройматериалов, и в пути осуществляют перевалку оружия. Водитель фуры, законно нанятый через цифровую платформу, часто даже не подозревает, что в паллете с гипсокартоном находится тайник. Он едет по навигатору, передаёт груз на складе получателю, получает

оплату на счёт компании. Цепочка рвётся здесь же: компания-перевозчик ликвидируется через неделю, следов не остаётся. Правоохранители могут задержать фуру, но доказывать умысел конкретного водителя, не имеющего никакого отношения к преступному сговору, крайне сложно, а грузоотправитель уже не существует юридически.

Отдельный пласт цифровизации связан с так называемым «производством на заказ». Речь идёт не столько о поставках готовых заводских изделий, сколько о контрабанде компонентов и 3D-технологиях. Цифровая модель оружейного ствола, затвора или даже рамки пистолета может быть зашифрована, разбита на тысячи пакетов данных и передана через мессенджеры типа Signal или Wire. На принимающей стороне находится коммерческая компания, владеющая фрезерным станком с числовым программным управлением. Формально компания занимается производством запчастей для автомобилей. Получив чертёж, станок вытачивает деталь, которая ничем не отличается от заводской, а иногда и превосходит её по качеству, если используется авиационный алюминий или титан. Далее эти детали через ту же даркнет-сеть координируются с другими производителями затворов, рамок, магазинов и ударно-спусковых механизмов. Все компоненты свозятся в единую точку сборки, иногда на территории третьей страны, где происходит финальная комплектация. Весь процесс юридически легален до самого последнего момента, потому что по отдельности ствол, рамка и затвор во многих юрисдикциях не считаются оружием до момента полной сборки. Эта схема делает бессмысленными традиционные попытки перекрыть каналы производства, поскольку завод-изготовитель как единая точка отказа просто отсутствует.

Использование криптовалют в этой экосистеме решает проблему трансграничного движения капитала, веками сдерживавшую крупную контрабанду. Биткоин-транзакции, особенно с использованием миксеров и протоколов конфиденциальности, не оставляют банковских следов. Невозможно арестовать счёт, если нет самого счёта в традиционном понимании, а есть лишь набор цифровых ключей, которые владелец может держать в голове. Даже когда правоохранителям удаётся идентифицировать криптокошелёк, средства могут быть перемещены за секунды через десятки промежуточных адресов. Более того, внедрение смарт-контрактов позволяет автоматизировать расчёты без посредников. Покупатель и продавец загружают условия сделки в блокчейн: средства блокируются на смарт-контракте и автоматически перечисляются продавцу при получении подтверждения доставки от независимого оракула, например, от логистической компании, которая сама не подозревает о своей роли в преступной схеме.

Таким образом, «цифровизация» контрабанды создала принципиально неустранимую асимметрию. Государство вынуждено защищать линейные границы — порты, аэропорты, почтовые терминалы. Преступник же атакует точечно и распределённо. Либеральная экономическая модель, основанная на свободе перемещения товаров, капиталов и услуг, минимизации бюрократических барьеров и уважении к коммерческой тайне, оказалась идеальной средой для масштабирования этого бизнеса. Каждое нововведение, призванное ускорить легальную торговлю — предварительное электронное декларирование, «единое окно», упрощённые таможенные коридоры, — неизбежно используется преступниками для легализации своих грузопотоков. Они не взламывают систему, они просто покупают билет в тот же поезд, что и законопослушные экспортёры, и едут с ними в одном вагоне. Единственный способ остановить этот процесс — не просто усиливать досмотр, что физически невозможно при текущих объёмах мировой торговли, а пересматривать саму парадигму доверия. Переход от выборочного контроля к тотальной цифровой прослеживаемости каждой единицы товара, внедрение систем сквозного мониторинга на основе блокчейна и искусственного интеллекта, анализирующего аномалии в логистических паттернах, — это неизбежная плата за сохранение безопасности. Однако такие меры вступают в прямое противоречие с интересами транснационального капитала, для которого любые дополнительные проверки означают рост издержек и замедление оборачиваемости. И пока это противоречие не разрешено, цифровая контрабанда оружия будет оставаться идеальным преступлением, идеально встроенным в механизмы глобальной экономики.

В ходе обсуждения полученных данных необходимо отойти от упрощённой трактовки проблемы как сугубо правоохранительной. Основное противоречие, которое делает незаконную торговлю оружием практически неискоренимой в краткосрочной перспективе, заключается в конфликте интересов между глобальным Севером и глобальным Югом. Развитые страны-производители вооружений формально заинтересованы в контроле, но негласно используют нелегальные каналы для решения своих геополитических задач, тогда как развивающиеся страны, сталкивающиеся с потоком контрабанды, не обладают ни техническими, ни финансовыми ресурсами для эффективного перехвата. Дискуссия вокруг введения глобальной системы маркировки оружия, включая нанесение меток на боеприпасы, уже более десятилетия блокируется именно из-за того, что прозрачность лишила бы государства возможности скрывать реальных получателей. Более того, система так называемых «конечных сертификатов пользователя», призванная гарантировать, что оружие не будет реэкспортировано третьей стороне, превратилась в фикцию. Исследование зафиксировало десятки случаев, когда правительства стран Прибалтики, Юго-Восточной Азии и Африки выдавали сертификаты на партии оружия, которое в течение двух недель оказывалось в распоряжении группировок, внесённых в террористические списки ООН.

Таким образом, ключевая проблема лежит не в плоскости технологий отслеживания, а в отсутствии политической воли и, что ещё важнее, в отсутствии механизмов принуждения, которые распространялись бы не на страны-транзитёры, а на непосредственных производителей. Представляется, что современная система санкций, ориентированная на эмбарго в отношении стран назначения, абсолютно неэффективна против гибридных схем.

Комплексные меры нейтрализации должны включать в себя, во-первых, переход от национальных систем контроля к наднациональной системе лицензирования производства, при которой любая партия оружия, независимо от заявленного конечного пользователя, должна фиксироваться в едином цифровом реестре с использованием технологий распределённого реестра. Это исключило бы возможность подмены документов. Во-вторых, необходима юридическая квалификация систематического снабжения негосударственных вооружённых групп на территории суверенного государства в качестве акта агрессии, что позволит применять к странам-спонсорам весь спектр мер коллективной самообороны. В-третьих, следует пересмотреть режим экспортного контроля в отношении продукции двойного назначения, поскольку именно компоненты для сборки беспилотников и систем связи стали сегодня основой «конструкторской» контрабанды. В-четвёртых, требуется создание специализированного трибунала или расширение мандата Международного уголовного суда для преследования высших должностных лиц, сознательно организующих каналы нелегальных поставок в

рамках гибридных войн. Параллельно должны развиваться программы обратного выкупа оружия и утилизации, но не как разовые акции, а как постоянный элемент постконфликтного урегулирования, финансируемый за счёт специального налога на транснациональные корпорации, работающие в оборонно-промышленном комплексе.

Формулируя выводы, необходимо подчеркнуть, что транснациональная незаконная торговля оружием в контексте гибридной войны является не столько криминальным бизнесом, сколько полноценным инструментом геополитического принуждения, делегитимизирующим классическое международное право. Угроза, исходящая от этого явления, уже сегодня достигла такого уровня, что способность государства контролировать свои границы и монополию на насилие поставлена под сомнение действиями не только террористов, но и вполне легитимных правительств других стран. Пока сохраняется разрыв между заявлениями о приверженности разоружению и реальными действиями по тайному вооружению прокси-сил, любые разговоры о построении стабильного миропорядка останутся декларацией. Оружие, попавшее в теневой оборот, приобретает свойство «чёрной дыры»: оно исчезает из официальной статистики, но продолжает работать, убивать и дестабилизировать на протяжении десятилетий. Нейтрализация этой угрозы невозможна без кардинального пересмотра отношения государств к суверенитету в вопросах производства и сбыта вооружений.

На сегодняшний день необходимо формирование глобального режима, при котором нелегальная торговля оружием будет рассматриваться не как правонарушение, а как преступление против мира и безопасности человечества, не имеющее срока давности. Только девальвировав оружие как доступный и эффективный инструмент политического влияния, отвязав его стоимость от способности радикально менять расстановку сил на поле боя, международное сообщество сможет перекрыть кислород гибридным войнам.

Литература

1. Бартош А.А. Законы и принципы гибридной войны. Военная мысль. 2022. № 10. С. 6-14.
2. Малышев А.Г., Абдуллина К.Р., Левин М.С. Проблема роста незаконного оборота оружия и пути ее разрешения в современных реалиях. В сборнике: Современные вопросы огневой подготовки и пути ее совершенствования. Сборник материалов научно-практического семинара с международным участием. Рязань, 2023. С. 25-29.
3. Поротов С.А., Шадчин И.Г. Незаконный оборот оружия: причины, последствия и пути решения проблемы. Аллея науки. 2024. Т. 1. № 9 (96). С. 378-381.
4. Balogun W. A. Dynamics of Illicit Arms Trade and Regional Security Challenges in West Africa: A Focus on Nigeria //Africa Review. – 2024. – Т. 17. – №. 1. – С. 1-21.
5. Mitrescu S., Sokolov M. In the Crosshairs: Hybrid Threats and the Challenge to Maritime //Defending Maritime Assets: Approaches to Critical Infrastructure Protection. – 2025. – С. 65.
6. Bertolini M., Minicozzi R., Sweijs T. Ten guidelines for dealing with hybrid threats: A policy response framework. – Hague Centre for Strategic Studies (HCSS), 2023.
7. Missiroli A. From hybrid warfare to'cybrid'threats-and back? Concepts, challenges, responses //Addressing Hybrid Threats. – Edward Elgar Publishing, 2024. – С. 40-56.

Transnational Illegal Arms Trade in the Context of Hybrid Warfare: Security Threats and Comprehensive Countermeasures

Moroz V.A.

The Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs.

This paper examines the phenomenon of transnational illicit arms trade as an instrumental element of hybrid warfare. The relevance of this study stems from the qualitative transformation of illicit arms markets: from the spontaneous looting of arsenals to logistics networks managed by state and non-state actors, integrated into legal commercial flows. The aim of this paper is to identify the systemic threats arising from the integration of illicit arms supplies into a hybrid warfare strategy, as well as to develop a set of countermeasures that go beyond traditional export controls. The methodological framework is based on a systemic analysis of the structural links between criminal networks and intelligence communities, a comparative legal analysis of international regulatory regimes, and a case study approach applied to conflicts of the last decade. The study's findings demonstrate that the key threat is shifting from weapons quantity to quality and supply chain management: high-precision systems, man-portable air defense systems, and attack drones are entering the black market, eroding the technological superiority of regular armies.

Keywords: transnational crime, illegal arms trade, hybrid warfare, proxy forces, smuggling, darknet, cryptocurrencies, export controls, international security, network-centric threats, blockchain traceability

References

1. Bartosh A.A. Laws and principles of hybrid warfare. Military Thought. 2022. No. 10. pp. 6-14.
2. Malyshev A.G., Abdullina K.R., Levin M.S. The Problem of Growing Illegal Arms Trafficking and Ways to Address It in Modern Realities. In: Current Issues in Firearms Training and Ways to Improve It. Collection of Materials from a Scientific and Practical Seminar with International Participation. Ryazan, 2023. pp. 25-29.
3. Porotov S.A., Shadchin I.G. Illegal Arms Trafficking: Causes, Consequences, and Solutions. Alley of Science. 2024. Vol. 1. No. 9 (96). pp. 378-381.
4. Balogun W.A. Dynamics of Illicit Arms Trade and Regional Security Challenges in West Africa: A Focus on Nigeria // Africa Review. - 2024. - Vol. 17. - No. 1. - pp. 1-21.
5. Mitrescu S., Sokolov M. In the Crosshairs: Hybrid Threats and the Challenge to Maritime //Defending Maritime Assets: Approaches to Critical Infrastructure Protection. – 2025. – P. 65.
6. Bertolini M., Minicozzi R., Sweijs T. Ten guidelines for dealing with hybrid threats: A policy response framework. – Hague Center for Strategic Studies (HCSS), 2023.
7. Missiroli A. From hybrid warfare to'cybrid'threats-and back? Concepts, challenges, responses //Addressing Hybrid Threats. – Edward Elgar Publishing, 2024. – pp. 40-56.

Институциональная модель стратегических аналитических центров Австрии и механизмы их адаптации в системе государственного управления Республики Узбекистан и России

Мороз Сергей Александрович
магистрант Ташкентского Государственного Юридического Университета, Lawrusmoroz@mail.ru

Махаммаджанов Голибжон Махаммаджан угли
доктор философии по политическим наукам (Phd), Ташкентский Государственный Юридический Университет

Рахимова Муатар Абдусаторовна
доктор юридических наук, профессор, Ташкентский Государственный Юридический Университет

Статья посвящена системно-комплексному институционально-методологическому анализу стратегических аналитических центров Австрийской Республики. Проводится обзор методов формирования аналитической инфраструктуры, структуры взаимодействия экспертных институтов с органами государственной власти, а также применяемые методы стратегического анализа, такие как evidence-based policy, эконометрическое моделирование, стратегическое прогнозирование (foresight), оценка регулирующего воздействия (RIA), сценарное моделирование и институциональный аудит.
На основе сравнительного анализа выявляются структурные различия между австрийской моделью и формирующейся системой стратегического планирования Республики Узбекистан и России. Предлагается концептуальная модель институциональной адаптации, включающая создание национального центра стратегического прогнозирования, внедрение обязательной оценки регулирующего воздействия и развитие научно-аналитической автономии. Делается вывод о возможности формирования в Узбекистане и России гибридной модели стратегического управления, сочетающей государственную координацию и экспертную независимость.
Ключевые слова: стратегические аналитические центры, think tanks, государственное управление, институциональная экономика, foresight, эконометрическое моделирование, оценка регулирующего воздействия, стратегическое планирование, Узбекистан, Австрия.

Введение

Современная система государственного управления в условиях глобальной неопределенности требует институционализации стратегического анализа. Традиционные административные механизмы уже не обеспечивают достаточной адаптивности к транснациональным экономическим и политическим рискам. В этих условиях стратегические аналитические центры становятся ключевыми элементами интеллектуальной инфраструктуры государства.

Австрия представляет интерес, как пример страны с нейтральным статусом, развитой социально-рыночной экономикой и устойчивой системой экспертной поддержки принятия решений. Особенность австрийской модели заключается в балансе между государственной координацией и научной автономией аналитических институтов.

Австрия- это нейтральное европейское государство с развитой системой аналитических институтов (think tanks), тесно связанных с: государственными структурами, Евросоюзом, международными организациями (Вена — штаб-квартира ООН, ОБСЕ, МАГАТЭ), университетами, бизнес-сектором.

Австрийская модель стратегических центров основана на: научной строгости, политической нейтральности, международной интеграции, практической применимости исследований. Австрийская модель отличается высокой институциональной зрелостью

Цель исследования — выявить институциональные характеристики австрийской модели стратегических центров и разработать научно обоснованные предложения по их адаптации в Республике Узбекистан и России.

Задачи исследования:

1. Проанализировать теоретические основы функционирования think tanks.
2. Исследовать институциональную структуру стратегических центров Австрии.
3. Выявить методологические инструменты их деятельности.
4. Провести сравнительный анализ с системой стратегического управления Узбекистана.
5. Разработать авторскую модель институциональной адаптации.

В рамках институциональной экономики стратегические аналитические центры рассматриваются как элементы «когнитивной инфраструктуры» государства. Они формируют экспертный капитал, обеспечивающий снижение транзакционных издержек принятия решений.

Методологической базой исследования являются: институциональный анализ, сравнительный метод, системный подход, элементы нео-институциональной теории, анализ публичной политики (public policy analysis).

Современная теория публичного управления подчеркивает переход от иерархической модели governance к сетевой (network governance), где ключевую роль играют экспертные и научные структуры.

Австрийская модель включает три уровня:

1. Государственно-ориентированные аналитические институты (WIFO).
2. Университетские исследовательские центры.
3. Международные экспертные платформы (VCDNP, структуры при ООН).

Такая полицентрическая модель обеспечивает диверсификацию экспертных позиций и снижает риски монополизации аналитики.

Центры исследований Австрии:

1. Австрийский институт экономических исследований (WIFO) основан в 1927 г., специализация которой является макроэкономика, бюджетная политика, рынок труда, промышленная стратегия. Методы работы основаны на эконометрическое моделирование, макропрогнозирование, сценарный анализ структурных реформ, оценка государственных программ (policy evaluation). Особенностью является что WIFO разрабатывает официальные макроэкономические прогнозы, которые используются правительством при формировании бюджета.

WIFO применяет современные модели общего равновесия, анализ временных рядов, панельные регрессии.

2. Austrian Institute for International Affairs (ОПР)**,** специализируется на международной политике, безопасности, внешней политике ЕС, Восточной Европе и Центральной Азии. Используются методы, такие как аналитические доклады для МИД, стратегические брифинги, экспертные круглые столы, дипломатические консультации, мониторинг международных конфликтов. OIIP формирует стратегические доклады для Министерства иностранных дел Австрии. Институт активно применяет сценарный анализ и риск-матрицы. Особенностью является**,** баланс «между наукой и дипломатией» — формирование интеллектуальной основы для внешней политики.

3. Austrian Institute of Technology (AIT), крупнейший прикладной научно-исследовательский центр, направлением выбраны цифровизация, энергетика, «умные города», транспорт будущего, кибербезопасность. Методами являются прикладные исследования, технологические пилотные проекты, сотрудничество с бизнесом, тестовые лаборатории, прогнозирование технологических трендов (foresight).

Прогнозы института используются при формировании федерального бюджета. Ключевой особенностью является интеграция национальной статистики с общеевропейскими базами данных (Eurostat). AIT развивает направления цифровизации, искусственного интеллекта и устойчивой энергетики. Центр участвует в программах ЕС Horizon Europe.

Применяются методы: Delphi-опросы, технологические дорожные карты, прогнозирование инновационных циклов.

4. Vienna Center for Disarmament and Non-Proliferation (VCDNP), где специализацией является международная безопасность контроль вооружений, ядерная безопасность. Методы используются как экспертные консультации для ООН и МАГАТЭ, подготовка специалистов, международные переговорные симуляции, policy papers.

5. European Union Agency for Fundamental Rights (FRA) – (Вена). Хотя это структура ЕС, она базируется в Вене и оказывает влияние на политику прав человека в Европе. Методы реализовываются через сбор статистики, мониторинг законодательства, оценка рисков, индикаторные системы, сравнительный анализ стран ЕС.

Основные методы работы австрийских стратегических центров

1. Evidence-based policy (политика на основе данных), решения основываются на количественных показателях, аналитике больших данных и моделировании альтернативных сценариев. В этом случае, решения принимаются на основе статистики, моделирование последствий, обязательной оценке регулирующего воздействия.

2. Сценарное прогнозирование (Strategic Foresight) включает разработку нескольких сценариев будущего, стресс-тестирование экономики и политики, анализ рисков.

3. Междисциплинарность подразумевает метод в совместной деятельности экономистов, юристов, IT-специалистов, социологов, международного права.

4. Государственно-частное партнерство (ГЧП, основываясь на финансировании государства, ЕС, гранты, бизнес. ГЧП рассматривается, как **механизм совместной ответственности и совместного финансирования стратегических проектов**, где государство и частный сектор работают в координации, но при сохранении институциональных ролей.

5. Институциональная независимость, обусловлена, что центры сохраняют аналитическую автономию.

С учетом текущих реформ в Узбекистане и в России, следующие элементы австрийской модели являются перспективными:

Создание национального центра стратегического прогнозирования, с заданными функциями:

1. долгосрочного стратегирования до 2040–2050;
2. макроэкономического моделирования;
3. анализирование геополитических рисков;
4. цифровая трансформация.

Внедрение обязательной оценки регулирующего воздействия (RIA)

Перед принятием закона необходимо провести анализ экономических последствий, расчет нагрузки на бизнес, прогноз социальных эффектов. Это повысит качество законодательства.

Развитие foresight-технологий, создавая отделы стратегического foresight для технологического прогнозирования, анализа ИИ и цифровых рисков, прогноз демографических изменений, климатическая адаптация.

Интегрируя университеты в государственную стратегию и принимая во внимание международные научные интересы и потенциал австрийская модель активно использует университетские центры. Возможно в Узбекистане, России, при эффективной реализации создать аналитические центры при ведущих вузах, безусловно вовлечь магистров и PhD в прикладные исследования и внедрить модель «университет как стратегический партнер государства».

Подготовка профессиональных policy-аналитиков необходима в области стратегического анализа, обучение эконометрии, обучение анализу данных, подготовка специалистов, по оценке госпрограмм. При развитии нейтральной экспертной среды Австрия показывает, что устойчивость достигается через экспертную независимость, прозрачность, международное сотрудничество.

Предлагаемые методы реализации — это сценарный анализ, эконометрического моделирования, оценка регуляторного воздействия. В силу данных обстоятельств Узбекистану и России важно: усиление экспертной автономии, привлечение международных грантов, создание независимых аналитических советов.

Можно предложить создание модели для Узбекистана и России, таких как Национального стратегического центра развития Узбекистана, России и Франции, возможно, в тесном сотрудничестве и во взаимосвязи.

Создание аналитических центров: макроэкономического прогнозирования, геополитического анализа, цифровой трансформации, правовых реформ, демографического и социального анализа

Возможны применение методов как big data, моделирование, сценарии, мониторинг реформ, так и стратегические сессии с правительством.

Выводом может служить, австрийская модель стратегических центров, основана на научной строгости, систем-

ном прогнозировании, международной интеграции, прикладной направленности, институциональной устойчивости, то и для Узбекистана наиболее перспективными являются: внедрение foresight-методов, эконометрическое моделирование, оценка регуляторного воздействия, развитие аналитических центров при вузах, подготовка профессиональных стратегических аналитиков.

Проводя сравнительный анализ с Республикой Узбекистан, наблюдается активная модернизация системы стратегического планирования. Однако сохраняются следующие ограничения: недостаточная институциональная автономия аналитических структур, ограниченность применения эконометрических моделей, слабая координация между университетами и государством, отсутствие развитого механизма RIA.

Австрийская модель демонстрирует более высокий уровень интеграции науки и управления. Авторы предлагают создание гибридной модели стратегического управления, включающей:

а) Национальный центр стратегического прогнозирования со структурой: макроэкономический блока; геостратегического блока, цифрового foresight и центром оценки регулирующего воздействия. Важность введение обязательной процедуры оценки последствий нормативных актов.

б) Развитие функциональных университетских аналитических центров для создания исследовательских лабораторий при ведущих вузах с государственным и грантовым финансированием.

в) Формирование экспертной автономии в актуализации прозрачности финансирования и публикация аналитических отчетов.

Для углубления сравнительного анализа целесообразно рассмотреть российскую модель стратегических аналитических структур, которая сочетает государственно-ориентированный характер с элементами экспертной автономии.

В Российской Федерации ключевыми стратегическими центрами являются:

1. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации;
2. Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО РАН);
3. Российский совет по международным делам (РСМД);
4. Центр стратегических разработок (ЦСР);
5. Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ) — как университетский аналитический центр.

В России активно применяются: макроэкономические модели долгосрочного развития, национальные проекты как инструмент стратегического планирования, цифровые платформы мониторинга показателей эффективности, стратегические сессии с участием экспертного сообщества.

Особое внимание уделяется программно-целевому методу управления и разработке государственных стратегий до 2030–2050 гг., которые чаще являются иллюзией эффективной деятельности. Например, несостоятельное Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 "О федеральной целевой программе "Развитие судебной системы России на 2013 - 2024 годы", которое, как и предполагалось в 2021г. автором работы об утопии планируемых результатов и пр.[1]

Российская модель характеризуется более высокой степенью государственной координации по сравнению с австрийской системой, однако также активно использует инструменты evidence-based policy и стратегического прогнозирования.

Сравнительный анализ показывает, что российская модель более централизована, тогда как австрийская — более сетевой и децентрализованной. Но учитывая, в силу коррупционного и бюрократического влияния, проявления негативного влияния России во многих отраслях правоотношений, то не может эффективно развиваться система научных решений в реальную практику.[2][3]

В Узбекистане в последние годы осуществляется активная трансформация системы государственного управления. Приняты стратегические документы долгосрочного развития, включая: стратегию развития «Новый Узбекистан», программы цифровой трансформации, реформы государственного управления, модернизацию системы государственной стратегии.

В стране функционируют Институт стратегических и межрегиональных исследований, Центры экономических исследований и реформ, аналитические подразделения при министерствах, исследовательские структуры при университетах.

Однако система пока находится в стадии институционального становления.

Основные ограничения в применении моделей, заключается в:

1. Ограниченном применении эконометрических и DSGE-моделей.
2. Недостаточной формализации процедур оценки регулирующего воздействия.
3. Невысокой степени публичности аналитических отчетов.
4. Ограниченная интеграция национальной статистики в прогнозные модели
5. Коррупции и бюрократизме
6. Низкой профессиональной подготовке системы управления, формирования структур и т.д.

Таблица 1
Институциональный анализ: сопоставление трех моделей

Критерий	Австрия	Россия	Узбекистан
Степень автономии	Высокая	Средняя	Низкая/формирующаяся
Foresight-технологии	Развиты	Развиваются	Ограничены
Эконометрическое моделирование	Системное	Активное	Фрагментарное
RIA	Институционализировано	Частично внедрено	Требует развития
Университетская интеграция	Высокая	Высокая	Формируется

Анализ показывает, что для Узбекистана целесообразно использовать комбинированный подход, учитывающий европейскую автономность и российскую координационную модель.

[1] Мороз С.А., Зиборова С.С., Чен Линна Введение в теорию иллюзии права, как правоотношение власти к обществу, модулируемая нейронно- матричной системой// «Восточно Европейский научный журнал» - 2025 №6

[2] Марьина А. А., Мороз С. А., Морозова И. Г. Реализация нейронной системы в правовом поле на основе системно комплексного метода вероятностной зависимости причинно- следственных связей // Журнал «Студенческий вестник». - 2024. - № 20 (306). Часть

[3] Мороз С.А., Комарова С.С. Статистический анализ данных при внедрении автоматизации судебного процесса в ходе судебного дозора для выявления общих факторов, препятствующему развитию и становлению правосудия в РФ // "Евразийский юридический журнал". - 2024. № 10

Предлагается концепция гибридной модели для Узбекистана и России при внедрении модели «координируемой автономия», при которой, стратегический центр создается при правительстве, экспертные подразделения обладают научной независимостью, обеспечивается публичность аналитических отчетов, где важным является непосредственная научная работа, а не формальная отчетность [1].

Также для формирование национальной школы стратегического анализа необходимо:

- создать программы по policy analysis;
- внедрить курсы по эконометрическому моделированию;
- развить исследовательские грантов, в тесной взаимосвязи с практикой и промежуточными/ конечными результатами;
- сформировать экспертные советы при парламенте с участием научных центров.

Следовательно, мы полагаем, что следует развивать национальные базы макроэкономических данных, цифровые панели мониторинга KPI, прогнозные алгоритмы на основе больших данных.

Реализация этапности исследования важна, для принятия стратегических решений и зависит от практической реализации, исключая формальную иллюзию, голословных обещаний руководства и представителей власти:

1 этап (1–2 года): нормативное закрепление RIA и создание пилотного центра.

2 этап (3–5 лет): развитие эконометрического блока и foresight-лаборатории.

3 этап (5–10 лет): формирование устойчивой экспертной экосистемы.

Научная новизна и практическое значение исследования включает в себя:

1. Систематизирована институциональная архитектура стратегических центров Австрии.
2. Выявлены ключевые методологические механизмы их эффективности.
3. Предложена авторская гибридная модель адаптации для Узбекистана и России.
4. Обоснована необходимость институционализации foresight и RIA.
5. Разработка эскиза нормативных актов в сфере стратегического планирования;
6. Формирование этапов национальной системы прогнозирования;
7. Образовательные программы магистратуры и аспирантуры в деятельности аналитических подразделений органов государственной власти.

Заключение

Реализация предложенной авторской концепции позволит:

1. повысить качество стратегических решений;
2. снизить институциональные риски;
3. усилить международную конкурентоспособность страны;
4. обеспечить долгосрочную устойчивость социально-экономического развития.

Сравнительный анализ австрийской, российской и узбекской моделей стратегических аналитических центров позволяет сделать вывод о необходимости институциональной модернизации системы стратегического управления Республики Узбекистан.

Австрийская модель демонстрирует преимущества сетевой структуры, научной автономии и глубокой интеграции в европейскую экспертную среду. Российская модель обеспечивает координационную управляемость и масштабность национальных проектов. Узбекистан обладает потенциалом для формирования гибридной модели, сочетающей элементы обеих систем.

Литература

1. Марьина А. А., Мороз С. А., Морозова И. Г. Реализация нейронной системы в правовом поле на основе системно комплексного метода вероятностной зависимости причинно- следственных связей // Журнал «Студенческий вестник». - 2024. - № 20 (306). Часть 8.
2. Мороз С.А., Комарова С.С. Статистический анализ данных при внедрении автоматизации судебного процесса в ходе судебного дозора для выявления общих факторов, препятствующему развитию и становлению правосудия в РФ // "Евразийский юридический журнал". - 2024. № 10
3. Мороз С.А., Зиборова С.С., Чен Линна Введение в теорию иллюзии права, как правоотношение власти к обществу, модулируемая нейронно- матричной системой// «Восточно Европейский научный журнал» - 2025 №6
4. McGann J. Global Go To Think Tank Index Report 2022. Philadelphia: University of Pennsylvania, 2022.
5. Stone D. Think Tanks, Policy Advice and Governance. Manchester: Manchester University Press, 2007.
6. OECD. Regulatory Impact Analysis: Best Practices in OECD Countries. Paris: OECD Publishing, 2018.
7. European Commission. Better Regulation Guidelines. Brussels, 2021.
8. WIFO Annual Report 2023. Vienna, 2023.
9. Austrian Institute for International Affairs (OIIP). Research Report. Vienna, 2023.
10. Austrian Institute of Technology. Strategy 2030. Vienna, 2023.
11. North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge, 1990.
12. Williamson O. The Economic Institutions of Capitalism. New York, 1985.
13. Peters B. Governance and Public Policy. London, 2019.
14. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. Годовой отчет. М., 2023.
15. Институт мировой экономики и международных отношений РАН. Стратегические исследования. М., 2022.
16. Центр стратегических разработок. Доклады о долгосрочном развитии России. М., 2021.
17. Кудрин А.Л. Государственное стратегическое планирование в Российской Федерации. М., 2020.
18. Стратегия развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы. Ташкент, 2022.
19. Центр экономических исследований и реформ при Администрации Президента Республики Узбекистан. Аналитический отчет. Ташкент, 2023.
20. Институт стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан. Доклады. Ташкент, 2022.
21. Конституция Республики Узбекистан (ред. 2023 г.).
22. Закон Республики Узбекистан «О нормативно-правовых актах».
23. Послание Президента Республики Узбекистан Олий Мажлису. Ташкент, 2023.

Austrian Institutional Model of Strategic Analytical Centers and Its Adaptation Mechanisms in the Public Governance System of the Republic of Uzbekistan

Moroz S.A., Maxammadjanov G.M., Raximova M.A.

Tashkent State University of Law

The article is devoted to a comprehensive systemic institutional and methodological analysis of strategic analytical centers in the Republic of Austria. It provides an overview of the methods used to develop analytical infrastructure, the structure of interaction between expert institutions and public authorities, as well as the strategic analysis tools applied, such as evidence-based policy, econometric modeling, strategic foresight, regulatory impact assessment (RIA), scenario modeling, and institutional audit.

Based on a comparative analysis, structural differences between the Austrian model and the emerging systems of strategic planning in the Republic of Uzbekistan and the Russian Federation are identified.
The article proposes a conceptual model of institutional adaptation, including the establishment of a national strategic forecasting center, the introduction of mandatory regulatory impact assessment, and the development of scientific and analytical autonomy. It concludes that a hybrid model of strategic governance—combining state coordination and expert independence—can be formed in Uzbekistan and Russia.
Keywords: think tanks, institutional economics, strategic governance, foresight, econometric modeling, regulatory impact assessment, Austria, Uzbekistan.

References

1. Maryina A. A., Moroz S. A., Morozova I. G. Implementation of a neural system in the legal field based on a systemically complex method of probabilistic dependence of cause-and-effect relationships // Journal "Student Bulletin". - 2024. - No. 20 (306). Part 8.
2. Moroz S. A., Komarova S. S. Statistical analysis of data in the implementation of automation of the judicial process during judicial review to identify common factors hindering the development and establishment of justice in the Russian Federation // "Eurasian Law Journal". - 2024. No. 10
3. Moroz S.A., Ziborova S.S., Chen Linna Introduction to the Theory of the Illusion of Law as a Legal Relationship of Authority to Society Modulated by the Neuronal-Matrix System // “Eastern European Scientific Journal” - 2025, No. 6
4. McGann J. Global Go To Think Tank Index Report 2022. Philadelphia: University of Pennsylvania, 2022.
5. Stone D. Think Tanks, Policy Advice and Governance. Manchester: Manchester University Press, 2007.
6. OECD. Regulatory Impact Analysis: Best Practices in OECD Countries. Paris: OECD Publishing, 2018.
7. European Commission. Better Regulation Guidelines. Brussels, 2021.
8. WIFO Annual Report 2023. Vienna, 2023.
9. Austrian Institute for International Affairs (OIIP). Research Report. Vienna, 2023.
10. Austrian Institute of Technology. Strategy 2030. Vienna, 2023.
11. North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge, 1990.
12. Williamson O. The Economic Institutions of Capitalism. New York, 1985.
13. Peters B. Governance and Public Policy. London, 2019.
14. Analytical Center under the Government of the Russian Federation. Annual Report. Moscow, 2023.
15. Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. Strategic Research. Moscow, 2022.
16. Center for Strategic Research. Reports on the Long-Term Development of Russia. Moscow, 2021.
17. Kudrin A.L. State Strategic Planning in the Russian Federation. Moscow, 2020.
18. Development Strategy of the New Uzbekistan for 2022–2026. Tashkent, 2022.
19. Center for Economic Research and Reforms under the Administration of the President of the Republic of Uzbekistan. Analytical Report. Tashkent, 2023.
20. Institute for Strategic and Interregional Studies under the President of the Republic of Uzbekistan. Reports. Tashkent, 2022.
21. Constitution of the Republic of Uzbekistan (2023 edition).
22. Law of the Republic of Uzbekistan "On Normative Legal Acts".
23. Address of the President of the Republic of Uzbekistan to the Oliy Majlis. Tashkent, 2023.

Энергетические проекты России в странах Центральной Азии: направления реализации и стратегическое значение

Баярхуу Тугулдур
аспирант кафедры международных отношений и внешней политики Дипломатической академии МГИМО МИД России, manutd187875@yandex.ru

Статья посвящена анализу энергетических проектов России в странах Центральной Азии и их стратегическому значению для внешней политики и экономического сотрудничества. Рассматривается роль энергетики как инструмента энергетической дипломатии России в регионе в условиях трансформации международной системы и усиления конкуренции со стороны других внешних акторов. В работе анализируется основные направления взаимодействия: поставки природного газа, развитие гидроэнергетики и участие российских компаний в проектах атомной энергетики. Особое внимание уделяется газовому сотрудничеству между Россией, Казахстаном и Узбекистаном, а также проектам строительства атомных электростанций при участии российской компании «Росатом». Показано, что энергетические проекты формируют долгосрочные связи между Россией и государствами региона, одновременно выступая инструментом укрепления экономического и политического влияния Москвы. В то же время страны Центральной Азии стремятся проводить многовекторную политику и диверсифицировать партнеров в энергетическом секторе. Делается вывод о том, что энергетическое сотрудничество остается важным элементом региональной политики России, однако эффективность зависит от способности адаптироваться к меняющимся геополитическим условиям и растущей конкуренции.
Ключевые слова: энергетическая дипломатия, энергетическая безопасность, Россия, Центральная Азия, газовое сотрудничество, атомная энергетика, возобновляемые источники энергии.

Введение

Энергетические проекты России в центральноазиатских странах выступают важным инструментом не только экономического сотрудничества, но и важной составляющей реализации внешнеполитической стратегии России в регионе. в условиях трансформации международной системы и усиления конкуренции внерегиональных акторов энергетика становится одним из ключевых инструментов геополитического влияния в Центральной Азии.

Цель исследования заключается в анализе, каким образом реализация проектов в сфере энергетики содействует укреплению политических и экономических позиции России в Центральноазиатском регионе. В современных условиях Россия активно участвует в проектах, связанных с поставками газа в регион, модернизацией энергетических инфраструктуры, реализацией гидроэнергетических инфраструктур и развитием мирной атомной энергетики. Долгосрочный характер данных проектов усиливает технологические и институциональные связи между Россией и странами региона.

Особое значение имеет инфраструктурная составляющая, поскольку участие российских компаний в строительстве и обслуживании энергетических объектов обеспечивает Москве возможность сохранять влияние на развитие национальных энергосистем. Поставка углеводородных ресурсов в центральноазиатские государства открывает новые рынки сбыта для России. В условиях столкновения с Западом диверсификация поставок энергоресурсов стала актуальной для России. Население региона Центральная Азия является одним из самых быстрорастущих в мире, регион сталкивается с дефицитом энергоресурсов, в свою очередь, Россия могла бы обеспечить республики жизненно необходимыми энергоресурсами.

В то же время геополитических потенциал российских проектов реализуется в условиях усиления конкуренции со стороны других внерегиональных акторов и проведения странами региона многовекторной политики. Это требует адаптации инструментов влияния к новым мировым реалиям.

Энергетические проекты выступают элементом «мягкого влияния», обеспечивая России долгосрочное присутствие в регионе и формируя основу для сохранения позиции в Центральной Азии.

Работа опирается на концепцию энергетической дипломатии, энергетической безопасности. В российской науке автором определения энергетической дипломатии является Станислав Захарович Жизнин. Исследователь определяет энергетическую дипломатию как «междисциплинарную отрасль, симбиоз экономики, политологии, экологических и технических наук» [2]. «Энергетическая дипломатия — это функциональное направление дипломатической деятельности государств, подразумевающее практическую работу внешнеполитических, внешнеэкономических и энергетических ведомств, в ряде случаев с компаниями, по осуществлению целей и задач внешней энергетической политики» [3]. Главной целью энергетической дипломатии является обеспечение энергетической безопасности государства. По мнению международных профильных организации энергетическая безопасность — это долгосрочное, надежное и экономически приемлемое обеспечение оптимальным сочетанием различных видов энергии для устойчивого экономического и социального развития мира с минимальным ущербом для

окружающей среды [5]. Определение энергетической безопасности можно найти в официальных документах государств. Так в Энергетической стратегии России на период до 2030 г. Под энергетической безопасностью понимается состояние защищенности страны, ее граждан, общества, государства, экономики от угроз надежному топливо- и энергообеспечению [6]. Стоит отметить, что интерпретация энергетической безопасности будет отличаться в зависимости от государства-экспортера или импортера. В статье будет рассмотрена позиция стран-экспортеров энергоресурсов, так как рассматриваются энергетические проекты России в Центральной Азии. Россия является одним из важнейших стран-экспортеров на мировом рынке. Для стран-экспортеров энергетическая безопасность понимается в виде устойчивого роста спроса и доступа к рынкам сбыта. По мнению профессора Ю.В. Боровского термин «энергетическая безопасность» трактуется в трех базовых, стереотипных смыслах: безопасность энергоснабжения (англ. «security of energy supply»), энергетическая независимость (англ. «energy independence») и безопасность энергетического спроса (англ. «security of energy demand») [1]. С точки зрения стран-экспортеров, энергетическая безопасность сводится к обеспечению гарантированного, достаточного по объему и рентабельного сбыта избыточных энергоресурсов на внешних рынках.

Экспорт энергоресурсов, поставка технологий, модернизация энергоинфраструктуры служат инструментами «мягкого влияния» России в регионе. Поставки энергоресурсов, долгосрочные проекты в атомной или гидроэнергетике создают технологическую и институциональную зависимость стран-потребителей от страны-поставщика. Исследование носит качественный характер и основано на анализе новостных публикации, официальных документов и экспертных статей. Основные направления рассмотрены по группам: поставка природного газа, нефти, модернизация и строительство ГЭС, проекты в сфере атомной энергетики и инфраструктурные проекты. В каждой группе рассмотрен характер сотрудничества, объемы поставок, финансовые условия и политические последствия.

Газовые проекты

«Тройственный газовый союз» и транзит энергоресурсов:

Рассматривая энергетические проекты России в Центральной Азии, стоит выделить «Тройственный газовый союз». В 2022 году Президент России Владимир Путин и Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев начали обсуждение создания проекта в газовом секторе между Россией, Казахстаном и Узбекистаном. Этот энергетический проект должен был способствовать укреплению энергетической безопасности всех трех стран. Каждый из участников проекта могли бы получить свои дивиденды. Далее хотелось бы рассмотреть цели всех сторон.

После начала конфликта на востоке Европы в 2022 году экспорт газа из России в европейские страны значительно сократился. Если в 2021 году российский газ составлял половину импортируемого газа Евросоюза, то по данным минувшего года доля российского газа составило около 12% [7]. Весь тот газа, который должен был поставляться в Европу никуда не делся. Для России вопросы диверсификации рынков сбыта стал актуален. Проект «Тройственный газовый союз» мог бы решить этот вопрос. Поставки газа в центральноазиатский регион представляет собой весьма перспективное направление поставок с небольшим требуемым пакетом инвестиций. Прекрасно функционируют трубопроводы советских времен, проблема логистики решена. Помимо этого, не стоит забывать транзитный потенциал, через центральноазиатские страны можно будет увеличить экспорт газа в другие азиатские страны (Китай, Индия, Пакистан) [8].

Активное экономическое развитие центральноазиатских республик ведет к ускоренному росту внутреннего спроса на энергоресурсы. Так, к примеру в Казахстане за период с 2017 по 2021 года объем потребления газа увеличился на 4,8 млрд кубометров. Согласно данным, ранее показатель составлял около 13,8 млрд кубометров, то к 2021 году цифры достигли 18,6 млрд кубометров [9]. Несмотря на то, что Казахстан обладает запасами газа, основная часть находится на западе страны, север Казахстана не газифицирован, сотрудничество с Россией и Узбекистаном в сфере поставок газа может посодействовать газификации северных частей страны. Сотрудничество в рамках газового союза дает двойную выгоду для Казахстана: доступ к ресурсам для внутреннего потребления и получение транзитных платежей

Для Узбекистана сотрудничество с Россией в сфере поставок газа выглядит наиболее логичным. В последние годы страна столкнулась с энергетическим кризисом, связанное с растущим внутренним спросом на энергоресурсы. Узбекистан является одной из самых быстрорастущих стран региона. 80% электрогенерации Узбекистана происходит на газовых ТЭЦ, а развитие газохимической отрасли республики остро нуждается в стабильных поставках природного газа [4], что Узбекистан особо не афишировала энергетические инициативы с Россией. В 2022 году ряд СМИ утверждали, что правительство республики отказался от «газового союза», так Reutes утверждал об этом, ссылаясь на слова вице-премьера и министра энергетики страны Жорабека Мирзамахмудова, который заявил, что даже если будет заключено газовое соглашение с российской стороной, «это не означает союз». По его словам, Москва и Ташкент действительно вели переговоры о поставке газа РФ через территорию Казахстана, но речь шла всего лишь о «техническом контракте» [10]. Судя по вышесказанным словам официального представителя Правительства Узбекистана, страна избегает использования термина союз и подчеркивает о технических и коммерческих контрактах с российскими компаниями. С другой же стороны, российские представители продолжают использовать термин «союз» и «энергетический альянс».

На сегодняшний день оформлен и действует контракт между «Газпромом» и Узбекистаном на поставку около 7,7 млрд кубометров газа в год транзитом через Казахстан. Фактический объем поставок российского газа в Узбекистан в 2024 году составил около 5,6 млрд кубометров [11].

Поставка газа создает взаимозависимость и может иметь политические последствия. Узбекистан вынужден импортировать российский газ, что дает России рычаг влияния в регионе. Тем не менее со стороны Узбекистана выражают идею, что «газовый союз» является только коммерческим соглашением и не включает политические условия. Экспорт газа для Москвы имеет не только экономическое, но и политическое значение, так как в последние годы Китай усилил свои позиции в Центральной Азии на экономическом направлении. В данных условиях энергетика остается одним из ключевых инструментов поддержания и наращивания экономического и политического влияния России в регионе.

Проекты России в сфере атомной энергетики:

Россия активно сотрудничает со странами Центральной Азии в сфере атомной энергетики. Российская компания «Росатом» занимается строительством малых атомных электростанции (АЭС) в Узбекистане и Казахстане. Так «Росатом» реализует проект строительства АЭС в Джизаке (Узбекистан). Контракт на строительство АЭС

между сторона было подписано относительно недавно, в мае 2024 года. Стоит отметить, что данная АЭС станет первым не только в стране, но и во всем регионе. В общей сложности проект состоит из шести реакторов мощностью по 55МВт каждый. Недавно в 2025 году стороны договорились добавить еще один большой реактор и один маленький [12]. Для Узбекистана реализация проекта по строительству АЭС может решить проблему дефицита электроэнергии в республике и диверсифицирует энергобаланс, в котором «традиционные» энергоресурсы занимают большую долю. Атомная энергетика рассматривается как один из базовых источников электроэнергии в долгосрочной перспективе Узбекистана [13]. Планируется, что АЭС обеспечит стабильную генерацию до 15–16% всей потребности страны, или около 15 млрд кВт·ч в год [14]. Ввод первого энергоблока ожидается в 2030 году, второго – в 2033 году.

Помимо реализации проектов в Узбекистане, российская компания «Росатом» активно работает в Казахстане. «Росатом» выступил лидером международного консорциума и генподрядчиком по строительству первой в истории Казахстана АЭС «Балхаш», который будет построен в Алма-Атинской области. Идеи строительства АЭС в Казахстане были актуальны всегда. В 2024 году в республике прошел референдум, по результатам которой приняли решение о строительстве АЭС. В июне 2025 года Агентство Республики Казахстан по атомной энергии сообщило, что именно российская компания «Росатом» будет генеральным подрядчиком. Проект будет состоять из двух энергоблоков. В 2025 году началось реализация проекта строительства, «Росатом» начал бурение разведочных скважин, отбор проб грунта и остальные разве дательные работы. Окончательное начало возведение фундамента энергоблоков начнется в 2029 году и ввод первых блоков ориентировочно назначено на 2035 год [15].

Российские инициативы в сфере атомной энергетики в регионе выходят за рамки исключительно отраслевого взаимодействия и рассматриваются как фактор долгосрочного присутствия в Центральной Азии. Такие проекты рассчитаны на десятилетия и охватывают полный цикл от разработки и строительства объектов до их эксплуатации, технического обслуживания и подготовки специалистов. Такой формат сотрудничества неизбежно формирует устойчивые технологические связи и усиливает роль российских решений в энергетической инфраструктуре государств Центральной Азии. Для России атомная энергетика становится одним из значимых направлений укрепления позиций в регионе, сочетая задачи обеспечения энергетической стабильности, продвижения собственных технологий и реализаций экономических интересов.

В то же время центральноазиатские государства стремятся минимизировать возможности зависимости от одного актора и предпочитают сохранять многовекторный подход не только в энергетической политике, но и в целом. К примеру, Казахстан придерживается стратегии диверсификации партнёров в атомной энергетике. Реализацию двух других атомных электростанции планируются осуществлять при участиях китайской компании CNNC [16]. Данное действие отражает стремление к балансу внешних взаимодействии.

Традиционно Москва выступает главным партнером стран Центральной Азии. Сфера «зеленой» экономики не стала исключением из правил. В последние годы Россия активизирует свое участие в энергетическом секторе региона, уделяя внимание не только традиционной энергетике (углеводородные ресурсы), но и развитию возобновляемых источников. Тем не менее стоит отметить тот факт, что доля проектов ВИЭ с участием российских компаний в регионе остается умеренной по сравнению с другими внерегиональными акторами.

Сотрудничество России и стран региона в сфере возобновляемых источников энергии:

Одним из основных направлении сотрудничества России и стран Центральной Азии являются совместные ветровые и солнечные проекты. Так российская компания «Росатом» заявила о строительстве ветряных и солнечных электростанций в 2026 году. Росатом и Правительство Кыргызстана подписали инвестиционное соглашение в конце декабря 2024 года. Данным проектом занимается Росатом Возобновляемая энергия. Министр энергетики Киргизии Таалайбек Ибраев заявил: «Со структурой «Росатома» мы начинаем строительство ветряной станции мощностью 100 мегаватт. С российскими компаниями также планируется строительство солнечной станции мощностью 250 мегаватт в селе Тору-Айгыр Иссык-Кульской области и газовой станции на 500 мегаватт в селе Чалдовар Чуйской области» [17].

Россия активно сотрудничает со странами региона в модернизации и строительства гидроэлектростанций. По заявлению президента России Владимира Путина, компании РФ готовы подключаться к строительству новых гидроэлектростанций, а также к проектам, нацеленным на обеспечение безопасной эксплуатации водно-энергетической инфраструктуры и рачительного использования водных ресурсов и трансграничных рек [18]. Российские компаний инвестирует в Кыргызстан и оказывает финансовую помощь через двусторонний фонд развития, созданный на средства, выделенные правительством РФ для модернизаций республики [19].

Россия уже выделила свыше 33 миллионов долларов на совместные с Центральной Азией государственные программы, среди которых мониторинг состояния бассейнов рек Амударья и Сырдарья, а также использование технологий водосбережения и повторного использования водных запасов [19].

В целом участие России в развитии возобновляемых источников энергии в регионе носит ограниченный характер. При этом стоит отметить тот факт, что сотрудничество России и стран региона расширяется. Российские инициативы по «зеленой» энергетике в основном сосредоточены в сфере гидроэнергетики, а также в отдельных проектах ветровой и солнечной энергии. В отличие от Китая и ЕС, для которых ВИЭ являются системным элементом внешнеэкономической стратегии, политика России в Центральной Азии остается встроенной в более широкую повестку энергетической безопасности и инфраструктурной модернизаций. Вместе с тем, Москва обращает внимание на ВИЭ проекты и стремится сохранить и адаптировать свое политическое, экономическое и технологическое присутствие в Центральной Азии в условиях глобального энергоперехода.

Вывод:

Энергетические проекты России в Центральной Азии являются важнейшим инструментом не только экономического сотрудничества, но и внешнеполитического влияния. Сотрудничество в сфере газа закрепляют инфраструктурную зависимость между Москвой, Астаной и Ташкентом, позволяя России компенсировать сокращение европейского рынка. В сфере атомной энергетики Россия сталкивается с растущей конкуренцией со стороны Китая, что заставляет Москву предлагать более гибкие условия.

Для центральноазиатских государств российские энергетические проекты несут в-первую очередь экономические выгоды —приток инвестиций и модернизация устаревшей инфраструктуры. Однако они сопровождаются долгосрочными обязательствами и риском усиления зависимости от Москвы. Многовекторная политика государств региона, стремление привлекать альтернативных партнеров, и конкуренция внерегиональных держав формируют

новые условия, в которых Россия должна адаптировать энергетическую политику и сочетать экономический прагматизм с учетом интересов стран региона.

Литература

1. Боровский Ю. В. Международное измерение энергетической безопасности: Россия и мир (1991–2021 гг.). — М.: Аспект Пресс, 2022.
2. Жизнин С. З. Энергетическая дипломатия в современном мире: меньше экономики, больше геополитики (интервью) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2019. — Т. 19, № 3. — С. 472–479.
3. Жизнин С. З. Основы энергетической дипломатии: Учеб. Пособие. — 2-е изд., доп. — М.: МГИМО-Университет, 2017. — 160 с.
4. Притчин С. А. Энергетический кризис в странах Центральной Азии и перспективы их сотрудничества с Россией // Россия и Новая Европа. Central Asia in the Global World. — 2023. — № 3(60). — С. 94–104.
5. Международное энергетическое агентство: официальный сайт. — URL: https://www.iea.org/topics/energy-security (дата обращения: 02.03.2026).
6. Энергетическая стратегия России на период до 2030 г. утв. В 2009 г. —URL: https://minenergo.gov.ru/system/download-pdf/15357/100239 (дата обращения: 02.03.2026).
7. Россия и страны Центральной Азии обсудили вопросы поставок газа и энергетического сотрудничества // РИА Новости. — 29.01.2026. — URL: https://ria.ru/20260129/gaz-2070893947.html (дата обращения: 02.03.2026).
8. Тройственный газовый союз: Россия, Китай и Казахстан — новый формат энергетического взаимодействия // ITEK.RU. — URL: https://itek.ru/analytics/trojstvennyj-gazovyj-sojuz/ (дата обращения: 02.03.2026).
9. Казахстан столкнется с дефицитом газа в 2025 году — Минэнерго // Tengrinews.kz. — 06.09.2023. — URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/kazahstan-stolknutsya-defitsitom-gaza-2025-godu-minenergo-467256/ (дата обращения: 02.03.2026).
10. Как Россия использует газовый фактор в Центральной Азии // Свободная пресса. — 26.05.2025. — URL: https://svpressa.ru/economy/article/354835 (дата обращения: 02.03.2026).
11. Seala Lab. Газовая отрасль России: аналитическая статья о запасах, добыче и экспорте российского СПГ. // Seala.ru. — 09.02.2026. — URL: https://seala.ru/lng/rossiyaeksport (дата обращения: 02.03.2026).
12. Узбекистан намерен построить большую АЭС с «Росатомом» в короткий срок // ТАСС. — 09.08.2025. — URL: https://tass.ru/ekonomika/24744839 (дата обращения: 02.03.2026).
13. Президент Республики Узбекистан. Рассмотрены вопросы развития атомной энергетики // Официальный веб-сайт Президента Республики Узбекистан. — 27.03.2025. — URL: https://president.uz/ru/lists/view/7980 (дата обращения: 02.03.2026).
14. Gazeta.uz. В Узбекистане стартовал первый этап строительства атомной станции // Gazeta.uz. — 13.10.2025. — URL: https://www.gazeta.uz/ru/2025/10/13/nuclear-power-station/ (дата обращения: 02.03.2026).
15. В Казахстане начнут строительство первой АЭС [Электронный ресурс] // Kursiv Media. — 05.08.2025. — URL: https://kz.kursiv.media/2025-08-05/zhnb-v-kazahstane-nachnut-stroitelstvo-pervoi-aes/ (дата обращения: 02.03.2026).
16. РБК. Казахстан нашёл, кто построит ему третью АЭС вместо России // РБК. — 31.07.2025. — URL: https://www.rbc.ru/economics/31/07/2025/688b27bb9a794758e79b631e (дата обращения: 02.03.2026).
17. Структура «Росатома» в 2026 году начнёт строительство ветропарка в Киргизии // Interfax.ru. — 23.04.2025. — URL: https://www.interfax.ru/business/1022232 (дата обращения: 02.03.2026).
18. Путин В. В. Россия готова участвовать в строительстве новых ГЭС в Центральной Азии // Вести.ru. — 09.10.2025. — URL: https://www.vesti.ru/article/4726566 (дата обращения: 02.03.2026).
19. С особым потенциалом // Российская газета. — 2025. — 7 мая. — URL: https://www.rg.ru/2025/05/07/s-osobym-potencialom.html (дата обращения: 02.03.2026).

Russia's Energy Projects in Central Asian Countries: Implementation Directions and Strategic Importance

Bayarkhuu Tuguldur

Diplomatic Academy of the Moscow State Institute of International Relations

The article analyzes Russia's energy projects in the countries of Central Asia and their strategic significance for foreign policy and economic cooperation. The study examines the role of energy as an instrument of energy diplomacy and "soft power" in the region in the context of the transformation of the international system and increasing competition from external actors. The paper explores key areas of cooperation, including natural gas supplies, nuclear energy projects, hydropower development, and the participation of Russian companies in renewable energy initiatives. Particular attention is given to gas cooperation between Russia, Kazakhstan, and Uzbekistan, as well as nuclear power plant construction projects implemented with the participation of the Russian state corporation Rosatom. The research demonstrates that energy projects create long-term technological and infrastructural ties between Russia and the states of Central Asia while also serving as a tool for strengthening Russia's economic and political influence in the region. At the same time, the Central Asian countries pursue a multi-vector foreign policy and seek to diversify their partnerships in the energy sector. The study concludes that energy cooperation remains a key element of Russia's regional policy, though its effectiveness increasingly depends on adaptation to changing geopolitical conditions and growing international competition.

Keywords: energy diplomacy, energy security, Russia, Central Asia, gas cooperation, nuclear energy, and renewable energy sources.

References

1. Borovsky Yu. V. International Dimension of Energy Security: Russia and the World (1991–2021). Moscow: Aspect Press, 2022.
2. Zhiznin S. Z. Energy Diplomacy in the Modern World: Less Economics, More Geopolitics (interview) // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2019, Vol. 19, No. 3, pp. 472–479.
3. Zhiznin S. Z. Fundamentals of Energy Diplomacy: A Textbook. Manual. 2nd ed., suppl. Moscow: MGIMO-University, 2017. 160 p.
4. Pritchin S. A. Energy Crisis in Central Asian Countries and Prospects for Their Cooperation with Russia // Russia and New Europe. Central Asia in the Global World. — 2023. — No. 3(60). — P. 94–104.
5. International Energy Agency: official website. — URL: https://www.iea.org/topics/energy-security (accessed: 02.03.2026).
6. Energy Strategy of Russia through 2030, approved. In 2009 — URL: https://minenergo.gov.ru/system/download-pdf/15357/100239 (accessed: 02.03.2026).
7. Russia and Central Asian countries discussed gas supplies and energy cooperation // RIA Novosti. — 29.01.2026. — URL: https://ria.ru/20260129/gaz-2070893947.html (date accessed: 02.03.2026).
8. Triple Gas Union: Russia, China, and Kazakhstan — a new format for energy cooperation // ITEK.RU. — URL: https://itek.ru/analytics/trojstvennyj-gazovyj-sojuz/ (date accessed: 02.03.2026).
9. Kazakhstan will face a gas shortage in 2025 — Ministry of Energy // Tengrinews.kz. — 06.09.2023. — URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/kazahstan-stolknutsya-defitsitom-gaza-2025-godu-minenergo-467256/ (date of access: 02.03.2026).
10. How Russia is using the gas factor in Central Asia // Svobodnaya Pressa. — 05.26.2025. — URL: https://svpressa.ru/economy/article/354835 (date of access: 02.03.2026).
11. Seala Lab. Russia's gas industry: an analytical article on reserves, production, and export of Russian LNG. // Seala.ru. — 02.09.2026. — URL: https://seala.ru/lng/rossiyaeksport (date of access: 02.03.2026).
12. Uzbekistan intends to build a large nuclear power plant with Rosatom in a short time // TASS. - 09.08.2025. - URL: https://tass.ru/ekonomika/24744839 (date of access: 02.03.2026).
13. President of the Republic of Uzbekistan. Issues of nuclear energy development considered // Official website of the President of the Republic of Uzbekistan. - 27.03.2025. - URL: https://president.uz/ru/lists/view/7980 (date of access: 02.03.2026).
14. Gazeta.uz. The first stage of nuclear power plant construction has started in Uzbekistan // Gazeta.uz. - 13.10.2025. — URL:

https://www.gazeta.uz/ru/2025/10/13/nuclear-power-station/ (date accessed: 02.03.2026).
15. Construction of the first nuclear power plant will begin in Kazakhstan [Electronic resource] // Kursiv Media. — 05.08.2025. — URL: https://kz.kursiv.media/2025-08-05/zhnb-v-kazahstane-nachnut-stroitelstvo-pervoi-aes/ (date accessed: 02.03.2026).
16. RBC. Kazakhstan has found a contractor to build its third nuclear power plant instead of Russia // RBC. — 31.07.2025. — URL: https://www.rbc.ru/economics/31/07/2025/688b27bb9a794758e79b631e (date of access: 02.03.2026).
17. Rosatom structure to begin construction of wind farm in Kyrgyzstan in 2026 // Interfax.ru. — 23.04.2025. — URL: https://www.interfax.ru/business/1022232 (date of access: 02.03.2026).
18. Putin V.V. Russia is ready to participate in the construction of new hydroelectric power plants in Central Asia // Vesti.ru. — 09.10.2025. — URL: https://www.vesti.ru/article/4726566 (date of access: 02.03.2026).
19. With Special Potential // Rossiyskaya Gazeta. - 2025. - May 7. - URL: https://www.rg.ru/2025/05/07/s-osobym-potencialom.html (date of access: 02.03.2026).

Антимонопольное регулирование в сфере топливно-энергетического комплекса стран ЕАЭС в условиях цифровой трансформации общества

Беллас Александра Васильевна
студент, Национальный Исследовательский Университет «МЭИ», BellasAV@mpei.ru

Букалерова Людмила Александровна
доктор юридических наук, профессор, Национальный Исследовательский Университет «МЭИ», BukalerovaLA@mpei.ru

В статье рассмотрен генезис антимонопольного регулирования топливно-энергетического комплекса (ТЭК) стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в эпоху ускоренной цифровой трансформации общества. Особое внимание уделяется новым вызовам, возникающим при внедрении цифровых технологий, включая искусственный интеллект, большие данные и платформенные решения, в условиях санкционного давления, геополитической нестабильности и роста энергопотребления дата-центров. Проводится детальный сравнительный анализ подходов Российской Федерации, Казахстана, Беларуси, Армении и Кыргызстана с учётом последних нормативных изменений 2024-2025 годов. Выявляются ключевые пробелы и коллизии в национальном законодательстве. На основе полученных результатов предлагается комплекс скоординированных мероприятий по гармонизации регулирования, направленных на минимизацию рисков монополизации, усиление конкуренции и повышение общей устойчивости ТЭК и экономической интеграции в рамках ЕАЭС.
Ключевые слова: антимонопольное регулирование, ТЭК, цифровизация, сравнительный анализ, ЕАЭС, Российская Федерация, Казахстан, Беларусь, Армения, Кыргызстан.

Введение

Антимонопольное законодательство выступает ключевым инструментом государственного контроля для поддержания здоровой конкуренции, в том числе сферы ТЭК. Законодательства государств-участников Евразийского экономического союза (ЕАЭС) предусматривают меры противодействия недобросовестной конкуренции, направленные на предотвращение злоупотреблений со стороны субъектов, применяющих не предусмотренные соглашениями методы конкуренции на энергетическом рынке. Согласно ст. 4 Договора о ЕАЭС целью союза является «всестороння модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики».

В условиях цифровизации, которая в 2025 году прогнозировала рост ИТ-расходов в энергетике, ТЭК сталкивается с трансформацией традиционных моделей производства в интегрированные цифровые экосистемы. С одной стороны цифровизация повышает эффективность, но с другой - усиливает риски монополизации данных и платформ, в этой связи антимонопольное регулирование, как инструмент государства, должно адаптироваться к этим изменениям, предотвращая злоупотребления стран и их компаний доминирующим положением [12; 7]. Как отмечают С.Б. Авдашева и А.С. Кальфа, «цифровые платформы в отраслях с высокой капиталоемкостью, таких как энергетика, создают сетевые эффекты, где контроль над данными приводит к барьерам входа для новых игроков, требуя от антимонопольных органов перехода от реактивных к проактивным мерам на основе анализа алгоритмов и big data» [2]. В статье проведен сравнительный анализ для выявления лучших практик антимонопольного регулирования в сфере ТЭК с учетом недавних законодательных изменений.

Актуальность темы обусловлена ускоренной цифровизацией ТЭК в условиях геополитических изменений, санкций, СВО, и постпандемийного периода. К концу 2025 году планируемая цифровизация может увеличить доходы компаний ТЭК и спровоцировать новые виды антиконкурентного поведения: алгоритмическая ценовая политика и контроль данных. Запуск в Российской Федерации государственной информационной системы (ГИС) «Антикартель» в августе 2025 года, оснащенной искусственным интеллектом (ИИ) для обнаружения нарушений, демонстрирует важность процесса адаптации [6].

В Казахстане разрабатывается концепция по усовершенствованию антимонопольного регулирования в условиях цифровой экономики с акцентом на энергетику. В Беларуси Государственная программа «Цифровое развитие» на 2021–2025 годы интегрирует антимонопольные аспекты в ТЭК, а в Армении цифровизация техрегулирования усилила контроль за энергетической эффективностью через проект Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) [10]. В Кыргызстане Цифровой Кодекс 2025 года регулирует телеком в ТЭК. В целом, глобальные вызовы увеличения энергопотребления от дата-центров требуют гармонизации регулирования для обеспечения устойчивого развития.

Проблематика заключается в коллизиях и разногласиях норм антимонопольного регулирования, которые содержатся в положениях законодательства стран ЕАЭС.

Внедрение ИИ и цифровых платформ усиливает сетевые эффекты, при которых крупные игроки сферы ТЭК, такие как «Газпром» в Российской Федерации или «КазМунайГаз» в Казахстане аккумулируют данные, создавая барьеры для входа новых участников, к которым можно отнести как естественные барьеры (высокая стоимость строительства), так и искусственные (лицензирование, доступ к инфраструктуре, ценовая стратегия).

В РФ цифровизация ТЭК тормозится устаревшим оборудованием, которое требует серьёзной модернизации для работы с современными цифровыми системами, что усиливает доминирование монополий. В Беларуси антимонопольные расследования направлены на слияние компаний, игнорируя цифровые риски как алгоритмы в торговле энергией, в Армении основной упор на техническом регулировании оставляет пробелы в антимонопольном контроле за данными в ТЭК. В Кыргызстане зависимость от импорта и слабый уровень цифровизация инфраструктуры усугубляют монополии в энергетике.

Считаем, что без адаптации регулирование рискует стать неэффективным, что может усугубить неравенство доступа к технологиям в ЕАЭС.

Цель статьи - провести сравнительный анализ антимонопольного регулирования в ТЭК РФ, Казахстана, Беларуси, Армении и Кыргызстана в условиях цифровизации для разработки рекомендаций по гармонизации подходов в рамках ЕАЭС, обеспечивающих баланс между инновациями и конкуренцией на 2025 год с учетом последних нормативных изменений.

Задачи:

1. Проанализировать ключевые аспекты антимонопольного регулирования в ТЭК стран-участниц ЕАЭС с учетом цифровизации и недавних поправок в законы.

2. Выявить сходства и различия в механизмах контроля экономической концентрации и злоупотреблений.

3. Оценить влияние цифровых технологий на конкуренцию и предложить меры по минимизации рисков в правоприменении.

4. Сформулировать рекомендации для стран ЕАЭС на основе национального опыта.

В Российской Федерации антимонопольное регулирование ТЭК регулируется Федеральным законом «О защите конкуренции» (№ 135-ФЗ) и контролируется Федеральной антимонопольной службой (ФАС) [1]. В 2025 году цифровизация интегрировалась через государственную программу «Цифровая экономика» и концентрировалась на импортозамещении программного обеспечения (ПО) и ИИ в энергетике [9; 4]. С 1 августа 2025 года запущена ГИС «Антикартель», которая использует ИИ для мониторинга нарушений и оценивает риски в режиме реального времени [8]. В сфере ТЭК (оборот нефти, газа, электроэнергии) доминируют естественные монополии - «Газпром» и «Роснефть», где цифровизация, включая создание цифровых двойников и роботизацию, повышает эффективность и усиливает концентрацию и монопольный контроль всех данных. Проблемы, с которыми сталкивается антимонопольное регулирование не единичны, например - нечеткие нормы для цифровых платформ и низкая способность нескольких информационных систем к обмену информацией. ФАС меняет подход к контролю за слияниями компаний, основное внимание уделяя реагированию на уже произошедшие события (реактивные меры) [4].

В Казахстане антимонопольное регулирование ТЭК осуществляется Агентством по защите и развитию конкуренции (АЗРК) в соответствии с Законом «О конкуренции» (ред. 2025). Цифровизация энергетики регулируется Национальным проектом «Модернизация энергетического и коммунального секторов» и программой «Цифровой Казахстан», которые предусматривали завершение оцифровки сетей к 2025 году [11]. В 2024–2025 годах АЗРК усилило контроль за демонополизацией рынков, включая ТЭК, особое внимание уделяя аудиту, коллективным искам и упрощенному расследованию ценовых сговоров.

Первый заместитель Председателя АЗРК Р. Ахметов отметил: «По итогам антимонопольных расследований принимаются меры по снижению цен и устранению других нарушений. В этой связи необходимо своевременное принятие мер по их устранению. Предлагается внедрить методику и обобщение практики расследований» [13]. В нефтегазовом секторе доминируют «КазМунайГаз» и «Казатомпром», где внедрение ИИ и блокчейна для торговли повышает эффективность, в результате чего возрастает риск усиления барьеров для входа. Разрабатывается концепция антимонопольного регулирования в цифровой экономике, интегрирующая ЕАЭС-стандарты. К преимуществам относят акцент на инновациях, к вызовам - отсутствие системности национальных норм.

В Беларуси регулирование осуществляется Министерством антимонопольного регулирования и торговли (МАРТ) согласно Закону «О противодействии монополистической деятельности и развитии торговли». Цифровизация ТЭК интегрируется в Государственную программу «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы, концентрируясь на ИКТ в энергетике и разумном ценовом регулировании [3]. Особенностью страны является тот факт, что в системе ТЭК доминируют государственные компании «Белтрансгаз» и «Белэнерго», где цифровизация повышает эффективность и находится под государственным контролем. МАРТ проводит проверки на злоупотребления, включая цифровые платформы, в рамках ЕАЭС. Осуществляется господход в комбинации «ex ante и ex post» и информационной открытости. Вызовами можно признать необходимость уточнения и детализация правовых норм, повышение публичности процедур антимонопольного регулирования, противодействие недобросовестной конкуренции.

В Армении антимонопольное регулирование ТЭК осуществляется Комиссией по защите экономической конкуренции (КЗЭК) в соответствии с Законом «О защите экономической конкуренции». Цифровизация энергетики интегрируется через национальную программу «Цифровая Армения 2030» и участие в проекте ЕЭК «Цифровое техническое регулирование ЕАЭС», фокусирующемся на энергетической эффективности и стандартах для энергопотребляющих устройств. КЗЭК усиливает контроль за слиянием в энергетике в рамках ЕАЭС, но основной акцент делается преимущественно на реактивные меры реагирования [10; 5]. К законодательным нововведениям можно отнести закрепление новых понятий, таких как «цифровая платформа» и «сетевой эффект», также установлены новые критерии доминирующего положения на рынке. Следует назвать препятствия, замедляющие переход к полному внедрению цифрового регулирования: нехватка квалифицированных кадров, высокие затраты на модернизацию инфраструктуры, также к вызовам можно отнести зависимость от импорта газа из РФ и Ирана, недостаточный уровень цифровизации. К ноябрю 2025 года в Армении было оцифровано только около 40% сетей.

В Кыргызстане регулирование осуществляется Государственной антимонопольной службой (ГАС) согласно Закону «О конкуренции». Цифровизация ТЭК интегрируется в соответствии с Цифровым кодексом, регулирующим телекоммуникации и ИКТ в энергетике, с акцентом на электронный документооборот и токенизацию активов. Инициатива по токенизации представляет собой перевод прав на активы в цифровую форму, что повысит прозрачность, снизит затраты и повысит доступность для инвесторов. ГАС проводит аудиты на злоупотребление в энергетике в рамках ЕАЭС. Подход заключается в комбинации

подходов «ex ante и ex post», акцентируя на демонополизации. К проблем Армении в сфере ТЭК можно отнести отсутствие нормативных актов по планам на ремонт инфраструктуры, износ которой у к ноябрю 2025 года составляет около 70%, и отсутствие необходимых изменений в антикоррупционном законодательстве.

Несмотря на национальные особенности, антимонопольное регулирование в сфере ТЭК Российской Федерации, Казахстана, Беларуси, Армении и Кыргызстана демонстрирует значительные сходства, которые обусловлены общим правовым пространством ЕАЭС, а также постсоветским наследием. Все страны союза сталкиваются с общими вызовами, которые выявляют пробелы в нормативном антимонопольном регулировании [9]. На наш взгляд необходимо плановое, эффективное государственное вмешательство в регулирование естественных монополий ТЭК, где цифровизация усиливает контроль за тарифами и ценами для предотвращения злоупотребления доминирующим положением и проявляются в неоднородности правовых определений и терминологии, для устранения отсутствии согласованных методик, слабой процедуры взаимодействия и обмена доказательств и несогласованностью введения единых санкций для нарушителей.

Таблица 1
Сравнительная характеристика

Аспект	РФ	Казахстан	Беларусь	Армения	Кыргызстан
Основной регулятор	ФАС	АЗРК	МАРТ	КЗЭК	ГАС
Цифровизация	Замещение импорта ПО, ИИ-мониторинг и цифровые двойники в ТЭК	«Цифровой Казахстан», оцифровка сетей, закон об ИИ	«Цифровое развитие», ИКТ в ТЭК, цифровизация техрегулирования в ЕАЭС	«Цифровая Армения 2030»	Цифровой кодекс, электронный оборот в ТЭК
Пробелы в нормативном регулировании	Нечеткие нормы	Пробелы в санкциях к внешним поставщикам	Недостаточная детализация нормативных актов, адаптация к новым технологиям	Длительное разрешение споров, нечеткие формулировки норм	Отсутствие нормативных актов по ремонту инфраструктуры
Эффективность 2025	Увеличение дел на 20% за счет ИИ, рост IT-расходов в ТЭК	Демонополизация рынков ТЭК, создание рабочих мест при цифровизации	Гармонизация в ЕАЭС	Ускорение вывода продукции на рынок через технические регламенты	Рост ЭДО в ТЭК
Интеграция с ЕАЭС	Наднациональный контроль ЕЭК за трансграничными сделками, общие подходы к цифровым рынкам	Участие в анализе рынков ЕАЭС, гармонизация с цифровой повесткой до 2025	Цифровизация техрегулирования	Участие в проекте Цифровое техническое регулирование	Участие в цифровой повестке ЕАЭС

Заключение

Сравнительный анализ показывает, что РФ лидирует в ИИ-мониторинге (ГИС «Антикартель»), что позволило интегрировать цифровые двойники в ТЭК. Казахстан концентрируется на демонополизации, планах по оцифровке сетей, что стимулирует создание рабочих мест. Беларусь сочетает ex ante меры (ценовое регулирование) с ЕАЭС - цифровизацией техрегулирования, но зависит от импорта, что усиливает риски монополий в ТЭК. Армения продвигается через цифровое техрегулирование, ускоряя вывод продукции на рынок, однако сталкивается с импортозависимостью, а Кыргызстан - через токенизацию, снижая барьеры.

Рекомендации:

На основе проведенного сравнительного анализа предлагается следующий расширенный комплекс рекомендаций, ориентированный на реализацию в 2026-2030 годах:

1. Гармонизировать единые для стран-участников ЕАЭС определения понятий сферы ТЭК и закрепить их в нормативных актах.

2. Утвердить единые методики расчета ущерба при картельных сговорах и ввести соответствующую ответственность.

3. Разработать совместные инструменты воздействия на недобросовестных внешних поставщиков.

4. Создать механизм оперативного обмена информацией, доказательствами и результатами расследований при участии ЕЭК и национальных органов.

5. Разработать единую стратегию замещения импорта и технологического суверенитета ПО в ТЭК: создать единый реестр доверенного ПО для критической энергетической инфраструктуры (аналог российского реестра, но с участием всех стран) и ввести преференции при государственных закупках ТЭК для решений, разработанных в ЕАЭС.

Реализация предложенного комплекса заполнения пробелов потребует конвергенции и согласования нормативных изменений на наднациональном и национальном уровнях. В условиях цифровизации ТЭК эффективное антимонопольное регулирование возможно лишь при едином подходе стран ЕАЭС к методикам расследований, обмену данными и правовыми инструментами воздействия на трансграничные антиконкурентные практики. Примером для стран ЕАЭС может стать модернизированное законодательство РФ в сфере антимонопольного регулирования ТЭК, которое сочетает современные методы оценки конкуренции и широкую сферу действия законодательства. Следуя примеру России, страны Союза смогут укрепить своё собственное антимонопольное законодательство, сделав его более эффективным, что приведёт к повышению конкуренции энергоресурсов в мировом пространстве.

Литература

1. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (в ред. от 28.12.2024) // КонсультантПлюс.

2. Авдашева С.Б., Кальфа А.С. Цифровые платформы и антимонопольное регулирование: новые вызовы // Вопросы экономики. 2023. № 8. С. 12.

3. Башлакова Е.П. Цифровизация ТЭК Беларуси в условиях интеграции ЕАЭС // Белорусский экономический журнал. 2025. № 1. С. 34–48.

4. Горелик М.А. Цифровизация естественных монополий ТЭК: правовые аспекты // Журнал российского права. 2025. № 3. С. 87–102.

5. Григорян А.С. Цифровая трансформация энергетики Армении в рамках ЕАЭС // Вестник Евразийской науки. 2025. № 2.

6. ГИС «Антикартель»: первые результаты применения искусственного интеллекта в антимонопольном контроле // Конкуренция и право. 2025. № 5. С. 12–19.

7. Коллер М., Мартин С. Алгоритмические сговоры и антимонопольное право // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2024. № 2. С. 44–59.

8. Князева И.В., Лукьянова М.Н. Искусственный интеллект в антимонопольном контроле: опыт ГИС «Антикартель» // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. № 3.

9. Национальный доклад ЕЭК «О состоянии конкуренции на трансграничных рынках ЕАЭС в 2024 году». М.: ЕЭК, 2025.

10. Решение Совета ЕЭК от 11.10.2024 № 108 «О проекте «Цифровое техническое регулирование Евразийского экономического союза».

11. Сидоров А.В. Антимонопольное регулирование цифровых рынков в Казахстане и ЕАЭС // Евразийская экономическая интеграция. 2024. № 4. С. 55–71.

12. Шаститко А.Е., Маркова О.А. Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху: международный опыт и российские перспективы. М.: Изд. дом ВШЭ, 2024. 280 с.

13. https://cljournal.ru/news/27410/ Дата обращения 24.11.2025.

Antimonopoly Regulation in the Fuel and Energy Complex of the EAEU Countries in the context of Digital Transformation of Society

Bellas A.V., Bukalerova L.A.
National Research University "MPEI"

The article examines the genesis of antitrust regulation of the fuel and energy complex (FEC) in the countries of the Eurasian Economic Union (EAEU) in the era of accelerated digital transformation of society. Special attention is paid to the new challenges arising from the introduction of digital technologies, including artificial intelligence, big data, and platform solutions, in the context of sanctions pressure, geopolitical instability, and increasing energy consumption in data centers. A detailed comparative analysis of the approaches of the Russian Federation, Kazakhstan, Belarus, Armenia, and Kyrgyzstan is conducted, taking into account the latest regulatory changes in 2024-2025. Key gaps and conflicts in national legislation are identified. Based on the results obtained, a set of coordinated measures for regulatory harmonization is proposed to minimize the risks of monopolization, enhance competition, and increase the overall sustainability of the fuel and energy sector and economic integration within the EAEU.

Keywords: antimonopoly regulation, fuel and energy complex, digitalization, comparative analysis, EAEU, Russian Federation, Kazakhstan, Belarus, Armenia, Kyrgyzstan.

References

1. Federal Law of July 26, 2006, No. 135-FZ, "On Protection of Competition" (as amended on December 28, 2024) // ConsultantPlus.
2. Avdasheva, S.B., Kalfa, A.S. Digital Platforms and Antimonopoly Regulation: New Challenges // Voprosy Ekonomiki. 2023, No. 8, p. 12.
3. Bashlakova, E.P. Digitalization of the Fuel and Energy Complex of Belarus in the Context of EAEU Integration // Belarusian Economic Journal. 2025, No. 1, pp. 34–48.
4. Gorelik, M.A. Digitalization of Natural Monopolies in the Fuel and Energy Complex: Legal Aspects // Journal of Russian Law. 2025, No. 3, pp. 87–102.
5. Grigoryan, A.S. Digital Transformation of the Energy Sector of Armenia within the Framework of the EAEU // Bulletin of Eurasian Science. 2025. No. 2.
6. GIS "Anticartel": First Results of Applying Artificial Intelligence in Antimonopoly Control // Competition and Law. 2025. No. 5. pp. 12–19.
7. Koller M., Martin S. Algorithmic Collusions and Antimonopoly Law // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2024. No. 2. pp. 44–59.
8. Knyazeva I.V., Lukyanova M.N. Artificial Intelligence in Antimonopoly Control: The Experience of the GIS "Anticartel" // Bulletin of Perm University. Legal Sciences. 2025. No. 3.
9. National Report of the EEC "On the State of Competition in the Cross-Border Markets of the EAEU in 2024." Moscow: EEC, 2025.
10. Decision of the EEC Council of 11.10.2024 No. 108 "On the Project "Digital Technical Regulation of the Eurasian Economic Union."
11. Sidorov A.V. Antimonopoly Regulation of Digital Markets in Kazakhstan and the EAEU // Eurasian Economic Integration. 2024. No. 4. pp. 55–71.
12. Shastitko A.E., Markova O.A. Antimonopoly Regulation in the Digital Age: International Experience and Russian Prospects. Moscow: HSE Publishing House, 2024. 280 p.
13. https://cljournal.ru/news/27410/ Date of access 24.11.2025.

Цифровизация государственного управления как инструмент политического контроля и обратной связи

Ларионов Евгений Иванович
аспирант, Омская гуманитарная академия, loruonowgu@mail.ru

Актуальность темы определяется тем, что цифровизация публичного управления в России одновременно расширяет «витрину» удобных государственных сервисов и создаёт инфраструктуру наблюдения, а значит – перестаёт быть сугубо административной реформой и превращается в технологию политического режима. Цель в статье – концептуально и на примерах показать, каким образом одни и те же цифровые решения (идентификация, платформы услуг, городские «умные» контуры) функционируют в двух режимах: как механизмы политического контроля и как каналы обратной связи, и где возникает управленческий перекос. Ключевое противоречие состоит в том, что риторика «цифрового участия» и «клиентоцентричности» нередко сосуществует с практикой, в которой обратная связь редуцируется до сервисных оценок, а контрольно-надзорный контур наращивается быстрее и институционально защищён лучше. Автор приходит к выводу, что в российской конфигурации преобладает административно-цифровая модель: она эффективна в доставке услуг (наиболее показателен масштаб охвата ЕПГУ), но слабее в обеспечении подотчётности власти через прозрачные процедуры учёта гражданских сигналов. Авторский вклад состоит в уточнении типологии моделей «цифрового государства» и в пакете прикладных рекомендаций (разделение сервисных и контрольных массивов данных; стандарт алгоритмической подотчётности; обязательная публикация связи между результатами онлайн-участия и итоговыми решениями), которые переводят дискуссию из абстрактно-нормативной плоскости в измеримые институциональные требования. Материал будет полезен разработчикам и заказчикам государственных информационных систем, специалистам, которые отвечают за регуляторику данных и механизмы общественного контроля.

Ключевые слова: алгоритмическая подотчётность; биометрия; государственное управление; обратная связь; политический контроль;; цифровизация; электронное правительство

Введение

Стремительное проникновение информационно-коммуникационных технологий во все сферы жизни общества существенно преобразило «архитектуру» современного политического управления. По сути, цифровизация госаппарата, понимаемая как целенаправленное и системное встраивание digital-алгоритмов в процессы выработки, реализации, оценки политических решений, превратилась в один из наиболее значимых и дискуссионных феноменов науки современности. По данным международных мониторинговых структур, подавляющее большинство государств уже внедрили национальные стратегии развития электронного правительства. А совокупный объём мирового рынка соответствующих технологий сегодня исчисляется сотнями миллиардов долларов [9]. Впрочем, за фасадом технологического прогресса скрывается глубокая функциональная амбивалентность. Как представляется, подлинная политическая природа рассматриваемого процесса проявляется в его двуликости. Так, с одной стороны, цифровые платформы открывают колоссальные возможности для демократизации. С другой, они создают мощный инструментарий для всеобъемлющего государственного наблюдения.

Значимость обращения к данной теме для российской политической практики обусловлена масштабностью реализуемых в стране программ технологической трансформации. Государство активно внедряет порталы электронных сервисов, системы распознавания лиц, алгоритмическую обработку обращений граждан. При этом фундаментальный вопрос о достижении оптимального равновесия между управленческой результативностью, гражданским вовлечением, защитой приватности по-прежнему остаётся открытым.

Материалы и методы

В научной литературе по проблематике цифровизации государственного управления прослеживается совокупность институциональных, политико-коммуникативных, технологических подходов к интерпретации digital-инструментов как механизмов политического контроля и обратной связи.

Так, М.В. Александрова, Е.А. Маслюкова, О.В. Юткина рассматривают цифровизацию госуправления через призму внедрения современных технологических разработок и сопоставления российского и зарубежного опыта. Автор акцентирует внимание на повышении эффективности управленческих решений [1]. А.Н. Аликберова, П.В. Грачев, Д.А. Полтавченко раскрывают институциональные особенности трансформации системы публичной власти в условиях цифровой среды [2]. В свою очередь, А.А. Балаян, Л.В. Томин интерпретируют государственные digital-платформы как инструмент не только администрирования, но и легитимации политических решений. Это напрямую связано с механизмами политического контроля [3]. А.А. Слинько, Ю.Ю. Смирнова, Ю.И. Лаптева исследуют изменения моделей политического участия граждан и каналов коммуникации власти и общества [4]. О.М. Соловьева дополняет данную проблематику культурно-коммуникативным аспектом управленческих практик [5]. А.В. Тихонов, В.С. Богданов обосновывают концепцию перехода к «умному управлению» через цифровизацию обратных связей между государством и обществом [6]. Н.В. Тихонов также анализирует институциональные изменения публичной власти [7].

Н.А. Третьяков рассматривает динамику механизмов общественного контроля в цифровую эпоху [8]. Практико-ориентированные аспекты внедрения digital-решений и управленческие кейсы представлены в аналитических материалах [9, 10], функционирование электронного правительства и сервисной платформы государственных услуг демонстрирует прикладной уровень реализации обратной связи [11].

Выбор указанных публикаций обусловлен тем, что они комплексно охватывают институциональные, технологические, социально-политические аспекты. Однако в литературе наблюдаются пробелы, которые сопряжены с недостаточной эмпирической оценкой результативности digital-механизмов политического участия и слабой проработанностью методик измерения политического контроля в цифровой среде.

Методологическая основа исследования по данной теме включает институциональный анализ, сравнительно-политический метод, системный подход, оценку кейсов digital-платформ. Такое сочетание объясняется необходимостью комплексного изучения взаимосвязи технологических решений, политических институтов, управленческих практик.

Результаты и обсуждение

В академическом дискурсе сформировалось несколько концептуальных рамок осмысления цифрового государства. В классической концепции «электронного правительства» (e-government) цифровизация трактуется как нейтральный медиатор, который повышает качество публичных сервисов. Напротив, с позиции «цифрового авторитаризма» описывается целенаправленное использование технологий для наблюдения, цензуры, алгоритмического управления политическим поведением социума. Третий подход – теория «умного управления» (smart governance): делается акцент на многоканальных системах обратной связи. Предположительно, именно синтез указанных выше положений позволяет наиболее полно описать реальные политические преобразования, где административная логика тесно переплетается с механизмами удержания власти [3-5, 7].

Цифровой политический контроль реализуется на информационном, надзорном, управленческом уровнях. Наиболее последовательным примером подобного подхода служит китайская система социального кредита, которая агрегирует массивы больших данных (финансовые транзакции, судебная история, поведение в сети) для поощрения лояльности и стигматизации девиантного поведения.

Российский кейс демонстрирует схожую логику, хотя и с определённой технологической спецификой. Закон о «суверенном интернете» и развитие инфраструктуры ТСПУ (технические средства противодействия угрозам) обеспечивают контроль над информационными потоками. А расширение систем видеонаблюдения с функциями биометрической идентификации усиливает физический надзор. В отличие от предыдущих, сугубо административных подходов, цифровой контроль помогает государству переходить от реактивной политики к превентивной, прогнозируя и локализуя протестную активность на ранних стадиях [1, 2].

Параллельно цифровизация формирует принципиально иную «архитектуру» политической коммуникации. В Российской Федерации функции обратной связи реализуются, главным образом, через Единый портал государственных и муниципальных услуг (ЕПГУ), аудитория которого к 2025 году превысила 100 млн пользователей [9]. Внедрение платформы обратной связи (ПОС) и региональных систем (к примеру, столичный «Активный гражданин») многократно упростило подачу жалоб и участие в локальных опросах. Впрочем, эффективность характеризуемых систем нередко подвергается сомнению. Уместно предположить, что на фоне дефицита независимых институтов верификации подобные платформы генерируют эффект «имитационного участия», легитимизируя заранее принятые управленческие решения.

В целях систематизации накопленного мирового и отечественного опыта в таблице 1 представлена характеристика вариантов цифрового государственного управления (ЦГУ).

Таблица 1
Типология моделей ЦГУ (составлено на основе [1, 2, 6, 9, 10])

Тип	Примеры стран	Доминирующая функция	Ключевые политические инструменты	Институциональные гарантии
Демократически-сервисная	Эстония, Финляндия	Обратная связь / сервис	Электронное голосование, e-petitions, открытые данные	Жёсткий независимый аудит (GDPR)
Гибридная партисипаторная	Респ. Корея, Сингапур	Сбалансированная	Краудсорсинг политик, «умный город», цифровой ID	Умеренная защита данных
Административно-цифровая	Россия, Казахстан	Контроль + сервис	Порталы госуслуг, видеонаблюдение, мониторинг соцсетей	Ограниченный ведомственный надзор
Авторитарно-цифровая	КНР, Иран	Надзор, контроль	Социальный рейтинг, биометрическая слежка, цензура	Минимальные / отсутствуют

Специфика российской административно-цифровой парадигмы наглядно прослеживается при детальном анализе функционала ключевых отечественных систем (таблица 2).

Таблица 2
Функциональный дисбаланс платформ госуправления в РФ (составлено на основе [1, 2, 8, 11])

Наименование платформы	Масштаб охвата	Заявленная административная цель	Реализация контрольной функции	Реализация функции обратной связи
Госуслуги (ЕПГУ)	> 100 млн чел.	Предоставление услуг	Глубокая верификация личности	Оценка качества услуг, подача обращений
Единая биометрическая система	> 20 млн чел.	Дистанционная идентификация	Потенциал массового слежения	Отсутствует
Системы видеонаблюдения	Крупные города	Общественная безопасность	Распознавание лиц, трекинг перемещений	Отсутствует
«Активный гражданин»	> 3,2 млн чел.	Вовлечение в городское развитие	Профилирование электоральных предпочтений	Локальные опросы и голосования

Представленные данные убедительно доказывают наличие функциональной асимметрии: инструменты биометрического и алгоритмического мониторинга обладают значительно большим удельным весом в «архитектуре» системы, нежели механизмы содержательного влияния общества на повестку дня.

В целях преодоления выявленного функционального дисбаланса и снижения рисков автократизации предлагаются следующие прикладные решения, новизна которых заключается в переходе от технического к правовому регулированию кода:

- законодательное департицирование данных. Необходимо нормативно разграничить базы, используемые для оказания госуслуг, от массивов оперативно-разыскного назначения. Это решит проблему скрытого использования гражданских сервисов в интересах сыска, повысив доверие населения к электронному правительству;

- внедрение стандарта «алгоритмической подотчётности». Органы исполнительной власти должны в обязательном порядке публиковать логику работы парсеров, агрегирующих мнения граждан. Описываемая мера даст

возможность ликвидировать угрозу незаметного манипулирования выдачей результатов и вернёт обществу уверенность в объективности онлайн-голосований;

- обязательная публикация матрицы учёта решений. Требуется обязать модераторов краудсорсинговых площадок обнародовать детальные отчёты о том, как именно итоги инициатив интегрированы в итоговые нормативные акты. Практическое назначение предлагаемого шага – устранение эффекта «декоративного диалога».

Заключение

Цифровизация государственного управления представляет собой исключительно сложный, многомерный, глубоко противоречивый процесс. Как было показано в статье, масштабное внедрение информационных алгоритмов в повседневную работу аппарата ни в коей мере не является политически нейтральным актом. Напротив, оно с неизбежностью актуализирует фундаментальную управленческую дилемму между объективным стремлением властных структур к максимизации контроля над общественными процессами и объективно усиливающейся потребностью развитого социума в действенных, прозрачных каналах двусторонней связи. Научное значение представленной работы заключается в концептуализации этой структурной амбивалентности и компаративной типологии моделей цифрового управления. Представленный теоретический «каркас» позволяет исследователям уверенно преодолеть упрощённый, сугубо технократический взгляд на электронное правительство исключительно как на удобный пользовательский интерфейс для получения справок.

В российской практике в настоящее время доминирует специфическая административно-цифровая модель. Для нее характерна ярко выраженная институциональная асимметрия. По-видимому, отечественные digital-платформы демонстрируют выдающуюся технологическую эффективность в решении утилитарных задач – к примеру, фискальный мониторинг, верификация личности, оказание базовых услуг. Между тем, их глубинный потенциал как инструментов подлинного демократического участия пока остаётся практически нереализованным. Без целенаправленной законодательной корректировки происходящие преобразования рискуют окончательно превратиться в высокотехнологичный «придаток» традиционной номенклатуры, лишь усиливающий её отчуждение от запросов общества.

Предложенные практические рекомендации, которые включают жёсткое нормативное разделение сервисных и контрольных баз данных, а также введение стандартов алгоритмической прозрачности, обладают существенной прикладной значимостью. Полученные аналитические результаты могут быть напрямую применены в дальнейших академических изысканиях, посвящённых эволюции политических режимов под воздействием технологий больших данных; при корректировке действующих федеральных стратегий развития институтов цифровой экономики. Уместно предположить, что успешность будущей институциональной модернизации в Российской Федерации будет зависеть не от линейного наращивания вычислительных мощностей, а от готовности элит выстроить защищённые, прозрачные, юридически обязывающие каналы взаимодействия с гражданским обществом. Именно органичная, а не декларативная интеграция полноценной обратной связи в самый «фундамент» алгоритмического государства служит сегодня абсолютным залогом его устойчивости, эффективности, легитимности в долгосрочной исторической перспективе.

Литература

1. Александрова М.В., Маслюкова Е.А., Юткина О.В. Цифровые технологии в государственном управлении: российский и зарубежный опыт // Муниципальная академия. – 2025. – № 3. – С. 27-35.

2. Аликберова А.Н., Грачев П.В., Полтавченко Д.А. Специфика развития государственного управления в условиях современной цифровой трансформации: российский и зарубежный опыт // Институциональные трансформации общественно-политической системы России: прошлое, настоящее, будущее. Сборник трудов четвертой международной научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону: 2024. – С. 29-34.

3. Балаян А.А., Томин Л.В. Государственные цифровые платформы как элемент управления и легитимации политических решений // Политические институты в современном мире: коллапс или перезагрузка? Сборник материалов по итогам Всероссийской научной конференции. – Санкт-Петербург: 2023. – С. 32.

4. Слинько А.А., Смирнова Ю.Ю., Лаптева Ю.И. Трансформация моделей политического участия в условиях развития цифрового государственного управления: проблемы и перспективы // Теории и проблемы политических исследований. – 2022. – Т. 11. – № 6А. – С. 46-54.

5. Соловьева О.М. Цифровые искусство и культура в государственном и политическом управлении // EurasiaScience. Сборник статей LX международной научно-практической конференции. – Москва: 2024. – С. 207-209.

6. Тихонов А.В., Богданов В.С. От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей // Социологические исследования. – 2020. – № 1. – С. 74-81.

7. Тихонов Н.В. Цифровая трансформация публичной власти: институциональные изменения и новые технологии политического управления в условиях цифрового государства // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 8. – С. 485-490.

8. Третьяков Н.А. Трансформация механизмов общественного контроля в цифровую эпоху // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2025. – № 2. – С. 294-300.

9. Цифровая трансформация государственного управления: Кейсы и лучшие практики // URL: https://digital.intosairussia.org/docs/Digital-Transformation-of-Public-Sector-Cases-and-Best-Practices-rus.pdf (дата обращения: 24.02.2026).

10. Цифровизация государственного управления в Российской Федерации // URL: https://digitalstateranepa.ru/articles/obshchie/tsifrovizatsiya-gosudarstvennogo-upravleniya-v-rossii/ (дата обращения: 24.02.2026).

11. Электронное правительство и сервис Госуслуги // URL: https://gosuslugisovet.ru/articles/view/elektronnoe-pravitelstvo-i-servis-gosuslugi (дата обращения: 24.02.2026).

Digitalization of Public Administration as an Instrument of Political Control and Feedback

Larionov E.I.

Omsk Humanitarian Academy,

The relevance of the topic is determined by the fact that the digitalization of public administration in Russia simultaneously expands the “showcase” of convenient public services and creates an infrastructure of surveillance; thus, it ceases to be merely an administrative reform and becomes a technology of the political regime. The purpose of the article is to conceptually demonstrate, with empirical examples, how the same digital solutions (identification systems, service platforms, urban “smart” infrastructures) operate in two modes: as mechanisms of political control and as channels of feedback, and where managerial imbalance emerges. The key contradiction lies in the coexistence of the rhetoric of “digital participation” and “client-centricity” with practices in which feedback is reduced to service evaluations, while the supervisory and control framework expands more rapidly and enjoys stronger institutional

protection. The author concludes that the Russian configuration is characterized by the predominance of an administrative-digital model: it is effective in service delivery (the scale of coverage of the Unified Public Services Portal is particularly illustrative) but weaker in ensuring governmental accountability through transparent procedures for incorporating civic input. The author's contribution consists in refining the typology of "digital state" models and proposing a set of applied recommendations (separation of service and control data arrays; standards of algorithmic accountability; mandatory publication of links between online participation outcomes and final decisions), which shift the discussion from an abstract normative plane to measurable institutional requirements. The material will be useful for developers and commissioners of government information systems, as well as specialists responsible for data regulation and mechanisms of public oversight.
Keywords: algorithmic accountability; biometrics; public administration; feedback; political control; digitalization; e-government.

References

1. Aleksandrova, M.V., Maslyukova, E.A., Yutkina, O.V. Digital Technologies in Public Administration: Russian and Foreign Experience // Municipal Academy. – 2025. – No. 3. – Pp. 27–35.
2. Alikberova, A.N., Grachev, P.V., Poltavchenko, D.A. The Specifics of Public Administration Development under Contemporary Digital Transformation: Russian and Foreign Experience // Institutional Transformations of the Socio-Political System of Russia: Past, Present, Future. Proceedings of the Fourth International Scientific and Practical Conference. – Rostov-on-Don: 2024. – Pp. 29–34.
3. Balayan, A.A., Tomin, L.V. Government Digital Platforms as an Element of Governance and Legitimation of Political Decisions // Political Institutions in the Modern World: Collapse or Reset? Proceedings of the All-Russian Scientific Conference. – Saint Petersburg: 2023. – P. 32.
4. Slinko, A.A., Smirnova, Yu.Yu., Lapteva, Yu.I. Transformation of Models of Political Participation in the Context of the Development of Digital Public Administration: Problems and Prospects // Theories and Problems of Political Studies. – 2022. – Vol. 11. – No. 6A. – Pp. 46–54.
5. Solovyova, O.M. Digital Art and Culture in Public and Political Administration // EurasiaScience. Collection of Articles of the LX International Scientific and Practical Conference. – Moscow: 2024. – Pp. 207–209.
6. Tikhonov, A.V., Bogdanov, V.S. From "Smart Regulation" to "Smart Governance": The Social Problem of Digitalization of Feedback Mechanisms // Sociological Studies. – 2020. – No. 1. – Pp. 74–81.
7. Tikhonov, N.V. Digital Transformation of Public Authority: Institutional Changes and New Technologies of Political Governance in the Context of the Digital State // Social and Humanitarian Knowledge. – 2025. – No. 8. – Pp. 485–490.
8. Tretyakov, N.A. Transformation of Public Control Mechanisms in the Digital Era // Public and Municipal Administration. Scientific Notes. – 2025. – No. 2. – Pp. 294–300.
9. Digital Transformation of Public Administration: Cases and Best Practices // [Electronic resource]: https://digital.intosairussia.org/docs/Digital-Transformation-of-Public-Sector-Cases-and-Best-Practices-rus.pdf (accessed: 24.02.2026).
10. Digitalization of Public Administration in the Russian Federation // [Electronic resource]: https://digitalstateranepa.ru/articles/obshchie/tsifrovizatsiya-gosudarstvennogo-upravleniya-v-rossii/ (accessed: 24.02.2026).
11. E-Government and the Gosuslugi Service // [Electronic resource]: https://gosuslugisovet.ru/articles/view/elektronnoe-pravitelstvo-i-servis-gosuslugi (accessed: 24.02.2026).

Роль технических комитетов в стандартизации медицинской деятельности

Алёхичева Алёна Алексеевна
аспирант Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики

В статье исследуется ключевая роль технических комитетов (ТК) в системе стандартизации медицинской деятельности. Актуальность темы обусловлена включением сохранения здоровья населения в национальные цели развития страны. Рассматриваются нормативно-правовые основы, включая ФЗ «О стандартизации», определяющий ТК как открытую площадку для консенсуса заинтересованных сторон. Учитывается международный опыт сотрудничества ИСО и ООН. Анализируется деятельность специализированных ТК, включая недавно созданный ТК 491 «Управление медицинскими организациями». Основные задачи комитета включают разработку стандартов для повышения эффективности работы организаций и обмен передовыми практиками. Приведены данные рейтингов эффективности Росстандарта за 2023–2024 годы, демонстрирующие скромные результаты медицинских ТК по сравнению с другими отраслями. Выявлены проблемы низкого участия некоторых комитетов в оценке эффективности. Делается вывод о необходимости повышения эффективности работы ТК для обеспечения качества, безопасности медицинских услуг и внедрения инноваций. Стандартизация признана ключевым элементом инфраструктуры качества, напрямую влияющим на экономическую эффективность и благополучие граждан. Инвестирование в стандарты здравоохранения рассматривается как стратегический вклад в будущее страны. Это важно для устойчивого развития.

Ключевые слова: стандартизация, здравоохранение, технический комитет, медицинская деятельность, инфраструктура качества, эффективность, инновации.

Одним из особенностей современного этапа развития нашей страны является усиление внимания к сфере здравоохранения. Это связано как с общемировыми, так и с внутренними тенденциями развития. Рост населения на планете, увеличение продолжительности жизни, расширение мобильности человечества приводит к появлению новых угроз в части эпидемиологического распространения новых заболеваний. Кроме того, развитие медицинской отрасли характеризуется постоянным появление новаций. Все это приводит к росту требований к системам здравоохранения стран. Учреждениям, призванным защищать здоровье и безопасность граждан, необходимо эффективно выполнять свои обязательства, определенные как национальным законодательством, так и международными. Все это в полной мере относится и к сфере здравоохранения Российской Федерации. Повышению ее значения способствует и то обстоятельство, что сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи является одной из национальных целей развития Российской Федерации [7].

Поэтому вполне очевидным представляется вывод о том, что в самое ближайшее время вопросы развития стандартизации в данной сфере выйдут на первый план. Здравоохранение является той областью деятельности, где стандарты имеют решающее значение. Успех любых действий - от разработки стратегических планов до самых простых медицинских процедур – зависит насколько они проводятся в соответствии со стандартами, являются ли применяемые приборы поверенными и правильно откалиброванными. При этом, как непосредственное вмешательство в человеческий организм, так и превентивные действия с целью спасения жизни и здоровья должны быть в равной степени безопасными и эффективными, а также они должны приниматься нуждающимися в них людьми, то есть вызывать доверие у потребителей.

Именно на это и нацелены стандарты. Международное сообщество считает, что, благодаря ним, товары и услуги являются безопасными и надежными. В стандартах фиксируются требования, предъявляемые к продукции. Таким образом, товары и услуги, чье соответствие таким требованиям можно продемонстрировать, пользуются доверием потребителей и пользователей. Также в стандартах содержится информация о методах испытаний продукции, что дает возможность применять их как наглядное и убедительное доказательство качества продукции (ее соответствия требованиям потребителя).

В связи с этим стоит сказать, что улучшение состояния в сфере здравоохранения является одним из направлений действий по достижению одной из целей устойчивого развития (ЦУР 3 «Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте»). Эти цели сформулированы в принятой под эгидой ООН в 2015 году «Повестке дня в области устойчивого развития», и фактически представляющей собой план действий, нацеленный на улучшение благосостояния в странах и защиту планеты [9].

Однако, как известно, результата можно достигнуть только тогда, когда все стороны «говорят на одном языке» и единообразно понимают смысл и задачи развития. Именно поэтому в настоящее время расширяется сотрудничество ООН и Международной организации по стандартизации (ИСО). Не случайно действующая сегодня Стратегия ИСО действует до 2030 года. Эти сроки установлены в «Повестке дня в области устойчивого развития». Таким образом, ИСО согласует свою работу с ООН.

В частности, одной из важных предпосылок достижения данной цели является расширение возможностей получения квалифицированной медицинской помощи. Для этого ИСО разработало более 1300 стандартов, способствующих развитию повышению качества и безопасности медицинских услуг [10]. Улучшению состояния дел в области здравоохранения способствуют и другие стандарты. Например, указанные вопросы рассматриваются в стандарте ISO 37101 **«Устойчивое развитие в сообществах. Система менеджмента для устойчивого развития. Требования и руководство для использования». Помимо стандартов,** ИСО разрабатываются соответствующие документы для органов местного самоуправления. Например, Соглашение международного семинара IWA 18, в котором изложены принципы комплексной пожизненной медико-санитарной помощи пожилым людям.

Что же касается отечественной стандартизации в области медицины, то (если понимать стандарт в широком смысле слова), она началась более 150 лет назад. С 1864 по 1917 гг. Медицинский совет Министерства внутренних дел Российской империи выпускал брошюры, содержащие инструкции и правила для врачей («Наставление о признаках истинной и мнимой смерти», «Наставление врачам при судебном осмотре и вскрытие мертвых тел»). Данные издания вполне можно рассматривать как предтечу стандартов оказания медицинской помощи [2, с. 108].

Что же касается современного этапа, то развитию стандартизации в сфере здравоохранения способствует и законодательная база. Несомненно, что улучшение медицинского обслуживания повышает качество жизни. А повышение качества жизни населения страны, согласно ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации» как раз и входит в число целей развития национальной стандартизации.

Указанный закон был принят в 2015 году и является основополагающим нормативным актом в области стандартизации. Согласно ему, многие важные вопросы стали подлежать нормативному регулированию. Например, принципы, цели и задачи стандартизации, порядок разработки стандартов, состав участников работ по стандартизации, среди которых можно назвать, технические комитеты по стандартизации (ТК), проектные технические комитеты (создаются на временной основе), комиссию по аппеляциям, федеральный орган по стандартизации и федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере стандартизации. Согласно закону разработчиком стандарта может быть достаточно широкий круг лиц, вплоть до физических. Однако все проекты национальных стандартов должны проходить экспертизу в профильном ТК, который принимает решение о возможности их утверждения. А учитывая, что основной задачей ТК согласно нормативной документации [8] является непосредственное участие во всех этапах жизненного цикла стандартов (от планирования до ведения закрепленного фонда утвержденных стандартов), роль ТК в работах по стандартизации следует признать определяющей.

Федеральный закон «О стандартизации в Российской Федерации» определяет технический комитет (ТК) как форму сотрудничества заинтересованных юридических лиц (в том числе научных организаций в сфере стандартизации, общественных организаций и объединений), зарегистрированных в соответствии с законодательством Российской Федерации на ее территории, а также государственных органов, органов местного самоуправления и государственных корпораций для разработки документов национальной системы стандартизации и их экспертизы, проведения экспертизы иных документов по стандартизации по закрепленным объектам стандартизации или областям деятельности, участия в работах по международной стандартизации и региональной стандартизации в закрепленных областях деятельности.

Работа ТК основывается на принципах добровольного участия, соблюдение целей, задач и принципов стандартизации, открытости и доступности информации, равного представительства сторон. При этом участниками ТК могут любые заинтересованные стороны, а решения принимаются на консенсусной основе.

Иными словами, ТК представляет собой открытую площадку для свободного общения и дискуссий, а его работа дает возможность объединения усилий всех заинтересованных сторон для формирования единых требований, способствующих решению поставленной задачи. Открытое членство дает участвовать всем желающим, а консенсусная основа означает гарантию того, что учтены все интересы. В этом принципиальное отличие современных ТК от ТК в плановой экономике.

Следует отметить, что современные стандарты содержат наилучшие технические и управленческие решения. При этом эти сведения открыты и общедоступны. Таким образом, отсутствуют препятствия для появления инноваций и основные направления, по которым развивается научно-технический прогресс, отрыты для всех производителей. Это особенно важно для сферы здравоохранения, чьей основной целью является сохранение человеческого здоровья.

Опыт разработки и внедрения инноваций показывает, что наиболее существенное влияние на повышение качества оказывают инновации в управление. Без них инновации в другие области человеческой жизнедеятельности становится малоэффективными или не приносят запланированного результата. В этой связи нельзя не приветствовать создание в июне 2025 года специального ТК 491 «Управление медицинскими организациями». В число основных задач нового ТК входят:

- разработка новых стандартов для повышения эффективности работы медицинских организаций;
- обмен опытом и передовыми практиками среди специалистов;
- актуализация и пересмотр существующих стандартов;
- поддержка внедрения современных технологий и соблюдение высоких стандартов качества услуг для пациентов.

А в число объектов стандартизации входят, например, медицинское оборудование, стоматология, стерилизация и дезинфекция, лабораторные препараты, фармацевтика, больничное оборудования и др.

Отдельно следует отметить, что в условиях быстрого технологического прогресса стандарты требуют регулярных обновлений для отражения новых научных данных и технологических достижений. Возникает вопрос – возможна ли опережающая стандартизация, которая подразумевает разработку и внедрение стандартов до массового появления новых технологий, методов или устройств на рынке?

На настоящий момент в составе ТК насчитывается 67 участников, среди которых можно назвать региональные министерства здравоохранения – Кабардино-Балкарии, Московской и Ростовской областей, Республики Башкортостан, Бурятии, Татарстана. Уровень участников говорит о том, что работе нового ТК придается большое значение.

К лету 2025 года в ТК разрабатывалось 6 стандартов, а 7 находились на этапе включения в Программу национальной стандартизации [11].

Ранее вопросами разработки стандартов в области управления медицинскими услугами занимался подкомитет 3 (ПК3) «Менеджмент организаций здравоохранения», работавший в составе ТК 076 «Системы менеджмента».

Примером разработки ПК3 является стандарт — ГОСТ Р 71549-2024 «Система менеджмента человекоцентричной медицинской организации. Общие требования», вступивший в действие в марте 2025 г. Характеризуя деятельность ПК 3, генеральный директор Всероссийского научно-исследовательского и испытательного института медицинской техники Росздравнадзора д.м.н. Игорь Иванов отмечал, что «Благодаря поддержке Минздрава России в последние десятилетия произошли серьезные сдвиги в построении методологии формирования качества, большое внимание уделяется выработке практических рекомендаций. В связи с этим Росздравнадзор видит перспективы в разработке национальных стандартов, не имеющих международных аналогов, наряду с разработкой стандартов, идентичных международным» [12].

Сегодня фонд национальной системы стандартизации в сфере здравоохранения насчитывает свыше 1400 документов. А разработку стандартов, так или иначе связанных с медициной, ведут 16 технических комитетов. Часть из них можно назвать сугубо медицинскими. Например, в стандартах, разработанных ТК 380, определены основные понятия, необходимые для закупки оборудования, рассмотрены вопросы, связанные с трактовкой понятия «высокотехнологичное оборудование», требованиями к нему. С их помощью лаборатория может самостоятельно выбирать наиболее существенные требования и указывать их в конкурсной, аукционной или котировочной документации. Это, несомненно, будет способствовать повышению качества закупок. Стандарты, разрабатываемые ТК 011 «Медицинские приборы, аппараты и оборудование» также касаются вопросов установления технических требований к оборудованию при государственных закупках. Стандарты, разрабатываемые ТК 422 «Оценка биологического действия медицинских изделий», описывают требования как к конкретным медицинским изделиям, так и касаются общих вопросов биологического воздействия. Также следует упомянуть стандарт, разработанный ТК 279 «Стоматология», который устанавливает методы и процедуры для определения коррозии всех металлических материалов, используемых в стоматологии. При этом предполагается, что все дальнейшие стандарты, касающиеся материалов, используемых в стоматологии, будут содержать ссылку на него.

Однако, к сожалению, значение данных ТК в отечественной стандартизации невелико. Об этом свидетельствуют, например, рейтинги эффективности работы ТК (таблица 1).

Как видно, ТК показывают достаточно скромные результаты. Только два из них находятся в первой половине списка, причем ТК 422, ранее занимавший высокую позицию, в 2024 году серьезно опустился вниз.

Таблица 1

Показатели работы «медицинских» ТК в 2023 и 2024 гг. (согласно рейтингам эффективности Росстандарта)

Технический комитет	Место (общий балл)	
	Рейтинг 2023 г.	Рейтинг 2024 г.
380 «Клинические лабораторные исследования и диагностические тест-системы инвитро»	194 (28,67)	103 (41,20)
011 «Медицинские приборы, аппараты и оборудование»	120 (39,17)	114 (39,95)
422 «Оценка биологического действия медицинских изделий»	65 (44,14)	143 (36,80)
436 «Менеджмент качества и общие аспекты медицинских изделий»	146 (36,24)	146 (36,45)
458 «Разработка, производство и контроль качества лекарственных средств»	156 (34,98)	164 (33,89)
279 «Стоматология»	210 (24,63)	194 (30,75)
383 «Стерилизация изделий медицинского назначения»	не участвовал	235 (24,10)
468 «Информатизация здоровья»	228 (18,25)	244 (18,61)

Позиции остальных ТК, если и улучшились, то незначительно. Для сравнения - 1 место в рейтинге 2024 года занимают ТК 045 «Железнодорожный транспорт» и ТК 465 «Строительство» с результатом 77,62 балла. Рейтинг 2023 года возглавляет ТК 016 «Электроэнергетика» (74,16 балла)

При этом весьма существенным обстоятельством является то, что ТК 453 «Имплантанты в хирургии» и ТК 295 «Медицинские материалы и процессы их производства» и в 2023, и в 2024 году не участвовали в оценке эффективности деятельности.

Все это не может не вызывать озабоченности. Как подчеркивает Руководитель Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии Антон Шалаев отечественные стандарты «призваны стать драйвером дальнейшего развития и повышения эффективности российской медицины, подтверждения её признанных лидирующих позиций на мировом уровне». В связи с этим совершенно необходимо обратить самое серьезное внимание на вопросы повышения эффективности работы ТК, занятых разработкой стандартов в сфере медицины.

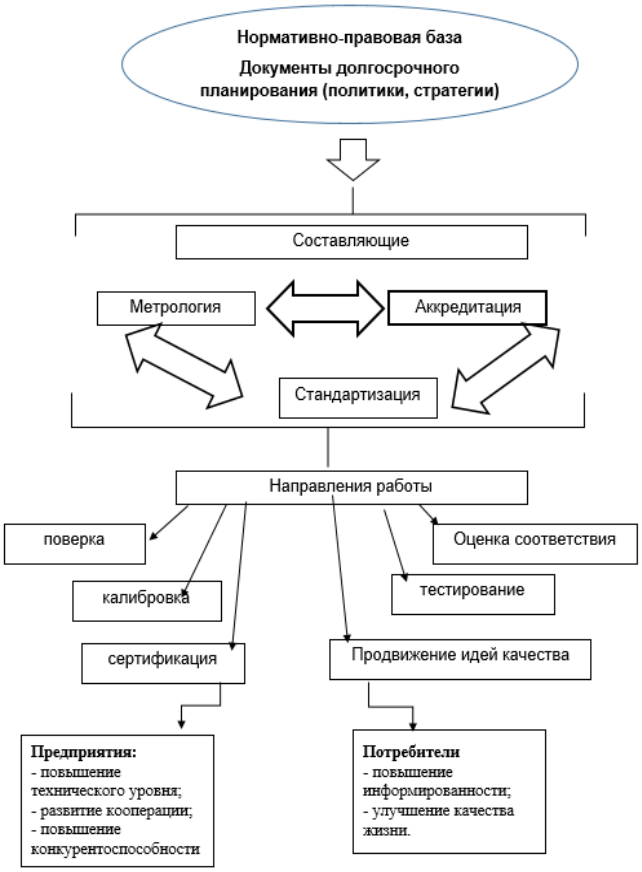

Рис.1. Инфраструктура качества

Стоит отметить, что и международное сообщество считает, стандартизацию, а следовательно, и работу технических комитетов важной составляющей национальной инфраструктуры качества (ИК) [5] (рис. 1). В данном случае под ней понимается совокупность организаций (государственных и частных), политических стратегий, соответствующих нормативно-правовых актов, необходимых для поддержания и повышения уровня качества, безопасности и экологической обоснованности товаров, услуг и процессов. Эффективная национальная ИК открывает доступ к множеству технических инструментов и знаний.

Как видно, основными составляющими ИК являются метрология, стандартизация и аккредитация. Все эти со-

ставляющие в своем развитии опираются как на нормативно-правовую базу, так и на документы долгосрочного планирования. Весьма важно, чтобы указанные составляющие развивались равномерно, эффективно взаимодействуя между собой. Только такое развитие создает условия для эффективной работы по таким направлениям как поверка, калибровка, сертификация, оценка соответствия и т.д. Среди этих направлений следует отметить направление по продвижению идей качества, то есть его пропаганде. В современных условиях подобная пропаганда может оказаться эффективным инструментов развития ИК, так как она способствует росту потребности общества в качестве, что приводит к росту спроса на услуги учреждений, входящих в ИК,

В результате работы ИК предприятия повышают свой технический уровень, что приводит к росту конкурентоспособности, а потребители повышают свою информированность о товарах и услугах, что, несомненно, способствует повышению качества жизни.

Все вышесказанное в полной мере можно отнести и к сфере здравоохранения.

В заключение следует отметить, что эффективная стандартизация системы здравоохранения самым прямым образом влияет на многие аспекты, а именно:

- повышение качества медицинских услуг - стандарты способствуют унификации методов диагностики и терапии, повышению точности и достоверности результатов;

- повышение безопасности – стандарты направлены, прежде всего, на минимизацию потенциальных рисков;

- создание условий для стимулирования инноваций;

- экономическая эффективность - стандартизация помогает оптимизировать процессы, снизить издержки и избежать дублирования усилий в разработке решений;

- обеспечение международного гармонизированного подхода, упрощающего выход новых продуктов на мировой рынок.

Несомненно, что инвестирование в здоровье сегодня — это инвестирование в будущее страны, экономики и общества.

Литература

1. Алёхичева А.А., Актуальные проблемы определения правового характера стандартов медицинской помощи // электронный научный журнал «Архонт». 2025. № 8.

2. Порядки и стандарты медицинской помощи : учебное пособие / Г. М. Гайдаров, Н. Ю. Алексеева, Е. В. Душина ; ФГБОУ ВО ИГМУ Минздрава России, Кафедра общественного здоровья и здравоохранения. – Иркутск : ИГМУ, 2020. – 108 с.

3. Орлов А.Е., Чаадаев В.К. Опережающее развитие здравоохранения на основе цифровой трансформации // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 113. С. 7-21. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-113-2025- 7-21.

4. Тимурзиева А.Б., Линденбратен А.Л. Стандартизация в системе здравоохранения и взаимодействие участников лечебно-диагностического процесса (обзор литературы) // Здравоохранение РФ. 2024. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/standartizatsiya-v-sisteme-zdravoohraneniya-i-vzaimodeystvie-uchastnikov.-

5. Перезапуск инфраструктуры качества для устойчивого развития в будущем»/ Организация объединенных наций: доклад по промышленному развитию 2020 года – Женева//
https://hub.unido.org/sites/default/files/publications/REBOOTING_QI_Russian_ONLINE-single_pages.pdf.

6. Федеральный закон от 29.06.2015 № 162-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «О стандартизации в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

7. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

8. Национальный стандарт ГОСТ Р 1.2 – 2020 «Стандартизация в Российской Федерации. Стандарты национальные Российской Федерации. Правила разработки, утверждения, обновления, внесения поправок и отмены» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

9. Электронный ресурс – Режим доступа: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/.

10. Электронный ресурс – Режим доступа: https://www.iso.org/home.html.

11. Официальный сайт Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.rst.gost.ru.

12. Официальный сайт издательства «Стандарты и качество» [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.ria_stk.ru.

The role of technical committees in the standardization of medical activities

Alekhicheva A.A.

St. Petersburg University Technologies of Management and Economics

This article examines the key role of technical committees (TCs) in the standardization system of medical activities. The relevance of this topic is determined by the inclusion of public health among the country's national development goals. The article examines the regulatory framework, including the Federal Law "On Standardization," which defines TCs as an open platform for stakeholder consensus. International experience of cooperation between ISO and the UN is taken into account. The activities of specialized TCs are analyzed, including the recently created TC 491 "Management of Medical Organizations." The committee's main tasks include developing standards to improve the efficiency of organizations and sharing best practices. Data from Rosstandart's performance ratings for 2023–2024 are presented, demonstrating the modest results of medical TCs compared to other industries. The low participation of some committees in performance assessments is identified. A conclusion is drawn regarding the need to improve the effectiveness of TCs to ensure the quality and safety of medical services and the implementation of innovations. Standardization is recognized as a key element of the quality infrastructure, directly affecting economic efficiency and the well-being of citizens. Investing in healthcare standards is seen as a strategic investment in the future of the country. This is essential for sustainable development.

Keywords: standardization, healthcare, technical committee, medical activities, quality infrastructure, efficiency, innovation.

References

1. A. A. Alekhicheva, “Actual Problems of Defining the Legal Nature of Medical Care Standards,” Electronic Scientific Journal “Archon,” 2025, no. 8.
2. Medical Care Procedures and Standards: A Study Guide / G. M. Gaidarov, N. Yu. Alekseeva, E. V. Dushina; Irkutsk State Medical University, Department of Public Health and Healthcare. – Irkutsk: Irkutsk State Medical University, 2020, 108 p.
3. A. E. Orlov, V. K. Chaadaev. “Advanced Development of Healthcare Based on Digital Transformation,” Public Administration. Electronic Bulletin. 2025, no. 113, pp. 7–21. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-113-2025-7-21.
4. Timurzieva A.B., Lindenbraten A.L. Standardization in the healthcare system and interaction of participants in the treatment and diagnostic process (literature review) // Healthcare of the Russian Federation. 2024. No. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/standartizatsiya-v-sisteme-zdravoohraneniya-i-vzaimodeystvie-uchastnikov.-
5. Rebooting the quality infrastructure for sustainable development in the future / United Nations Industrial Development Report 2020 - Geneva // https://hub.unido.org/sites/default/files/publications/REBOOTING_QI_Russian_ONLINE-single_pages.pdf.
6. Federal Law of June 29, 2015 No. 162-FZ (as amended on December 30, 2020) "On Standardization in the Russian Federation" [Electronic resource] // SPS "ConsultantPlus".
7. Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2024 No. 309 "On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030 and for the Perspective Up to 2036" [Electronic resource] // SPS "ConsultantPlus".
8. National Standard GOST R 1.2 - 2020 "Standardization in the Russian Federation. National Standards of the Russian Federation. Rules for Development, Approval, Updating, Amending, and Cancelling" [Electronic resource] // SPS "ConsultantPlus".
9. Electronic resource – Access mode: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/.
10. Electronic resource – Access mode: https://www.iso.org/home.html.
11. Official website of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology [Electronic resource] – Access mode: https://www.rst.gost.ru.
12. Official website of the Standards and Quality Publishing House [Electronic resource] – Access mode: https://www.ria_stk.ru.

Круг субъектов ответственности за деликты, совершенные при использовании искусственного интеллекта

Алимова Александра Ашрафовна
аспирант, кафедра международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, alealimova@yandex.ru

В настоящей статье выделяются и критически осмысляются основные доктринальные подходы к определению круга субъектов ответственности: модель, исходящаю из принципа контроля (которым обосновывается ответственность пользователя), а также риск-ориентированная модель, которая предполагает ответственность владельца или производителя. В результате проведенного анализа автор приходит к выводу о том, что в современных правовых условиях обязанность по возмещению вреда с наибольшей вероятностью возлагается на разработчиков, владельцев, пользователей и иных операторов ИИ-систем, при этом объём и пределы их ответственности требуют дополнительной нормативной конкретизации. В заключение обосновывается вывод о целесообразности комбинированного подхода, сочетающего оценку степени автономности системы и участия человека в её функционировании, что способствует формированию справедливого и сбалансированного механизма правового регулирования.

Ключевые слова: искусственный интеллект, гражданско-правовая ответственность, деликт, субъекты ответственности, причинение вреда, робот, риск-ориентированный подход.

Быстрое развитие новейших технологий существенно трансформирует устоявшиеся представления о пределах юридической ответственности и механизмах управления рисками. Традиционные программные решения уступают место самообучающимся нейросетевым моделям, которые интегрируются в различные сферы повседневной деятельности, где каждое принимаемое решение сопряжено с оценкой соотношения предполагаемой выгоды и возможного ущерба. В этих условиях при определении роли искусственного интеллекта в структуре современных цифровых технологий особую значимость приобретает установление надлежащих субъектов гражданско-правовой ответственности в случаях причинения вреда при использовании искусственного интеллекта.

По мнению, преобладающему в российской доктрине, идея наделения правосубъектностью и, следовательно, ответственностью, самой системы искусственного интеллекта (т.н. «e-Person»), относится пока что к разряду фантастики. Тем не менее, представляется не совсем отвечающей запросам практики модель, где круг ответственных лиц сокращен только до владельца/разработчика ИИ («manufacturer/producer»). Большую роль на принятие решений искусственным интеллектом оказывают и пользователи, и операторы (фронт-энд и бэк-энд). Более того, в круг субъектов ответственности могут быть включены и импортеры, дистрибьюторы цифровых систем, а также все те лица, которые вносили изменения или обновления в программу после ее выхода на рынок [5].

Таким образом, к основным потенциальным субъектам ответственности в рассматриваемом контексте можно отнести:

- владельца программы, основанной на ИИ;
- создателя (разработчика) программы, основанной на ИИ;
- заказчика программы, основанной на ИИ;
- пользователя программы;
- поставщика информации;
- собственника технического устройства [7];
- регулирующие и контролирующие органы;
- третьих лиц.

Существующая правовая конструкция в российском праве предполагает, что ответственность за работу искусственного интеллекта как в материальном воплощении (в виде робота), так и в цифровой форме (в виде киберфизической программы ЭВМ) несет лицо, владеющее искусственным интеллектом, в частности, для обеспечения своей производственно-хозяйственной деятельности [2]. Таким образом, при определении вопроса о надлежащем субъекте ответственности за деликты, причиненные при использовании искусственного интеллекта, уместным видится использование категории «владелец», которая должна рассматриваться в самом широком смысле. Так, владельцем AI-робота или AI-системы ЭВМ могут признаваться лица, обладающие правом собственности, а также правом хозяйственного ведения, правом оперативного управления либо лица, владеющие данными объектами на другом законном основании. К указанной категории лиц не относятся сотрудники юридического лица, работающие по трудовому либо гражданско-правовому договору. Неверно отождествление понятий «владелец» и «пользователь», а также раскрытие дефиниции «владелец» через категорию «пользователь». В настоящем случае речь

идет именно о владельце, в первую очередь несущем ответственность за вред, причиненный деятельностью искусственного интеллекта [6].

К числу основных субъектов, которые могут быть привлечены к ответственности, относятся разработчики ИИ-систем [1]. Они отвечают за архитектуру программного обеспечения, алгоритмы и модели машинного обучения. В случае выявления ошибок или недочётов в программном коде, повлекших вред, разработчики могут быть признаны ответственными за недостаточное тестирование или несоблюдение стандартов безопасности. Тем не менее на практике доказать их вину затруднительно, особенно если продукт был передан и модифицирован третьими лицами.

Особое место среди потенциальных субъектов ответственности занимает категория операторов и пользователей ИИ, которые непосредственно управляют или эксплуатируют соответствующие системы [8]. Ответственность операторов связана с возможным неправомерным использованием ИИ, нарушением условий эксплуатации, отсутствием должного контроля за работой системы. Производители аппаратного обеспечения и интеграторы также входят в круг потенциально ответственных лиц, особенно если вред обусловлен дефектами оборудования или ошибками интеграции ИИ в технические системы. В этих случаях применяются общие нормы о товарной и договорной ответственности.

В случае юридических лиц, принимающих решения о внедрении ИИ в свою деятельность, могут нести ответственность как заказчики, работодатели или выгодоприобретатели. Их ответственность основана на общей деликтной и корпоративной правовой практике, учитывающей влияние корпоративных решений на возникновение вреда.

Что касается законодательного регулирования, в современной российской правовой системе причинение вреда с использованием систем искусственного интеллекта подпадает под действие общих норм гражданского законодательства. Обязательства вследствие причинения вреда регулируются положениями главы 59 ГК РФ. В соответствии с общим принципом лицо, причинившее вред личности или имуществу гражданина, а также имуществу юридического лица, обязано его возместить. При этом, согласно п. 2 ст. 1064 ГК РФ, причинитель вреда освобождается от ответственности, если докажет отсутствие своей вины, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом.

Одним из таких исключений является ст. 1079 ГК РФ, устанавливающая ответственность за вред, причинённый деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих. Владельцы источников повышенной опасности обязаны компенсировать вред независимо от вины. В практике к таким источникам могут быть отнесены отдельные системы ИИ – например, беспилотный транспорт, дроны или роботизированные хирургические комплексы, поскольку их эксплуатация связана с повышенным риском.

Если же вред обусловлен недостатками системы ИИ, включая дефекты выполненных работ или оказанных услуг в данной сфере, применяются положения ст. 1096 ГК РФ. В этом случае ответственность по выбору потерпевшего несёт продавец либо изготовитель, а при недостатках работы или услуги – исполнитель. Схожие правила закреплены в ст. 14 Закона «О защите прав потребителей», причём изготовитель (исполнитель) отвечает за причинённый вред независимо от того, позволял ли уровень научно-технических знаний выявить соответствующие свойства продукта. Вместе с тем ст. 1098 ГК РФ предусматривает освобождение от ответственности, если вред возник вследствие нарушения потребителем правил использования товара, результата работы или услуги.

В ситуациях, когда система ИИ не будет признана источником повышенной опасности и не будет установлено наличие её недостатков, применяется общий принцип виновной ответственности, поскольку специальных норм, регулирующих такие случаи, законодательство не содержит.

Следовательно, действующее российское законодательство допускает применение как строгой (безвиновной), так и виновной ответственности при причинении вреда системами ИИ в зависимости от обстоятельств конкретного дела. Строгая ответственность наступает, если ИИ квалифицируется как источник повышенной опасности либо выявлены его недостатки: в первом случае ответственность возлагается на владельца, во втором — на изготовителя, продавца или исполнителя. Установление строгой ответственности за вред, вызванный дефектами ИИ-систем, представляется обоснованным. Вместе с тем дискуссионным остаётся вопрос о целесообразности безвиновной ответственности владельцев ИИ в иных случаях причинения вреда на основании ст. 1079 ГК РФ [3].

При этом применение конструкции источника повышенной опасности, автоматически влекущее строгую ответственность владельцев ИИ-систем, сопряжено с рядом проблем [9].

Прежде всего, владельцы, как правило, не обладают реальным контролем над уровнем безопасности и устойчивости функционирования таких систем. Автономность, способность к самообучению и адаптации означают, что поведение ИИ во многом определяется архитектурой, алгоритмами и параметрами, заложенными разработчиками. По сути, владелец нередко выступает лишь пользователем технологии, а не субъектом, способным управлять её внутренними процессами. Во-вторых, если лицо не в состоянии эффективно контролировать систему, возложение на него безвиновной ответственности не выполняет превентивную функцию гражданского права, т.е. не стимулирует к принятию дополнительных мер по обеспечению безопасности. В условиях ограниченного влияния на работу ИИ подобная ответственность утрачивает регулятивный смысл. В-третьих, чрезмерные риски, связанные с эксплуатацией ИИ при такой модели ответственности, могут сделать их приобретение и использование экономически невыгодными. Потенциальные владельцы будут избегать технологий, способных повлечь значительные имущественные последствия вне зависимости от их поведения.

Подобный дестимулирующий эффект способен замедлить развитие индустрии искусственного интеллекта в целом. Кроме того, сама концепция источника повышенной опасности не учитывает специфику отношений в сфере ИИ: множественность вовлечённых субъектов, различный вклад каждого из них в функционирование системы, степень её автономности и самообучения, а также сложность технической структуры.

Следовательно, одним из перспективных направлений совершенствования регулирования внедоговорной гражданско-правовой ответственности за вред, причинённый системами ИИ, может стать внедрение риск-ориентированной модели [4]. Суть данного подхода заключается в дифференциации ответственности в зависимости от уровня риска, который создаёт конкретная система ИИ. Если вред причинён системой, отнесённой к категории неприемлемого или высокого риска для прав и свобод человека, обоснованным представляется установление строгой (безвиновной) ответственности разработчика.

В иных ситуациях, когда речь идёт о системах с низким уровнем риска, восстановление нарушенных прав потерпевших целесообразно осуществлять на основе принципа

виновной ответственности – с необходимостью доказывания вины причинителя вреда и наличия причинно-следственной связи между его поведением и наступившими последствиями. Применение подобной дифференцированной модели способствовало бы устранению существующей правовой неопределённости, обусловленной отсутствием чётких специальных норм, регулирующих отношения, возникающие при причинении вреда третьим лицам вследствие функционирования систем искусственного интеллекта.

Вместе с тем при формировании отечественной риск-ориентированной модели недопустимо механическое заимствование классификации, закреплённой в иностранном законодательстве (AI Act в ЕС, Закон Республики Казахстан «О искусственном интеллекте» и др.). Необходимо исходить из реальных рисков причинения вреда, баланса интересов потерпевших и участников оборота, а также особенностей национальной правовой системы, что не всегда учитывается в реализуемой за рубежом градации на категории «неприемлемого», «высокого», «ограниченного» и «минимального» риска. Следует осторожное подходить и к уровню статичности перечня высокорисковых систем, затрудняющему оперативную адаптацию к технологической эволюции при выстраивании модели деликтной ответственности за вред, причинённый с использованием искусственного интеллекта.

Литература

1. Василевская Е. Ю. Искусственный интеллект: проблемы гражданско-правовой квалификации // Вестник МГЮА. 2023. № 5. С. 32—40.
2. Информационные технологии в юридической деятельности: теле-право : монография / отв. ред. А. А. Волкова, Д. В. Огородов. — Москва : Проспект, 2024. — 296 с. – ISBN 978-5-392-40803-0. – Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. – URL: https://e.lanbook.com/book/463871 (дата обращения: 19.02.2026). – Режим доступа: для авториз. пользователей.
3. Ижаев О. А., Кутейников Д. Л. Системы искусственного интеллекта и внедоговорная гражданско-правовая ответственность: риск-ориентированный подход. Lex russica. 2024. Т. 77. № 6. С. 23—34.
4. Казанцев Д. А. Правовые механизмы распределения ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта. Journal of Digital Technologies and Law. Т. 3, №3. С. 446—471.
5. Кирсанов А. Н., Костылева У. В. Основания и условия ответственности за ущерб, причиненный работой искусственного интеллекта // Право и управление. XXI век. 2022. Т. 18, № 4. С. 55—60.
6. Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 2. 2019. С. 79—102.
7. Левченко А. И. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда искусственным интеллектом // Уральский журнал правовых исследований. 2022. №2. С. 58—62.
8. Мхитарян Н. А., Мхитарян И. А. Искусственный интеллект и правовая ответственность: вызовы и перспективы для гражданского права // Закон и право. 2023. № 1. С. 45—50.
9. Цифровое право: учебник / Под ред. докт. юрид. наук, проф. МГИМО Э.Л.Сидоренко. – Москва: Юрлитинформ, 2024. 720 с.

The circle of subjects liable for torts committed through the use of artificial intelligence

Alimova A.A.

Moscow State Institute of International Relations (university) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

This article highlights and critically examines the principal doctrinal approaches to defining the circle of liable subjects: the control-based model (which substantiates user liability) and the risk-oriented model, which предполагает liability of the owner or manufacturer. As a result of the analysis, the author concludes that, under contemporary legal conditions, the duty to compensate for harm is most likely to be imposed on developers, owners, users, and other operators of AI systems; however, the scope and limits of their liability require further normative clarification. The article concludes by substantiating the advisability of a combined approach that takes into account both the degree of the system's autonomy and the extent of human involvement in its functioning, thereby contributing to the development of a fair and balanced mechanism of legal regulation.

Keywords: artificial intelligence, civil liability, tort, liable subjects, causation of harm, robot, risk-oriented approach.

References

1. Vasilevskaya, E. Yu. Artificial Intelligence: Issues of Civil Law Qualification. Bulletin of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 2023, No. 5, pp. 32–40.
2. Information Technologies in Legal Practice: Tele-Law: Monograph. Ed. by A. A. Volkova, D. V. Ogorodov. Moscow: Prospekt, 2024. 296 p. ISBN 978-5-392-40803-0. Text: electronic // Lan: Electronic Library System. URL: https://e.lanbook.com/book/463871 (accessed: 19 February 2026). Access mode: for authorized user.
3. Izhaev, O. A., Kuteynikov, D. L. Artificial Intelligence Systems and Non-Contractual Civil Liability: A Risk-Oriented Approach. Lex Russica, 2024, Vol. 77, No. 6, pp. 23–34.
4. Kazantsev, D. A. Legal Mechanisms for the Allocation of Liability for Harm Caused by Artificial Intelligence Systems. Journal of Digital Technologies and Law, Vol. 3, No. 3, pp. 446–471.
5. Kirsanov, A. N., Kostyleva, U. V. Grounds and Conditions of Liability for Damage Caused by the Operation of Artificial Intelligence. Law and Governance. 21st Century, 2022, Vol. 18, No. 4, pp. 55–60.
6. Laptev, V. A. The Concept of Artificial Intelligence and Legal Liability for Its Operation. Law. Journal of the Higher School of Economics, 2019, No. 2, pp. 79–102.
7. Levchenko, A. I. Civil Liability for Harm Caused by Artificial Intelligence. Ural Journal of Legal Studies, 2022, No. 2, pp. 58–62.
8. Mkhitaryan, N. A., Mkhitaryan, I. A. Artificial Intelligence and Legal Liability: Challenges and Prospects for Civil Law. Law and Legislation, 2023, No. 1, pp. 45–50.
9. Digital Law: Textbook. Ed. by Doctor of Law, Professor of MGIMO E. L. Sidorenko. Moscow: Yurlitinform, 2024. 720 p.

Реализация конституционных принципов в прогрессивном налогообложении доходов физических лиц

Антипова Елена Павловна
кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, epa2707@yandex.ru

Введение. Актуальность исследования реализация конституционных принципов в налоговом праве в части налога на доходы физических лиц обусловлена высокой значимостью данной сферы, непосредственно затрагивающей интересы значительного количества налогоплательщиков и существенно влияющей на процессы социально-экономического развития России.
Цели и задачи исследования. Цель исследования состоит в рассмотрении принципов конституционного права налогообложения доходов физических лиц в России. Задачи исследования заключаются в том, чтобы на основе анализа нормативных правовых актов, судебной практики и научных публикаций: определить конституционные принципы и принципы налогового права, на которые являются основополагающими для налогообложения доходов физических лиц; предложить возможный вариант «принципа солидарности», при взимание прогрессивного налогообложения доходов.
Методы. Исследование базируется на применении комплексного подхода, использовании формально-юридического, структурно-функционального и других методов научного познания.
Результаты. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о необходимости совершенствования существующего законодательства, путем дополнения принципа солидарности как публично-правовые основания налогообложения доходов физических лиц. Также, с учетом универсального характера конституционных принципов, предложено обращаться не только к разъяснениям Конституционного Суда РФ, непосредственно касающимся налогообложения, но и к тем, которые наиболее полно раскрывают сущность конституционных принципов применительно к иным областям правового регулирования.
Область применения результатов. Полученные результаты могут послужить основой для формирования правотворческой инициативы, развития исследований в выбранной проблематике.
Ключевые слова: налогообложение, доходы физических лиц, НДФЛ, конституционные принципы, принципы налогообложения, принцип равенства, принцип справедливости, принцип солидарности.

Введение

Проблемы оптимизации налогообложения доходов физических лиц являются весьма актуальными на современном этапе развития общества, вызывая бурные дискуссии среди представителей разных научных направлений, в том числе и ученых в области публичного права. В Послании Федеральному Собранию РФ, В. В. Путин призвал к модернизации фискальной системы, более справедливому распределению налогового бремени в сторону тех, у кого более высокие личные и корпоративные доходы[4]. И это не случайно, так как система налогообложения напрямую влияет на различные аспекты жизни общества и должна соответствовать принципам построения правового и социального государства. В середине 2024 года был принят федеральный закон, предусматривающий введение новой прогрессивной шкалы налогообложения, начиная с 2025 года[5] (далее – Федеральный закон № 176-ФЗ), что послужило импульсом для нового витка дискуссий по вопросам экономической целесообразности и правовых оснований внесения указанных изменений в налоговое законодательство. В связи с этим, целью данного исследования является рассмотрение принципов конституционного и налогового права как публично-правовых оснований введения новой прогрессивной шкалы налогообложения доходов физических лиц в России. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: определить конституционные принципы и принципы налогового права, на которые являются основополагающими для налогообложения доходов физических лиц; предложить возможный вариант «принципа солидарности», при взимание прогрессивного налогообложения доходов.

Материалы и методы

Достижение поставленной цели базировалось на применении комплексного подхода, использовании формально-юридического и других методов научного познания. В качестве материалов исследования послужили нормативные правовые акты, материалы судебной практики и научные публикации, посвященные правовым аспектам налогообложения доходов физических лиц.

Обсуждение и результаты

В юридической литературе при рассмотрении различных проблем налогообложения, в том числе связанных с уплатой налога на доходы физических лиц (далее – НДФЛ), традиционно обсуждаются вопросы соблюдения принципов конституционного и налогового права.

Так, Ю. В. Ловчикова отмечает, что органы публичной власти уделяют особое внимание принципам налогового права, среди которых важная роль, наряду с другими, отводится принципам равенства и справедливости [1, с. 172].

В. А. Сафронов раскрывает взаимосвязь принципа равенства налогообложения с конституционными правами и свободами граждан [2, с. 89].

[4] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024 «Послание Президента Федеральному Собранию» // Российская газета. 2024. № 46.
[5] Федеральный закон от 12.07.2024 № 176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 29 (часть III). Ст. 4105.

М. Б. Напсо применительно к системе налогообложения в РФ указывает на то, что стратегия развития российской системы налогообложения заключается в обеспечении торжества справедливости [3, с. 181].

Н. А. Нечепаев обращает внимание на то, что «налогообложение является одним из основных экономических инструментов государства… которым можно воздействовать на социальную справедливость» [4, с. 102].

А. В. Савина, размышляя о справедливости и ее пределах в правовом регулировании финансовых, в том числе налоговых, отношений, говорит о том, что исходя из конституционно-правовых норм налогообложение должно основываться как на принципе справедливости (с учетом социальной направленности финансовой деятельности государства), так и на принципе равенства (с учетом того, что налогообложение ограничивает право собственности) [5, с. 116].

Между тем, принцип справедливости налогообложения на протяжении нескольких столетий находится в фокусе ученых.

По мнению Ж.Ш. Сисмонди (конец XVIII в.), «так как большая часть расходов государства идет на то, чтобы защищать богатых от бедных, то справедливо, чтобы богатые платили за поддержание столь выгодного для них порядка вещей не пропорционально имуществу, а несколько более» [6].

Давид Рикардо выступал противником прогрессивного налогообложения доходов: «Те, кто вводят прогрессивный подоходный налог, не думают о последствиях… принятие принципа прогрессивности делает его самым вредным из когда-либо существовавших налогов. В тот момент, когда вы отказываетесь от основополагающего принципа подобных налогов – взимать со всех людей одну и ту же часть их дохода или их собственности, - вы пускаетесь в океан без руля и без ветрил, и нет предела глупостям и несправедливостям, которые вы можете совершить» [7].

Из приведенных подходов различных исследователей видно, что ключевыми принципами, находящими свое отражение и в конституционном, и в налоговом праве, являются принципы равенства и справедливости. Как следствие, они получили закрепление в законодательстве. Так, принцип равенства содержится уже в ч. 1 ст. 19 Конституции РФ «все равны перед законом и судом».

В ст. 57 КРФ в отношении налоговой системы четко определено, что «каждый обязан платить законно установленные налоги и сбор[6]. Принцип справедливости, на котором наряду с принципом равенства основывается налоговое законодательство, получил достаточно полное отражение в ст. 3 Налогового кодекса Российской Федерации (НК РФ). В указанной статье постулируются важнейшие принципы функционирования российской налоговой системы, а именно: всеобщности и равенства налогообложения, учета фактической платежеспособности налогоплательщика, недопущения установления дифференцированных ставок, произвола и ограничения конституционных прав граждан[7].

В современной отечественной науке налогового права принцип справедливости обложения также не обойден вниманием исследователей.

В частности, А.В. Брызгалин отмечает, что пропорциональная ставка налога не менее справедлива, чем прогрессивная, как минимум по двум причинам. Налогоплательщики, с высокими доходами, и так уплачивают большие суммы налогов, чем менее или малообеспеченные; в то же время, встречное представление в виде публичных благ со стороны публичного субъекта равномерно распределяется между всеми налогоплательщиками, получающими примерно их одинаковый объем. Следовательно, наиболее значительная часть публичных услуг оплачивается именно средствами более обеспеченных лиц, а пользуются ими менее обеспеченные. В этом автор видит реализацию принципа справедливости, и, представляется, с ним следует согласиться.

Кроме того, А.В. Брызгалин справедливо указывает, что в большинство систем прогрессивного налогообложения «встроена» так называемая «ловушка бедности» - ситуация, при которой повышение дохода для малоимущих зачастую влечет для них утрату льгот, предоставляемых государством, или повышение налогов, «съедающее» повышение дохода. Для таких категорий налогоплательщиков указанные факторы не способствуют стимулированию к зарабатыванию и получению более высоких доходов. Поэтому не факт, подчеркивает А.В. Брызгалин, что введение прогрессивной шкалы НДФЛ обеспечит восстановление попранной справедливости и развитие российской экономики [8].

На наш взгляд, принципы равенства и справедливости, достаточно широко представленные в юридической литературе, посвященной проблемам налогообложения, необходимо дополнить конституционным принципом солидарности. Данный принцип был закреплен в ст. 75.1 Конституции России при введении поправок 2020 года, где говорится, в частности, об экономической солидарности. Принцип экономической солидарности в сфере налогообложения тесно связан с другими принципами конституционного и налогового права. К примеру, с важнейшим принципом налогового законодательства, постулирующего, что каждое лицо обязано уплачивать налоги и сборы, установленные законом. Добросовестное исполнение обязанностей налогоплательщика – это практическая реализация конституционного принципа экономической солидарности в отношениях отдельного лица и общества в целом.

Вместе с тем, применительно к дискуссионным вопросам налогообложения, особенно столь социально значимым, как введение новой прогрессивной шкалы НДФЛ, данные положения нуждаются в конкретизации. В этой связи постоянно прослеживается потребность в разъяснении начал налогового законодательства, на которых базируется и новый закон о прогрессивной шкале НДФЛ. Следовательно, представляются особенно значимыми правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ), в которых затрагивается рассматриваемая проблематика. Более того, представляется, что, с учетом универсального характера принципов равенства и справедливости для российского законодательства, целесообразно опираться не только на позиции КС РФ, непосредственно обращенные к налоговому законодательству, но и те решения, в которых сущность данных принципов конкретизируется по отношению к иным областям правового регулирования.

КС РФ неоднократно рассматривал вопросы, связанные с реализацией принципов равенства и справедливости, в том числе относительно уплаты НДФЛ. Например, согласно абз. 3, 4 п. 2 Постановления КС РФ от 01.03.2012

[6] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020, с изм. от 04.10.2022) // СПС КонсультантПлюс

[7] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.09.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3824.

№ 6-П[8] «в налогообложении равенство понимается прежде всего как равномерность, нейтральность и справедливость». Данное положение далее конкретизируется, в том числе указанием на то, что «налогоплательщики – особенно если это плательщики налога на доходы физических лиц – при одинаковой платежеспособности должны нести равное бремя налогообложения».

Данная позиция полностью применима к введению новой шкалы прогрессивного НДФЛ, поскольку она устанавливает равное бремя налогообложения для лиц, располагающих сопоставимыми доходами в пределах установленных законом диапазонов. Например, для физических лиц с годовым доходом до 2,4 млн руб. включительно (в среднем не больше 200 тыс. руб. в месяц) с 01.01.2025 будет по-прежнему действовать ставка НДФЛ в размере 13% (ст. 2 Федерального закона № 176-ФЗ).

Таким образом, через принцип равенства, соблюдаемый с учетом платежеспособности налогоплательщиков, реализуется принцип справедливости налогообложения.

Как было отмечено выше, мы считаем, что для раскрытия обоснованности введения новой прогрессивной шкалы НДФЛ целесообразно рассмотреть и те позиции КС РФ, которые раскрывают сущность принципов равенства и справедливости применительно не только к налогообложению. Так, в абз. 2, 3 п. 2 Определения КС РФ 28.03.2017 № 688-О[9] говорится о том, что «принцип равенства (статья 19, части 1 и 2, Конституции Российской Федерации) гарантирует одинаковые права и обязанности для лиц, относящихся к одной категории субъектов права, и не исключает возможность установления различных правовых условий для разных категорий, если такие различия не являются произвольными и основываются на объективных характеристиках соответствующих категорий субъектов права».

Также в абз. 3 п. 2.2. Постановления КС РФ от 19.03.2024 № 11-П[10] говорится о том, что «вместе с тем соблюдение данного принципа (прим. авт. – равенства) не означает предоставления лицам, относящимся к разным категориям, одинаковых гарантий, но допускает различия, если такие различия объективно оправданны и преследуют конституционно значимые цели, а используемые для достижения этих целей правовые средства соразмерны им».

Позиции КС РФ относительно принципа солидарности нашли свое отражение в Информации КС РФ об актуальных конституционно-правовых аспектах обеспечения экономической, политической и социальной солидарности, опубликованной в 2023 году[11]. Применительно к введению новой прогрессивной шкалы НДФЛ представляет интерес содержащееся в данных материалах разъяснение, что «фундаментальной предпосылкой осуществления принципа солидарности в любой из определенных Конституцией сфер его проявления выступает обращенное ко всем субъектам любых правоотношений конституционное предписание о том, что реализация прав и свобод человека и гражданина не должна нарушать права и свободы других лиц (ст. 17, ч. 3)». И далее: «в контексте конституционного предназначения солидарности это требование не исключает, помимо прочего, возложение дополнительных обязательств, если таковые не являются несоразмерным обременением».

Приведенные правовые позиции КС РФ конкретизируют сущность принципов равенства, справедливости и солидарности, причем универсальный характер данных принципов находит свое отражение в различных отраслях права и законодательства, в том числе и в сфере налогообложения. Разъяснения КС РФ позволяют выявить обоснованность введения новой шкалы прогрессивного НДФЛ с точки зрения публичного права. Однако, как отмечается в юридической литературе, уже сегодня очевидно, что налоговая реформа нуждается во внесении определенных корректировок. В частности, остро стоит вопрос об уменьшении налогового бремени наименее обеспеченных слоев населения путем введения необлагаемого минимума доходов [4; 9, с. 363]. С учетом непростой экономической ситуации, обусловленной санкционным давлением на экономику России, мы согласны с позицией исследователей, обосновывающих необходимость внесения подобной поправки в налоговое законодательство.

Заключение

Таким образом, на основе проведенного анализа юридической литературы, нормативных правовых актов и судебной практики можно сделать вывод о том, что введение новой прогрессивной шкалы НДФЛ является обоснованным с позиций публичного права. Изменения, вносимые в налогообложение физических лиц, соответствуют принципам равенства, справедливости и солидарности, которые являются фундаментальными для конституционного и налогового права. Вместе с тем оптимизация налогообложения в данной сфере требует дальнейших исследований и внесения необходимых корректировок в законодательство.

Литература

1. Ловчикова Ю. В. Конституционно-правовое значение принципов налогового права // Вопросы российской юстиции. 2023. № 26. С. 171-177.

2. Сафронов В. А. Принцип равенства налогообложения: взаимосвязи и новые аспекты // Право и государство: теория и практика. 2024. № 1 (229). С. 89-91.

3. Напсо М. Б. Правовая конструкция налогообложения в РФ и ее принципы: новые реалии и вызовы // Право и государство: теория и практика. 2022. № 3 (207). С. 180-183.

4. Нечепаев Н. А. Необлагаемый минимум дохода как ступень в реализации принципа справедливости налогообложения // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2024. № 7 (95). С. 102-105.

[8] Постановление Конституционного Суда РФ от 01.03.2012 № 6-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго подпункта 2 пункта 1 статьи 220 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 14. Ст. 1720.

[9] Определение Конституционного Суда РФ от 28.03.2017 № 688-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Кожемякиной Виолетты Николаевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 32 Правил проведения экзаменов на право управления транспортными средствами и выдачи водительских удостоверений» // СПС КонсультантПлюс

[10] Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2024 № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, статьи 5 и пункта 3 статьи 137 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами граждан И.Е. Галлямовой и Е.П. Червяковой» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 13. Ст. 1865.

[11] Информация Конституционного Суда Российской Федерации «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020–2023 годов)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 14.11.2023) // СПС КонсультантПлюс

5. Савина А. В. Дискуссия о справедливости и ее пределах в правовом регулировании отдельных групп финансовых отношений // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. Т. 19. № 1. С. 114-118.

6. Пушкарева В.М. История финансовой мысли и политики налогов: Учеб. пособие. – М.: Финансы и статистика, 2001. С. 120-121.

7. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогообложения. – Цит. по: Налоговые реформа. Теория и практика: монография для магистрантов, обучающихся по специальностям «Финансы и кредит», «Бухгалтерский учет, анализ и аудит» / [И.А. Майбуров и др.]; под ред. И.А. Майбурова, Ю.Б. Иванова – И.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 463 с. (Серия «Magister»). С. 158.

8. Налоговые реформа. Теория и практика: монография для магистрантов, обучающихся по специальностям «Финансы и кредит», «Бухгалтерский учет, анализ и аудит» / [И.А. Майбуров и др.]; под ред. И.А. Майбурова, Ю.Б. Иванова – И.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 463 с. (Серия «Magister»). С. 161.

9. Максимова И. В. К вопросу о реформе НДФЛ в Российской Федерации // Наукосфера. 2024. № 7-1. С. 362-366.

Implementation of constitutional principles in the progressive taxation of personal income

Antipova E.P.

Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, North-Western Branch

Introduction. The relevance of the study of the implementation of constitutional principles in tax law in terms of personal income tax is due to the high importance of this area, which directly affects the interests of a significant number of taxpayers and has a significant impact on the processes of Russia's socio-economic development.

Research objectives and goals. The purpose of the study is to examine the principles of constitutional law regarding the taxation of personal income in Russia. The objectives of the study are to analyze legal acts, court practices, and scientific publications in order to: identify the constitutional principles and principles of tax law that are fundamental for the taxation of personal income; propose a possible variant of the "principle of solidarity" for the collection of progressive income taxes.

Methods. The study is based on the application of a comprehensive approach, the use of formal-legal, structural-functional, and other methods of scientific cognition.

Results. As a result of the conducted research, the author comes to the conclusion that it is necessary to improve the existing legislation by supplementing the principle of solidarity as a public law basis for taxation of individual income. Also, taking into account the universal nature of constitutional principles, it is proposed to refer not only to the explanations of the Constitutional Court of the Russian Federation directly related to taxation, but also to those that most fully reveal the essence of constitutional principles in relation to other areas of legal regulation.

Scope of application of the results. The results obtained can serve as a basis for the formation of a legislative initiative, the development of research in the selected area.

Keywords: taxation, personal income, personal income tax, constitutional principles, taxation principles, the principle of equality, the principle of justice, the principle of solidarity.

References

1. Lovchikova Yu. V. Constitutional and legal significance of the principles of tax law // Issues of Russian Justice. 2023. No. 26. Pp. 171-177.
2. Safronov V. A. The principle of equality of taxation: interrelations and new aspects // Law and state: theory and practice. 2024. No. 1 (229). Pp. 89-91.
3. Napso M. B. Legal structure of taxation in the Russian Federation and its principles: new realities and challenges // Law and state: theory and practice. 2022. No. 3 (207). Pp. 180-183.
4. Nechepaev N. A. Non-taxable minimum income as a step in implementing the principle of fair taxation // Skif. Issues of student science. 2024. No. 7 (95). Pp. 102-105.
5. Savina A. V. Discussion of Justice and Its Limits in Legal Regulation of Certain Groups of Financial Relations // Problems of Economics and Legal Practice. 2023. Vol. 19. No. 1. Pp. 114-118.
6. Pushkareva V. M. History of Financial Thought and Tax Policy: Textbook. manual. - Moscow: Finance and Statistics, 2001. Pp. 120-121.
7. Ricardo D. Principles of Political Economy and Taxation. - Cited from: Tax Reform. Theory and Practice: Monograph for Master's Students Studying in the Specialties "Finance and Credit", "Accounting, Analysis and Audit" / [I. A. Maiburov et al.]; edited by I. A. Maiburov, Yu. B. Ivanov - I.: UNITY-DANA, 2013. 463 p. (Magister Series). P. 158.
8. Tax Reform. Theory and Practice: Monograph for Master's Students Studying in the Specialties "Finance and Credit", "Accounting, Analysis and Audit" / [I.A. Maiburov et al.]; edited by I.A. Maiburov, Yu.B. Ivanov - I .: UNITY-DANA, 2013. 463 p. (Magister Series). P. 161.
9. Maksimova I.V. On the Issue of Personal Income Tax Reform in the Russian Federation // Naukosphere. 2024. No. 7-1. Pp. 362-366.

Конституционно-правовой статус муниципального образования

Гаджидадаева Мадина Саадулаевна
аспирант кафедры конституционного и муниципального права юридического института Дагестанского государственного университета? Ispagieva2016@yandex.ru

Гаджиев Алисултан Шамсулаевич
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического института Дагестанского государственного университета, Alisultandgu@mail.ru

Статья посвящена комплексному анализу конституционно-правового статуса муниципального образования как публично правового образования, на территории которого население реализует право на местное самоуправление и осуществляет публичную власть в пределах вопросов местного значения. Раскрывается соотношение территориальной основы, населения и компетенции как ключевых элементов статуса, рассматриваются имущественно финансовые и нормотворческие гарантии самостоятельности муниципального образования в контексте статей 12, 130 и 131 Конституции Российской Федерации, а также положений гражданского и бюджетного законодательства. Исследуется влияние конституционной реформы 2020 года и концепции единой системы публичной власти на современное понимание муниципальной автономии, анализируются положения Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» как нормативной основы обновленной модели местного самоуправления. Особое внимание уделяется проблеме недостаточной определенности и неоднородности процедурной защиты статуса муниципального образования при его территориальных преобразованиях и упразднении, поскольку выбранные формы учета мнения населения не всегда обеспечивают конституционно адекватную легитимацию вмешательства в муниципальную организацию. На основе правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в Определении от 06.03.2008 № 214-О-П, и выводов научной литературы обоснован способ решения указанной проблемы.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальное образование, конституционно-правовой статус, публичная власть, единая система публичной власти, территориальная организация, преобразование муниципальных образований, учет мнения населения, местный референдум, муниципальная автономия, муниципальная собственность, местный бюджет, Конституционный Суд Российской Федерации.

Конституционно-правовой статус муниципального образования занимает центральное место в российской модели публичной власти, поскольку именно на уровне местного сообщества конституционные гарантии участия граждан в управлении получают наибольшее практическое выражение. Конституция Российской Федерации закрепляет местное самоуправление как признаваемый и гарантируемый институт, подчеркивая его самостоятельность в пределах полномочий и одновременно указывая, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. В указанном отражена исходная идея конституционного строя, согласно которой муниципальный уровень выступает особой формой публичного управления, основанной на непосредственной связи власти и населения, а не на вертикальной административной подчиненности.

Переход от общего конституционного принципа к характеристике муниципального образования как юридического феномена требует учитывать двойственную природу рассматриваемого субъекта. С одной стороны, муниципальное образование существует как территория и локальное сообщество, объединенное устойчивыми социальными и экономическими связями. С другой стороны, муниципальное образование выступает носителем публичной компетенции, выраженной в праве самостоятельно решать вопросы местного значения и распоряжаться муниципальной собственностью. Именно соединение территориальной основы, населения и властной компетенции формирует тот конституционно-правовой статус, который отличает муниципальное образование от иных публично территориальных образований и одновременно позволяет рассматривать его как самостоятельный субъект права [6, с.19].

В отечественной науке муниципального права муниципальное образование обычно раскрывается как сложное публично-правовое образование, соединяющее в себе организационно территориальные и публично властные характеристики. О.Е. Кутафин и ряд исследователей подчеркивали, что муниципальное образование нельзя сводить лишь к территории или к совокупности органов, поскольку оно представляет собой особую форму организации местного сообщества, предназначенную для осуществления публичной власти на локальном уровне [8, с.346; 3, с.78]. В логике этой позиции муниципальное образование выступает первичным субъектом местного самоуправления, а органы местного самоуправления являются лишь институциональным механизмом выражения его воли. Подобный подход позволяет точнее увидеть конституционный смысл муниципальной автономии, поскольку автономия относится не столько к аппаратной обособленности органов, сколько к праву местного сообщества самостоятельно организовывать решение вопросов своей жизнедеятельности.

Категория публичной власти помогает уточнить место муниципального образования в конституционной архитектуре. В.Е. Чиркин последовательно развивал идею единства публичной власти народа при многообразии ее форм и уровней, связывая государственную и муниципальную власть общим источником в лице народа и различием задач и способов организации [11, с.60]. Такая трактовка согласуется с конституционными формулировками о народовластии и объясняет, почему муниципальное образование одновременно воспринимается как самостоятельное

звено публичной власти и как элемент целостного публичного порядка. Конституционная реформа 2020 года закрепила термин единой системы публичной власти, а Конституционный Суд Российской Федерации в Заключении от 16.03.2020 № 1-З [13] указал, что включение местного самоуправления в единую систему опирается на общую производность публичной власти от власти народа и не должно умалять самостоятельность местного самоуправления, гарантированную статьей 12 Конституции РФ. Тем самым было подчеркнуто, что единство системы носит функционально координационный характер и не тождественно включению органов местного самоуправления в государственную иерархию.

Нормативное наполнение статуса муниципального образования строится на сочетании конституционных норм и федерального законодательства. Конституция устанавливает, что местное самоуправление осуществляется в муниципальных образованиях, виды которых определяются федеральным законом, а структура органов местного самоуправления определяется населением самостоятельно в соответствии с общими принципами, установленными федеральным законом. Данные положения фиксируют два элемента статуса. Первый элемент состоит в признании муниципального образования пространственной и организационной формой местного самоуправления. Второй элемент состоит в признании за населением права определять структуру органов, что выступает ключевой гарантией демократического характера муниципальной власти.

Существенное значение имеет современное отраслевое регулирование, поскольку именно оно конкретизирует виды муниципальных образований, принципы территориальной организации, порядок формирования органов и объем полномочий. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» закрепил обновленную систему общих принципов и подробно регламентировал вопросы территориальной организации, преобразования муниципальных образований, статуса органов и должностных лиц, а также полномочий по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения. Само появление этого закона отражает изменение концептуальной рамки, в которой муниципальное образование осмысливается не только как автономное локальное сообщество, но и как часть единого публичного управления, направленного на согласованное развитие территорий [2, с.178].

Одним из наиболее устойчивых компонентов конституционно правового статуса муниципального образования является его имущественно финансовая основа. Статья 130 Конституции РФ связывает местное самоуправление с владением, пользованием и распоряжением муниципальной собственностью. В публично правовом измерении это означает наличие материального фундамента для самостоятельной реализации вопросов местного значения. В гражданско-правовом измерении муниципальное образование признается участником гражданских отношений на равных началах с иными участниками, что закреплено статьей 124 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ), где прямо названы городские и сельские поселения и другие муниципальные образования. Финансовая самостоятельность получает конкретизацию в бюджетном праве, поскольку Бюджетный кодекс Российской Федерации закрепляет, что каждое муниципальное образование имеет собственный местный бюджет, предназначенный для исполнения расходных обязательств муниципального образования. Сопоставление этих норм показывает, что муниципальное образование конституционно воспринимается как субъект, обладающий имущественными правами и бюджетной ответственностью, что отличает его от административной территории и усиливает аргументы в пользу его публично правовой субъектности.

Не менее значимым элементом статуса выступает нормативная автономия муниципального образования, проявляющаяся в наличии устава и системы муниципальных правовых актов. В традиционной российской модели устав закреплял основы организации местного самоуправления, систему органов, формы участия населения, символику и иные ключевые параметры локального публичного порядка. Современное законодательство также уделяет внимание официальным символам и наименованиям муниципальных образований, включая соответствующие положения в структуру федерального регулирования. Наличие устава и символики выполняет не только юридическую, но и политико правовую функцию, поскольку формирует локальную идентичность и закрепляет публичную самостоятельность муниципального образования в глазах населения [1, с.233].

Международно-правовая сфера традиционно усиливала гарантии местного самоуправления и статуса муниципальных образований. Россия ратифицировала Европейскую хартию местного самоуправления Федеральным законом от 11.04.1998 № 55-ФЗ, а сама Хартия закрепляла понимание местного самоуправления как фундаментальной демократической ценности. Вместе с тем правовой режим применения стандартов Хартии изменился, поскольку Федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ установил прекращение действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы с 16.03.2022. Указанное повысило значение внутренних конституционных и законодательных гарантий и усилил ответственность российского законодателя за поддержание баланса между единством публичной власти и автономией местного уровня.

Особое место в характеристике статуса муниципального образования занимает его территориальная основа. Территория в конституционном смысле выступает не просто географической площадкой, а пространством реализации права населения на местное самоуправление. Именно поэтому изменение границ и преобразование муниципальных образований неизбежно затрагивает содержание конституционных гарантий, закрепленных в статьях 12, 130 и 131 Конституции РФ. В научной литературе неоднократно отмечалось, что территориальные преобразования способны либо укреплять управленческую эффективность, либо ослаблять демократическую природу местного самоуправления, если они приводят к отдалению власти от населения и снижению доступности механизмов участия [7, с.236].

В этой связи особую актуальность приобретает проблема, связанная с качеством юридических гарантий статуса муниципального образования при территориальных преобразованиях и изменении его вида. Конституция после поправок 2020 года закрепляет, что виды муниципальных образований устанавливаются федеральным законом, а территория определяется с учетом местных традиций, однако она не содержит детальной процедуры защиты интересов населения при укрупнении или упразднении муниципальных образований. Федеральное регулирование, включая современную редакцию общих принципов, действительно предусматривает учет мнения населения в соответствующих процедурах, но практическая применимость этой гарантии во многом зависит от выбранной формы выявления мнения и от того, насколько эта форма способна реально выразить волю местного сообщества.

Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал важные ориентиры, позволяющие оценивать достаточность такого учета. В Определении от 06.03.2008 № 214-О-П [12] Суд указал, что в определенных конституционно правовых ситуациях учет мнения населения может осуществляться путем решения на местном референдуме, итоги которого носят обязательный характер, а при изменении границ территорий в связи с упразднением муниципальных образований наиболее адекватной формой учета мнения населения является референдум. Данная позиция фактически связывает защиту статуса муниципального образования с качеством прямого волеизъявления населения и подчеркивает, что не любая процедура формального учета мнения соответствует конституционному смыслу статьи 130 Конституции РФ.

Научная дискуссия в целом поддерживает вывод о том, что выбор формы учета мнения населения должен быть соразмерен масштабам вмешательства в муниципальную автономию. А.В. Ильиных, анализируя правовые механизмы учета мнения населения, обосновывает необходимость повышенной репрезентативности процедуры при радикальных территориальных изменениях, когда затрагивается само право на осуществление местного самоуправления в прежних границах [10, с.40]. Е.С. Шугрина, рассматривая изменение территории муниципального образования, подчеркивает, что территориальные решения имеют прямое влияние на осуществимость местной демократии и требуют таких процедур, которые минимизируют риск подмены согласия населения административной целесообразностью [9, с.100]. В более новых работах, посвященных способам учета мнения населения при изменении границ муниципальных образований, также отмечается, что неопределенность процедур и разнообразие региональных подходов приводят к неравномерной защите статуса муниципального образования по стране и создают предпосылки для конфликтов легитимности [4, с.408].

Проблема приобретает дополнительное измерение в условиях концепции единой системы публичной власти. С одной стороны, единая система публичной власти ориентирована на согласованное решение задач развития территорий и повышение качества публичного управления, что отражено в конституционно правовой аргументации Конституционного Суда. С другой стороны, усиление координационных и контрольных механизмов, а также тенденция к укрупнению муниципальных образований способны трансформировать статус муниципального образования таким образом, что формальная автономия сохраняется, но реальная способность населения влиять на организацию местной власти снижается. В условиях, когда территориальные преобразования приводят к исчезновению более близкого к гражданам уровня управления, возрастает риск ослабления того демократического содержания, которое Конституция связывает с местным самоуправлением через прямые формы волеизъявления.

С точки зрения конституционно-правового статуса муниципального образования ключевым становится вопрос о минимальных гарантиях неизменяемости его основ, которые не могут быть преодолены обычной административной процедурой. В качестве примера показателен режим федеральных территорий, введенный в Конституцию, и практика создания федеральной территории Сириус на основе Федерального закона от 22.12.2020 № 437-ФЗ. Хотя этот режим не тождественен муниципальному образованию, он демонстрирует, что законодатель способен конструировать особые модели публичной власти на территории, где классические формы местного самоуправления заменяются специальной системой органов. Подобные решения усиливают потребность в более четком понимании конституционного ядра статуса муниципального образования и процедурных гарантий его сохранения в обычных территориях, не обладающих специальным статусом [5, с.105].

В современных условиях представляется обоснованным рассматривать как наиболее уязвимый элемент статуса муниципального образования именно его территориально организационную стабильность, поскольку через преобразование границ и вида муниципального образования можно опосредованно изменить доступность местной власти, структуру представительства и реальный объем участия населения. При этом сам по себе учет мнения населения, если он реализуется через формы с неопределенным составом участников или через решения представительных органов без прямого волеизъявления, не всегда обеспечивает достаточную степень легитимации преобразования, особенно когда речь идет об упразднении муниципального образования как такового.

В связи с этим, необходимо введение на федеральном уровне более детального процедурного стандарта для тех случаев преобразования муниципальных образований, которые ведут к их упразднению либо к радикальному изменению модели организации местного самоуправления, затрагивающему доступность власти для населения. Содержание стандарта должно заключаться в обязательности местного референдума как формы выявления воли населения именно в ситуациях, когда преобразование фактически прекращает существование муниципального образования или лишает население сложившегося уровня местной демократии. Такой подход прямо вытекает из правовой позиции Конституционного Суда по определению от 06.03.2008 № 214-О-П, где референдум назван наиболее адекватной формой учета мнения населения при упразднении муниципальных образований, и поддерживается исследованиями, указывающими на соразмерность формы учета мнения глубине вмешательства в муниципальный статус.

Реализация данного решения в законодательстве могла бы быть обеспечена путем уточнения федеральных норм о преобразовании муниципальных образований, включая положения действующего регулирования общих принципов местного самоуправления. При этом речь должна идти не о формальном дублировании уже существующего требования учитывать мнение населения, а о дифференциации процедур в зависимости от правового результата преобразования. Когда преобразование не затрагивает существование муниципального образования и лишь корректирует границу или статус в пределах, не меняющих доступность механизмов участия, могут применяться иные формы учета мнения. Когда же преобразование влечет упразднение муниципального образования, обязательность референдума становится конституционно оправданным барьером против административного устранения локального самоуправления.

Предлагаемый подход обладает еще одним преимуществом, поскольку он способствует единообразию защиты статуса муниципальных образований на всей территории страны. В научных работах, посвященных способам учета мнения населения, фиксируется, что вариативность региональных процедур создает неравенство условий реализации права на местное самоуправление и порождает конфликт между формальной законностью и воспринимаемой легитимностью преобразований. Обязательный референдум для наиболее чувствительных случаев преобразования вводит общий минимальный стандарт, сопоставимый по смыслу с конституционным требованием самостоятельности местного самоуправления и с судебной интерпретацией статьи 130 Конституции.

Нельзя не учитывать и то, что укрепление процедурной защиты статуса муниципального образования должно

сочетаться с общими принципами единой системы публичной власти. Встраивание местного самоуправления в координационную систему не исключает самостоятельности и не должно сводить ее к декларации. Следовательно, усиление требований к прямому волеизъявлению населения при упразднении муниципальных образований может рассматриваться как механизм поддержания баланса между публичной эффективностью и демократической природой местного уровня. Он не препятствует реформированию территориальной организации в принципе, но требует, чтобы реформа была подтверждена волей населения там, где затрагивается само право местного сообщества на существование в форме муниципального образования.

Конституционно-правовой статус муниципального образования включает в себя не только территориальные и процедурные гарантии, но и гарантии ответственности и правовой защищенности. В последние годы усилилось внимание к статусу муниципальных должностных лиц, к ограничениям и механизмам ответственности, а также к тому, как эти инструменты соотносятся с принципом самостоятельности. Показательно Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.12.2025 № 51-П [14], в котором Суд рассматривал вопросы конституционности норм, затрагивающих регулирование обязанностей и ответственности в связи с конфликтом интересов применительно к муниципальному уровню и к новому федеральному закону об общих принципах. Сам факт включения муниципального законодательства в предмет конституционного контроля иллюстрирует, что статус муниципального образования и его органов все чаще рассматривается через призму единого публичного стандарта правомерности, где автономия не отменяет требований публичной добросовестности и прозрачности.

Таким образом, конституционно-правовой статус муниципального образования можно определить как закрепленное Конституцией и конкретизированное федеральным законодательством положение локального публично правового образования, на территории которого население реализует право на самостоятельное решение вопросов местного значения и на участие в местной власти, располагая для этого организационными, имущественными и финансовыми основаниями, а также механизмами муниципального нормотворчества. Его содержание раскрывается через взаимосвязь территории, населения, компетенции, органов, муниципальной собственности и бюджета, а также через процедурные гарантии участия граждан.

Актуальность исследования статуса муниципального образования в 2026 году обусловлена одновременным действием трех факторов. Первым фактором является обновление федеральной модели общих принципов местного самоуправления и ее ориентация на единую систему публичной власти. Вторым фактором является усиление роли конституционно судебных интерпретаций, которые задают критерии допустимого вмешательства в муниципальную автономию и связывают качество учета мнения населения с сохранением конституционного смысла местного самоуправления. Третьим фактором является возрастание значения внутренних юридических гарантий в условиях изменения международного контекста, когда прежние внешние стандарты перестали применяться к Российской Федерации.

Сформулированная проблема недостаточной определенности и неоднородности процедурной защиты статуса муниципального образования при его упразднении и иных радикальных преобразованиях имеет непосредственное конституционно правовое значение, поскольку затрагивает реальность права населения на местное самоуправление. Наиболее последовательным и научно-обоснованным способом ее решения выступает федеральное закрепление обязательности местного референдума как формы выявления воли населения в ситуациях, когда преобразование приводит к прекращению существования муниципального образования или к такому изменению его вида и территориальной основы, которое фактически лишает население сложившегося уровня местной демократии. Данное решение опирается на правовые позиции Конституционного Суда и на выводы научной литературы о необходимости соразмерности формы учета мнения населения масштабам вмешательства в муниципальный статус.

Реализация предложенного подхода способна укрепить легитимность территориальных реформ, снизить конфликтность и одновременно сохранить управленческую возможность преобразований, поскольку она переводит наиболее чувствительные решения в плоскость прямого народного волеизъявления. Муниципальное образование в такой модели сохраняет конституционную сущность как форма организации местного сообщества и как пространство реализации народовластия, а единая система публичной власти приобретает дополнительные демократические гарантии, предотвращающие превращение координации в фактическое вытеснение местной автономии.

Литература

1. Авакьян С.А. Муниципальное право России: учебник. М.: Проспект, 2009. 544 с.
2. Арзуманова С.М. Актуальные проблемы реализации форм взаимодействия населения и органов местного самоуправления / С.М. Арзуманова // Уральский Форум конституционалистов: материалы седьмого Уральского Форума конституционалистов. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2022. С. 175-180.
3. Бондарь Н.С. Местное самоуправление: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2020. 386 с.
4. Ерыгина В.И. Конституционно-правовой принцип народовластия и проблемы его реализации в законодательстве современной России // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 405-409.
5. Гончаров В.В. Проблемы и перспективы закрепления и реализации форм прямой демократии в российском законодательстве // Вестн. Полоцкого гос. ун-та. 2020. № 13. С. 104-107.
6. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 719 с.
7. Лейс А.В. Местное самоуправление в новых конституционных условиях // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Т. 7, № 4(28). С. 235-252.
8. Кутафин О.Е., Фадеев В.И. Муниципальное право Российской Федерации: учебник. М.: Проспект, 2011. 672 с.
9. Шугрина Е.С. Изменение территории муниципального образования // Журнал российского права. 2012. № 5. С. 94-106.
10. Ильиных А.В. Учет мнения населения при реализации права на осуществление местного самоуправления в контексте регулирования порядка создания городского округа с внутригородским делением // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 8. С. 35-41.
11. Чиркин В.Е. Современные модели публичной власти и местное самоуправление // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 3. С. 42-63.
12. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 06.03.2008 № 214-О-П «По жалобе гражданина Севашева Александра Васильевича на нарушение

его конституционных прав частью 4 статьи 12 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»».

13. Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.03.2020 № 1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73647918/.

14. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.12.2025 № 51-П «По делу о проверке конституционности статьи 10, частей 1, 2, 4 и 5 статьи 12, частей 1 и 3 статьи 13 Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы».

Constitutional and legal status of a municipality

Gadzhidadaeva M.S., Gadzhiev A.Sh.
Dagestan State University

The article is devoted to a comprehensive analysis of the constitutional and legal status of a municipal entity as a public legal entity, on the territory of which the population exercises the right to local self-government and exercises public authority within the framework of issues of local importance. The article reveals the relationship between the territorial basis, the population, and the competence as key elements of the status, and examines the property, financial, and regulatory guarantees of the independence of a municipal entity in the context of Articles 12, 130, and 131 of the Constitution of the Russian Federation, as well as the provisions of civil and budget legislation. The article examines the impact of the 2020 constitutional reform and the concept of a unified system of public authority on the current understanding of municipal autonomy. It analyzes the provisions of Federal Law No. 33-FZ of March 20, 2025 "On the General Principles of Organizing Local Self-Government in the Unified System of Public Authority" as the regulatory basis for the updated model of local self-government. Special attention is paid to the problem of insufficient certainty and heterogeneity of procedural protection of the status of a municipal formation during its territorial transformations and abolition, since the chosen forms of taking into account the population's opinion do not always provide a constitutionally adequate legitimation of interference in the municipal organization. Based on the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation expressed in the Determination dated 06.03.2008 No. 214-O-P, and the conclusions of the scientific literature, a method for solving this problem is substantiated.

Keywords: local self-government, municipal formation, constitutional and legal status, public authority, unified system of public authority, territorial organization, transformation of municipal formations, consideration of public opinion, local referendum, municipal autonomy, municipal property, local budget, Constitutional Court of the Russian Federation.

References

1. Avakyan S.A. Municipal Law of Russia: Textbook. Moscow: Prospect, 2009. 544 p.
2. Arzumanova S.M. Actual Problems of Implementing Forms of Interaction between the Population and Local Governments / S.M. Arzumanova // Ural Forum of Constitutionalists: Proceedings of the Seventh Ural Forum of Constitutionalists. Yekaterinburg: Ural State Law University, 2022. pp. 175-180.
3. Bondar N.S. Local Self-Government: Textbook for Universities. Moscow: Yurait Publishing House, 2020. 386 p.
4. Erygina V.I. Constitutional and Legal Principle of Popular Power and Problems of Its Implementation in the Legislation of Modern Russia // Legal Technology. 2020. No. 14. pp. 405-409.
5. Goncharov V.V. Problems and Prospects of Consolidating and Implementing Forms of Direct Democracy in Russian Legislation // Bulletin of Polotsk State University. 2020. No. 13. pp. 104-107.
6. Zorkin V.D. Constitutional and Legal Development of Russia. Moscow: Norma: INFRA-M, 2011. 719 p.
7. Leis A.V. Local Self-Government in the New Constitutional Conditions // Bulletin of Tyumen State University. Socio-Economic and Legal Research. 2021. Vol. 7, No. 4(28). pp. 235-252.
8. Kutafin O.E., Fadeev V.I. Municipal Law of the Russian Federation: Textbook. Moscow: Prospect, 2011. 672 p.
9. Shugrina E.S. Changing the Territory of a Municipality // Journal of Russian Law. 2012. No. 5. pp. 94-106.
10. Ilyinykh A.V. Taking into Account the Opinion of the Population When Realizing the Right to Local Self-Government in the Context of Regulating the Procedure for Creating an Urban District with Intracity Division // State Power and Local Self-Government. 2016. No. 8. pp. 35-41.
11. Chirkin V.E. Modern Models of Public Authority and Local Self-Government // Transactions of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2013. No. 3. pp. 42-63.
12. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 06.03.2008 No. 214-O-P "On the Complaint of Citizen Alexander Vasilyevich Sevashev Regarding the Violation of His Constitutional Rights by Part 4 of Article 12 of the Federal Law "On the General Principles of Local Self-Government in the Russian Federation".
13. Opinion of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 16, 2020, No. 1-Z "On the Conformity of the Provisions of the Law of the Russian Federation Amending the Constitution of the Russian Federation 'On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Authority' That Have Not Entered into Force with the Provisions of Chapters 1, 2, and 9 of the Constitution of the Russian Federation, as well as on the Conformity of the Procedure for the Entry into Force of Article 1 of this Law in Connection with the Request of the President of the Russian Federation" [Electronic resource]. Available at: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73647918/.
14. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 26.12.2025 No. 51-P "On the case of reviewing the constitutionality of Article 10, parts 1, 2, 4 and 5 of Article 12, parts 1 and 3 of Article 13 of the Federal Law of 20.03.2025 No. 33-FZ "On the General Principles of Organizing Local Self-Government in a Unified System of Public Authority" in connection with the request of a group of State Duma deputies."

Правовая природа баллов и бонусов в виртуальной среде как объекта гражданских прав

Галкин Никита Антонович
старший преподаватель кафедры нотариата и гражданско-правовых дисциплин АНО ВО "Российский университет адвокатуры и нотариата им. Г.Б. Мирзоева», GalkinNA@ro.ru

В результате воздействия современных тенденций наблюдается развитие инновационных методик мотивации клиентов в сфере информационных технологий и цифровой экономики, что, в свою очередь, вызывает возникновение новых правовых вызовов. В данной статье отмечается большая практическая значимость установления правовой природы бонусов и баллов, как отдельных видов цифровых объектов. Особое внимание уделено анализу судебной практики. В результате исследования сделан вывод о соотношении дефиниций «баллы» и «бонусы», даны авторские определения.
Ключевые слова: бонусные баллы; бонусные системы лояльности; баллы; бонусы; цифровая экономика; цифровые права; цифровое имущество; информационные системы.

Трансформация гражданского оборота за счет создания новой технологической среды оказывает существенное влияние на элементы гражданского правоотношения. Цифровизация радикально преобразует понимание владения имуществом, вводя в оборот новые категории цифровых активов, таких как облачные хранилища данных, блокчейн и автоматизированные смарт-контракты. Это приводит к значительному изменению коммуникаций между участниками правоотношений, которые все чаще осуществляются дистанционно, включая полностью автоматизированные механизмы.

Актуальность темы исследования подтверждается интересом правового регулирования новых отношений, со стороны государства. Так в соответсии с пунктом «ж» части 1 Указа Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [2] цифровая трансформация экономики и социальной сферы является национальной целью развития России, что демонстрирует значимость цифровой экономики в современном информационном обществе. Также в Послании к Федеральному Собранию Российской Федерации 29 февраля 2024 года Президент Российской Федерации обратил внимание на необходимость создания новых цифровых систем: «К 2030 году нужно сформировать цифровые платформы во всех ключевых отраслях экономики и социальной сферы. Эти и другие комплексные задачи будут решаться в рамках нового национального проекта «Экономика данных» [5].

Рассматривая актуальность вопроса с доктринальной точки зрения, следует отметить мнение Л.Б. Ситдиковой, которая считает, что «цифровизация отношений позитивно влияет на развитие как социальных, так и экономических отношений» [17, с.228]. Данное умозаключение подтверждает значение исследуемой темы, так как можно отметить позитивное влияние баллов и бонусов на указанные виды отношений. Вышеуказанное также подтверждается точкой зрения Д.А. Пашенцева, который отмечает роль влияния цифровых технологий на все сферы жизни общества, подчеркивая, что современные технологии формируют новую модель общественных отношений [10, с.154]. В силу вышесказанного, необходимо научное осмысление каждого нового явления, появляющегося в информационном обществе, для понимания его правовой природы в целом, и дальнейшего правового регулирования.

Обозначая роль цифрового имущества, как новой и передовой технологии, в результате применения которой образуются новые правоотношения, то А.А. Карцкхия полагает, что принципиально важным вопросом является выработка концептуальных моделей гражданско-правового регулирования цифровых прав, цифрового имущества и в целом цифрового гражданского оборота [7, с.7]. С данной точкой зрения невозможно не согласиться, в силу отсутствия достаточного законодательного регулирования указанных правоотношений.

Переходя к основной теме исследования, следует отметить, что в менеджменте давно известен такой инструмент, как бонусная программа лояльности для клиентов бизнеса. В связи с применением электронных сделок и виртуализации объектов гражданских прав, существенным является вопрос о правовой сущности баллов и бонусов, применяемых в информационных системах.

Обратимся к лексическому значению рассматриваемых терминов. Под баллом понимается «единица, которой оценивается степень или интенсивность каких-нибудь явлений» [18, с.171], а под бонусом «дополнительное вознаграждение» [6, с.258]. То есть с точки зрения семантики разница в данных понятиях заключается в том, что «балл» — это единица измерения чего либо, а бонус это дополнение к чему-либо.

В науке под бонусами принято понимать условные единицы, которые в рамках программы лояльности отчисляются с разного рода покупок [15, с.111]. Н.Л. Богачек выделяет следующие признаки бонусов [3, с.30]:

1. Цифровые объекты;
2. Бонус не допускает физическую передачу;
3. Свойством оборотоспособности обладают имущественные права на бонусы;
4. Переход (передача) от одного лица к другому возможен в отношении прав на начисленные бонусы.

В этой связи стоит отметить, что В.А. Лаптев к цифровым активам относит бонусные баллы [8, с.201]. То есть, балл — это вид бонуса. Таким образом, видна разрозненность между доктринальным и лингвистическим подходом к определению данных дефиниций. В науке термины «балл» и «бонус» отождествляются, что с точки зрения автора, крайне неверно, и стоит разграничивать данные понятия.

Переходя к правовой природе «баллов» и «бонусов», необходимо упомянуть, что статья 141.1 ГК РФ содержит понятие цифровых прав: «Цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права». Стоит отметить, что данное понятие подвергает критике, так Л.А. Новоселова и Б.М. Гонгало отмечают, что «понятие «цифровые права» не охватывает все объекты, преображенные для целей совершения сделок или реализации иных прав в цифровую форму и использующихся на различных по функционалу технологических платформах. Оно гораздо уже» [19, с.31]. Необходимо отметить, что в первой версии Проекта Федерального закона №424632–7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» цифровое право понималось под: «совокупностью электронных данных (цифровым кодом или обозначением), существующей в информационной системе» [13]. То есть, первоначально цифровое право понималось именно в качестве цифрового объекта, но в ходе правок, было принято решение, что цифровое право является обязательственным правом.

Как было отмечено ранее, в рамках данного исследования баллы и бонусы рассматриваются как разные дефиниции. Для наиболее точного понимания правовой сущности рассматриваемых явлений необходимо обратиться к локальным актам конкретных организаций, в которых реализуются бонусные программы.

В пункте 3.2.1 Правил Программы «СберСпасибо» от 01.12.2024 указано, что для начисления бонусов участнику необходимо: «активировать Категорию покупок из предложенных в Мобильном приложении и совершить хотя бы 1 (одну) Бонусную операцию по приобретению Товаров с использованием Инструментов доступа» [11]. То есть бонусы копятся при совершении определенных действий, которые предусмотрены владельцем информационной системы, именно он устанавливает эти правила. При этом в данной программе бонусы можно поменять на фиатную валюту по курсу 0,5 рубля за один бонус, то есть у пользователя есть право требования поменять его цифровые активы на денежные средства.

В этой связи интересна следующая судебная практика. В Орджоникидзевском районном суд города Перми рассматривалось дело [14], в ходе которого истец (физическое лицо) требовал с ответчика (ООО «Маркетплейс») начислить на его аккаунт 161 439 бонусов «СберСпасибо». Истец приобретал товары по договору розничной купли-продажи через сайт, и ему должны были начислить бонусы, что предусмотрено правилами программы, но вознаграждение начислено не было. Суд отказал в удовлетворении исковых требований, так как установил, что истец является индивидуальным предпринимателем, и не доказал, что товары были куплены для личного пользования, а не для предпринимательской деятельности. Этот случай является иллюстративным примером, так как подчеркивает значимость бонусов в экономической сфере, демонстрируя их весомую роль в гражданско-правовом обороте.

Также стоит упоминания Программа «Яндекс Плюс Кешбэк», в пункте 4.1, которой указано, что: «пользователь самостоятельно (за счет собственных денежных средств) оплачивает доступ в сеть Интернет, Покупки и несет иные расходы, требуемые для участия в Программе, совершения Покупок или получения Скидок при использовании Баллов, что не влияет на безвозмездность Программы и участия в ней» [12]. То есть программа считается безвозмездной в силу того, что баллы нельзя конвертировать в деньги, а только обменять на товар или услугу. Также в рамках данной программы Яндекс запустила видеоигру под названием «ПЛЮС СИТИ», в которой пользователи могут заработать «баллы плюса», играя в игру и потратить их в сервисах компании, например, оплатить услуги такси. Этот пример показателен тем, что в данном смысле указанный цифровой объект можно понимать в качестве доходов, полученных в результате использования цифровых прав, по смыслу статьи пункта 1 статьи 218 ГК РФ.

Таким образом, система бонусов крайне схожа с работой цифровых финансовых активов. В соответствии с Федеральным законом от 31.07.2020 N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1]. Цифровой финансовый актив — это цифровые права, включающие денежные требования, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы.

Говоря о баллах, стоит отметить, что это внутренняя валюта на конкретной информационной площадке. В качестве примера обратимся к Соглашению подписчика Steam - крупнейшему виртуальному дистрибьютеру компьютерных игр. В пункте 3.1. Соглашения идет речь о пополнении внутреннего кошелька для дальнейшего приобретения продуктов, при этом правообладатель отмечает: «переведенные в Кошелек Steam, не подлежат возврату или передаче. Средства, имеющиеся в Кошельке Steam, не являются частной собственностью, не имеют ценности за пределами Steam и могут использоваться только для заказа Подписок, соответствующего контента через Steam» [16]. То есть несмотря на то, что продукты приобретаются в рублях и не конвертируются в какие-либо баллы, фиатной валютой они перестают быть в момент списания средств с банковского счета и перевода их на аккаунт пользователя.

Схожая технология установлена Лицензионным соглашением социальной сети «ВКонтакте», в которой реализуется система «голосов», то есть виртуальных баллов для покупок в данной информационной системе. Так в пункте 9.2 Соглашения установлено, что: «права использования неактивированных данных и команд передаются Лицензиаром с момента отражения виртуальных ценностей в виде «Голосов» в Аккаунте Лицензиата» [9]. Во-первых, правообладатель называет баллы «виртуальными ценностями», то есть указывает на имущественную

природу данного явления. Во-вторых, данные баллы используются для покупок цифровых объектов внутри данной информационной системы, обратному выводу они не принадлежат.

Таким образом, по своей сути «балл» это электронная валюта, применяемая в конкретной информационной системе, а «бонус» — это специальная дополнительная единица, которая начисляется за совершение каких-то действий.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. С точки зрения правовой природы «бонусы» и «баллы» являются схожими, но не тождественными понятиями. Под термином «бонус» автор понимает: «Цифровую условную единицу, которая имеет способность к конвертации», а «баллы» следует понимать, как: «Виртуальную условную единицу, находящуюся в кибернетическом пространстве и реализуемую в конкретной информационной системе».

2. Бонусы можно считать одним из видов цифровых финансовых активов, так как, по сути, они представляют собой имущественное право, выраженное в праве доступа. То есть, это право требования собственника к оператору информационной системы предоставить доступ к имеющемуся цифровому имуществу, а оператор в свою очередь обязан предусмотреть все необходимое для предоставления доступа пользователю. Право доступа может выражаться в авторизации пользователя при входе в информационную систему.

3. Балл в свою очередь можно определить как один из видов цифрового имущества, то есть как совокупность объектов кибернетического пространства, находящихся в активном обороте, удовлетворяющих интересы пользователя, доступ к которым возможен через специальное устройство [4, с.112].

Литература

1. Федеральный закон от 31.07.2020 N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // "Собрание законодательства РФ", 03.08.2020, N 31 (часть I), ст. 5018, «Российская газета», N 173, 06.08.2020. [Электронный ресурс] Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

2. Указ Президента РФ от 07.05.2024 N 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // «Российская газета», N 100, 11.05.2024, «Собрание законодательства РФ», 13.05.2024, N 20, ст. 2584. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

3. Богачек, Н. Л. Бонусы - учетные единицы "бонусных программ" как цифровые финансовые активы / Н. Л. Богачек // Вестник ИПБ (Вестник профессиональных бухгалтеров). – 2019. – № 2. – С. 27–32. – EDN IYFVYX.

4. Галкин, Н. А. Понятие и признаки цифрового имущества как объекта гражданских прав / Н. А. Галкин // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2024. – № 4(56). – С. 107-114.

5. Послание Президента Федеральному Собранию Текст: электронный // Президент России: [сайт]. – 2024. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585 (дата обращения 24.11.2024 г.).

6. Современный толковый словарь русского языка [Текст] : около 160000 слов : в 3 т. / Т. Ф. Ефремова. - М. : Астрель : АСТ, 2006 - . - 3000 экз. - Т. 1 : А - Л. - 2006. - 1165 с.

7. Карцхия, А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: специальность 12.00.03 "Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / А. А. Карцхия. – Москва, 2019. – 394 с. – EDN IRNCZH.

8. Лаптев, В. А. Цифровые активы как объекты гражданских прав / В. А. Лаптев // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 2(42). – С. 199–204. – EDN XTGVMT.

9. Лицензионное соглашение социальной сети «ВКОНТАКТЕ» Текст: электронный // ВКонтакте: [сайт]. – 2024. – URL: https://vk.com/licence?ysclid=m4a8t03pql446048970 (дата обращения 01.12.2025 г.).

10. Пашенцев, Д. А. Влияние цифровизации на субъект правоприменения / Д. А. Пашенцев // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития : Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора Ф.М. Рудинского, Москва, 15 апреля 2021 года / Под общей редакцией В.В. Строева, Д.А. Пашенцева, Н.М. Ладнушкиной. – Москва: Издательство "Саратовский источник", 2021. – С. 154-157. – EDN EWTESX.

11. Правила Программы лояльности «СберСпасибо» Общие условия (редакция действует с 01 декабря 2024 г.) Текст: электронный // СберСпасибо: [сайт]. – 2024. – URL: https://spasibosberbank.ru/upload/uf/f68/pp_011224.pdf (дата обращения 01.12.2025 г.).

12. Правила Программы лояльности «Яндекс Плюс Кешбэк» Текст: электронный // Яндекс: [сайт]. – 2024. – URL: https://yandex.ru/legal/plus_loyalty/?ysclid=m4a5awv3wx498408311 (дата обращения 01.12.2025 г.).

13. Проект Федерального закона №424632–7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» Текст: электронный // Система обеспечения законодательной деятельности: [сайт]. – 2024. –URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/424632-7?ysclid=lzsf9vtx7e472987317 (дата обращения 01.12.2025 г.).

14. Решение Орджоникидзевского районного суда города Перми от 30 сентября 2024 г. по делу № 2–1965/2024 ~ М-1150/2024 Текст: электронный // Орджоникидзевский районный суд г. Перми: [сайт]. – 2024. – URL: https://ordgonik--perm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=2&name_op=case&n_c=1&case_id=347638076&case_uid=e39180fc-4d49-4f97-9a45-66f8f4ede4bb&delo_id=1540005&new=0

15. Саакова, М. А. О правовой природе бонусов и программ лояльности / М. А. Саакова // Государство и право: Материалы 61-й Международной научной студенческой конференции, Новосибирск, 17–26 апреля 2023 года. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2023. – С. 111–112. – EDN HQBCGQ.

16. Соглашение подписчика Steam Текст: электронный // Steam: [сайт]. – 2024. – URL: https://store.steampowered.com/subscriber_agreement/?l=russian#3 (дата обращения 01.12.2025 г.).

17. Ситдикова, Л. Б. Цифровые права в корпоративных отношениях / Л. Б. Ситдикова // Проблемы реализации прав человека и гражданина в условиях современных социальных трансформаций: Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти профессора Ф.М. Рудинского, Москва, 20 апреля 2023 года. – Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2023. – С. 227–230. – EDN JZRVSV.

18. Толковый словарь современного русского языка : [св. 110000 слов. ст.] / Д. Н. Ушаков ; под ред. Н. Ф. Татьянченко. – Москва : Альта-Пресс, 2005. – 1207 с.

19. Цифровые права как новый объект гражданского права / Л. А. Новоселова, А. В. Габов, А. Савельев [и др.] // Закон. – 2019. – № 5. – С. 31–54.

The legal nature of points and bonuses in a virtual environment as an object of civil rights

Galkin N.A.

Russian University of Advocacy and Notary named after G.B. Mirzoev

As a result of the impact of modern trends, the development of innovative methods of customer motivation in the field of information technology and the digital economy is observed, which, in turn, causes the emergence of new legal challenges. This article notes the great practical importance of establishing the legal nature of bonuses and points as separate types of digital objects. Special attention is paid to the analysis of judicial practice. As a result of the study, a conclusion was made about the ratio of the definitions of "points" and "bonuses", and the author's definitions were given.

Keywords: bonus points; bonus loyalty systems; points; bonuses; digital economy; digital rights; digital property; information systems.

References

1. Federal Law No. 259-FZ dated 07/31/2020 "on Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii, 08/03/2020, No. 31 (Part I), art. 5018, Rossiyskaya Gazeta, No. 173, 08/06/2020. [Electronic resource] Access mode: SPS "ConsultantPlus".
2. Decree of the President of the Russian Federation No. 309 dated 05/07/2024 "on the national Development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036" / / Rossiyskaya Gazeta, No. 100, 05/11/2024, Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii, 05/13/2024, No. 20, art. 2584. Available from the SPS ConsultantPlus.
3. Bogachek, N. L. N. Bonuses-accounting units of "bonus programs" as digital financial assets / N. L. N. Bogachek / / Bulletin of the IPB (Bulletin of Professional Accountants). – 2019. – No. 2. -PP. 27-32. – EDN IYFVYX.
4. Galkin, N. A. N. The concept and features of digital property as an object of civil rights / N. A. N. Galkin / / Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Legal Sciences. – 2024. – № 4(56). - Pp. 107-114.
5. Message of the President to the Federal Assembly Text: electronic // President of Russia: [website]. - 2024. - URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585 (date of reference 11/24/2024)).
6. Modern explanatory dictionary of the Russian language [Text] : about 160,000 words : in 3 volumes / T. N. F. N. Efremova. - M. M. : Astrel: AST, 2006 -. - 3000 copies. - T. N. 1: A- L. - 2006. - 1165 p.
7. Kartskhiya, A. N. A. N. Civil law model of digital technology regulation: specialty 12.00.03 "Civil law; business law; family law; private international law": dissertation for the degree of Doctor of Law. A. N. Kartskhiya - Moscow, 2019. - 394 p. – EDN IRNCZH.
8. Laptev, V. N. A. N. Digital assets as objects of civil rights / V. N. A. N. Laptev / / Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – № 2(42). - Pp. 199-204. – EDN XTGVMT.
9. The license agreement of the social network " VKONTAKTE " Text: electronic // VKontakte: [website]. – 2024. - URL: https://vk.com/licence?ysclid=m4a8t03pql446048970 (accessed 12/01/2025)).
10. Pashentsev, D. N. A. N. The impact of digitalization on the subject of law enforcement / D. N. A. N. Pashentsev / / Law and human rights in the modern world: trends, risks, development prospects : Proceedings of the All-Russian Scientific Conference dedicated to the memory of Professor Rudinsky, Ph.D., Moscow, April 15, 2021 / under edited by V. N.V. N. Stroev, D. N.A. N. Pashentsev, N.M. N. Ladnushkina. - Moscow: Publishing house "Saratov Source", 2021. -pp. 154-157. – EDN EWTESX.
11. Rules of the Sberbank Loyalty Program General Terms and Conditions (revision effective from December 01, 2024)) Text: electronic // Sberbank: [website]. - 2024. - URL: https://spasibosberbank.ru/upload/uf/f68/pp_011224.pdf (accessed 12/01/2025)).
12. Rules of the Yandex Plus Cashback Loyalty Program Text: electronic // Yandex: [website]. – 2024. - URL: https://yandex.ru/legal/plus_loyalty/?ysclid=m4a5awv3wx498408311 (accessed 12/01/2025)).
13. Draft Federal Law No. 424632-7 "on Amendments to Parts One, Two and Four of the Civil Code of the Russian Federation" Text: electronic // Legislative support system: [website]. – 2024. - URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/424632-7?ysclid=lzsf9vtx7e472987317 (accessed 12/01/2025)).
14. The decision of the Ordzhonikidze District Court of Perm dated September 30, 2024. In case No. 2-1965/2024 ~ m-1150/2024 Text: electronic // Ordzhonikidze District Court of Ordzhonikidze. Perm: [website]. – 2024. – URL: https://ordgonik--perm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=2&name_op=case&n_c=1&case_id=347638076&case_uid=e39180fc-4d49-4f97-9a45-66f8f4ede4bb&delo_id=1540005&new=0
15. Saakova, M. N. A. N. On the legal nature of bonuses and loyalty programs / M. N. A. N. Saakova / / State and Law: Proceedings of the 61st International Scientific Student Conference, Novosibirsk, April 17-26, 2023. Novosibirsk: CPI NSU, Novosibirsk National Research State University, 2023. pp. 111-112. - EDN HQBCGQ.
16. Steam Subscriber Agreement Text: electronic // Steam: [website]. - 2024. - URL: https://store.steampowered.com/subscriber_agreement/?l=russian#3 (accessed 12/01/2025)).
17. Sitdikova, L. N. B. N. Digital rights in corporate relations / L. N. B. N. Sitdikova / / Problems of the realization of human and civil rights in the context of modern social transformations: Proceedings of the XIV All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation dedicated to the memory of Professor Rudinsky, Moscow, April 20, 2023. Saratov: Saratov Source Publishing House, 2023. pp. 227-230. EDN JZRVSV.
18. Explanatory dictionary of the modern Russian language: [St. 110,000 words] / D. N. Ushakov; edited by N. N. F. N. Tatyanchenko. Moscow : Alta-Press, 2005. 1207 p.
19. Digital rights as a new object of civil law / L. N. A. N. Novoselova, A. N. V. N. Gabov, A. N. Savelyev [et al.] / / Law. – 2019. – № 5. -pp. 31-54.

Правило «разумного подхода» в антимонопольном законодательстве России: теория, практика и перспективы применения

Гольцов Дмитрий Александрович
студент Дальневосточного Федерального Университета

Белобородов Максим Владимирович
к.э.н., доцент частно-правовых наук, заведующий Базовой кафедрой конкурентного и предпринимательского права Юридической школы ДВФУ

В статье исследуется содержание и практика применения правила «разумного подхода» (rule of reason) в рамках российского антимонопольного законодательства. На основе анализа статьи 13 Федерального закона «О защите конкуренции», правовых позиций высших судов и практики ФАС России раскрываются условия, при которых действия, формально подпадающие под запрет злоупотребления доминирующим положением, могут быть признаны допустимыми. Особое внимание уделяется таким критериям, как стимулирование технико-экономического прогресса, повышение конкурентоспособности и соразмерность выгод для потребителей. В статье выявляются проблемы правоприменения данного правила и предлагаются направления для его совершенствования в условиях цифровой экономики и развития высокотехнологичных рынков.
Ключевые слова: антимонопольное законодательство, злоупотребление доминирующим положением, правило разумного подхода, статья 13 Закона о защите конкуренции, допустимые ограничения конкуренции, ФАС России.

Антимонопольное регулирование в рыночной экономике призвано поддерживать баланс между недопущением недобросовестных практик, подавляющих конкуренцию, и сохранением стимулов для инноваций, инвестиций и эффективного ведения бизнеса. Жёсткий “per se” подход, при котором определённые действия автоматически признаются нарушением, может подавить экономически оправданное и полезное для общества поведение компаний, особенно тех, что обладают значительной рыночной долей. В этой связи в мировой и российской практике получил развитие «разумный подход» (rule of reason)**, предполагающий всесторонний экономический и правовой анализ обстоятельств дела для оценки, перевешивают ли проантиконкурентные эффекты конкретных действий их потенциальные положительные последствия.

Актуальность исследования обусловлена возрастающей сложностью рыночных отношений, особенно в высокотехнологичных и цифровых отраслях, где традиционные критерии доминирования и оценки нарушений могут оказаться неадекватными. Внедрение принципа разумности позволяет антимонопольным органам и судам гибко реагировать на вызовы времени, не препятствуя прогрессу.

Цель статьи – комплексный анализ правовой конструкции и практики применения правила разумного подхода в российском антимонопольном законодательстве на основе ст. 13 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон о конкуренции).

Концепция «разумного подхода» берёт своё начало в антимонопольном праве США, где Верховный суд в деле “Standard Oil Co. of New Jersey v. United States* (1911)” постановил, что только «неразумные» ограничения торговли должны запрещаться по Акту Шермана. Этот подход предполагает взвешивание «за» и «против» оспариваемой практики: её потенциального вреда для конкуренции и возможных про-конкурентных благ (эффективность, инновации, выгоды для потребителей).

В европейском конкурентном праве (ст. 101.3 Договора о функционировании ЕС) также закреплена возможность исключения из запрета картельных соглашений, если они способствуют улучшению производства или сбыта товаров, техническому или экономическому прогрессу, при условии, что потребители получают справедливую долю получаемой выгоды, не налагаются необязательные для достижения этих целей ограничения и не устраняется конкуренция на существенной части рынка.

Российский законодатель, следуя общемировым тенденциям, внедрил схожие принципы в статью 13 Закона о конкуренции - допустимость действий (бездействия), осуществляемых хозяйствующим субъектом. Данная норма является ключевым инструментом реализации разумного подхода в отношении злоупотребления доминирующим положением (ст. 10 Закона). Она выступает как правовая защита для доминирующего субъекта, чьи действия, формально подпадающие под один из запретов, могут быть оправданы их положительным экономическим эффектом.

Важно отметить, что в российской доктрине и практике данный механизм нередко именуется «правилом целесообразности» или «концепцией допустимых ограничений», подчёркивая его разрешительный, а не запретительный характер при соблюдении строгих критериев.

Статья 13 Закона устанавливает исчерпывающий перечень действий из ст. 10, которые в принципе могут быть

признаны допустимыми, а также жёсткие условия такого признания.

Согласно ч. 1 ст. 13, проверке на соответствие правилу разумного подхода подлежат:

1) экономически или технологически не обоснованные сокращение или прекращение производства товара (п. 4 ч. 1 ст. 10);

2) создание дискриминационных условий (п. 8 ч. 1 ст. 10);

3) создание препятствий доступу на товарный рынок или выходу из товарного рынка другим хозяйствующим субъектам (п. 9 ч. 1 ст. 10);

4) манипулирование ценами на оптовом и (или) розничных рынках электрической энергии (мощности) (п. 11 ч. 1 ст. 10).

Тот факт, что перечень закрытый, указывает на осторожность законодателя. Наиболее жёсткие нарушения, такие как установление монопольно высокой/низкой цены (п. 1) или навязывание невыгодных условий договора (п. 2), не могут быть оправданы через ст. 13, что подчёркивает их особую общественную опасность.

Для того чтобы действие получило позитивную оценку, оно должно соответствовать двум запретительным и одному разрешительному критерию, которые находятся в причинно-следственной связи с его результатом.

Во-первых, действия не должны создавать возможности для отдельных лиц устранить конкуренцию на соответствующем товарном рынке. Во-вторых, в ходе этих действий недопустимо налагать ограничения на их участников или третьих лиц, если эти ограничения не соответствуют достижению заявленных целей.

При этом действия обязаны приводить или иметь реальную возможность привести к полезному результату. Таким результатом может быть либо совершенствование производства или реализации товаров, стимулирование технического и экономического прогресса, а также повышение конкурентоспособности российских товаров на мировом рынке. Альтернативным полезным результатом является получение покупателями соразмерных преимуществ, то есть выгод, сопоставимых с теми, которые приобретают сами хозяйствующие субъекты в результате своих действий.

Критически важным является требование соразмерности выгод. Потребительский эффект не должен быть иллюзорным или минимальным; он должен быть сопоставим с той экономической выгодой, которую извлекает из своих действий доминирующая компания.

Отдельным проявлением разумного подхода является положение ч. 2 ст. 6 Закона о конкуренции, согласно которому цена на товар – результат инновационной деятельности(создание нового товара или значительное улучшение существующего), – не может быть признана монопольно высокой, если соблюдены общие условия ч. 1 ст. 13. Это прямое стимулирование НИОКР и внедрения новых технологий, позволяющее компаниям окупать высокие затраты на исследования.

Практика применения ст. 13 остается достаточно сдержанной, что объясняется высокой планкой доказывания, возложенной на хозяйствующий субъект. В своем разъяснении №5 ФАС РФ указывал на Постановление Пленума ВАС РФ от 30.06.2008 № 30, в котором подчеркивается, что при оценке действий как злоупотребления необходимо определять, были ли они совершены в допустимых пределах осуществления гражданских прав или же налагают неразумные ограничения. Суд указал, что доминирующий субъект вправе совершать обычные хозяйственные действия, соответствующие обычаям делового оборота и не направленные на ограничение конкуренции.

В судебно-административной практике можно выделить несколько характерных сценариев применения статьи 13. В делах, связанных с инновационной деятельностью и «инновационной оговоркой» (ч. 2 ст. 6), суды придерживаются строгого подхода. Ярким примером является дело ООО «Варандейский терминал». Компания пыталась оправдать монопольно высокую цену на услугу перевалки нефти ссылкой на инновационность, обусловленную использованием уникальной запатентованной инфраструктуры. Однако суд и ФАС России отклонили этот довод, указав, что инновационным было лишь создание инфраструктуры в 2003-2008 гг., а сама услуга по перевалке с 2008 года оставалась неизменной и не являлась новым товаром. Кроме того, действия компании не соответствовали критериям ч. 1 ст. 13, так как были направлены на извлечение сверхприбыли и привели к ущемлению интересов потребителя без предоставления ему соразмерных выгод. Данный случай наглядно демонстрирует, что для успешной ссылки на инновационность необходимо доказать не только новизну самого товара или услуги на момент оспариваемых действий, но и соответствие всех действий хозяйствующего субъекта общественно полезным целям.

В ином ключе статья 13 применяется в делах, связанных с оценкой разумности и обоснованности действий доминирующего субъекта. Здесь она выступает не как самостоятельное основание для оправдания, а как правовой стандарт для оценки допустимости поведения. Так, в деле по жалобе ООО «Морагент» на ООО «НТК» суд, используя логику ст. 13 как «фильтр», проанализировал предъявляемые к контрагенту требования (залоговый депозит, подтверждение опыта). Он пришел к выводу, что эти условия являются разумными и обоснованными, поскольку продиктованы законными деловыми интересами (обеспечение безопасности, финансовая устойчивость), соответствуют международным стандартам и принципу недискриминации. Поскольку действия не налагали неразумных ограничений, в злоупотреблении доминирующим положением было отказано.

Наиболее распространенной в практике является ситуация, когда статья 13 используется в сфере естественных монополий как критерий противоправности, то есть как инструмент квалификации нарушения, а не как «щит» для ответчика. Например, в деле АО «Прионежская сетевая компания» и в деле ООО «ЭкоЦентр» суды, ссылаясь на положения ч. 1 ст. 13, обосновали, что установление завышенной платы за технологическое присоединение и систематический невывоз мусора соответственно представляют собой недопустимое наложение неразумных ограничений на контрагентов, ущемление их интересов и не соответствуют критериям допустимых действий, таким как наличие общественно полезной цели или соразмерных выгод потребителю.

Анализ сложившейся практики позволяет выделить типичные причины отказа в применении исключений, предусмотренных статьей 13. Во-первых, это отсутствие инновационности или общественно полезной цели. Как показало дело «Варандейского терминала», суды проводят строгое разграничение между инновационностью технологии и стандартной услугой, оказываемой с её помощью. Действия, преследующие исключительно цель извлечения сверхприбыли за счет монопольного положения, не признаются соответствующими целям технического или экономического прогресса.

Во-вторых, ключевым негативным фактором является ущемление интересов потребителей без соразмерной компенсации. Критерий баланса интересов играет решающую роль. Если действия доминирующего субъекта при-

чиняют явный ущерб контрагенту, а преимущества остаются исключительно у самого субъекта, суды отказывают в применении исключений по ст. 13.

В-третьих, применение статьи 13 блокируется наличием антиконкурентной направленности действий. Если основным следствием является ограничение конкуренции или создание барьеров для выхода на рынок, даже при наличии некоторых технических обоснований, такие действия не будут признаны допустимыми. В отличие от дела «НТК», где требования были объективно обоснованы спецификой деятельности, в большинстве случаев суды усматривают в подобных действиях злоупотребление рыночной властью.

Наконец, несоблюдение императивных норм также исключает возможность ссылки на статью 13. В делах, подобных спору с АО «НГЭС», где действия строго соответствовали предписанным отраслевым правилам, вопрос о ст. 13 даже не возникает для детального рассмотрения, так как отсутствует сам состав нарушения. Однако если действия, как в деле «Прионежской сетевой компании», нарушают установленные тарифы или правила, ссылка на внутренние обстоятельства или гипотетические выгоды не принимается во внимание.

Два ключевых превентивных инструмента, по сути, представляют собой предварительную форму реализации разумного подхода. Первый — это утверждаемые Правительством РФ правила недискриминационного доступа для субъектов естественных монополий и доминирующих хозяйствующих субъектов с долей рынка свыше 70 процентов в случаях, когда уже выявлено нарушение. Следование таким утверждённым правилам автоматически делает действия компании допустимыми, создавая формализованную «безопасную гавань».

Другим важным инструментом являются правила торговой практики, которые компания разрабатывает и утверждает добровольно, после чего согласовывает с Федеральной антимонопольной службой. Это уникальный российский механизм, позволяющий бизнесу заранее определить «правила игры» и минимизировать правовые риски. Согласуя такие правила, ФАС по сути даёт им предварительную оценку на предмет разумности и соответствия закону.

Оба эти механизма снижают нагрузку на последующее применение статьи 13 закона, обеспечивая бизнесу большую предсказуемость и правовую определённость.

Внедрение правила разумного подхода сталкивается с рядом проблем. Ключевой сложностью является бремя доказывания, которое полностью лежит на хозяйствующем субъекте. Это делает применение данной нормы крайне сложным, особенно в условиях противостояния с антимонопольным органом, обладающим административным ресурсом.

Другой проблемой выступает недостаточная детализация законодательных критериев. Законодательство не раскрывает конкретного содержания таких понятий, как «соразмерность выгод» или «технический прогресс». Это оставляет широкий простор для субъективного толкования как со стороны бизнеса, так и со стороны регулятора, снижая предсказуемость правоприменения.

Кроме того, сфера действия правила ограничена перечнем допустимых действий. Это означает, что не все потенциально полезные для рынка или потребителей практики, содержащие элементы ограничений, могут быть проанализированы через его призму. Например, ценовые стратегии зачастую остаются за рамками такого анализа.

Наконец, в правоприменительной практике пока слабо интегрирован современный экономический анализ. Зачастую не в полной мере используются количественные методы для глубокой оценки реальных последствий тех или иных действий для состояния конкуренции и благосостояния потребителей.

Перспективы развития правила разумного подхода связаны с рядом возможных мер. Для повышения правовой определенности целесообразна разработка Федеральной антимонопольной службой подробных методических рекомендаций по применению соответствующей статьи закона. Эти рекомендации могли бы содержать разбор как положительных, так и отрицательных примеров из практики, что позволило бы бизнесу лучше понимать позицию регулятора.

Важным направлением является и расширение законодательного перечня действий, подпадающих под анализ по правилу разумности. В частности, рассмотрение вопроса о включении в этот перечень некоторых видов вертикальных ограничений могло бы сделать регулирование более гибким и соответствующим современным бизнес-реалиям. Особое значение в эпоху цифровой трансформации приобретает активное внедрение «инновационной оговорки», которая позволила бы более взвешенно подходить к оценке практик на динамичных высокотехнологичных рынках.

Параллельно необходимо поощрять использование превентивных инструментов, таких как добровольные правила торговой практики. Их развитие и применение становятся основным каналом для конструктивного предварительного диалога между бизнесом и регулятором, помогая снижать риски. Кроме того, для обеспечения объективности при рассмотрении сложных дел крайне важно усилить роль судебно-экономической экспертизы, которая могла бы давать независимую оценку реальных экономических эффектов от оспариваемых действий.

Правило «разумного подхода», закреплённое в статье 13 Закона о защите конкуренции, является важным инструментом гибкого антимонопольного регулирования. Его цель заключается в том, чтобы не препятствовать экономически эффективному и инновационному поведению даже со стороны доминирующих компаний. Этот институт отражает современное понимание того, что не всякое действие крупного рыночного игрока, которое влияет на конкурентов, следует автоматически квалифицировать как злоупотребление.

Тем не менее, на сегодняшний день применение данного правила в России остаётся ограниченным. Основные причины этого — строгие и недостаточно конкретизированные законодательные критерии, чрезвычайная сложность доказывания для бизнеса, а также зачастую осторожная и сдержанная позиция правоприменителя. Дальнейшее развитие этого института видится необходимым условием для формирования благоприятной конкурентной среды, особенно в высокотехнологичных отраслях.

Ключевыми векторами такого развития должны стать активное использование превентивных механизмов, таких как правила торговой практики, и дальнейшая детализация подходов ФАС через методические рекомендации. Это позволит поддерживать баланс между эффективным контролем за рыночной властью и стимулированием инвестиций, инноваций и экономического роста.

Литература

1. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

2. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.06.2008 № 30 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства».

3. Разъяснения Президиума ФАС России от 07.06.2017 N 8 «О применении положений статьи 10 Закона о защите конкуренции».

4. Тотьев К.Ю. Конкурентное право: Учебник. – М.: Норма, 2020.

5. Competition Law and Policy: Cases, Materials, and Commentary / Ed. by P. Freeman, R. Whish. – Oxford University Press, 2021.

6. Материалы практики ФАС России (решения по делам № А40-91027/19-121-805, № А12-25120/2024, № А56-20954/2021).

7. Д. А. Алешин, И. Ю. Артемьев, Е. Ю. Борзило и др. Конкурентное право России // - 2019.

8. М.А. Егорова, А.Ю. Кинев Конкурентное право //- 2018

The «Rule of Reason» in Russian Antitrust Law: Theory, Practice, and Prospects for Application

Goltsov D.A., Beloborodov M.V.

Far Eastern Federal University

The article examines the content and practice of applying the "rule of reason" within the framework of Russian antitrust law. Based on an analysis of Article 13 of the Federal Law "On Protection of Competition," the legal positions of higher courts, and the practices of the Federal Antimonopoly Service of Russia, the conditions under which actions formally falling under the prohibition of abuse of a dominant position may be considered permissible are revealed. Particular attention is paid to criteria such as the promotion of technological and economic progress, increased competitiveness, and the proportionality of benefits for consumers. The article identifies issues in the application of this rule and suggests ways to improve it in the context of the digital economy and the development of high-tech markets.

Keywords: antimonopoly legislation, abuse of a dominant position, rule of a reasonable approach, Article 13 of the Law on Protection of Competition, permissible restrictions on competition, FAS Russia.

References

1. Federal Law of July 26, 2006, No. 135-FZ "On the Protection of Competition."
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of June 30, 2008, No. 30 "On Certain Issues Arising in Connection with the Application of Antimonopoly Legislation by Arbitration Courts."
3. Clarifications of the Presidium of the FAS Russia of June 7, 2017, No. 8 "On the Application of the Provisions of Article 10 of the Law on the Protection of Competition."
4. Totyev, K. Yu. Competition Law: Textbook. Moscow: Norma, 2020.
5. Competition Law and Policy: Cases, Materials, and Commentary / Ed. by P. Freeman, R. Whish. – Oxford University Press, 2021.
6. Materials of the practice of the FAS Russia (decisions in cases No. A40-91027/19-121-805, No. A12-25120/2024, No. A56-20954/2021).
7. D. A. Aleshin, I. Yu. Artemyev, E. Yu. Borzilo, et al. Competition Law of Russia // - 2019.
8. M. A. Egorova, A. Yu. Kinev Competition Law // - 2018

Институт недобросовестных участников в системе государственных и муниципальных закупок: теоретико-правовой и практический аспекты

Гончарук Роман Алексеевич
студент Дальневосточного Федерального Университета

Белобородов Максим Владимирович
к.э.н., доцент частно-правовых наук, заведующий Базовой кафедрой конкурентного и предпринимательского права Юридической школы ДВФУ

Актуальность данной темы состоит в том, что сфера государственных и муниципальных закупок наполнена колоссальными объемами денежных средств. Ценой такого изобилия выступает коррупционный риск, а также риск недобросовестной конкуренции, что, в свою очередь, обусловлено недостаточной эффективностью имеющихся и недостатком новых механизмов противодействия негативным факторам, что подкрепляется активным развитием упомянутой отрасли. Цель статьи – комплексный анализ правовой конструкции недобросовестных участников, выявление системных проблем в определении признаков недобросовестности и применения к таким участникам последствий, а также разработка новых научно-практических предложений по совершенствованию законодательства и правоприменения.
Ключевые слова: государственные закупки, контрактная система, недобросовестный участник, реестр недобросовестных поставщиков, Федеральная антимонопольная служба (ФАС РФ), добросовестная конкуренция, злоупотребление правом, административная ответственность

Основополагающим мотивом, побуждающим к рассмотрению обозначенной проблемы, является стратегическая роль государственных закупок в сфере обеспечения жизнедеятельности страны в целом. Национальная экономическая безопасность наряду с обеспечением эффективного расходования бюджетных средств напрямую зависит от возможности борьбы с любыми негативными факторами, так или иначе воздействующими на сферу обеспечения государственных и муниципальных образований различными товарами и услугами. Одним из таких факторов является недобросовестная конкуренция в сфере закупок. Легального определения недобросовестной конкуренции в сфере закупок не предусмотрено российским законодательством, однако же, для удобства, под ним понимается любые действия участников закупок, которые не соответствуют действующим законам, а также нарушают принципы честной конкуренции, совершенные с целью получения выгоды, форы или преимущества на любом из этапов проведения торгов. В нынешних реалиях, в эпоху цифровизации и интернета имеющиеся способы противодействия постепенно устаревают и не показывают должной эффективности, а в условиях ежегодного объема рынка товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, исчисляющегося триллионами рублей, вопросы противодействия недобросовестному поведению участников приобретают первостепенное значение.

Институт недобросовестных участников, материализованный в форме реестра недобросовестных поставщиков, законодательством позиционируется как ключевой инструмент минимизации правонарушений в этой сфере. Однако анализ правоприменительной практики свидетельствует о наличии различного рода системных дисфункций. Во-первых, наблюдаются устойчивые противоречия в подходах контролирующих и судебных органов к квалификации признаков недобросовестности, что отражается на ограничение одними или вторыми исключительно формальным подходом к применению норм, что приводит к несоразмерным ограничениям прав добросовестных субъектов. Во-вторых, существующая модель демонстрирует низкую эффективность в борьбе со сложными схемами уклонения, например, с использованием аффилированных или «подставных» юридических лиц.

Легальная конструкция, содержащаяся в ст. 104 Федерального закона от 05.04.2013 N 44-ФЗ "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" изначально отличается узостью и ретроспективностью. Она сводит все многообразие потенциально недобросовестных практик к только двум последствиям: расторжение заключенного контракта по решению суда и включение в реестр. Это и порождает первую проблему – формализм в квалификации. При рассмотрении дел об уклонении от заключения контракта доминирует презумпция недобросовестности, сам факт непредставления подписанного проекта в установленный срок считается достаточным доказательством виновного поведения. Верховный Суд РФ, указывая на возможность учета обстоятельств непреодолимой силы, тем не менее возлагает их бремя их доказывания на участника торгов, а судебная практика зачастую трактует эти обстоятельства чрезмерно строго. В результате незначительная техническая ошибка, задержка бан-

ковского перевода или человеческий фактор может привести к двухлетнему отлучению от рынка закупок, что явно несоразмерно характеру нарушения.

Вторая проблема – расторжение контракта из-за существенного нарушения – также содержит в себе серьезную коллизию. В законодательстве просто отсутствует критерий существенности такого нарушения. В итоге сложилось два противоречащих друг другу подхода. Первый признает нарушение существенным по формальному признаку, т. е. если тот прямо обозначен в тексте договора (контракта), причем реальные последствия такой оценки не учитываются. Второй, наоборот, оценочный – пытается анализировать соразмерность нарушения, применяемой санкции, учитывается размер ущерба, возможность устранения и прочие факторы. Доминирование первого подхода открывает широкий простор для злоупотреблений со стороны недобросовестных заказчиков, которые могут включать в контракт кабальные условия и использовать лишь формальные поводы для расторжения и включения контрагента в реестр.

Проблема противодействия недобросовестным участникам в сфере публичных закупок носит универсальный характер. Анализ зарубежного опыта позволяет выявить альтернативные или более совершенные механизмы регулирования, что представляется крайне полезным для преодоления системных дисфункций, свойственных российской модели. В праве Европейского Союза, регулирующем публичные закупки, акцент сделан на концепции «недобросовестного поставщика» и «исключительных оснований» для отстранения от участия в торгах. Ключевое отличие от российской модели заключается в глубокой интеграции принципа пропорциональности и оценочного характера решения заказчика. Законодательство ЕС предоставляет заказчику право, но не возлагает на него обязанность, исключить участника при наличии убедительных доказательств его недобросовестности, таких как вступивший в силу обвинительный приговор за коррупционные преступления или серьезное искажение существенной информации. При этом участнику гарантировано право на реабилитацию, то есть возможность доказать, что им были приняты исчерпывающие меры по исправлению ситуации и восстановлению надежности как контрагента. Этот подход является более гибким и ориентированным на реальное исправление поведения экономического субъекта, а не на реализацию чисто карательной функции.

В практике Соединенных Штатов Америки также существует развитая система отстранения и исключения недобросовестных подрядчиков. Процедура носит административный характер и предполагает проведение всестороннего расследования с предоставлением поставщику полного объема прав на защиту, включая проведение специальных слушаний. Окончательное решение компетентный орган принимает на основании совокупности оцениваемых факторов, куда входят тяжесть совершенного проступка, потенциальный риск для государства в случае дальнейшего сотрудничества и конкретные меры, уже принятые поставщиком для исправления положения. Такой подход позволяет избегать автоматизма и формализма, обеспечивая баланс между интересами государства и принципами справедливости.

Таким образом, общим трендом для развитых зарубежных юрисдикций является сознательный отход от формально-автоматических механизмов в сторону оценочных, состязательных процедур, где ключевую роль играют принципы соразмерности и индивидуализации ответственности, а также предоставление возможности для исправления. Эта философия регулирования выступает в заметном контрасте с жесткой и излишне формализованной российской моделью, которая в своей основе зачастую опирается исключительно на наступление формальных юридических фактов без должной оценки их контекста и реальных последствий.

На основе проведенного анализа отечественных проблем и изучения релевантного зарубежного опыта представляется возможным сформулировать ряд системных предложений по модернизации института недобросовестных участников в российской контрактной системе. Первоочередной мерой должна стать глубокая детализация и смысловое расширение легального состава недобросовестных действий. Для этого целесообразно дополнить ст. 104 Федерального закона № 44-ФЗ не исчерпывающим, а открытым примерным перечнем признаков недобросовестности. Такой перечень мог бы включать, помимо уже указанного уклонения от заключения контракта, такие действия, как предоставление заведомо ложной информации, существенно повлиявшей на результаты определения поставщика, участие в сговоре между участниками закупки, а также систематическое предложение заведомо нереалистичных цен с последующим неисполнением обязательств.

Вторым критически важным направлением реформы является внедрение в законодательство и правоприменение градации санкций и неукоснительное следование принципу соразмерности ответственности. Необходимо законодательно закрепить дифференцированный подход к последствиям признания участника недобросовестным. В качестве мягкой меры могло бы применяться кратковременное отстранение от участия в закупках на срок до шести месяцев за нарушения, не повлекшие реального ущерба и не носящие умышленного характера, такие как отдельные технические ошибки. Стандартное включение в реестр на два года должно сохраняться за умышленные и существенные нарушения, такие как уклонение от заключения контракта или участие в картельном сговоре. Для случаев систематических или особо злостных нарушений, сопряженных с коррупционными правонарушениями, следует предусмотреть возможность включения в реестр на длительный срок, вплоть до пяти лет. Критерии выбора конкретной санкции должны в обязательном порядке включать комплексную оценку характера и обстоятельств нарушения, размера причиненного или потенциального ущерба, степени вины участника, а также его предшествующей деловой репутации.

Третье предложение касается совершенствования процедуры. Целесообразно рассмотреть возможность введения досудебной административной процедуры рассмотрения вопросов о включении в реестр недобросовестных поставщиков с участием коллегиального органа при контрольном ведомстве, например, при Федеральной антимонопольной службе. Эта процедура должна гарантировать участнику право на заблаговременное получение уведомления о претензиях, доступ к материалам дела и возможность представить свои письменные и устные объяснения, что повысит уровень состязательности и обоснованности принимаемых решений.

Развитие цифровых технологий открывает новые возможности для повышения эффективности борьбы с недобросовестными участниками. Речь идет не просто об электронной форме проведения процедур, а о внедрении интеллектуальных систем анализа данных. Такие системы могли бы в автоматическом режиме выявлять рискованные паттерны поведения: аномальное ценовое предложение, частую совместную деятельность одних и тех же юридических лиц в различных закупках, признаки аффилированности, скрытой за формальными признаками независимости. Это позволило бы перейти от реактивной к проактивной модели контроля, где внимание фокусируется не на формальном соблюдении процедур, а на

выявлении сложных схем, направленных на обход закона. Однако внедрение подобных технологий должно сопровождаться разработкой четких правовых алгоритмов их использования, чтобы исключить риски необоснованной автоматизированной дискриминации участников.

Завершая исследование, проведенный анализ позволяет констатировать, что существующий в российской контрактной системе институт недобросовестных участников, несмотря на свою формальную определенность, страдает от существенных системных проблем. Его ключевые недостатки — гипертрофированный формализм в квалификации недобросовестности, отсутствие законодательно закрепленных критериев существенности нарушений и принципа соразмерности санкций, а также неспособность эффективно противостоять сложным схемам уклонения. Эти дисфункции приводят к неоправданно жестким последствиям для участников, допустивших малозначительные нарушения, и одновременно оставляют пространство для злоупотреблений со стороны недобросовестных заказчиков.

Пути совершенствования данного института видятся в комплексном реформировании, включающем: содержательное расширение легального понятия недобросовестности, внедрение дифференцированной и соразмерной системы мер ответственности, гуманизацию и повышение состязательности процедуры признания недобросовестным, а также активное использование возможностей цифрового анализа данных для выявления сложных противоправных схем. Заимствование отдельных рациональных элементов из международного опыта, таких как принцип пропорциональности и право на реабилитацию, могло бы способствовать достижению более справедливого баланса между задачами обеспечения добросовестной конкуренции, эффективности бюджетных расходов и защиты прав участников закупок. Реализация этих мер будет способствовать превращению института недобросовестных участников из преимущественно карательного инструмента в эффективный механизм обеспечения качества и надежности партнеров государства, что в итоге отвечает интересам укрепления экономической безопасности страны.

Литература

1. О контрактной системе в сфере закупок, товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) (с изм. и доп. вступ. в силу с 01.01.2024)

2. Пашкин А. С., Сыроижко В. В. Правовые аспекты государственной политики по развитию контрактной системы в сфере государственных и муниципальных закупок // РСЭУ. 2024. №1 (64).

3. Псарев, А. С., Дихтяр, А. И. Актуальные аспекты государственной контрактной системы в России // Вестник магистратуры. 2024. № 1–3 (148).

4. Фирсов, Е. И., Институциональные барьеры входа на рынок государственных закупок в России // КЭ. 2025. №7.

5. Борисова, Е. Р. Контрактная система государственных закупок как инструмент развития российской экономики // Вестник Российского университета кооперации. - 2016. - № 1 (23). - С. 20 - 24.

6. Спивак, А. А. Регулирование процесса государственных закупок в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Российский экономический интернет-журнал. - 2020.- № 1. - С. 42

7. «Контрактная система в сфере государственных и муниципальных закупок»: учебно-методическое пособие / М.В. Белобородов, С.С. Чекулаев: Дальневосточный федеральный университет, Юридическая школа. – Владивосток: Издательство Дальневосточного федерального университета. 2021 – 76 с.- Текст: непосредственный.

The institute of unscrupulous participants in the system of state and municipal procurement: theoretical, legal and practical aspects

Goncharuk R.A., Beloborodov M.V.
Far Eastern Federal University

The relevance of this topic lies in the fact that the sphere of state and municipal procurement is filled with huge amounts of money. The price of such abundance is the risk of corruption, as well as the risk of unfair competition, which, in turn, is due to the insufficient effectiveness of existing and lack of new mechanisms to counter negative factors, which is supported by the active development of the mentioned industry. The purpose of the article is a comprehensive analysis of the legal structure of unscrupulous participants, the identification of systemic problems in determining the signs of dishonesty and the application of consequences to such participants, as well as the development of new scientific and practical proposals to improve legislation and law enforcement.

Keywords: public procurement, contract system, unfair participant, register of unfair suppliers, Federal Antimonopoly Service (FAS RF), fair competition, abuse of law, administrative responsibility

References

1. On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works, and Services to Meet State and Municipal Needs: Federal Law of 05.04.2013 No. 44-FZ (as amended on 25.12.2023) (as amended and supplemented, entered into force on 01.01.2024)

2. Pashkin A.S., Syroizhko V.V. Legal Aspects of State Policy on the Development of the Contract System in the Sphere of State and Municipal Procurement // RSEU. 2024. No. 1 (64).

3. Psarev, A.S., Dikhtyar, A.I. Current Aspects of the State Contract System in Russia // Bulletin of the Magistracy. 2024. No. 1–3 (148).

4. Firsov, E. I., Institutional barriers to entry into the public procurement market in Russia // KE. 2025. No. 7.

5. Borisova, E. R. Contract system of public procurement as an instrument for developing the Russian economy // Bulletin of the Russian University of Cooperation. - 2016. - No. 1 (23). - Pp. 20-24.

6. Spivak, A. A. Regulation of the public procurement process in the Russian Federation: problems and prospects // Russian Economic Internet Journal. - 2020.- No. 1. - P. 42

7. "Contract system in the field of state and municipal procurement": a teaching aid / M. V. Beloborodov, S. S. Chekulaev: Far Eastern Federal University, Law School. - Vladivostok: Publishing House of Far Eastern Federal University. 2021 – 76 p. - Text: direct.

Правовой статус внутренних мигрантов из новых субъектов Российской Федерации: проблематика интеграции и перспективы

Григорьев Антон Владимирович
кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

В статье рассматривается комплекс актуальных проблем, связанных с определением статуса внутренних мигрантов из новых субъектов Российской Федерации - Донецкой народной республики, Луганской народной республики, Херсонской области, Запорожской области. Недостаточность правового регулирования данного вопроса, выражающаяся в отсутствии конкретных правовых норм может привести к социальным, экономическим, политическим и правовым издержкам. Трудность интеграции лиц, переживших боевые действия, социальные сферы субъектов Российской Федерации могут породить серьезные проблемы с их интеграцией и адаптацией. С этой целью требуется выработка единой правовой политики в этой сфере, основанной на правах и свободах человека и гражданина, а также требований учета количественных показателей миграции и стандартов безопасности.
Ключевые слова: Конституция, правовой статус личности, внутренняя миграция, ограничения прав и свобод, миграционная политика, субъекты Российской Федерации

Проблематика миграции как социального и правового явления традиционно занимает одну из лидирующих позиций в юридическом дискуссионном поле. Перемещение трудовых мигрантов из государств ближнего зарубежья в Российскую Федерацию и обратно одновременно является и фактором экономического развития, и источником серьезных проблем. Именно поэтому изучению правовых аспектов международной миграции посвящена как деятельность органов государственной власти, так и усилия научного правового сообщества. Безусловно, это оправданный подход, который определяется общественной значимостью миграции как важного социального процесса, масштабностью окружающих ее проблем, широким общественным резонансом.

Однако у внешней международной миграции есть «младший брат», который зачастую остается в тени общественного внимания – внутренняя миграция, то есть перемещение граждан по территории Российской Федерации.

Как указывает Сальников В.П., Воронков К.И. «внутренняя миграция в России - это естественный процесс перемещения населения из одной местности или региона в другую в пределах территории страны» [1]. Однако на сегодняшний момент она осложнена проблемами экстраординарного характера, то есть существующими геополитическими причинами и событиями военно-стратегической природы, что меняет ее естественную природу и придает чрезвычайные особенности.

Одной из главных особенностей внутренней миграции явился процесс принятия в состав Российской Федерации в 2014 году Республики Крым и города федерального значения Севастополя, а в 2022 году Донецкой народной республики, Луганской народной республики, Херсонской области, Запорожской области, в дальнейшем также именуемые «новыми субъектами Российской Федерации». С 2014 года на территориях Донецкой народной республики, Луганской народной республики, Херсонской области, Запорожской области Украиной ведутся боевые действия с явно выраженным нарушением международного гуманитарного права, что обусловило перемещение большого количества беженцев. В 2026 году эта ситуация не становится принципиально иной – продолжение Специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины, удары вооруженными формированиями Украины по гражданскому населению, нарушение вооруженными силами Украины правил цивилизованного ведения войны, блокирование водных ресурсов и другие острые политические, экономические и гуманитарные проблемы приводят к сильному ускорению процессов внутренней миграции.

Однако, в научной правовой литературе проблематика внутренней миграции пока не получила достаточного освещения. Представляется, что это связанно с несколькими факторами. К первой группе относится отсутствие необходимого юридического инструментария, то есть законодательных актов, дефиниций, норм и надлежащей правоприменительной практики. Ко второй группе относится общая слабая демографическая и статистическая изученность проблематики внутренней миграции из новых субъектов Российской Федерации. По данным средств массовой информации, только на 2023 год общее число

беженцев, прибывших в РФ с территории Украины и Донбасса с февраля прошлого года, превысило 5,4 млн человек [2]. К сожалению, абсолютно точные официальные сведения органов государственной власти по количеству беженцев и временных переселенцев из новых субъектов Российской Федерации пока отсутствуют. Это обстоятельство безусловно затрудняет возможность точной оценки картины внутренней миграции из новых субъектов Российской Федерации и требует организации новых демографических и социальных исследований данного вопроса. К третьей категории факторов относится проблематика интеграции внутренних мигрантов в правовое, экономическое, социальное, культурное и психологическое пространство Российской Федерации.

В отношении развития правового регулирования внутренней миграции из новых субъектов Российской Федерации необходимо отметить следующее. На сегодняшний день в российском законодательстве термин «внутренний мигрант» отсутствует. Однако этот факт не снижает актуальность проблемы внутренней миграции из новых субъектов Российской Федерации и не снижает ответственности органов публичной власти в этой сфере. Таким образом, перед научным юридическим сообществом стоит актуальная задача определения статуса внутренних мигрантов в Российской Федерации, а также их реальных проблем, и одновременно с этим проектирование возможных нормативных правовых решений в этой сфере.

Учитывая современные правовые реалии, определить понятие «внутренний мигрант» можно ответив на несколько вопросов. Первый из них звучит так «является ли внутренний мигрант полноправным гражданином Российской Федерации и каковы его конкретные обязанности в связи с его переездом в другой субъект Российской Федерации»?

В соответствии с частью 1 статьи 27 Конституции Российской Федерации каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства [3]. Статья 20 Гражданского кодекса Российской Федерации местом жительства признается место, где гражданин постоянно или преимущественно проживает [4]. Права и обязанности граждан в области реализации права на свободу передвижения и выбор места жительства регулируются Законом РФ от 25.06.1993 № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» (далее Закон РФ № 5242-1) [5]. В Законе РФ № 5242-1 статьей 8 установлен закрытый перечень мест, на которые могут распространятся ограничения на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации. Также Закон РФ № 5242-1 устанавливает дефиниции таких важных понятий как «место пребывания», «место жительства» и «регистрационный учет, регистрация и снятие с регистрации граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации». В частности, статья 5 закрепляет требование регистрации гражданина Российской Федерации по месту пребывания в срок, не превышающий 90 дней со дня прибытия гражданина в жилое помещение; а статьей 6 Закона РФ № 5242-1 установлена обязанность гражданина Российской Федерации, изменившего место жительства, не позднее семи дней со дня прибытия на новое место жительства произвести необходимые действия для регистрации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации. На конкретизацию указанных положений Закона РФ № 5242-1 направлено постановление Правительства Российской Федерации № 713 [6], более точно и четко раскрывающее важнейшие понятия, связанные с определением места жительства и места пребывания, а также устанавливающее саму процедуру регистрации гражданина Российской Федерации на новом месте жительства или на новом месте пребывания. Таким образом, справедливым является утверждение научных исследователей вопросов внутренней миграции, что «по критериям профильного органа исполнительной власти Российской Федерации, то есть Министерства внутренних дел Российской Федерации, внутренними мигрантами являются граждане, поменявших субъект Российской Федерации по месту жительства или месту пребывания и получили временную регистрацию на срок не менее девяти месяцев» [7]. Следовательно, мы можем сделать вывод, что основной обязанностью гражданина Российской Федерации в области правомерной реализации права на свободу передвижения, выбор места жительства и пребывания является именно соблюдение установленных законодательных процедур регистрации гражданина Российской Федерации, изменивших свое место пребывание. Именно категория граждан, соблюдающих необходимые регистрационные процедуры, фактически является законопослушными внутренними мигрантами, но именно в этой области заключена серьезная проблема, контуры которой будут раскрыты в указанной статье.

Однако указанные параметры правового регулирования внутренней миграция представляются существенно уже поставленной проблемы внутренней миграции из новых регионов Российской Федерации. Учитывая, что большая часть из них — это граждане Российской Федерации, выезжающие из зоны боевых действий, страдающие от всех последствий нарушения международного гуманитарного права вооруженными формированиями Украины, лица столкнувшейся с разрушением их мест проживания, отсутствия коммуникаций, доступа к пище и водным ресурсам и когда их жизнь и здоровье, а также жизнь и здоровье членов их семьи находится в реальной опасности, их правовой статус должен регулироваться большим количеством правовых норм. Но другая, более узкая категория — это лица, временно покинувшие место своего жительства в связи с переездом в другой субъект Российской Федерации из-за более выгодного трудоустройства, рабочей командировкой, выезда на лечение, отпуск, в связи с проведением медицинских процедур и тд. Таким образом, «внутренний мигрант» это комплексная категория лиц, а, следовательно, трудно определяемая и сложно поддающаяся способам прямого учета.

Правовой статус лиц, выезжающих за пределы своего места жительства в следствие ведения боевых действий как в международной практике, так и в практике внутреннего государственного права регулируется внутри двух ключевых понятий «беженец» и «вынужденный переселенец». В соответствии с

Федеральным законом от 19.02.1993 № 4528-1 «О беженцах» [8] беженцем может быть только иностранный гражданин или лицо без гражданства, законно находящихся на территории Российской Федерации или желающих прибыть на территорию Российской Федерации. Таким образом, понятие «беженец» может быть применено к внутренним мигрантам только в публицистическом смысле слова, и не является для них правомерной юридической категорией. Следующая категория «вынужденный переселенец» означает «гражданина Российской Федерации, покинувший место жительства вследствие совершенного в отношении его или членов его семьи насилия или преследования в иных формах либо вследствие реальной опасности подвергнуться преследованию по признаку расовой или национальной принадлежности, вероисповедания, языка, а также по признаку принадлежности к определенной социальной группе или политических

убеждений, ставших поводами для проведения враждебных кампаний в отношении конкретного лица или группы лиц, массовых нарушений общественного порядка», в соответствии с п. 1 статьи 1 Законом РФ от 19.02.1993 № 4530-1 «О вынужденных переселенцах» (далее - Закон РФ № 4530-1) [9]. В соответствии с подпунктом 2 статьи 2 Закона РФ № 4530-1 к вынужденным переселенцам могут быть отнесены граждане Российской Федерации, вынужденные покинуть место жительства на территории одного субъекта Российской Федерации и прибывший на территорию другого субъекта Российской Федерации, а также члены их семьи. В этих границах представляется возможным урегулировать, хотя бы и временно, статус определенного количества внутренних мигрантов из новых субъектов Российской Федерации. Одновременно с этим, необходимо понимать, что это определение не охватывает лиц, которые покинули место своего жительства в связи с неблагоприятными последствиями военных действий вторичного характера – голодом, эпидемиями, экологическими проблемами, недостатком водных ресурсов и т.д. Как указывает Т.Я. Хабриева «законодатель специально оговаривает, что экономические причины, голод, эпидемии или чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера не являются основаниями для получения статуса вынужденного переселенца» [10]. Существует еще одна категория, содержащаяся в так называемых «Руководящих принципах по вопросу о перемещении внутри страны», созданных Комиссией ООН по правам человека, так называемых «перемещенных внутри страны лиц», к которым относятся «лица или группы лиц, которых заставили или вынудили бросить или покинуть свои дома или места обычного проживания, в частности в результате или во избежание последствий вооруженного конфликта, повсеместных проявлений насилия, нарушений прав человека, стихийных или вызванных деятельностью человека бедствий, и которые не пересекали международно-признанных государственных границ» [11]. Однако указанные «Руководящие принципы по вопросу о перемещении внутри страны» имеют рекомендательный характер, и могут использоваться лишь как образец для будущей возможной рецепции.

На основании изложенного, можно сделать вывод о том, что определенного статуса внутренних мигрантов в Российской Федерации до сегодняшнего момента не существует ни на уровне законодательства, ни на уровне подзаконного регулирования и стратегического планирования. Указ Президента РФ от 15.10.2025 № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026 - 2030 годы» (далее - Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026 - 2030 годы) [12], а также Распоряжение Правительства РФ от 30.12.2025 № 4171-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026 - 2030 годы» [13] ориентированы на совершенствование мер в области контроля за процессами внешней миграции. Однако пока длится Специальная военная операция по денацификации и демилитаризации Украины, процесс перемещения граждан Российской Федерации, проживающих в субъектах Российской Федерации где введен режим военного положения будет продолжаться. Концепцией государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026 - 2030 годы в качестве одного из основных принципов миграционной политики указывается приоритет интересов Российской Федерации и российских граждан, постоянно проживающих на ее территории, вместе с координацией деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в сфере миграции.

Однако острота проблемы внутренней миграции из новых субъектов Российской Федерации требует от государства более конкретных мер. Как указал в своем официальном комментарии Помощник президента Российской Федерации Н.П. Патрушев «около пяти миллионов жителей Донбасса и юго-восточных регионов Украины нашли убежище в России, спасаясь от геноцида неонацистского киевского режима» [14]. Такой значительное количество лиц, покинувших места своего проживания могут оказать значительное влияние на субъекты Российской Федерации, создавшие условия для их временного пребывания. Оно может характеризоваться как позитивным характером, за счет улучшения демографической ситуации и увеличения трудовых ресурсов, а с другой стороны может поставить под угрозу социально-экономическую стабильность регионов, принимающих массы внутренних мигрантов из новых субъектов Российской Федерации. Следовательно, у в рамках правовой политики у государства возникает своеобразная точка бифуркации – либо необходимо способствовать планомерной интеграции внутренних мигрантов в регионах их временного пребывания и проживания, либо необходимо создавать условия для их возвращения в родные регионы. Представляется, что на этот вопрос мнение органов государственной власти федерального уровня и органов публичной власти субъектов Российской Федерации могут существенно отличаться.

Примером этого могут служить правовое отображение миграционных конфликтов недавнего прошлого. Возникшие после развала СССР межэтнические конфликты и сепаратистские тенденции как на территории постсоветского пространства, так и Российской Федерации привели к возникновению экстраординарных миграционных потоков, которые обрушились как на некоторые регионы центральной России, так и на субъекты, расположенные на юге Российской Федерации. Ответной реакцией органов государственной власти Московской и Воронежской областей, а также Ставропольского края, Краснодарского края, Республики Адыгея стало принятие нормативных актов, ставящих правовые барьеры для механического увеличения численности населения как субъектов Российской Федерации в целом, так и отдельных населенных пунктов, и муниципальных образований. Особенно тяжелая и неоднозначная ситуация сложилась в Кавказских Минеральных Водах, которым Указом Президента Российской Федерации от 27.03.1992 № 309 был придан статус особо охраняемого эколого-курортного региона Российской Федерации, имеющего федеральное значение, в границах округа санитарной защиты курорта [15]. Как указывает доктор юридических наук, профессор В.А. Черепанов, который в тот сложный исторический момент был депутатом Государственной Думы Ставропольского края «особую озабоченность вызывает неконтролируемая миграция на Кавказские Минеральные Воды, которые являются достоянием всего многонационального народа России и предназначены для лечения и отдыха, а не проживания на этой территории жителей других регионов страны» [16]. Для парирования этих угроз, указанными субъектами Российской Федерации был принят ряд нормативных правовых актов, содержащих комплекс мер фактически чрезвычайного характера, включающих введение особых правовых режимов реализации гражданами Российской Федерации права на жительство в пределах указанных субъектов Российской Федерации. К ним относилась выдача специальных разрешения для определения на постоянное место жительства, введение поселенческих квот, уменьшение срока постановки на регистрационный учет, возмездный характер определения въезжающих лиц на постоянное место жительство, а также другие ограничительные меры [17].

Однако введение таких мер на отдельных территориях субъектов Российской Федерации очень быстро привело к постановке вопроса о конституционности подобных мер. В своем Постановлении от 04.04.1996 № 9-П [18] Конституционный Суд Российской Федерации однозначно признал подобные меры неконституционными и неправомерно ограничивающими конституционные права и свободы граждан Российской Федерации. Соответственно, решение Конституционного Суда Российской Федерации в том числе установили правовые границы статуса внутренних мигрантов, указав на невозможность одностороннего регулирования численности прироста населения субъектов Российской Федерации за счет установления собственных запретов и ограничений, обоснование запрета административно-разрешительного характера регистрации и нелегальности введения фискальных условий реализации права граждан на выбор места жительства в пределах Российской Федерации [19]. Таким образом в дилемме между защитой прав и свобод коренного населения субъектов Российской Федерации и правами и свободами всей совокупности беженцев, вынужденных переселенцев и внутренних мигрантов из проблемных субъектов Российской Федерации был сделан однозначный конституционно-правовой выбор.

Однако вышесказанное не исключает как необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования и конкретизации статуса внутренних мигрантов, а также необходимости учитывать широкую и глубокую проблематику проблем адаптации и интеграции внутренних мигрантов, в особенности из новых субъектов Российской Федерации. Такие меры должны быть направлены в первую очередь на недопущение маргинализации внутренних мигрантов за счет борьбы с симптомами так называемого «дезадаптационного синдрома», который затрагивает как правовой и социально-экономический статус внутреннего мигранта, так и психо-социального состояние личности. Внутренние мигранты из новых регионов Российской Федерации столкнулись с широким спектром проблем, к которым оказались не готовы ни они сами, ни органы публичной власти Российской Федерации. К одной из первоочередных проблем относится отсутствие или недостаточность необходимых документов у внутренних мигрантов, который порождают сложность их восстановления. К примеру, наличие так называемой украинская пластиковая ID-карты, которая начала выдаваться гражданам этой страны с 2016 года вместо обычного документированного паспорта, является недостаточным, и в соответствии с Указом Президента РФ от 26.12.2022 № 951 «О некоторых вопросах приобретения гражданства Российской Федерации» [20] требует предоставления некоторых других документов, к примеру справки о регистрации по месту жительства, что в связи с некоторыми объективными обстоятельствами может быть весьма проблематичным. К этой проблеме также относится проблематика доказательства трудового стажа для бывших граждан Украины. Не смотря на принятие законодательных и подзаконных актов, конкретизирующих список необходимых документов и способов доказательства трудового стажа для расчета пенсии [21], количество жалоб на несогласие с размером пенсий, а также иных социальных пособий, это одна из самых частых причин обращения как в органы государственной власти Российской Федерации, так и в государственные органы с особым конституционным статусом. Как указывает Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации проблема большого удельного веса поступивших к ней обращений от граждан новых субъектов Российской Федерации по проблемам социального обеспечения находится, прежде всего, в области правоприменительной практике [22].

Отдельной уже упомянутой проблемой являются вопросы регистрационного учета внутренних мигрантов. Эта проблема относится не только к недостаточно правомерному поведению самих внутренних мигрантов, но к общей проблеме правового сознания граждан Российской Федерации. В частности, оговорка статьи 3 Закона Российской Федерации № 5242-1 о том, что

регистрация или отсутствие таковой не может служить основанием ограничения или условием реализации прав и свобод граждан, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, конституциями (уставами) и законами субъектов Российской Федерации, в конкретных взаимоотношениях граждан с государственными и муниципальными учреждениями отсутствие регистрации приводит к невозможности надлежащей реализации прав и свобод человека и гражданина. Так, образовательные организации начального и среднего образования, такие как школы и детские сады, могут отказать в приеме учащихся без временной или постоянной регистрации. Отсутствие временной регистрации может препятствовать и в постановке на учет в центрах занятости и получению пособий по безработице, а также получение статуса многодетной семьи. Документы, подтверждающие регистрацию, требуют некоторые работодатели. И одним из факторов, препятствующих надлежащей регистрации внутренних мигрантов, является в некоторых случаях неправомерное поведение собственников жилых помещений, которые предоставляют свои жилые помещения для проживания граждан из новых субъектов Российской Федерации. В обосновании своего противоправного поведения, собственники жилых помещений указывают на увеличение расходов, неизбежно возникающих при наличии в жилом помещении новых зарегистрированных лиц через возросшие коммунальные платежи и налоги, ограничения в реализации права собственности, в случае наличия в жилом помещении зарегистрированных несовершеннолетних лиц, риски, связанные с возможным противоправным поведением зарегистрированных лиц. Количество издержек, связанных с этими рисками, зачастую могут превышать штрафы в соответствии со статьями 19.15.1. и 19.15.2. КОАП РФ [23]. Это зачастую свидетельствует о незнании гражданами Российской Федерации своих законных прав и обязанностей, игнорирование действующих правовых норм и недостаточный уровень правосознания. Для возможного парирования данной проблемы Постановлением Правительства Российской Федерации № 713 предусмотрена возможность уведомления органа регистрационного учета о сроке и месте своего пребывания по почте или в электронной форме с использованием информационно-телекоммуникационных сетей общего доступа, в том числе сети Интернет, включая федеральную государственную информационную систему «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)». Однако безусловно эта проблема в настоящий момент решена не в полной мере.

На основании изложенного необходимо сделать вывод о том, что проблема внутренней миграции из новых субъектов Российской Федерации имеет важный, хоть и не вполне очевидный характер. Эта проблема пока находится в тени проблематики внешней миграции, но военные действия, продолжающиеся на территории новых субъектов Российской Федерации, не снижают ее актуальности. Количество конкретных проблем в этой области, связанные с недостаточной проработкой их правового статуса, отсутствия точных данных о их численности на территории других субъектов Российской Федерации, их разобщённость и неосведомленность о своих правах и обязанностях затрудняют процессы интеграции в социальное, экономическое, правовое и политическое пространство России.

Литература

1. Сальников В.П., Воронков К.И., Исмагилов Р.Ф. Некоторые проблемы внутренней миграции в Российской Федерации // Миграционное право. 2024. N 3. С. 6 - 8.
2. Число прибывших в РФ беженцев с территории Украины и Донбасса превысило 5,4 млн человек [Электронный ресурс] // URL: https://tass.ru/obschestvo/17248303 (дата обращения: 05.02.2026).
3. Конституции Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // СПС Консультант-Плюс.
4. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // СПС Консультант-Плюс.
5. Закон РФ от 25.06.1993 N 5242-1 (ред. от 13.12.2024, с изм. от 03.02.2026) «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» // СПС Консультант-Плюс.
6. Постановление Правительства РФ от 17.07.1995 № 713 «Об утверждении Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации и перечня лиц, ответственных за прием и передачу в органы регистрационного учета документов для регистрации и снятия с регистрационного учета граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации» // СПС Консультант-Плюс.
7. Костюк М.Ф., Кунц Е.В. Проблемы внутренней миграции в России: междисциплинарный аспект // Миграционное право. 2022. N 1. С.10 // СПС Консультант-Плюс.
8. Федеральный закон от 19.02.1993 N 4528-1 (ред. от 23.07.2025) «О беженцах» // СПС Консультант-Плюс.
9. Закон РФ от 19.02.1993 № 4530-1 «О вынужденных переселенцах» // СПС Консультант-Плюс.
10. Хабриева Т.Я. «Миграционное право: сравнительно-правовое исследование: монография». М.: ИЗиСП, Юриспруденция, 2019. с. 85
11. Руководящие принципы по вопросу о перемещении лиц внутри страны // Официальный интернет-сайт Организации объединенных наций [Электронный ресурс] // URL https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/internal_displacement_principles.shtml (дата обращения: 05.03.2026).
12. Указ Президента РФ от 15.10.2025 № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026 - 2030 годы» // СПС Консультант-Плюс.
13. Распоряжение Правительства РФ от 30.12.2025 № 4171-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026 - 2030 годы» // СПС Консультант-Плюс.
14. Комментарий Николая Патрушева по итогам заседания Совета Безопасности 19 октября 2022 года [Электронный ресурс] // URL http://kremlin.ru/events/security-council/69635 (дата обращения: 05.03.2026).
15. Указ Президента РФ от 27.03.1992 № 309 «Об особо охраняемом эколого-курортном регионе Российской Федерации» // СПС Консультант-Плюс.
16. Черепанов Виктор Алексеевич Кавказские Минеральные Воды: проблемы и поиск решения // Аграрный вестник Северного Кавказа. 2015. №2 (18). [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kavkazskie-mineralnye-vody-problemy-i-poisk-resheniya (дата обращения: 05.03.2026).
17. См. например «Временное положение о пребывании и определении на постоянное место жительства в Ставропольском крае», утвержденное Постановлением Государственной Думы Ставропольского края от 6 октября 1994 г. N 118-8
18. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.04.1996 № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда нормативных актов города Москвы и Московской области, Ставропольского края, Воронежской области и города Воронежа, регламентирующих порядок регистрации граждан, прибывающих на постоянное жительство в названные регионы» // СПС Консультант-Плюс.
19. Прасолов Б.В. Конституционное право граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства: историко-правовой аспект // Семейное и жилищное право. 2018. N 5. С. 31. // СПС Консультант-Плюс.
20. Указ Президента РФ от 26.12.2022 № 951 «О некоторых вопросах приобретения гражданства Российской Федерации» // СПС Консультант-Плюс.
21. Например, Федеральный закон от 17 февраля 2023 г. №,17-ФЗ «Об особенностях пенсионного и дополнительного социального обеспечения граждан, проживающих на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области» // СЗ РФ. 2023. №,8. Ст. 1195; Постановление Правительства РФ от 02.10.2014 № 1015 (ред. от 22.04.2024) «Об утверждении Правил подсчета и подтверждения страхового стажа для установления страховых пенсий» // СПС Консультант-Плюс.
22. Ежегодный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации о состоянии прав и свобод человека в Российской Федерации за 2024 год [Электронный ресурс] // https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/mediateca/doclad-2024.pdf с. 209 (дата обращения 5.03.2026)
23. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ, «Собрание законодательства РФ», 07.01.2002, N 1 (ч. 1), ст. 1. // СПС Консультант-Плюс.

Legal Status of Internal Migrants from New Subjects of the Russian Federation: Integration Issues and Prospects

Grigoryev A.V.
Plekhanov Russian University of Economics

This article examines a range of pressing issues related to determining the status of internal migrants from the new subjects of the Russian Federation – the Donetsk People's Republic, the Luhansk People's Republic, the Kherson Oblast, and the Zaporizhzhia Oblast. Insufficient legal regulation of this issue, expressed in the absence of specific legal norms, can lead to social, economic, political, and legal costs. The difficulty of integrating survivors of military operations and the social spheres of the subjects of the Russian Federation can create serious problems with their integration and adaptation. To this end, it is necessary to develop a unified legal policy in this area based on human and civil rights and freedoms, as well as requirements for taking into account quantitative migration indicators and security standards.

Keywords: Constitution, legal status of the individual, internal migration, restrictions on rights and freedoms, migration policy, constituent entities of the Russian Federation

References

1. Salnikov V.P., Voronkov K.I., Ismagilov R.F. Some Problems of Internal Migration in the Russian Federation // Migration Law. 2024. No. 3. pp. 6-8.
2. The Number of Refugees Arriving in the Russian Federation from Ukraine and Donbass Exceeds 5.4 Million People [Electronic Resource] // URL: https://tass.ru/obschestvo/17248303 (Accessed: 05.02.2026).
3. The Constitution of the Russian Federation, adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020 // SPS Consultant-Plus.
4. "Civil Code of the Russian Federation (Part One)" of November 30, 1994 N 51-FZ (as amended on July 31, 2025, as amended on November 25, 2025) (as amended and supplemented, entered into force on August 1, 2025) // SPS Consultant-Plus.
5. Law of the Russian Federation of June 25, 1993 N 5242-1 (as amended on December 13, 2024, as amended on February 3, 2026) "On the Right of Citizens of the Russian Federation to Freedom of Movement, Choice of

Place of Stay and Residence within the Russian Federation" // SPS Consultant-Plus.
6. RF Government Resolution No. 713 of July 17, 1995 "On Approval of the Rules for Registration and Deregistration of Citizens of the Russian Federation at the Place of Stay and Place of Residence within the Russian Federation and the List of Persons Responsible for Receiving and Transferring Documents to Registration Authorities for Registration and Deregistration of Citizens of the Russian Federation at the Place of Stay and Place of Residence within the Russian Federation" // SPS Consultant-Plus.
7. M.F. Kostyuk, E.V. Kunts. Problems of Internal Migration in Russia: An Interdisciplinary Aspect // Migration Law. 2022. No. 1. P. 10 // SPS Consultant-Plus.
8. Federal Law No. 4528-1 of February 19, 1993 (as amended on July 23, 2025) "On Refugees" // SPS Consultant-Plus.
9. Law of the Russian Federation of 19.02.1993 No. 4530-1 "On Forced Migrants" // SPS Consultant-Plus.
10. Khabrieva T.Ya. "Migration Law: Comparative Legal Study: Monograph". Moscow: IZiSP, Jurisprudence, 2019. p. 85
11. Guiding Principles on Internal Displacement // Official website of the United Nations [Electronic resource] // URL https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/internal_displacement_principles.shtml (date of access: 05.03.2026).
12. Decree of the President of the Russian Federation of 15.10.2025 No. 738 "On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2026-2030" // SPS Consultant-Plus.
13. Order of the Government of the Russian Federation of 30.12.2025 No. 4171-r "On approval of the action plan for the implementation of the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2026-2030" // SPS Consultant-Plus.
14. Commentary by Nikolai Patrushev following the meeting of the Security Council on October 19, 2022 [Electronic resource] // URL http://kremlin.ru/events/security-council/69635 (date of access: 05.03.2026).
15. Decree of the President of the Russian Federation of March 27, 1992, No. 309, "On the Specially Protected Ecological and Resort Region of the Russian Federation" // SPS Consultant-Plus.
16. Viktor Alekseevich Cherepanov, Caucasian Mineral Waters: Problems and Solutions // Agrarian Bulletin of the North Caucasus. 2015. No. 2 (18). [Electronic resource] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kavkazskie-mineralnye-vody-problemy-i-poisk-resheniya (accessed: March 5, 2026).
17. See, for example, the "Temporary Regulation on Stay and Determination of Permanent Residence in Stavropol Krai", approved by Resolution of the State Duma of Stavropol Krai dated October 6, 1994 No. 118-8
18. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated April 4, 1996 No. 9-P "On the case of verifying the constitutionality of a number of regulatory acts of the city of Moscow and the Moscow region, Stavropol Krai, Voronezh Region and the city of Voronezh, regulating the procedure for registering citizens arriving for permanent residence in the named regions" // SPS Consultant-Plus.
19. Prasolov B.V. Constitutional right of citizens to freedom of movement, choice of place of stay and residence: historical and legal aspect // Family and housing law. 2018. No. 5. P. 31. // SPS Consultant-Plus.
20. Decree of the President of the Russian Federation of 26.12.2022 No. 951 "On Certain Issues of Acquiring Citizenship of the Russian Federation" // SPS Consultant-Plus.
21. For example, Federal Law of 17 February 2023 No. 17-FZ "On the Specifics of Pension and Additional Social Security for Citizens Residing in the Territories of the Donetsk People's Republic, the Luhansk People's Republic, the Zaporizhzhia Region, and the Kherson Region" // SZ RF. 2023. No. 8. Art. 1195; Resolution of the Government of the Russian Federation of 02.10.2014 No. 1015 (as amended on 22.04.2024) "On Approval of the Rules for Calculating and Confirming Insurance Period for Establishing Insurance Pensions" // SPS Consultant-Plus.
22. Annual report of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation on the state of human rights and freedoms in the Russian Federation for 2024 [Electronic resource] // https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/mediateca/doclad-2024.pdf p. 209 (date of access 03/05/2026)
23. “Code of the Russian Federation on Administrative Offenses” dated 12/30/2026 .2001 N 195-FZ, “Collection of Legislation of the Russian Federation”, 01/07/2002, N 1 (Part 1), Art. 1. // SPS Consultant-Plus.

Защита чести и достоинства педагогов: гражданско-правовые механизмы

Карсакова Мария Анатольевна
студент магистратуры, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, sakura00-00@mail.ru

В статье анализируется проблема оттока педагогических кадров из сферы образования, в том числе трудоустройства выпускников педвузов не по специальности. Предложены конкретные меры по совершенствованию механизмов защиты прав педагогических работников, включая содержание антиконфликтных комиссий.

Ключевые слова: педагогические работники, честь и достоинство, Федеральный закон №618-ФЗ, насилие в школе

Современное российское образование сталкивается с острой проблемой дефицита квалифицированных педагогических кадров. Значительная часть выпускников педагогических вузов устраиваются не по специальности либо проходят профессиональную переподготовку для работы в других сферах. Кроме того, наблюдается отток уже работающих педагогов из образовательных учреждений.

В Российской Федерации предусмотрена защита нематериальных благ, включая защиту чести и достоинства личности. Эти права закреплены как на конституционном уровне, так и в гражданском законодательстве (ст. 150, ст. 152). Актуальность защиты чести и достоинства педагогических работников в стране возрастает на фоне растущего числа конфликтных ситуаций, наносящих серьезный и иногда необратимый ущерб образованию [1].

В настоящее время активно разрабатывается и дорабатывается нормативная правовая база, целью которой является укрепление правового положения и статуса педагогических работников, а также предотвращение ситуаций, способствующих унижению их личности.

Например, в статье 3 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», прописывается установление принципа защиты чести и достоинства педагогического работника. Это подчеркивает необходимость специального правового регулирования в области социально-правовых категорий, касающихся педагогической сферы.

Прежде чем перейти к рассмотрению актуальных проблем и теоретических предложений, целесообразно обратиться к историческим аспектам формирования статуса педагогического работника как в России, так и за рубежом, начиная с ранних этапов зарождения правовых понятий о чести и достоинстве личности[2].

В разных цивилизациях понимание чести и достоинства варьировалось. Для античной эпохи характерно, что ценность и достоинство человека нередко определялись его принадлежностью к государству: за пределами Афин, Рима или Спарты личность утрачивала свое значение.

В Советском Союзе, особенно в контексте повышения уровня образования, статус педагога, а также его честь и достоинство, приобретали особую значимость. Уже в 1921 году в письме к ЦК РКП(б) всем местным организациям предписывалось учитывать интересы учителей как высоко полезной общественной группы, обеспечивая поддержку и стремясь устранить непонимание значимости исторических событий, переживаемых обществом после Октябрьской революции [3].

В советскую эпоху защита чести и достоинства учителей была одной из главных задач общественной жизни. Педагоги пользовались высоким мнением большинства, как среди родителей и учеников, так и среди других членов общества. В ситуациях, когда педагог подвергался оскорблениям или несправедливым обвинениям, общественность обычно вставала на его защиту.

На защиту преподавателей также выступали общественные организации, такие как профсоюзы и комсомол, которые обеспечивали защиту прав педагогов, организовывали кампании по пропаганде уважения к ним и способствовали вовлечению общества в образовательный процесс. Осознание обществом ценности педагогов, как формирующих будущие поколения, играло важную роль в защите их чести и достоинства [3].

В настоящее время педагогические работники обладают особым статусом и действующим специальным нормативным правовым регулированием, что позволяет им, так же как и другим гражданам, защищать свою честь и достоинство.

Такие ситуации приводят к [4]:

- снижению доступности качественного образования (гарантированного ст. 43 Конституции РФ);
- увеличению нагрузки на оставшихся педагогов;
- ухудшению психологического климата в коллективе;
- потеря инвестиций в подготовку кадров.

Ключевой причиной сложившейся ситуации выступает низкий уровень правовой защиты педагогических работников от [5]:

- физического насилия;
- психологического давления;
- иных форм нарушения прав и вмешательств в профессиональную деятельность.

Отсутствие правовых механизмов защиты ставит педагогов в уязвимое положение, что снижает престиж профессии и мотивирует специалистов искать работу в других сферах.

Такое состояние дел вынуждает педагогов занимать пассивную позицию в защите своей чести и достоинства. Основная причина этого заключается в практике, направленной на обвинения, что проявляется в броских заголовках: «Учитель оскорбляет, унижает, избивает ученика», «Непедагогические методы» и тому подобное.

При этом редко упоминаются ситуации, когда сами учителя становятся жертвами унижений. Неудивительно, что в российских школах наблюдается нехватка кадров, несмотря на то что педагогические вузы ежегодно выпускают многочисленные группы молодых специалистов.

Выходом из проблемы масштабной нехватки педагогических работников может стать создание и функционирование специализированных антиконфликтных комитетов. Эти комитеты будут работать над разрешением разногласий между учащимися, их родителями и педагогами.

Важно предусмотреть особый порядок для расследования таких ситуаций с привлечением профессионального сообщества, который обеспечит детальную проверку свидетельств обеих сторон. Также должен быть введен запрет на немедленное увольнение учителя директором учебного заведения без заключения указанного органа, который бы учитывал как личность ребенка и его родителей, так и самого преподавателя [6].

Острота проблемы подтверждается рядом резонансных случаев, которые показывают педагоги разных городов и школ в сети интернет. Ученики позволяют себе оскорблять, издеваться, применять физическое насилие в отношении учителей.

На основе проведённого анализа данных выявлены следующие проблемы [7]:

- обвинительный уклон в отношении педагогов. СМИ и общественность чаще всего поддерживают сторону обучающихся и их родителей, даже при отсутствии доказательств;
- неэффективность судебной защиты. Суды часто отклоняют иск педагогов, ссылаясь на «оценочные суждения», Конституционное право на обращение в органы власти. В рамках Года педагога и наставника (2023) принят Федеральный закон от 19.12.2023 №618-ФЗ «О внесении изменений «в Федеральный закон об образовании в Российской Федерации»».

Закон закрепил следующие права педагогов [8]:

1. Право на уважение человеческого достоинства и защиту от всех форм насилия и оскорбления личности педагогов;
2. Право самостоятельно или через представителей направлять обращения в органы управления образовательной организацией о применении дисциплинарных взысканий к обучающимся, нарушающих права педагогов, требовать обязательного рассмотрения таких обращений.

Принятые поправки – важный шаг к решению проблемы дефицита кадров. Однако в школах мало что поменялось, этичность и моральное поведение обучающихся за 2024-2025 гг. стала только хуже. Родители детей продолжают винить педагогов во всех проблемах. Готовность администрации школ оперативно реагировать на обращение педагогов, зачастую отсутствует и не принимается во внимание.

Перспективными направлениями дальнейших исследований могут стать [9]:

- анализ статистики обращений педагогов за помощью;
- изучение динамики трудоустройства выпускников педвузов;
- подготовка рекомендаций по урегулированию конфликтов;
- неигнорирование, а рассмотрение споров между педагогами, обучающимися и родителями.

Совершенствование судебной практики:

- разъяснение Верховным судом РФ критериев разграничения «оценочных суждений» и клеветы;
- обязание судов взыскивать компенсацию морального вреда в случаях доказанной клеветы.

Административные меры:

- создание единых стандартов реагирования администрации школ на обвинения в адрес педагогов;
- создание горячей линии для учителей с целью оказания психологической и юридической помощи.

Дефицит педагогических кадров – комплексная проблема, требующая системного подхода. Усиление правовой защиты педагогов через законодательные изменения 2023 года создаёт основу для стабилизации ситуации. Однако, для достижения устойчивого результата необходимы [10]:

- последовательная реализация норм закона на местах;
- просветительская работа с участниками образовательного процесса;
- комплексный мониторинг эффективности принятых мер.

Трудовой кодекс Российской Федерации не содержит чётко прописанных алгоритмов защиты чести и достоинства педагогов. В целях дальнейшего развития системы защиты профессиональной чести и достоинства учителей, а также для формирования предложений по совершенствованию соответствующего нормативно-правового регулирования, в сентябре 2025 года был создан Совет по защите профессиональной чести и достоинства педагогов [11].

Основные задачи этого Совета включают рассмотрение заявлений по сложным и спорным ситуациям, поступившим в региональные комиссии, а также разработку рекомендаций по защите профессиональной чести и достоинства педагогов.

Следует отметить, что все решения данного совещательного органа имеют рекомендательный характер. Тем не менее, данный институт свидетельствует о растущем значении правовой защиты педагогических работников на современном этапе.

В ходе первого заседания Совета его председатель С. Кравцов подчеркнул, что в регионы были направлены

письма с инструкциями по созданию аналогичных Советов на региональном уровне, которые будут выполнять схожие функции.

Только сочетание правовой защиты, социальной поддержки и повышения престижа профессии позволит преодолеть кризис педагогического труда и обеспечить доступность качественного образования для всех граждан Российской Федерации.

Литература

1. Сергеенко Ю.С. Современная политика государства в сфере защиты прав педагогических работников // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. №4.
2. Балашова Е.С., Мальцева С.М. Кризис парадигмы педагогического труда // Инновации в образовании. 2022. № 6. С. 4-10.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
4. Горохова Е.К. Государственная политика в отношении школьного

учителя в советской и современной России: выпускная квалификационная работа // Электронная библиотека УрГПУ. Екатеринбург, 2019. С.80.

5. Балашова Е.С., Чуркина Н.С., Пантелеев В.Д. К вопросу о дефинициях и эмпирических основаниях «синдрома менеджера» в современной педагогике // Russian Journal of Education and Psychology. 2024. Т. 15. № 1-2. С. 464-470.
6. Федеральный закон от 19.12.2023 № 618-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации"»
7. Федеральный закон от 08.08.2024 № 315-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации"
8. Иванова Е.В. Правовое регулирование труда педагогических работников // Цифровая наука. 2020. №5.
9. «До педофилии недалеко»: педагога из Барнаула уволили за фото. URL:https://www.gazeta.ru/lifestyle/style/2019/03/a_12264097.shtml?updated (дата обращения: 24.02.2026).
10. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 10 сентября 2025 года № 657 «О создании Совета по защите профессиональной чести и достоинства педагогических работников»
11. Сланов О.Т., Дзодзиков З.У., Хугаева Р.Г., Бекоева Т.А. Ценностные основы в правовом статусе педагога: позиции Конституционного суда Российской Федерации // Административное и муниципальное право, 2025. С. 35-50.

Protecting the honor and dignity of teachers: civil law mechanisms

Karsakova M.A.

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

The article analyzes the problem of the outflow of teachers from the field of education, including the employment of graduates of pedagogical universities not in their specialty. Specific measures are proposed to improve the mechanisms for protecting the rights of teachers, including the content of anti-conflict commissions.

Keywords: teachers, honor and dignity, Federal Law 618-FZ, violence in schools;

References

1. Sergeenko Yu.S. Current State Policy in the Sphere of Protecting the Rights of Teachers // Legal Policy and Legal Life. 2021. No. 4.
2. Balashova E.S., Maltseva S.M. Crisis of the Paradigm of Pedagogical Labor // Innovations in Education. 2022. No. 6. pp. 4-10.
3. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020)
4. Gorokhova E.K. State Policy towards School

Teachers in Soviet and Modern Russia: Graduation Thesis // Electronic Library of the Ural State Pedagogical University. Yekaterinburg, 2019. p. 80.

5. Balashova E.S., Churkina N.S., Panteleev V.D. On the definitions and empirical foundations of the “manager syndrome” in modern pedagogy // Russian Journal of Education and Psychology. 2024. Vol. 15. No. 1-2. Pp. 464-470.
6. Federal Law of 19.12.2023 No. 618-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Education in the Russian Federation""
7. Federal Law of 08.08.2024 No. 315-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Education in the Russian Federation"
8. Ivanova E.V. Legal Regulation of the Labor of Teaching Staff // Digital Science. 2020. No. 5.
9. "Not Far from Pedophilia": A Teacher from Barnaul Was Fired for a Photo. URL: https://www.gazeta.ru/lifestyle/style/2019/03/a_12264097.shtml?updated (accessed: 24.02.2026).
10. Order of the Ministry of Education of the Russian Federation of September 10, 2025 No. 657 "On "Creation of a Council for the Protection of the Professional Honor and Dignity of Teaching Staff"
11. Slanov O.T., Dzodzikov Z.U., Khugaeva R.G., Bekoeva T.A. Value Foundations in the Legal Status of a Teacher: Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation // Administrative and Municipal Law, 2025. Pp. 35-50.

Проблема конкуренции и субсидиарного применения деликтных и кондикционных обязательств в гражданском праве России

Лихтина Юлия Владимировна
магистрант, Тихоокеанский государственный университет» (ТОГУ), Marfutina.j@yandex.ru

Статья посвящена анализу сложного межсистемного взаимодействия двух институтов внедоговорных обязательств — деликтных (возникающих из причинения вреда) и кондикционных (возникающих вследствие неосновательного обогащения). Автор исследует правовую природу статьи 1103 ГК РФ, устанавливающей правила соотношения данных институтов. В работе рассматриваются доктринальные споры относительно «конкуренции исков» и «субсидиарности», анализируется судебная практика и выявляются критерии разграничения данных требований в зависимости от цели защиты нарушенного права: возмещения убытков или возврата неосновательно удержанного имущества.
Ключевые слова: деликтные обязательства, неосновательное обогащение, кондикция, субсидиарность, конкуренция исков, гражданско-правовая ответственность, убытки.

Вопрос о межсистемных связях деликтных и кондикционных обязательств продолжает оставаться одной из наиболее острых проблем отечественной цивилистики, приобретая новые грани в условиях динамично развивающегося экономического оборота. В современной доктрине подчеркивается, что традиционное понимание соотношения данных институтов через призму исключительной субсидиарности, заложенное в статье 1103 Гражданского кодекса РФ, постепенно подвергается пересмотру в пользу более гибких моделей взаимодействия [1, с. 42]. Проблема разграничения сфер действия главы 59 и главы 60 ГК РФ заключается не только в теоретической чистоте квалификации, но и в практической плоскости, определяя бремя доказывания, сроки исковой давности и объем итогового возмещения.

Основополагающим вектором разграничения деликта и кондикции выступает направленность имущественного перемещения. В то время как деликт ориентирован на компенсацию негативных последствий в имущественной сфере потерпевшего, кондикция призвана изъять неосновательно накопленный актив у правонарушителя. Однако современные исследователи указывают на то, что в ряде случаев деликт может не сопровождаться обогащением (например, при уничтожении вещи), тогда как в других ситуациях обогащение является прямым результатом деликта (незаконное использование интеллектуальной собственности или завладение чужими денежными средствами) [2, с. 15]. В таких «точках пересечения» возникает вопрос о правомерности выбора истцом наиболее выгодного способа защиты.

Статья 1103 ГК РФ устанавливает, что правила о неосновательном обогащении подлежат применению к требованиям о возмещении вреда, если иное не установлено законом и не вытекает из существа соответствующих отношений. Эта норма долгое время трактовалась как запрет на конкуренцию исков. Тем не менее, в последних работах ученые справедливо отмечают, что жесткое противопоставление этих институтов зачастую препятствует эффективному восстановлению прав [3, с. 88]. Современная судебная практика, включая правовые позиции Верховного Суда РФ, все чаще допускает ситуацию, когда истец может основывать свои требования на нормах о кондикции даже при наличии признаков деликта, если целью иска является именно возврат обогащения, а не просто компенсация убытков.

Важным аспектом соотношения институтов является категория вины. Для деликтной ответственности вина по общему правилу выступает необходимым условием, тогда как кондикционное обязательство носит объективный характер и возникает независимо от субъективного отношения приобретателя к факту получения имущества. Это различие делает кондикцию более привлекательным инструментом в случаях, когда доказывание вины затруднено. В литературе последних лет высказывается мнение, что расширение сферы применения кондикции к деликтным отношениям позволяет снизить стандарты доказывания для потерпевшего, что соответствует общему принципу защиты слабой стороны в гражданском процессе [4, с. 210].

Сложность разграничения также проявляется в расчете суммы взыскания. В деликтном праве доминирует

принцип полного возмещения ущерба, включающий упущенную выгоду. В кондикционных обязательствах возмещению подлежит стоимость неосновательного обогащения на момент его приобретения, а также доходы, которые лицо извлекло или должно было извлечь (ст. 1107 ГК РФ). Исследователи указывают, что в определенных сценариях, например, при незаконном использовании чужого имущества в предпринимательской деятельности, размер кондикционного требования может превышать размер деликтных убытков, поскольку нарушитель мог использовать актив эффективнее, чем это сделал бы сам собственник [5, с. 34]. В этом контексте субсидиарное применение норм о кондикции служит инструментом изъятия так называемой «прибыли от правонарушения», что недоступно классическому деликтному праву.

Актуальные споры в юридической литературе 2023–2024 годов касаются применения правил о неосновательном обогащении в делах о хищении денежных средств с использованием цифровых технологий. Здесь грань между вредом и обогащением становится практически неразличимой. Анализ практики показывает, что суды все чаще квалифицируют такие отношения через призму кондикции, поскольку факт перехода цифрового актива без законного основания легче верифицировать, чем совокупность элементов деликтного состава [6, с. 56]. Это подтверждает тезис о том, что кондикция постепенно поглощает те области деликтного права, где правонарушение направлено на присвоение ценности.

Проблема конкуренции исков тесно связана с институтом исковой давности. Несмотря на то, что для обоих видов обязательств установлен общий срок, моменты начала его течения могут существенно различаться в зависимости от осведомленности лица о фигуре обогатившегося или причинителя вреда. В современных исследованиях подчеркивается, что использование статьи 1103 ГК РФ не должно служить способом обхода пропущенных сроков исковой давности по деликтным требованиям [7, с. 112]. Судебная практика выработала подход, согласно которому, если истец выбирает кондикционный путь защиты в рамках деликтных отношений, он должен подчиняться общим ограничениям, установленным для защиты прав потерпевших.

Особое внимание заслуживает вопрос о соотношении кондикции и деликта при нарушении договорных обязательств третьими лицами. В ситуациях, когда вред кредитору причинен лицом, не являющимся стороной договора, но при этом данное лицо получило определенную выгоду, возникает сложная коллизия. Новейшие доктринальные разработки предлагают рассматривать такие случаи как сферу приоритетного применения кондикции, оставляя деликт для тех ситуаций, когда имущественный интерес истца был полностью уничтожен, а не перешел к третьему лицу [8, с. 74].

Нельзя не отметить и влияние принципа добросовестности на соотношение рассматриваемых институтов. В рамках деликтного права добросовестность может влиять на размер ответственности, тогда как в кондикции она определяет момент, с которого начинают начисляться проценты на сумму неосновательного обогащения. Современные авторы указывают на необходимость гармонизации этих положений, чтобы субсидиарное применение норм главы 60 ГК РФ не приводило к неоправданному ущемлению прав приобретателя, действовавшего без умысла на причинение вреда [9, с. 19].

В международном контексте и в работах по сравнительному правоведению за последние два года отмечается тенденция к «кондикционализации» гражданской ответственности. Это означает, что возврат неосновательно полученного признается более эффективным способом сдерживания правонарушений, чем простая компенсация вреда. В российском праве статья 1103 ГК РФ является законодательным фундаментом для реализации этой тенденции, однако она требует более детальной интерпретации на уровне постановлений Пленума Верховного Суда РФ для исключения противоречий в правоприменении [10, с. 45].

Подводя итог анализу взаимодействия деликтных и кондикционных обязательств, можно констатировать, что в 2024 году российское право окончательно отошло от понимания кондикции как «запасного» или малозначимого иска. Сегодня это мощный инструмент защиты, который в сочетании с деликтными нормами обеспечивает комплексный подход к защите имущественных интересов. Субсидиарность, предусмотренная статьей 1103 ГК РФ, должна пониматься не как иерархическая подчиненность, а как функциональное партнерство институтов, где выбор конкретной нормы диктуется необходимостью максимально полного устранения последствий нарушения права. Дальнейшее развитие законодательства и практики, вероятно, пойдет по пути уточнения критериев допустимости «конденсации» деликтных убытков через механизм неосновательного обогащения, особенно в сферах интеллектуальной собственности и высокотехнологичных рынков.

Литература

1. Абрамова Е. Н. К вопросу о соотношении требований о возврате неосновательного обогащения с требованиями о возмещении вреда // Вестник гражданского права. - 2023. - № 4. - С. 38-55.
2. Богданов Д. Е. Справедливость как вектор развития институтов деликтной и кондикционной ответственности // Юрист. - 2024. - № 9. - С. 12-18.
3. Громов С. А. Конкуренция и субсидиарность внедоговорных требований: новые горизонты ст. 1103 ГК РФ // Опыты цивилистического исследования: Сборник статей / отв. ред. А.М. Ширвиндт. - М.: Статут, 2023. - С. 82-105.
4. Егоров А. В. Кондикция вместо деликта: когда и зачем? // Вестник экономического правосудия РФ. - 2024. - № 2. - С. 205-221.
5. Зайцев В. В. Проблемы квалификации обязательств из неосновательного обогащения в судебной практике // Судья. - 2023. - № 11. -С. 30-37.
6. Карапетов А. Г. Экономический анализ взаимодействия деликтных и кондикционных способов защиты // Журнал РШЧП. - 2024. - № 3. - С. 50-68.
7. Новикова С. В. Исковая давность по требованиям из неосновательного обогащения в контексте деликтных отношений // Правосудие. - 2024. - № 1. - С. 108-116.
8. Рыбалов А. О. О структуре кондикционного обязательства и его месте в системе охранительных требований // Вестник МГУ. Серия 11. Право. - 2023. - № 5. - С. 70-85.
9. Сарбаш С. В. Исполнение обязательств и неосновательное обогащение: грани соприкосновения // Хозяйство и право. - 2024. - № 8. - С. 15-24.
10. Ульянов А. В. Функции институтов внедоговорных обязательств в современном гражданском праве // Журнал российского права. - 2023. - № 6. - С. 40-52.

The problem of concurrence and subsidiary application of tort and restitutionary obligations in russian civil law

Likhtina Yu.V.
Pacific National University (PNU)

The article is devoted to the analysis of the complex intersystem interaction of two institutes of non-contractual obligations — tort (arising from harm) and restitutionary (arising as a result of unjust enrichment). The author examines the legal nature of Article 1103 of the Civil Code of the Russian Federation, which establishes rules for the ratio of these institutions. The paper examines doctrinal disputes regarding the "concurrence of claims" and "subsidiarity", analyzes judicial practice and identifies criteria for distinguishing these requirements depending on the purpose of protecting

a violated right: compensation for damages or return of unjustly withheld property.

Keywords: tort obligations, unjust enrichment, condictio, subsidiarity, concurrence of claims, civil liability, damages.

References

1. Abramova E. N. On the Relationship between Claims for the Return of Unjust Enrichment and Claims for Damages // Civil Law Bulletin. - 2023. - No. 4. - pp. 38-55.
2. Bogdanov D. E. Justice as a Vector of Development of Institutions of Tort and Conditional Liability // Jurist. - 2024. - No. 9. - pp. 12-18.
3. Gromov S. A. Competition and Subsidiarity of Non-Contractual Claims: New Horizons of Art. 1103 of the Civil Code of the Russian Federation // Civilistic Research Experiences: Collection of Articles / ed. A. M. Shirvindt. - Moscow: Statut, 2023. - pp. 82-105.
4. Egorov A. V. Conditional Liability Instead of Tort: When and Why? // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. - 2024. - No. 2. - P. 205-221.
5. Zaitsev V. V. Problems of qualification of obligations from unjust enrichment in judicial practice // Judge. - 2023. - No. 11. - P. 30-37.
6. Karapetyan A. G. Economic analysis of the interaction of tort and conditional methods of protection // Journal of the Russian School of Economics. - 2024. - No. 3. - P. 50-68.
7. Novikova S. V. Statute of limitations for claims from unjust enrichment in the context of tort relations // Justice. - 2024. - No. 1. - P. 108-116.
8. Rybalov A. O. On the Structure of the Condiction Obligation and Its Place in the System of Protective Claims // Bulletin of Moscow State University. Series 11. Law. - 2023. - No. 5. - P. 70-85.
9. Sarbash S. V. Fulfillment of Obligations and Unjust Enrichment: Points of Contact // Business and Law. - 2024. - No. 8. - P. 15-24.
10. Ulyanov A. V. Functions of the Institutions of Non-Contractual Obligations in Modern Civil Law // Journal of Russian Law. - 2023. - No. 6. - P. 40-52.

Применение российско-китайского соглашения об избежание двойного налогообложения к инвестиционным доходам: особенности и проблемы толкования

Ло Цзюньяо
аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, 517699880@qq.com

Статья посвящена льготным налоговым режимам для дивидендов и процентов по российско-китайскому соглашению об избежание двойного налогообложения. Сравнительный анализ показывает, что обе страны отступают от буквального толкования его положений. Это порождает риски двусторонних налоговых споров и двойного налогообложения, которые требуют обсуждения и урегулирования в рамках двустороннего налогового сотрудничества.

Ключевые слова: толкование налоговых соглашений, пониженная налоговая ставка, конфликт интерпретации, трансграничные инвестиционные доходы, Китай.

В последние годы российско-китайское инвестиционное сотрудничество значительно углубилось: по данным Министерства коммерции Китая, в 2024 г. прямые китайские инвестиции в Россию превысили 15,7 млрд долларов (рост более 30%), а российские вложения в Китай достигли 1,5 млрд долларов (рост 10%) [14]. В Совместном коммюнике по итогам 30-й встречи глав правительств (ноябрь 2025 г.) стороны подтвердили намерение дальнейшего наращивания инвестиций, что свидетельствует о высоком потенциале двустороннего взаимодействия.

В этой связи актуальность приобретает налогообложение трансграничных инвестиционных доходов (дивидендов, процентов) между двумя странами – проблема, долгое время остававшаяся на периферии академического внимания из-за исторического доминирования торгового, а не инвестиционного сотрудничества, что привело к ограниченности соответствующей литературы.

Основным инструментом налоговой координации между Россией и Китаем выступает Соглашение об избежании двойного налогообложения от 13 октября 2014 г. (СИДН), регулирующее разграничения налоговой юрисдикции по различным видам дохода. По дивидендам (п. 2 ст. 10 СИДН) государство источника ограничено в налогообложении: если лицо, имеющее фактическое право на доход (ЛФПД), является резидентом другого Договаривающегося Государства, взимаемый налог не должен превышать:

1) 5% от общей суммы дивидендов – если ЛФПД является компанией, прямо владеющей не менее 25% капитала компании, выплачивающей дивиденды, и эта доля участия в капитале составляет не менее 80000 евро;

2) 10% – во всех остальных случаях.

В отличие от дивидендов, п. 1 ст. 11 СИДН устанавливает исключительное налогообложение процентов в государстве резидентства получателя, полностью освобождая их от налогообложения в государстве источника. При этом каких-либо условий данная статья не содержит.

Помимо ограничений для государства источника, ст. 22 СИДН возлагает на государство резидентства обязанность устранять двойное налогообложение: налог, уплаченный в государстве источника в соответствии с СИДН, подлежит зачету в сумме налога в государстве резидентства налогоплательщика.

В силу рамочного характера норм СИДН их реализация требует обращения к национальному законодательству и правоприменительной практике [12]. Поскольку Россия и Китай могут выступать как в роли государства источника, так и резидентства, различия в толковании пределов налоговой юрисдикции государства источника могут привести к ситуации, когда одна сторона сочтет налогообложение, осуществленное другой стороной, не соответствующим СИДН. В таком случае государство резидентства (в зависимости от обстоятельств — Россия или Китай) может отказаться от устранения двойного налогообложения, создавая дополнительное налоговое бремя для налогоплательщика.

Для оценки степени указанного риска в отношениях между Россией и Китаем анализируются два ключевых условия применения положений СИДН в отношении дивидендов и процентов:

1) Условие о статусе ЛФПД;

2) Требования к размеру и доле участия в капитале.

Условие о статусе ЛФПД

Как отмечает В. А. Мачехин, концепция ЛФПД в доктрине рассматривается в двух аспектах: как антиуклонительное правило (для отказа в льготах по СИДН при отсутствии статуса ЛФПД) и как техника отнесения дохода к налогоплательщику [6]. В ходе анализа позиций двух стран выделяются соответственно два ключевых вопроса:

1. Является ли ЛФПД универсальным антиуклонительным правилом во всех статьях СИДН?

Данный вопрос критичен для статьи о процентах СИДН, поскольку в ней прямое требование о ЛФПД отсутствует. В российской сети СИДН такая ситуация неединична: требование полностью отсутствует в СИДН с Мали либо не включено в статью о дивидендах (СИДН с Беларусью) или в статье о процентах (СИДН с Абхазией, КНДР, Кувейтом и др.).

В российской доктрине по данному вопросу сложились две позиции. Одни ученые (В. А. Гидирим [15], А. В. Демин [2]), исходя из принципа недопущения злоупотреблений, считают статус ЛФПД необходимым условием для применения любых положений СИДН. Другие (Б. Я. Брук [1], В. А. Микрюков [7]) указывают, что распространение требования о ЛФПД на статьи, где оно прямо не закреплено, означает одностороннее изменение условий СИДН и перераспределение налоговых юрисдикций между государствами.

Первая позиция воспринята законодательством (пп. 4 п. 2 и п. 3 ст. 310, п. 1 ст. 312 НК) и поддерживается в разъяснениях Минфина и ФНС России [16]. Однако по мнению автора, опасения второй группы исследователей сохраняют актуальность, поскольку реализация первой позиции, опирающаяся на международный принцип, предъявляет повышенные требования к учету международного опыта. В противном случае возникает риск необоснованного расширения сферы действия национального законодательства под видом соблюдения международных принципов.

В отличие от России, все 113 СИДН, заключенных Китаем, содержат требование о ЛФПД в статьях о дивидендах и процентах. Исключение составляет лишь исследуемая статья о процентах в СИДН с Россией, что обусловлено Протоколом от 8 мая 2015 г. к СИДН. На практике Китай также исходит из универсальности требования о ЛФПД: согласно Объявлению Государственного налогового управления (ГНУ) от 14 октября 2019 г. № 35, наличие документов, подтверждающих статус ЛФПД, является общим условием для применения льгот по статье о процентах СИДН.

Таким образом, в отношении статьи о процентах СИДН позиции России и Китая совпадают: статус ЛФПД признается обязательным условием для предоставления льгот вне зависимости от его прямого упоминания в тексте СИДН.

Что касается содержательного наполнения концепции ЛФПД, в академических кругах обеих стран [5, с. 141-156] мало оспаривается тот факт, что национальные подходы к ее толкованию отличаются от международной практики, в том числе отраженной в Комментариях к Модельной налоговой конвенции (МК) ОЭСР. Вместе с тем понимание данной концепции в России и Китае во многом сходно и может быть резюмировано следующим образом:

1) Помимо способности самостоятельно пользоваться и распоряжаться доходом, в российской и китайской интерпретациях дополнительно учитываются право владения активами и контроль над ними;

2) В обеих странах сформирован совпадающий набор ключевых критериев: ведение предпринимательской деятельности, выполнение функций и принятие рисков, а также наличие налоговой выгоды в случае получения дохода лицом, не являющимся ЛФПД.

Таким образом, несмотря на возможность налоговых споров с третьими странами вследствие строгого подхода к применению концепции ЛФПД, между Россией и Китаем маловероятно возникновение налоговых споров, связанных с толкованием ЛФПД как антиуклонительного правила.

2. Связана ли концепция ЛФПД с отнесением дохода к налогоплательщику?

Данный вопрос критичен для интерпретации оговорки «если ЛФПД является резидентом другого Договаривающегося Государства» в СИДН. При несовпадении непосредственного получателя дохода и ЛФПД механизм отнесения дохода в разных странах приводит к разным правовым последствиям.

В России концепция ЛФПД тесно интегрирована в сквозной принцип налогообложения. П. 4 ст. 7 и п. 1.1 ст. 312 НК устанавливают правило: при раскрытии информации о ЛФПД налоговые последствия определяются исходя из его статуса, без учета промежуточных получателей [3, с. 200-209]. Если источнику выплаты известно ЛФПД, доход считается выплаченным именно ему.

В Китае концепция ЛФПД рассматривается исключительно как антиуклонительное правило для целей СИДН и не связывается с отнесением дохода. Во внутреннем законодательстве данная концепция не используется. В силу отсутствия специальных правил отнесения дохода налоговые органы, как правило, признают налогоплательщиком лишь юридического получателя дохода.

Поскольку налогообложению в Китае подлежит формальный получатель дохода, применение концепции ЛФПД существенно ограничено. Согласно Объявлению ГНУ от 03 февраля 2018 г. № 9, субъектом, в отношении которого определяется статус ЛФПД, является «резидент другой Договаривающейся Стороны, который желает воспользоваться льготами по СИДН» [17], при этом под таким резидентом понимается юридический получатель дохода, имеющий налоговые обязательства в Китае [11]. В силу данного регулирования условие СИДН «если ЛФПД является резидентом другого Договаривающегося Государства» фактически трансформируется в требование, чтобы получатель дохода одновременно являлся ЛФПД – резидентом этого другого государства, что отклоняется от буквального смысла положения Соглашения.

Данная проблема побуждает ГНУ в некоторых случаях признавать получателя дохода ЛФПД, даже при отсутствии у него этого статуса. В Объявлении № 9 предусмотрено, если 100% капитала налогоплательщика, получающего дивиденды из Китая, принадлежит ЛФПД, соответствующему одному из двух условий, налогоплательщик «приравнивается» к ЛФПД:

1) ЛФПД является резидентом той же стороны СИДН, что и налогоплательщик;
2) ЛФПД не является лицом, указанным в предыдущем пункте, но СИДН между Китаем и юрисдикциями, резидентами которых являются ЛФПД и другие промежуточные участники, предусматривают не менее благоприятный режим налогообложения дивидендов, чем СИДН между Китаем и юрисдикцией налогоплательщика.

Следует признать, что это правило действует лишь в ограниченных случаях. При его неприменении возникает противоречие между Россией и Китаем:

1) Отказ Китая в льготах по СИДН только по причине отсутствия статуса ЛФПД у получателя может быть расценен российскими органами как необоснованное взимание избыточного налога

(например, если ЛФПД – другой российский резидент);

2) Применение Россией льгот по статусу ЛФПД (китайский резидент) может быть признано Китаем подпадающим под действие иных СИДН России (например, при непосредственной выплате дохода резиденту третьего государства).

Требования к размеру и доле участия в капитале

Помимо статуса ЛФПД, применение пониженной ставки в 5% по дивидендам требует соблюдения условий о минимальном размере инвестиций и доле участия в капитале. Реализация данных условий порождает две основные практические проблемы.

1. Проблема определения понятия «капитала»

Данная проблема обусловлена отсутствием в СИДН легального определения «капитала». Согласно п. 2 ст. 3 СИДН, при толковании неопределенных терминов следует руководствоваться национальным законодательством применяющего его государства. Этот подход корреспондирует Комментариям к МК ОЭСР, согласно которым «капитал» должен толковаться в соответствии с корпоративным правом, в значении, используемом для целей распределения прибыли акционеру (п. 15 Комментариев к ст. 10 МК).

В практике применения СИДН, содержащих понятие «капитала», Минфин [18] и суды [19] России склонны ограничивать его толкование лишь уставным капиталом, что обосновывается тем, что российское корпоративное законодательство рассматривает уставный (складочный) капитал в качестве основного объекта инвестирования.

Позиция Китая представляет собой более сложную картину, демонстрирующую внутреннее противоречие: с одной стороны, согласно Уведомлению ГНУ от 26 июля 2010 г. № 75, доля участия в «капитале» для целей СИДН определяется как доля в уставном капитале. С другой стороны, Уведомление ГНУ от 20 февраля 2009 г. № 81 указывает, что для применения льготы налогоплательщик должен соответствовать требованиям в отношении доли в собственном капитале и голосующих акциях.

Подобное ограничительное понимание «капитала» исторически было связано с господствовавшим в китайском корпоративном праве принципом «одна акция — один голос». Как отмечает профессор Чжу Цыюнь, выпуск акций без права голоса (например, привилегированных) осуществлялся крайне ограниченно — лишь в рамках пилотных проектов, санкционированных подзаконными актами Госсовета и Комиссии по ценным бумагам [13].

Ситуация кардинально изменилась с вступлением в силу в июле 2024 г. поправок в Закон «О компаниях», которые ввели институт категориальных акций, разрешив компаниям выпускать акции с правами, отличными от обыкновенных, в том числе акции с увеличенным или уменьшенным числом голосов [20].

Таким образом, в Китае возникло противоречие между действующим Уведомлением № 81 и обновленным корпоративным законодательством. Российский инвестор, владеющий привилегированными акциями китайской компании, может столкнуться с отказом в льготах по СИДН по причине отсутствия у него права голоса. Подобная практика может быть квалифицирована российской стороной как необоснованное ограничение.

Кроме того, Уведомление № 81 устанавливает дополнительное условие о сроке владения инвестицией, также выходящее за пределы буквального текста российско-китайского СИДН: льгота по СИДН применяется, если налогоплательщик соблюдал требование о доле участия в течение всего 12-месячного периода, предшествующего получению дивидендов. В российской же практике сформировалась позиция, согласно которой право на льготу возникает при выполнении условия на дату фактической выплаты дивидендов [21], и если СИДН не содержит требования о сроке владения, дополнительные ограничения не применяются [22]. Данное расхождение также составляет потенциальный конфликт между подходами двух стран.

Однако это противоречие было разрешено в рамках международной налоговой координации. Китай в 2022 г. ратифицировал Многостороннюю конвенцию ОЭСР/G20 по предотвращению размывания налоговой базы и вывода прибыли (MLI), которую Россия ратифицировала ранее, в 2019 г. Оба государства согласились с тем, что положения MLI вносят в статью о дивидендах СИДН между ними требование о минимальном периоде владения в 365 дней, что устранило возможность возникновения споров между двумя странами по данному вопросу [23].

2. Проблема расчета размера инвестиций

Данное условие создает дополнительную сложность, поскольку подобные положения отсутствуют в модельных конвенциях международных организаций (в том числе МК ОЭСР и ООН), что лишает их толкование опоры на авторитетные комментарии и обусловливает повышенную потребность в детальной регламентации на уровне национального законодательства.

Для России включение требования о минимальной сумме инвестиций в статью о дивидендах является особенностью ее договорной практики, прямо предусмотренной Типовым налоговым соглашением (утв. Постановлением Правительства России от 24 февраля 2010 г. № 84). В российской практике по данному вопросу, как отмечают С. В. Сергеев и С. С. Киселева, сложились следующие системные позиции [9, с. 62-65]:

1) После первоначального выполнения условия о сумме инвестиций последующие колебания обменного курса не лишают права на применение льготной ставки [24];

2) Доли в российской компании могут быть приобретены как при первичном размещении, так и на вторичном рынке [25];

3) Размер инвестиции определяется фактически уплаченной суммой на дату приобретения акций или иных прав на участие в прибыли при соблюдении принципа рыночных цен между независимыми сторонами сделки [26].

Однако изложенные позиции не снимают всей правовой неопределенности. Во многих российских СИДН требования к доле и сумме участия сформулированы как два самостоятельных условия [27]. Это порождает ключевой вопрос: должны ли субъект, объект и способ инвестирования для целей выполнения условия о сумме совпадать с таковыми для условия о доле? Кроме того, некоторые СИДН содержат лишь условие о сумме, не конкретизируя указанные базовые элементы. Хотя соответствующая практика немногочисленна, в ней уже прослеживается тенденция к ограничительному толкованию, неблагоприятному для налогоплательщика:

1) **Субъект инвестирования.** В СИДН с Арменией субъект, указанный как «резидент другого Государства», был истолкован ограничительно как получатель дивидендов [28]. В СИДН с Финляндией, где условие о доле относилось к ЛФПД, а условие о сумме субъект не определяло, на практике он также был истолкован как получатель дивидендов [29]. В аналогичном СИДН со Швейцарией налогоплательщик безуспешно пытался через суд признать субъектом любого швейцарского резидента, суд ограничил круг субъектов ЛФПД [30];

2) **Объект инвестирования.** При толковании термина «вложенный иностранный капитал» в СИДН со Швейцарией

(где в условии о доле объектом инвестирования выступает «капитал») изначально существовала позиция, согласно которой он не ограничивается взносом в уставный капитал [31]. Однако впоследствии правоприменительные органы не поддержали этого подхода, настаивая на толковании термина исключительно как инвестиции в уставный капитал [29]. Аналогичный ограничительный подход, вопреки мнению ученых о необходимости широкого толкования [8, с. 40-47], наблюдается даже в отношении более нейтральных формулировок (например, «вложение в компанию» [32]);

3) **Способ инвестирования.** В СИДН, где форма инвестирования (прямое или косвенное участие) явно не определена, российская практика ограничивает ее прямыми вложениями [33].

Данная практика позволяет сделать вывод, что Россия склонна игнорировать различия в текстах СИДН, ограничительно толковать их терминологию, подводя применение СИДН под более единый стандарт.

Однако в контексте российско-китайского СИДН эта неопределенность в значительной степени нивелируется благодаря используемой в статье связующей формулировке «эта доля участия в капитале составляет не менее...», которая увязывает условие о минимальной сумме с условием о доле участия, унифицируя их субъектный и объектный состав, а также метод инвестирования.

В отличие от российской практики, для Китая условие о минимальной сумме инвестиций нетипично: из всех СИДН аналогичное положение присутствует только в СИДН с Россией и Грузией.

Несмотря на сложность требования о сумме инвестиций, ГНУ Китая не выпустило разъяснений по его применению. Единственное официальное разъяснение содержится в Протоколе от 13 октября 2014 г. к российско-китайскому СИДН, который, заимствуя позицию Минфина России, устанавливает, что фраза «эта доля участия составляет не менее 80000 евро» относится к общей сумме первоначальных или последовательных вложений (приобретения акций компании). Применительно к СИДН с Грузией Уведомление ГНУ от 16 августа 2006 г. № 124 предусматривает, что для применения льготы достаточно соблюдения одного из двух условий (о доле либо о сумме), что в значительной степени снижает актуальность детального толкования последнего.

Наконец, важно отметить, что поскольку Китай при применении льгот исходит из статуса ЛФПД исключительно прямого получателя дохода, инвестиции ЛФПД (даже если он является резидентом России) не учитываются при определении выполнения требований к доле и сумме участия, если он не выступает непосредственным получателем. Это создает дополнительные риски для налогоплательщика и может не соответствовать позиции российских налоговых органов.

Заключение

Проведенный сравнительный анализ выявил существенные расхождения между Россией и Китаем в толковании условий применения льготных налоговых режимов к дивидендам по СИДН, обусловленные влиянием национальных правопорядков. Толкование положений СИДН сквозь призму внутреннего права, подчас отклоняющееся от его буквального текста, может быть квалифицировано контрагентом как некорректное применение СИДН.

Большинство этих противоречий обусловлено дополнительными ограничениями, установленными внутренним правом Китая, несвоевременной актуализацией нормативной базы, а также отсутствием правил «сквозного подхода» в налогообложении, в связи с чем российским инвесторам необходимо учитывать соответствующие риски.

В целях защиты прав и стимулирования инвестиционной активности российских инвесторов в Китае российским налоговым органам целесообразно инициировать консультации с ГНУ Китая. В основу диалога следует положить буквальный текст российско-китайского СИДН, а также накопленную практику применения аналогичных положений в иных соглашениях сторон. Ключевой задачей таких консультаций должна стать выработка единых подходов к толкованию соответствующих статей, что позволит минимизировать выявленные риски двойного налогообложения.

Литература

1. Брук, Б. Я. Кодификация концепции бенефициарного собственника в российском налоговом законодательстве: постановка проблемы / Б. Я. Брук // Закон. – 2013. – № 4. – С. 54-62.
2. Демин, А. В. Концепт бенефициарной собственности на доход в налоговом праве: вопросы генезиса и имплементации / А. В. Демин, А. В. Николаев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2019. – № 2(37). – С. 216-228.
3. Демин, А. В. Сквозной подход в контексте фактического права на доходы в российском налоговом праве / А. В. Демин, А. В. Николаев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2020. – № 3(42). – С. 200-209.
4. Киселева, С. С. Правила применения пониженных ставок налогообложения дивидендов, установленные международными договорами / С. С. Киселева // Налоговая политика и практика. – 2018. – № 2(182). – С. 62-65.
5. Леднева, Ю. В. Концепция фактического права на доход: правоприменительные аспекты реализации / Ю. В. Леднева // Журнал российского права. – 2018. – № 3(255). – С. 106-115.
6. Мачехин, В. А. Некоторые вопросы применения концепции фактического права на доход [Электронный ресурс] : препринт / В. А. Мачехин. – Москва : РАНХиГС, 2023. – URL: https://repec.ranepa.ru/rnp/wpaper/w202347.pdf (дата обращения: 26.12.2025).
7. Микрюков, В. А. Концепция бенефициарной собственности и бремя деофшоризации российской экономики / В. А. Микрюков // Законодательство и экономика. – 2014. – № 7. – С. 25-31.
8. Моцок, А. В. О толковании критериев для применения льготных ставок международных соглашений / А. В. Моцок // Налоговед. – 2016. – № 2. – С. 40-47.
9. Сергеев, С. В. Налогообложение дивидендов, выплачиваемых иностранным организациям / С. В. Сергеев // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 5(102). – С. 78-85.
10. Liao, Yixin. On the Issues of the Concept and Identification of Beneficial Owners in International Tax Conventions / Yixin Liao // Modern Law Science. – 2014. – № 6. – P. 141-156.
11. Mei, Qicheng; Feng, Lizeng; Ma, Ying; Li, Xue. The Application of “Beneficial Ownership” in Tax Treaty Signed by the Chinese Government with Other Countries / Qicheng Mei, Lizeng

Feng, Ying Ma, Xue Li // International Taxation in China. – 2018. – № 3. – P. 37-41.
12. Sasseville, J. A Tax Treaty Perspective: Special Issues // Tax Treaties and Domestic Law / ed. by G. Maisto. – Amsterdam : IBFD, 2006. – Режим доступа: https://doi.org/10.59403/19pz3fb003. – Дата обращения: 17.12.2025.
13. Zhu, Ciyun; Kansaku, Hiroyuki. The Introduction of Differentiated Voting System and Innovation to Restrain Corporate Control Rights——From the Perspectives of China and Japan / Ciyun Zhu, Hiroyuki Kansaku // Tsinghua University Law Journal. – 2019. – № 2. – P. 6-27.
14. Статистический бюллетень об иностранных инвестициях в Китае за 2024 г. и Статистический бюллетень о прямых иностранных инвестициях Китая за 2024 г.
15. Сайт Zakon ru. URL: https://zakon.ru/blog/2015/8/1/koncepciya_“faktic heskogo_prava”_v_nalogovom_zakonodatelstve_vnosim_yasnost.
16. Письмо Минфина России от 07 июля 2015 г. № 03-08-05/39050. Письмо ФНС России от 04 апреля 2019 г. № СД-4-3/6190@.
17. Сайт ГНУ. URL: https://www.chinatax.gov.cn/chinatax/n810219/n810744/n1671176/n1705734/c1707032/content.html
18. Письма Минфина России от 30 ноября 2015 г. № 03-08-05/69413, от 02 октября 2014 г. № 03-08-05/49439
19. Постановления Девятого арбитражного апелляционного суда от 07 сентября 2021 г. № 09АП-46713/2021 по делу № А40-33741/2021, от 16 августа 2021 г. № 09АП-41604/2021 по делу № А40-33865/2021.
20. Сайт юридической фирмы Haiwen & Partners. URL: http://www.haiwen-law.com/35/1214
21. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 07 апреля 2016 г. № Ф07-2451/2016 по делу № А05-6325/2015, Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 28 августа 2012 г. № 09АП-26461/2012 по делу № А40-57772/12-99-332.
22. Письма Минфина России от 06 октября 2008 г. № 03-08-05, от 07 мая 2008 г. № 03-08-05
23. Сайт Минфина России. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2024/05/main/Kitay_MLI_Rus.docx.
24. Письма Минфина России от 19 февраля 2019 г. № 03-08-05/10372, от 6 апреля 2016 г. № 03-08-05/19473, от 20 мая 2014 г. № 03-08-05/23776, от 10 сентября 2009 г. № 03-08-05, от 22 января 2002 г. № 04-06-05/т.1/3
25. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 01 марта 2018 г. № Ф09-745/18 по делу № А60-31845/2017
26. Письма Минфина России от 30 декабря 2020 г. № 03-08-05/116518, от 11 августа 2016 г. № 03-08-05/46998, от 29 сентября 2009 г. № 03-08-05, от 23 мая 2003 г. № 04-06-05/1/30
27. СИДН с Южной Африкой, Швейцарией, Финляндией, Сербией и Черногорией, Нидерландами, Литвой, Латвией, Южной Кореей, Исландией и Венесуэлой.
28. Письма Минфина России от 14 июня 2017 г. № 03-08-05/36971, от 15 мая 2019 г. № 03-04-06/34717
29. Письмо ФНС России от 05 июля 2006 г. № 02-3-08/139@.
30. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 25 мая 2023 г. № Ф07-5095/2023 по делу № А56-106038/2022
31. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 06 декабря 2016 г. № 10АП-10701/2016 по делу № А41-4100/16
32. Письма Минфина России от 12 января 2018 г. № 03-08-05/1215, от 11 октября 2017 г. № 03-08-05/66368, от 25 марта 2015 г. № 03-08-05/16539. Письмо ФНС России от 10 марта 2015 г. № ОА-4-17/3726@.
33. Письма Минфина России от 07 декабря 2016 г. № 03-08-05/73316, от 26 мая 2016 г. № 03-08-13/30458. Письме УФНС России по г. Москве от 18 декабря 2009 г. № 16-15/133975

Application of the Russian-Chinese agreement on the avoidance of double taxation to investment income: features and problems of interpretation

Luo Junyao
St. Petersburg State University

The article focuses on preferential tax regimes for dividends and interest under the Russia-China Double Taxation Avoidance Agreement. A comparative analysis reveals that both countries deviate from the literal interpretation of its provisions. This creates risks of bilateral tax disputes and double taxation, which require discussion and resolution within the framework of bilateral tax cooperation.

Keywords: interpretation of tax treaties, preferential tax rate, conflict of interpretation, cross-border investment income, China.

References

1. Brook, B. Ya. Codification of the Concept of Beneficial Owner in Russian Tax Legislation: Statement of the Problem / B. Ya. Brook // Law. - 2013. - No. 4. - Pp. 54-62.
2. Demin, A. V. The Concept of Beneficial Ownership of Income in Tax Law: Issues of Genesis and Implementation / A. V. Demin, A. V. Nikolaev // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. - 2019. - No. 2 (37). - Pp. 216-228.
3. Demin, A. V. Cross-cutting Approach in the Context of Actual Right to Income in Russian Tax Law / A. V. Demin, A. V. Nikolaev // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. - 2020. - No. 3 (42). – P. 200-209.
4. Kiseleva, S. S. Rules for the application of reduced tax rates on dividends established by international treaties / S. S. Kiseleva // Tax Policy and Practice. – 2018. – No. 2 (182). – P. 62-65.
5. Ledneva, Yu. V. The concept of actual right to income: law enforcement aspects of implementation / Yu. V. Ledneva // Journal of Russian Law. – 2018. – No. 3 (255). – P. 106-115.
6. Machekhin, V. A. Some issues of applying the concept of actual right to income [Electronic resource]: preprint / V. A. Machekhin. – Moscow: RANEPA, 2023. – URL: https://repec.ranepa.ru/rnp/wpaper/w202347.pdf (date accessed: 26.12.2025).
7. Mikryukov, V. A. The concept of beneficial ownership and the burden of deoffshorization of the Russian economy / V. A. Mikryukov // Legislation and Economics. – 2014. – No. 7. – Pp. 25-31.
8. Motsok, A. V. On the interpretation of criteria for applying preferential rates of international agreements / A. V. Motsok // Tax expert. – 2016. – No. 2. – Pp. 40-47.
9. Sergeev, S. V. Taxation of dividends paid to foreign organizations / S. V. Sergeev // Current issues of Russian law. – 2019. – No. 5(102). – pp. 78-85.
10. Liao, Yixin. On the Issues of the Concept and Identification of Beneficial Owners in International Tax Conventions / Yixin Liao // Modern Law Science. – 2014. – No. 6. – P. 141-156.
11. Mei, Qicheng; Feng, Lizeng; Ma, Ying; Li, Xue. The Application of “Beneficial Ownership” in Tax Treaty Signed by the Chinese Government with Other Countries / Qicheng Mei, Lizeng Feng, Ying Ma, Xue Li // International Taxation in China. – 2018. – No. 3. – P. 37-41.
12. Sasseville, J. A Tax Treaty Perspective: Special Issues // Tax Treaties and Domestic Law / ed. by G. Maisto. – Amsterdam : IBFD, 2006. – Access mode: https://doi.org/10.59403/19pz3fb003. – Date of access: 17.12.2025.
13. Zhu, Ciyun; Kansaku, Hiroyuki. The Introduction of Differentiated Voting System and Innovation to Restrain Corporate Control Rights——From the Perspectives of China and Japan / Ciyun Zhu, Hiroyuki Kansaku // Tsinghua University Law Journal. – 2019. – No. 2. – P. 6-27.
14. Statistical Bulletin on Foreign Investment in China for 2024 and Statistical Bulletin on Foreign Direct Investment in China for 2024.
15. Website Zakon.ru. URL: https://zakon.ru/blog/2015/8/1/koncepciya_“faktic heskogo_prava”_v_nalogovom_zakonodatelstve_vnosim_yasnost.

16. Letter of the Ministry of Finance of Russia dated July 7, 2015 No. 03-08-05/39050. Letter of the Federal Tax Service of Russia dated April 4, 2019 No. SD-4-3/6190@.
17. Website of the State Tax Service. URL: https://www.chinatax.gov.cn/chinatax/n810219/n810744/n1671176/n1705734/c1707032/content.html
18. Letters of the Ministry of Finance of Russia dated November 30, 2015 No. 03-08-05/69413, dated October 2, 2014 No. 03-08-05/49439
19. Resolutions of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated September 7, 2021 No. 09AP-46713/2021 in case No. A40-33741/2021, dated August 16, 2021 No. 09AP-41604/2021 in case No. A40-33865/2021.
20. Website of the law firm Haiwen & Partners. URL: http://www.haiwen-law.com/35/1214
21. Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District dated April 7, 2016 No. F07-2451/2016 in case No. A05-6325/2015, Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated August 28, 2012 No. 09AP-26461/2012 in case No. A40-57772/12-99-332.
22. Letters of the Ministry of Finance of Russia dated October 6, 2008 No. 03-08-05, dated May 7, 2008 No. 03-08-05
23. Website of the Ministry of Finance of Russia. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2024/05/main/Kitay_MLI_Rus.docx.
24. Letters of the Ministry of Finance of Russia dated February 19, 2019 No. 03-08-05/10372, dated April 6, 2016 No. 03-08-05/19473, dated May 20, 2014 No. 03-08-05/23776, dated September 10, 2009 No. 03-08-05, dated January 22, 2002 No. 04-06-05/t.1/3
25. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated March 1, 2018 No. F09-745/18 in case No. A60-31845/2017
26. Letters of the Ministry of Finance of Russia dated December 30, 2020 No. 03-08-05/116518, dated August 11, 2016 No. 03-08-05/46998, dated September 29, 2009 No. 03-08-05, dated May 23, 2003 No. 04-06-05/1/30
27. DTTs with South Africa, Switzerland, Finland, Serbia and Montenegro, the Netherlands, Lithuania, Latvia, South Korea, Iceland, and Venezuela.
28. Letters of the Ministry of Finance of Russia dated June 14, 2017 No. 03-08-05/36971, dated May 15, 2019 No. 03-04-06/34717
29. Letter of the Federal Tax Service of Russia dated July 5, 2006 No. 02-3-08/139@.

Правовые аспекты и биоэтические проблемы криоконсервации репродуктивного материала: российский и международный опыт

Макаренко Наталья Николаевна
Адвокат, Адвокатская палата Московской области, amil@advokat-makarenko.ru

В представленной статье проводится комплексный анализ актуальных клинических, юридических и этических проблем, возникающих в практике криоконсервации репродуктивного материала человека. Автор рассматривает эволюцию технологий замораживания — от первых экспериментов XVIII века до современного повсеместного внедрения методов витрификации эмбрионов, ооцитов и спермы в программы вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ). Особое внимание в работе уделяется дилемме «отставания» законодательства от стремительно развивающихся медицинских технологий, что порождает правовую неопределенность в вопросах хранения, транспортировки и утилизации биологического материала.
В статье подробно исследуется международный опыт регулирования статуса эмбриона: от признания его личностью до восприятия в качестве собственности или объекта с промежуточным правовым статусом. Автор проводит сравнительный анализ законодательных подходов различных стран (Германии, Швейцарии, Великобритании, США и др.), выявляя тенденции к ограничению сроков криоконсервации и определению судьбы «невостребованных» эмбрионов.
Важной частью исследования является анализ российской судебной практики, который наглядно демонстрирует конфликт интересов между потенциальными родителями, клиниками и этическими нормами. Рассматриваются вопросы ответственности медицинских учреждений за сохранность материала и правовые последствия невыполнения обязательств по договорам хранения.
В заключении статьи подчеркивается необходимость выработки четких национальных стандартов и законодательных актов, основанных на глубоком биоэтическом анализе, для обеспечения баланса между репродуктивной автономией личности и защитой человеческой жизни на предимплантационной стадии.
Ключевые слова: вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ), криоконсервация эмбрионов, правовой статус эмбриона. биоэтика в репродуктивной медицине, утилизация репродуктивного материала, репродуктивные права, судебная практика в сфере ВРТ

Криоконсервация репродуктивного материала, которая активно применяется во всем мире, является не только поводом для обсуждения клинических результатов и медицинских аспектов этой процедуры. Эта практика породила значительные юридические, этические и практические проблемы для врачей и клиник, использующих этот метод.

Область замораживания в репродукции человека прошла долгий путь с тех пор, как итальянский ученый Спалланцани впервые использовал снег для охлаждения человеческой спермы в 1776 году [17]. С тех пор достижения в области криоконсервации улучшили использование искусственного оплодотворения, а в 1980-х годах, с появлением криоконсервации человеческих эмбрионов, кардинально изменили потенциал человеческой беременности и область репродуктивной медицины. Первая такая беременность была зафиксирована в 1983 году [23], а в 1984 году последовало первое рождение живого ребенка из размороженного замороженного ранее эмбриона [25]. Прошло еще одно десятилетие, и репродуктивная медицина освоила замораживание ооцитов и добилась его принятия как еще одного инструмента для улучшения лечения бесплодия. Сегодня усовершенствованные процессы криоконсервации (или «замораживания», как это принято называть) человеческой спермы, ооцитов и эмбрионов с использованием витрификации для сокращения времени замораживания и улучшения показателей выживаемости, а также более совершенные системы культивирования, объединяющие сложные среды, средства контроля окружающей среды и техническое оборудование стали основой для проведения процедур вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) для пациентов во всем мире [1].

Однако проблемы и опасения, сопровождающие все новые технологии, относятся и к криоконсервации репродуктивной ткани человека. Существуют неотъемлемые преимущества и риски, связанные не только с самим процессом замораживания и размораживания, но и с фактическими и потенциальными юридическими правами и обязанностями. Как всегда, медицинские технологии во многом опережают законодательство [7].

Репродуктивная медицина и право не могут сосуществовать без учета этических проблем, возникающих при криоконсервации гамет и эмбрионов. Вопросы о «статусе», «ценности» и «правах» являются сложными понятиями, используемыми при решении указанных проблем

[20]. В то время как статус яйцеклеток и сперматозоидов представляется несколько менее спорным – вопросы ценности, собственности или контроля чаще всего поднимаются в случаях, когда происходит потеря незаменимых гамет или умирает тот, кто предоставил эти гаметы [4], споры о статусе, ценности и правах эмбрионов становятся все более ожесточенными, поскольку медицинские работники, специалисты по этике, юристы и пациенты пытаются решить, как обращаться с человеческим репродуктивным материалом либо определить, кто имеет право собственности или контроля над ним. Это привело к появлению множества подходов – от рассмотрения эмбрионов как личности до рассмотрения их как собственности или наделения их «промежуточным статусом» как обладающих человеческим потенциалом, но еще не имеющих жизни [10].

Анализ актуальной судебной практики в Российской Федерации позволяет сделать вывод, что и для нашей страны споры, связанные с использованием и хранением эмбрионов, не редкость. Достаточно привести выдержи из нескольких судебных актов, которые без дополнительных комментариев позволяют судить о серьезном комплексе проблем, возникающих в связи с вопросами хранения эмбрионов и их использованию, если такой термин может быть применим.

В соответствии с абзацем 3 листа 2 заявления об информированном согласии истцы информированы, что в случае отсутствия в течение 12 месяцев оплаты хранения криоконсервированных ооцитов/*эмбрионов* им будет направлено уведомление о наличии задолженности по оплате данной услуги. Если в течение последующих 12 месяцев ими не будет погашена образовавшаяся задолженность, то хранение криоконсервированных ооцитов/*эмбрионов* будет прекращено вне зависимости от причин, помешавших им оплатить данную услугу в установленный срок, о чем им будет направлено соответствующее уведомление. Уведомление просят высылать почтой по адресу: «данные изъяты» [28].

«истцы обратились в отделение планирования семьи и репродукции (…) с просьбой о переносе А.Ю.Е. витрифицированного эмбриона, принадлежащего А-ву Д.П. В 2013 году А-в Д.П, находясь в процессе смены пола с женского на мужской, но уже с документами на мужские, прошел процедуру ЭКО с использованием донорской спермы и последующей криоконсервацией полученных эмбрионов. 21.11.2023 истцу А.Ю.Е. на повторном приеме у врача акушера-гинеколога (репродуктолога) в письменной форме было отказано в просьбе о переносе А.Ю.Е. витрифицированного эмбриона на основании того, что перенос эмбриона, полученного без участия генетического материала А.Ю.Е, является программой суррогатной материнства, а у (…) нет полномочий для проведения данной процедуры» [26].

«Доводы апелляционной жалобы об отзыве С.А.Н. информированного согласия, что лишало С.Е.В. единолично определять судьбу *эмбрионов*, не могут быть приняты судебной коллегией во внимание и повлиять на существо принятого судом первой инстанции, по сути правильного решения, поскольку С.А.Н. был проинформирован, с какой целью и для каких именно процедур у него осуществляется забор биологического материала, добровольно его сдал и не возражал против оформления необходимых документов в его присутствии, что им не отрицалось. Потенциальные родители реализуют репродуктивную свободу при даче добровольного информированного согласия на применение ВРТ, после создания *эмбриона* обозначенное право следует считать исчерпанным. При возникновении неопределенности касательно дальнейшей судьбы *эмбриона* должна действовать презумпция его сохранения, а приоритет должен быть отдан лицу, настаивающему на имплантации» [27].

Таким образом, судебные акты наглядно дают представление о разнообразии спорных ситуаций и необходимости учета при разрешении споров не только правовых, но этических аспектов.

Что касается правового регулирования создания избыточных эмбрионов и их криоконсервации, то меньшинство европейских законов (например, Германия, Австрия, Швейцария и Италия) запрещают эту практику, исходя из обязанности унитарной правовой защиты человеческой жизни с момента оплодотворения. С другой стороны, большинство (например, Великобритания, Испания, Бельгия, Франция) разрешают их на основе постепенной правовой защиты эмбриона: меньше для предимплантационного эмбриона in vitro, чем для имплантированного эмбриона, отдавая предпочтение репродуктивным правам женщины. Общее правило последних законодательных актов заключается в том, чтобы предоставить родителям право распоряжаться криоконсервированными эмбрионами для их использования в будущих трансплантациях, а если это не является их целью, они могут на определенный срок передать их третьим лицам в репродуктивных целях, разрешить их использование в исследовательских целях или потребовать их уничтожения.

Среди наиболее ограничительных законодательных актов – швейцарский закон, который хотя и запрещает криоконсервацию эмбрионов, но разрешает криоконсервацию пронуклеусов для использования исключительно в репродуктивных целях родителями, запрещая их передачу другим парам или в исследовательских целях. Так, например, итальянское законодательство предусматривает исключение, разрешающее криоконсервацию на ограниченный период времени, когда по непредвиденным причинам и форс-мажорным обстоятельствам, связанным со здоровьем женщины, невозможно осуществить перенос. В Германии перенос эмбриона без согласия женщины наказывается, а в случае его отзыва врач имеет право криоконсервировать не перенесенные эмбрионы.

В Чили, как и в других странах Латинской Америки, до сих пор не принят специальный закон о вспомогательной репродукции человека. Было внесено два законопроекта на эту тему, оба из которых были отложены, и оба предусматривали уголовную ответственность за криоконсервацию и уничтожение эмбрионов, а также за их использование в целях, не связанных с репродукцией человека.

В случае с предимплантационным эмбрионом некоторые считают, что он еще не обладает способностью своего нового генома выражать себя, продолжая свое развитие и, наконец, определяя свою личную реальность. Эту способность эмбрион приобретает благодаря эпигенетическому вкладу, который начинается во время имплантации, после 6-го дня [6]. Таким образом, эмбрион на предимплантационной стадии не является действующей или потенциальной личностью. Поскольку человеческий эмбрион – это существо, которое, возможно, станет личностью, с точки зрения этики ответственности существуют также обязанности по защите, как и в случае с будущими поколениями [12].

Этический вопрос в случае с методами репродуктивной медицины заключается в том, выполняет ли криоконсервация эмбриона это моральное обязательство по защите. В разных ответах эмбриону придается меньшее значение, чем плоду или новорожденному [20].

Нормативные акты варьируются по всему миру – от в целом нерегулируемого ландшафта Северной Америки до европейских стран, где все, кроме нескольких, регулируют ВРТ. В большинстве стран разрешено замораживание гамет и эмбрионов; однако некоторые страны запре-

щают замораживание яйцеклеток по немедицинским причинам (например, Австрия, Франция, Венгрия, Литва, Мальта, Норвегия, Сербия и Словения), запрещают определенные формы замораживания эмбрионов (например, Германия разрешает замораживание «яйцевых клеток» только на второй стадии пронуклеиновых клеток) или ограничивают эту практику только определенными группами пациентов (например, Польша, где недавнее изменение польского законодательства не позволяет одиноким женщинам получить доступ к лечению и не позволяет им использовать ранее замороженные эмбрионы, если у них нет партнера-мужчины; кроме того, их криоконсервированные эмбрионы могут быть переданы супружеской паре без их согласия через 20 лет). Там, где криоконсервация является рутинной процедурой, клиники по лечению бесплодия выступают в роли «хранителей» материала, который полон надежд и чреват рисками.

В США продвигается идея «усыновления» эмбрионов. Безусловно, к эмбрионам в медицинском и юридическом смысле этот термин не применим, в этом случае уместно говорить о донорстве эмбрионов. На сайте Национального центра донорства эмбрионов (NEDC) (США) на приветственной странице предлагается посетить их веб-сайт, «чтобы узнать, подходит ли вам донорство / усыновление эмбрионов». И далее в описании деятельности компании указывается, что «экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО) и другие вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ) являются ответом на молитвы многих семей о рождении детей. Однако этот успех привел к избытку замороженных человеческих эмбрионов», и далее говорится о том, что донорство эмбрионов, которое иногда называют усыновлением, дает эмбрионам возможность родиться. Изложенное хорошо иллюстрирует проблему хранения эмбрионов.

Одной из основных проблем, связанных с криоконсервацией эмбрионов, является длительность хранения эмбрионов. Отметим, что в российском законодательстве данный вопрос должным образом не урегулирован.

Мнения о снижении жизнеспособности с течением времени продолжают высказываться, даже несмотря на исследования, доказывающие обратное [24]. По мнению многих экспертов, гаметы и эмбрионы могут сохраняться в криоконсервированном состоянии в течение десятилетий и оставаться жизнеспособными [2]. Это предполагает возможность бесконечного периода хранения, на который пациенты могут рассчитывать по разным причинам: они ждут «подходящего момента», чтобы завести первого ребенка или увеличить свою семью (по медицинским или социальным причинам), переживают разрыв отношений, «забывают», что у них есть гаметы или эмбрионы в криохранилище, или считают решение об окончательной утилизации настолько сложным, что выбирают пассивность и позволяют криохранению продолжаться неограниченное время». Если с утилизацией спермы или яйцеклеток смириться легче, то прекращение криоконсервации эмбрионов становится более проблематичным из-за наложения этических проблем, связанных с эмбрионом, о которых говорилось выше.

Как правило, существует пять вариантов утилизации эмбрионов: разморозить и перенести для попытки беременности предполагаемого родителя; пожертвовать другому человеку/паре для попытки беременности; пожертвовать для исследований (или клинического обучения); разморозить и выбросить; или, как иногда называют, не выбирать – сохранить на неопределенный срок в криохранилище (вариант, который больше обычно не предлагается, но который может быть сделан пассивными пациентами, избегающими контактов с клиникой) [3]. Исследования показывают, что при таких вариантах распоряжения более 50% пациентов, скорее всего, выберут использование криоконсервированных эмбрионов для создания собственной семьи, еще около 20% - пожертвование для научных исследований, а пожертвование другим людям или размораживание и выбрасывание – менее вероятные варианты [16]. Кроме того, возникают вопросы о том, остаются ли в силе соглашения об утилизации (также считающиеся расширенными директивами), заключенные во время создания эмбрионов, по достижении лимитов хранения [18].

Максимальные сроки хранения замороженных гамет существуют в нескольких юрисдикциях и увеличиваются по мере того, как замораживание яйцеклеток становится все более распространенным. В австралийских штатах Виктория и Западная Австралия гаметы могут быть заморожены на срок до 10 лет и 15 лет соответственно [22]. В Великобритании разрешено криохранение яйцеклеток и спермы на срок до 10 лет с некоторым увеличением срока хранения (например, яйцеклетки могут храниться дольше, если они были заморожены из-за медицинского диагноза, а срок замораживания спермы в некоторых случаях может быть продлен до 55 лет). Однако, как и в Канаде, Испании и США, во многих странах в настоящее время нет законодательно установленных ограничений по срокам хранения яйцеклеток и спермы.

Эмбрионы – это совсем другая история. Связанные с этическими проблемами и различными определениями эмбриона, законодательные ограничения на криохранение часто включают политические соображения, такие как сокращение количества хранимых эмбрионов и облегчение бремени хранения для клиник [22]. Это привело к многочисленным ограничениям на максимальный срок криохранения эмбрионов, после которого их уничтожение является обязательным. В Дании действует 5-летнее ограничение на хранение эмбрионов в криоконсервации. Швейцария, Великобритания, Новая Зеландия и некоторые австралийские штаты ввели 10-летние ограничения на хранение. Финляндия и, по крайней мере, один австралийский штат разрешают хранить эмбрионы в течение 15 лет [22]. В Польше недавно было введено ограничение на хранение в течение 20 лет; однако эмбрионы не могут быть уничтожены, а должны быть переданы другой бесплодной паре. Хотя в Соединенных Штатах нет федерального закона о лимитах на криохранение или утилизацию, по крайней мере в одном штате запрещено уничтожение эмбрионов, а в других выбор утилизации ограничен судебными решениями. За исключением Квебека, где утилизация осуществляется по усмотрению клиники, в Канаде ограничения на хранение эмбрионов также в основном регулируются судебными решениями [9].

Обязательные ограничения на хранение и законы об утилизации полезны для сокращения объема хранимой репродуктивной ткани, но юрисдикции, не имеющие таких законов, могут обратиться к профессиональным рекомендациям, чтобы узнать хотя бы определенное направление действий. В Австралии клиники могут обратиться к Кодексу практики для отделений вспомогательных репродуктивных технологий (Кодекс RTAC) Австралийского общества фертильности и Комитета по аккредитации репродуктивных технологий за дальнейшими рекомендациями. Включая в себя этические рекомендации Национального совета по здравоохранению и медицинским исследованиям, Кодекс RTAC, принятый в различных штатах Австралии, устанавливает правила хранения и утилизации криоматериала [22].

Процедуры утилизации в юрисдикциях, где законы предписывают утилизацию или дарение в определенное время, легко переносятся в соответствующие политики клиник. Более серьезная проблема возникает, когда депо-

ненты не могут принять своевременное решение об утилизации (если это требуется по закону), а у клиники нет четкого нормативного руководства, которому она могла бы следовать [15].

ЭКО/ИКСИ с криоконсервацией эмбрионов имеет очевидные преимущества для матери с точки зрения рисков и затрат, но в конечном итоге показатели рождения новорожденных не сильно отличаются между центрами, использующими и не использующими криоконсервацию. Однако существуют значительные различия в риске многоплодной беременности и в материнских рисках, связанных с повторными циклами стимуляции яичников. По этим причинам криоконсервация человеческих эмбрионов сегодня является широко распространенной методикой. Однако одним из последствий этой практики является большое количество эмбрионов, которые выбрасываются или замораживаются на неопределенный срок. Лишь немногие центры сообщают о количестве отбракованных или замороженных эмбрионов, и последние нормативные акты, признавая эту проблему, стремятся сократить их число [21].

Решение каждой пары должно быть абсолютно свободным, основанным на их ценностях и критериях, для чего лечащие специалисты должны стараться избегать любых директивных советов. Это и есть истинное уважение к автономии их решений, выходящее за рамки любого документа об информированном согласии. Супружеские пары, принимающие решение, должны также учитывать значение, которое будет иметь для них криоконсервированный эмбрион – вопрос, в котором их психологические представления сложны и меняются с течением времени [13].

Институциональные стандарты должны быть понятны и известны пользователям как с формальной точки зрения, так и с точки зрения их обоснования. Для их установления необходимы этические критерии, выработанные в процессе обсуждения между специалистами, руководящими органами каждого учреждения и институциональными комитетами по этике с учетом, наряду с эффективностью методов, общей ответственности, стоящей на кону.

В области законодательства следует исходить из необходимости принятия законов на прочных научных и этических основаниях, а не только на основе аргументов полезности и эффективности. Законодательная политика в этом вопросе должна занимать определенную позицию в отношении ценностных конфликтов между защитой предимплантационного эмбриона и правом женщины или пары на репродуктивную автономию. Несомненно, законодатель должен, по крайней мере, учитывать существование исключительных ситуаций, в которых криоконсервация эмбриона может быть необходима, таких как, когда женщина не может пройти процедуру переноса по состоянию здоровья или в связи с ее смертью, женщина отзывает свое согласие до переноса, или случаи предимплантационной генетической диагностики для выявления серьезных наследственных заболеваний у эмбриона или изменений, несовместимых с его жизнью.

Литература

1. Alikani M., Parmegiani L. Human reproductive cell cryopreservation, storage, handling, and transport: risks and risk management // Semin Reprod Med. 2018. № 36. Pp. 265-272.
2. Aflatoonian N., Pourmasumi S., Aflatoonian A., Eftekhar M. Duration of storage does not influence pregnancy outcome in cryopreserved human embryos // Iran J Reprod Med. 2013. № 11. Pp. 843-846.
3. Bankowski B.J., Lyerly A.D., Faden R.R., Wallach E.E. The social implications of embryo cryopreservation // Fertil Steril. 2005. № 84. Pp. 823-832.
4. Bahadur G. Ethical challenges in reproductive medicine: posthumous reproduction // Int Congr Ser. 2004. № 1266. Pp. 295-302.
5. Beca J.P. Ética de las intervenciones médicas en embriones humanos // Beca J.P. El Embrión Humano. Santiago, Chile: Editorial Mediterráneo Ltda, 2002. Pp. 221-243.
6. Bedate A. El valor ontológico del embrión humano: una visión alternative // Beca J.P. El Embrión Humano. Santiago, Chile: Editorial Mediterráneo, 2002. Pp. 51-92.
7. Blake V.K., McGowan M.L, Levine A.D. Conflicts of interest and effective oversight of assisted reproduction using donated oocytes // J Law Med Ethics. 2015. № 43. Pp. 410-424.
8. Casolo J, Curry-Ledbetter C, Edmonds M, Field G, O'Neill K, Poncia, M (Eds.). Assisted reproductive technologies // Georgetown J Gender Law. 2019. № 2. Pp. 313–354.
9. Crockin S.L., Debele G.A. Ethical issues in assisted reproduction: a primer for family law attorneys // J Am Acad Matrim Law. 2015. № 27. Pp. 289-308.
10. Crockin S.L., Gottschalk K.C. Legal Issues in gamete and embryo cryopreservation: an overview // Semin Reprod Med. 2018. № 3. Pp. 299-310.
11. Ethics Committee of the American Society for Reproductive Medicine, Disposition of abandoned embryos: a committee opinion // Fertil Steril. 2013. № 99. Pp. 1848-1849.
12. Feito L. Estatuto moral del embrión humano: cuestiones filosóficas y consideraciones morales // Beca J.P. y Astete C. Bioética Clínica. Santiago, Chile: Editorial Mediterráneo Ltda, 2012. Pp. 281-297.
13. Klock S.C. Embryo disposition: the forgotten "child" of in vitro fertilization // Int J Fertil Womens Med. 2004. № 49: (1). Pp. 19-23.
14. Lam V. University of British Columbia. 2013 BCSC 2142; A. Cattapan, F. Baylis, Frozen in perpetuity: 'abandoned embryos' in Canada // Reprod BioMed Online. 2016. № 108. Pp. 104-112.
15. Lisa A. Rinehart, Storage, transport, and disposition of gametes and embryos: legal issues and practical considerations // Fertility and Sterility. 2021, Volume 115, Issue 2, Pp. 274-281,
16. Lyerly D, Steinhauser K., Voils C., Namey E., Alexander C., Bankowski B. et al. Fertility patients' views about frozen embryo disposition: results of a multi-institutional U.S. survey // Fertil Steril. 2010. № 93. Pp. 499-509.
17. Ombelet J. Van Robays. Artificial insemination history: hurdles and milestones // Facts Views Vis Obgyn. 2015. № 47. Pp. 137-143.
18. Pennington G. The validity of contracts to dispose of frozen embryos // J Med Ethics. 2002. № 28. Pp. 295-298.
19. Pommer R, Arguello B, Díaz-Fontevilla M, Martínez C, Fuentes E, Furman I, et al. Criopreservación de pronúcleos: rol en el programa de fertilización asistida // Rev Chil Obstet Ginecol. 2003. № 68 (4). Pp. 287-292.
20. Prescott D.E., Debele G.A. Shifting ethical and social conundrums and stunningly anachronistic laws: what lawyers in adoption and assisted reproduction may want to consider // J Am Acad Matrim Law. 2017. № 30. P. 127.
21. Schwarze J. Registro chileno de técnicas de reproducción asistida, 2010. Registro Chileno de Fecundación in vitro, Sociedad Chilena de Medicina Reproductiva // Rev Chil Obstet Ginecol. 2013. № 78 (2). Pp. 82-87.
22. Stuhmcke A., Chandler E. Storage limits of gametes and embryos: regulation in search of policy justification // J Law Med. 2014. № 22. Pp. 121-135.

23. Trounson A., Mohr L. Human pregnancy following cryopreservation, thawing and transfer of an eight-cell embryo // Nature. 1983. № 305. Pp. 707-709.

24. Ueno K., Uchiyama K., Kuroda T., Yabuuchi A., Ezoe K., Okimura T. et al. Cryostorage duration does not affect pregnancy and neonatal outcomes: a retrospective single-centre cohort study of vitrified-warmed blastocysts // Reprod BioMed Online. 2018. № 36. Pp. 614-619.

25. Zeilmaker G.H., Alberda A.T., I. van Gent, Rijkmans C.M., Drogendijk A.C. Two pregnancies following transfer of intact frozen-thawed embryos // Fertil Steril. 1984. № 42. Pp. 293-296.

26. Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 24 февраля 2025 г. по делу N 33-7011/2025 // Банк судебной практики. ЭПС "Система ГАРАНТ». URL: https://base.garant.ru/334754249.

27. Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 30 июня 2025 г. по делу N 33-21427/2025 // Банк судебной практики. ЭПС "Система ГАРАНТ». URL: https://base.garant.ru/346511568.

28. Определение СК по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21 июня 2023 г. по делу N 8Г-15318/2023[88-17141/2023] // Банк судебной практики. ЭПС "Система ГАРАНТ». URL: https://base.garant.ru/334754249.

Legal Aspects and Bioethical Issues of Reproductive Material Cryopreservation: Russian and International Experience

Makarenko N.N.

Chamber of Advocates of the Moscow Region

This article provides a comprehensive analysis of the current clinical, legal, and ethical issues arising in the practice of cryopreserving human reproductive material. The author examines the evolution of freezing technologies — from the initial experiments of the 18th century to the modern widespread implementation of embryo, oocyte, and sperm vitrification within assisted reproductive technology (ART) programs. Particular attention is paid to the dilemma of "lagging" legislation relative to rapidly developing medical technologies, which creates legal uncertainty regarding the storage, transport, and disposal of biological material.

The study explores international experience in regulating the status of the embryo: from its recognition as a person to its perception as property or an entity with an intermediate legal status. The author conducts a comparative analysis of legal approaches in various countries (including Germany, Switzerland, the UK, and the USA), identifying trends toward limiting cryopreservation periods and determining the fate of "unclaimed" embryos.

An important part of the research is the analysis of Russian judicial practice, which clearly demonstrates the conflict of interest between potential parents, clinics, and ethical norms. Issues regarding the liability of medical institutions for the safety of material and the legal consequences of failing to fulfill obligations under storage agreements are considered. The article concludes by emphasizing the need to develop clear national standards and legislative acts based on profound bioethical analysis to ensure a balance between individual reproductive autonomy and the protection of human life at the preimplantation stage.

Keywords: assisted reproductive technologies (ART), etmbryo cryopreservation, legal status of the embryo, bioethics in reproductive medicine, disposal of reproductive material, reproductive rights, judicial practice in the field of ART

References

1. Alikani M., Parmegiani L. Human reproductive cell cryopreservation, storage, handling, and transport: risks and risk management // Semin Reprod Med. 2018. № 36. Pp. 265-272.
2. Aflatoonian N., Pourmasumi S., Aflatoonian A., Eftekhar M. Duration of storage does not influence pregnancy outcome in cryopreserved human embryos // Iran J Reprod Med. 2013. № 11. Pp. 843-846.
3. Bankowski B.J., Lyerly A.D., Faden R.R., Wallach E.E. The social implications of embryo cryopreservation // Fertil Steril. 2005. № 84. Pp. 823-832.
4. Bahadur G. Ethical challenges in reproductive medicine: posthumous reproduction // Int Congr Ser. 2004. № 1266. Pp. 295-302.
5. Beca J.P. Ética de las intervenciones médicas en embriones humanos // Beca J.P. El Embrión Humano. Santiago, Chile: Editorial Mediterráneo Ltda, 2002. Pp. 221-243.
6. Bedate A. El valor ontológico del embrión humano: una visión alternative // Beca J.P. El Embrión Humano. Santiago, Chile: Editorial Mediterráneo, 2002. Pp. 51-92.
7. Blake V.K., McGowan M.L, Levine A.D. Conflicts of interest and effective oversight of assisted reproduction using donated oocytes // J Law Med Ethics. 2015. № 43. Pp. 410-424.
8. Casolo J, Curry-Ledbetter C, Edmonds M, Field G, O'Neill K, Poncia, M (Eds.). Assisted reproductive technologies // Georgetown J Gender Law. 2019. № 2. Pp. 313–354.
9. Crockin S.L., Debele G.A. Ethical issues in assisted reproduction: a primer for family law attorneys // J Am Acad Matrim Law. 2015. № 27. Pp. 289-308.
10. Crockin S.L., Gottschalk K.C. Legal Issues in gamete and embryo cryopreservation: an overview // Semin Reprod Med. 2018. № 3. Pp. 299-310.
11. Ethics Committee of the American Society for Reproductive Medicine, Disposition of abandoned embryos: a committee opinion // Fertil Steril. 2013. № 99. Pp. 1848-1849.
12. Feito L. Estatuto moral del embrión humano: cuestiones filosóficas y consideraciones morales // Beca J.P. y Astete C. Bioética Clínica. Santiago, Chile: Editorial Mediterráneo Ltda, 2012. Pp. 281-297.
13. Klock S.C. Embryo disposition: the forgotten "child" of in vitro fertilization // Int J Fertil Womens Med. 2004. № 49: (1). Pp. 19-23.
14. Lam V. University of British Columbia. 2013 BCSC 2142; A. Cattapan, F. Baylis, Frozen in perpetuity: 'abandoned embryos' in Canada // Reprod BioMed Online. 2016. № 108. Pp. 104-112.
15. Lisa A. Rinehart, Storage, transport, and disposition of gametes and embryos: legal issues and practical considerations // Fertility and Sterility. 2021, Volume 115, Issue 2, Pp. 274-281,
16. Lyerly D, Steinhauser K., Voils C., Namey E., Alexander C., Bankowski B. et al. Fertility patients' views about frozen embryo disposition: results of a multi-institutional U.S. survey // Fertil Steril. 2010. № 93. Pp. 499-509.
17. Ombelet J. Van Robays. Artificial insemination history: hurdles and milestones // Facts Views Vis Obgyn. 2015. № 47. Pp. 137-143.
18. Pennington G. The validity of contracts to dispose of frozen embryos // J Med Ethics. 2002. № 28. Pp. 295-298.
19. Pommer R, Arguello B, Díaz-Fontevilla M, Martínez C, Fuentes E, Furman I, et al. Criopreservación de pronúcleos: rol en el programa de fertilización asistida // Rev Chil Obstet Ginecol. 2003. № 68 (4). Pp. 287-292.
20. Prescott D.E., Debele G.A. Shifting ethical and social conundrums and stunningly anachronistic laws: what lawyers in adoption and assisted reproduction may want to consider // J Am Acad Matrim Law. 2017. № 30. P. 127.
21. Schwarze J. Registro chileno de técnicas de reproducción asistida, 2010. Registro Chileno de Fecundación in vitro, Sociedad Chilena de Medicina Reproductiva // Rev Chil Obstet Ginecol. 2013. № 78 (2). Pp. 82-87.
22. Stuhmcke A., Chandler E. Storage limits of gametes and embryos: regulation in search of policy justification // J Law Med. 2014. № 22. Pp. 121-135.
23. Trounson A., Mohr L. Human pregnancy following cryopreservation, thawing and transfer of an eight-cell embryo // Nature. 1983. № 305. Pp. 707-709.
24. Ueno K., Uchiyama K., Kuroda T., Yabuuchi A., Ezoe K., Okimura T. et al. Cryostorage duration does not affect pregnancy and neonatal outcomes: a retrospective single-centre cohort study of vitrified-warmed blastocysts // Reprod BioMed Online. 2018. № 36. Pp. 614-619.
25. Zeilmaker G.H., Alberda A.T., I. van Gent, Rijkmans C.M., Drogendijk A.C. Two pregnancies following transfer of intact frozen-thawed embryos // Fertil Steril. 1984. № 42. Pp. 293-296.
26. Appellate ruling of the Judicial Panel for Civil Cases of the Moscow City Court dated February 24, 2025 in case No. 33-7011/2025 // Bank of Judicial Practice. EPS "GARANT System". URL: https://base.garant.ru/334754249.
27. Appellate ruling of the Judicial Panel for Civil Cases of the Moscow City Court dated June 30, 2025 in case No. 33-21427/2025 // Bank of Judicial Practice. EPS "GARANT System". URL: https://base.garant.ru/346511568.
28. Determination of the Judicial Panel for Civil Cases of the First Cassation Court of General Jurisdiction dated June 21, 2023 in case No. 8G-15318/2023[88-17141/2023] // Bank of Judicial Practice. EPS "GARANTEE System". URL: https://base.garant.ru/334754249.

Профилактика конфликта интересов на государственной службе российской федерации: проблемы правоприменения и направления совершенствования

Николаев Артём Игоревич
студент магистратуры кафедры правовых основ факультет государственного управления МГУ, nikolaev.a.i0407@gmail.com

В статье исследуются проблемы профилактики конфликта интересов на государственной службе Российской Федерации через анализ нормативных актов, ведомственных разъяснений и научной литературы. Показано, что правоприменительные трудности обусловлены сочетанием понятийной неопределенности базовых категорий, процедурной неполноты отдельных механизмов урегулирования и организационно-кадровой неоднородности практики. Обосновываются направления совершенствования, включающие законодательную конкретизацию ключевых понятий и процедур, развитие внутреннего методического регулирования, усиление кадровой и организационной составляющей профилактики, а также использование цифровых инструментов для аналитической поддержки оценки коррупционных рисков.
Ключевые слова: конфликт интересов; государственная служба; профилактика коррупции; антикоррупционное регулирование; коррупционные риски.

Нормативная и организационная конструкция профилактики конфликта интересов на государственной службе в Российской Федерации опирается на сочетание общих антикоррупционных норм, специальных норм о государственной гражданской службе, а также процедурных механизмов работы комиссий по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов.

Ведомственные и методические материалы прямо ориентированы на выработку единообразной практики применения этих норм. В письме Минтруда России от 15 октября 2012 г. N 18-2/10/1-2088 [1] указано, что обзор типовых случаев направляется во исполнение решения руководителя Администрации Президента РФ и предназначен для практического использования при урегулировании соответствующих ситуаций. Уже сама постановка задачи через «обзор типовых случаев» показывает, что проблема лежит не только в плоскости формального наличия запретов, но и в плоскости квалификации жизненных ситуаций и выбора меры реагирования.

В ряде работ проблема увязывается с эффективностью антикоррупционных мер и качеством государственного управления. Так, О.В. Панина, Н.Л. Красюкова, К.В. Харченко [2] связывают актуальность исследования института конфликта интересов с необходимостью повышения эффективности антикоррупционных мер, а Ю.А. Спиридонов [3] рассматривает совершенствование регулирования и правоприменения как условие минимизации коррупционных рисков и повышения прозрачности деятельности органов власти.

Ключевая нормативная точка отсчета содержится в Федеральном законе № 273-ФЗ [4]. Закон прямо закрепляет, что «под конфликтом интересов … понимается ситуация, при которой личная заинтересованность … влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение … обязанностей». Важным для правоприменения является именно конструктивное сочетание уже наступившего влияния и потенциальной возможности влияния, поскольку это расширяет пространство профилактических действий до стадии риска, а не только стадии уже проявившегося нарушения.

В том же законе закреплена и обязанностная логика профилактики. В статье 11 предусмотрено, что лицо, на которое распространяется соответствующая обязанность, должно принимать меры по недопущению любой возможности возникновения конфликта интересов, а также уведомлять о возникновении личной заинтересованности. Перечень мер урегулирования включает изменение должностного (служебного) положения, отказ от выгоды, отвод или самоотвод, а также иные меры, предусмотренные законодательством.

Специальный закон о государственной гражданской службе дополняет общую конструкцию конкретными обязанностями и процессуальными элементами. В статье 19 Федерального закона № 79-ФЗ [5] закреплено, что конфликт интересов — это ситуация, при которой личная заинтересованность влияет или может повлиять на объективное исполнение должностных обязанностей и создает противоречие с правами и законными интересами граждан, организаций, общества или государства. Здесь акцентируется не только служебная беспристрастность, но

и возможный вред публичным и частным законным интересам, что усиливает публично-правовой характер института.

Отдельно значимо, что закон № 79-ФЗ закрепляет обязанность гражданского служащего «в письменной форме уведомить представителя нанимателя … о возникшем конфликте интересов или о возможности его возникновения». Именно письменное уведомление становится центральным процессуальным каналом запуска профилактических и урегулирующих мер в конкретном органе. Практические пособия также подчеркивают эту обязанность как первичную по отношению к последующему рассмотрению комиссией или представителем нанимателя.

В научной литературе на этом фоне возникает вопрос о достаточности и качестве самого легального определения. М.А. Кузнецова [6] заявляет о необходимости дальнейшего научного осмысления и совершенствования нормативного регулирования легального определения понятия конфликта интересов. Тем самым уже на уровне предмета исследования фиксируется, что правоприменительные трудности нельзя свести только к организационным сбоям — они связаны и с качеством правовой конструкции.

Указ Президента РФ № 821 [7] определяет базовую модель комиссий по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов. В документе закреплен состав комиссии, включая представителей кадрового подразделения, подразделения по профилактике коррупционных и иных правонарушений, юридического (правового) подразделения и иных подразделений, а также независимых экспертов. Наличие смешанного состава показывает, что законодатель и президентский акт изначально предполагают межфункциональный характер оценки конфликта интересов - кадровый, антикоррупционный, правовой и внешний экспертный компоненты.

Пункт 16 Положения (в составе Указа № 821) задает широкий круг вопросов, которые рассматривает комиссия, включая вопросы соблюдения ограничений и требований к служебному поведению, а также уведомления о возникновении личной заинтересованности. Для правоприменения это означает, что комиссия выступает не только «реактивным» органом по уже совершенным нарушениям, но и площадкой предварительной оценки рисков, когда речь идет о возможности возникновения конфликта интересов.

Дополнительные процессуальные элементы (право запрашивать материалы, заслушивать пояснения, рассматривать документы и сведения) также закреплены в Положении, что имеет прямое значение для качества доказательной базы по конкретным ситуациям. При этом сама эффективность этих механизмов зависит от того, насколько внутренние акты конкретного органа конкретизируют порядок работы комиссии, сроки и последовательность действий.

Одна из центральных линий дискуссии связана с проблемой правовой определенности базовых категорий. Н.В. Коваль, Г.А. Таибова, И.В. Цветков [8] указывают на «правовую неясность некоторых базовых категорий», которая, по их оценке, не позволяет эффективно использовать институт конфликта интересов как средство предотвращения коррупционных правонарушений. Этот вывод имеет прикладное значение: если базовые категории неопределенны, то даже формально правильные процедуры уведомления и комиссионного рассмотрения не обеспечивают единообразной квалификации случаев.

Та же проблема раскрывается через анализ содержания личной заинтересованности и соотношения материальных/нематериальных благ. О.В. Панина, Н.Л. Красюкова, К.В. Харченко отмечают, что содержанием конфликта интересов выступает не сама «выгода» как причина, а неправомерное распределение материальных и нематериальных благ; при этом выгода характеризуется как содержание конфликта, а не его причина. Для правоприменения это важно, поскольку смещение акцента с «поиска выгоды» только в имущественном смысле на анализ неправомерного распределения благ расширяет возможности раннего выявления и профилактической оценки ситуаций.

Т.С. Глазырин, Т.Л. Козлов, Н.М. Колосова [9] подчеркивают значимость законодательного изменения 2015 года, когда обновленная формулировка конфликта интересов была дополнена двумя новеллами: указанием на «возможность» влияния личной заинтересованности и признанием того, что личная заинтересованность может быть связана не только с лицом и его близкими родственниками, но и с иными лицами/организациями, связанными имущественными, корпоративными или иными близкими отношениями. Эта позиция позволяет объяснить, почему узкое толкование круга значимых связей в правоприменении приводит к пропуску реально опасных ситуаций.

С.Г. Еремин [10] акцентирует другой аспект квалификационной проблемы — смешение категорий предотвращения и урегулирования. Автор пишет: «Разница между данными категориями вполне очевидна, однако перечисляемые законодателем меры оказываются едиными для обоих сценариев». Далее автор предлагает «целесообразно законодательно разграничить данные меры». В контексте профилактики это особенно значимо: пока меры не разведены по стадиям риска и уже возникшего конфликта, практика может оставаться реактивной и применять одинаковые решения к ситуациям разной степени сформированности.

М.А. Кузнецова [11]. развивает линию анализа дефектов легального определения и указывает на необходимость более точной концептуализации различий между потенциальным и реальным конфликтом интересов, а также более согласованного понятийного аппарата в антикоррупционном регулировании.

Сложность профилактики состоит не только в правовой квалификации, но и в самом процессе выявления ситуаций, подпадающих под понятие конфликта интересов. А.А. Зуденкова [12]. отмечает, что вопросы предотвращения и урегулирования должны отслеживаться не только на уровне служащего, но и на уровне органа (организации), где существенную роль играют руководители и комиссии. Такой организационный уровень анализа переводит проблему из индивидуально-этической плоскости в плоскость управленческой архитектуры внутреннего контроля.

Наиболее резкая формулировка у автора касается именно методического дефицита: «процесс выявления ситуаций, попадающих под понятие „конфликт интересов“ в действующих методических документах определен обобщенно». В той же части статьи фиксируется отсутствие рекомендаций по периодичности проведения таких работ и глубине охвата. Это означает, что даже при наличии формальных обязанностей и комиссий практический результат может зависеть от локальной инициативы и ресурсов конкретного органа, что объективно ведет к вариативности и неравномерности профилактики.

Одновременно Зуденкова предлагает конкретизацию внутреннего регулирования: порядок выявления ситуаций, попадающих под понятие конфликта интересов, должен быть изложен в положении о конфликте интересов как внутреннем документе организации с раскрытием принципов управления, порядка раскрытия, способов урегулирования и обязанностей работников.

Н.А. Боброва [13], анализируя конфликт интересов через призму правоприменения и конфликтологии, форму-

лирует важный для практики вывод: действующее антикоррупционное законодательство в части способов предотвращения и разрешения конфликта интересов «в целом адекватно и довольно полно» регулирует соответствующую сферу, но эффективность снижается из-за качества правоприменения. Эта позиция не отрицает нормативную базу, а смещает акцент на профессионализм, кадровую политику и фактическую реализацию норм. Это важный контраргумент к исключительно «нормотворческому» подходу: совершенствование законодательства без улучшения практики выявления, проверки и принятия решений может иметь ограниченный эффект.

Письмо Минтруда России 2012 года и включенный в него обзор практики применения законодательства по вопросам предотвращения и урегулирования конфликта интересов также подтверждают, что типичные затруднения возникают на стадии оценки конкретных фактов и выбора правильной реакции. Сам факт подготовки обзора «по итогам обобщения результатов мониторинга применения мер» свидетельствует о необходимости постоянного анализа правоприменения и восполнения практических разрывов методическими разъяснениями. Следовательно, профилактика в реальной практике строится не только на нормах закона, но и на последующем цикле мониторинга, обобщения и разъяснения.

Несмотря на формализованный статус комиссий, в научной литературе фиксируются проблемы их фактической роли и процедурной определенности. А.А. Зуденкова указывает, что общие требования к деятельности комиссий определены Указом № 821, однако нормативные основы деятельности комиссий принимаются каждым органом самостоятельно, а решения комиссий носят рекомендательный характер; в результате многие вопросы фактически решаются руководителем, что способствует превращению комиссии во вспомогательный орган. Сам по себе институт комиссии не гарантирует независимости и глубины рассмотрения, если локальная регламентация и организационная практика минимизируют ее реальную роль.

О.А. Чернова и М.В. Зеленов [14], исследуя законодательную регламентацию урегулирования конфликта интересов, отдельно выделяют процедурные лакуны. Авторы указывают, что специальные законы, регламентирующие порядок прохождения разных видов государственной службы, не определяют порядок самоотвода/отвода, на который указывает закон о противодействии коррупции. Это замечание особенно существенно для правоприменения, поскольку отсутствие процессуальной конкретики по одному из прямо названных законом инструментов урегулирования ослабляет его практическую применимость.

Авторы также фиксируют отсутствие нормативно закрепленных процедур завершения производства по материалам и порядка обжалования решения комиссии. Эта позиция важна не только для процессуальной техники, но и для профилактического эффекта института: чем менее предсказуем и прозрачный порядок рассмотрения, тем слабее доверие к процедуре, ниже качество документирования и выше риск формализации.

Отдельный организационный ракурс дает работа П.А. Кабанова и Р.Р. Магизова [15] о мониторинге соблюдения требований к лицам, входящим в состав структурных подразделений комиссий в субъектах РФ. Авторы указывают, что в результате мониторинга выявлено, что такие требования «довольно часто не соблюдаются», и предлагают меры по организации более качественной антикоррупционной работы на региональном уровне. Проблема правоприменения касается не только поведения рядовых служащих, но и соблюдения требований внутри самих антикоррупционных институциональных механизмов.

Практические и методические материалы показывают, что значительная часть правоприменительных трудностей возникает в повторяющихся типовых конфигурациях: отношения с родственниками, иная оплачиваемая работа, участие в комиссиях, использование должностных полномочий в отношении аффилированных лиц и т.п. Уже в письме Минтруда выделяется раздел «Типовые ситуации конфликта интересов на государственной службе Российской Федерации и порядок их урегулирования», а это означает, что профилактика в значительной степени строится на типологизации и сопоставлении конкретного случая с ранее описанными моделями.

Работа Т.С. Глазырина, Т.Л. Козлова, Н.М. Колосовой и др. прямо ориентировано на систематизацию причин, предотвращения и урегулирования конфликта интересов в государственной и муниципальной службе и в деятельности организаций. Значимость этого источника для правоприменительной проблематики состоит в том, что он соединяет нормативный анализ с институциональным механизмом выявления и урегулирования, включая деятельность комиссий. В результате источник помогает увидеть не только норму, но и организационную среду ее реализации.

При этом часть авторов обращает внимание на то, что правоприменительные риски связаны не только с формальной юридической квалификацией, но и с кадровыми характеристиками, в том числе личностными и нравственными параметрами. Д.Ш. Гарифуллина, С.А. Иликеева, А.Т. Уразова [16] пишут о конфликте интересов на государственной службе как о проблеме, затрагивающей не только юридические механизмы, но и вопросы кадровой политики, и предлагают учитывать личностные качества при отборе на службу. В частности, авторы отмечают отсутствие требований к личностным качествам в профильном законе как фактор, влияющий на возможность снижения риска конфликтов. Часть проблемы локализуется еще до стадии уведомления и рассмотрения комиссией - на стадии отбора, обучения и формирования служебной культуры.

Схожий акцент на кадровой и этической компоненте присутствует у Н.А. Бобровой, которая связывает эффективность противодействия конфликту интересов с приоритетностью кадровой политики среди правоприменителей и критически оценивает формализм в конкурсном отборе. Эта линия анализа дополняет сугубо юридический подход: профилактика конфликта интересов выступает не только как набор запретов и процедур, но и как результат качества кадровых решений и организационной культуры правоприменения.

Наиболее устойчивое направление совершенствования - уточнение понятийного и процедурного регулирования. С.Г. Еремин предлагает законодательное разграничение мер предотвращения и мер урегулирования конфликта интересов, поскольку их фактическое смешение снижает точность правового инструментария. Для профилактики это предложение представляется системно значимым: чем яснее разделены меры, применяемые к потенциальному риску, и меры, применяемые к уже возникшему конфликту, тем выше вероятность раннего и пропорционального вмешательства.

О.А. Чернова и М.В. Зеленов в качестве направления совершенствования фактически формулируют необходимость законодательной донастройки процедуры самоотвода/отвода и процедур комиссионного производства, включая завершение рассмотрения материалов и порядок обжалования. Эти предложения непосредственно адресуют правоприменительные «узкие места»: наличие общей нормы закона без специального процедурного регламента затрудняет единообразное применение и увеличивает локальную вариативность.

М.А. Кузнецова последовательно обосновывает необходимость дальнейшей теоретико-правовой и нормативной доработки легального определения конфликта интересов. В сочетании с критикой правовой неясности у Н.В. Коваль, Г.А. Таибовой, И.В. Цветкова это формирует общий вывод корпуса источников: понятийная ясность - не абстрактная доктринальная задача, а практическое условие профилактики и единообразного правоприменения.

Проблемы устранения конфликта интересов как фактора коррупции в сфере государственной службы также рассматриваются А.В. Корепиной и А.А. Карнаковой через призму недостаточности и неэффективности отдельных антикоррупционных мероприятий и необходимости анализа достигнутых результатов для определения дальнейших действий. Этот подход важен тем, что связывает нормотворческое совершенствование с оценкой фактической результативности мер, а не только с формальной корректировкой текста закона.

Второе крупное направление совершенствования - развитие методической базы и внутренних процедур органов власти. А.А. Зуденкова предлагает закреплять в положении о конфликте интересов принципы управления, порядок раскрытия конфликта интересов, способы его урегулирования и обязанности работников. Практическая ценность такого подхода состоит в том, что он переводит общие антикоррупционные требования в измеримую и повторяемую внутреннюю процедуру.

Письмо Минтруда России 2012 года и приложенные к нему обзоры фактически реализуют аналогичную методическую функцию на надведомственном уровне: они систематизируют типовые случаи, предлагают подходы к их квалификации и тем самым снижают неопределенность повседневной практики. В этом смысле дальнейшее совершенствование профилактики, по логике материалов, должно включать не только изменение норм, но и регулярное обновление типологий, практических разъяснений и примеров.

В статье Т.В. Антоновской и А.Д. Лаврентьевой [17] тема совершенствования также связана с организационными решениями: авторы указывают на необходимость специализированного контрольного органа (в логике их рассуждений — специализированного механизма контроля) и на наличие коллизий, позволяющих государственным служащим обходить отдельные ограничения. Независимо от оценки конкретной модели, важен сам вектор: авторы связывают повышение эффективности профилактики с институциональной и процедурной донастройкой, а не только с повторением уже действующих запретов.

Д.Ш. Гарифуллина, С.А. Иликеева, А.Т. Уразова обращают внимание на учет личностных качеств при отборе на государственную службу и прямо связывают это с задачей снижения конфликтности и коррупционных рисков. Н.А. Боброва, в свою очередь, подчеркивает приоритет кадровой политики среди правоприменителей и необходимость исключения формализма из конкурсного отбора. В совокупности эти позиции формируют важный вывод: профилактика конфликта интересов начинается не только на стадии уведомления, но и на стадии кадрового комплектования, отбора и формирования профессионально-нравственных стандартов.

Эмпирический материал П.А. Кабанова и Р.Р. Магизова о мониторинге соблюдения требований к лицам, входящим в структуры комиссий на региональном уровне, дополняет этот вывод институциональным измерением: качество антикоррупционной работы зависит и от соблюдения требований теми субъектами, которые сами обеспечивают функционирование механизмов профилактики. Следовательно, совершенствование профилактики должно включать не только контроль служащих «по существу дела», но и контроль качества функционирования антикоррупочной инфраструктуры.

Отдельный вектор совершенствования связан с цифровизацией и аналитическими технологиями. О.В. Панина, Н.Л. Красюкова, К.В. Харченко в качестве перспектив развития способов противодействия конфликту интересов видят широкое внедрение автоматизированных систем на основе цифровых технологий и указывают на потенциальное применение технологий машинного обучения для обработки массивов данных с модельными и фактическими ситуациями конфликта интересов. Это направление может быть интерпретировано как усиление профилактической составляющей за счет стандартизированной аналитики и более раннего обнаружения рисков, однако авторы связывают это именно с облегчением объективной оценки новых ситуаций и подбором мер профилактики/контроля.

Общий контекст реформирования государственной службы, в котором растет значение цифровой трансформации и анализа правоприменительной (в том числе судебной) практики, описывает В.В. Бездольный [18]. Хотя работа посвящена более широкому кругу вопросов реформирования, ее акцент на судебной практике и цифровой трансформации подчеркивает, что совершенствование профилактики конфликта интересов не изолировано от общей модернизации института государственной службы. В этом смысле профилактика конфликта интересов в материалах выступает частью более широкой задачи повышения качества государственного управления и правоприменения.

Проведенный анализ материалов показывает, что профилактика конфликта интересов на государственной службе в Российской Федерации описывается как многоуровневый институт. При этом ключевая правоприменительная проблема проявляется как сочетание трех факторов: понятийной неопределенности (границы понятия, личная заинтересованность, различение предотвращения и урегулирования), процедурной неполноты (самоотвод, завершение производства, обжалование, локальная вариативность комиссий) и организационно-кадровой неоднородности (качество внутреннего контроля, профессионализм правоприменителей, кадровая политика, формализм).

В качестве направлений совершенствования материалы в совокупности позволяют выделить: законодательную конкретизацию базовых категорий и процедур; развитие внутреннего методического регулирования выявления и раскрытия ситуаций конфликта интересов; усиление кадровой и организационной составляющей профилактики; использование цифровых инструментов для аналитической поддержки оценки рисков.

Наконец, важный итог сопоставления источников состоит в том, что они не сводят профилактику конфликта интересов только к репрессивному реагированию. Напротив, в центре внимания находятся раннее выявление, типологизация ситуаций, внутренние регламенты, качество комиссионной процедуры и кадровая политика — то есть именно те элементы, от которых зависит способность системы работать превентивно, а не постфактум.

Литература

1. <Письмо> Минтруда России от 15.10.2012 N 18-2/10/1-2088 «Об обзоре типовых случаев конфликта интересов на государственной службе Российской Федерации и порядке их урегулирования» (вместе с «Обзором типовых ситуаций конфликта интересов на государственной службе Российской Федерации и порядка их урегулирования») // [электронный ресурс] URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138813/ (дата обращения: 22.02.2026).

2. Панина О. В., Красюкова Н. Л., Харченко К. В. Противодействие конфликту интересов в сфере государственной гражданской службы //Экономика. Налоги. Право. – 2023. – Т. 16. – №. 2. – С. 87-95.

3. Спиридонов Ю. А. Конфликт интересов в системе государственной службы: правовые подходы и проблемы правоприменения //Вестник науки. – 2025. – Т. 3. – №. 6 (87). – С. 800-804.

4. Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О противодействии коррупции» // [электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 22.02.2026).

5. Федеральный закон от 27.07.2004 N 79-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // [электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (дата обращения: 22.02.2026).

6. Кузнецова М. А. К вопросу о фактической необходимости и возможных перспективах дальнейшего научного осмысления, развития теоретико-правового понимания и совершенствования нормативного регулирования легального определения понятия конфликта интересов на государственной гражданской службе //Экономика и социум. – 2022. – №. 10-2 (101). – С. 395-407.

7. Указ Президента РФ от 01.07.2010 N 821 (ред. от 09.07.2025) «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов» (вместе с «Положением о комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов») // [электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102226/ (дата обращения: 22.02.2026).

8. Коваль С. П., Таибова О. Ю., Цветков М. Ю. Актуальные проблемы правового регулирования института конфликта интересов на государственной гражданской службе в Российской Федерации //Вестник Костромского государственного университета. – 2020. – Т. 26. – №. 4. – С. 194-201.

9. Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе, в деятельности организаций: причины, предотвращение, урегулирование : научно-практическое пособие / Т.С. Глазы рин, Т.Л. Козлов, Н.М. Колосова [и др.] ; отв. ред. А.Ф. Ноз драчев. — М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2016. — 224 с. — www.dx.doi.org/10.12737/18874.

10. Еремин С. Г. Меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов в органах публичной власти в Российской Федерации и зарубежных странах //Управленческие науки. – 2022. – Т. 12. – №. 3. – С. 99-105.

11. Кузнецова М. А. К вопросу о фактической необходимости и возможных перспективах дальнейшего научного осмысления, развития теоретико-правового понимания и совершенствования нормативного регулирования легального определения понятия конфликта интересов на государственной гражданской службе //Экономика и социум. – 2022. – №. 10-2 (101). – С. 395-407.

12. Зуденкова С. А. Оценка подходов к выявлению ситуаций, попадающих под понятие конфликт интересов на государственной и муниципальной службе //Финансовая жизнь. – 2022. – №. 3. – С. 43.

13. Боброва Н. А. Конфликт интересов: правоприменение и конфликтология //Правоприменение. – 2021. – Т. 5. – №. 4. – С. 89-99.

14. Чернова О. А., Зеленов М. В. О необходимости совершенствования законодательной регламентации урегулирования конфликта интересов на государственной службе //Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – №. 8. – С. 182-186.

15. Кабанов П. А., Магизов Р. Р. Мониторинг соблюдения требований к лицам, входящим в состав структурных подразделений комиссий по координации работы по противодействию коррупции в субъектах Российской Федерации, выполняющим функции комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов в отношении лиц, замещающих государственные должности субъекта Российской Федерации //Социальное управление. – 2025. – Т. 7. – №. 1. – С. 15-24.

16. Гарифуллина А., Иликеева Ю., Уразова А. Конфликт интересов на государственной службе: проблемы и пути решения //Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2022. – №. 5 (167). – С. 88.

17. Антоновская Е. А., Лаврентьева С. В. Конфликт интересов на государственной службе //Oeconomia et Jus. – 2022. – №. 2. – С. 1-7.

18. Бездольный В. В. Основные этапы и концепция реформирования государственной службы РФ в современных условиях //Вестник Академии права и управления. – 2025. – №. 4 (85). – С. 216-219.

Prevention of conflicts of interest in the public service of the russian federation: law enforcement practice issues and areas for improvement

Nikolaev A.I.
Lomonosov Moscow State University

The article examines the prevention of conflicts of interest in the public service of the Russian Federation through the analysis of statutory regulation, departmental guidelines, and academic literature. It shows that law-enforcement difficulties stem from a combination of conceptual ambiguity in core categories, procedural incompleteness of certain settlement mechanisms, and organizational and кадровая heterogeneity of practice. The paper substantiates improvement measures including legislative clarification of key concepts and procedures, development of internal methodological regulation, strengthening of the personnel and organizational components of prevention, and the use of digital tools for analytical support of corruption risk assessment.

Keywords**:** conflict of interest; public service; corruption prevention; anti-corruption regulation; corruption risks.

References

1. Letter of the Ministry of Labour of Russia dated 15.10.2012 No. 18-2/10/1-2088 “On the review of typical cases of conflict of interest in the public service of the Russian Federation and the procedure for their settlement” (together with the “Review of typical cases of conflict of interest in the public service of the Russian Federation and the procedure for their settlement”) // [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138813/ (accessed: 22.02.2026).
2. Panina O. V., Krasyukova N. L., Kharchenko K. V. Countering conflicts of interest in the sphere of the state civil service // Economics. Taxes. Law. – 2023. – Vol. 16. – No. 2. – pp. 87–95.
3. Spiridonov Yu. A. Conflict of interest in the public service system: legal approaches and problems of law enforcement // Vestnik Nauki. – 2025. – Vol. 3. – No. 6 (87). – pp. 800–804.
4. Federal Law No. 273-FZ of 25.12.2008 (as amended on 28.12.2025) “On Combating Corruption” // [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (accessed: 22.02.2026).
5. Federal Law No. 79-FZ of 27.07.2004 (as amended on 28.12.2025) “On the State Civil Service of the Russian Federation” // [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (accessed: 22.02.2026).
6. Kuznetsova M. A. On the actual necessity and possible prospects for further scholarly reflection, development of theoretical and legal understanding, and improvement of normative regulation of the legal definition of the concept of conflict of interest in the state civil service // Economy and Society. – 2022. – No. 10-2 (101). – pp. 395–407.
7. Decree of the President of the Russian Federation No. 821 of 01.07.2010 (as amended on 09.07.2025) “On commissions for compliance with official conduct requirements of federal civil servants and settlement of conflicts of interest” (together with the “Regulation on commissions for compliance with official conduct requirements of federal civil servants and settlement of conflicts of interest”) // [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102226/ (accessed: 22.02.2026).

8. Koval S. P., Taibova O. Yu., Tsvetkov M. Yu. Current problems of legal regulation of the institution of conflict of interest in the state civil service in the Russian Federation // Vestnik of Kostroma State University. – 2020. – Vol. 26. – No. 4. – pp. 194–201.
9. Conflict of interest in the state and municipal service, and in organizational activities: causes, prevention, settlement: research and practical guide / T. S. Glazyrin, T. L. Kozlov, N. M. Kolosova [et al.]; ed. by A. F. Nozdrachev. – Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; INFRA-M, 2016. – 224 p. – www.dx.doi.org/10.12737/18874.
10. Eremin S. G. Measures for the prevention and settlement of conflicts of interest in public authorities in the Russian Federation and foreign countries // Management Sciences. – 2022. – Vol. 12. – No. 3. – pp. 99–105.
11. Kuznetsova M. A. On the actual necessity and possible prospects for further scholarly reflection, development of theoretical and legal understanding, and improvement of normative regulation of the legal definition of the concept of conflict of interest in the state civil service // Economy and Society. – 2022. – No. 10-2 (101). – pp. 395–407.
12. Zudenkova S. A. Assessment of approaches to identifying situations falling under the concept of conflict of interest in the state and municipal service // Financial Life. – 2022. – No. 3. – p. 43.
13. Bobrova N. A. Conflict of interest: law enforcement and conflictology // Pravoprimenenie (Law Enforcement Review). – 2021. – Vol. 5. – No. 4. – pp. 89–99.
14. Chernova O. A., Zelenov M. V. On the need to improve legislative regulation of conflict-of-interest settlement in the public service // Humanities, Socio-Economic and Social Sciences. – 2023. – No. 8. – pp. 182–186.
15. Kabanov P. A., Magizov R. R. Monitoring compliance with requirements imposed on persons included in structural subdivisions of commissions coordinating anti-corruption efforts in the constituent entities of the Russian Federation and performing the functions of a commission on compliance with official conduct requirements and settlement of conflicts of interest with respect to persons holding public offices of a constituent entity of the Russian Federation // Social Administration. – 2025. – Vol. 7. – No. 1. – pp. 15–24.
16. Garifullina A., Ilikeeva Yu., Urazova A. Conflict of interest in the public service: problems and ways of solution // Economy and Management: Research and Practice Journal. – 2022. – No. 5 (167). – p. 88.
17. Antonovskaya E. A., Lavrentyeva S. V. Conflict of interest in the public service // Oeconomia et Jus. – 2022. – No. 2. – pp. 1–7.
18. Bezdolny V. V. Main stages and concept of reforming the state service of the Russian Federation in modern conditions // Bulletin of the Academy of Law and Administration. – 2025. – No. 4 (85). – pp. 216–219.

Приостановление производства по делу на период медиации по семейным делам в гражданском судопроизводстве - основания, пределы усмотрения суда и гарантии разумного срока

Сафроненко Иван Александрович
адвокат, Москва, advokatsafron@gmail.com

В статье анализируются возможность и пределы применения приостановления производства по гражданскому делу на период медиации по спорам, возникающим из семейных правоотношений. Действующая модель предусматривает отложение судебного разбирательства в целях примирения сторон, включая медиацию, но не допускает приостановление по этому основанию из-за исчерпывающего перечня оснований в статьях 215 и 216 ГПК РФ. Для семейных дел, где конфликт обычно затяжной и затрагивает интересы ребенка, рамки отложения нередко оказываются тактически неудобными и повышают риск злоупотребления процессуальными правами. Предлагается нормативная конструкция дискреционного приостановления на срок до 60 дней при наличии соглашения о проведении процедуры медиации и совместного ходатайства сторон. Формулируются критерии судебного усмотрения и набор процессуальных гарантий, которые позволяют поддержать медиацию и одновременно удержать судопроизводство в пределах разумного срока.

Ключевые слова: медиация; семейные дела; гражданское судопроизводство; приостановление производства; отложение разбирательства; примирительные процедуры; разумный срок; судебное усмотрение; злоупотребление процессуальными правами

Введение

Примирительные процедуры давно перестали быть факультативным элементом гражданского процесса. В ГПК РФ закреплено право суда предлагать сторонам примирение, а также возможность отложить разбирательство в связи с обращением к посреднику, включая медиатора. В результате медиация превратилась в рабочий процессуальный сценарий, а не в абстрактную декларацию.

Семейные дела делают тему примирения особенно чувствительной. Здесь спор почти всегда выходит за рамки правовой конструкции и затрагивает длительные личные отношения. Судебное решение способно формально прекратить брак или определить место жительства ребенка, но оно не гарантирует прекращение внутреннего конфликта сторон.

Государственная политика прямо нацелена на поддержку семейной и демографической повестки и на развитие инструментов, которые снижают конфликтность в семье. В плане мероприятий по реализации первого этапа стратегии семейной и демографической политики на 2026-2030 годы предусмотрена проработка мер, связанных с применением примирительных процедур, включая семейную медиацию и внедрение этих процедур в судебное применение.

Проблема в том, что процессуальная форма паузы под медиацию в семейных делах сейчас сводится к отложению разбирательства. Приостановление производства по делу на период медиации в ГПК РФ отсутствует. Это создает парадокс. Медиация как институт допускается, но процесс не дает ей того режима, который нужен именно семейным переговорам. Суд назначает перенос заседания, а стороны получают ограниченное время и отсутствие ясных правил о последствиях нарушения процессуальных сроков.

Методология исследования основана на формально-юридическом анализе норм ГПК РФ и Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее - Закон о медиации), на сопоставлении правовых последствий отложения и приостановления, а также на оценке рисков злоупотребления процессуальными правами в семейных делах с учетом требований разумного срока судопроизводства.

Цель статьи состоит в том, чтобы показать правовые границы судебного усмотрения в действующей модели. Далее объясняется, почему приостановление ради медиации нельзя легализовать через расширительное толкование. В завершение предлагается управляемая законодательная конструкция, ориентированная на семейные дела.

Отложение и приостановление как процессуальные формы паузы

В гражданском процессе существует несколько механизмов временной паузы, но два из них определяют судьбу медиации. Это отложение судебного разбирательства и приостановление производства по делу. Смысл обоих механизмов для сторон похож, суд как бы берет паузу. Правовые последствия различаются принципиально.

Отложение разбирательства регулируется статьей 169 ГПК РФ. Суд переносит заседание и назначает новую дату. Отложение используется, когда препятствие носит временный характер, например при необходимости истребовать доказательства или при неявке участников. Отдельным основанием выделено примирение сторон. Суд может отложить разбирательство на срок до двух месяцев при обращении к посреднику, включая медиатора или судебного примирителя. При проведении процедуры медиации срок также ограничен 60 днями.

Сам ГПК РФ жестко связывает длительность судебного процесса с календарными сроками. Общий срок рассмотрения гражданских дел в суде первой инстанции составляет два месяца со дня поступления заявления в суд, а у мирового судьи - один месяц со дня принятия заявления к производству (ч. 1 ст. 154 ГПК РФ).

В то же время срок, на который судебное разбирательство было отложено в целях примирения сторон, не включается в сроки рассмотрения дел, установленные этой статьей, но учитывается при определении разумного срока судопроизводства (ч. 4.1 ст. 154 ГПК РФ). Таким образом законодатель признает ценность примирения, но одновременно фиксирует, что примирительная пауза не освобождает суд от общего стандарта разумного времени.

Приостановление производства по делу регулируется главой 17 ГПК РФ. В отличие от отложения, это не перенос заседания, а остановка процессуальных действий. Основания обязательного приостановления перечислены в статье 215 ГПК РФ, основания факультативного - в статье 216 ГПК РФ. Судебная практика исходит из того, что перечень оснований является закрытым и не подлежит расширительному толкованию. Медиация как основание в этих статьях не названа.

Эта разница не только терминологическая. Приостановление автоматически замораживает процессуальные сроки. Статья 110 ГПК РФ прямо указывает, что одновременно с приостановлением производства по делу прекращается течение всех неистекших процессуальных сроков. При отложении такого правила нет.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации указал, что время, истекшее с момента приостановления производства по делу до его возобновления, не включается в срок рассмотрения дела (п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.06.2008 № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции»). При отложении разбирательства такой режим не возникает.

Закон о медиации распространяет процедуру на споры, возникающие из семейных правоотношений, при соблюдении принципов добровольности, равноправия сторон и конфиденциальности. Для суда это означает, что семейная природа спора не является препятствием для проведения медиации. Ограничения возникают тогда, когда предмет спора по закону не может быть урегулирован соглашением сторон либо когда соглашение затронет права и законные интересы третьих лиц или публичные интересы.

Сроки медиации закреплены в Законе о медиации. По общему правилу срок проведения процедуры медиации не должен превышать 180 дней. Если спор уже передан на рассмотрение суда или третейского суда, предельный срок составляет 60 дней (ст. 13 Закона о медиации). Для гражданского процесса это ключевой параметр, потому что переговорная процедура не может держать судебное дело в неопределенном состоянии месяцами.

Сопоставление судебных процессуальных механизмов медиативной паузы показано в таблице 1.

Таблица 1
Сопоставление вариантов судебной паузы для целей медиации

Механизм	Правовая природа	Предельный срок	Влияние на процессуальные сроки	Типичные риски в семейных делах
Отложение разбирательства (ст. 169 ГПК РФ)	Перенос судебного заседания при сохранении движения дела	До 2 месяцев	Период примирительного отложения не включается в срок рассмотрения дела по ст. 154 ГПК РФ, при этом процессуальные сроки в целом не замораживаются автоматически	Имитация переговоров, перенос без реальной работы, давление через неопределенность графика
Приостановление производства (гл. 17 ГПК РФ)	Полная остановка процессуальных действий по делу до устранения обстоятельств	До устранения обстоятельств, указанных в законе	Течение всех неистекших процессуальных сроков прекращается и возобновляется после возобновления производства	Юридически невозможно применить ради медиации без прямой нормы, риск затягивания при слишком широком основании
Перерыв в заседании	Пауза внутри одного судебного заседания	Как правило до 5 дней	Не влияет на общий срок рассмотрения, предназначен для кратких технических действий	Не решает задачу медиации и не создает условий для переговоров

Почему приостановление ради медиации сейчас юридически недоступно

При необходимости прибегнуть к медиации в гражданском судебном процессе, Законодатель формально оставляет суду и сторонам только процедуру отложения. В результате суды пытаются компенсировать дефицит инструмента через активное использование отложений и через неформальные договоренности о графике. Это создает процессуальную неопределенность для участников и может поощрять недобросовестные тактические игры сторон.

При такой конструкции стороны тратят время на формальные заседания, которые нужны только для продления паузы. Суд вынужден держать дело в движении, назначая слушания, даже если стороны заняты переговорами.

Срок отложения ограничен двумя месяцами (ст. 169 ГПК РФ). Для проведения медиации после передачи спора в суд, Закон о медиации устанавливает предельный срок 60 дней (п. 3 ст. 13 Закона о медиации). Практически это означает, что суд и стороны работают в пределах примерно двух месяцев и вынуждены укладываться в жесткий календарь заседаний.

Если переговоры затягиваются, суд либо формально закрывает паузу и переходит к рассмотрению, либо откладывает снова, что превращает процесс в плохо управляемое ожидание.

Почему семейные дела требуют отдельного подхода к процессуальной паузе

Семейные споры отличаются от имущественных конфликтов не только предметом, но и способом развития. Развод, споры о детях, алименты и раздел имущества часто идут параллельно и влияют друг на друга. Стороны одновременно спорят о деньгах, о времени встреч с ребенком и о праве на участие в воспитании. Процессуальные шаги в суде воспринимаются сторонами как элемент борьбы за позицию, а не как нейтральная процедура защиты права.

Закон уже признает необходимость особой паузы в семейной тематике. В делах о расторжении брака суд может

предоставить супругам срок для примирения. Этот срок используется для того, чтобы стороны попытались восстановить отношения или хотя бы договориться о спокойном расставании. Однако срок для примирения в разводе не тождествен медиации. Он часто превращается в пассивное ожидание. Медиация, напротив, предполагает активную работу с конфликтом и с будущими правилами взаимодействия сторон.

В спорах о ребенке важна качественность решения. Быстрое решение при отсутствии конкретизированных детальных договоренностей нередко приводит к устойчивому сопротивлению одной из сторон. Ребенок оказывается в режиме постоянных конфликтов между взрослыми. Медиация в таких делах может дать более исполнимое соглашение о месте жительства, порядке общения и распределении расходов. Но для этого сторонам нужна возможность вести переговоры без риска процессуальных потерь, связанных с назначенными заседаниями и течением процессуальных сроков.

При этом семейные дела наиболее уязвимы к злоупотреблению примирением. Затягивание времени может быть выгодно, если одна из сторон стремится сохранить фактическое положение до вынесения решения. В споре о месте жительства ребенка это может означать удержание ребенка у себя под видом переговоров. В алиментном споре это может быть попыткой отсрочить взыскание или скрыть неучтенные доходы. Поэтому любая модель процессуальной паузы должна быть построена так, чтобы не давать легального прикрытия для сохранения фактического положения, если оно наносит вред ребенку или нарушает права другой стороны.

Еще одна особенность семейных дел состоит в необходимости временных решений. До итогового решения суд может определить временный порядок общения с ребенком, применить обеспечительные меры, запретить определенные действия. Если приостановление будет вводиться до таких мер, оно может закрепить опасное положение. Поэтому модель приостановления ради медиации должна подразумевать приоритет временной защиты и только затем переговорную паузу.

Проект нормы о приостановлении на период семейной медиации

Если исходить из действующей конструкции ГПК РФ, приостановление на период медиации возможно только после внесения прямого основания в статью 216 ГПК РФ. Иначе суд будет вынужден оставаться в модели отложения, со всеми ее ограничениями. Вопрос состоит не в том, нужно ли давать суду такое основание, а в том, как очертить пределы этого основания, чтобы оно работало на примирение сторон, а не на затягивание дела.

Предлагаемое решение закономерно было бы оформить как право суда. Обязательное приостановление может создать инструмент злоупотреблений. А факультативное основание дает суду возможность применять фильтрующие критерии и отсекать ходатайства, направленные только на затягивание. Возможная формулировка нормы может быть следующей: «Суд вправе приостановить производство по делу по совместному ходатайству сторон при наличии соглашения о проведении процедуры медиации по спору, возникшему из семейных правоотношений, на срок не более 60 дней».

Ограничение 60 днями важно по двум причинам. Во-первых, оно согласуется с Законом о медиации, который устанавливает предельный срок медиации после передачи спора на рассмотрение суда. Во-вторых, оно делает меру управляемой для суда и понятной для сторон. Если медиация не принесла результата за этот срок, дело должно вернуться в судебный процесс, иначе пауза превращается в замену судопроизводства переговорами без гарантий.

Критерии судебного усмотрения должны быть закреплены либо в законе, либо в разъяснениях Верховного Суда РФ. При рассмотрении ходатайства суд оценивает добросовестность намерения сторон, наличие признаков реальной процедуры и отсутствие необходимости в срочной защите. В семейных делах суду важно отдельно проверить интересы несовершеннолетних. Также оценивается потребность в обеспечительных мерах и во временном порядке общения с ребенком. Наконец, анализируется риск злоупотребления одной из сторон при затягивании процесса.

Внутри процесса суду нужен минимальный, но объективный набор подтверждений реальности медиации. Для этого достаточно совместного ходатайства, соглашения о проведении медиации, согласия медиатора на ведение процедуры и указания предполагаемого графика. Суду не нужен отчет о содержании переговоров. Иначе будет нарушена конфиденциальность, которая является ядром медиации.

Сфера применения нормы должна быть строго очерчена, чтобы избежать правовой неопределенности. Привязка к спорам из семейных правоотношений решает задачу специализации. При этом в семейной группе есть категории, где соглашение сторон не может заменить публичную оценку суда, например дела об усыновлении. Такое исключение можно оформить через отсылку к делам, где участие прокурора и органа опеки и попечительства является обязательным.

Для судьи важно сформировать понятный текст определения. В нем должно быть указано, что производство приостановлено в связи с проведением процедуры медиации, указан срок приостановления, контрольная дата и порядок возобновления. Определение также должно содержать предупреждение о том, что сторона вправе заявить о прекращении процедуры в любой момент и просить о возобновлении, а при отсутствии сведений к контрольной дате - суд возобновляет производство по собственной инициативе.

Отдельный вопрос касается повторных приостановлений. В модели отложения суд теоретически может откладывать разбирательство несколько раз, пока соблюдается предел двух месяцев, установленный статьей 169 ГПК РФ. В модели приостановления повторяемость должна быть прямо ограничена, иначе новая норма может стать системным инструментом необоснованной задержки рассмотрения дела.

Гарантии разумного срока и защита от злоупотреблений

Любая новая процессуальная пауза должна быть встроена в стандарт разумного срока судопроизводства.

Закон уже фиксирует важное разграничение. Срок, на который судебное разбирательство было отложено в целях примирения сторон, не включается в сроки рассмотрения дел, но учитывается при определении разумного срока судопроизводства (ч. 4.1 ст. 154 ГПК РФ). Такое регулирование исключает использование примирения как безусловного оправдания затягивания, поскольку вопрос разумного срока остается под контролем.

Для приостановления на период медиации логично закрепить аналогичный подход. Даже если период приостановления не включается в процессуальный срок рассмотрения дела, он остается частью общего времени судебной защиты и должен оцениваться через разумный срок. Иначе процедура медиации может превратиться в технологию затягивания процесса, особенно в семейных спорах, где конфликт способен длиться достаточно долго.

Гарантии предлагается сформулировать как обязательные элементы определения суда о приостановлении производства по делу. Суд фиксирует срок приостановления, контрольную дату возобновления и обязанность сторон сообщить о прекращении медиации. Суд также указывает, что при отсутствии сведений о ходе процедуры к контрольной дате производство возобновляется автоматически. Такой механизм не требует раскрывать содержание переговоров и одновременно не позволяет держать дело на паузе бесконечно.

Отдельного внимания требует проблема повторяемости. Разумно установить запрет повторного приостановления по основанию медиации в том же деле, кроме случая, когда стороны представят доказательства того, что процедура реально началась, дала существенный прогресс и ее завершение требует короткого дополнительного периода.

Семейные дела требуют и еще одного ограничителя. При наличии угрозы причинения вреда ребенку или признаков домашнего насилия приостановление ради медиации должно быть исключено. В таких ситуациях переговоры не являются нейтральной площадкой. Они могут усиливать давление и маскировать опасность. Суду нужна возможность отказать в паузе и переходить к решению с применением обеспечительных мер и защитных механизмов.

Дополнительной процессуальной гарантией может быть требование о кратком письменном уведомлении суда о факте начала медиации, без раскрытия содержания. Это уведомление может поступить от сторон или от медиатора, с согласия сторон. Если уведомления нет, суд вправе возобновить производство досрочно. Такой механизм дисциплинирует стороны и снижает количество фиктивных ходатайств.

Для семейных дел полезно закрепить возможность возобновления производства не только по заявлению стороны, но и по инициативе суда при выявлении обстоятельств, требующих срочного вмешательства. Например, если поступила информация о создании угрозы ребенку или о воспрепятствовании общению. Это не позволяет использовать приостановление как средство уклонения от судебного контроля.

Выводы

Действующее процессуальное законодательство допускает медиацию и дает суду инструмент отложения разбирательства ради примирения. При этом оно не допускает приостановление производства по делу на период медиации, потому что перечень оснований приостановления является закрытым.

В семейных делах такая конструкция работает небезупречно. Базовый предел в 60 дней выглядит разумным, поскольку он совпадает с предельным сроком медиации после передачи спора в суд, установленным Законом о медиации. Проблема заключается в том, что отложение не замораживает процессуальные сроки и не дает суду управляемого режима контроля, поэтому стороны часто вынуждены возвращаться к формальным заседаниям вместо реальных переговоров.

Приостановление на период медиации по семейным делам возможно только как точечная поправка к статье 216 ГПК РФ. Эта поправка должна быть факультативной, ограниченной 60 днями и сопровождаться процессуальными гарантиями. Судебное усмотрение должно быть обоснованно и связано с интересами несовершеннолетних, со срочностью защиты и с риском злоупотребления процессуальными правами.

Если такая модель будет принята, она позволит суду поддерживать реальные переговоры, не превращая медиацию в инструмент затягивания. Для семейных дел процедура приостановления для медиации важна, поскольку согласованное сторонами соглашение повышает исполнимость последующего судебного акта и снижает вероятность новых конфликтов.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ). СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 19.02.2026).
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 22.12.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 18.02.2026).
3. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023). СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 01.02.2026).
4. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (ред. от 26.07.2019). СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038 / (дата обращения: 19.02.2026).
5. Федеральный закон от 26.07.2019 № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 24.07.2023). СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329959 / (дата обращения: 15.02.2026).
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.06.2008 № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции». СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_78002/ (дата обращения: 11.02.2026).
7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23.12.2025 № 3999-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по реализации Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных Российских духовно-нравственных ценностей на период до 2036 года». — URL: http://static.government.ru/media/files/F97eQrqZ69i8LtMF46bxjpeFG5Wesvl4.pdf (дата обращения: 04.02.2026).
8. Зубачевская, Яна. Медиативное соглашение в механизме урегулирования имущественных споров между супругами / Яна Зубачевская. - Текст : непосредственный // Молодой ученый. - 2024. - № 19 (518). - С. 151-153.
9. Каминская, К. В. Злоупотребление процессуальными правами при применении примирительных процедур в гражданском процессе / К. В. Каминская. - Текст : непосредственный // Эпомен. - 2021. - № 63. - С. 107-115. - URL: https://epomen.ru/issues/2021/63/12.pdf (дата обращения: 16.01.2026).
10. Мочайлова Елизавета Борисовна Проблемы интеграции медиации в гражданский процесс // StudNet. 2021. №6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-integratsii-mediatsii-v-grazhdanskiy-protsess (дата обращения: 10.02.2026).

11. Шибанова, С. А. Примирительные процедуры в гражданском процессе / С. А. Шибанова. - Текст : непосредственный // Молодой ученый. - 2022. - № 24 (419). - С. 294-297.

12. Инновационные социально-психологические и социально-реабилитационные технологии: от теории к практике : материалы III Междунар. науч.-практ. фестиваля, 21 марта 2025 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Н. Н. Красовская (гл. ред.), Т. В. Тратинко. – Минск : БГУ, 2025. – С. 90-97.

Suspension of proceedings during mediation in family matters in civil proceedings - grounds, limits of the court's discretion and guarantees of a reasonable time

Safronenko I.A.

This article analyzes the feasibility and limitations of suspending civil proceedings during mediation in disputes arising from family law. The current model allows for the postponement of court proceedings for the purpose of reconciliation between the parties, including mediation, but does not permit a stay on this basis due to the exhaustive list of grounds in Articles 215 and 216 of the Russian Civil Procedure Code. For family cases, where the conflict is typically protracted and affects the interests of a child, the scope of the stay is often tactically inconvenient and increases the risk of abuse of procedural rights. A regulatory framework for a discretionary stay of up to 60 days is proposed, provided there is an agreement to conduct mediation and a joint motion by the parties. Criteria for judicial discretion and a set of procedural guarantees are formulated that support mediation while simultaneously keeping the proceedings within a reasonable time.

Keywords: mediation; family disputes; civil procedure; stay of proceedings; adjournment; conciliation procedures; reasonable time; judicial discretion; abuse of procedural rights

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 No. 6-FKZ, of 30.12.2008 No. 7-FKZ, of 05.02.2014 No. 2-FKZ, of 01.07.2020 No. 11-FKZ). SPS "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (date of access: 19.02.2026). 2. Civil Procedure Code of the Russian Federation. Federal Law of November 14, 2002, No. 138-FZ (as amended on December 15, 2025, as amended on December 22, 2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (accessed on February 18, 2026).
3. Family Code of the Russian Federation: Federal Law of December 29, 1995, No. 223-FZ (as amended on July 31, 2023). SPS "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (accessed on February 1, 2026). 4. Federal Law of July 27, 2010 No. 193-FZ "On the Alternative Dispute Resolution Procedure with the Participation of a Mediator (Mediation Procedure)" (as amended on July 26, 2019). SPS "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (accessed on February 19, 2026).
5. Federal Law of July 26, 2019 No. 197-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (as amended on July 24, 2023). SPS "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329959/ (accessed: 15.02.2026).
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 26.06.2008 No. 13 "On the Application of the Norms of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in the Consideration and Resolution of Cases in the Court of First Instance". SPS "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_78002/ (accessed: 11.02.2026).
7. Order of the Government of the Russian Federation of 23.12.2025 No. 3999-r "On Approval of the Action Plan ("Roadmap") for the Implementation of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values for the Period through 2036". — URL: http://static.government.ru/media/files/F97eQrqZ69i8LtMF46bxjpeFG5Wesvl4.pdf (date accessed: 04.02.2026).
8. Zubachevskaya, Yana. Mediation agreement in the mechanism of settling property disputes between spouses / Yana Zubachevskaya. - Text: direct // Young scientist. - 2024. - No. 19 (518). - P. 151-153.
9. Kaminskaya, K. V. Abuse of procedural rights in the application of conciliation procedures in civil proceedings / K. V. Kaminskaya. - Text: direct // Epomen. - 2021. - No. 63. - P. 107-115. - URL: https://epomen.ru/issues/2021/63/12.pdf (date of access: 16.01.2026).
10. Mochaylova Elizaveta Borisovna Problems of integrating mediation into civil proceedings // StudNet. 2021. No. 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-integratsii-mediatsii-v-grazhdanskiy-protsess (date of access: 10.02.2026).
11. Shibanova, S. A. Conciliation procedures in civil proceedings / S. A. Shibanova. - Text: direct // Young scientist. - 2022. - No. 24 (419). - P. 294-297.
12. Innovative socio-psychological and socio-rehabilitation technologies: from theory to practice: Proc. of the III International scientific-practical festival, March 21, 2025 / Belarusian state University; editorial board: N. N. Krasovskaya (editor-in-chief), T. V. Tratinko. – Minsk: BSU, 2025. – Pp. 90-97.

Основные направления развития национальной платежной системы Российской Федерации

Сечина Елена Юрьевна
аспирант, кафедра финансового права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, s2021889@edu.msal.ru

Исследование посвящено актуальным направлениям развития национальной платежной системы России в условиях цифровизации. Новизна работы заключается в комплексном анализе ключевых инфраструктурных проектов и их роли в повышении доступности, безопасности и эффективности платежей, а также в рассмотрении дискуссии вокруг внедрения регуляторных инициатив. Особое внимание уделяется переходу к обязательному приему цифрового рубля с 2026 года и его законодательному закреплению.
Ключевые слова: национальная платежная система, быстрые платежи, цифровой рубль, QR-код, финансовая инфраструктура, Банк России.

Введение

Платежи играют важную роль в экономике, реализуя функции денег как средства платежа и обращения. Платёжные инструменты и инфраструктура постоянно меняются в ответ на изменение потребностей и ожиданий разных групп клиентов: общества, бизнеса и государства. В настоящий момент в эпоху цифровизации центральные банки активно внедряют в платёжные системы новые платёжные инструменты. Это открывает возможности для разработки альтернативных механизмов расчётов.

Возможности новых технологий активно применяются в платежной сфере и позволяют не только соответствовать этим ожиданиям, но и предвосхищать их изменения в будущем. Это приводит к появлению и распространению новых сервисов и продуктов, например, таких как моментальные платежи, цифровые валюты. Их эффективное использование дает важные конкурентные преимущества - спрос со стороны потребителей и поддержку от государства.

Глобальные тренды и регуляторные инициативы такие как открытые финансы, стандарты обеспечения интероперабельности и машинное обучение, также оказывают большое влияние на развитие платежей. Одновременно, они предлагают новые инструменты для решения актуальных задач отрасли, например, для расширения возможностей осуществления трансграничных платежей.

Цель исследования: Выявить и проанализировать основные стратегические направления и инфраструктурные решения, определяющие развитие национальной платежной системы Российской Федерации (далле – НПС РФ), и оценить их влияние на рынок, участников и пользователей.

Методы исследования: Анализ нормативно-правовых актов и отчетов регулятора-Банка России, изучение статистических данных и рыночных показателей, обзор экспертных мнений и зарубежного опыта.

Большинство стран активно содействуют использованию возможностей новых технологий в финансовой сфере. При этом платежи являются одним из ключевых направлений внедрения инноваций. Так, по информации, изложенной в аналитическом докладе Банка России «Цифровизация платежей и внедрение инноваций на платежном рынке», более 100 стран, включая все страны G20, уже запустили или планируют запуск систем быстрых платежей и переход на платежи в режиме 24 на 7, многие страны изучают или проводят пилотирование цифровых национальных валют [1].

На внедрение инноваций в платежную сферу влияют изменения в поведении потребителей, технологические возможности, а также региональная специфика, в том числе сложившаяся структура рынка и политика регуляторов. В фокус внимания центральных банков все чаще попадают вопросы поддержки конкуренции, содействия инновациям и защиты локального рынка. Так, например, для содействия конкуренции в Китае вводят дополнительную отчетность, повышенные требования и надзорные процедуры для компаний, доля которых на финансовом рынке превышает установленные законом пороговые значения [3].

По оценкам зарубежных экспертов [8], Россия входит в список ведущих стран по проникновению финансовых технологий и темпам роста безналичных платежей. Банк

России выступает не только регулятором рынка и оператором платёжной системы, но и создаёт новые элементы платёжной инфраструктуры, а также способствует внедрению инноваций в продукты участников рынка.

Рассмотрим наиболее значимые достижения платежного рынка нашей страны.

Национальная система платежных карт (НСПК) обеспечивает бесперебойную обработку внутрироссийских операций по банковским картам, в том числе международных платежных систем, на всей территории нашей страны. На ее базе организована эмиссия национальных платежных инструментов – карт платежной системы «Мир». Их доля по состоянию на начало третьего квартала 2024 года составляет 61, 4% в общем объеме всех внутрироссийских операций.

Система передачи финансовых сообщений (СПФС) обеспечивает гарантированное и бесперебойное оказание услуг по передаче финансовых сообщений и основа на единых принципах и правилах обмена финансовыми сообщениями [4]. В настоящее время к СПФС подключилось порядка 550 организаций, в их числе боле 150 нерезидентов из 20 стран.

Система быстрых платежей (СБП) предоставляет пользователям возможность осуществлять переводы средств на счета клиентов других банков, используя только номер мобильного телефона, при этом доступная 24 часа в сутки, 7 дней в неделю и 365 дней в году. Также с помощью СБП можно оплачивать товары и услуги. Благодаря своему удобству и простоте использования, СБП быстро стала популярной среди пользователей: каждый второй житель России использует систему для перевода средств, а каждый третий - для оплаты покупок в магазинах. Система делает финансовые операции более доступными и быстрыми, что способствует её развитию и широкому применению в повседневной жизни граждан. В III квартале 2024 года в СБП было совершено 2,5 млрд переводов на сумму 17,7 трлн рублей [1].

Более того, Банк России стремится обеспечить удобные и доступные платежные услуги для всех категорий лиц. В опубликованном Банком России докладе сказано, что он продолжит улучшать правовые условия для развития платежных сервисов и услуг, способствуя формированию конкурентного и технологичного платежного рынка.

В целях содействия развитию платежных технологий и сервисов в России активно идет внедрение универсального QR-кода, что, по мнению регулятора и АО «НСПК», улучшит клиентский опыт и предоставит потребителям возможность самостоятельно выбирать удобный способ платежа, будь то СБП, платежный сервис банка или другой [6]. По оценкам экспертов, решение позволяет ускорить процесс оплаты, снизить издержки и повысить удобство для клиентов. Уже с 1 сентября 2026 года на банки будет распространяться обязанность по предоставлению пользователям реквизитов перевода или ссылки на них через универсальный платежный QR-код [2].

Стоит отметить, что не все участники платежного рынка восприняли данное нововведение как позитивный момент. Так, Председатель совета директоров ПАО «Сбербанк» Герман Греф при поддержке АО «ТБАНК» и АО «АЛЬФА-БАНК» как альтернативу универсальному QR-коду Сбер предлагал свою технологию MultiQR, которая уже использовалась в приложениях других банков. По его мнению, внедрение уни-QR на равных условиях для всех участников рынка, может помешать развитию инноваций [5]. Центральный банк же считает, что вышеописанное нововведение упорядочит процесс оплаты товаров и услуг в интересах покупателей. По нашему мнению, внедрение единого QR-кода, который будет работать через НСПК, усилит конкуренцию и позволит малым банкам снизить зависимость от крупных игроков.

1 сентября 2026 станет для банков важным этапом не только в связи с обязанностью поддержать уни-QR. С этой даты крупнейшие банки и продавцы – клиенты этих банков с годовой выручкой более 120 млн рублей будут обязаны принимать цифровые рубли [2]. Внедрение цифрового рубля будет происходить поэтапно. В соответствии с Федеральный закон от 23 июля 2025 г. N 248-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" обязанность принимать цифровые рубли будет распространяться с 1.09.2027 на банки с универсальной лицензией и предприятия с выручкой от 30 млн рублей; с 1.09.2028 – на остальные банки вне зависимости от их типа лицензии и предприятия с выручкой 20 млн рублей.

Цифровой рубль определяется как цифровая форма российской национальной валюты, предназначенная для использования наряду с наличными и безналичными рублями; один наличный рубль равен одному безналичному и одному цифровому рублю [7]. С точки зрения гражданского законодательства цифровой рубль отнесен к безналичным денежным средствам. Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» внес изменения в Гражданский кодекс Российской Федерации, прямо закрепив, что цифровые рубли относятся к безналичным денежным средствам, а расчеты цифровыми рублями осуществляются на платформе цифрового рубля. Цифровой рубль позволит сделать платежи более быстрыми, безопасными и прозрачными, снизить комиссии за переводы, а также предоставит государству инструменты для контроля за целевым расходованием бюджетных средств.

Результаты

Определены ключевые достижения НПС РФ (доминирование карт «Мир», масштабирование СБП, внедрение СПФС), раскрыты цели и этапы внедрения цифрового рубля и универсального QR-кода. Выявлены позитивные эффекты (рост доступности, конкуренции, прозрачности) и неоднозначная реакция рынка на некоторые инициативы регулятора.

Заключение

Таким образом, национальная платежная инфраструктура, разработанная Банком России, представляет собой надежную и открытую систему, доступную для всех банков. За счет стабильного и бесперебойного предоставления платежных услуг, создается атмосфера доверия к современным инструментам платежей и безналичному расчету среди пользователей. Устойчивый рост этого доверия имеет важное значение для дальнейшего развития и эффективного функционирования финансового сектора, что позитивно сказывается на экономике в целом. Таким образом, созданная система способствует не только улучшению взаимодействия между банками и клиентами, но и укреплению финансовой стабильности, что является ключевым аспектом для долгосрочного роста и развития платежной инфраструктуры в стране.

Литература

1. Банк России. Официальный сайт [Электронный ресурс] // URL: https://cbr.ru/ (дата обращения: 29.10.2025).

2. Федеральный закон от 23 июля 2025 г. N 248-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"//Собрание законодательства Российской Федерации, 28 июля 2025 г. N 30 (часть II) ст. 4397.

3. Сахаров А.Г., Шелепов А.В. Политика Китайской Народной Республики в сфере регулирования цифровых

платформ. Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 2.

4. Темирплатов С.Р. Межбанковская система обмена финансовыми сообщениями SWIFT. СПС КонсультантПлюс. 2024.

5. Сбербанк выступил против введения унифицированного платежного QR-кода [Электронный ресурс] // URL: https://www.interfax.ru/business/948118 (дата обращения: 29.12.2025)

6. Акимов А. А. РАЗРАБОТКА ПРИЛОЖЕНИЯ ДЛЯ ОПЛАТЫ УСЛУГ ЧЕРЕЗ QR-КОД // Вестник науки. 2025. №7 (88). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-prilozheniya-dlya-oplaty-uslug-cherez-qr-kod (дата обращения: 11.01.2026).

7. Хромченко М.Д. Платформа цифрового рубля как объект финансово-правового регулирования. Актуальные проблемы российского права. 2024.

8. Digital Payments Global Markets Report // URL: https://www.researchandmarkets.com/reports/5939641/digital-payments-market-report (дата обращения: 29.12.2025).

The main directions of development of the national payment system of the Russian Federation

Sechina E.Yu.
Kutafin Moscow State Law University

The research is devoted to the current directions of development of the national payment system of Russia in the context of digitalization. The novelty of the work lies in a comprehensive analysis of key infrastructure projects and their role in increasing the availability, security and efficiency of payments, as well as in considering the discussion around the implementation of regulatory initiatives. Special attention is being paid to the transition to mandatory acceptance of the digital ruble from 2026 and its legislative consolidation.

Keywords**:** national payment system, fast payments, digital ruble, QR-code, financial infrastructure, Bank of Russia

References

1. Bank of Russia. Official website [Electronic resource] // URL: https://cbr.ru/ (date of access: 29.10.2025).
2. Federal Law of 23 July 2025 N 248-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation, 28 July 2025 N 30 (Part II) Art. 4397.
3. Sakharov A.G., Shelepov A.V. Policy of the People's Republic of China in the Sphere of Regulation of Digital Platforms. Bulletin of International Organizations. 2024. Vol. 19. No. 2.
4. Temirplatov S.R. Interbank Financial Messaging System SWIFT. SPS ConsultantPlus. 2024.
5. Sberbank opposed the introduction of a unified payment QR code [Electronic resource] // URL: https://www.interfax.ru/business/948118 (date accessed: 29.12.2025)
6. Akimov A. A. DEVELOPMENT OF AN APPLICATION FOR PAYMENT FOR SERVICES VIA QR CODE // Science Bulletin. 2025. No. 7 (88). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-prilozheniya-dlya-oplaty-uslug-cherez-qr-kod (date accessed: 11.01.2026).
7. Khromchenko M.D. The digital ruble platform as an object of financial and legal regulation. Current issues of Russian law. 2024.
8. Digital Payments Global Markets Report // URL: https://www.researchandmarkets.com/reports/5939641/digital-payments-market-report (accessed: 29.12.2025).

Платформа «Приразломная»: правовые основы эксплуатации, экологической безопасности, обеспечения бюджетных доходов

Сорокина Елена Владимировна
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева, halens@mail.ru

Актуальность статьи определена развитием Арктики, разработкой Российского Арктического шельфа и правовыми вопросами функционирования единственной нефтедобывающей платформы «Приразломная» в Печорском море. В работе дана правовая характеристика аспектов, вынесенных в заглавие: 1)эксплуатация; 2)соблюдение норм экологической безопасности; 3)обеспечение доходов бюджета. Изучение правовых основ процесса эксплуатации потребовало обращение к нормам Конституции Российской Федерации, федеральных законов, подзаконных актов, международных и отечественных стандартов для предметного рассмотрения положений лицензии на эксплуатацию платформы «Приразломная». Определено, что при разработке Арктического шельфа правовая основа соблюдения норм экологической безопасности базируется на федеральном законодательстве, деятельности контрольно-надзорных органов, в полномочия которых входит проверка соблюдения лицензионных требований; в качестве аргументов используются данные статистики, предоставленные лицензиатом – компанией «Газпром нефть шельф». Правовая основа обеспечения дохода в бюджеты разных уровней раскрывается через нормы Налогового кодекса Российской Федерации, подтверждается сведениями из отчета Контрольно-счетной палаты Санкт-Петербурга. Приведены мнения и рекомендации отечественных исследователей по возможному изменению налогообложения, учитывая актуальные условия глобальных политических, экономических, социальных и экологических вызовов.

Ключевые слова: разработка Арктического шельфа, Арктика, налогообложение, геополитика

Введение. Российский арктический шельф – это стратегически важная территория России, Северного Ледовитого океана, содержащая огромные запасы нефти и газа, а также других полезных ископаемых. Его территория составляет пятую часть мирового шельфа: включает шельфы Баренцева, Карского, моря Лаптевых, Восточно-Сибирского и Чукотского морей. Разработка месторождений и добыча полезных ископаемых невозможна без применения передовых технологий. Известно, что шельф – это затопленное продолжение материка под водой. Платформа «Приразломная» добывает нефть из продуктивных пластов, залегающих в среднем на глубине около 2500 метров (2,5 км), хотя сама платформа находится в мелководной части Печорского моря (глубина 19-20 м), стоя на дне. Скважины бурятся внутри платформы, достигают нефтяного пласта и позволяют добывать нефть нового сорта Arctic Oil (ARCO). Результаты проведенного специалистами анализа показали, что Приразломное месторождение в Печорском море обладает огромными запасами нефти. Этот ресурс может упрочить суверенитет государства, в течение длительного времени обеспечивать доходы бюджета. Данный нефтяной источник располагается под морским дном, что осложняет процесс добычи и требует нестандартного решения. Именно поэтому в 1995 году на АО «ПО «Севмаш» (входит в ОСК) в городе Северодвинске был осуществлен полный цикл строительства платформы «Приразломная». В 2011 году платформа была спущена со стапелей и доставлена на месторождение, где работы по достройке велись до 2013 года. В общей сложности строительство уникального технологического объекта длилось около 18 лет (вследствие перерывов из-за отсутствия финансирования). В ходе строительства платформы «Приразломная» были освоены новые технологии, в том числе специальная технология подводной сварки. Это подтверждает профессионально-компетенционные достижения специалистов АО «ПО «Севмаш», обеспечивающих технологический суверенитет России. До недавних пор «Приразломная» была единственной российской стационарной платформой (в 2014 г. В России была введена в эксплуатацию крупнейшая в мире по массе и объемам добычи среди стационарных платформ «Беркут», расположенная на шельфе острова Сахалин). Тем не менее, именно «Приразломная» является единственной по добыче нефти уникального арктического сорта Arctic Oil (ARCO) на российском арктическом шельфе. Платформа находится в 55 км к северу от посёлка Варандей в Ненецком автономном округе и в 320 км к северо-востоку от города Нарьян-Мар. Уникальность «Приразломной» в том, что впервые в мире добыча углеводородов на арктическом шельфе ведётся со стационарной платформы в сложных условиях дрейфующих ледовых полей. Платформа рассчитана на эксплуатацию в экстремальных природно-климатических условиях, отвечает самым жёстким требованиям безопасности и способна выдержать максимальные ледовые нагрузки.

Правовая основа эксплуатации платформы «Приразломная» имеет комплексный характер. В ст. 9 Конституции Российской Федерации определено, что «природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории… Земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной,

государственной, муниципальной и иных формах собственности»[1]. Из этого следует, что правовая база деятельности, связанной с разработкой недр и добычей углеводородов имеет конституционное основание для формирования нормативно-правового корпуса. Далее, в п. В ст. 72. Конституции Российской Федерации закреплено, что «В совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся: вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами»[1]. Работа платформы «Приразломная», как и освоение одноименного месторождения, базируется на российском законодательстве о недропользовании: ФЗ РФ «О недрах»: «Отношения, связанные с геологическим изучением, разведкой и добычей отдельных видов полезных ископаемых, а также с захоронением в недрах радиоактивных отходов, отходов производства и потребления, регулируются настоящим Законом и другими федеральными законами» – в редакции Федерального закона от 14.07.2022 № 343-ФЗ [2]. Правовая основа была заложена и в Президентских указах 1993 года, в которых напрямую не были переданы права на месторождение «Приразломное», но именно они продолжили формирование правовой основы для освоения недр и недропользования Арктического шельфа[3]. Права на освоение месторождений формировались также через правительственные постановления. Правовая основа реализовалась посредством прохождения нескольких этапов лицензирования, из-за передачи долей в компаниях: «Севморнефтегаз» (позже «Газпром нефть шельф»), включая перераспределение между «Газпромом» и «Газпром нефтью» в 2014 году. В этом же году «Газпром» принял решение о выходе из участия в «Севморнефтегазе» (владельце лицензии), продав 100% долей «Газпром нефти». Это решение послужило правовым основанием для переоформления лицензии на «Газпром нефть» для разработки и добыче ресурсов на месторождении Приразломное. Лицензия в настоящее время переоформлена на дочернее предприятие «Газпром нефть шельф».

Особенностью правовой основы эксплуатации является то, что для таких масштабных шельфовых проектов требуется специальная недропользовательская лицензия: «Разведка и добыча углеводородов на Приразломном месторождении в Печорском море». Это не лицензия на «лом» или «дезинфекцию» (примеры нерелевантных лицензий в выдаче), а лицензия на пользование недрами, выдаваемая в соответствии с законодательством Российской Федерации о недропользовании, что позволяет вести добычу нефти на Арктическом шельфе. Таким образом, работа «Приразломной» базируется на положениях Конституции Российской Федерации, федеральных законах о недрах и экологии, подзаконных актах Президента России и Правительства России, комплексном применении лицензионных соглашений, а также на соблюдении международно-правовых норм, реализуемых через дочернее общество ПАО «Газпром». Этот правовой алгоритм сформировался, начиная с первой половины 90-х гг. XX в., однако специфика развития Арктического региона потребовала правового закрепления, конкретизации концептуальных положений. В 2014 г. Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации был представлен доктринальный подход Арктического права: концепция развития под редакцией Т.Я. Хабриевой [4]. В настоящее время арктическое право существует как наука, учебная дисциплина [5].

Правовая основа соблюдения норм экологической безопасности платформы «Приразломная»

«Приразломная» – первый проект по добыче нефти на российском арктическом шельфе, что налагает повышенные требования к экологической безопасности и технологиям, учитывая чувствительность арктической экосистемы [6]. Проект находится под пристальным вниманием общественности и природоохранных организаций, что стимулирует усиление мер безопасности. Рядом с платформой несут постоянное дежурство ледокольные суда, оборудованные новейшими нефтесборными комплексами. На берегу в районе работы «Приразломной» также размещено оборудование для ликвидации разливов нефти. Подробный план предупреждения и ликвидации возможных разливов нефти (ЛРН) предусматривает различные сценарии развития ситуации и определяет пути решения проблем, закрепленных в лицензионных требованиях.

Правовые основы экологической безопасности платформы «Приразломная» в России базируются на общем природоохранном законодательстве РФ, включая Федеральный закон «Об охране окружающей среды» (№7-ФЗ) [7], водное и земельное законодательство, а также специальные нормы, регулирующие освоение Арктики и морской шельф, включая международные обязательства и требования Минприроды России к объектам нефтегазового комплекса. Это включает требования к оценке воздействия на окружающую среду (ОВОС), разработку планов по предотвращению аварий и ликвидации их последствий, а также регулярное обучение персонала в области экологической безопасности.

Лицензия проекта «Приразломная» содержит требования соблюдать экологические нормы и включает оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС) чрез проведение мероприятий производственного экологического контроля. Критерии экологической безопасности функционирования проекта включают оценку воздействия на окружающую среду (ОВОС) для получения разрешений и снижения негативного влияния, производственный экологический контроль, мониторинг атмосферы, водной среды и другие меры.

Экологический контроль и надзор за соблюдением требований недропользовательской лицензии осуществляют федеральные органы: 1.Федеральная служба по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор), 2. Ростехнадзор, 3. Минприроды России, 4. Росгидромет. Оператор платформы, ООО «Газпром нефть шельф», проводит собственный производственный экологический контроль (ПЭК). Вывод, к которому пришли контрольно-надзорные органы, однозначен: «Платформа «Приразломная» (МЛСП «Приразломная») подчиняется техническим регламентам и стандартам, касающимся морских сооружений и добычи углеводородов» [8]. На уровне проекта строительства платформы была проведена экспертиза на предмет соответствия нормам экологической безопасности. Контрольно-надзорный орган «Росприроднадзор» утвердил положительное заключение государственной экологической экспертизы проекта морской платформы «Приразломная», создаваемой для освоения Приразломного месторождения на шельфе Печорского моря [9]. Таким образом, обеспечение экологической безопасности при работе платформы регулируется комплексом норм, от лицензионных соглашений до экологических стандартов и технических регламентов в рамках российского и международного права. К примеру, согласно аналитико-статистическим данным [10], в 2024 году компания «Газпром» реализовала запланированные мероприятия по охране окружающей среды и достигла корпоративных экологических целей. Особое внимание было уделено энергосбережению и повышению энергоэффективности. В 2024 году компания сэкономила 3,92 млн. т у.т. топливно-энергетических ресурсов: 3,27 млрд. куб. м природного газа, 305,86 млн. кВтч электроэнергии

и 251,92 тыс. Гкал тепловой энергии. Фактический показатель общей экономии на 8% превысил плановый. Суммарная стоимость сэкономленных топливно-энергетических ресурсов составила 13,77 млрд. рублей. Еще одно подтверждение эффективности работы в этом направлении – сокращение выбросов парниковых газов. В 2024 году компания снизила их на 16 млн. т. CO2-эквивалента, или на 14% по сравнению с 2023 годом. Такой результат был достигнут за счет применения при проведении ремонтных работ современных технологий сохранения газа, в том числе мобильных компрессорных станций.

Правовые основы обеспечения бюджетных доходов

Платформа «Приразломная» вносит вклад в доходы бюджета России как первое и единственное месторождение нефти на российском арктическом шельфе, дающее значительные нефтегазовые доходы через налоги и пошлины, которые являются ключевой составляющей федерального бюджета и используются для финансирования трансфертов и формирования Фонда национального благосостояния. Хотя конкретные цифры по «Приразломной» в открытом доступе редки, её значение в стратегическом освоении Арктики и увеличении ресурсной базы огромно, что укрепляет позиции России в мировом энергетическом секторе и обеспечивает бюджетные поступления.

Добываемая нефть облагается НДПИ (налогом на добычу полезных ископаемых), экспортными пошлинами и другими платежами, которые идут преимущественно в федеральный бюджет [11]. Согласно аналитике проекта, ожидаемый доход государства от работы «Приразломной» за весь срок разработки оценивается в 650 млрд. рублей. Заявлено, что проект на шельфе Печорского моря рентабелен даже при низких ценах на нефть.

Налогообложение добычи нефти регулируется Главой 26 Налогового кодекса РФ. Налоговая ставка – специфическая, установлена в рублях за 1 тонну. При этом ставка налога умножается на коэффициент, характеризующий динамику мировых цен на нефть. Полученное произведение уменьшается на величину показателя, характеризующего особенности добычи нефти. Величина данного показателя определяется в порядке, установленном статьей 342.5 НК РФ. Исследователи отмечают, что «более трети доходов бюджета РФ обеспечивает нефтегазовый комплекс, вследствие этого большое влияние на стабильное поступление доходов от данной сферы зависит от ценового фактора» [12]. Налог подлежит уплате в бюджет по месту нахождения каждого участка недр, предоставленного налогоплательщику в пользование [11]. Тем не менее, в настоящее время НДПИ распределяется 83% в федеральный бюджет и 17% в региональные бюджеты. Компания «Газпром нефть шельф», лицензиат эксплуатации «Приразломной», имеет регистрацию в Санкт-Петербурге (Невский проспект, 38/4), что положительно сказывается на доходах бюджета субъекта. «Бюджет Петербурга по итогам 2025 года получил доходы в размере 1,41 трлн. рублей, исполнение составило 100,3%», – об этом рассказала 29 января 2026 г. председатель Комитета финансов Санкт-Петербурга в ходе заседания городского правительства. Прирост по сравнению с прошлым годом составил 4,7% [13]. Налоги обеспечили почти 90% всех поступлений. В абсолютном выражении это 1,247 трлн. рублей, что на 6,4% больше, чем 2024-м. Налог на прибыль организаций составил 26,3% доходов. Светлана Енилина, председатель Комитета финансов Санкт-Петербурга, отметила, что в Петербурге ситуация была гораздо лучше, чем в целом по стране, где наблюдалось снижение на 8,6%. Эти данные подтверждены в отчете Контрольно-счетной палаты Санкт-Петербурга [14].

Также морская ледостойкая стационарная нефтяная платформа «Приразломная» была включена в реестр судов администрации морского порта Нарьян-Мара. Налог на имущество может принести бюджету Ненецкого автономного округа (НАО) до полумиллиарда рублей в год, – сообщил представитель окружной администрации. «В настоящее время идет процедура включения МЛСП в реестр налогоплательщиков НАО, после этого налог на имущество объекта будет перечисляться в окружной бюджет, налоговая ставка может быть установлена в размере до 2,2% стоимости платформы», – отмечает источник[15]. Ненецкий Автономный округ (НАО) является сложносоставным субъектом, формально включен в состав Архангельской области. Финансовая компетенция НАО определена договором с Архангельской областью, в котором зафиксировано распределение налоговых доходов: «по общему правилу поступают в бюджет субъекта Российской Федерации по нормативу 100%, остаются в объеме 25% в бюджете Автономного округа, туда же поступает 50% налога на добычу общераспространенных полезных ископаемых, также в равных долях между бюджетами делится сбор за пользование объектами животного мира, сбор за пользование объектами водных биологических ресурсов, в том числе по внутренним водным объектам, достается бюджету округа в размере 40%» [16].

Платформа работает в режиме, предусматривающем высокие налоги на добычу, при этом точные данные по общему доходу от нее за весь период работы являются закрытой корпоративной информацией.

Заключение

Проведенный анализ правовых основ эксплуатации платформы «Приразломная» отразил, что доктрина Арктического права и дальнейшее его развитие создали правовой институт и сформировали правовые инструменты, позволяющие вести работы на Арктическом шельфе. Также сформировано правовое поле – от конституционного и федерального законодательства, лицензионных соглашений до экологических стандартов и технических регламентов, предоставляющих контрольно-надзорные полномочия органам государственной власти.

Функционирование платформы «Приразломная» обеспечивает регулярные доходы в бюджеты разных уровней в виде налогов на добычу нефти (преимущественно в федеральный бюджет), налога на прибыль компании-лицензиата (в бюджет субъекта), налога на имущество (в бюджет НАО).

Тем не менее, нельзя не согласиться с точкой зрения экономистов, поддерживающих гибкие механизмы налогоисчисления НДПИ, аргументируя тем, что «в условиях того, что большинство природных ископаемых являются невозобновимыми, следовательно, налоговые платежи по НДПИ должны являться регулятором добычи природных ресурсов, их рационального использования, уменьшение пагубного воздействия на окружающую среду, а также проведения природоохранных мероприятий. В этой связи возрастает роль важности и необходимости правильного расчета платежей за добычу, уплаты и предоставления отчетности по использованию природных ресурсов» [12].

Таким образом, «Приразломная», работающая на российском арктическом шельфе являет собой 1)ресурсный актив, содержащий свыше 70 млн. тонн нефти; 2)важный элемент долгосрочной стратегии России по развитию нефтегазового сектора и обеспечению его доходов. «Госрегулирование в этой области в целом (и в функционировании «Приразломной», в частности) представляет собой стратегию развития отраслей до 2050 года» [17]. Как отметил председатель Правительства России, М.В. Мишу-

стин, согласно этой стратегии, предусмотрено достижение таких практических результатов, как 1)повышение социальной справедливости и прозрачности в распределении доходов, полученных от реализации полезных ископаемых; 2)увеличение доходов граждан; 3) улучшение социального благополучия граждан; 4) уменьшение «пропасти» между доходами граждан из разных слоев населения; 5) улучшение демографической ситуации в стане ввиду большей уверенности в стабильном будущем родителей и детей.

Таким образом, платформа «Приразломная» – это важный элемент долгосрочной стратегии России по развитию формирования нефтегазового сектора и обеспечению доходов бюджета, по соблюдению норм экологической безопасности, в рамках правового поля с учетом специфики Арктического права.

Литература

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
2. Федеральный закон Российской Федерации «О недрах». С учетом Федерального закона от 14.07.2022 № 320-ФЗ; федеральных конституционных законов от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ). – http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102014778
3. Указ Президента РФ от 22.12.1993 № 2265 "О гарантиях местного самоуправления в Российской Федерации" https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1749/; Указ Президента РФ от 09.04.1993 № 441 (с изм. от 24.05.1993) "О мерах по упорядочению ценообразования на нефть и продукты ее переработки на 1993 год"; Постановление Правительства РФ № 1227 от 1993 года: Первоначальное решение о передаче прав на разработку месторождения в рамках совместного предприятия с участием "Арктикшельфнефтегаза".
4. Арктическое право: концепция развития / А.И. Абрамова, В.Р. Авхадеев, Л.В. Андриченко и др.; отв. ред. т.я. Хабриева; Институт законодательства и сравнительного правоведения при правительстве российской Федерации. – М.: Ид «Юриспруденция», 2014. – 152 с.
5. Арктическое право: учебник для вузов / отв.ред. П. Н. Бирюков. Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 218 с. (Высшее образование). Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/588084.
6. Интервью с генеральным директором ООО «Газпром флот» Юрием Шамаловым // ГАЗПРОМ. Корпоративный журнал ПАО «Газпром». – 2022, №4. – С. 32-36. – https://www.gazprom.ru/f/posts/24/800589/gazprom-magazine-2022-4.pdf.
7. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 N 7-ФЗ (последняя редакция). – https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/.
8. Морская ледостойкая платформа «Приразломная» прошла очередное освидетельствование РС. 30 декабря 2025. – https://portnews.ru/news/386428/#:~:text=%.
9. Росприроднадзор утвердил положительное заключение государственной экологической экспертизы проекта морской платформы «Приразломная» https://www.ecoindustry.ru/news/view/19374.html.
10. Геологоразведка // Газпром. 2024-4.pdf С.5-6. – https://www.gazprom.ru/f/posts/14/686842/gazprom-magazine-2024-4.pdf.
11. НДПИ как федеральный налог в основном поступает в федеральный бюджет, а некоторые его части – в бюджеты субъектов РФ и муниципалитетов. – https://www.nalog.gov.ru/rn77/taxation/taxes/ndpi/.
12. Левшукова О.А., Пономаренко А.В., Тараненко Д.В. «Роль НДПИ в формировании государственного бюджета Российской Федерации» // Вестник Академии знаний №44 (3). – 2021. – С. 284-287.
13. Бюджет Петербурга по итогам 2025 года получил доходы в размере 1,41 трлн. рублей, исполнение составило 100,3%.– https://www.fontanka.ru/2026/01/29/76239034/.
14. Информация об исполнении бюджета Санкт-Петербурга за 2024 год. – https://ksp.org.ru/upload/iblock/db6/0jwb1cfvxlpdgn899a1fmdcnauz8jxcb.pdf
15. Нефтеплатформа «Приразломная» может принести бюджету НАО до 500 млн. руб. в год // Электронный журнал «Oil.Эксперт». – https://www.oilexp.ru/print_post.php?src=70472.
16. Штерн С.М. «Особенности финансовой компетенции сложносоставных субъектов Российской Федерации» // «Актуальные проблемы российского права». – 2025. – № 4. – https://www.consultant.ru/law/podborki/raspredelenie_ndpi_po_byudzhetam/
17. «Штормы «острову» нипочем» / «Санкт-Петербургские ведомости». – № 74 (7896) от 24.04.2025. – https://spbvedomosti.ru/news/beregite-prirodu/shtormy-ostrovu-nipochyem-novosti-geologii-24-aprelya-2025/.

The Prirazlomnaya Platform: Legal Frameworks for Operation, Environmental Safety, and Budget Revenue

Sorokina E.V.

Russian State University of Justice, North-Western Branch

The relevance of the article is determined by the development of the Arctic, the development of the Russian Arctic shelf, and the legal issues surrounding the operation of the only oil-producing platform, Prirazlomnaya, in the Pechora Sea. The article provides a legal analysis of the aspects mentioned in the title: 1) operation; 2) compliance with environmental safety standards; and 3) ensuring budget revenues. The study of the legal framework for the operation process required reference to the Constitution of the Russian Federation, federal laws, regulations, international standards, and domestic standards in order to comprehensively examine the provisions of the license for the operation of the Prirazlomnaya platform. It has been determined that the legal basis for compliance with environmental safety standards during the development of the Arctic shelf is based on federal legislation and the activities of control and supervisory bodies, which have the authority to verify compliance with licensing requirements. Statistics provided by the licensee, Gazprom Neft Shelf, are used as arguments. The legal basis for ensuring revenue in budgets at various levels is disclosed through the provisions of the Tax Code of the Russian Federation, as confirmed by the report of the Control and Accounts Chamber of St. Petersburg. The article presents the opinions and recommendations of domestic researchers on possible changes in taxation, taking into account the current global political, economic, social, and environmental challenges.

Keywords: Arctic shelf development, Arctic, taxation, geopolitics

References

1. "Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). - https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
2. Federal Law of the Russian Federation "On Subsoils". Subject to Federal Law No. 320-FZ of 07/14/2022; Federal Constitutional Laws No. 5-FKZ of 10/04/2022, No. 6-FKZ of 10/04/2022, No. 7-FKZ of 10/04/2022, No. 8-FKZ of 10/04/2022). – http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102014778
3. Decree of the President of the Russian Federation No. 2265 dated December 22, 1993, "On Guarantees of Local Self-Government in the Russian Federation" https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1749/; Decree of the President of the Russian Federation No. 441 dated April 9, 1993 (with amendments. dated May 24, 1993) "On Measures to Streamline the Pricing of Oil and Its Refining Products for 1993"; Government Decree No. 1227 dated 1993: Initial decision to transfer the rights to develop the field as part of a joint venture with Arctic Shelfneftegaz.
4. Arctic Law: Development Concept / A.I. Abramova, V.R. Avkhaideev, L.V. Andrichenko, et al.; edited by T.Ya. Khabrieva; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Moscow: Yurisprudentsiya, 2014. 152 p.
5. Arctic Law: Textbook for Universities / Ed. by P. N. Biryukov. Moscow: Yurayt Publishing House, 2026. – 218 p. (Higher Education). Text: electronic // Yurayt Educational Platform [website]. – URL: https://urait.ru/bcode/588084.

6. Interview with Yuri Shamalov, General Director of Gazprom Fleet LLC // GAZPROM. Corporate Magazine of Gazprom PJSC. – 2022, No. 4. – Pp. 32-36. – https://www.gazprom.ru/f/posts/24/800589/gazprom-magazine-2022-4.pdf.
7. Federal Law "On Environmental Protection" dated January 10, 2002, No. 7-FZ (latest edition). – https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/.
8. The Prirazlomnaya ice-resistant offshore platform underwent another inspection by RS. on December 30, 2025. – https://portnews.ru/news/386428/#:~:text=%.
9. Rosprirodnadzor approved a positive conclusion of the state environmental impact assessment of the Prirazlomnaya offshore platform project https://www.ecoindustry.ru/news/view/19374.html.
10. Geological Exploration // Gazprom. 2021-4.pdf, pp. 5-6. https://www.gazprom.ru/f/posts/14/686842/gazprom-magazine-2021-4.pdf.
11. As a federal tax, the mineral extraction tax is mainly collected by the federal budget, and some of its parts are collected by the budgets of the constituent entities of the Russian Federation and municipalities. – https://www.nalog.gov.ru/rn77/taxation/taxes/ndpi/.
12. Levshukova O.A., Ponomarenko A.V., and Taranenko D.V. "The Role of Mineral Extraction Tax in Forming the State Budget of the Russian Federation" // Bulletin of the Academy of Knowledge No. 44 (3). – 2021. – Pp. 284-287.
13. In 2025, St. Petersburg's budget generated revenues of 1.41 trillion rubles. The execution rate was 100.3%. – https://www.fontanka.ru/2026/01/29/76239034/.
14. Information on the execution of the budget of St. Petersburg for 2024. – https://ksp.org.ru/upload/iblock/db6/0jwb1cfvxlpdgn899a1fmdcnauz8jxcb.pdf
15. The oil platform "Prirazlomnaya" can bring up to 500 million rubles to the NANO budget per year // Electronic journal "Oil.Expert". – https://www.oilexp.ru/print_post.php?src=70472.
16. Stern S.M. "Features of the Financial Competence of Complex Subjects of the Russian Federation" // "Actual Problems of Russian Law". – 2025. – No. 4. – https://www.consultant.ru/law/podborki/raspredelenie_ndpi_po_byudzhetam/
17. "Storms don't bother the 'island'" / "Saint Petersburg Vedomosti". - No. 74 (7896) dated April 24, 2025. - https://spbvedomosti.ru/news/beregite-prirodu/shtormy-ostrovu-nipochyem-novosti-geologii-24-aprelya-2025/.

Правовое регулирование инструментов финансовой поддержки проектов развития: на примере деятельности Фонда Развития Промышленности

Сорокина Елена Владимировна
канд.пед.наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, halens@mail.ru

В статье исследуется правовое регулирование инструментов финансовой поддержки проектов развития в деятельности Фонда Развития Промышленности (ФРП) как одного из ключевых ресурсов обеспечения финансового и технологического суверенитета Российской Федерации. Уточнены терминологические границы понятия «суверенитет» на основе научного потенциала правовой мысли. Отмечается, что процессы инвестирования проектов отечественной промышленности в настоящее время имеют многоуровневую правовую основу, включающую федеральное законодательство, подзаконные акты, закрепление в ГИСП посредством сертификации, классификации, закрепления в реестрах особого рода. В статье анализируются механизмы работы инструментария Фонда Развития Промышленности, структуры Фонда, в частности, регионального фонда Архангельской области, в частности, совместные проекты и правовые условия их инвестирования. Находят отражение правовые аспекты, способствующие укреплению импортозамещения, снижению зависимости отечественной промышленности от финансирования экономики зарубежных стран посредством закупок иностранных технологий и капитала.

Ключевые слова: Фонд Развития Промышленности, инструменты финансовой поддержки, КИП, СПИК, инвестиционный проект, импортозамещение.

Введение. В актуальных экономических условиях Россия сталкивается с вызовами, связанными с беспрецедентным санкционным давлением, технологическими ограничениями и необходимостью перехода к самостоятельной устойчивой модели развития. В этих условиях приоритетом государства является финансовый, бюджетный и технологический суверенитет – способности страны самостоятельно развивать критически важные отрасли промышленности, обеспечивать их финансирование и снижать зависимость от иностранных технологий. Суверенитет России закреплен в Конституции Российской Федерации: «распространяется на всю ее территорию», проявляется в верховенстве государственной власти, её полноте и исключительности на своей территории, суверенитет означает независимость государства на международном уровне, самостоятельность в решении внешних вопросов и равноправие с другими субъектами[12].

Терминология. Фундаментальный анализ суверенитета произвел Н.А. Ушаков, сформулировавший вывод о суверенитет как о «верховенстве власти внутри страны и независимости во внешних отношениях». Автор обосновывает суверенитет как юридическое свойство государства, обеспечивающее его самостоятельность и равноправие. Н.А. Ушаков рассматривает суверенитет как основу правовой системы, определяющую компетенцию органов власти и независимость во внешней политике [1. С.6-8]. Понятие экономического суверенитета, его принципы и права рассмотрены в работе Е.Ю. Догадайло. Особое внимание уделено таким аспектам, как «принцип единства экономического пространства; принцип свободного перемещения товаров и услуг; право объединяться в организации производителей первичного сырья для развития своей национальной экономики и достижения стабильного финансирования своего развития и для достижения своих целей, право национализировать, экспроприировать или передавать иностранную собственность» [2. С. 179-183]. Исследование правового регулирования деятельности ФРП и инструментов финансовой поддержки актуализируют признаки укрепления суверенитета, отмеченные в цитируемых источниках.

Результаты исследования. В целях укрепления государственного, технологического, финансового суверенитета в 2014 году для поддержки проектов и производства продукции (в том числе импортозамещенной) отечественными производителями создан Фонд развития промышленности (ФРП). Деятельность Фонда развития промышленности осуществляется в рамках законодательства Российской Федерации и регулируется рядом ключевых нормативно-правовых актов (НПА), которые определяют правовой статус ФРП, инструменты, механизмы финансирования и отчётности. Выделим действующее законодательство, на котором базируется деятельность ФРП:

1. Статья 11 Федерального закона от 31.12.2014 № 488-ФЗ (ред. от 30.11.2024) «О промышленной политике в Российской Федерации» раскрывает деятельность Фонда

[12] "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/2c0a0829d49e2cd602772f82339934e740359951/

развития промышленности, а также регулирующие органы. Определены полномочия и функции учредителя государственного фонда развития промышленности. От имени Российской Федерации эти функции выполняет Правительство РФ, также оно может передать свои полномочия и функции учредителя уполномоченному органу. Наблюдательный совет является высшим органом управления Фонда, имеет организационно-правовую форму автономного учреждения и действует в соответствии со статьёй 11 Федерального закона от 3 ноября 2006 года № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях»[13].

2. Постановление Правительства РФ от 17 декабря 2014 г. № 1388, в котором установлены порядок, цели и условия предоставления субсидий Фонду для стимулирования деятельности в сфере промышленности, финансирования высоких технологий, процессов импортозамещения, повышения производительности труда, уровня автоматизации и цифровизации промышленных предприятий[14].

3. Приказ Минпромторга России от 12 января 2023 года № 28 , в котором утвержден перечень работ, которые выполняют государственные фонды развития промышленности[15].

Инструменты финансовой поддержки проектов развития.

ФРП располагает финансово-правовыми инструментами, которые позволяют предприятиям реализовывать проекты по модернизации, импортозамещению и инновационному развитию. Сложившаяся правовая база стала основанием для формирования ГИСП – Государственная информационная система промышленности, функционирующая на сервере Правительства России, которая включает систему координат для ФРП: реестры организаций «поддержки промышленности», «российской продукции», «отчетность», систему стандартов и др. Фонд правомочен применять финансово-правовые инструменты (инвестировать, кредитовать и др.) в соответствии с закреплением в ГИСП – проектов, производителей, сведений из контрольных органов и пр. Основными направлениями ФРП являются проекты развития, помощь в производстве комплектующих изделий, контроль производительности труда, условия и возможность применения лизинга, специальной маркировки товаров, основанной на соответствии национальным стандартам, реестра производителей. Каждый из указанных аспектов актуализирован на сайте ФРП в соответствии с принципом открытости финансовой информации, касающейся бюджетов всех уровней.

На сайте ФРП отражены результаты финансовой деятельности: 1153 открытых или увеличивших выпуск производств; 2120 выданных займов в 79 регионах; 710, 4 млрд. руб. общая сумма займов. Деятельность фонда активно распространена практически на всей территории России, на региональном уровне (включая новые территории): «Региональные фонды развития промышленности действуют в 87 регионах России, их капитализация превышает 90 млрд. рублей. Более 500 предприятий пришли в ФРП при содействии регфондов»[16].

Финансово-правовой инструментарий ФРП актуализирован в нескольких форматах. Рассмотрим КИП – кластерную инвестиционную программу, результатом действия которой является предоставление льготных кредитов российским промышленным предприятиям для реализации инвестиционных проектов по производству приоритетной продукции. Кредитные организации для получения льготного финансирования выбираются инвесторами самостоятельно. ФРП, являясь оператором КИП, проводит экспертизу представленных проектов, консультирует заемщиков для доработки проектов возможных инвестиций, осуществляет контроль реализации проектов. Необходимо отметить, что инвестиция проекта в форме субсидии через выбранную кредитную организацию также рассматривается ФРП отдельно в части решения вопроса о возможности заключения соглашений с данной кредитной организации. Таким образом, ФРП, используя финансово-правовой инструмент КИП, полномочен рассматривать соответствие как заемщика, так и кредитной организации, для финансовой поддержки в форме кредита (субсидии). В частности, «сумма льготного кредита может составлять не более 80% общей стоимости инвестиционного проекта. В общей стоимости инвестиционного проекта учитываются: инвестиции в размере не более 25% от общей стоимости инвестиционного проекта, осуществленные в проект не ранее 2 лет до даты обращения инвестором в кредитную организацию для получения льготного кредита. В общей стоимости проекта не учитываются: инвестиции (затраты), осуществляемые (осуществленные) за счет бюджетных средств проценты за пользование кредитом по кредитному договору и иным договорам по привлечению заемного финансирования, расходы по обслуживанию долга»[17]. Кластерный подход, актуализируя территориальный и комплексный принципы, укрепляет и стабилизирует конкурентоспособные производства импортозамещения, для которых посредством финансирования из средств ФРП доступны льготные условия софинансирования, в частности, для проектов, связанных с высокотехнологическими разработками.

Эффективным инструментом финансовой поддержки проектов развития является СПИК – специальный инвестиционный контракт, стимулирующий инвестиции в промышленное производство в России. Механизм реализации инвестиционных проектов на основе СПИК был введён Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации»[18]. В 2019 году вступили в силу нормы Закона об улучшении механизма СПИК (Федеральным закон от

[13] Федеральный закон от 31.12.2014 N 488-ФЗ (ред. от 28.12.2025) "О промышленной политике в Российской Федерации"/. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173119/7b14bb83ac4349a88f9466851f32e3b0c68534f9/

[14] Постановление Правительства РФ от 17.12.2014 N 1388 (ред. от 23.10.2024) "Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета субсидий федеральному государственному автономному учреждению "Российский фонд технологического развития" в целях стимулирования деятельности в сфере промышленности"/. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172446/

[15] Приказ Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 12.01.2023 № 28
"Об утверждении перечня работ, услуг, выполняемых, оказываемых государственными фондами развития промышленности, создаваемыми Российской Федерацией, в целях осуществления финансовой поддержки и иных видов поддержки, предусмотренных Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ "О промышленной политике в Российской Федерации" (Зарегистрирован 27.01.2023 № 72158). – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202301270038.

[16] Развивая промышленность – создаем будущее. – URL: https://frprf.ru/.

[17] Кластерная инвестиционная платформа. – URL: https://frprf.ru/navigator-gospodderzhky/kip/.

[18] Федеральный закон от 31.12.2014 N 488-ФЗ (ред. от 28.12.2025) "О промышленной политике в Российской Федерации"/. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173119/7b14bb83ac4349a88f9466851f32e3b0c68534f9/

02.08.2019 № 290-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации»[19]), что позволило объявить о перезапуске концепции – так называемом СПИК 2.0. Суть СПИКа такова: инвестор заключает соглашение с государством, в котором фиксируются обязательства инвестора реализовать инвестиционный проект, а также обязательства государства обеспечить стабильность условий ведения бизнеса и предоставить меры господдержки. Сегодня СПИК представлен в двух вариантах: СПИК 1.0 применяется для инвестиционных проектов по созданию либо модернизации и (или) освоению производства промышленной продукции; СПИК 2.0 применяется для инвестиционных проектов по внедрению или разработке и внедрению современной технологии из утвержденного перечня в целях освоения серийного производства промышленной продукции на основе этой технологии. Возможность заключить СПИК есть у организаций, включенных в реестр фонда (или регионального фонда). Объём инвестиций и продолжительность поддержки СПИК определены так: если стоимость проекта не превышает 50 млрд. руб., то продолжительность его не должна превышать 15 лет; если стоимость проекта больше 50 миллиардов рублей, то продолжительность его не должна превышать 20 лет. При этом отсутствует минимальный объём инвестиций. Необходимо отметить, что СПИК не является обычным инвестированием в проект. До заключения контракта направляется заявка в Минпромторг РФ, далее следует обязательная экспертиза проекта, по итогам заключения контракт может быть заключен. Заключается контракт с четко прописанными условиями, которые должны быть исполнены: создание определенного количества рабочих мест, производство продукции в указанном объеме, выполнение налоговых обязательств и пр. СПИК 2.0 реализуется через формальные аспекты, например, соответствие заявленной продукции или технологии перечню, утвержденному Правительством России, ответ направляется в Минпромторг России. Если решение конкурсной комиссии положительное (имеющее правовое основание и соответствующее критериям), подписывается соглашение.

Заключение СПИК дает право на партнерскую поддержку в виде налоговых льгот (при заключении контракта с государством инвестор может быть полностью освобождён от уплаты налога на прибыль, которая поступает в федеральный бюджет). Региональные власти самостоятельно могут установить льготу по снижению уплаты региональной части налога на прибыль. Кроме налоговых льгот, для организаторов-инвесторов внесение в реестр производителей импортозамещенной продукции гарантирует государственный заказ (в т.ч. получение статуса «Made in Russia» («Сделано в России»).

Фонд развития промышленности для достижения целей использует инструменты финансовой поддержки: КИП, СПИК 1.0, СПИК 2.0, суть которых заключается в 1) предоставлении выгодных условий для финансирования проектов, направленных на создание новых высокотехнологичных продуктов, замещение импорта, 2) лизинг производственного оборудования, 3) финансовую поддержку проектов, направленных на развитие производства, цифровизацию существующих производств, выпуск высокотехнологичной продукции гражданского или двойного назначения предприятиями оборонно-промышленного комплекса, производство компонентов, маркировку товаров и повышение эффективности труда [3. С.129-135].

Актуализация работы механизмов инструментов финансовой поддержки раскрывается в изучении деятельности структурных отделений фонда. Рассмотрим подробнее деятельность регионального отделения Фонда Развития Промышленности Архангельской области[20], предоставляющего льготные займы до 200 млн. руб. Необходимо отметить, что регфонд Архангельской области регулирует поддержку проектов и программ на разных уровнях.

1. Программы регионального уровня на инвестиционные проекты по созданию нового и (или) модернизацию существующего производства промышленной продукции или услуг. Это «Приобретение оборудования», «Промышленные объекты», «Производительность труда», «Промышленность 2025»[21], «Оборотные средства для промышленности». Более подробное рассмотрение программы «Производительность труда 2025» показывает четкие требования к проектно-инвестиционной деятельности: императивы правовой базы, включающей Федеральные законы, соответствие федеральным стандартам производства импортозамещающей продукции, классификации экономической деятельности. Приобретение оборудования для производства предусматривает финансовую поддержку в виде займа, включая стоимость работ и услуг, связанных с доставкой и вводом в эксплуатацию. Однако к оборудованию предъявляются требования в виде его новизны, приобретения в собственность, целевого использования, ориентацию на производство конкретного проектного продукта. Также прописаны ежеквартальные условия погашения займа в соответствии с заключенным договором.

2. Совместные программы осуществляются региональным и федеральным фондами в соотношении 90% (федеральные средства) на 10% (средства регионов), предоставляются займы под 3% и 5% годовых на реализацию проектов по программам: «Проекты развития», «Комплектующие изделия», «Производительность труда»[22], «Проекты лесной промышленности».

3. Федеральные программы, реализующиеся с предоставлением льготных условий финансирования проектов, направленных на разработку новой высокотехнологичной

[19] Там же.

[20] ФРП Архангельская область. – URL: https://cmf29.ru/frp/

[21] Программы регионального уровня: от 5 000 000 ₽ до 50 000 000 ₽ для проектов с бюджетом от 6 250 000 ₽; Ставка: 5%, Срок займа: не более 5 лет. Погашение основного долга по займу (возврат займа) осуществляется ежеквартально равными долями, начиная с пятого квартала с даты заключения договора займа. Приводится описание программы: «Финансовая поддержка промышленных предприятий Архангельской области в виде займа на приобретение нового оборудования, включая стоимость работ и услуг, связанных с доставкой и вводом в эксплуатацию приобретаемого оборудования, конкретизированы требования к заявителю с обязательными соответствиями требованиями Базового стандарта (Стандарт Фонда Развития промышленности Архангельской области "Порядок отбора и финансирования проектов", приложению к приказу Минпромторга России от 28 сентября 2022 г. № 4085 «Об определении совокупности видов экономической деятельности, относящихся к разделу «Обрабатывающие производства» Общероссийского классификатора видов экономической деятельности и к сфере ведения Министерства промышленности и торговли Российской Федерации» (определяется по основному виду деятельности (ОКВЭД)». По информации сайта «Программа «Промышленность 2025». – URL: https://cmf29.ru/frp/programs/promyshlennost-2025/.

[22] В рамках этой программы льготное заёмное финансирование предоставляется для выпуска продукции из реестра национальных проектов по обеспечению технологического лидерства, производства приоритетной продукции гражданского или двойного назначения, средств производства, оборудования и станков, а также на помощь с внедрением программных и технологических решений (цифровизацию) для оптимизации производственных процессов, модернизацию судоремонтных производств, проектов по ремонту продукции станкостроения, энергетического и тяжелого машиностроения. Проекты развития с регфондами. – URL: https://frprf.ru/zaymy-regfondy/proekty-razvitiya-s-rfrp/.

продукции, импортозамещение, лизинг производственного оборудования, станкостроение, цифровизацию действующих производств, выпуск предприятиями ОПК: «Проекты развития», «Комплектующие изделия», «Производительность труда», «Лизинг», «Маркировка товаров»[23], «Автокомпоненты».

Отметим, что программы «Лизинг» и «Маркировка товаров» осуществляется только на уровне федеральных программ. Спецификой программы «Маркировка товаров» являются указанные сумма займа: 5-25 млн ₽; общий бюджет проекта: ≥ 5 млн ₽; срок займа: ≤ 2 лет; процентная ставка 5% годовых. Проекты, реализуемые в этой программе, регламентированы утвержденными Наблюдательным советом Фонда и согласованными Министерством промышленности и торговли Российской Федерации Условиями финансирования проектов по внедрению маркировки товаров[24]. К маркируемым товарам относятся фармацевтические препараты, пищевая продукция, ортопедическая продукция, компьютерные томографы, обеззараживатели воздуха и др.

Наблюдательный совет ФРП возглавляет глава Минпромторга России Антон Алиханов, который, подводя итоги деятельности Фонда за 2025 год, отметил, что в отчетном году ФРП профинансировал 283 новых проекта промышленных предприятий на сумму более 104 млрд рублей. Всего ФРП поддержал около 1850 проектов на общую сумму около 620 млрд. рублей. Более чем по 830 проектам обязательства перед Фондом закрыты, а возвращённые средства превысили 220 млрд. рублей, что подтверждает качество проектов и сбалансированность критериев финансирования. Клиенты ФРП запустили свыше 930 новых производств. За все время работы Фонда его программами воспользовались более 1330 предприятий. В 2025 году наиболее активно финансировались машиностроители (95 проектов), металлообработчики / металлурги (45 проектов) и предприятия химической отрасли (42 проекта)[25].

Заключение. Таким образом, Фонд развития промышленности (ФРП) располагает широким набором инструментов финансовой поддержки для развития процессов импортозамещения, доказывает свою стратегическую значимость как системный элемент укрепления финансового и технологического суверенитета России в актуальных условиях санкционного давления и глобальных вызовов.

Фонд:

обеспечил финансовую независимость промышленности за счёт замещения иностранных кредитов льготными займами внутри страны;

– создал устойчивую экосистему кооперации: синхронизацию с национальными и региональными проектами;

– деятельность Фонда во многом упорядочила систему стандартизации, классификации отечественной импортозамещенной продукции и ее производителей;

– укрепил финансовый и технологический суверенитет через создание правовой основы инвестирования в проекты промышленного производства, систему инструментов финансовой поддержки проектов развития, правовое регулирование замкнутых производственных связей (авиастроение, станкостроение, судостроение, IT-технологии и пр.).

ФРП остаётся ключевым механизмом для достижения национальных целей: к 2030 году – увеличение доли высокотехнологичной продукции в ВВП до 25% и полное импортозамещение в критических отраслях.

Литература

1. Ушаков Н.А. «Суверенитет и его воплощение во внутригосударственном и международном праве»/ Московский журнал международного права. – 1994. – № 2. – С.3-21.

2. Догадайло Е.Ю. Экономический суверенитет Российской Федерации: анализ основных правовых форм реализации на современном этапе // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. – 2018. – Вып. 1. – С. 177-184. – ISSN 2072-8980.

3. Сорокина Е.В. «Импортозамещение: особенности судебной правоприменительной практики в системе современных финансово-правовых отношений» / Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право». – 2025. – №4. – С.129–135.

Legal regulation of financial support instruments for development projects: a case study of the Industrial Development Fund

Sorokina E.V.
Lebedev Russian State University of Justice, Northwest Branch

The article examines the legal regulation of financial support instruments for development projects in the activities of the Industrial Development Fund as one of the key resources for ensuring the financial and technological sovereignty of the Russian Federation. The terminological boundaries of the concept of "sovereignty" are clarified on the basis of the scientific potential of legal thought. It is noted that the processes of investing projects in the domestic industry currently have a multi-level legal framework, including federal legislation, by-laws, and consolidation in GIS through certification, classification, and consolidation in registers of a special kind. The article analyzes the mechanisms of the tools of the Industrial Development Fund, the structure of the Fund, in particular, the regional fund of the Arkhangelsk region, in particular, joint projects and the legal conditions for their investment. The legal aspects that contribute to strengthening import substitution and reducing the dependence of domestic industry on financing the economy of foreign countries through the purchase of foreign technologies and capital are reflected.

Keywords: Industrial Development Fund, financial support instruments, CIP, SPIC, investment project, import substitution.

References

1. Ushakov N.A. "Sovereignty and its implementation in domestic and international law"/ Moscow Journal of International Law. 1994. No. 2. pp.3-21.
2. Dogaddailo E.Y. Economic sovereignty of the Russian Federation: an analysis of the main legal forms of implementation at the present stage // Bulletin of the Tuvan State University. Social sciences and humanities. – 2018. – Issue 1. – pp. 177-184. – ISSN 2072-8980.
3. Sorokina E.V. "Import substitution: features of judicial law enforcement practice in the system of modern financial and legal relations" / Modern science: actual problems of theory and practice. The series "Economics and Law". – 2025. – No. 4. – pp.129-135.

[23] Фонд развития промышленности предоставляет займы под 5% годовых на реализацию проектов, направленных на внедрение передовых технологий, создание новых продуктов или организацию импортозамещающих производств. В рамках этой программы льготное заёмное финансирование предоставляется на целевую закупку оборудования для маркировки широкого перечня товаров от лекарств и косметики до фотоаппаратов и велосипедов. Маркировка товаров. – URL: https://frprf.ru/zaymy/markirovka/.

[24] Условия финансирования проектов по внедрению маркировки товаров. https://bod.frprf.ru/public/documents/usloviya-finansirovaniya-proektov-po-vnedreniyu-markirovki-tovarov.

[25] Антон Алиханов подвёл итоги работы ФРП за 2025 год. – URL: https://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/c7f0be48-7b95-4272-bef0-d1f7708003cf.

Конституционно-правовая модель государственного (муниципального) финансового контроля

Тельян Мишель Алиевна
аспирант ОЧУ ВО «Международный инновационный университет», mishel.c.s@mail.ru

Автор предпринимает попытку разработать конституционно-правовую модель государственного (муниципального) финансового контроля, которая соответствует нынешним реалиям и экономическим условиям, а также осуществить ее комплексное теоретическое описание, синтезирующее нормативные, институциональные, функциональные и процедурные аспекты. Осуществлен анализ характеристик, свойственных отдельным элементам указанной модели. Определено, что ее внедрение в практику потребует системных изменений, прежде всего, принятия специального федерального закона. Сделан вывод о необходимости установления целостности, непротиворечивости и функциональной полноты государственного (муниципального) финансового контроля посредством внедрения разработанной конституционно-правовой модели.
Ключевые слова: конституционно-правовая модель, финансовый контроль, государственный (муниципальный) контроль, субъекты и объекты контроля, система государственного финансового контроля, категории, поэтапность, иерархия

Конституционные нормы создают фундаментальную правовую основу, закрепляя такие ключевые принципы, как верховенство закона, разделение властей, гарантии прав и свобод и прочие. Именно в рамках конституционных установок формируется сложная, многоуровневая система государственного контроля, пронизывающая все сферы публичного управления. Эффективный государственный контроль на этапе мобилизации доходов напрямую определяет финансовые возможности государства по выполнению своих социальных и экономических обязательств.

Полноценная система финансового контроля, направленная на достижение общей цели устойчивого и легитимного финансово-экономического развития, предполагает слаженное взаимодействие двух его видов: государственного (муниципального) финансового контроля и негосударственного финансового контроля [1].

Специфика государственного (муниципального) финансового контроля проявляется в его властно-распорядительном характере и публично-правовых целях, обеспечивая законность, целесообразность, эффективность и экономность формирования, распределения и использования публичных финансовых фондов (бюджетов всех уровней и государственных внебюджетных фондов).

Однако существует ряд проблем, которые нарушают единство и целостность системы, в особенности организационная и функциональная обособленность субъектов финансового контроля, приводящая к разобщенности и отсутствию единого управленческого и информационного пространства [2]. Фрагментарность органов финансового контроля и несовершенство нормативной базы препятствуют эффективности государственного управления в целом.

Предположительно, причина проблемы кроется в разнородности и противоречивости принципов, которые образуют фундамент государственного (муниципального) финансового контроля. Это, в свою очередь, приводит к несогласованности субъектов контроля, дублированию их деятельности, ослаблению финансовой дисциплины и прочим негативным последствиям. На фоне глобализации и перераспределения сил в мировой экономике, устранение обозначенного внутригосударственного пробела кажется своевременным и актуальным вопросом.

В настоящем исследовании автор, опираясь на базовые конституционные принципы и нормы права, предпринимает попытку разработать конституционно-правовую модель государственного (муниципального) финансового контроля, которая в перспективе может послужить законодателю вспомогательным инструментом правового регулирования.

Для достижения указанной цели применены методы обобщения, анализа и синтеза нормативной правовой базы, научных материалов и информационных данных обозначенной сферы исследования.

Объектом изучения определены конституционно-правовые отношения, возникающие в процессе осуществления государственного (муниципального) финансового контроля.

Предметом исследования выступает государственный (муниципальный) финансовый контроль как многоуровневая и всесторонняя система, направленная на обеспече-

ние законности, эффективности и целевого использования государственных (муниципальных) средств Российской Федерации [3, с. 109-111].

Цель исследования состоит в разработке теоретической конституционно-правовой модели государственного (муниципального) финансового контроля с перспективой ее дальнейшего интегрирования в законодательство Российской Федерации.

В юридической науке существует подход, согласно которому модель трактуется как системное описание, которое в обязательном порядке содержит характеристику конкретных элементов, являющимися составными частями единой структуры и формируют основу изучаемого объекта, процесса или явления из сферы государственно-правовой действительности [4, с. 126]. Таким образом, правовая модель представляет собой не простое перечисление, а упорядоченную систему взаимосвязанных компонентов, описание которой позволяет понять природу, строение и функционирование рассматриваемого правового феномена. Некоторые авторы обозначают правовую модель «как прогнозируемый, создаваемый в результате абстракции вариант оптимального правового регулирования, выражающий внутреннюю структуру сложного явления» [5, с. 126].

Разрабатываемая автором конституционно-правовая модель государственного (муниципального) финансового контроля представляет собой целостную теоретическую конструкцию, состоящую из взаимосвязанных элементов, интегрирующую нормативные предписания, принципы, субъектный состав, объекты, формы, методы и процедуры контроля в единый, логически непротиворечивый механизм (Таб. 1). Фундаментом служат конституционные положения, закрепляющие основы бюджетного федерализма, разграничение предметов ведения и полномочий, а также гарантирующие принципы законности, гласности и эффективности использования публичных финансов.

Таблица 1
Конституционно-правовая модель государственного (муниципального) финансового контроля

Конституционно-правовая модель государственного (муниципального) финансового контроля			
№	Элемент модели	Составляющая элемента	Примечание
1.	Конституционно-правовые принципы	· общеправовые (конституционные) принципы · организационно-функциональные принципы · процессуальные (методические) принципы · принципы взаимодействия и координации	разделение принципов по ключевым категориям поможет структурировать понимание совокупности принципов государственного (муниципального) финансового контроля
2.	Иерархичная система субъектов	1. федеральный уровень 2. региональный (уровень субъектов РФ) 3. муниципальный уровень 4. местный (муниципальные формируют в пределах своих полномочий собственные органы финансового контроля)	модель состоит из четкой четырехуровневой иерархии с разграничением функций внешнего и внутреннего контроля, в основе которых заложены конституционно-правовые принципы
5.	Объекты и предмет	Объяты контроля: · конкретные субъекты правоотношений (юр.лица, гос.учреждения и пр.) · конкретная область финансовой деятельности субъектов правоотношений Предмет контроля: · процессы образования и использования денежных фондов · финансовые операции · финансовая документация · соответствие финансовой деятельности нормам права и бюджетному законодательству · соблюдение финансовой дисциплины и законодательства · проверка законности, целесообразности, обоснованности, эффективности использования средств и выполнение запланированных финансовых показателей и пр.	Объектами контроля являются конкретные субъекты и их финансовая деятельность. Предмет зависит от объекта контроля и заданной цели.
6.	Правовые формы и методы контрольной деятельности	Формы контроля: · предварительный · текущий · последующий Методы контроля: проверки (документальные и выездные), ревизии, обследования, анализ, мониторинг, экспертиза и пр.	Каждая форма применяется на соответствующей стадии бюджетного процесса. Методы включают комплекс взаимосвязанных действий. Модель устанавливает критерии выбора методов в зависимости от целей и объекта контроля, основываясь на риск-ориентированном подходе
7.	Регламентация контрольного процесса	Поэтапная последовательность действий: 1. планирование контрольных мероприятий на основе оценки рисков 2. их подготовка и назначение 3. непосредственное проведение с составлением рабочих документов 4. систематизация результатов 5. оформление акта, заключения или иного документа 6. представление результатов контрольному органу для утверждения 7. направление обязательных для рассмотрения представлений, предписаний или уведомлений проверенным субъектам правоотношений 8. контроль за исполнением вынесенных решений и принятием мер по устранению нарушений	Особое внимание уделяется стандартизации данных процедур для обеспечения единства методологии
8.	Система правовых механизмов, мер и гарантий осуществления и эффективности	· механизмы реализации результатов контроля · восстановительные меры, которые направлены на приведение финансово-хозяйственной деятельности в соответствие с законодательством · меры принуждения · меры дисциплинарной, административной, уголовной ответственности виновных лиц · меры оперативного характера (приостановление операций по счетам в банках, арест имущества, блокировка расходов по бюджетной смете и пр.)	Гарантиями эффективности модели являются установление требований к профессиональной квалификации сотрудников контрольных органов, обеспечение их независимости законодательными и организационными мерами, создание единой государственной информационной системы для интеграции данных финансового контроля, а также развитие общественного контроля как дополнительного инструмента системы.
Примечание – Составлено автором.			

1. Первым ключевым элементом модели являются конституционно-правовые принципы государственного и муниципального финансового контроля. Для формирования структурированного понимания их совокупности автор предлагает следующее категориальное разделение:

- Общеправовые (конституционные) принципы, которые проистекают из основ конституционного строя и являются обязательными для всех государственных и муниципальных институтов:

· принцип законности, требующий неукоснительного соблюдения норм законодательства как объектами контроля, так и самими контрольными органами;

· принцип федерализма, разграничивающий сферы ведения и полномочия в области финансового контроля между Российской Федерацией, ее субъектами и муниципальными образованиями;

· принцип разделения властей, в рамках которого финансовый контроль является важнейшей функцией, реализуемой как органами исполнительной власти, так и законодательными (представительными) органами, что обеспечивает систему сдержек и противовесов.

• Организационно-функциональные принципы, которые определяют внутреннее построение системы и порядок ее работы:

· принцип системности, предполагающий, что все элементы контроля (субъекты, объекты, методы, процедуры) образуют единый, скоординированный механизм, охватывающий все стадии бюджетного процесса и уровни публичной власти;

· принцип независимости контрольных органов, особенно для органов внешнего государственного и муниципального финансового контроля;

· принцип гласности и прозрачности, обязывающий регулярно информировать общественность и представительные органы о результатах контрольных мероприятий;

· принцип плановости, обеспечивающий упорядоченность контрольной деятельности на основе утвержденных программ;

· принцип разграничения полномочий и предметов ведения между различными контрольными органами, что исключает дублирование их функций и способствует четкому распределению ответственности;

• Принципы, регламентирующие непосредственную контрольную деятельность (процессуальные или методические принципы): принцип объективности и достоверности; принцип всесторонности и полноты; принцип эффективности (результативности и экономичности); принцип документирования (отражение в официальных документах).

• Принципы взаимодействия и координации: принцип координации деятельности контрольных органов; принцип преемственности контроля (результаты предыдущих проверок учитываются в последующей работе); принцип ответственности (не только привлечение к ответственности виновных лиц, а также их финансовая самодисциплина и отчетность перед обществом и представительной властью за результаты своей деятельности).

2. Вторым структурным элементом конституционно-правовой модели выступает система субъектов государственного (муниципального) финансового контроля. Модель предполагает ее четкую уровневую иерархию с разграничением полномочий внешнего и внутреннего контроля (БК РФ ст. 157., 265., 268.1., 269.2.).

1. Федеральный уровень: Счетная палата РФ как высший орган внешнего государственного контроля (ст. 101 Конституции РФ, ст. 1 Федерального закона от 05.04.2013 № 41-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О Счетной палате Российской Федерации»); Федеральное казначейство Российской Федерации (ст. 1 Постановления Правительства РФ от 01.12.2004 № 703 (ред. от 26.11.2025) «О Федеральном казначействе»); Федеральная налоговая служба Российской Федерации (ст. 1 Постановления Правительства РФ от 30.09.2004 № 506 (ред. от 29.05.2025) «Об утверждении Положения о Федеральной налоговой службе»), Федеральная таможенная служба Российской Федерации (ст. 1 Постановления Правительства РФ от 23.04.2021 № 636 (ред. от 27.09.2025) «Об утверждении Положения о Федеральной таможенной службе, внесении изменений в Положение о Министерстве финансов Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации»), Центральный банк Российской Федерации (ст. 1 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026)) и пр.

2. Региональный (уровень субъектов РФ) включает контрольно-счетный орган субъекта и органы внутреннего финансового контроля исполнительной власти региона (ст. 1-8 Федерального закона «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации, федеральных территорий и муниципальных образований» от 07.02.2011 № 6-ФЗ)

3. На муниципальном уровне действуют контрольно-счетные органы муниципальных образований и структурные подразделения местных администраций, ответственные за внутренний финансовый контроль.

4. Местный уровень - иные уполномоченные органы.

Сравнительный анализ муниципальных контрольно-счетных органов России показывает следующее [6].

• Создание контрольно-счетного органа в строгом соответствии с нормами устава муниципального образования (орган непосредственно входит в структуру органов местного самоуправления и, следовательно, обладает статусом органа местного самоуправления). Это правовое качество обуславливает приобретение им двойного статуса: во-первых, статуса конституционно-правового органа, а во-вторых, статуса самостоятельного субъекта конституционно-правовых отношений. Таким образом, контрольно-счетный орган функционирует как полноценный, организационно и юридически обособленный институт публичной власти на муниципальном уровне.

• Устав муниципального образования может содержать базовую норму, включающую контрольно-счетный орган в общую структуру органов местного самоуправления. Однако конкретные процедуры, порядок образования, детализация полномочий и организации деятельности данного органа непосредственно в тексте устава не раскрываются. Законодатель использует отсылочный способ изложения, то есть указывает, что соответствующие вопросы регулируются иным нормативным правовым актом, как правило, решением представительного органа муниципального образования. Это создает правовую ситуацию, при которой конституционно-правовой статус органа производен от детализации в отдельном акте, что может влиять на степень его самостоятельности и устойчивости правового положения.

Таким образом, правовая природа и положение муниципальных контрольно-счетных органов характеризуются значительной вариативностью и внутренней двойственностью. С одной стороны, они создаются как неотъемлемый элемент структуры органов муниципальной власти, что закрепляет за ними формальный статус органа местного самоуправления и конституционно-правового института, а с другой стороны, фактическая степень организационной и функциональной самостоятельности, а также устойчивость правового положения этих органов напрямую зависят от конкретной модели их учреждения, выбранной муниципальным образованием. При этом статус контрольно-счетного органа в значительной мере производный от текущей политической воли депутатского корпуса, что может подвергать его организационную независимость излишнему администрированию и колебаниям.

3. Объекты и предмет государственного (муниципального) финансового контроля.

Объекты представляют собой четко очерченный круг субъектов правоотношений, чья деятельность прямо связана с формированием, распределением и использованием публичных финансовых ресурсов (БК РФ ст. 266.1.).

К ним относятся органы государственной власти и местного самоуправления, государственные внебюджетные фонды, казенные, бюджетные и автономные учреждения, унитарные предприятия, получатели бюджетных средств, государственных гарантий и участники государственных закупок. Контроль за их финансовой деятельностью является обязательным и системным элементом управления публичными финансами.

В современных условиях развитие системы государственного и муниципального финансового контроля характеризуется внедрением риск-ориентированного подхода (ст. 8.1. Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» от 26.12.2008 № 294-ФЗ), цифровизацией контрольной деятельности и усилением внимания к эффективности. Это означает переход от исключительно последующего контроля финансовой отчетности к комплексной оценке экономичности, продуктивности и результативности использования государственных средств. Перспективы развития видятся в дальнейшей интеграции информационных систем, позволяющей осуществлять непрерывный мониторинг финансовых потоков, и в укреплении кооперации между различными контрольными органами для формирования единого контрольного пространства.

Четкое законодательное закрепление круга подконтрольных объектов в ст. 266.1 БК РФ устраняет правовую неопределенность и формирует исчерпывающее правовое поле для деятельности контрольных органов. Данный подход обеспечивает системное покрытие финансовыми проверками всех без исключения звеньев цепи движения бюджетных средств – от главных распорядителей до конечных получателей и исполнителей государственных контрактов. Подобная полнота охвата является фундаментальным условием для достижения стратегических целей финансового контроля, таких как обеспечение законности, эффективности, целевого характера и прозрачности использования средств бюджетной системы.

Предмет государственного (муниципального) финансового контроля представляет собой сложную, системную категорию. В его основу входит динамика денежных фондов — от момента их формирования в результате мобилизации доходов до конечного этапа целевого расходования, что обеспечивает непрерывность контроля на всех стадиях бюджетного процесса и финансовой деятельности публичного сектора. Центральным объектом пристального внимания контроля являются финансовые операции и сопровождающая их документация. Предмет финансового контроля связывает в единое целое правовые, учетные и управленческие аспекты, определяя вектор направления обеспечения прозрачности, ответственности и результативности работы органов публичной власти и получателей бюджетных средств.

4. Четвертый компонент модели охватывает правовые формы и методы контрольной деятельности. Формы подразделяются на предварительный, текущий и последующий контроль, каждый из которых применяется на соответствующей стадии бюджетного процесса. Методы включают комплекс взаимосвязанных действий: проверки (документальные и выездные), ревизии, обследования, анализ и мониторинг состояния государственного внутреннего и муниципального долга, анализ и экспертизу проектов бюджетов и нормативных правовых актов, санкционирование бюджетных расходов (казначейское сопровождение).

Модель устанавливает критерии выбора методов в зависимости от целей и объекта контроля, основываясь на риск-ориентированном подходе (ст. 12 Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»)

5. Пятым, процедурно-процессуальным элементом можно определить регламентацию контрольного процесса, что подразумевает поэтапную последовательность действий: планирование контрольных мероприятий на основе оценки рисков; их подготовка и назначение; непосредственное проведение с составлением рабочих документов; систематизация результатов, оформление акта, заключения или иного документа; представление результатов контрольному органу для утверждения; направление обязательных для рассмотрения представлений, предписаний или уведомлений проверенным субъектам; контроль за исполнением вынесенных решений и принятием мер по устранению нарушений. Особое внимание уделяется стандартизации данных процедур для обеспечения единства методологии.

6. Шестой, завершающий элемент модели — система правовых последствий и гарантий эффективности, которая включает механизмы реализации результатов контроля: процедуры обязательного рассмотрения представлений контрольных органов законодательными и исполнительными органами власти с установлением четких сроков; меры принуждения (бесспорное взыскание средств, предписания об устранении нарушений); меры дисциплинарной, административной, уголовной ответственности виновных лиц.

К гарантиям эффективности конституционно-правовой модели можно отнести установление требований к профессиональной квалификации сотрудников контрольных органов, обеспечение их независимости законодательными и организационными мерами, создание единой государственной информационной системы для интеграции данных финансового контроля, а также развитие общественного контроля как дополнительного элемента системы.

Подводя итог, можно утверждать, что апробированная в настоящем исследовании конституционно-правовая модель государственного (муниципального) финансового контроля представляет собой комплексное теоретическое описание, синтезирующее нормативные, институциональные, функциональные и процедурные аспекты. Ее внедрение в законодательную практику потребует системных изменений, прежде всего, принятия специального федерального закона, устанавливающего целостность, непротиворечивость и функциональную полноту конституционно-правовой модели государственного (муниципального) финансового контроля.

Литература

1. Лукашов, А.И. Государственный финансовый контроль: современные вызовы и направления совершенствования // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. №1. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennyy-finansovyy-kontrol-sovremennye-vyzovy-i-napravleniya-sovershenstvovaniya (дата обращения: 03.03.2026).

2. Аминат З.А., Султану С.М. Проблемы организации финансового контроля в Российской Федерации // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2025. №1. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-organizatsii-finansovogo-kontrolya-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 02.03.2026).

3. Макарчук Н.В. Основные подходы к разработке правовой модели государственного регулирования цифровой экономики // Право и бизнес № 01/2025, 13.03.2025. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://lawinfo.ru/articles/9503/osnovnye-podxody-k-

razrabotke-pravovoi-modeli-gosudarstvennogo-regulirovaniya-cifrovoi-ekonomiki (дата обращения: 02.03.2026).

4. Понежин, М.Ю., Понежина, Л.Ю. К вопросу о конституционно-правовой сущности государственного финансового контроля в современной России // ЮП. 2017. №3 (82). [Электронный ресурс] Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-konstitutsionno-pravovoy-suschnosti-gosudarstvennogo-finansovogo-kontrolya-v-sovremennoy-rossii (дата обращения: 02.03.2026).

5. Плетников, В.С. Понятие и виды моделей в современной отечественной юриспруденции: теоретико-правовое исследование // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук 2016. Том 16. Вып. 2, с. 121–135.

6. Чуркова, А.А. Правовой статус контрольно-счетного органа муниципального образования // Форум молодых ученых. 2018. №10 (26). [Электронный ресурс] Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-kontrolno-schetnogo-organa-munitsipalnogo-obrazovaniya (дата обращения: 03.03.2026).

Constitutional and legal model of state (municipal) financial control

Telyan M.A.
International Innovation University

The author attempts to develop a constitutional and legal model of state (municipal) financial control that corresponds to current realities and economic conditions, as well as to implement its comprehensive theoretical description synthesizing regulatory, institutional, functional and procedural aspects. The analysis of the characteristics inherent in the individual elements of the specified model has been carried out. It is determined that its implementation in practice will require systemic changes, first of all, the adoption of a special federal law. It is concluded that it is necessary to establish the integrity, consistency and functional completeness of state (municipal) financial control through the implementation of the developed constitutional and legal model.

Keywords**:** constitutional and legal model, financial control, state (municipal) control, subjects and objects of control, system of state financial control, categories, phasing, hierarchy

References

1. Lukashov, A.I. State financial control: current challenges and areas for improvement // Issues of public and municipal management. 2023. No. 1. [Electronic resource] Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennyy-finansovyy-kontrol-sovremennye-vyzovy-i-napravleniya-sovershenstvovaniya (date of access: 03.03.2026).
2. Aminat, Z.A., Sultanu, S.M. Problems of organizing financial control in the Russian Federation // Legal Bulletin of the Dagestan State University. 2025. No. 1. [Electronic resource] Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-organizatsii-finansovogo-kontrolya-v-rossiyskoy-federatsii (date of access: 02.03.2026).
3. Makarchuk N.V. Main approaches to the development of a legal model of state regulation of the digital economy // Law and Business No. 01/2025, 13.03.2025. [Electronic resource] Access mode: https://lawinfo.ru/articles/9503/osnovnye-podxody-k-razrabotke-pravovoi-modeli-gosudarstvennogo-regulirovaniya-cifrovoi-ekonomiki (date of access: 02.03.2026).
4. Ponezhin, M.Yu., Ponezhina, L.Yu. On the Issue of the Constitutional and Legal Essence of State Financial Control in Modern Russia // Juridical Personnel. 2017. No. 3 (82). [Electronic resource] Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-konstitutsionno-pravovoy-suschnosti-gosudarstvennogo-finansovogo-kontrolya-v-sovremennoy-rossii (Accessed: 02.03.2026).
5. Pletnikov, V.S. The Concept and Types of Models in Modern Domestic Jurisprudence: A Theoretical and Legal Study // Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences 2016. Vol. 16. Issue 2, pp. 121–135.
6. Churkova, A.A. Legal Status of the Control and Audit Body of a Municipal Formation // Forum of Young Scientists. 2018. No. 10 (26). [Electronic resource] Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-kontrolno-schetnogo-organa-munitsipalnogo-obrazovaniya (date of access: 03.03.2026).

Правосубъектность гражданско□правового сообщества собственников общего имущества в многоквартирном доме

Яковлев Юрий Сергеевич
аспирант кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева, yys29@mail.ru

В статье исследуется вопрос правосубъектности гражданско-правового сообщества собственников общего имущества в многоквартирном доме. В частности, рассматриваются возникающие в правоприменительной практике проблемы, обусловленные отсутствием правосубъектности у данного объединения лиц, и пути их решения. По результатам критического анализа предложений об императивном учреждении при каждом многоквартирном доме страны юридического лица, а также наделения гражданско-правового сообщества собственников общего имущества в многоквартирном доме отдельными элементами правосубъектности без образования юридического лица, сделан вывод об отсутствии объективной необходимости в столь радикальных изменениях текущей модели правового регулирования анализируемых общественных отношений.
Ключевые слова: правосубъектность, гражданско-правовое сообщество, общее имущество, право собственности, многоквартирный дом.

Нельзя не согласиться с мнением А.В. Егорова о том, что «действующее законодательство в России сосредоточивается на вопросах управления поэтажной собственностью (непосредственное управление, управляющая компания и т.п.). Однако этот вопрос далеко не первичен. Главным является вопрос о том формате, в котором существует гражданско-правовое сообщество собственников»[26].

А. Ананьев указывает, что «важным аспектом института поэтажной собственности является понимание сущности объединения её участников, в частности, ключевым вопросом в данном контексте является вопрос правоспособности такого объединения»[27].

Совокупность собственников общего имущества в многоквартирном доме представляет собой гражданско-правовое сообщество, в котором для решения вопросов владения, пользования и распоряжения общим имуществом в многоквартирном доме применяется юридическая конструкция решения собрания (глава 9.1 ГК РФ). Данная юридическая конструкция используется при принятии решений как органами управления правосубъектных объединений (корпоративных организаций), так и участниками объединений, которые согласно действующему законодательству правосубъектными не являются. Ко второй группе вышеназванных объединений, в частности, относится гражданско-правовое сообщество собственников общего имущества в многоквартирном доме.

Однако данную точку зрения разделяют не все исследователи, например, В.К. Михайлов указывает, что общее собрание собственников помещений в многоквартирном доме фактически обладает признаками субъекта гражданского права, поскольку именно данное объединение лиц участвует в правоотношениях и реализует свои решения непосредственно либо через институт представительства, таким образом фактически обладает признаками юридического лица[28].

С данной точкой зрения не представляется возможным согласиться, поскольку общественные отношения, складывающиеся между собственниками общего имущества в многоквартирном доме, имеют лишь структурную (но не правовую) схожесть с корпоративными отношениями участников корпоративных организаций. В данном случае следует согласиться с Н.Н. Пахомовой, которая называет правоотношения общей долевой собственности «наиболее простой организационно-правовой формой корпоративных отношений, не связанной с созданием юридического лица – корпорации»[29], т.е. субъекта гражданского права.

Также доводы о том, что признание правосубъектности гражданско-правового сообщества собственников общего имущества в многоквартирном доме в ряде случаев является наиболее оптимальным путем решения возникающих на практике проблем[30], не подтверждают наличие

[26] *Егоров А.В.* Поэтажная собственность в России: дорожная карта реформ // Цивилистика. 2023. № 3. С. 30.
[27] *Ананьев А.* Природа отношений между управляющей компанией и членами поэтажной собственности // Цивилистика. 2023. № 3. С. 58.
[28] *Михайлов В.К.* Статус общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме в свете решений Конституционного Суда РФ // Жилищное право. 2009. № 9. С. 39 – 48.
[29] *Пахомова Н.Н.* Цивилистическая теория корпоративных отношений: монография. – Екатеринбург: Налоги и финансовое право, 2005. С. 126.
[30] Критику отсутствия правосубъектности у гражданско-правового сообщества собственников общего имущества в многоквартирном доме, например, см.: *Дроздов И.А.* К вопросу о передаче многоквартирных домов в управление // Закон. 2007. № 6. С. 27; *Юрьева Л.А.* Общее собрание собственников помещений в многоквартирном доме: проблемы правового статуса и реализации отдельных полномочий // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 10. С. 79.

правосубъектности у данного объединения лиц, а, напротив, свидетельствуют об её отсутствии. Таким образом, следует согласиться с мнением А.П. Фокова, что при общей долевой собственности «не создается никакого нового субъекта права ("коллектива"), не происходит ни объединения, ни "смешения" имущества … а возникает лишь множественность субъектов права собственности на одно и то же имущество»[31].

Необходимо указать конкретные правоприменительные проблемы, обусловленные отсутствием правосубъектности объединения собственников общего имущества в многоквартирном доме. Так, например, В.В. Степанов указывает на отсутствие определенности относительно субъектного состава лиц, участвующих в деле об оспаривании решений общих собраний собственников помещений в многоквартирном доме[32]. Данная проблема обусловлена как отсутствием правосубъектности у гражданско-правового сообщества собственников общего имущества в многоквартирном доме[33], так и отсутствием нормативного регулирования по вопросу о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о признании недействительным решения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме.

Согласно ч. 6 ст. 46 ЖК РФ, собственник помещения в многоквартирном доме вправе обжаловать в суд решение, принятое общим собранием собственников помещений в данном доме с нарушением требований данного кодекса, если он не принимал участие в этом собрании или голосовал против принятия такого решения, а также если таким решением нарушены его права и законные интересы.

Изначально правоприменительная практика формировалась исходя из позиции, что надлежащими ответчиками по иску о признании недействительным решения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме являются все собственники помещений в многоквартирном доме[34]. В качестве правового обоснования данного подхода Верховный Суд РФ указывал, что согласно ч. 5 ст. 46 ЖК РФ решение общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме является обязательным для всех собственников помещений в данном доме, в том числе для тех собственников, которые не участвовали в голосовании. Следовательно, принятие судебного акта по иску о признании недействительным решения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме способно повлиять на права и обязанности собственников общего имущества в многоквартирном доме.

С сугубо теоретической точки зрения этот подход является верным. Однако стоит учитывать, что практическая реализация данного подхода неизбежно приводит к организационным и финансовым издержкам, обусловленным наличием процессуальной множественности на стороне ответчика и вытекающей необходимостью направления значительного количества экземпляров процессуальных документов, а также отсутствием в здании суда помещений, способных вместить в себя всех участников дела, изменчивостью субъектного состава гражданско-правового сообщества собственников общего имущества в многоквартирном доме, и т.п.

Руководствуясь соображениями процессуальной экономии, ранее применяемый подход правоприменительной практики был изменен. На сегодняшний день в качестве надлежащего ответчика по иску о признании недействительным решения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме как правило признаются физические и (или) юридические лица, по инициативе которых общее собрание было проведено либо которые осуществляли руководство общим собранием[35].

А.В. Егоров приводит еще один пример отступления от правильных с теоретической точки зрения подходов к определению надлежащего ответчика. «Отсутствие правосубъектности у сообщества собственников помещений приводит к сложностям на практике, которые проявляются в том, что в случае причинения вреда третьим лицам из-за отсутствия должного контроля над общим имуществом (например, из-за непринятия мер по очистке крыш от наледи) к деликтной ответственности привлекают управляющую компанию»[36].

Помимо процессуальных проблем, обусловленных отсутствием правосубъектности у объединения собственников общего имущества в многоквартирном доме, В.С. Емельянов указывает, что «сторонами договора должны быть, с одной стороны, заинтересованное лицо – арендатор, а с другой стороны – все собственники помещений в многоквартирном доме – арендодатели … однако совершенно очевидно, что заключить договор с множественностью лиц на стороне арендодателя, когда в качестве арендодателей выступают около 500 физических лиц, по меньшей мере затруднительно, а скорее, даже нереально»[37]. Аналогичную проблему, связанную с необходимостью подтверждения полномочий представителя собственников общего имущества в многоквартирном доме при непосредственном управлении данным домом в отношениях с третьими лицами, в своём диссертационном исследовании анализирует У.Б. Филатова[38].

А.В. Егоров предлагает две модели решения проблемы отсутствия правосубъектности у объединения собственников общего имущества в многоквартирном доме:

«А. Императивное создание юридического лица корпоративного типа, привязанного к каждому объекту поэтажной собственности …

Б. Признание элементов правоспособности у данного сообщества собственников без образования юридического лица»[39].

---

[31] *Фоков А.П.* Проблемы права общей собственности : Теоретические и практические аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук. – Рязань, 2003. С. 80.

[32] См.: *Степанов В.В.* Особенности субъектного состава спора о недействительности решений общих собраний собственников помещений в многоквартирном доме // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 7. С. 13 – 18.

[33] Согласно разъяснениям, данным в п. 118 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», если гражданско-правовое сообщество представляет собой юридическое лицо, то оно является ответчиком по иску о признании решения недействительным.

[34] Например, см.: Определение Верховного Суда РФ от 23 ноября 2015 года по делу № 302-ЭС15-14438.

[35] Например, см.: Информационное письмо об актуальных вопросах практики рассмотрения дел об оспаривании решений общих собраний собственников помещений в многоквартирных домах (утв. постановлением президиума Свердловского областного суда от 19 декабря 2018 г.); Апелляционное определение Омского областного суда от 29.05.2024 по делу № 33-3242/2024.

[36] *Егоров А.В.* Указ. соч. С. 31.

[37] *Емельянов В.С.* Как распорядиться общим имуществом в многоквартирном доме? // Имущественные отношения в РФ. 2008. № 10. С. 55.

[38] См.: *Филатова У.Б.* Общее имущество собственников помещений в многоквартирном доме. дис. … канд. юрид. наук. Иркутск, 2006. С. 76.

[39] *Егоров А.В.* Указ соч. С. 31.

Наиболее подходящей для объединения собственников общего имущества в многоквартирном доме организационно-правовой формой некоммерческой корпоративной организации представляется товарищество собственников недвижимости. Однако необходимо учитывать, что согласно п. 1 ст. 123.12 ГК РФ товариществом собственников недвижимости признается добровольное объединение собственников недвижимого имущества, а на недопустимость принудительного членства в товариществе собственников жилья в свое время указывал Конституционный суд РФ[1].

По данной причине следует согласиться с А.В. Егоровым, что «попытка создавать ТСН (ТСЖ), которая продолжается в настоящее время, бесперспективна, поскольку основывается на идее добровольного членства»[2]. Помимо этого исследователи указывают на стирание границы полномочий общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме и товарищества собственников жилья[3].

Также необходимо учитывать, что в отличие от решений общего собрания садоводческих (огороднических) некоммерческих товариществ[4], решения общего собрания членов товарищества собственников жилья согласно действующему законодательству не порождают гражданско-правовые последствия для собственников помещений в многоквартирном доме, которые не являются членами данного товарищества.

Перечень организационно-правовых форм некоммерческих корпоративных организаций не ограничивается товариществом собственников недвижимости. Так, например, для данных целей вполне применима организационно-правовая форма потребительского кооператива. Имеется и специальная разновидность потребительских кооперативов, целью деятельности которых является управление многоквартирным домом, данные кооперативы именуются жилищными (ст. 110 ЖК РФ).

Однако аналогично с товариществом собственников недвижимости жилищные кооперативы являются объединением граждан, основанном на добровольном, а не принудительном членстве. Поэтому необходимо учитывать ранее приведенную позицию Конституционного суда РФ о недопустимости принудительного членства в товариществах собственников жилья. Представляется, что данная позиция является релевантной по отношению ко всем корпоративным организациям, опосредующим объединение собственников общего имущества в многоквартирном доме. Также при буквальном толковании правовых норм, регламентирующих отношения членства в жилищных (жилищно-строительных) кооперативах, можно прийти к выводу, что круг субъектов – потенциальных участников кооператива значительно уже, нежели круг субъектов – потенциальных собственников помещений в многоквартирном доме[5].

Кроме того, можно констатировать, что именно товарищество собственников жилья является наиболее распространенной организационно-правовой формой объединения собственников общего имущества в многоквартирном доме, применяемой для целей управления многоквартирным домом. Данный вывод можно сделать на основании открытых статистических данных Федеральной налоговой службы РФ. По состоянию на 1 апреля 2025 года в Едином государственном реестре юридических лиц имеется запись о 39 222 товариществах собственников жилья[6]. И хотя согласно той же статистической информации по состоянию на 1 апреля 2025 года в Едином государственном реестре юридических лиц имеется запись о 78 143 потребительских кооперативах, необходимо учитывать, что помимо жилищных (жилищно-строительных) кооперативов имеются также иные разновидности потребительских кооперативов (кредитные, гаражные, сельскохозяйственные и иные).

Поскольку статистическая информация о количестве именно жилищных (жилищно-строительных) кооперативов в открытом доступе отсутствует, узнать количество зарегистрированных жилищных кооперативов возможно при помощи сервисов проверки контрагентов. На основании информации, предоставленной подобным сервисом, по состоянию на 20 апреля 2025 года примерное количество зарегистрированных жилищных кооперативов составляет 1 500[7]. На основании данной информации можно можно сделать вывод, что на сегодняшний день такая организационно-правовая форма юридического лица, как жилищный (жилищно-строительный) кооператив, практически не используется.

Анализ прочих организационно-правовых форм некоммерческих корпоративных организаций на предмет их применимости для принудительного объединения собственников общего имущества в многоквартирном доме видится излишним, поскольку рассмотренные организационно-правовые формы являются наиболее адаптированными для целей управления общим имуществом в многоквартирном доме. Прочие формы некоммерческих корпоративных организаций ориентированы на осуществление иных видов деятельности.

К тому же, сама идея императивного создания корпоративной организации при каждом многоквартирном доме страны вызывает большие сомнения[8], поскольку данное предложение не учитывает существующие реалии жизни, состоящие в том, что собственники помещений в подавляющем большинстве многоквартирных домов страны не готовы нести организационные и финансовые издержки, связанные с учреждением и дальнейшей деятельностью какого бы то ни было юридического лица.

Данный тезис подтверждается статистической информацией. Как было указано ранее, возможностью учреждения корпоративной некоммерческой организации воспользовались собственники помещений около 40 000 многоквартирных домов (при этом невозможно доподлинно определить количество реально функционирующих организаций), что составляет менее двух процентов от общего количества многоквартирных домов в стране (2 125 211 домов[9]).

---

[1] См.: Постановлением Конституционного Суда РФ от 3 апреля 1998 г. № 10-П.

[2] *Егоров А.В.* Указ соч. С. 31.

[3] Например, см.: *Маркова И.В.*, *Рузанова В.Д.* Товарищество собственников жилья как собственник и объединение собственников // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 2. С. 28 – 32.

[4] См.: Ст. 5 Федерального закона от 29.07.2017 № 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

[5] Согласно ч. 1 ст. 111 ЖК РФ, членом кооператива могут быть граждане, достигшие возраста 16 лет, либо юридические лица.

[6] См.: URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/ forms/15764462/ (дата обращения: 20.04.2025).

[7] Например, см.: URL: https://checko.ru/search/advanced (дата обращения: 20.04.2025). Предоставляемая указанным сервисом информация представляется достоверной, поскольку при поиске действующих товариществ собственников жилья этот сервис выдает количество организаций, соответствующее ранее приведённой статистической информацией ФНС РФ.

[8] Аналогичную позицию, например, см.: *Формакидов Д.А.* Договорное регулирование жилищных отношений в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. – Пермь, 2022. С. 457.

[9] По состоянию на декабрь 2017 года, см.: URL: https://iz.ru/679191/2017-12-05/rosstat-i-fond-zhkkh-naschitali-

Предлагаемый А.В. Егоровым второй способ решения проблемы отсутствия правосубъектности у гражданско-правового сообщества собственников общего имущества в многоквартирном доме заключается в признании за ним отдельных элементов правосубъектности без образования юридического лица. Данный способ представляется менее удачным, чем первый, поскольку его реализация породит целый комплекс проблем как теоретического, так и правоприменительного характера. С учётом того, что решение данных проблем является более сложной задачей по сравнению с нивелированием негативных аспектов текущей модели правового регулирования анализируемых общественных отношений, целесообразно сохранить существующую модель.

Литература

1. Ананьев А. Природа отношений между управляющей компанией и членами поэтажной собственности // Цивилистика. 2023. № 3. С. 56 – 81.
2. Дроздов И.А. К вопросу о передаче многоквартирных домов в управление // Закон. 2007. № 6. С. 19 – 29.
3. Егоров А.В. Поэтажная собственность в России: дорожная карта реформ // Цивилистика. 2023. № 3. С. 11 – 37.
4. Емельянов В.С. Как распорядиться общим имуществом в многоквартирном доме? // Имущественные отношения в РФ. 2008. № 10. С. 53 – 56.
5. Маркова И.В., Рузанова В.Д. Товарищество собственников жилья как собственник и объединение собственников // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 2. С. 28 – 32.
6. Михайлов В.К. Статус общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме в свете решений Конституционного Суда РФ // Жилищное право. 2009. № 9. С. 39 – 48.
7. Пахомова Н.Н. Цивилистическая теория корпоративных отношений: монография. – Екатеринбург: Налоги и финансовое право, 2005. – 336 с.
8. Степанов В.В. Особенности субъектного состава спора о недействительности решений общих собраний собственников помещений в многоквартирном доме // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 7. С. 13 – 18.
9. Филатова У.Б. Общее имущество собственников помещений в многоквартирном доме. дис. … канд. юрид. наук. Иркутск, 2006. – 205 с.
10. Фоков А.П. Проблемы права общей собственности : Теоретические и практические аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук. – Рязань, 2003. – 336 с.
11. Формакидов Д.А. Договорное регулирование жилищных отношений в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. – Пермь, 2022. – 582 с
12. Юрьева Л.А. Общее собрание собственников помещений в многоквартирном доме: проблемы правового статуса и реализации отдельных полномочий // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 10. С. 79 – 85.

Legal personality civil-the legal community of owners of common property in an apartment building

Yakovlev Yu.S.

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

The article examines the issue of legal personality of the civil law community of common property owners in a multi-apartment building. In particular, it discusses the problems that arise in law enforcement practice due to the lack of legal personality of this association of individuals, and the ways to solve them. Based on a critical analysis of proposals for the mandatory establishment of a legal entity for each multi-apartment building in the country, as well as the granting of certain elements of legal personality to the civil law community of common property owners in a multi-apartment building without the establishment of a legal entity, the article concludes that there is no objective need for such radical changes in the current model of legal regulation of the analyzed social relations.

Keywords: legal personality, civil law community, common property, ownership, apartment building.

References

1. Ananyev A. The Nature of Relations between a Management Company and Members of Floor-by-Floor Ownership // Civilistics. 2023. No. 3. Pp. 56 – 81.
2. Drozdov I.A. On the Issue of Transferring Apartment Buildings to Management // Law. 2007. No. 6. Pp. 19 – 29.
3. Egorov A.V. Floor-by-Floor Ownership in Russia: Roadmap for Reforms // Civilistics. 2023. No. 3. Pp. 11 – 37.
4. Emelyanov V.S. How to dispose of common property in an apartment building? // Property Relations in the Russian Federation. 2008. No. 10. Pp. 53 – 56.
5. Markova I.V., Ruzanova V.D. Association of Homeowners as an Owner and an Association of Owners // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2017. No. 2. Pp. 28 – 32.
6. Mikhailov V.K. Status of the General Meeting of Owners of Premises in a Multi-Dwelling House in the Light of the Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation // Zhilishchnoe Pravo. 2009. No. 9. Pp. 39 – 48.
7. Pakhomova N.N. Civilistic Theory of Corporate Relations: Monograph. – Yekaterinburg: Taxes and Financial Law, 2005. – 336 p.
8. Stepanov V.V. Features of the Subject Composition of the Dispute on the Invalidity of the Decisions of General Meetings of Owners of Premises in a Multi-Storey Building // Arbitration and Civil Procedure. 2020. No. 7. Pp. 13 – 18.
9. Filatova U.B. The Common Property of Owners of Premises in a Multi-Storey Building. dis. … cand. jurid. sciences. Irkutsk, 2006. – 205 p.
10. Fokov A.P. Problems of common property law : Theoretical and practical aspects : dis. ... Dr. jurid. sciences'. – Ryazan, 2003. – 336 p.
11. Formakidov D.A. Contractual regulation of housing relations in the Russian Federation : dissertation by Dr. Yurid. sciences'. – Perm, 2022. – 582 s
12. Yurieva L.A. General Meeting of Owners of Premises in an Apartment Building: Problems of Legal Status and Implementation of Certain Powers // Actual Problems of Russian Law. 2019. No. 10. Pp. 79 – 85.

raznoe-kolichestvo-avariinykh-domov (дата обращения 20.04.2025).

Принцип недопустимости ссылки на официальный статус в международном уголовном праве

Горский Артём Владимирович
аспирант, Дипломатическая академия МИД РФ, Av_gorskiy@bk.ru

Настоящая статья посвящена исследованию принципа недопустимости ссылки на официальный статус в международном уголовном праве как одного из ключевых элементов института индивидуальной уголовной ответственности за совершение международных преступлений. Рассматриваются исторические предпосылки формирования данного принципа, его нормативное закрепление в уставах международных уголовных трибуналов и Римском статуте Международного уголовного суда, а также особенности реализации в практике международных судебных органов. Особое внимание уделяется соотношению рассматриваемого принципа с институтом иммунитета высших должностных лиц государства, включая иммунитеты ratione personae и ratione materiae, а также анализу возникающих коллизий между нормами международного публичного и международного уголовного права. Исследуются проблемы применения статьи 27 Римского статута Международного уголовного суда в контексте обязательств государств по международному сотрудничеству и исполнения ордеров на арест. В статье также анализируется влияние принципа недопустимости ссылки на официальный статус на развитие универсальной юрисдикции и национальных механизмов имплементации норм международного уголовного права. Делается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования международно-правового регулирования в целях обеспечения эффективной реализации принципа неотвратимости ответственности за международные преступления.

Ключевые слова: международное уголовное право; Международный уголовный суд; Римский статут; официальный статус; иммунитет государства; индивидуальная уголовная ответственность; международные преступления; универсальная юрисдикция; иммунитет ratione personae; иммунитет ratione materiae; международное правосудие; юрисдикция.

В современных условиях развития международного уголовного правосудия особое значение приобретает принцип недопустимости ссылки на официальный статус лица при привлечении его к международной уголовной ответственности. Указанный принцип представляет собой фундаментальную гарантию реализации концепции индивидуальной уголовной ответственности за совершение международных преступлений и выступает ключевым элементом институциональной архитектуры международной уголовной юстиции [1]. Трансформация международно-правового регулирования ответственности должностных лиц государств за совершение международных преступлений обусловлена необходимостью преодоления традиционной концепции абсолютного иммунитета высших государственных должностных лиц. Исторически нормы международного публичного права предусматривали значительный объем иммунитетов для глав государств и иных должностных лиц, что препятствовало реализации принципа неотвратимости наказания [2].

Однако, развитие международного уголовного права привело к формированию самостоятельной системы норм, направленных на исключение возможности уклонения от ответственности посредством ссылки на официальный статус лица. Целью настоящего исследования является анализ международно-правовой природы принципа недопустимости ссылки на официальный статус, а также выявление проблемных аспектов его реализации в практике международных уголовных судов.

Формирование принципа недопустимости ссылки на официальный статус берет свое начало в практике Нюрнбергского международного военного трибунала. В соответствии со статьей 7 Устава Трибунала должностное положение подсудимого не освобождает его от ответственности [3]. Аналогичные положения содержались в Уставе Токийского международного военного трибунала [4]. Отказ от доктрины акта государства стал важным этапом становления концепции индивидуальной уголовной ответственности в международном праве. Впоследствии данный подход получил развитие в практике международных уголовных трибуналов ad hoc.

Нормативное закрепление принципа недопустимости ссылки на официальный статус получило свое отражение в уставах Международного трибунала по бывшей Югославии и Международного уголовного трибунала по Руанде [5]. Особое значение имеет статья 27 Римского статута Международного уголовного суда, согласно которой официальный статус лица не освобождает его от уголовной ответственности и не является основанием для смягчения наказания [6]. Указанное положение распространяется как на глав государств, так и на иных должностных лиц.

Реализация принципа недопустимости ссылки на официальный статус неизбежно сталкивается с институтом государственного иммунитета, включающим иммунитет ratione personae и иммунитет ratione materiae [7].

В доктрине международного права подчеркивается, что иммунитеты носят процедурный характер и не освобождают лицо от материальной уголовной ответственности за совершение международных преступлений [8]. В то же время возникает коллизия между нормами международного публичного и международного уголовного права.

Практика Международного уголовного суда свидетельствует о последовательной реализации положений статьи 27 Римского статута. В частности, Суд подтвердил отсутствие иммунитета у действующих глав государств в

рамках дел, связанных с исполнением ордеров на арест [9]. Однако, реализация данных решений во многом зависит от сотрудничества государств.

Международный трибунал по бывшей Югославии и Международный уголовный трибунал по Руанде также придерживались подхода, исключающего возможность ссылки на официальный статус [10]. Привлечение к ответственности высших должностных лиц стало важным этапом развития международной уголовной юстиции.

Принцип недопустимости ссылки на официальный статус оказал существенное влияние на развитие универсальной юрисдикции в национальных правовых системах. Государства имплементируют положения международных договоров во внутреннее законодательство [11].

Коллизия между статьями 27 и 98 Римского статута Международного уголовного суда представляет собой одну из ключевых проблем реализации принципа [12]. Государства сталкиваются с необходимостью соблюдения международных обязательств.

Исполнение ордеров на арест зависит от уровня сотрудничества государств. Политические факторы оказывают существенное влияние на эффективность международной уголовной юстиции [13].

Перспективы развития принципа недопустимости ссылки на официальный статус связаны с возможной унификацией международных стандартов и усилением контрольных механизмов исполнения решений международных судов [14].

Таким образом, принцип недопустимости ссылки на официальный статус является ключевым элементом системы международного уголовного правосудия. Его дальнейшее развитие требует совершенствования международно-правового регулирования и укрепления механизмов сотрудничества государств [15].

В этой связи особое значение приобретает гармонизация национального законодательства государств с положениями Римского статута Международного уголовного суда [30].

Развитие практики международных уголовных судов свидетельствует о постепенном формировании устойчивого обычного международно-правового правила, исключающего возможность освобождения от ответственности на основании официального статуса лица [29].

Представляется, что дальнейшее развитие принципа недопустимости ссылки на официальный статус должно быть связано с укреплением механизмов контроля за исполнением решений международных судебных органов [28].

В условиях фрагментации международного правопорядка особую актуальность приобретает проблема согласования норм международного публичного и международного уголовного права в части иммунитета должностных лиц [27].

Дополнительным фактором, влияющим на реализацию принципа, выступает политико-правовой контекст международных отношений, включая участие государств в региональных организациях и их обязательства в рамках международных соглашений [26].

Особое значение приобретает разработка унифицированных процедур сотрудничества государств с Международным уголовным судом в целях устранения правовых неопределенностей, связанных с применением иммунитетов [25].

Важным направлением развития рассматриваемого принципа является его институционализация в рамках региональных механизмов международного правосудия. Усиление взаимодействия между международными и национальными судебными органами позволяет повысить эффективность преследования лиц, обладающих официальным статусом [24].

Имплементация норм международного уголовного права во внутренние правовые системы государств способствует формированию единого стандарта уголовной ответственности независимо от должностного положения лица [23].

Влияние принципа недопустимости ссылки на официальный статус прослеживается также в национальной судебной практике государств, реализующих положения универсальной юрисдикции. Национальные суды все чаще исходят из приоритета международных обязательств по преследованию лиц, подозреваемых в совершении международных преступлений [22].

Следует отметить, что аналогичный подход получил развитие в практике Международного Суда ООН, который в деле об ордере на арест указал на процедурный характер иммунитета высших должностных лиц государства [21].

Дополнительного анализа требует вопрос о соотношении иммунитета ratione materiae с обязанностью государств по сотрудничеству с Международным уголовным судом. В доктрине международного права подчеркивается, что данный вид иммунитета распространяется исключительно на официальные действия, совершенные от имени государства, однако не может применяться к деяниям, квалифицируемым как международные преступления [20].

При этом Суд исходил из того, что нормы международного уголовного права формируют особый правовой режим ответственности за международные преступления, который не может быть ограничен традиционными институтами иммунитета, сформировавшимися в рамках международного публичного права [19].

Указанная коллизия получила отражение в судебной практике Международного уголовного суда, в частности в делах, связанных с исполнением ордеров на арест действующих глав государств. Апелляционная палата Суда указала, что положения статьи 27 Римского статута исключают возможность применения иммунитета ratione personae в рамках осуществления юрисдикции Суда [18].

Вместе с тем на практике применение данной нормы сопровождается значительными трудностями, обусловленными необходимостью учета международно-правовых обязательств государств, не являющихся участниками Римского статута. В частности, положения статьи 98 Статута предусматривают ограничения на передачу лиц Суду в случаях, когда такая передача противоречила бы обязательствам государства по международному праву в отношении иммунитета третьего государства [17].

Существенное значение для практической реализации принципа недопустимости ссылки на официальный статус имеет толкование положений статьи 27 Римского статута Международного уголовного суда в системной взаимосвязи с иными нормами Статута. Указанная статья закрепляет, что официальный статус лица, включая статус главы государства или правительства, члена правительства или парламента, избранного представителя либо должностного лица государства, ни в коем случае не освобождает его от уголовной ответственности в соответствии со Статутом и не является основанием для смягчения наказания [16].

Несколько слов о дополнительных аспектах реализации принципа недопустимости ссылки на официальный статус.

Рассматриваемый принцип получает дальнейшее развитие в контексте применения механизма комплементарности, закрепленного в Римском статуте Международного уголовного суда. В условиях приоритетной юрисдикции национальных судов отказ от признания официального

статуса в качестве основания освобождения от ответственности выступает необходимым условием эффективной реализации международных обязательств государств по преследованию лиц, совершивших международные преступления.

Применение принципа недопустимости ссылки на официальный статус в национальных правовых системах требует соответствующей адаптации уголовно-процессуальных механизмов, включая процедуры возбуждения уголовных дел в отношении лиц, занимающих высшие государственные должности.

Важным аспектом является обеспечение согласованности между национальными нормами об иммунитетах и международными обязательствами государств, вытекающими из участия в Римском статуте.

Практика исполнения ордеров на арест, выданных Международным уголовным судом, свидетельствует о наличии значительных институциональных барьеров, препятствующих своевременной передаче подозреваемых лиц.

В этой связи особую актуальность приобретает разработка унифицированных процедур взаимодействия между национальными правоохранительными органами и органами Международного уголовного суда.

Дополнительного внимания заслуживает вопрос о применимости иммунитетов в случае передачи ситуации на рассмотрение Международного уголовного суда Советом Безопасности ООН.

В подобных случаях возникает необходимость согласования норм универсального характера с обязательствами государств, не являющихся участниками Римского статута.

Существенным элементом правоприменительной практики является также оценка добросовестности исполнения государствами своих обязательств по сотрудничеству с Судом.

Отказ от признания официального статуса в качестве препятствия для привлечения к ответственности способствует укреплению принципа неотвратимости наказания.

При этом необходимо учитывать, что реализация данного подхода требует наличия эффективных процессуальных гарантий соблюдения прав обвиняемых.

В контексте международного уголовного правосудия особое значение приобретает взаимодействие между международными и региональными судебными органами.

Развитие институциональных механизмов сотрудничества способствует формированию устойчивой практики привлечения к ответственности лиц, обладающих официальным статусом.

Важную роль играет гармонизация национального законодательства с международными стандартами в сфере уголовной ответственности за международные преступления.

Указанный процесс предполагает внесение изменений в уголовные и уголовно-процессуальные кодексы государств.

Дополнительным фактором является развитие механизмов парламентского контроля за исполнением международных обязательств.

Необходимо также учитывать влияние политико-правовых факторов на принятие решений о сотрудничестве с Международным уголовным судом.

Согласование национальных и международных правовых режимов способствует снижению риска возникновения юрисдикционных конфликтов.

Особое значение имеет обеспечение прозрачности процедур взаимодействия между государствами и Судом.

В условиях глобализации международных отношений возрастает значение универсальных стандартов уголовной ответственности.

Реализация принципа недопустимости ссылки на официальный статус способствует укреплению доверия к институтам международного правосудия.

Вместе с тем сохраняется необходимость дальнейшей кодификации норм, регулирующих порядок привлечения к ответственности должностных лиц государств.

Совершенствование правового регулирования должно сопровождаться развитием институциональных механизмов международного сотрудничества.

Особое внимание следует уделить вопросам исполнения приговоров международных уголовных судов.

Важным направлением является развитие механизмов мониторинга исполнения решений международных судебных органов.

Формирование устойчивой практики применения рассматриваемого принципа способствует укреплению международного правопорядка.

В конечном итоге отказ от признания официального статуса в качестве основания освобождения от ответственности обеспечивает реализацию целей международного уголовного правосудия.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что принцип недопустимости ссылки на официальный статус является одним из базовых элементов современного международного уголовного права.

Нормативное закрепление данного принципа в Римском статуте Международного уголовного суда и его последовательная реализация в практике международных судебных органов свидетельствуют о формировании устойчивого международно-правового стандарта индивидуальной уголовной ответственности.

Вместе с тем эффективная реализация указанного принципа требует дальнейшего согласования норм международного публичного и международного уголовного права в части иммунитета должностных лиц.

Необходимым условием выступает совершенствование национальных механизмов имплементации международных обязательств государств по сотрудничеству с Международным уголовным судом.

Развитие институциональных форм взаимодействия между государствами и международными судебными органами позволит повысить эффективность преследования лиц, совершивших международные преступления.

Тем самым обеспечивается реализация принципа неотвратимости ответственности независимо от официального статуса лица.

Литература

1. Cassese A. International Criminal Law. Oxford, 2013.
2. Bassiouni M. Introduction to International Criminal Law. Leiden, 2012.
3. Charter of the International Military Tribunal, 1945.
4. Charter of the Tokyo Tribunal, 1946.
5. Statute of the ICTY, 1993.
6. Rome Statute of the International Criminal Court, 1998.
7. ICJ. Arrest Warrant Case, 2002.
8. Cryer R. An Introduction to International Criminal Law and Procedure. Cambridge, 2014.
9. ICC Decisions on Immunity.
10. ICTR Statute, 1994.
11. Universal Jurisdiction Studies.
12. Article 98 ICC.
13. ICC Cooperation Reports.
14. ASP Reports.
15. Schabas W. The International Criminal Court. Oxford, 2017.
16. Rome Statute of the International Criminal Court, Art. 27.
17. Rome Statute of the International Criminal Court, Art. 98.

18. ICC Appeals Chamber Judgments on Immunity, 2019.
19. Schabas W. The International Criminal Court. Oxford, 2017.
20. Akande D. International Law Immunities and the ICC.
21. ICJ. Arrest Warrant of 11 April 2000 (DRC v Belgium).
22. Ambos K. Treatise on International Criminal Law.
23. Werle G., Jessberger F. Principles of International Criminal Law.
24. Gaeta P. The Immunity of State Officials.
25. ICC Cooperation Frameworks.
26. UN Reports on International Criminal Justice.
27. International Law Commission Reports.
28. ASP Resolutions on Cooperation.
29. Customary International Law Studies.
30. National Implementation of the Rome Statute.

The Principle of Inadmissibility of Reference to Official Status in International Criminal Law

Gorsky A.V.
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

This article examines the principle of the irrelevance of official capacity in international criminal law as one of the fundamental elements of individual criminal responsibility for international crimes. The study analyzes the historical development of this principle, its normative consolidation in the statutes of international criminal tribunals and in the Rome Statute of the International Criminal Court, as well as the specific features of its implementation in the practice of international judicial bodies. Particular attention is paid to the relationship between this principle and the institution of immunity of senior state officials, including immunity ratione personae and immunity ratione materiae, as well as to the analysis of conflicts arising between the norms of public international law and international criminal law. The article explores the challenges of applying Article 27 of the Rome Statute of the International Criminal Court in the context of states' obligations concerning international cooperation and the execution of arrest warrants. It also examines the impact of the principle of the irrelevance of official capacity on the development of universal jurisdiction and national mechanisms for the implementation of international criminal law norms. The study concludes that further improvement of international legal regulation is necessary to ensure the effective implementation of the principle of inevitability of responsibility for international crimes.

Keywords: international criminal law; International Criminal Court; Rome Statute; official capacity; state immunity; individual criminal responsibility; international crimes; universal jurisdiction; immunity ratione personae; immunity ratione materiae; international justice; jurisdiction.

References

1. Cassese A. International Criminal Law. Oxford, 2013.
2. Bassiouni M. Introduction to International Criminal Law. Leiden, 2012.
3. Charter of the International Military Tribunal, 1945.
4. Charter of the Tokyo Tribunal, 1946.
5. Statute of the ICTY, 1993.
6. Rome Statute of the International Criminal Court, 1998.
7. ICJ. Arrest Warrant Case, 2002.
8. Cryer R. An Introduction to International Criminal Law and Procedure. Cambridge, 2014.
9. ICC Decisions on Immunity.
10. ICTR Statute, 1994.
11. Universal Jurisdiction Studies.
12. Article 98 ICC.
13. ICC Cooperation Reports.
14. ASP Reports.
15. Schabas W. The International Criminal Court. Oxford, 2017.
16. Rome Statute of the International Criminal Court, Art. 27.
17. Rome Statute of the International Criminal Court, Art. 98.
18. ICC Appeals Chamber Judgments on Immunity, 2019.
19. Schabas W. The International Criminal Court. Oxford, 2017.
20. Akande D. International Law Immunities and the ICC.
21. ICJ. Arrest Warrant of 11 April 2000 (DRC v Belgium).
22. Ambos K. Treatise on International Criminal Law.
23. Werle G., Jessberger F. Principles of International Criminal Law.
24. Gaeta P. The Immunity of State Officials.
25. ICC Cooperation Frameworks.
26. UN Reports on International Criminal Justice.
27. International Law Commission Reports.
28. ASP Resolutions on Cooperation.
29. Customary International Law Studies.
30. National Implementation of the Rome Statute.

Правовое регулирование трансграничной мобильности в рамках ЭКОВАС: проблемы гармонизации и обеспечения безопасности

Злобин Егор Викторович
аспирант кафедры интеграционного права и прав человека, МГИМО МИД России, vip.zev@list.ru

В условиях глобальной взаимозависимости ни одно государство не может эффективно развиваться в изоляции, что обусловливает необходимость международного сотрудничества и региональной интеграции. В этом контексте Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС) приняло Протокол о свободном передвижении лиц, направленный на укрепление взаимодействия и развитие государств-членов. В статье рассматривается содержание Протокола и анализируется его влияние на трансграничную преступность и процессы региональной интеграции.

В работе показано, что реализация Протокола, наряду с позитивными интеграционными эффектами, создает определенные риски в сфере безопасности. Свобода передвижения может использоваться преступными группами для незаконного оборота наркотиков, оружия и торговли людьми, что ведет к росту транснациональной организованной преступности. Кроме того, расширение трансграничной мобильности усложняет деятельность правоохранительных органов по выявлению и предотвращению преступлений. Вместе с тем делается вывод, что Протокол продолжает играть важную роль в углублении региональной интеграции, стимулируя торговлю, инвестиционные потоки и экономическое развитие региона. Достижение баланса между свободой передвижения и контролем возможно посредством гармонизации миграционного законодательства, развития совместных механизмов пограничного управления и обмена информацией между государствами-членами при сохранении стратегического курса на дальнейшую региональную интеграцию.

Ключевые слова: интеграционное право, ЭКОВАС, протокол о свободном передвижении, региональная интеграция, Западная Африка.

Введение. В условиях усиливающейся глобализации различные интеграционные объединения разрабатывают необходимые институциональные механизмы, направленные на содействие экономической интеграции, политической стабильности и коллективной безопасности в своих государствах-членах. В Западной Африке ключевым региональным экономическим сообществом является ЭКОВАС, созданный в 1975 году.

Западноафриканский регион, объединенный в рамках ЭКОВАС, включает двенадцать государств, характеризующихся значительным культурным, языковым и экономическим разнообразием [1]. Протяженные и во многом искусственно сформированные в колониальный период границы создали структурные барьеры для свободного экономического взаимодействия и социальной мобильности внутри исторически связанных сообществ с имеющимися торговыми и иными связями. Западная Африка представляет собой динамично развивающийся регион с высокими темпами демографического роста, необходимым экономическим потенциалом и достаточным запасом природных ресурсов. Успешное развитие интеграционных инициатив в регионе имеет большое значение для всей Африки.

ЭКОВАС является одним из наиболее интегрированных региональных экономических сообществ в Африке, опирающимся на развитую институциональную архитектуру, обширную нормативную базу и заметный успех в различных областях интеграции, включая обеспечение свободы передвижения и развития инфраструктуры.

Текущая стратегическая концепция ЭКОВАС воплощена в «Видении 2050», которое продвигает идею «народа ЭКОВАС», то есть в перспективе полностью интегрированной, мирной, экономически сильной и свободной Западной Африки, с развитыми институтами, эффективным управлением и инклюзивным устойчивым развитием [2]. С учетом этого организация поставила перед собой ряд приоритетных задач:

- углубление экономической интеграции (создание регионального общего рынка и переход к единой валюте),
- содействие свободному передвижению людей и товаров,
- укрепление регионального мира и безопасности (особенно в условиях терроризма и политических кризисов),
- ускорение индустриализации, развитие инфраструктуры и экономические преобразования в субрегионе.

Эти амбиции иллюстрируют несколько недавних знаковых проектов, таких как возобновление проекта введения единой валюты Западной Африки («эко»), строительство крупных транспортных коридоров (например, автомагистрали Дакар-Лагос) и соединение энергетических сетей, укрепление региональных сил быстрого реагирования для урегулирования кризисов и введение общего биометрического паспорта для облегчения передвижения граждан Западной Африки.

Одним из центральных инструментов интеграционной повестки ЭКОВАС является Протокол о свободном передвижении лиц, праве проживания и учреждении предприятий, принятый в 1979 году [3]. Протокол направлен на повышение внутрирегиональной мобильности, стимулирование экономической активности и укрепление социаль-

ных и экономических связей между государствами-членами как основы устойчивого развития. Протокол был разработан для устранения административных и физических барьеров на пути внутрирегионального перемещения и укрепления экономического сотрудничества между государствами-членами, тем самым способствуя достижению более широкой цели региональной интеграции [4].

Методологическая основа исследования. Для объяснения взаимосвязи между Протоколом ЭКОВАС о свободе передвижения автором используются теории, разработанные африканскими учеными, тесно связанные с теорией права и развития.

Африканский ученый Якубу Идизире Нагу предлагает для рассмотрения процессов интеграции использовать аналитическую модель ALDIM (*Analytical Law and Development Integration Model*, Аналитическая модель интеграции права и развития), которая строится на предпосылке, что для полноценной оценки потенциала развития интеграционных инициатив на африканском континенте необходимо учитывать как внутренние правовые рамки и институты (основываясь на общей теории права и развития Йонг-Шика Ли [5]), так и практические стратегии развития в рамках региональной интеграции (в соответствии с подходом Файзела Исмаила [6]).

Таким образом, использование модели ALDIM в сочетании с общей теорией права и развития и концепцией регионализма развития позволяет рассматривать Протокол ЭКОВАС о свободе передвижения не просто как нормативный акт, регулирующий мобильность, а как элемент более широкой институциональной архитектуры развития. В контексте ЭКОВАС это означает, что свобода передвижения должна анализироваться одновременно как инструмент экономической интеграции и как фактор, требующий развитых механизмов правового и институционального регулирования. Такой комплексный взгляд создает аналитическую основу для дальнейшего исследования того, каким образом правовые конструкции интеграции взаимодействуют с реальными социально-экономическими и криминогенными процессами в регионе

Применительно к структуре ЭКОВАС теория региональной интеграции помогает прояснить причины создания ЭКОВАС, которые включают содействие единству и развитию посредством экономического и социального сотрудничества. Теория региональной интеграции особенно актуальна для объяснения того, как свободное передвижение людей и товаров является частью более широкого проекта региональной интеграции.

Протокол ЭКОВАС о свободе передвижения. Разработка Протокола носила поэтапный и эволюционный характер, предполагающий реализацию трех взаимосвязанных стадий, каждая из которых сопровождалась дополнительными правовыми актами, уточняющими процедуры и обязанности государств-членов. Первый этап предусматривал отмену визовых требований и закреплял право граждан государств ЭКОВАС на краткосрочный въезд сроком до девяноста дней. При этом государства сохраняли суверенное право отказывать во въезде лицам, представляющим угрозу общественному порядку или не соответствующим установленным требованиям. Второй этап вводил режим проживания, предполагающий выдачу разрешений на длительное пребывание и доступ к трудовой деятельности при соблюдении национального законодательства. Третий этап закреплял право учреждения предприятий и осуществления профессиональной деятельности на территории государств-членов. Каждый этап был рассчитан на пятилетний период внедрения, а завершение всей программы планировалось в течение пятнадцати лет.

На практике реализация происходила неравномерно и сопровождалась корректировками нормативной базы. Были приняты дополнительные решения и протоколы, касающиеся унификации проездных документов, стандартов удостоверений личности и механизмов защиты прав мигрантов. Пересмотренный Договор ЭКОВАС 1993 года подтвердил центральную роль свободы передвижения в интеграционной архитектуре Сообщества [7]. В дальнейшем эта повестка получила развитие в рамках Диалога по миграции в Западной Африке (MIDWA), начатого в 2000 году, и Общего подхода ЭКОВАС к миграции 2008 года, которые акцентировали необходимость согласования национальной политики, защиты мобильного населения и противодействия торговле людьми.

С нормативно-правовой точки зрения Протокол носит учредительный характер и является составной частью интеграционного права ЭКОВАС, обладающего наднациональными элементами. Он устанавливает трехэтапную модель реализации свободы передвижения: право на въезд без визы, право на проживание и право на осуществление трудовой и предпринимательской деятельности.

Дополнительные протоколы 1985 и 1990 годов конкретизируют положения о праве на проживание и праве на осуществление экономической деятельности, усиливая юридическую детализацию первоначального акта. В частности, они закрепляют обязательства государств по недискриминационному обращению с гражданами других стран ЭКОВАС, что способствует формированию единых стандартов правового статуса мигрантов внутри субрегиона.

Следует отметить, что на практике Протокол дал смешанные результаты. Социально-экономические различия, пограничные споры и нестабильность в отдельных странах дополнительно усложняют реализацию режима свободного передвижения. С одной стороны, Протокол стимулировал развитие внутрирегиональной торговли, расширение рынка труда и культурный обмен, укрепляя материальные и социальные основы интеграции. С другой стороны, повышенная мобильность облегчила деятельность транснациональных преступных сетей, усилила нелегальные миграционные потоки и выявила уязвимости национальных систем управления границами в связи с отсутствием достаточной инфраструктуры для контроля передвижения лиц и товаров.

Особенно сложными для практического исполнения оказываются положения, связанные с правом учреждения предприятий, признанием профессиональных квалификаций и координацией трудового законодательства, поскольку они требуют глубокой гармонизации национальных правовых систем.

В ответ на эти вызовы ЭКОВАС инициировала ряд реформ, направленных на повышение безопасности и эффективности трансграничного передвижения. Введение в 2014 году биометрической идентификационной карты ЭКОВАС стало попыткой унифицировать систему идентификации граждан, снизить уровень мошенничества и укрепить антитеррористические меры. Параллельно была внедрена Общая транзитная система ЭКОВАС, призванная оптимизировать таможенные процедуры, сократить избыточные проверки и облегчить торговые операции. Подходы к внедрению этих инструментов различались: некоторые государства активно интегрировали цифровые решения в национальные административные системы, тогда как другие продвигались медленно и поэтапно из-за финансовых и институциональных ограничений. Это наглядно показало зависимость эффективности проводимых реформ от политической воли, уровня подготовки кадров и гармонизации законодательства государств-членов.

В соответствии с отчетом об интеграции Африканского союза [8], ЭКОВАС выделяется как наиболее продвинутый африканский регион с точки зрения свободы передвижения. Оценка 0,90 по подкатегории «свобода передвижения» отражает эффективное выполнение Протокола 1979 года, гарантирующего гражданам Западной Африки право въезжать, проживать и обосновываться в любом государстве-члене без визы. Это положение подкрепляется конкретными инструментами, такими как паспорт ЭКОВАС, признаваемый во всем регионе, и региональная биометрическая карта, используемая в нескольких странах (Сенегал, Бенин, Гана и др.). На практике почти все сухопутные границы позволяют людям свободно перемещаться, при этом в приграничных районах действуют механизмы упрощения процедур въезда. Подраздел «Миграция» получил оценку 0,75 из 1, что отражает значительные усилия ЭКОВАС по согласованному управлению мобильностью населения.

В экономической сфере различия между странами Западной Африки замедляют процесс денежно-кредитной и фискальной гармонизации на региональном уровне из-за нестабильности экономик и несоблюдения многими государствами макроэкономических критериев. Сохраняющиеся нетарифные барьеры, медленное внедрение схемы либерализации и в отдельных случаях неэффективные механизмы компенсации также сдерживают торговые потоки.

Что касается инфраструктуры, то, несмотря на реализацию структурных проектов, их осуществление остается медленным из-за проблем финансирования и сложности процедур, а также отсутствия технических возможностей на национальном уровне. Кроме того, цифровой и энергетический разрыв между государствами-членами приводит к неравномерной интеграции территорий. Региональная мобильность, хотя и закреплена законодательно, попрежнему сдерживается незаконными практиками на границах и ограничительными национальными мерами.

Пример влияния Протокола о свободе передвижения на безопасность на примере Нигерии. Под пограничной безопасностью понимается состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства в пограничном пространстве. В некоторых публикациях авторы включают в определение еще и защищенность государственной границы и приграничной территории [9]. Пограничную безопасность также можно определить как «управление потоками людей, товаров и других материальных объектов через национальные границы» [10]. Следовательно, пограничная безопасность означает защиту государства от незаконной трансграничной деятельности, такой как нелегальный оборот оружия и боеприпасов, незаконная миграция, включая торговлю людьми, незаконный оборот наркотиков и др.

С момента окончания холодной войны Западная Африка характеризуется серией конфликтов различного масштаба. Коренными причинами этих конфликтов являются нестабильные и слабые политические институты государств, неразвитая экономика, неэффективное управление природными ресурсами, являющиеся «колониальным наследием». Большинство государств пережили полномасштабные гражданские войны; примерами являются Либерия, Сьерра-Леоне, Гвинея-Бисау, Кот-д'Ивуар, Нигерия. Большинство из них также пережили государственные перевороты, религиозные и этнические столкновения.

Несмотря на то, что цель Протокола о свободном передвижении заключается в стимулировании экономической активности и углублении региональной интеграции, его положения в определенной степени используются преступными группами для незаконного оборота наркотиков, оружия и торговли людьми. Кроме того, рост трансграничной мобильности, включая перемещение беженцев и вынужденных мигрантов, при недостаточной координации миграционной и правоохранительной политики создает дополнительные вызовы для принимающих государств. Это имеет серьезные последствия для безопасности субрегиона, включая угрозы жизни и имуществу населения, а также увеличение доступности стрелкового оружия и легких вооружений вследствие их нелегального распространения.

Потоки беженцев, в свою очередь, порождают комплекс социально-экономических и инфраструктурных проблем для принимающих стран, усиливая конкуренцию за ограниченные ресурсы, рабочие места и социальные услуги. В долгосрочной перспективе это может способствовать возникновению напряженности между принимающими сообществами и мигрантским населением, что повышает конфликтный потенциал в субрегионе.

В настоящее время особая опасность заключается в трансформации характера конфликтов: они все чаще зарождаются внутри отдельных государств и постепенно распространяются за их пределы, вовлекая соседние страны. Подобная динамика характерна для субрегиона Западной Африки и во многом отражает современные тенденции развития конфликтов на африканском континенте в целом.

Подтверждением этого является, например, факт убийства 44 ганцев в Гамбии в 2005 году, которые пытались реализовать свое право на свободу передвижения в пределах субрегиона [11].

Для решения подобных проблем ЭКОВАС целесообразно сформировать согласованный механизм управления внешними границами региона, разработать эффективную систему межгосударственного обмена информацией, а также внедрять концепцию «интеллектуальных границ» с использованием современных цифровых и технологических решений.

На сегодняшний день ЭКОВАС является единственным африканским регионом, где свободное передвижение эффективно реализуется на практике, способствуя углублению интеграционных процессов и росту социально-экономических показателей, хотя на границах попрежнему существуют проблемы. Инфраструктурный компонент (0,76) отражает амбиции региона в области транспортного сообщения. Западноафриканский энергетический пул способствует обмену электроэнергией между государствами, а программа таможенного взаимодействия SIGMAT (*Système Interconnecté de Gestion des Marchandises en Transit*) ускоряет цифровизацию процедур транзита и таможенного оформления. Усилия предпринимаются и в цифровой сфере, где реализуются региональные магистральные проекты и постепенно принимаются скоординированные цифровые стратегии.

Региональный генеральный план развития инфраструктуры (RIMP, *Regional Infrastructure Master Plan*) является стратегической дорожной картой для соединения столиц и экономических центров региона. Проекты по развитию нормативной инфраструктуры, финансируемые ЭКОВАС, АфБР, ЕС и другими партнерами, поддерживают более 20 крупных проектов, несколько из которых в настоящее время находятся в стадии реализации. В сфере автомобильных дорог (оценка: 0,78) ведется строительство или модернизация ключевых коридоров, в том числе автомагистрали Дакар-Лагос и маршрутов, связывающих Нигерию с Нигером и Бенином. Эти проекты способствуют развитию внутрирегиональной торговли и физической интеграции рынков. Железные дороги (0,72) являются предметом межгосударственного партнерства, в

рамках которого реализуются проекты по соединению железных дорог Ганы, Буркина-Фасо, Того и Нигера, а также планы по восстановлению существующих железных дорог для обеспечения лучшей логистической непрерывности. В сфере воздушного транспорта (0,70) региональные авиакомпании, такие как Air Côte d'Ivoire, укрепляют внутриафриканские перевозки.

Также ведется работа по гармонизации авиационных правил и приведению их в соответствие со стандартами Африканской комиссии по гражданской авиации (CAFAC). Энергетический сектор (оценка: 0,85) является одним из наиболее интегрированных благодаря Западноафриканскому энергетическому пулу (WAPP). Было построено несколько трансграничных линий электропередачи, а Региональный орган по регулированию электроэнергетики ЭКОВАС (ERERA) обеспечивает согласованность тарифных структур. Наконец, в секторе водоснабжения и санитарии (0,75) ЭКОВАС поддерживает проекты по управлению трансграничными речными бассейнами (Вольта, Нигер, Мано), строительство гидравлической инфраструктуры и мониторинг окружающей среды в сотрудничестве со специализированными организациями, такими как Нигерская бассейновая администрация (*Autorité du Bassin du Niger / Niger Basin Authority*) и Администрация бассейна реки Вольта (*Autorité du Bassin de la Volta / Volta Basin Authority*).

Углубление свободы передвижения и безопасности в Африке в партнерстве с АКЗСТ. В январе 2023 года Торгово-промышленная палата Лагоса (LCCI) и Нигерийский институт международных отношений совместно организовали конференцию под названием «Стимулирование внутрирегиональной торговли посредством реализации Протоколов Африканской континентальной зоны свободной торговли (АКЗСТ) и ЭКОВАС». Проведение данного мероприятия отражает институциональный интерес к согласованию правовых и экономических механизмов интеграции на континентальном и субрегиональном уровнях, а также стремление к синхронизации торговой либерализации с мерами по обеспечению устойчивого развития и безопасности региона.

Целью мероприятия стало достижение более глубокого понимания взаимосвязи между торговой либерализацией, мобильностью населения и региональной безопасностью, а также выработка практических стратегий укрепления внутрирегиональной торговли, инвестиционных связей и экономического сотрудничества в Западной Африке [12]. Дискуссии показали, что эффективная реализация Протокола ЭКОВАС о свободном передвижении лиц рассматривается политическими и экономическими акторами как центральный элемент достижения устойчивой интеграции, поскольку он создает правовую основу для свободного перемещения факторов производства и одновременно требует усиления межгосударственного сотрудничества правоохранительных органов.

Кроме того, обсуждение подчеркнуло, что синергия между континентальными и субрегиональными интеграционными инициативами способствует формированию многоуровневой системы управления интеграцией, в которой нормы АКЗСТ задают стратегическое направление, а механизмы ЭКОВАС обеспечивают практическую реализацию интеграционных целей на субрегиональном уровне. Это свидетельствует о постепенной институционализации интеграционных процессов в Африке и о переходе от декларативных форм сотрудничества к более структурированным и юридически закрепленным механизмам экономического взаимодействия.

Функционирование АКЗСТ призвано способствовать преодолению давней проблемы экономической фрагментации африканских государств за счет дополнения уже существующих субрегиональных экономических объединений и расширения договорно-правовой базы торгового сотрудничества. В отличие от многих субрегиональных соглашений, АКЗСТ охватывает более широкий спектр регулируемых сфер, включая инвестиционное сотрудничество, защиту прав интеллектуальной собственности и развитие единых торговых стандартов, что усиливает институциональную основу экономической интеграции на континенте. Соглашение о создании АКЗСТ представляет собой комплексный нормативно-правовой акт, направленный на формирование крупнейшей в мире зоны свободной торговли и постепенную либерализацию торговли товарами и услугами между государствами-участниками.

Особое значение в рамках обсуждения было уделено взаимодополняемости АКЗСТ и интеграционных механизмов ЭКОВАС, поскольку субрегиональные объединения продолжают играть роль «институциональных опор» континентальной интеграции. В данном контексте Протокол ЭКОВАС о свободном передвижении лиц рассматривается как ключевой инструмент, обеспечивающий мобильность рабочей силы, развитие трансграничного предпринимательства и формирование единого экономического пространства в Западной Африке. Свободное передвижение, в свою очередь, способствует интенсификации торговых потоков, снижению транзакционных издержек и расширению региональных производственно-сбытовых цепочек.

Африканский союз со своей стороны оказывает поддержку ЭКОВАС, рассматривая свободу передвижения как часть более широкой повестки континентальной интеграции, включая создание Африканской континентальной зоны свободной торговли и развитие координации в сфере безопасности и управления миграцией.

Вместе с тем участники конференции подчеркнули, что углубление торговой интеграции неизбежно сопряжено с необходимостью совершенствования механизмов правового регулирования трансграничной мобильности. Расширение экономических связей и либерализация передвижения лиц требуют координации миграционной политики, унификации пограничных процедур и развития цифровых систем идентификации, что позволит одновременно поддерживать открытость границ и минимизировать риски транснациональной преступности. Таким образом, интеграционные процессы в рамках АКЗСТ и ЭКОВАС приобретают комплексный характер, объединяя экономические, правовые аспекты и аспекты обеспечения безопасности.

В данном контексте надлежащее и последовательное исполнение Протокола о свободном передвижении лиц выступает не только инструментом углубления субрегиональной интеграции, но и необходимым условием реализации более широких интеграционных инициатив, включая функционирование АКЗСТ и развитие внешних политико-экономических связей с международными партнерами, в том числе с Российской Федерацией. Эффективное регулирование трансграничной мобильности способствует формированию предсказуемой правовой среды, укреплению инвестиционного климата и расширению торгово-экономического сотрудничества, что имеет ключевое значение для устойчивого развития региона.

Российско-африканские отношения занимают важное место в процессе формирования многополярного мирового порядка, опирающегося на принципы равноправия, уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств. Общая историческая основа, включая совместную борьбу с колониализмом и противодействие современным неоколониальным практикам, а также взаимодействие в рамках международных организаций подчеркивают высокий потенциал этого партнерства в

свете расширяющихся связей с Российской Федерацией и его устойчивость в меняющейся глобальной среде.

Заключение. Проведенное исследование позволяет констатировать, что Протокол ЭКОВАС о свободном передвижении оказывает значительное влияние на процесс региональной интеграции в Западной Африке, способствует росту инвестиционных потоков между государствами-членами, создавая условия для ускоренного экономического развития и углубления взаимозависимости между странами региона. Однако данные о прямой корреляции между либерализацией передвижения и показателями экономического роста на сегодняшний день остаются ограниченными, а влияние Протокола на качество и количество транснациональной преступности требует дальнейшего эмпирического анализа, учитывая роль наднациональных институтов в укреплении правопорядка. Практическая реализация Протокола сопряжена с определенными трудностями и проходит неравномерно внутри стран Сообщества. Слабое управление границами, фрагментарная институциональная координация, а также непоследовательная визовая и таможенная политика снижают его эффективность. Кроме того, открытие границ создало дополнительные риски для безопасности, включая уязвимость перед терроризмом, торговлей людьми и другими транснациональными преступлениями, что выявляет существующую напряженность между целями экономической интеграции и обеспечением региональной безопасности.

Для полноценного достижения целей Протокола о свободе передвижения ЭКОВАС осуществляет комплексное укрепление правоприменительных механизмов, инвестирует в развитие технологий мониторинга границ и гармонизацию миграционной политики и политики безопасности государств-членов. Такой подход может позволить сформировать сбалансированную систему, которая одновременно сохраняет открытость, стимулирует экономический рост и минимизирует угрозы безопасности, обеспечивая устойчивую и безопасную интеграцию в рамках Экономического сообщества западноафриканских государств.

Литература

1. Злобин Е.В. Интеграция в Африканском и Европейском союзах: сравнительный анализ // Право и управление. XXI век. 2025. № 21(4). С. 82-91.
2. ECOWAS 2050 Vision [Электронный ресурс]. URL: https://ecowap.ecowas.int/media/ecowap/file_document/2021_ECOWAS_2050_Vision_EN.pdf (дата обращения: 23.02.2026).
3. PROTOCOL A/P.1/5/79 Relating to Free Movement of Persons, Residence and Establishment [Электронный ресурс]. URL: https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/3269/download (дата обращения: 23.02.2026).
4. Gupta A. Regional Integration in West Africa: The Evolution of ECOWAS. New Delhi: Observer Research Foundation, 2015. 34 p.
5. Lee Y.-Sh. General Theory of Law and Development // Cornell International Law Journal. 2017. Vol. 50, № 3. P. 415-472.
6. Ismail F. A. Advancing Regional Integration in Africa through the Continental Free Trade Area (CFTA) // Law and Development Review. 2017. Vol. 10, № 1. P. 119–146.
7. Revised ECOWAS Treaty (1993) [Электронный ресурс]. URL: https://edit.wti.org/document/show/c3b73b1c-4f51-423a-be13-f57244f4b058 (дата обращения: 23.02.2026).
8. Africa Integration Report 2025 [Электронный ресурс]. URL: https://au.int/sites/default/files/documents/45243-doc-20250722_African_Integration_Report_main_report_EN_1_1.pdf (дата обращения: 23.02.2026).
9. Пограничная безопасность: монография / под общ. ред. В. В. Шумова. М.: КЖИ «Граница», 2024. 424 с.
10. Nelson R. O. Border security in a time of reformation: Two international case studies – Poland and India / R. O. Nelson [и др.]; Centre for Strategic and International Studies. Washington, D.C.: CSIS, 2020. 52 p.
11. Murder of 44 Ghanaians: Gambian president ordered killings // Ghanaian Times. 2007. № 15, 188. ISSN 0855-1502.
12. Ikpoto E. Lagos trade fair to focus on intra-African trade – LCCI // The Punch. 2023. [Электронный ресурс]. URL: http://www.punchng.com/lagos-trade-fair-to-focus-on-intra-african-trade-lcci/ (дата обращения: 23.02.2026).

Legal Regulation of Cross-Border Mobility within ECOWAS: Challenges of Harmonization and Security

Zlobin E.V.
MGIMO-MID

In the context of global interdependence of the states, no country can effectively develop in isolation, which necessitates international cooperation and regional integration. In this regard, the Economic Community of West African States (ECOWAS) adopted the Protocol on Free Movement of Persons aimed at strengthening interaction and promoting the development of its member states. The article examines the content of the Protocol and analyzes its impact on cross-border crime and regional integration processes.

The study demonstrates that the implementation of the Protocol, along with its positive integrative effects, creates certain security risks. Freedom of movement may be exploited by criminal groups for illicit trafficking in drugs and weapons, as well as human trafficking, which contributes to the growth of transnational organized crime. Moreover, the expansion of cross-border mobility complicates the activities of law enforcement agencies in detecting and preventing crimes. At the same time, it is concluded that the Protocol continues to play a significant role in deepening regional integration by stimulating trade, investment flows, and the economic development of the region. Achieving a balance between freedom of movement and control is possible through the harmonization of migration legislation, the development of joint border management mechanisms, and information exchange among member states, while maintaining a strategic course toward further regional integration.

Keywords: integration law, ECOWAS, Protocol on Free Movement of Persons, regional integration, West Africa.

References

1. Zlobin E.V. Integration in the African and European Unions: A Comparative Analysis // Law and Management. XXI Century. 2025. No. 21(4). Pp. 82-91.
2. ECOWAS 2050 Vision [Electronic resource]. URL: https://ecowap.ecowas.int/media/ecowap/file_document/2021_ECOWAS_2050_Vision_EN.pdf (accessed: 23.02.2026).
3. PROTOCOL A/P.1/5/79 Relating to Free Movement of Persons, Residence and Establishment [Electronic resource]. URL: https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaty-files/3269/download (accessed: 23.02.2026).
4. Gupta A. Regional Integration in West Africa: The Evolution of ECOWAS. New Delhi: Observer Research Foundation, 2015. 34 p.
5. Lee Y.-Sh. General Theory of Law and Development // Cornell International Law Journal. 2017. Vol. 50, No. 3. P. 415-472.
6. Ismail F. A. Advancing Regional Integration in Africa through the Continental Free Trade Area (CFTA) // Law and Development Review. 2017. Vol. 10, No. 1. P. 119–146.
7. Revised ECOWAS Treaty (1993) [Electronic resource]. URL: https://edit.wti.org/document/show/c3b73b1c-4f51-423a-be13-f57244f4b058 (accessed: 23.02.2026).
8. Africa Integration Report 2025 [Electronic resource]. URL: https://au.int/sites/default/files/documents/45243-doc-20250722_African_Integration_Report_main_report_EN_1_1.pdf (accessed: 23.02.2026).
9. Border Security: Monograph / edited by V. V. Shumov. Moscow: KZhI "Granitsa", 2024. 424 p.
10. Nelson R. O. Border security in a time of reformation: Two international case studies – Poland and India / R. O. Nelson [and others]; Center for Strategic and International Studies. Washington, D.C.: CSIS, 2020. 52 p.
11. Murder of 44 Ghanaians: Gambian president ordered killings // Ghanaian Times. 2007. No. 15, 188. ISSN 0855-1502.
12. Ikpoto E. Lagos trade fair to focus on intra-African trade – LCCI // The Punch. 2023. [Electronic resource]. URL: http://www.punchng.com/lagos-trade-fair-to-focus-on-intra-african-trade-lcci/ (accessed 02/23/2026).

Понятие «Безопасность в сфере ТЭК» в нормативных актах стран ЕАЭС

Климов Николай Евгеньевич
ФГБОУ ВО Национальный Исследовательский Университет «МЭИ», nklimov007@gmail.com

Михневич Анна Викторовна
ФГБОУ ВО Национальный Исследовательский Университет «МЭИ», esse99@mail.ru

В статье рассматривается понятие "безопасность в сфере топливно-энергетического комплекса (ТЭК)" в нормативных актах стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Проанализированы определения и подходы в законодательстве Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Армения и Кыргызской Республики с акцентом на сравнительный анализ, где российское законодательство демонстрирует лидерство в детализации и системности. Учтено влияние санкционного давления на Россию как фактор, усиливающий актуальность. Выявлены общие тенденции к интеграции и диверсификации, а также различия в фокусе на физической, информационной и экологической безопасности. Предложены рекомендации по разработке единого регламента ЕАЭС для повышения устойчивости союза. Введение Топливно-энергетический комплекс (ТЭК) является стратегической отраслью экономики стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС), обеспечивающей энергетическую независимость и устойчивость социально-экономического развития. Понятие "безопасность в сфере ТЭК" включает комплекс мер по защите объектов инфраструктуры от различных угроз, таких как акты незаконного вмешательства, природные катастрофы и экономические риски, включая санкционное давление. В нормативных актах стран ЕАЭС это понятие интерпретируется с учетом национальных приоритетов, но с тенденцией к гармонизации в рамках интеграционных процессов союза. Настоящая статья посвящена анализу эволюции и содержания данного понятия в законодательстве Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Армения и Кыргызской Республики, с акцентом на сравнительную характеристику, где российское законодательство демонстрирует лидерство в детализации и системности подхода, особенно в контексте противодействия внешнему санкционному давлению.
Ключевые слова: безопасность ТЭК, энергетическая безопасность, нормативные акты ЕАЭС, топливно-энергетический комплекс, национальное законодательство, санкционное давление.

Введение

Топливно-энергетический комплекс (ТЭК) является стратегической отраслью экономики стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС), обеспечивающей энергетическую независимость и устойчивость социально-экономического развития. Понятие «безопасность в сфере ТЭК» включает комплекс мер по защите объектов инфраструктуры от различных угроз, таких как акты незаконного вмешательства, природные катастрофы и экономические риски, включая санкционное давление. В нормативных актах стран ЕАЭС это понятие интерпретируется с учетом национальных приоритетов, но с тенденцией к гармонизации в рамках интеграционных процессов союза. Настоящая статья посвящена анализу эволюции и содержания данного понятия в законодательстве Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Армения и Кыргызской Республики, с акцентом на сравнительную характеристику, где российское законодательство демонстрирует лидерство в детализации и системности подхода, особенно в контексте противодействия внешнему санкционному давлению.

Актуальность темы обусловлена в контексте глобальных вызовов, включая геополитические конфликты, климатические изменения и цифровизацию, актуальность темы обусловлена необходимостью укрепления энергетической безопасности ЕАЭС для минимизации рисков зависимости от внешних факторов и обеспечения надежности поставок. Особое значение приобретает санкционное давление в отношении России, как ключевого члена ЕАЭС, которое усиливает уязвимости ТЭК. В 2025 году ЕС ввел 19-й пакет санкций, направленный на российский энергетический сектор, включая запрет на импорт LNG с 2027 года и ограничения на компании вроде Rosneft и Gazprom, что сказывается на доходах от экспорта и интеграционных процессах в союзе. Аналогичные меры от США и Великобритании, такие как снижение Oil Price Cap и санкции на нефтяной сектор, усугубляют давление, требуя адаптации норм ЕАЭС для защиты общего энергетического рынка. Кроме того, ЕС работает над 20-м пакетом санкций, что подчеркивает продолжающееся давление. Интеграционные процессы в ЕАЭС требуют унификации норм, особенно в свете недавних обновлений, таких как утверждение правил информационной безопасности в Казахстане в 2025 году. Актуальность подчеркивается научными исследованиями, указывающими на необходимость сравнительного анализа для выявления лучших практик в условиях внешних угроз.

Проблему в фрагментации и неполной гармонизации нормативных подходов к обеспечению безопасности топливно-энергетического комплекса (ТЭК) среди стран-членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Это приводит к уязвимостям в общей энергетической системе союза, особенно в условиях внешних угроз, таких как санкционное давление, геополитические конфликты.

Цель статьи - раскрыть понятие «безопасность в сфере ТЭК» на основе нормативных актов стран ЕАЭС, провести сравнительную характеристику законодательства, с акцентом на лидерство российского подхода в детализации, выявить общие тенденции и различия, включая влияние санкционного давления на Россию, а также предложить рекомендации по дальнейшей гармонизации.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- Проанализировать нормативные акты ЕАЭС и национальное законодательство стран-членов в отношении понятия "безопасность в сфере ТЭК".
- Провести сравнительную характеристику подходов к регулированию безопасности ТЭК в Российской Федерации и других странах ЕАЭС, выделив лидерство российского законодательства.
- Изучить влияние санкционного давления на Россию на безопасность ТЭК в контексте интеграционных процессов ЕАЭС.
- Выявить общие тенденции и различия в нормативных актах, а также сформулировать рекомендации по гармонизации норм для повышения устойчивости союза.

В Договоре о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (раздел XX) безопасность в сфере ТЭК трактуется как часть общей энергетической политики, включая взаимодействие государств-членов по индикативным балансам газа, нефти и нефтепродуктов, а также обеспечение доступа к услугам естественных монополий. Понятие ориентировано на создание общего энергетического рынка с учетом национальной безопасности, но детальные определения делегированы национальным законодательствам, с фокусом на унификацию норм в электроэнергетике и ресурсосбережении, особенно в условиях санкционного давления на ключевых игроков, таких как Россия.

Российское законодательство лидирует в регулировании безопасности ТЭК благодаря наличию специализированного Федерального закона от 21.07.2011 № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса», который устанавливает организационные и правовые основы защиты объектов от актов незаконного вмешательства, включая терроризм и диверсии (статья 1). Закон определяет безопасность как состояние защищенности объектов ТЭК, предусматривает категорирование по степени опасности (статья 4), принципы законности, комплексности и профилактики (статья 3), а также меры по антитеррористической защите и паспортизации [1]. Дополнительные изменения, внесенные в 2025 году Федеральным законом от 7 июля 2025 г. N 210-ФЗ [2], усилили аспекты защиты. В контексте санкционного давления 2025 года, включая меры ЕС и США против Rosneft и Gazprom, российское законодательство демонстрирует адаптивность, позволяя диверсифицировать поставки и усиливать внутреннюю защиту ТЭК, что делает его наиболее детализированным и системным среди стран ЕАЭС.

В Беларуси энергетическая безопасность интегрирована в Концепцию энергетической безопасности, утвержденную Постановлением Совета Министров от 23.12.2015 № 1084, где она определяется как состояние защищенности от угроз дефицита энергии и внешней зависимости. Документ подчеркивает приоритеты повышения эффективности ТЭК и диверсификации источников [3]. В сравнении с РФ, белорусский подход более концептуальный, без отдельного закона о безопасности объектов ТЭК, фокусируясь на энергоэффективности и интеграции в национальную безопасность, что уступает в детализации российскому законодательству, особенно в условиях косвенного влияния санкций на Россию на белорусский ТЭК через ЕАЭС.

Казахстанское регулирование включает Правила обеспечения информационной безопасности в сфере ТЭК, утвержденные Приказом Министра энергетики от 15.09.2025, с акцентом на защиту информационных систем. Общий подход отражен в Законе «О национальной безопасности» 2012 года и Концепции развития ТЭК до 2030 года, где безопасность трактуется как энергетическая независимость [4]. В отличие от РФ, где акцент на физической и антитеррористической защите объектов, Казахстан подчеркивает информационную безопасность и управление системами, но без такой же степени детализации в категоризации и профилактике, что подтверждает лидерство российского закона, особенно в противодействии санкциям, влияющим на экспортные потоки в ЕАЭС.

В Армении безопасность ТЭК регулируется Законом «Об энергетике» от 07.03.2001 № ЗР-148, где цели включают повышение энергетической безопасности через диверсификацию и надежность (статья 1). Дополнительно, Закон «Об использовании атомной энергии» фокусируется на ядерной безопасности [5]. По сравнению с РФ, армянское законодательство интегрирует безопасность в общую энергетическую политику, без специализированного акта о защите объектов ТЭК, что делает его менее детализированным и ориентированным на региональные вызовы, такие как зависимость от поставок, усугубляемые санкциями против России. В 2025 году внесены изменения, связанные с национализацией электросетей.

В Кыргызстане безопасность ТЭК отражена в Стратегии развития ТЭК до 2025 года и Национальной стратегии развития 2018-2040, с акцентом на устойчивость, энергетическую безопасность и удовлетворение растущего спроса. Правила техники безопасности при эксплуатации оборудования (2015) касаются операционной безопасности [6]. В сравнении с РФ, подход более стратегический и экологический, без детальной регламентации защиты объектов, фокусируясь на гидроэнергетике и региональных связях, что подчеркивает лидерство российского законодательства в системности, особенно в контексте санкционного давления на российский ТЭК, влияющего на весь союз. Актуализирована Национальная энергетическая программа до 2035 года.

Общий анализ показывает, что российское законодательство лидирует по степени детализации и наличию специализированного закона, в то время как другие страны используют концепции и стратегии, интегрируя безопасность в общие рамки. Общие тенденции включают ориентацию на диверсификацию и интеграцию в ЕАЭС, с учетом санкционного давления на Россию как фактора, стимулирующего унификацию норм.

Заключение

Понятие «безопасность в сфере ТЭК» в нормативных актах стран ЕАЭС развивается от национальных мер к интеграционным механизмам, где российское законодательство лидирует благодаря специализированному Федеральному закону № 256-ФЗ, обеспечивающему наиболее детализированный и системный подход к защите объектов, особенно в условиях санкционного давления 2025 года от ЕС, США и Великобритании. Это давление, targeting ключевые компании и экспорт, усиливает риски для всего ЕАЭС, требуя адаптации. Другие члены ЕАЭС полагаются на концепции и стратегии, что уступает в глубине. Для гармонизации рекомендуется разработка единого регламента ЕАЭС по безопасности ТЭК на основе лучших практик РФ, с учетом санкций, что усилит общую устойчивость союза и минимизирует экономические потери.

На основе анализа понятия "безопасность в сфере ТЭК" в нормативных актах стран ЕАЭС, представленного в статье, предлагаются следующие рекомендации. Они учитывают лидерство российского законодательства в детализации и системности подхода, влияние санкционного давления на Россию (включая 19-й и готовящийся 20-й пакеты санкций ЕС, а также меры США и Великобритании), а также общие тенденции к интеграции и диверсификации. Рекомендации направлены на повышение устойчивости союза, минимизацию рисков и гармонизацию норм.

Они разделены по ключевым аспектам для удобства реализации:

1. Разработка единого регламента ЕАЭС по безопасности ТЭК

2. Усиление кибербезопасности и информационной защиты в ТЭК.

3. Диверсификация источников энергии и снижение зависимости

4. Адаптация к санкционному давлению и внешним рискам

Реализация этих рекомендаций позволит ЕАЭС перейти от национальных подходов к интегрированной системе безопасности ТЭК, усиливая устойчивость к внешним вызовам и способствуя экономическому росту.

Литература

1. Федеральный закон от 21.07.2011 N 256-ФЗ (ред. от 07.07.2025) "О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса" // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_117196.

2. Федеральный закон от 07.07.2025 N 210-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" //https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_509326.

3. Концепция энергетической безопасности Республики Беларусь. Постановление Совета Министров от 23.12.2015 № 1084 (актуализировано на 2025 год) // https://president.gov.by/ru/events/sovesanie-o-rezul-tatah-raboty-belaes-uvelicenii-elektropotreblenia-i-predlozeniah-o-stroitel-stve-novyh-atomnyh-mosnostej.

4. Правила обеспечения информационной безопасности в сфере топливно-энергетического комплекса (Казахстан). Приказ Министра энергетики от 15.09.2025 № 349-н/қ // https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2500036852.

5. Закон Республики Армения «Об энергетике» от 07.03.2001 № ЗР-148 (с изменениями 2025 года) // https://arka.am/news/economy/vlasti-armenii-initsiiruyut-peregovory-s-vladeltsem-esa-na-predmet-peredachi-prav-na-imushchestvo-gl.

6. Национальная энергетическая программа Кыргызской Республики до 2035 года // https://secca.eu/wp-content/uploads/2024/10/6_Eleonora-Kazakova_24-October_RU_upd.pdf.

7. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 (с изменениями Протокола от 28.07.2025) // https://www.alta.ru/tamdoc/25bn0096.

8. Галия Мовкебаева, Алия Актимбаева, Юлия Тюрина, Нуркен Байкадамов, Камар Бекетова, Мария Троянская, Шолпан Смагулова, Айжан Имангалиева. Энергетическая безопасность и устойчивость в Евразийском экономическом союзе в условиях экономического развития: дело Казахстана с энергетическим сектором до 2040 перспективы // международный журнал энергетической экономики и политики. 2020. // www.econjournals.com/index.php/ijeep/article/view/9178.

9. Светлана Владиславлевна Лобова, Алексей Валентинович Боговиз, Юлия Вячеславовна Рагулина, Александр Николаевич Алексеев. Топливно-энергетический комплекс России: анализ политики энергетической эффективности на федеральном уровне // международный журнал энергетической экономики и политики. 2019. // www.econjournals.com/index.php/ijeep/article/view/6391.

10. Игбал А. Гулиев, Эльнур Т. Мехдиев. Роль сектора топлива и энергетики в процессе интеграции экономических сообществ Евразии // международный журнал энергетической экономики и политики. 2017. //www.econjournals.com/index.php/ijeep/article/view/3208.

11. Вэнь Дж., Чжао Х., Wang Q.- Джей., Чанг С.- Пи. Влияние международных санкций на энергетическую безопасность / / энергия и окружающая среда. 2021. Вол. 32, Нет. 7. Р. 1179–1198. DOI: 10.1177 / 0958305X20937686.

12. Зеленая энергия: новые возможности или вызовы энергетической безопасности для общего электрического рынка стран Евразийского экономического союза // Energies. 2022. Вол. 15, нет. 14. Р. 5091. Дои: 10.3390 / en15145091.

13. Влияние экономических санкций на традиционные и рентабельные энергетические интересы целевых стран: понимание глобального прогноза на 2002-2022 годы // энергетическая экономика. 2025. Вол. 135. Арт. 107654. Дои: 10.1016 / Дж.Энеко.2025.107654.

14. Оценка деятельности ЕС в области энергетических санкций против России / / энергетическая полиция. 2024. Вол. 191. Арт. 114188. Дои: 10.1016 / Дж.энполь.2024.114188. Кибербезопасность объектов ТЭК в 2023 году./ / журнал "информационная безопасность". 2023. № 2. S. 45-52. //www.itsec.ru/articles/kiberbezopasnost-obektov-tek-v-2023-godu.

15. Утечка информации в технологических исследованиях в 2025 году. год: сокращение инцидентов и увеличение внутренних угроз в России / / в МПН. 2025. S. 12-28. //cisoclub.ru/tjek-adaptirovalsja-k-ugrozam-situacija-s-utechkami-dannyh-stabiliziruetsja.

The Concept of "Security in the Fuel and Energy Complex" in the Regulatory Acts of the EAEU Member States

Klimov N.E., Mikhnevich A.V.

National Research University «Moscow Power Engineering Institute» (MPEI)

The article examines the concept of "security in the fuel and energy complex (FEC)" as it is reflected in the regulatory legal acts of the Eurasian Economic Union (EAEU) member states. The definitions and approaches in the legislation of the Russian Federation, the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan, the Republic of Armenia, and the Kyrgyz Republic are analyzed with an emphasis on comparative analysis, which demonstrates that Russian legislation is the leader in terms of detail and systematic approach. The impact of sanctions pressure on Russia is considered as a factor that increases the relevance of the issue. Common trends toward integration and diversification are identified, as well as differences in the focus on physical, information, and environmental security. Recommendations are proposed for the development of a unified EAEU regulation to enhance the resilience of the Union. **Introduction** The fuel and energy complex (FEC) is a strategic sector of the economy of the Eurasian Economic Union (EAEU) member states, ensuring energy independence and the sustainability of socio-economic development. The concept of "security in the FEC" encompasses a set of measures aimed at protecting infrastructure facilities from various threats, including acts of unlawful interference, natural disasters, and economic risks, including sanctions pressure. In the regulatory acts of the EAEU countries, this concept is interpreted taking into account national priorities but with a tendency toward harmonization within the framework of the Union's integration processes. The present article is devoted to the analysis of the evolution and content of this concept in the legislation of the Russian Federation, the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan, the Republic of Armenia, and the Kyrgyz Republic, with an emphasis on comparative characteristics. Russian legislation demonstrates leadership in the detail and systematic nature of its approach, particularly in the context of countering external sanctions pressure.

Keywords: FEC security, energy security, regulatory acts of the EAEU, fuel and energy complex, national legislation, sanctions pressure.

References

1. Federal Law No. 256-FZ of 07.07.2011 (as amended on 07.07.2025) "On the safety of facilities of the Fuel and Energy Complex"//https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_117196.
2. Federal Law No. 210-FZ of 07.07.2025 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" //https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_509326.
3. The concept of energy security of the Republic of Belarus. Resolution of the Council of Ministers of December 23, 2015 No. 1084 (updated for 2025) // https://president.gov.by/ru/events/sovesanie-o-rezul-tatah-raboty-belaes-uvelicenii-elektropotreblenia-i-predlozeniah-o-stroitel-stve-novyh-atomnyh-mosnostej.
4. Rules for ensuring information security in the field of fuel and energy complex (Kazakhstan). Order of the Minister of Energy dated 09/15/2025 No. 349-n/k / https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2500036852.
5. The Law of the Republic of Armenia "On Energy" dated 03/07/2001 No. ZR-148 (as amended in 2025) // https://arka.am/news/economy/vlasti-armenii-initsiiruyut-peregovory-s-vladeltsem-esa-na-predmet-peredachi-prav-na-imushchestvo-gl.

6. National Energy Program of the Kyrgyz Republic until 2035 // https://secca.eu/wp-content/uploads/2024/10/6_Eleonora-Kazakova_24-October_RU_upd.pdf.
7. The Treaty on the Eurasian Economic Union dated 05/29/2014 (as amended by the Protocol dated 07/28/2025) // https://www.alta.ru/tamdoc/25bn0096.
8. Galiya Movkebayeva, Aliya Aktimbaeva, Yulia Tyurina, Nurken Baykadamov, Kamar Beketova, Maria Troyanskaya, Sholpan Smagulova, Aizhan Imangalieva. Energy security and Sustainability in the Eurasian Economic Union in the context of Economic development: Kazakhstan's case with the Energy sector up to 2040 prospects // International Journal of Energy Economics and Politics. 2020. // www.econjournals.com/index.php/ijeep/article/view/9178.
9. Svetlana Vladislavlevna Lobova, Alexey Valentinovich Bogoviz, Yulia Vyacheslavovna Ragulina, Alexander Nikolaevich Alekseev. Fuel and energy complex of Russia: Analysis of energy efficiency policy at the federal level // International Journal of Energy Economics and Politics. 2019. // www.econjournals.com/index.php/ijeep/article/view/6391.
10. Igbal A. Guliyev, Elnur T. Mehdiyev. The role of the fuel and energy sector in the process of integration of the Eurasian Economic Communities // International Journal of Energy Economics and Politics. 2017. //www.econjournals.com/index.php/ijeep/article/view/3208.
11. Wen J., Zhao H., Wang Q.- J., Chang S.- Pi. The impact of international sanctions on energy security / / Energy and environment. 2021. Vol. 32, No. 7. P. 1179-1198. DOI: 10.1177/ 0958305X20937686.
12. Green energy: new opportunities or challenges of energy security for the common electric market of the countries of the Eurasian Economic Union // Energies. 2022. Vol. 15, no. 14. P. 5091. Doi: 10.3390 / en15145091.
13. The impact of economic sanctions on the traditional and profitable energy interests of target countries: understanding the global forecast for 2002-2022 // Energy economics. 2025. Vol. 135. Art. 107654. Doi: 10.1016 / J.Eneko.2025.107654.
14. Assessment of the EU's activities in the field of energy sanctions against Russia / / Energy police. 2024. Vol. 191. Art. 114188. Doi: 10.1016 / J.enpol.2024.114188. Cybersecurity of fuel and energy complex facilities in 2023./ / Information Security magazine. 2023. № 2. S. 45-52. //www.itsec.ru/articles/kiberbezopasnost-obektov-tek-v-2023-godu.
15. Information leakage in technological research in 2025. Year: reduction of incidents and increase of internal threats in Russia / / in MPN. 2025. S. 12-28. //cisoclub.ru/tjek-adaptirovalsja-k-ugrozam-situacija-s-utechkami-dannyh-stabiliziruetsja.

Правовое регулирование внешнеэкономической деятельности в сфере энергетики в условиях антироссийских санкций (на примере ПАО «Газпром»)

Мансурова Екатерина Алексеевна
студент магистратуры кафедры международных отношений и права, Национальный Исследовательский Университет «МЭИ», ekaterinamansurova01@gmail.com

Букалерова Людмила Александровна
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений и права, Национальный Исследовательский университет «МЭИ», BukalerovaLA@mpei.ru

В статье исследуется правовое регулирование внешнеэкономической деятельности в энергетической сфере в условиях беспрецедентных антироссийских санкций. На примере ПАО «Газпром» анализируются ключевые ограничения, введённые ЕС (включая 19-й пакет санкций и поэтапный запрет на импорт российского газа к 2027 году) и США, а также их воздействие на трубопроводный экспорт и проекты СПГ. Особое внимание уделяется адаптационным механизмам: переориентации поставок на азиатские рынки (рекордные 38,8 млрд м³ в Китай в 2025 году через «Силу Сибири»), росту экспорта в Турцию и страны ЕАЭС, переходу на расчёты в национальных валютах, параллельному импорту и развитию «теневого флота». Подчёркивается стратегическая роль общего рынка газа Евразийского экономического союза, запущенного с 1 января 2025 года, который обеспечивает недискриминационный доступ к инфраструктуре и свободное перемещение газа внутри Союза, компенсируя потери европейского направления. Предлагаются направления совершенствования регулирования для повышения устойчивости экспорта и энергетической безопасности России и ЕАЭС.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, энергетика, природный газ, санкции, ПАО «Газпром», Евразийский экономический союз, экспортный контроль, таможенное регулирование, общий рынок газа ЕАЭС.

Введение

Внешнеэкономическая деятельность (ВЭД) в сфере энергетики занимает центральное место в экономике Российской Федерации, обеспечивая значительную долю валютных поступлений в бюджет. В условиях сформировавшегося в XX веке ресурсного и технологического уклада мировой экономики Российская Федерация занимает особое место, являясь одновременно крупным производителем, потребителем и экспортером всех видов различных углеродных энергетических ресурсов. В экономике Российской Федерации топливно-энергетический комплекс (ТЭК) занимает существенное место и играет роль базовой инфраструктуры, одной из основ формирования доходов бюджетной системы Российской Федерации и крупнейшего заказчика для других отраслей [14].

В декабре 2025 года страны ЕС одобрили 19-й пакет антироссийских санкций. Санкции — это финансовые, торговые, визовые и другие ограничения, которые вводятся странами или группами стран против других государств, компаний и отдельных лиц. Как правило, они служат альтернативой военных действий и направлены на изменение внешне- и внутриполитического курса конкретной страны или на ослабление правящего в ней режима. Последние десятилетия санкции стали ведущим незаконным инструментом международной политики и дипломатии [21].

ПАО «Газпром» как ключевой участник рынка природного газа осуществляет экспорт в десятки стран, однако с 2022 года его деятельность существенно осложнена санкционными ограничениями со стороны ЕС, США и других государств. Эти меры включают запрет на новые инвестиции, ограничения на технологии и финансовые операции, что требует адаптации правового регулирования на национальном уровне и в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Статья посвящена анализу правового регулирования ВЭД ПАО «Газпром» в условиях санкций с акцентом на нормы российского законодательства и права ЕАЭС.

Актуальность исследования обусловлена беспрецедентным санкционным давлением на российский энергетический сектор после февраля 2022 года. По данным ПАО «Газпром», экспорт газа в страны дальнего зарубежья в 2023-2024 гг. сократился более чем на 40% по сравнению с досанкционным периодом [12], что привело к переориентации поставок на азиатские рынки и страны ЕАЭС. В этих условиях особую значимость приобретают механизмы правовой защиты экспортеров, предусмотренные законом [3], а также интеграционные процессы в ЕАЭС, направленные на формирование общего рынка газа с 1 января 2025 года. Как отмечается в обзоре антисанкционных мер, принятых в 2022–2025 гг., эти процессы включают специальные экономические меры поддержки бизнеса, такие как пролонгация субсидий и упрощение таможенного регулирования для экспортеров [15].

Санкции затрагивают не только прямой экспорт, но и цепочки поставок, платежи и страхование, что делает необходимым анализ адаптационных мер российского государства и наднационального регулирования ЕАЭС.

Цель исследования - комплексный анализ современного правового регулирования внешнеэкономической де-

ятельности ПАО «Газпром» в условиях действия международных санкций с позиции права Российской Федерации и права Евразийского экономического союза, а также разработка научно обоснованных предложений по его совершенствованию в целях обеспечения устойчивого экспорта природного газа и энергетической безопасности государства и Союза.

Для достижения цели решаются следующие задачи:

- рассмотреть национальные механизмы регулирования ВЭД в энергетике;
- изучить роль права ЕАЭС в обеспечении беспрепятственного экспорта газа;
- проанализировать влияние санкций на деятельность ПАО «Газпром» и меры противодействия им;
- оценить перспективы общего рынка газа ЕАЭС как инструмента минимизации санкционных рисков.

Основу национального регулирования ВЭД России составляет Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности». Согласно ст. 4 данного закона государство обеспечивает свободу внешнеторговой деятельности, за исключением случаев, когда вводятся запреты и ограничения для защиты экономических интересов РФ. В настоящее время в условиях санкций активно разрабатываются специальные правовые и экономические меры [4].

Особое значение для экспорта газа имеет Федеральный закон от 18.07.1999 № 183-ФЗ «Об экспортном контроле» (в ред. от 26.03.2022). Закон устанавливает контроль за товарами двойного назначения, однако природный газ как энергетический ресурс регулируется отдельно. Экспорт газа из РФ осуществляется на основании исключительного права ПАО «Газпром» [1], что обеспечивает монопольный контроль за трубопроводными поставками.

В 2022-2025 гг. Правительство РФ приняло ряд мер поддержки экспортеров энергии, например издано Постановление от 16.03.2022 № 377 (пролонгация субсидий для пострадавших от санкций компаний), а также введены временные запреты на вывоз определённых товаров в недружественные страны [5]. Кроме того, в финансово-правовом аспекте регулирования ВЭД подчеркивается необходимость баланса между публичными интересами государства и частными интересами экспортеров, с учетом модернизации законодательства [16].

Рассмотрим роль правового регулирования сферы ТЭК Евразийским экономическим союзом. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 (раздел XIX «Энергетика») предусматривает формирование общих рынков энергоресурсов. С 1 января 2025 года запущен общий рынок газа ЕАЭС [8], что обеспечивает недискриминационный доступ к газотранспортным системам государств-членов (ст. 83 Договора о ЕАЭС).

Таможенное регулирование экспорта газа осуществляется в соответствии с Таможенным кодексом ЕАЭС [7]. Процедура экспорта (глава 21 ТК ЕАЭС) предусматривает уплату вывозных таможенных пошлин на газ (ставки устанавливаются национальным законодательством РФ), но внутри Союза действует режим свободного перемещения без пошлин.

Для ПАО «Газпром» общий рынок ЕАЭС стал ключевым направлением переориентации: в 2024–2025 гг. поставки в Беларусь, Казахстан, Армению и Киргизию выросли, компенсируя потери европейского направления.

Односторонние санкционные меры, введённые Европейским союзом (Советский регламент (ЕС) № 833/2014 в редакции 2024-2025 гг.), Соединёнными Штатами Америки (SDN List OFAC, исполнительные указы № 14024, № 14114), а также иными недружественными юрисдикциями, существенно ограничили внешнеэкономическую деятельность ПАО «Газпром» в части трубопроводного экспорта природного газа. По состоянию на ноябрь 2025 года объём трубопроводных поставок газа в страны дальнего зарубежья сократился более чем в два раза по сравнению с досанкционным 2021 годом (с 200 млрд м³ до 115–120 млрд м³ по прогнозу на 2025 год).

Ключевые ограничительные (санкционные) меры в отношении сферы ТЭК России включают:

- запрет на новые инвестиции и поставки оборудования для проектов по производству сжиженного природного газа (СПГ), в том числе «Арктик СПГ-2» и «Газпром СПГ Портовая»;
- ограничения в отношении технологий глубоководной добычи и арктического шельфа;
- блокирующие меры в отношении финансовых операций, страхования судов и «теневого флота»;
- с января 2025 года - включение ПАО «Газпром нефть» и аффилированных структур в SDN List США[17];
- запрет ЕС на реэкспорт российского СПГ через европейские терминалы (вступил в силу весной 2025 года), а также поэтапный отказ от импорта российского газа и СПГ (полный запрет для долгосрочных контрактов - с 1 января 2027 года, для краткосрочных - в течение шести месяцев с момента вступления в силу)[18].

Вместе с тем экспорт СПГ из Российской Федерации в 2024 году достиг рекордного уровня в 33,6 млн тонн (рост 7 % к 2023 году), что частично компенсировало снижение трубопроводных поставок. Анализ обзоров санкций за 2023-2024 гг. показывает, что такие тенденции диверсификации стали ключевым фактором устойчивости энергетического сектора [19].

В целях правовой адаптации ПАО «Газпром» и Российская Федерация реализовали комплекс мер, предусмотренных национальным законодательством и наднациональным правом:

- Переориентацию экспортных потоков на юрисдикции, не применяющие односторонние ограничительные меры. В 2024-2025 гг. поставки по магистральному газопроводу «Сила Сибири» в Китайскую Народную Республику превысили контрактные обязательства (более 28 млрд м³ в 2024 году;
- Выход на проектную мощность 38 млрд м³ в 2025 году). Значительно увеличен экспорт в Турецкую Республику (по газопроводу «Турецкий поток»), Республику Индия и иные государства Азии. Поставки в государства - члены ЕАЭС возросли на 20–30 %, формируя устойчивый рынок, свободный от внешних ограничений.
- Введение контрсанкционных мер Указом Президента Российской Федерации от 31.03.2022 № 172 (об оплате поставок газа в рублях), от 03.05.2022 № 252 (о запрете исполнения обязательств перед лицами недружественных юрисдикций), а также переход на расчёты в национальных валютах (российский рубль, китайский юань, турецкая лира) с контрагентами из КНР, Турции и Индии.
- Применение механизмов параллельного импорта и развитие альтернативной инфраструктуры. Активное использование параллельного импорта оборудования и технологий, развитие собственных СПГ-проектов, расширение «теневого флота» для транспортировки углеводородов.
- Использование наднационального регулирования Евразийского экономического союза. С 1 января 2025 года общий рынок газа ЕАЭС признан сложившейся системой взаимоотношений (Решение Высшего Евразийского экономического совета от 26.12.2024 № 22), что обеспечивает недискриминационный доступ к газотранспортным системам государств-членов (ст. 83 Договора о ЕАЭС [10]) и свободное перемещение газа без вывозных таможенных пошлин. Данный механизм позволил ПАО «Газпром»

нарастить поставки в Союз, компенсировав часть потерь европейского направления.

В результате применения указанных мер общий экспорт природного газа Российской Федерации в 2024-2025 гг. стабилизировался, а доходы от энергетического сектора сохранились на уровне, позволяющем обеспечивать экономическую безопасность. Общий рынок газа ЕАЭС выступает ключевым правовым инструментом нейтрализации санкционных рисков, создавая зону беспрепятственного сбыта. Дальнейшее развитие требует гармонизации тарифов на транспортировку и механизмов ценообразования в соответствии с планом до 2030 года.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы:

Национальное правовое регулирование ВЭД в сфере энергетики демонстрирует высокую адаптивность к санкционным вызовам. Федеральные законы № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности», № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» и № 183-ФЗ «Об экспортном контроле», дополненные указами Президента РФ (в частности, № 79 от 28.02.2022, № 172 от 31.03.2022, № 252 от 03.05.2022) и постановлениями Правительства РФ (№ 311, 312 от 09.03.2022, № 377 от 16.03.2022), создали эффективный механизм защиты интересов ПАО «Газпром». Ключевыми инструментами стали:

- сохранение исключительного права на экспорт трубопроводного газа;
- введение расчётов в рублях за поставки в недружественные страны;
- временные запреты и ограничения на сделки с лицами из недружественных юрисдикций;
- меры государственной поддержки экспортёров (субсидии, компенсации).
- Право Евразийского экономического союза выступает стратегическим фактором минимизации санкционных рисков. Запуск общего рынка газа ЕАЭС с 1 января 2025 года (Решение ВЕЭС № 22 от 26.12.2024) обеспечивает:
- недискриминационный доступ к газотранспортной инфраструктуре государств-членов (ст. 83 Договора о ЕАЭС);
- свободное перемещение газа внутри Союза без вывозных таможенных пошлин;
- возможность существенного увеличения поставок ПАО «Газпром» в Беларусь, Казахстан, Армению и Киргизию как альтернативы европейскому направлению. В 2024–2025 гг. именно страны ЕАЭС стали основным направлением переориентации экспорта, частично компенсировав сокращение поставок в дальнее зарубежье более чем на 40 %.

Санкции западных стран создали новые вызовы, но одновременно ускорили диверсификацию рынков сбыта и расчётных механизмов. Ограничения ЕС (Регламент № 833/2014 в ред. 2024 г.) и США (включение в SDN List) затронули технологии, оборудование, финансы и страхование. В ответ ПАО «Газпром» активно использует параллельный импорт, расчёты в национальных валютах с Китаем, Индией, Турцией и странами ЕАЭС, а также развивает СПГ-проекты вне зоны действия санкций. Как показывают обзоры санкций за 2023-2024 гг., такие меры способствовали росту экспорта СПГ на 7% в 2024 г., несмотря на ограничения [20].

Перспективы дальнейшего совершенствования правового регулирования связаны прежде всего с углублением интеграции в рамках ЕАЭС. Для полного раскрытия потенциала общего рынка газа необходимо:

- завершить гармонизацию методик формирования цен и тарифов на услуги транспортировки (до 2026-2027 гг.);
- расширить использование российского рубля и национальных валют государств-членов в расчётах;
- разработать единые правила биржевой торговли газом на площадках ЕАЭС;
- усилить координацию позиций государств-членов в международных организациях (ОЭСР, ВТО, Энергетическая хартия) для коллективной защиты интересов.

Таким образом, сочетание гибких национальных контрсанкционных мер и наднационального регулирования ЕАЭС позволило ПАО «Газпром» не только минимизировать негативные последствия санкций, но и создать основу для устойчивого развития внешнеэкономической деятельности в новых геоэкономических реалиях. Общий рынок газа ЕАЭС является ключевым инструментом десанкционизации российского энергетического экспорта и обеспечения энергетической безопасности Союза в средне- и долгосрочной перспективе.

Литература

1. Федеральный закон от 31.03.1999 № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации».
2. Федеральный закон от 18.07.1999 № 183-ФЗ «Об экспортном контроле» (в ред. от 26.03.2022).
3. Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности».
4. Указ Президента РФ от 28.02.2022 № 79 в ред. 2024 г.).
5. Постановление от 09.03.2022 № 311, № 312
6. Постановление Правительства РФ от 16.03.2022 № 377 «Об особенностях исполнения обязательств по субсидиям в 2022 году».
7. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору от 11 апреля 2017 года).
8. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 26.12.2024 № 22 «О формировании общего рынка газа Евразийского экономического союза».
9. Концепция формирования общего рынка газа Евразийского экономического союза (утв. Решением Высшего Евразийского экономического совета от 31.05.2016 № 18).
10. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (в ред. на 2024 г.).
11. Официальный сайт ПАО «Газпром» // gazprom.ru (раздел «Экспорт», данные на 2025 г.).
12. Официальный сайт ПАО «Газпром» // gazprom.ru (раздел «Отчетность» данные за 2023г.)
13. Агамагомедова С.А. Административно-правовое регулирование в сфере внешнеэкономической деятельности в условиях санкций // Безопасность бизнеса. 2023. № 2
14. Трегубенко Ф.В. Устойчивое развитие ТЭК России в условиях санкций коллективного Запада // Российский внешнеэкономический вестник. 2024
15. Антисанкционные меры 2022-2025 (специальные экономические меры и меры, направленные на поддержку бизнеса и граждан) (подготовлено экспертами компании "Гарант") // Система ГАРАНТ. 2025.
16. Коллектив авторов. Финансово-правовое регулирование внешнеэкономической деятельности // ЛитРес. 2024.
17. Treasury Intensifies Sanctions Against Russia by Targeting Russia's Oil Production and Exports // U.S. Department of the Treasury. 2025.

18. 19th package of sanctions against Russia: EU targets Russian energy, third-country banks and crypto providers // Council of the European Union. 2025.

19. Обзор главных событий в сфере санкционного регулирования и практике его применения за 2023 год и тенденций 2024 года // KKMP Legal. 2024.

20. Sanctions by The Numbers: The Russian Energy Sector // Center for a New American Security (CNAS). 2024.

21. Санкции: что это, какие бывают, как работают, как повлияли санкции США и ЕС на Россию — РБК https://www.rbc.ru/base/24/02/2025/67aefb519a7947878698988a

Legal Regulation of Foreign Economic Activity in the Energy Sector under Anti-Russian Sanctions (Case Study: PJSC Gazprom)

Mansurova E.A., Bukalerova L.A.

National Research University «Moscow Power Engineering Institute» (MPEI)

The article examines the legal regulation of foreign economic activity in the energy sector amid unprecedented anti-Russian sanctions. Using PJSC Gazprom as a case study, it analyzes key restrictions imposed by the EU (including the 19th sanctions package and the phased ban on Russian gas imports by 2027) and the United States, as well as their impact on pipeline gas exports and LNG projects. Particular attention is paid to adaptation mechanisms: redirection of supplies to Asian markets (record 38.8 billion cubic meters delivered to China via the Power of Siberia pipeline in 2025), increased exports to Turkey and EAEU countries, transition to settlements in national currencies, parallel imports, and development of the "shadow fleet." The strategic role of the Eurasian Economic Union's common gas market, launched on January 1, 2025, is emphasized, ensuring non-discriminatory access to infrastructure and free movement of gas within the Union, thereby offsetting losses from the European direction. Recommendations are proposed for improving regulation to enhance export resilience and energy security for Russia and the EAEU.

Keywords: foreign economic activity, energy sector, natural gas, sanctions, PJSC Gazprom, Eurasian Economic Union, export control, customs regulation, common gas market of the EAEU.

References

1. Federal Law No. 69-FZ of March 31, 1999 “On Gas Supply in the Russian Federation”.
2. Federal Law No. 183-FZ of July 18, 1999 “On Export Control” (as amended on March 26, 2022).
3. Federal Law No. 164-FZ of December 8, 2003 “On the Fundamentals of State Regulation of Foreign Trade Activity” (as amended and in force).
4. Decree of the President of the Russian Federation No. 79 of February 28, 2022 (as amended in 2024).
5. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 311 and No. 312 of March 9, 2022.
6. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 377 of March 16, 2022 “On Specifics of Performance of Obligations under Subsidies in 2022”.
7. Customs Code of the Eurasian Economic Union (Annex No. 1 to the Treaty of April 11, 2017).
8. Decision of the Supreme Eurasian Economic Council No. 22 of December 26, 2024 “On the Formation of the Common Gas Market of the Eurasian Economic Union”.
9. Concept for the Formation of the Common Gas Market of the Eurasian Economic Union (approved by Decision of the Supreme Eurasian Economic Council No. 18 of May 31, 2016).
10. Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014 (as amended in 2024).
11. Official website of PJSC Gazprom // gazprom.ru (section “Export”, data as of 2025).
12. Official website of PJSC Gazprom // gazprom.ru (section “Reporting”, data for 2023).
13. Agamagomedova S.A. Administrative and legal regulation in the sphere of foreign economic activity under sanctions // Business Security. 2023. No. 2.
14. Tregubenko F.V. Sustainable development of the Russian fuel and energy complex under sanctions of the collective West // Russian Foreign Economic Bulletin. 2024.
15. Anti-sanctions measures 2022-2025 (special economic measures and measures aimed at supporting business and citizens) (prepared by experts of the Garant company) // GARANT System. 2025.
16. Collective of authors. Financial and legal regulation of foreign economic activity // LitRes. 2024.
17. Treasury Intensifies Sanctions Against Russia by Targeting Russia’s Oil Production and Exports // U.S. Department of the Treasury. 2025.
18. 19th package of sanctions against Russia: EU targets Russian energy, third-country banks and crypto providers // Council of the European Union. 2025.
19. Overview of key events in the field of sanctions regulation and its application practice for 2023 and trends for 2024 // KKMP Legal. 2024.
20. Sanctions by The Numbers: The Russian Energy Sector // Center for a New American Security (CNAS). 2024.
21. Sanctions: what they are, what types exist, how they work, how U.S. and EU sanctions have affected Russia - RBC. https://www.rbc.ru/base/24/02/2025/67aefb519a7947878698988a

Основные направления изменений в международно-правовой архитектуре морских перевозок в эпоху трансформации миропорядка

Пинчук Иван Андреевич
соискатель «Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации» (ВАВТ Минэкономразвития России), аспирант Московского финансово-юридического университета МФЮА,
vano.pinchuk@gmail.com

Основное внимание в данной статье уделено тем изменениям, которые происходят в международно-правовой архитектуре морских перевозок на фоне трансформации глобальной международной системы. Эти изменения касаются всех режимов, сложившихся в ходе реализации Конвенции ООН по морскому праву (1982) и основополагающих международных договоров, разработанных и действующих под эгидой Международной морской организации (ИМО) в части режима морских судов и морских перевозок.
Изначально устойчивость международно-правового режима морских перевозок, как и многих других сфер отношений, обеспечивалась сбалансированным разграничением норм указанных конвенций и наделением ИМО определенной – делегированной – компетенцией. В рамках этой компетенции ИМО инициировала создание, принятие и функционирование конвенций, касающихся разных сторон морских перевозок. Для оперативного управления их применением ИМО регулярно обновляет нормативные требования, используя для этого консенсусные процедуры и механизм молчаливого принятия решений (tacit acceptance).
Однако в настоящее время устойчивость глобального международно-правового режима, основанного на связке Конвенции ООН и ИМО, нарушается и подвергается существенным изменениям, которые касаются прежде всего следующих опорных моментов: разграничения предметов регулирования; институционального обеспечения сотрудничества; контрольных механизмов, единообразия толкования конвенций; разрешение вытекающих из них споров.
Сделан вывод о том, что модель взаимодействия Конвенции ООН и ИМО уже больше не реализуется так, как было задумано; трансформация международной системы сопровождается отступлениями от изначальных норм и процедур, прямыми их нарушениями государствами- участниками.
Ключевые слова: международно-правовое регулирование; морские перевозки; UNCLOS

Введение

Мировой морской трафик исторически остается основой глобальной экономики. Однако отрасль входит в период повышенной нестабильности и структурных сдвигов. В рамках настоящего исследования ключевыми факторами изменений являются: трансформация глобального миропорядка [8, с. 33] и политической системы [4, с. 19], санкционная политика стран запада, геополитические кризисы и строгие требования экологического перехода [6, с. 131–151]. Это влияние проявляется не столько в пересмотре текстов международных соглашений, сколько в изменении реальной практики их применения. Усиливается конкуренция юрисдикций. Растет роль односторонних ограничительных мер и различных «надстроек» регулирования. Все чаще используются экономические инструменты давления: доступ к рынкам, портовые практики и комплаенс-режимы. Например, с 1 января 2024 г. выбросы CO2CO2 крупных судов, заходящих в порты Европейской экономической зоны, включены в систему торговли квотами Европейского союза — независимо от флага судна, то есть регулирование фактически “привязано” к маршруту и порту. При этом давление на связку Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (далее – Конвенция 1982 г.) и Международной морской организации (далее – ИМО) проявляется не в пересмотре текста Конвенции, а в практике **применения и исполнения.** Фрагментация стала устойчивой практикой, а регуляторный акцент смещается от нормотворчества к контролю исполнения и взаимному признанию стандартов [10, с. 95–102]. Актуальность исследования напрямую связана с уязвимостью этой модели. Её устойчивость зависит, во-первых, от того, насколько согласованы универсальные принципы и быстро меняющиеся технические требования. Во-вторых, — от добросовестности, с которой государства исполняют (имплементируют) взятые на себя обязанности. Под «направлениями изменений» в статье понимаются изменения в условиях функционирования архитектуры и перераспределение веса ее элементов (отсылочность Конвенции 1982 г., процедурная динамика ИМО, общепринятые международные правила, механизмы исполнения/соблюдения).

Цель — показать, за счет каких элементов обеспечивается целостность (когерентность) универсального режима регулирования морских перевозок в модели Конвенция 1982 г.–ИМО и в чем заключаются ее структурные уязвимости.

1.1. Усиление отсылочных механизмов Конвенции 1982 г. как направление эволюции универсального режима.

Исторически международное регулирование морских перевозок сформировалось как двухуровневая система. Первый уровень — это общие правовые договоры, задающие рамки. Второй — гибкие технические правила, которые эти рамки наполняют. В совокупности они образуют комплекс принципов и норм, определяющих отношения между субъектами международного права в морской сфере [2, с. 24]. Он обеспечивается синергией Конвенции 1982 г. и деятельностью ИМО.

Конвенция 1982 г. выполняет роль конституционной хартии мирового океана. Участие в ней подавляющего

большинства государств (свыше 170), обеспечивает её универсальный характер и глобальное признание установленных правил.

Она отличается ярко выраженным отсылочным характером. Вместо того чтобы прописывать все детали, Конвенция прямо делегирует разработку конкретных стандартов «компетентным международным организациям», и здесь ведущая роль принадлежит ИМО. Благодаря такой конструкции система регулирования остаётся актуальной, даже когда базовый текст конвенции не меняется.

1.2 Процедурная динамика ИМО.

ИМО действует как специализированный технический регулятор, превращая общие принципы Конвенции 1982 года в работающие на практике правила. Среди них есть как обязательные конвенции: СОЛАС (безопасность мореплавания), МАРПОЛ (защита окружающей среды), так и рекомендательные: Кодекс по управлению безопасностью (МКУБ), Кодекс опасных грузов (ММОГ). Процедуры ИМО, основанные на принципе консенсуса в профильных комитетах, призваны обеспечивать учёт интересов различных государств, судоходного бизнеса и экспертного сообщества. Обязательные инструменты ИМО приобретают юридическую силу после ратификации государствами-членами, формируя единое нормативное поле, а рекомендательные требования служат ориентиром для совершенствования национальных законодательств. Стремительные технологические изменения и ужесточение экологических требований [9, с. 160] делают скорость, с которой ИМО реагирует, критически важным фактором. Это помогает удерживать единый уровень требований, когда государства и региональные объединения продвигают собственные решения. Тем самым процедура молчаливого принятия выступает не только техническим, но и институциональным инструментом удержания синхронизации режима.

1.3 Формула “общепринятых международных правил и стандартов” как механизм интеграции обновлений

Связующим звеном между статичной правовой рамкой и динамичным техническим нормотворчеством выступает формула «общепринятых международных правил и стандартов» (Generally Accepted International Rules and Standards — GAIRAS). Эта концепция позволяет интегрировать постоянно обновляемые отраслевые нормы в стабильную правовую рамку конвенции.

Нормативная опора этого механизма заложена в самой Конвенции 1982 г.: она связывает национальные меры государств с данной формулой (например: мирный проход - ст. 21(2), загрязнения с судов - 211(2), 211(5) и атмосферы - 212(3)), а также использует близкую формулу «generally accepted international regulations, procedures and practices» при описании правил поведения государства флага (ст. 94(5)). Ссылка на такие правила позволяет “подтянуть” обновляемые условия ИМО к договорной рамке UNCLOS без пересмотра самой Конвенции. На практике это выражается в том, что государство флага и государство порта оценивают исполнение обязанностей через призму общепринятых международных правил. Эта синергия изначально была задумана как механизм, позволяющий системе адаптироваться к новым вызовам, сохраняя правовую определенность и универсальность.

1.4 Исходная модель обеспечения международной законности в этой системе

В терминах глобальной нормативной системы обеспечивающий эффект базовой модели проявляется как поддержание когерентности (согласованности) международно-правового регулирования за счёт связки универсальных принципов и технических стандартов, принимаемых и реализуемых через институциональные процедуры [5, с. 72-78].

Работоспособность всей системы обеспечивают три взаимосвязанных элемента, которые призваны обеспечивать стабильность, предсказуемость и единообразие регулирования.

1. Принцип суверенного равенства чёткое распределение юрисдикции [3, с. 307]. Конвенция реализует этот принцип через «зональный подход», создающий чёткие рамки для разграничения прав и обязанностей государств в зависимости от географического положения. Суверенитет прибрежного государства является полным в территориальном море (ограничен лишь правом мирного прохода), функциональным — в исключительной экономической зоне (касается ресурсов и окружающей среды), и минимальным — в открытом море, где доминирует юрисдикция государства флага [7, с. 31-33]. Такое распределение разработано, чтобы предотвращать коллизии между национальными правовыми системами, балансируя суверенные интересы с общепризнанными свободами мореплавания.

2. Институционализированное межгосударственное сотрудничество через универсальные организации. Центральную роль здесь играет ИМО как платформа для трансформации политических договорённостей в конкретные регулирующие предписания. Такие процедуры, как «молчаливое принятие», ускоряют обновление норм, а система аудитов государств флага (IMO Member State Audit Scheme) создаёт многоуровневую систему обеспечения законности, основанную на взаимном контроле и отчётности. Это означает, что государства действуют добросовестно, гармонизируя своё законодательство с согласованными в ИМО требованиями (ст. 94).

3. Механизмы единообразного толкования и применения норм. Для стабильности правового режима мало просто написать правила — важно, чтобы их ещё и одинаково понимали и применяли. Конвенция предусматривает механизмы обязательного разрешения споров (Часть XV), делегируя эту функцию, в том числе, Международному трибуналу по морскому праву (МТМП) [1, с. 499]. Прецедентная практика способствует формированию общепризнанных подходов к регулированию морской деятельности. Унификация судебной практики минимизирует риски фрагментации правового пространства. Таким образом, система изначально включала в себя как политико-технические (ИМО), так и судебные (МТМП, арбитраж) инструменты для поддержания когерентности.

В практическом плане эрозия указанных опор проявляется в трёх типовых формах: (а) попытки односторонне расширять национальную юрисдикцию за пределы предусмотренной Конвенцией 1982 г. модели; (б) использование процедур и стандартов ИМО выборочно либо формально, без реального обеспечения выполнения; (в) одностороннее толкование ключевых режимов Конвенции 1982 г. и замещение процедур урегулирования споров политическими или силовыми методами. Далее приведём несколько свежих примеров, иллюстрирующих указанные тенденции:

1. Принудительный досмотр и захват танкера *MV Marinera* (флаг России) в открытом море в январе 2026 года без согласия государства флага. Данный прецендент нарушает принцип суверенного равенства в открытом море - статьи 94 Конвенции 1982 года, а также механизм единообразного толкования и применения норм: США объявили, что судно является «stateless» (не имеющим

национальности) на основании собственной интерпретации статьи 110 Конвенции 1982г. касаемо факта смены флага во время рейса. [1][2]

2. В 2025 году Турция опубликовала карту двух «морских парков», которые простираются за пределы турецких территориальных вод, включая участки континентального шельфа и исключительной экономической зоны, принадлежащие греческим островам (Самотраки, Лемнос, Кастелоризо). Тем самым было произведено одностороннее присвоение юрисдикции Греции. Согласно Ст. 56, 77 Конвенции 1982 г. – право островов на континентальный шельф и исключительную экономическую зону независимо от размеров и близости к материку.[3]

3. Египет в 2025 году направил в ООН вербальную ноту, в которой заявил, что турецко-ливийские меморандумы о разграничении морских зон являются «недействительными и не имеющими юридической силы», а заявленные Ливией координаты якобы полностью лежат внутри египетской ИЭЗ и континентального шельфа.[4] По сути, Египет односторонне “снял юридический эффект” с двусторонних договорённостей третьих государств и представил собственное прочтение границ как исходно правильное, не прибегая к согласованным процедурам урегулирования спора согласно части Часть XV Конвенции 1982 г.

Эти три кейса демонстрируют, как элементы исходной модели Конвенции 1982 г. — ИМО размываются в современной практике. В первом случае конкуренция юрисдикций переносится в пространство открытого моря, где общий режим предполагает приоритет государства флага, но фактически применяется принуждение без его согласия; во втором — спор о морских зонах переводится в плоскость односторонних регуляторных мер, создающих эффект фактического «закрепления» границ; в третьем — юридически сложный вопрос действительности и последствий соглашений о разграничении подменяется односторонней квалификацией третьего государства, что снижает роль согласованных процедур урегулирования и усиливает фрагментацию.

Выводы

Международно-правовое регулирование морских перевозок исторически построено как двухуровневая система: Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. задаёт общую рамку и распределяет юрисдикцию, а Международная морская организация конкретизирует эту рамку через технические требования в своих конвенциях и кодексах и через поправки к ним. Такая конструкция была рассчитана на то, что государства добросовестно внедряют согласованные правила и поддерживают многосторонние процедуры их обновления. В условиях трансформации международной системы меняются не столько тексты базовых договоров, сколько **практика их исполнения**. Во-первых, усиливается конкуренция юрисдикций и смещается реальный центр воздействия на судоходство: всё большее значение получают меры государства порта и ограничения, связанные с доступом к портам, услугам и рынкам. Во-вторых, многосторонние процедуры согласования и обновления технических требований испытывают политическое давление, а ряд решений принимается и применяется вне универсального формата. В-третьих, единообразие толкования и разрешение споров всё чаще уступают место политическим и экономическим способам принуждения. Отдельную роль играет закреплённая в Конвенции 1982 г. формула **«общепринятых международных правил и стандартов»**: она позволяет учитывать новые технические требования, вырабатываемые в ИМО, без пересмотра самой Конвенции 1982 г. Однако в текущих условиях возрастает количество ситуаций, когда государства по-разному понимают, какие именно правила считать «общепринятыми», и применяют их выборочно. В итоге фрагментация требований в морских перевозках перестаёт быть лишь возможным риском и становится устойчивой тенденцией. Ключевая уязвимость всей архитектуры состоит в том, что она зависит от добросовестного выполнения обязательств и от соблюдения многосторонних процедур, тогда как часть государств отступает от согласованных правил, а в отдельных случаях прямо нарушает их.

Литература

1. Шумилов В. М. Международное право. — Москва : Юстиция, 2020. — С. 460–468.
2. Лабин Д.К., Коваль В.Н., ред. Международное морское право: публичное и частное : учебник. Москва : КНОРУС, 2026. 412 с. (Бакалавриат и магистратура). ISBN 978-5-406-15697-1. С. 23-31.
3. Лукашук И. И. Международное право. Общая часть. — Москва : Волтерс Клувер, 2010. — С. 307–310.
4. Прогнозы развития международного экономического права и международного правопорядка в XXI веке :коллективная монография / под ред. В. М. Шумилова. — Москва : ВАВТ, 2026. — 163 с. — ISBN 978-5-9547-0241-5. — С. 6–21.
5. Шумилов В. М. Глобальная нормативная система и ее составляющие // *Государство и право*. — 2017. — № 4. — С. 72–78.
6. Обзор морского транспорта, 2025 : сохранение курса в турбулентных водах / ЮНКТАД (UNCTAD). — Нью-Йорк : Организация Объединенных Наций, 2025. — X, 154 с. — (UNCTAD/RMT/2025). — ISBN 978-92-1-154528-9. — URL: https://unctad.org/system/files/official-document/rmt2025_en.pdf (дата обращения: 04.02.2026). — С. 131–151.
7. Черчилль Р. Р., Лоу А. В. Морское право. — 3-е изд. — Манчестер : Изд-во Манчестерского университета, 1999. — 517 с.
8. Нефедов Б. И. Мировой порядок: международно-правовой аспект : монография. — Москва : Проспект, 2024. — 176 с. — ISBN 978-5-392-39592-7. С. 4–33.
9. Бекяшев Д. К., Ашуба Д. Б. Актуальные проблемы международно-правового регулирования экологической безопасности Черного моря // *Актуальные проблемы российского права*. — 2022. — № 11. — С. 160–168.

[1] Заявление МИД России в связи с силовым захватом нефтяного танкера «Маринера» // Министерство иностранных дел Российской Федерации : офиц. сайт. — 08.01.2026. — URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2071707/ (дата обращения: 12.02.2026).

[2] Паркер Дж. A Law of the Sea Assessment of the U.S. boarding of the Bella 1 / Marinera [Электронный ресурс] / Дж. Паркер // Just Security. – 2026. – 13 Jan. – Режим доступа: https://www.justsecurity.org/128760/law-sea-assessment-boarding-bella1-marinera/ (дата обращения: 12.02.2026).

[3] Turkey announces Marine Parks in the Aegean and Eastern Mediterranean – Kastellorizo excluded, see maps [Электронный ресурс] // ProtoThema English. – 2025. – 2 Aug. – Режим доступа: https://en.protothema.gr/2025/08/02/turkey-announces-marine-parks-in-the-aegean-and-eastern-mediterranean-kastellorizo-excluded-see-maps/ (дата обращения: 12.02.2026).

[4] Letter dated 8 September 2025 from the Permanent Representative of Egypt to the United Nations addressed to the Secretary-General [Электронный ресурс] // United Nations. – 2025. – (Документ официально зарегистрирован, номер в системе ООН присваивается при распространении). – Режим доступа: https://www.un.org/depts/los/general_assembly/other_general_assembly_documents.html (дата обращения: 12.02.2026).

10. Галушко Д. В. К вопросу о влиянии фрагментации международного права на развитие интеграционных процессов // *Российский журнал правовых исследований*. — 2024. — № 3. — С. 95–102.

11. Иоселиани Т. Общепринятые международные правила, положения, процедуры и практика в соответствии с Конвенцией Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 года и обязательными документами ИМО в области безопасности мореплавания : [исслед.] / Т. Иоселиани. — 2015–2016. — С. 92–111. — URL: https://www.un.org/oceancapacity/sites/www.un.org.oceancapacity/files/tamara_2015-12-18_final.pdf (дата обращения: 05.02.2026).

Key Directions of Change in the International Legal Architecture of Maritime Transport in the period of Transformation of the World Order

Pinchuk I.A.

Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow University of Finance and Law

This article focuses on the changes taking place in the international legal architecture of maritime transport against the background of the transformation of the global international system. These changes affect the entire set of regimes that have developed in the course of implementing the 1982 United Nations Convention on the Law of the Sea (UNCLOS) and the core international treaties elaborated and operating under the auspices of the International Maritime Organization (IMO) with respect to the legal regime of ships and maritime transport.

Originally, the stability of the international legal regime of maritime transport, as in many other areas of international relations, was ensured by a balanced allocation of regulatory matters between the relevant conventions and by granting the IMO a specific delegated competence. Within this mandate, the IMO initiated the drafting, adoption, and operation of conventions addressing various aspects of maritime transport. To ensure the timely administration of their application, the IMO regularly updates regulatory requirements through consensus-based procedures and the tacit acceptance mechanism.

At present, however, the stability of the global international legal regime based on the UNCLOS–IMO nexus is being undermined and is undergoing significant change. These developments primarily concern the following pillars: the delimitation of regulatory subject matter; the institutional framework for cooperation; compliance and oversight mechanisms; the uniform interpretation of the conventions; and the settlement of disputes arising from them.

The article concludes that the UNCLOS–IMO model of interaction is no longer being implemented as originally envisaged: the transformation of the international system is accompanied by departures from established norms and procedures, including their direct violations by participating States.

Keywords: international legal regulation; maritime transport; UNCLOS

References

1. Shumilov, V. M. *International Law*. Moscow: Yustitsiya, 2020, pp. 460–468. (In Russ.)
2. Labin, D.K. & Koval, V.N. (Eds.). (2026). *International Maritime Law: Public and Private*. Textbook. Moscow, Russia: KNORUS. 412 p. (Bachelor's and Master's Degree). ISBN 978-5-406-15697-1. Pp. 23-31.
3. Lukashuk, I. I. *International Law: General Part*. Moscow: Wolters Kluwer, 2010, pp. 71–74. (In Russ.)
4. Shumilov, V. M. (ed.) *Forecasts for the Development of International Economic Law and the International Legal Order in the 21st Century: Collective Monograph*. Moscow: Russian Academy of Foreign Trade (VAVT), 2026. 163 p. ISBN 978-5-9547-0241-5, pp. 6–21. (In Russ.)
5. Shumilov, V. M. The Global Normative System and Its Components. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2017, no. 4, pp. 72–78. (In Russ.)
6. UNCTAD. *Review of Maritime Transport 2025: Staying the Course in Turbulent Waters*. New York: United Nations, 2025. X, 154 p. (UNCTAD/RMT/2025). ISBN 978-92-1-154528-9. Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/rmt2025_en.pdf (accessed: 04 Feb. 2026), pp. 131–151.
7. Churchill, R. R., Lowe, A. V. *The Law of the Sea*. 3rd ed. Manchester: Manchester University Press, 1999. 517 p.
8. Nefedov, B. I. *World Order: An International Legal Aspect: Monograph*. Moscow: Prospekt, 2024. 176 p. ISBN 978-5-392-39592-7. (In Russ.)
9. Bekyashev, D. K., Ashuba, D. B. Current Issues of International Legal Regulation of the Environmental Safety of the Black Sea. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2022, no. 11, pp. 160–168. (In Russ.)
10. Galushko, D. V. On the Impact of the Fragmentation of International Law on the Development of Integration Processes. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovanii* [Russian Journal of Legal Studies], 2024, no. 3, pp. 95–102. (In Russ.)
11. Ioseliani, T. *Generally Accepted International Rules, Regulations, Procedures and Practices in Accordance with the 1982 United Nations Convention on the Law of the Sea and Mandatory IMO Instruments in the Field of Maritime Safety: Research*. 2015–2016, pp. 92–111. Available at: https://www.un.org/oceancapacity/sites/www.un.org.oceancapacity/files/tamara_2015-12-18_final.pdf (accessed: 05 Feb. 2026). (In Russ.)

Гендерные аспекты регулирования искусственного интеллекта в креативных индустриях: пробелы международного права и пути их устранения

Ратнер Наталья Петровна
аспирант, Славяно-греко-латинская академия,
nat4930@yandex.ru

В статье исследуются гендерные аспекты международно-правового регулирования искусственного интеллекта в креативных индустриях. Целью работы является выявление системных пробелов в действующих международных нормативных актах, не учитывающих специфические гендерные риски применения технологий ИИ в творческих профессиях. Методология исследования включает анализ международных правовых документов ООН, ЮНЕСКО, ВОИС, ЕС, кейс-анализ практик алгоритмической дискриминации, а также гендерный подход к оценке правовых механизмов. Результаты показали, что ключевые международные акты по регулированию ИИ не содержат специализированных положений о защите прав женщин-авторов в условиях генеративного ИИ, не предусматривают механизмов противодействия алгоритмической предвзятости в креативных секторах и не обеспечивают равный доступ женщин к технологиям ИИ в развивающихся странах. В статье предложены конкретные пути устранения выявленных пробелов: интеграция гендерных индикаторов в международные стандарты, создание специализированных механизмов защиты интеллектуальных прав женщин, разработка программ обеспечения равного доступа к ИИ-технологиям и внедрение обязательной гендерной экспертизы ИИ-систем. Практическая значимость исследования заключается в формулировании рекомендаций для международных организаций и государств по совершенствованию правового регулирования ИИ с учётом гендерного равенства.

Ключевые слова: искусственный интеллект, гендерное равенство, международное право, креативные индустрии, алгоритмическая дискриминация, авторские права, генеративный ИИ, цифровой разрыв

Введение

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) в последнее десятилетие радикально трансформирует креативные индустрии — от музыки и изобразительного искусства до дизайна, моды и кинематографа. Генеративные ИИ-системы, способные создавать изображения, тексты, музыкальные композиции и видеоконтент, открывают новые возможности для творчества, однако одновременно порождают серьёзные правовые и социальные вызовы. Среди наиболее острых проблем — усиление гендерного неравенства в творческих профессиях, вызванное алгоритмической предвзятостью, нарушением авторских прав женщин-авторов и неравным доступом к технологиям [1].

По данным ЮНЕСКО, женщины составляют менее 30% специалистов в сфере разработки ИИ, что непосредственно влияет на результаты работы алгоритмов и воспроизводит существующие гендерные стереотипы [2]. Исследования показывают, что генеративные ИИ-модели, обученные на данных с преобладанием мужских авторов, систематически маргинализируют женский вклад в искусство и культуру [3]. Вместе с тем действующие международные правовые рамки регулирования ИИ в значительной мере игнорируют гендерное измерение данной проблематики.

Актуальность настоящего исследования обусловлена отсутствием системного международно-правового подхода к учёту гендерных рисков ИИ в креативных индустриях. Несмотря на принятие ряда ключевых документов — Рекомендации ЮНЕСКО об этике ИИ (2021), Регламента ЕС об ИИ (AI Act, 2024), рекомендаций ОЭСР по ИИ (2019) — ни один из них не содержит специализированных положений, направленных на защиту прав женщин-авторов в условиях генеративного ИИ и не предусматривает обязательной гендерной экспертизы ИИ-систем, используемых в креативных секторах [4].

Проблема исследования заключается в разрыве между декларативными положениями международных актов о гендерном равенстве и реальными механизмами защиты прав женщин в условиях цифровизации творческих индустрий.

Цель статьи — выявить системные пробелы международно-правового регулирования ИИ в части учёта гендерных рисков в креативных индустриях и предложить конкретные пути их устранения.

Задачи исследования: 1) проанализировать теоретические основы взаимосвязи гендера, ИИ и креативных индустрий; 2) провести гендерный анализ ключевых международных документов по регулированию ИИ; 3) исследовать эмпирические кейсы гендерных рисков ИИ в творческих профессиях; 4) разработать предложения по устранению выявленных правовых пробелов.

Объектом исследования являются международно-правовые отношения в сфере регулирования ИИ в креативных индустриях. **Предмет исследования** — гендерные аспекты международного правового регулирования ИИ и механизмы защиты прав женщин-авторов в условиях цифровой трансформации творческих секторов.

Гипотеза — действующее международное право в сфере регулирования ИИ содержит системные пробелы в отношении гендерных рисков в креативных индустриях,

устранение которых требует интеграции специализированных гендерных индикаторов, механизмов защиты интеллектуальных прав женщин и обязательной гендерной экспертизы ИИ-систем.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые проводится комплексный международно-правовой анализ гендерных рисков ИИ именно в контексте креативных индустрий, а не в общем формате цифрового неравенства. Практическая значимость определяется возможностью использования сформулированных рекомендаций международными организациями (ЮНЕСКО, ВОИС) и государствами при разработке нормативных актов по регулированию ИИ.

Материалы и методы исследований

Исследование основано на комплексной методологии, сочетающей формально-юридический, сравнительно-правовой и гендерный подходы к анализу международного права в сфере регулирования ИИ.

В качестве материалов исследования использованы: 1) международные правовые акты и документы — Рекомендация ЮНЕСКО об этике искусственного интеллекта (2021), Регламент Европейского союза об искусственном интеллекте (AI Act, 2024), Рекомендации ОЭСР по искусственному интеллекту (2019, обновлены в 2024), Договор ВОИС по авторскому праву (1996), Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW, 1979); 2) доклады и статистические данные международных организаций — отчёты UN Women, Всемирного банка, ЮНКТАД о цифровом гендерном разрыве; 3) судебная практика — иски художников против компаний-разработчиков генеративного ИИ (Andersen v. Stability AI, 2023; Getty Images v. Stability AI, 2023); 4) научные публикации по проблематике алгоритмической предвзятости, гендерного неравенства в технологическом секторе и международно-правового регулирования ИИ.

Формально-юридический метод применялся для анализа текстов международных документов с целью выявления наличия или отсутствия гендерно-ориентированных положений в нормах о регулировании ИИ. Были исследованы 12 ключевых международных и региональных актов на предмет использования гендерных индикаторов и механизмов обеспечения равенства [6].

Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления подходов различных международных организаций и региональных объединений (ООН, ЕС, ОЭСР, Африканский союз) к интеграции гендерной проблематики в регулирование ИИ.

Гендерный подход как методологическая рамка позволил выявить скрытые формы дискриминации, не видимые при традиционном правовом анализе. В частности, были исследованы механизмы воспроизводства гендерного неравенства через алгоритмическую предвзятость, неравный доступ к технологиям и нарушение интеллектуальных прав [7].

Кейс-анализ (case study) применялся для исследования конкретных ситуаций гендерной дискриминации, связанных с использованием ИИ в креативных индустриях. Были отобраны четыре показательных кейса, отражающих различные аспекты проблемы: нарушение авторских прав, снижение доходов, предвзятость в рекрутинге и ограниченный доступ к технологиям.

Эмпирическую базу исследования дополняют статистические данные за 2020–2025 годы, собранные из открытых источников: докладов UN Women о цифровом гендерном разрыве, отчётов McKinsey Global Institute о влиянии ИИ на рынок труда, данных Всемирного экономического форума о представительстве женщин в технологическом секторе [8].

Результаты и обсуждения

Теоретические основы: гендер, ИИ и креативные индустрии. Креативные индустрии, согласно определению ЮНКТАД, охватывают сектора экономики, основанные на интеллектуальном капитале и творчестве: искусство, дизайн, моду, музыку, кинематограф, издательское дело, рекламу и цифровые медиа [9]. В международном праве регулирование креативных индустрий осуществляется через нормы интеллектуальной собственности (ВОИС), культурного разнообразия (ЮНЕСКО) и торговли услугами (ВТО). По данным ЮНКТАД, мировой объём креативной экономики в 2023 году составил более 2,25 трлн долл. США, при этом доля женщин в руководящих позициях креативных секторов не превышает 27% [10].

Роль женщин в современных креативных секторах характеризуется значительным гендерным дисбалансом. По данным Всемирного экономического форума (2024), женщины составляют лишь 22% специалистов в области ИИ в мире и менее 15% разработчиков генеративных моделей. В секторах дизайна и визуального искусства, где генеративный ИИ находит наиболее широкое применение, женщины составляют 46% работников, однако их доход в среднем на 34% ниже, чем у мужчин-коллег [11]. Данная статистика свидетельствует о структурном неравенстве, которое технологии ИИ способны как преодолевать, так и усугублять.

Искусственный интеллект выступает одновременно инструментом и вызовом для творческого труда. С одной стороны, генеративные модели (DALL-E, Midjourney, Stable Diffusion, Sora) демократизируют доступ к творческим инструментам, позволяя создавать визуальный контент, музыку и тексты без специализированной подготовки. С другой стороны, массовая автоматизация творческих процессов ведёт к обесцениванию труда профессиональных авторов, в первую очередь — женщин, занятых в наиболее уязвимых сегментах: иллюстрации, паттерн-дизайне, копирайтинге [12].

Гендерные аспекты цифровизации творчества проявляются в нескольких измерениях. Во-первых, алгоритмическая предвзятость: генеративные модели, обученные на наборах данных, в которых произведения мужчин-авторов представлены непропорционально, воспроизводят и усиливают гендерные стереотипы. Исследование Bloomberg (2023) показало, что модель DALL-E 2 при запросе «CEO» в 97% случаев генерирует изображения мужчин [3]. Во-вторых, неравный доступ к технологиям: по данным ITU (2024), в развивающихся странах гендерный разрыв в доступе к интернету составляет 17%, а к ИИ-инструментам — более 30% [13]. В-третьих, нарушение авторских прав: массовое использование нелицензированных данных для обучения моделей непропорционально затрагивает женщин-авторов, чьи произведения чаще распространяются без надлежащей защиты.

Международно-правовые рамки регулирования ИИ: гендерный анализ. Проведённый анализ ключевых международных документов выявил системные недостатки в учёте гендерного измерения при регулировании ИИ.

Рекомендация ЮНЕСКО об этике ИИ (2021) является наиболее комплексным международным актом, содержащим положения о гендерном равенстве в контексте ИИ. Документ включает принцип «недискриминации и гендерного равенства» и призывает государства «обеспечить, чтобы системы ИИ не усиливали существующее гендерное неравенство». Однако рекомендация носит необязательный характер и не содержит конкретных механизмов реализации гендерных положений применительно к креативным индустриям [4].

Регламент ЕС об искусственном интеллекте (AI Act, 2024) вводит риск-ориентированный подход к регулированию ИИ-систем, однако не выделяет гендерную дискриминацию в креативных индустриях как самостоятельный фактор риска. Системы генеративного ИИ (DALL-E, Midjourney) отнесены к категории «ИИ общего назначения» с ограниченными требованиями прозрачности. Обязательная оценка воздействия на фундаментальные права (FRIA) предусмотрена только для «высокорисковых» систем, к которым генеративные ИИ-инструменты в креативных секторах формально не отнесены [14]. Это представляет собой существенный пробел, учитывая масштаб воздействия данных технологий на занятость и доходы женщин в творческих профессиях.

Рекомендации ОЭСР по ИИ (2019, обновлены в 2024) содержат общие принципы ответственного использования ИИ, включая инклюзивность и устойчивое развитие. Вместе с тем гендерное измерение представлено в них лишь косвенно — через общие положения о недискриминации, без указания на специфические риски в креативных индустриях [15].

Договор ВОИС по авторскому праву (1996) и действующая система международной охраны интеллектуальной собственности не адаптированы к вызовам генеративного ИИ. Вопрос об авторстве произведений, созданных с помощью ИИ, остаётся нерешённым на международном уровне, что создаёт правовую неопределённость, непропорционально затрагивающую женщин-авторов, чьи произведения используются для обучения моделей без согласия и компенсации [16].

Таким образом, анализ показал, что ни один из действующих международных актов не содержит: а) специализированных положений о защите прав женщин-авторов в условиях генеративного ИИ; б) обязательных механизмов гендерной экспертизы ИИ-систем в креативных секторах; в) конкретных мер по преодолению цифрового гендерного разрыва в доступе к ИИ-инструментам для творчества.

Эмпирический анализ: кейсы гендерных рисков ИИ в креативных индустриях. Для верификации теоретических выводов был проведён анализ четырёх показательных кейсов.

Кейс 1. Нарушение авторских прав женщин-художниц. В 2023 году группа художников, включая Сару Андерсен, Келли Маккернан и Карлу Ортис, подала коллективный иск против компаний Stability AI, Midjourney и DeviantArt, обвинив их в использовании произведений для обучения генеративных моделей без согласия авторов (Andersen v. Stability AI, N.D. Cal. 2023). Среди истцов преобладали женщины-художницы, чьи уникальные стили были воспроизведены ИИ-моделями. Данный кейс обнажил отсутствие международных механизмов защиты авторских прав в условиях массового использования произведений для обучения генеративного ИИ [17].

Кейс 2. Снижение доходов женщин-дизайнеров. По данным отчёта McKinsey (2023), автоматизация паттерн-дизайна и иллюстрации посредством генеративного ИИ привела к снижению спроса на услуги фрилансеров в данных секторах на 21% за 2022–2023 годы. Учитывая, что женщины составляют 62% фрилансеров в сфере иллюстрации и паттерн-дизайна, данная тенденция непропорционально затронула именно женщин [18]. Международное трудовое право и нормы о социальной защите не предусматривают специальных механизмов поддержки работников креативных секторов, пострадавших от автоматизации.

Кейс 3. Предвзятость ИИ-алгоритмов в рекрутинге креативных специалистов. Исследования показывают, что алгоритмы, используемые для отбора кандидатов в креативных индустриях, могут воспроизводить историческую дискриминацию. Если в обучающих данных преобладают мужчины на руководящих позициях, алгоритм систематически отдаёт предпочтение мужским кандидатурам при оценке портфолио и резюме. Прецедент Amazon (2018), когда компания была вынуждена отказаться от ИИ-системы рекрутинга из-за выявленной гендерной предвзятости, остаётся показательным примером [19].

Кейс 4. Ограниченный доступ женщин к ИИ-инструментам в развивающихся странах. По данным ITU и UN Women (2024), в странах Африки южнее Сахары лишь 20% женщин имеют доступ к интернету по сравнению с 37% мужчин, а доступ к специализированным ИИ-инструментам ещё более ограничен. Это означает, что женщины-авторы из развивающихся стран фактически лишены возможности использовать ИИ для повышения конкурентоспособности своего творчества и одновременно не защищены от использования их произведений для обучения ИИ-моделей [20].

Результаты эмпирического анализа подтвердили теоретические выводы о системном характере гендерных рисков ИИ в креативных индустриях. Все четыре кейса демонстрируют наличие правового вакуума на международном уровне: действующие нормы не обеспечивают эффективной защиты прав женщин-авторов, не противодействуют алгоритмической дискриминации и не устраняют цифровой гендерный разрыв.

Пути устранения правовых пробелов: предложения. На основании проведённого анализа сформулированы пять приоритетных направлений совершенствования международно-правового регулирования.

Во-первых, интеграция гендерных индикаторов в международные стандарты регулирования ИИ. Предлагается дополнить Рекомендацию ЮНЕСКО об этике ИИ специализированным приложением о гендерных аспектах ИИ в креативных индустриях, включающим количественные индикаторы: долю женщин среди разработчиков ИИ-систем для творчества, уровень гендерной предвзятости генеративных моделей, степень представленности женщин-авторов в обучающих наборах данных. Целесообразна также разработка стандарта ISO по гендерной оценке ИИ-систем [4].

Во-вторых, создание специализированных механизмов защиты интеллектуальных прав женщин в эпоху генеративного ИИ. В рамках ВОИС необходимо инициировать разработку международного протокола о правах авторов при использовании их произведений для обучения ИИ-моделей, включающего обязательные механизмы компенсации и прозрачности использования данных. Особое внимание должно быть уделено защите произведений авторов из развивающихся стран, среди которых значительную долю составляют женщины [16].

В-третьих, разработка международных программ по обеспечению равного доступа женщин к ИИ-технологиям в креативных секторах. На платформе ООН целесообразно создать специализированный фонд поддержки женщин в цифровых креативных индустриях, финансирующий программы обучения, предоставления доступа к ИИ-инструментам и поддержки стартапов женщин-предпринимателей в креативной экономике [20].

В-четвёртых, внедрение обязательной гендерной экспертизы ИИ-систем в креативных индустриях. По аналогии с оценкой воздействия на окружающую среду (ОВОС) предлагается ввести обязательную гендерную оценку воздействия (Gender Impact Assessment) для ИИ-систем, используемых в креативных секторах, включая оценку предвзятости генеративных моделей, влияния на занятость женщин и доступность технологий [14].

В-пятых, усиление роли женщин-экспертов в международных рабочих группах по ИИ. Необходимо обеспечить паритетное представительство женщин в экспертных органах ЮНЕСКО, ВОИС, ОЭСР, занимающихся вопросами регулирования ИИ. По данным на 2024 год, доля женщин в таких группах не превышает 25%, что ограничивает возможности учёта гендерной проблематики при выработке нормативных решений [2].

Выводы

Проведённое исследование позволило подтвердить выдвинутую гипотезу о наличии системных пробелов в международном праве в отношении гендерных рисков ИИ в креативных индустриях. Основные результаты работы сводятся к следующему.

Теоретический анализ показал, что креативные индустрии характеризуются значительным гендерным дисбалансом, который технологии ИИ способны как преодолевать, так и существенно усугублять. Генеративные ИИ-системы воспроизводят и усиливают гендерные стереотипы, присутствующие в обучающих данных, что ведёт к маргинализации женского вклада в искусство и культуру.

Гендерный анализ международно-правовых рамок выявил, что ни один из действующих ключевых международных актов (Рекомендация ЮНЕСКО, AI Act ЕС, Рекомендации ОЭСР, Договор ВОИС) не содержит специализированных и обязательных положений о защите прав женщин-авторов в условиях генеративного ИИ, механизмов противодействия алгоритмической дискриминации в креативных секторах и мер по обеспечению равного доступа женщин к ИИ-технологиям для творчества.

Эмпирический анализ четырёх кейсов подтвердил реальность и масштаб гендерных рисков: от нарушения авторских прав женщин-художниц до системной предвзятости в рекрутинге и цифрового разрыва в доступе к технологиям.

Для устранения выявленных пробелов предложены пять приоритетных направлений: интеграция гендерных индикаторов в международные стандарты, создание механизмов защиты интеллектуальных прав женщин, программы обеспечения равного доступа к ИИ, обязательная гендерная экспертиза ИИ-систем и усиление представительства женщин в экспертных органах.

Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирической верификацией предложенных индикаторов, изучением национальных практик имплементации гендерных положений ИИ-регулирования, а также анализом эффективности новых международных инициатив в данной сфере.

Литература

1. Buolamwini J., Gebru T. Gender Shades: Intersectional Accuracy Disparities in Commercial Gender Classification // Proceedings of the 1st Conference on Fairness, Accountability and Transparency. 2018. Vol. 81. P. 77–91.
2. UNESCO. Artificial Intelligence and Gender Equality: Key Findings of UNESCO's Global Dialogue. Paris : UNESCO, 2020. 56 p.
3. Nicoletti L., Bass D. Humans Are Biased. Generative AI Is Even Worse // Bloomberg. 2023. URL: https://www.bloomberg.com/graphics/2023-generative-ai-bias/ (дата обращения: 15.01.2025).
4. UNESCO. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. Paris : UNESCO, 2021. 36 p.
5. Crawford K. Atlas of AI: Power, Politics, and the Planetary Costs of Artificial Intelligence. New Haven : Yale University Press, 2021. 327 p.
6. Coeckelbergh M. AI Ethics. Cambridge : MIT Press, 2020. 232 p.
7. Eubanks V. Automating Inequality: How High-Tech Tools Profile, Police, and Punish the Poor. New York : St. Martin's Press, 2018. 260 p.
8. World Economic Forum. Global Gender Gap Report 2024. Geneva : WEF, 2024. 374 p.
9. UNCTAD. Creative Economy Outlook 2024: International Year of the Creative Economy for Sustainable Development. Geneva : United Nations, 2024. 186 p.
10. UNCTAD. Creative Economy Report 2022: Pathway to Resilient Creative Industries. Geneva : United Nations, 2022. 234 p.
11. ILO. Working Conditions in the Arts and Entertainment Sector: Global Report. Geneva : ILO, 2023. 148 p.
12. Elgammal A., Liu B., Elhoseiny M., Mazzone M. CAN: Creative Adversarial Networks, Generating «Art» by Learning About Styles and Deviating from Style Norms // Proceedings of the 8th International Conference on Computational Creativity. 2017. P. 96–103.
13. ITU. Measuring Digital Development: Facts and Figures 2024. Geneva : ITU, 2024. 102 p.
14. European Parliament. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence (AI Act). Official Journal of the European Union. 2024. L. 2024/1689. P. 1–144.
15. OECD. Recommendation of the Council on Artificial Intelligence. OECD Legal Instruments. Paris : OECD, 2019 (updated 2024). 18 p.
16. Guadamuz A. Artificial Intelligence and Copyright: Authorship, Ownership, and Infringement // Journal of the Copyright Society of the USA. 2024. Vol. 71. No. 2. P. 215–248.
17. Samuelson P. Generative AI Meets Copyright // Science. 2023. Vol. 381. No. 6654. P. 158–161.
18. McKinsey Global Institute. The Economic Potential of Generative AI: The Next Productivity Frontier. New York : McKinsey & Company, 2023. 68 p.
19. Dastin J. Amazon Scraps Secret AI Recruiting Tool That Showed Bias Against Women // Reuters. 2018. URL: https://www.reuters.com/article/us-amazon-com-jobs-automation-insight-idUSKCN1MK08G (дата обращения: 20.01.2025).
20. UN Women. Progress on the Sustainable Development Goals: The Gender Snapshot 2024. New York : UN Women, 2024. 52 p.

Gender aspects of artificial intelligence regulation in creative industries: gaps in international law and ways to address them

Ratner N.P.

Slavic-greco-latin academy

This article examines the gender dimensions of international legal regulation of artificial intelligence in creative industries. The purpose of the study is to identify systemic gaps in existing international legal instruments that fail to account for specific gender risks arising from the application of AI technologies in creative professions. The research methodology includes analysis of international legal documents of the UN, UNESCO, WIPO, and the EU, case analysis of algorithmic discrimination practices, and a gender-based approach to evaluating legal mechanisms. The findings reveal that key international instruments on AI regulation lack specialized provisions to protect the rights of women authors in the era of generative AI, do not provide mechanisms to counter algorithmic bias in creative sectors, and fail to ensure equal access for women to AI technologies in developing countries. The article proposes specific ways to address the identified gaps: integrating gender indicators into international standards, establishing specialized mechanisms for protecting women's intellectual property rights, developing programs to ensure equal access to AI technologies, and implementing mandatory gender audits of AI systems. The practical significance of the research lies in formulating recommendations for international organizations and states to improve AI regulation with due regard to gender equality.

Keywords: artificial intelligence, gender equality, international law, creative industries, algorithmic discrimination, copyright, generative AI, digital divide

References

1. Buolamwini J., Gebru T. Gender Shades: Intersectional Accuracy Disparities in Commercial Gender Classification. Proceedings of the 1st Conference on Fairness, Accountability and Transparency, 2018, vol. 81, pp. 77–91.
2. UNESCO. Artificial Intelligence and Gender Equality: Key Findings of UNESCO's Global Dialogue. Paris, UNESCO, 2020. 56 p.

3. Nicoletti L., Bass D. Humans Are Biased. Generative AI Is Even Worse. Bloomberg, 2023. Available at: https://www.bloomberg.com/graphics/2023-generative-ai-bias/ (accessed 15.01.2025).
4. UNESCO. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. Paris, UNESCO, 2021. 36 p.
5. Crawford K. Atlas of AI: Power, Politics, and the Planetary Costs of Artificial Intelligence. New Haven, Yale University Press, 2021. 327 p.
6. Coeckelbergh M. AI Ethics. Cambridge, MIT Press, 2020. 232 p.
7. Eubanks V. Automating Inequality: How High-Tech Tools Profile, Police, and Punish the Poor. New York, St. Martin's Press, 2018. 260 p.
8. World Economic Forum. Global Gender Gap Report 2024. Geneva, WEF, 2024. 374 p.
9. UNCTAD. Creative Economy Outlook 2024: International Year of the Creative Economy for Sustainable Development. Geneva, United Nations, 2024. 186 p.
10. UNCTAD. Creative Economy Report 2022: Pathway to Resilient Creative Industries. Geneva, United Nations, 2022. 234 p.
11. ILO. Working Conditions in the Arts and Entertainment Sector: Global Report. Geneva, ILO, 2023. 148 p.
12. Elgammal A., Liu B., Elhoseiny M., Mazzone M. CAN: Creative Adversarial Networks, Generating Art by Learning About Styles and Deviating from Style Norms. Proceedings of the 8th International Conference on Computational Creativity, 2017, pp. 96–103.
13. ITU. Measuring Digital Development: Facts and Figures 2024. Geneva, ITU, 2024. 102 p.
14. European Parliament. Regulation (EU) 2024/1689 Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence (AI Act). Official Journal of the European Union, 2024, L 2024/1689, pp. 1–144.
15. OECD. Recommendation of the Council on Artificial Intelligence. OECD Legal Instruments. Paris, OECD, 2019 (updated 2024). 18 p.
16. Guadamuz A. Artificial Intelligence and Copyright: Authorship, Ownership, and Infringement. Journal of the Copyright Society of the USA, 2024, vol. 71, no. 2, pp. 215–248.
17. Samuelson P. Generative AI Meets Copyright. Science, 2023, vol. 381, no. 6654, pp. 158–161.
18. McKinsey Global Institute. The Economic Potential of Generative AI: The Next Productivity Frontier. New York, McKinsey & Company, 2023. 68 p.
19. Dastin J. Amazon Scraps Secret AI Recruiting Tool That Showed Bias Against Women. Reuters, 2018. Available at: https://www.reuters.com/article/us-amazon-com-jobs-automation-insight-idUSKCN1MK08G (accessed 20.01.2025).
20. UN Women. Progress on the Sustainable Development Goals: The Gender Snapshot 2024. New York, UN Women, 2024. 52 p.

Экономико-правовой статус международной компании как разновидности юридического лица в Российской Федерации

Сабирова Адиля Ильнуровна
ФГОБУ «Финансовый университет при Правительстве РФ», adilsab.il@mail.ru

Статья посвящена правовому статусу международных компаний как особому виду юридических лиц в Российской Федерации в контексте специальных административных районов (САР). Рассматриваются ключевые федеральные законы, регулирующие создание, деятельность и инвестиционные привилегии таких компаний, и связанные с этим тенденции. В работе рассмотрены эволюция правового регулирования и роль САР в привлечении капитала после санкций. Исследование актуально для понимания механизмов привлечения иностранных инвестиций в посткризисной экономике России. Исследование также выявляет ключевые особенности, такие как налоговые льготы и административные упрощения, способствующие репатриации активов.
Ключевые слова: международные компании, специальные административные районы (САР), правовой статус юридического лица, иностранные инвестиции, юридические лица, репатриация капитала, налоговые льготы.

Введение

Юридическое лицо в качестве субъекта гражданского права имеет фундаментальное значение в праве Российской Федерации. Являясь полноценными участниками гражданского оборота, они подразделяются по видам, организационно-правовым формам, для каждой из которых, в свою очередь, существуют свои правила решения хозяйственных вопросов, определенные права и обязанности. Группа людей, объединившаяся для реализации общей правосубъектности, сама решает, какая разновидность юридического лица будет наиболее подходить в соответствии с целями их деятельности. В современном мире появляется все больше способов участия в услуго- и товарообмене, в том числе расширяя спектр видов юридических лиц.

В целях развития и деофширизации экономики страны, в Российской Федерации вступил в силу Федеральный закон от 03.08.2018 N 290-ФЗ (ред. от 25.12.2023) "О международных компаниях и международных фондах" (далее Федеральный закон о международных компаниях) [3], в котором появляется новая для законодательства государства категория «международная компания». В связи с данной новеллой в доктринальных исследованиях поставлен вопрос о «природе» международной компании, ее определении как юридического лица и отличий от классических видов юридических лиц в России.

Одним из первых ученых, глубоко изучивших данную проблематику, является В.А. Канашевский. Он считает международную компанию новым «специальным» видом юридического лица. Согласно его работам у международной компании «двойной личный закон», так как такие вопросы, как «право на имущество, прежние обязательства», по-прежнему регулируются правом иностранного государства [9]. С мнением В.А. Канашевского также соглашается М.И. Древаль. Ее работы, основывающиеся на уже измененном Федеральном законе о международных компаниях, подтверждают их сущность в качестве юридического лица. Анализируя принципиальные отличия между признаками «типичных» юридических лиц и международных компаний, М.И. Древаль также сравнивает их с условиями в офшорных зонах. Она равным образом приходит к выводу о наличии «двойного подчинения» международной компании, что только подтверждает ее особый статус [10]. Соглашаясь с мнением указанных выше авторов о том, что международная компания является своеобразным видом юридического лица, необходимо это подтвердить: определить их схожие и отличительные черты, проанализировав законодательство и иные источники права Российской Федерации.

Основная часть

В соответствии со статьей 1 Федерального закона о международных компаниях можно обозначить понятие международной компании. Международная компания – хозяйственное общество, «зарегистрированное в едином государственном реестре юридических лиц в порядке инкорпорации или в связи с изменением иностранным юридическим лицом личного закона в порядке редомициляции». Следовательно, статус международной компании можно получить либо в случае перехода уже существующего юридического лица в юрисдикцию Российской Федерации из иностранной, либо в случае создания нового юридического лица в качестве инкорпорации. В данном

Федеральным законе закреплен важный аспект для существования международной компании – юридическое лицо именно в качестве хозяйственного общества. В статье 66 Гражданского кодекса Российской Федерации указано: «Хозяйственными товариществами и обществами признаются корпоративные коммерческие организации с разделенным на доли (вклады) учредителей (участников) уставным (складочным) капиталом <…> Хозяйственные общества могут создаваться в организационно-правовой форме акционерного общества или общества с ограниченной ответственностью» [1]. Следовательно, на законодательном уровне уже ограничен перечень возможных организационно-правовых форм международной компании.

Говоря о редомициляции, необходимо сказать о положительном направлении данного процесса на экономику страны, так как нововведение таких юридических лиц, в первую очередь, направлено на возвращение отечественных же организаций на территорию Российской Федерации. Целью создания института международных компаний является перемещение подконтрольных россиянам офшорных компаний на указанные территории. Таким образом, можно говорить о создании специальных административных районов в качестве некоторой оппозиции офшорным зонам, так как для международных компаний также действует определенные преференции, например, «ускоренная регистрация, льготные ставки по дивидендным доходам, освобождение от уплаты налога с прибыли своих контролируемых иностранных компаний» [10]. Характерным отличием от офшорных компаний является возможность международных компаний заниматься бизнесом в стране их регистрации, то есть на территории Российской Федерации, более того, инвестирование на территории страны является основным условием для последующей деятельности международной компании.

Ссылаясь на суждение В.А. Канашевского о наличии у международной компании «двойного личного закона», требуется найти данный признак в законодательстве. В статье 4 Федерального закона о международных компаниях закреплено: «Личным законом международной компании с момента ее государственной регистрации в Российской Федерации становится российское право». Однако в той же статье говорится о некоторых особенностях, касающихся юрисдикции международной компании. Все сравнительно ясно с международной компанией, созданной в качестве нового юридического лица в порядке инкорпорации: к ней применяется все законодательство РФ, если иное не будет предусмотрено ее уставом. К международной же компании, созданной в порядке редомициляции, то есть перехода иностранной компании в юрисдикцию РФ, наоборот, в большей степени применяются нормы иностранного права: «Если в уставе международной компании, созданной в порядке редомициляции, прямо не урегулированы какие-либо отношения и отсутствует ссылка на законодательство, которым данные отношения должны регулироваться, к таким отношениям, если это не противоречит их существу, применяются положения законодательства Российской Федерации». Кроме того, международной компании, созданной в порядке редомициляции, переходят права и обязанности иностранного юридического лица: «вещные права и иные права на движимое или недвижимое имущество, в том числе находящееся за пределами территории Российской Федерации; права участия в других организациях, в том числе связанные с получением дивидендов и иных доходов или выплат; права на ценные бумаги и иные финансовые инструменты, в том числе связанные с получением доходов и иных выплат; права на предъявление исков, возникшие у иностранного юридического лица до государственной регистрации международной компании». Такие международные компании также могут привлекаться к уголовной и гражданской ответственности вместо иностранного юридического лица. Все приведенное выше можно толковать как наличие правопреемства между иностранной компанией и созданной международной компании, однако в законе четко указано: «В связи с государственной регистрацией международной компании в порядке редомициляции не возникает отношений правопреемства между иностранным юридическим лицом и международной компанией». Данное противоречие не имеет понятного толкования: в работах В.А. Канашевский затронул данный вопрос, однако только поверхностно, обозначив, что положение о российском праве как личном законе международной компании необходимо применять ограничительно – в отношении только определенных вопросов, а отсутствие правопреемства трактовать как применение норм иностранного права с учетом норм закона о международных компаниях [9].

Представляется интересным сопоставить положения Федерального закона о международных компаниях, закрепляющие идентичные признаки правового статуса международных компаний с «классическими» юридическими лицами. Статья 2 указывает на возможность международной компании иметь гражданские права и нести гражданские обязанности, что также закреплено в определении юридического лица, данном в статье 48 Гражданского кодекса РФ. Кроме того, та же статья определяет, что статус международной компании представляется после государственной регистрации в едином государственном реестре юридических лиц, что в совокупности является доказательством того, что международная компания – вид юридического лица.

Ярко отличающей международную компанию чертой является пределы ее создания. В соответствии с Федеральным законом о международных компаниях они могут находиться только на территории специальных административных районов, а именно на островах «Русский» и «Октябрьский», отношения по которым регулируются Федеральным законом «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края» [4]. Однако надо подчеркнуть, что данное ограничение не сужает нахождение филиалов и иных обособленных подразделений компании, а также территориальные возможности коммерческой деятельности компании.

Другим критерием различия международной компании от иных юридических лиц является порядок ее регистрации. Государственная регистрация международных компаний также регулируется Федеральным законом "О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей" [5], однако с особенностями Федерального закона о международных компаниях. Главным различием является наличие управляющей компании в процессе подачи документов для государственной регистрации, то есть для внесения регистрирующим органом сведений о регистрации, реорганизации и иных сведений о международной компании в ЕГРЮЛ международная компания сначала предоставляет их управляющей компании, которая уже, в свою очередь, передает в регистрирующий орган. При регистрации же «классического» юридического лица нет необходимости наличия «посредника» между юридическим лицом и регистрирующим органом, то есть необходимые документы представляются непосредственно либо через многофункциональный центр.

Можно перейти к более глубокому анализу законодательства Российской Федерации, касающегося международных компаний. В связи со множеством именно экономических аспектов в законодательном регулировании данных юридических лиц необходимо проанализировать

Налоговый Кодекс РФ [2]. Одним из упоминаний международной компании в Налоговом кодексе РФ проявляется через понятие «Международная холдинговая компания», юридическая характеристика которой дается в статье 24.2 Налогового кодекса РФ. В целом в данном положении указаны основные условия для вступления международной компании в налоговые правоотношения в РФ, которые детализированы точными датами и ставками налогов и сборов. Также в НК РФ есть упоминание международной компании без ее определения как холдинговой в пункте о выездной налоговой проверке, что вызывает некоторую неопределенность: можно ли применять данное положение к международным компаниям, соответствующим условиям для ее определения как международной холдинговой компании и тогда почему соответственно отсутствуют статьи, определяющие именно «международную компанию», если данное понятие затем применяется в кодексе.

Другой особенностью для международных компаний является валютный режим. Данный аспект регулируется Федеральным законом от 10.12.2003 N 173-ФЗ (ред. от 11.03.2024) "О валютном регулировании и валютном контроле" [6]. В статье 1 данного закона определяется, что юридические лица со статусом международной компании являются нерезидентами, что отличает их от иных юридических лиц, зарегистрированных в соответствии с законодательством РФ, которые определяются резидентами по данному нормативно правовому акту. В статье 10 соответственно указано, что резиденты «вправе без ограничений осуществлять между собой переводы иностранной валюты и валюты Российской Федерации» как на счетах за пределами РФ, так и на ее территории. Данная норма так же распространяется в отношении валютных операций между резидентами и нерезидентами, однако, что касается валютных операций сугубо между резидентами, то есть «классическими» юридическими лицами в данном контексте, то они, наоборот в основном запрещены, за исключением некоторых случаев.

Еще одним основанием для сравнения международных компаний и других юридических лиц может являться проверка их деятельности. В федеральном законе "О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля" от 26.12.2008 N 294-ФЗ [7] отсутствует разграничения между понятиями международной компании и остальными юридическими лицами, то есть отношения по данному виду государственного контроля (надзора) не обладают какой-либо спецификой для именно международных компаний. В то же время в Федеральном законе о международных компаниях существует статья 10, определяющая ревизии для международных компаний, однако со стороны уже ранее упомянутой управляющей компании. Следовательно, можно говорить о контроле виде проверок (ревизий) над международной компании как со стороны государства (муниципального образования), так и со стороны управляющей компании, которая, можно сделать вывод, имеет огромное значение в деятельности международной компании. Она же в ходе указанных ревизий подтверждает у юридического лица статус международной компании, что закреплено в статье 2 Федерального закона о международных компаниях. Определение самой управляющей компании при этом содержится в Федеральном законе "О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края", где указано, что она является российским юридическим лицом, «на которое возложены функции по обеспечению функционирования специального административного района». Таким образом, можно сделать вывод о том, что юридическое лицо со статусом международной компании контролирует другое юридическое лицо.

Касаемо недавних событий и множества вводимых санкций против Российской Федерации, ее организаций и физических лиц, а также принадлежащего им имущества, 25 апреля 2023 года был подписан Указ Президента № 302 «О временном управлении некоторым имуществом» [8] (далее Указ) в качестве «контрсанкции». В связи с незаконным лишением и (или) ограничением указанных выше лиц их имущества, находящегося на территории недружественных государств, данный Указ передает определенные активы, принадлежащие иностранным лицам данных государств, во временное управление Федеральному агентству по управлению государственным имуществом. К указанным активам относятся: движимое и недвижимое имущество, ценные бумаги, доли в уставных (складочных) капиталах российских юридических лиц, имущественные права.

Под иностранными лицами в данном Указе понимаются также юридические лица, являющиеся резидентами недружественных государств: «такие иностранные лица являются гражданами или резидентами этих государств, местом их регистрации, местом преимущественного ведения ими хозяйственной деятельности или местом преимущественного извлечения ими прибыли от деятельности являются эти государства, и лица, которые находятся под контролем указанных иностранных лиц». Тогда стоит отметить статус международной компании, так как ее понятие в рамках данного правового акта не было озвучено, следовательно, ее статус касаемо данных экономических мер не определен. Анализируя указанных в Указе субъектов, попадающих под действие «контрсанкции», можно предположить, что международные компании к ним не относятся, несмотря на их неопределенный в достаточной степени правовой статус (а именно подчинение «двойному закону»), так как международные компании хотя и не относятся к резидентам РФ по валютному законодательству РФ, однако и не являются резидентами иностранных государств; также они регистрируются в ЕГРЮЛ на территории Российской Федерации и ведут хозяйственную деятельность преимущественно на территории РФ, принимая во внимание их обязанность инвестировать в экономику РФ. Таким образом, международные компании вероятно не попадают под «контрсанкции» РФ по отношению к недружественным странам, что вновь говорит о причислении их к юридическим лицам РФ.

Заключение

Итак, по итогам исследования было выявлено, что международная компания действительно является особым видом юридических лиц по законодательству Российской Федерации. К схожим чертам относятся способность иметь гражданские права и нести гражданские обязанности, а также по выявленным ранее признакам способность участвовать в гражданском обороте, отвечать по своим обязательством, нести ответственность и иметь свое обособленное имущество. К особенностям же относятся наличие регулирования иностранного права касательно некоторых правоотношений, особый контроль со стороны государства и других юридических лиц, границы территории места ее нахождения, особое налогообложение и другие. Таким образом, несмотря на то, что международная компания является видом юридических лиц в РФ, ее деятельность еще полностью не урегулирована нынешним законодательством, что также выражается и в небольшом количестве судебной практики относительно нее. Следовательно, по результатам исследования можно сказать о будущих перспективах развития данных компаний с учетом опыта зарубежных стран, что, несомненно выразится как на развитии права в РФ, так и на экономике страны.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51- ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023)) // Собрание законодательства Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс.
2. "Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред. от 26.02.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс.
3. Федеральный закон от 03.08.2018 N 290-ФЗ (ред. от 25.12.2023) "О международных компаниях и международных фондах" // Собрание законодательства Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс.
4. Федеральный закон "О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края" от 03.08.2018 N 291-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс.
5. Федеральный закон "О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей" от 08.08.2001 N 129-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс.
6. Федеральный закон от 10.12.2003 N 173-ФЗ (ред. от 11.03.2024) "О валютном регулировании и валютном контроле" // Собрание законодательства Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс.
7. Федеральный закон "О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля" от 26.12.2008 N 294-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс.
8. Указ Президента РФ от 25.04.2023 N 302 (ред. от 26.04.2024) "О временном управлении некоторым имуществом" // Собрание законодательства Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс.
9. Канашевский Владимир Александрович Международная компания как особый вид юридического лица в России // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. №6 (73). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnaya-kompaniya-kak-osobyy-vid-yuridicheskogo-litsa-v-rossii.
10. Древаль Марина Игоревна 0 правовом статусе международной компании // Государственная служба и кадры. 2020. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/0-pravovom-statuse-mezhdunarodnoy-kompanii.
11. Гаджиев Тимур Фикретович Правовой режим инвестиций международных компаний в РФ // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-rezhim-investitsiy-mezhdunarodnyh-kompaniy-v-rf.
12. Дзюбанова Валерия Вадимовна, Ходова Мадина Таймуразовна Приобретение статуса международной компании на территории специальных административных районов: актуальные правовые тенденции в условиях ужесточения санкций против России // Юридическая наука. 2023. №7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/priobretenie-statusa-mezhdunarodnoy-kompanii-na-territorii-spetsialnyh-administrativnyh-rayonov-aktualnye-pravovye-tendentsii-v.

The economic and legal status of an international company as a type of legal entity in the Russian Federation

Sabirova Adilya Ilnurovna

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to the legal status of international companies as a special type of legal entity in the Russian Federation in the context of special administrative regions (SAR). The key federal laws governing the establishment, operation, and investment privileges of such companies and related trends are reviewed. The paper examines the evolution of legal regulation and the role of the SAR in raising capital after sanctions. The study is relevant for understanding the mechanisms of attracting foreign investment in the post-crisis economy of Russia. The study also identifies key features such as tax incentives and administrative simplifications that facilitate asset repatriation.

Keywords: international companies, special administrative regions (SAR), legal status of a legal entity, foreign investments, legal entities, repatriation of capital, tax benefits.

References

1. Part One of the Civil Code of the Russian Federation No. 51-FZ of November 30, 1994 (as amended on July 24, 2023) (as amended and supplemented, entered into force on October 1, 2023)) // Collection of Legislation of the Russian Federation // SPS ConsultantPlus.
2. Part One of the Tax Code of the Russian Federation No. 146-FZ of July 31, 1998 (as amended on February 26, 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation // SPS ConsultantPlus.
3. Federal Law No. 290-FZ of August 3, 2018 (as amended on December 25, 2023) "On International Companies and International Funds" // Collection of Legislation of the Russian Federation // SPS ConsultantPlus.
4. Federal Law "On Special Administrative Regions in the Territories of the Kaliningrad Region and Primorsky Krai" dated August 3, 2018 No. 291-FZ (latest revision) // Collection of Legislation of the Russian Federation // SPS ConsultantPlus.
5. Federal Law "On State Registration of Legal Entities and Individual Entrepreneurs" dated August 8, 2001 No. 129-FZ (latest revision) // Collection of Legislation of the Russian Federation // SPS ConsultantPlus.
6. Federal Law dated December 10, 2003 No. 173-FZ (as amended on March 11, 2024) "On Currency Regulation and Currency Control" // Collection of Legislation of the Russian Federation // SPS ConsultantPlus.
7. Federal Law "On the Protection of the Rights of Legal Entities and Individual Entrepreneurs in the Exercise of State Control (Supervision) and Municipal Control" dated 26.12.2008 N 294-FZ (latest revision) // Collection of Legislation of the Russian Federation // SPS ConsultantPlus.
8. Decree of the President of the Russian Federation dated 25.04.2023 N 302 (as amended on 26.04.2024) "On the Temporary Management of Certain Property" // Collection of Legislation of the Russian Federation // SPS ConsultantPlus.
9. Kanashevsky Vladimir Aleksandrovich International Company as a Special Type of Legal Entity in Russia // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2018. No. 6 (73). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnaya-kompaniya-kak-osobyy-vid-yuridicheskogo-litsa-v-rossii.
10. Marina Igorevna Dreval, "On the Legal Status of an International Company," Public Administration and Personnel, 2020, no. 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/0-pravovom-statuse-mezhdunarodnoy-kompanii.
11. Timur Fikretovich Gadzhiev, "Legal Regime for Investments of International Companies in the Russian Federation," Humanitarian and Legal Studies, 2021, no. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-rezhim-investitsiy-mezhdunarodnyh-kompaniy-v-rf.
12. Dzyubanova Valeria Vadimovna, Khodova Madina Taimurazovna Acquisition of the status of an international company on the territory of special administrative regions: current legal trends in the context of tightening sanctions against Russia // Legal science. 2023. No. 7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/priobretenie-statusa-mezhdunarodnoy-kompanii-na-territorii-spetsialnyh-administrativnyh-rayonov-aktualnye-pravovye-tendentsii-v.

Коллизионные аспекты защиты иностранных инвестиций при блокировке трансграничных платежей в условиях санкций: роль двусторонних инвестиционных соглашений

Цветков Радислав Александрович
аспирант, Всероссийская академия внешней торговли

В статье приводится анализ особенностей реализации института двусторонних инвестиционных соглашений в условиях введения санкционных мер и блокировки возможностей осуществления трансграничных платежей и защиты инвесторами своих активов, размещенных за рубежом.
Автором рассматривается содержание и особенности разрешения споров в связи с неисполнением инвестиционных соглашений; на примере Российской Федерации оцениваются пути разрешения таких споров во вне арбитражном и вне судебном порядке путем применения со стороны стран и представляющих их инвесторов иных механизмов по защите своих инвестиций от недружественных действий и экспроприации.
Ключевые слова: инвестиции, экспроприация, санкции, инвестиционные соглашения, ограничения, национализация активов, международный арбитраж.

Начиная с 2022 года в отношении Российской Федерации со стороны недружественных стран осуществляется беспрецедентное санкционное давление, призванное ослабить ее финансовую, энергетическую и транспортную отрасли, сорвать поставки товаров, технологий и оборудования, снизить ее международный потенциал. В рамках наложенных санкций российская банковская система была отключена от системы межбанковских платежей SWIFT, на территории Российской Федерации приостановили свою деятельность международные платежные системы MasterCard и Visa, заморожены активы Центробанка, российских компаний и частных инвесторов, размещенные за рубежом. Данные действия были приняты для усиления давления на российскую экономику и принуждения России к смене политического курса.

Первой ответной мерой России на санкционную политику со стороны недружественных стран стало принятие ответных специальных экономических мер в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций, которые были отражены в Указе Президента Российской Федерации от 03.05.2022 № 252 [1].

Среди таких мер были отмечены запреты федеральным органам государственной власти, органам государственной власти субъектов Российской Федерации, органам местного самоуправления, организациям и физическим лицам, находящимся под юрисдикцией Российской Федерации, совершать сделки, в т.ч. и внешнеторговые контракты, с юридическими, физическими лицами и находящимися под их контролем организациями, в отношении которых были применены такие меры; исполнять обязательства перед этими лицами, если такие обязательства не были исполнены полностью или частично; осуществлять финансовые операции, выгодоприобретателями от которых являются иностранные физические и юридические лица, в отношении которых были приняты специальные меры со стороны Российской Федерации; запрещен вывоз средств, сырья и производства за рубеж, если выгодоприобретателями от таких операций являются физические и юридические лица, осуществляющие недружественные действия в отношении Российской Федерации, а также аффилированные им лица. В подкрепление данных требований Центробанком России с 1 октября 2022 года был введен [2] полный запрет на перевод денежных средств за рубеж.

Принятые в отношении Российской Федерации санкции полностью противоречат международному законодательству и по своей сути не являются легитимными. Отметим, что понятие «санкции» официально не закреплено в международном праве. По общему правилу под санкциями в международном праве понимаются меры, которые принимаются Советом Безопасности ООН (далее – СБ ООН) – согласно Уставу ООН, такие санкции именуются как «принудительные меры» [3; ст. 2;50].

Таким образом, согласимся с мнением профессора В. А. Канашевского, который отмечает, что поскольку СБ ООН каких-либо санкций или принудительных мер против России не вводил, то принятые США, ЕС и их союзниками антироссийские «санкции» являются односторонними принудительными мерами, не имеющими законного юри-

дического обоснования в международном праве. Следовательно, такие «санкции» не являются «принудительными мерами», введенными СБ ООН [4; с. 32-33].

Оценивая ответные меры Российской Федерации в ответ на недружественные действия зарубежных стран, Н. Н. Викторова указывает на основную причину ввода таких санкций – «ослабление российской экономики, чтобы она почувствовала последствия». Ученая отмечает, что все меры, которые были введены Россией в 2022 году и позднее в ответ на действия недружественных стран, сами по себе являются правомерными, так как каждое государство обязано защищать национальную экономику своим разумным вмешательством. Отметим, что подобная позиция находит свое подтверждение в западной доктрине и закрепилась в качестве принципа международной арбитражной практики [5; с. 74].

Благодаря принятым оперативным мерам, Россия показала свою экономическую устойчивость, и продолжает оставаться инвестиционно выгодной страной на международной арене.

Между тем на протяжении последних четырех лет, санкционное давление в отношении Российской Федерации продолжает усиливаться, что заставляет искать новые пути по сохранению экономической стабильности в условиях нарастающего рестрикционного давления.

Не первый год Еврокомиссия пытается осуществить экспроприацию замороженных внешних российских суверенных активов, большая часть которых хранится в международной финансовой компании Euroclear в Бельгии, что является грубым нарушением международного договорного права, прежде всего – инвестиционных соглашений, заключенных Российской Федерацией (и ранее – СССР) с большинством государств, входящих в текущих условиях в перечень недружественных.

Подобные соглашения имеют статус двусторонних и заключаются между двумя государствами с целью защиты и поощрения инвестиций, осуществляемых на территории одного государства инвестором из другого.

Инвестиционные соглашения рассчитаны на реализацию режима наибольшего благоприятствования, который гарантирует, что иностранные инвесторы будут получать условия не менее выгодные, чем те, которые предоставляются инвесторам из третьих стран.

Такими соглашениями также предусмотрен национальный режим, который предполагает, что иностранные инвесторы имеют те же права и возможности, что и местные. Механизмы разрешения споров обычно предусматривают не только международные арбитражные институты, но и рассматривают возможности судебного разрешения таких споров.

Общая структура двусторонних инвестиционных соглашений включает:

1) вступительное заявление о целях соглашения, выражающее намерения сторон обеспечить взаимную защиту инвестиционных потоков между двумя государствами;

2) перечень видов собственности, подлежащих защите;

3) режимы взаимоотношений, которые устанавливаются для сторон, заключающих соглашение;

4) юридические гарантии и порядок компенсации возможного ущерба;

5) гарантии свободного перевода в связи с капиталовложениями;

6) порядок разрешения возможных инвестиционных споров между договаривающейся стороной и инвестором другой договаривающейся стороны.

Важно отметить, что подобными соглашениями напрямую устанавливается запрет на экспроприацию. В тоже время, меры санкционного давления, вводимые в отношении России с 2022 года, им полностью противоречат, поскольку были приняты без учета общественных интересов и не в установленном законами порядке; по своей сути являются политически ангажированными – меры принимаются в основном в отношении российских физических и юридических лиц, государственных компаний – т.е. рестрикции реализуются по национальному признаку; введенные санкции носят дискриминационный характер и не предусматривают выплаты быстрой, адекватной и эффективной компенсации.

Международное законодательство предусматривает ряд механизмов разрешения споров, вызванных нарушением инвестиционных соглашений, среди которых обращение к международным арбитражным институтам: например, по принципу ad hoc или через Арбитражный институт Стокгольмской торговой палаты.

Арбитражный порядок разрешения подобных споров предусматривает несколько стадий. Начальная стадия включает консультационный механизм, в рамках которого устанавливаются участники правоотношений; готовится список лиц, фактически владеющих активами; описываются действия иностранного государства, которые принимались в отношении инвестиций; определяются наиболее важные положения инвестиционного соглашения, которым не соответствует каждая из оспариваемых мер, принятых иностранными контрагентами, а также вносятся предложения по урегулированию возникших противоречий – например, объем компенсации, необходимой для покрытия издержек и упущенной выгоды вследствие выявленных нарушений.

При невозможности урегулирования споров на уровне консультаций, на основании условий, напрямую изложенных в инвестиционном соглашении, сторона, в отношении инвестиций которой были осуществлены рестрикции, вправе обратиться в международный арбитраж. Отметим, что к основаниям для такого обращения, наравне с отказом иностранного контрагента по урегулированию споров, также могут относиться как одностороннее игнорирование переговорного процесса контрагентом, так и отказ в консультациях по высказанным претензиям. Данные обстоятельства прямо указываются при обращении в международный арбитраж.

Процедура назначения арбитров и иные процессуальные аспекты спора устанавливаются теми арбитражными правилами, которые были выбраны стороной спора при выборе арбитража. В случае выбора арбитража в соответствии с соглашением ad hoc, будет применяться Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ [5]. При выборе Дополнительных правил Международного Центра по урегулированию инвестиционных споров – в рамках процесса будут использоваться указанные правила [6], а в тех случаях, когда международным инвестиционным соглашением предусмотрена возможность обращения в Арбитражный институт Стокгольмской торговой палаты, то будут применяться правила указанного института [7].

Между тем, для некоторых международных акторов (например, США), имеющих разветвленную аффилированную структуру и представительство за рубежом, возможны злоупотребления в рамках treaty shopping, когда организациями с широким представительством за рубежом, могут выбираться условия соглашений, наиболее благоприятные для урегулирования споров в собственных интересах, исходя из условий, отраженных в соглашениях, заключенных с теми странами, где эти организации представлены в том числе и незначительно.

При благополучном разрешении арбитражного спора для получения компенсации сторона вправе обратиться в национальный суд проигравшего государства для приве-

дения международного арбитражного решения в исполнение. В случае отказа государства или его национального суда в выплате компенсаций по инвестициям, подвергшимся необоснованным рестрикциям, сторона вправе обратиться за исполнением решения в любое третье государство, на территории которого имеются активы проигравшего государства – компенсация будет выплачиваться исходя из стоимости указанных активов. Принято считать, что наиболее простым является обращение в национальные суды тех государств, которые являются стороной Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года [8].

Рассмотренный механизм защиты инвестиций, во многом, является сдерживающим фактором от экспроприации суверенных активов Российской Федерации у агентства Euroclear, вследствие чего Бельгией и рядом других стран были высказаны опасения в связи с возможным изъятием замороженных активов России и рисками масштабных претензий как со стороны российских инвесторов, так и лиц из третьих стран, чьи интересы будут затронуты в рамках данного процесса.

Рассмотрение арбитражем или судебным органом спора, инициированного в соответствии с международным инвестиционным соглашением, совершенно не препятствует в использовании других процедур разрешения споров или механизмов, предусмотренных какими-либо иными договорами/контрактам/соглашениями, которые были заключены организацией с иностранным государством, лицами, представляющими такое государство, или лицами, аффилированными ему.

Другим инструментом, используемым в рамках инвестиционных соглашений, в условиях санкционного давления, выступает возможность применения исключений в соглашениях при их реализации в целях защиты национальных интересов, при котором права иностранных инвесторов бы не нарушались.

Так, 30 июня 2022 года Президент Российской Федерации издал Указ № 416 «О применении специальных экономических мер в топливно-энергетической сфере в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций» [10]. Нормативный документ предусматривает изменение порядка осуществления деятельности по добыче нефти и газа на Пильтун-Астохском и Лунском месторождениях в Сахалинской области в рамках проекта «Сахалин-2». В качестве основания принятия Указа прямо приводится угроза «возникновения чрезвычайной ситуации природного и техногенного характера, […] жизни и безопасности людей» в случае, если иностранные компании продолжать осуществлять функцию оператора проекта.

Как отмечает Е. В. Попов, применительно к данному соглашению общее исключение по «российской» модели подчеркивает, что меры государства, подобные Указу № 416, не нарушают права иностранных инвесторов [11; с. 59].

Сложившаяся международная ситуация показывает, что политически ангажированные процессы не позволяют в полной мере воспользоваться арбитражным и судебным механизмами при защите иностранных инвестиций. Данные институты все менее привлекательны для отечественных компаний, поскольку решения, принимаемые в рамках них, могут быть подвержены внешнеполитическому курсу, избранному недружественными странами, что повлечет принятие незаконных решений или затягиванию процессов.

Обратим внимание на иные, вне арбитражные и судебные, процедуры и механизмы, направленные на сохранение инвестиций и компенсирование ущерба вследствие недружественных действий.

25 апреля 2023 года Президентом Российской Федерации был издан указ № 302 о временном управлении некоторым имуществом [12], который предусматривает возможности защиты национальных интересов Российской Федерации от недружественных действий в отношении имущества и активов представляющих ее физических и юридических лиц.

Так, согласно данному указу временное управление может вводиться в отношении как находящегося на территории Российской Федерации движимого и недвижимого имущества, ценных бумаг, долей в уставных капиталах, имущественных прав и активов иностранных лиц, связанных с недружественными иностранными государствами, так и в отношении имущества лиц, находящихся под управлением недружественных государств. В случае принятия решения о таком управлении временным управляющим назначается Федеральное агентство по управлению государственным имуществом.

Интересной выглядит реакция со стороны недружественных стран в связи с реализацией данного указа. Многими странами (Великобританией, Германией и пр.) подобные шаги расцениваются в качестве мер по экспроприации иностранных активов на территории Российской Федерации. Данный взгляд является очевидно однобоким и не соответствующим действительности, поскольку правовой механизм внешнего управления не предусматривает обращения иностранных активов в пользу государства, осуществляющего управление, третьей стороны или их продажу, в отличие от действий предпринимаемых в отношении замороженных активов в Euroclear, где Еврокомиссией однозначно определена цель их фактической экспроприации – выделение кредита третьей стороне – Украине.

В ответ на возможные недружественные действия по экспроприации замороженных российских активов также предусмотрен механизм национализации и распродажи на внешних рынках иностранных активов со стороны Российской Федерации. Согласно Указу Президента Российской Федерации от 30.09.2025 № 693 [13] вводится упрощенный порядок оценки активов (не более 10 рабочих дней с момента заключения договора) и его перерегистрации для последующей продажи в счет компенсации ущерба, причиненного недружественными действиями.

Отметим, что данные меры рассматриваются в качестве вынужденных и могут быть применены в отношении иностранных активов только в случае экспроприации суверенных активов Российской Федерации за рубежом.

5 декабря 2025 года Центробанком были приняты меры по ослаблению ограничений по переводу денежных средств и размещению инвестиций.

По новым правилам на период с 8 декабря 2025 года до 7 июня 2026 года сохраняются ограничения для работающих в России физических лиц - нерезиденты из недружественных стран могут переводить за рубеж средства в размере заработной платы, а также остается запрет на перевод средств за рубеж для не работающих в России физических лиц - нерезидентов из недружественных стран, а также для юридических лиц из таких государств.

Данные ограничения не распространяются на иностранные компании, находящиеся под контролем российских юридических или физических лиц, и на операции по переводу денежных средств иностранными инвесторами, которые вкладываются в российский финансовый рынок, со счетов типа «Ин» на счета за рубежом.

Банки из недружественных государств могут осуществлять переводы денежных средств в рублях с использованием корреспондентских счетов, открытых в российских кредитных организациях, если счета плательщика и получателя открыты в зарубежных банках.

По нашему мнению, рассмотренные меры направлены на повышение привлекательности российских организаций для иностранных инвесторов, а также позволяют превентивно обезопасить российские активы за рубежом от недружественных действий, что позволяет рассматривать данные механизмы в качестве защитных мер.

Проведенное исследование позволило сформулировать ряд важных положений.

1. Двусторонние инвестиционные соглашения продолжают быть действенным инструментом между инвесторами и иностранными государствами в современных условиях. Между тем, механизмы санкционного давления, вошедшие в международную практику, оказывают непосредственное влияние на реализацию данных соглашений. Не являясь правовым инструментом воздействия на другие государства, санкции, применяемые в отношении инвесторов, существенно нарушают их права и не гарантируют безопасность для инвестиций, прежде всего за счет внешнего контроля или давления со стороны третьих стран, или представляющих их физических лиц и организаций, что по своей сути противоречит нормам международного права и вводит в двусторонние отношения новых фигурантов, обесценивая данный договорной институт.

2. Инвестиционные соглашения предусматривают возможности арбитражного и судебного разрешения споров, однако, в условиях санкционного давления данные институты не могут быть полностью эффективными за счет их политической ангажированности, что заставляет инвесторов использовать новые пути по сохранению своих инвестиций.

3. Внешнее управление иностранными инвестициями выступает действенным инструментом, позволяющим избежать экспроприации инвестиционных активов в условиях санкций. В пользу внешнего управления иностранными активами выступает создание такой системы управления, при которой обеспечивается сохранность иностранных активов без необходимости их заморозки, что, в случае снятия санкционных мер, позволит обеспечить взаимные права инвесторов путем обоюдной разблокировки и передачи инвестиций друг другу, экономя время и не прибегая к арбитражному и (или) судебному производству.

4. Механизм национализации иностранных инвестиций является крайней мерой, применение которой возможно в случае недружественных действий по экспроприации активов инвесторов. Упрощенный механизм по национализации активов недружественных стран, принявших решение о такой экспроприации, является эффективным инструментом по восполнению ущерба инвесторов вследствие незаконных действий.

Рассмотренные коллизионные аспекты применения санкционного давления в целях достижения внешнеполитического превосходства обнажили важные проблемы, связанные с защитой прав инвесторов в международном праве, а также показали необходимость совершенствования института инвестиционных соглашений в условиях современных реалий.

Литература

1. Указ Президента РФ от 03.05.2022 № 252 «О применении ответных специальных экономических мер в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций» // СПС Гарант. Режим доступа: https://base.garant.ru/404564292/ (дата обращения: 21.02.2026).

2. Информация Банка России от 29.09.2022 «Банк России продлил еще на полгода ограничения по выводу денег за рубеж» // СПС Гарант. Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405258933 (дата обращения: 21.02.2026).

3. Устав ООН. Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text?ysclid=mlxzddtilv519619723 (дата обращения: 21.02.2026).

4. Канашевский В. А. Способы преодоления санкционного давления: от внешнего управления до выплаты компенсаций согласно правилам международных договоров // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – № 9(109). – С. 31-40.

5. Викторова Н. Н. Иностранные инвестиции в Российской Федерации в период санкций: введенные ограничения и их соотношение с правами иностранных инвесторов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – № 9(109). – С. 66-75.

6. Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ 1977 года [Электронный ресурс]. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/arb-rules-r.pdf (дата обращения: 21.02.2026).

7. ICSID additional facility rules. International Centre for Settlement of Investment Disputes 1818 H Street, N.W. Washington, D.C. 20433, U.S.A. URL: https://icsid.worldbank.org/sites/default/files/ICSID_Addl_English.pdf.

8. Арбитражный регламент Стокгольмской торговой палаты [Электронный ресурс]. URL: https://sccinstitute.com/media/1407441/arbitrationrules_russian_2020.pdf (дата обращения: 21.02.2026).

9. Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 1958 год) [Электронный ресурс]. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/new-york-convention-r.pdf (дата обращения: 21.02.2026).

10. Указ Президента РФ от 30.06.2022 № 416 «О применении специальных экономических мер в топливно-энергетической сфере в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций» // СПС Гарант. Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404818597 (дата обращения: 21.02.2026).

11. Попов Е. В. Тенденции в процессах разрешения споров между инвесторами и государствами // Российский судья. – 2017. – № 5. – С. 58-63.

12. Указ Президента Российской Федерации от 25.04.2023 № 302 «О временном управлении некоторым имуществом» // СПС Гарант. Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406691329 (дата обращения: 21.02.2026).

13. Указ Президента Российской Федерации от 30.09.2025 № 693 «О некоторых особенностях реализации имущества, находящегося в федеральной собственности» // СПС Гарант. Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412675155 (дата обращения: 21.02.2026).

14. Информация Банка России от 05.12.2025 «Банк России с 8 декабря снимает ограничения на перевод средств за рубеж для граждан России и дружественных стран» // СПС Гарант. Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413103453 (дата обращения: 21.02.2026).

15. Терехов М. Г. Гражданско-правовое регулирование конкуренции в сфере оборота цифровых активов / М. Г. Терехов // Научный портал МВД России. – 2023. – № 4(64). – С. 49-53.

16. Терехов М. Г. О некоторых аспектах судебных запросов в зарубежные юрисдикции по делам связанным с цифровыми активами / М. Г. Терехов // Тенденции частно-

правового и публично-правового взаимодействия : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 18–19 ноября 2022 года. – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий "Астерион", 2023. – С. 190-197.

Conflict of Laws Aspects of Protecting Foreign Investments When Cross-Border Payments Are Blocked Under Sanctions: The Role of Bilateral Investment Agreements

Tsvetkov R.A.
All-Russian Foreign Trade Academy

The article provides an analysis of the features of the implementation of the institution of bilateral investment agreements in the context of the introduction of sanctions measures and the blocking of the possibility of making cross-border payments and protecting investors' assets located abroad. The author examines the content and features of resolving disputes related to the non-fulfillment of investment agreements; using the example of the Russian Federation, the author evaluates the ways of resolving such disputes outside of arbitration and outside of the judicial system by using other mechanisms for protecting investments from unfriendly actions and expropriation by countries and their investors.

Keywords: investment, expropriation, sanctions, investment agreements, restrictions, asset nationalization, international arbitration.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 252 dated May 3, 2022, «On the Application of Retaliatory Special Economic Measures in Response to Unfriendly Actions by Certain Foreign States and International Organizations» // RLS Garant. Access mode: https://base.garant.ru/404564292/ (accessed: 21.02.2026).
2. Information from the Bank of Russia dated 29.09.2022: «The Bank of Russia has extended the restrictions on money transfers abroad for another six months» // RLS Garant. Access mode: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405258933 (accessed: 21.02.2026).
3. The Charter of the United Nations. Official website of the United Nations [Electronic resource]. URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text?ysclid=mlxzddtilv519619723 (accessed: 21.02.2026).
4. Kanashevsky V. A. Ways to Overcome Sanctions Pressure: From External Management to Compensation Payments under International Treaty Rules // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA). – 2023. – No. 9(109). – Pp. 31-40.
5. Viktorova N. N. Foreign Investments in the Russian Federation during the Period of Sanctions: Restrictions Imposed and Their Relationship to the Rights of Foreign Investors // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). – 2023. – No. 9(109). – Pp. 66-75.
6. UNCITRAL Arbitration Rules 1977 [Electronic resource]. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/arb-rules-r.pdf (accessed: 21.02.2026).
7. ICSID additional facility rules. International Centre for Settlement of Investment Disputes 1818 H Street, N.W. Washington, D.C. 20433, U.S.A. URL: https://icsid.worldbank.org/sites/default/files/ICSID_Addl_English.pdf.
8. Arbitration Rules of the Stockholm Chamber of Commerce [Electronic resource]. URL: https://sccinstitute.com/media/1407441/arbitrationrules_russian_2020.pdf (accessed: 21.02.2026).
9. Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (New York, 1958) [Electronic resource]. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/new-york-convention-r.pdf (accessed: 21.02.2026).
10. Decree of the President of the Russian Federation No. 416 dated June 30, 2022, «On the Application of Special Economic Measures in the Fuel and Energy Sector in Connection with the Unfriendly Actions of Certain Foreign States and International Organizations» // RLS Garant. Access mode: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404818597 (accessed: 21.02.2026).
11. Popov E. V. Trends in the Resolution of Disputes between Investors and States // Russian Judge. – 2017. – No. 5. – Pp. 58-63.
12. Decree of the President of the Russian Federation No. 302 dated 25 April 2023 «On the Temporary Management of Certain Property» // RLS Garant. Access mode: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406691329 (accessed: 21.02.2026).
13. Decree of the President of the Russian Federation No. 693 dated 30.09.2025 «On Certain Peculiarities of the Implementation of Federal Property» // RLS Garant. Access mode: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412675155 (accessed: 21.02.2026).
14. Information from the Bank of Russia dated 05.12.2025: «Starting from December 8, the Bank of Russia will lift restrictions on the transfer of funds abroad for Russian citizens and citizens of friendly countries» // RLS Garant. Access mode: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/41310 (accessed: 21.02.2026).
15. Terekhov, M. G. Civil Law Regulation of Competition in the Digital Asset Circulation / M. G. Terekhov // Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. – 2023. – No. 4(64). – Pp. 49-53.
16. Terekhov, M. G. On Some Aspects of Judicial Requests to Foreign Jurisdictions in Cases Related to Digital Assets / M. G. Terekhov // Trends in Private and Public Law Interaction : Collection of articles based on the materials of the international scientific and practical conference, St. Petersburg, November 18–19, 2022. – St. Petersburg: Center for Scientific and Information Technologies "Asterion", 2023. – Pp. 190-197.

Актуальные аспекты уголовной ответственности за причинение вреда средствами индивидуальной мобильности

Прутовых Роман Евгеньевич
магистрант, Алтайский филиал, РАНХиГС, rom_prutovyh@mail.ru

Автором в статье проводится анализ проблемных аспектов уголовно-правовой квалификации причинения вреда лицом, управляющим средством индивидуальной мобильности. Изучены различные подходы к уголовно-правовой оценке данного деяния, а также приведены примеры из судебной практики. В статье оценивается действующее состояние законодательства по анализируемому вопросу и предлагаются практические рекомендации по преодолению выявленных проблем. Автор полагает целесообразной квалификацию дорожно-транспортных преступлений с применением средств индивидуальной мобильности по ст. 264УК РФ.

Ключевые слова: механические транспортные средства, средства индивидуальной мобильности, уголовно-правовая квалификация, уголовная ответственность

Введение.

В современном мире автомобильный транспорт играет ведущую, ключевую роль в транспортной системе любой из стран. Россия не является исключением. Именно поэтому так важна система обеспечения безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, между тем, необходимо констатировать, что эта система сталкивается с серьезными проблемами, вызванными нарушениями Правил дорожного движения и усложнением общественных отношений.

На сегодняшний день сложилась ситуация, при которой развитие автомобильного транспорта рассматривается как прогресс, благо, направленное на решение множества задач, возникающих в процессе человеческой деятельности. Между тем, динамичное развитие данной сферы привело к возникновению серьезных проблем в области безопасности дорожного движения. С каждым годом интенсивность движения возрастает, это невозможно отрицать, возрастает нагрузка на дороги и магистрали, увеличивается количество транспортных средств, соответственно обозначенная в данной работе проблематика становится все более и более актуальной.

Сегодня ввиду мощнейшего развития научно-технического прогресса появляются новые реалии, в которых возникают средства передвижения на электрической основе. На сегодняшний стало актуальным появление электросамокатов и иных средств индивидуальной мобильности (далее - СИМ) , что в свою очередь усугубило проблему аварийности.

Между тем, их правовое положение порождает неопределенность и как следствие массив вопросов. Сложность заключается в определении их принадлежности к транспортным средствам. И , бесспорно, остается открытым вопрос уголовно-правовой квалификации действий таких средств.

Так, по официальным данным МВД России, в 2024 году был установлен серьезный подъем аварийности с участием средств индивидуальной мобильности: количество ДТП выросло до 3100 (+229,4% по сравнению с 2023 годом). За10 месяцев 2025 года учтено уже 3897 ДТП с участием средств индивидуальной мобильности (+47,2% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года), в которых погибли 44 человека (+41,9%), а ранения получили 4052 человека (+48,8%) [4, с.15].

В связи с чем, актуальность и значимость проблемы уголовно-правовой квалификации причинения вреда лицом, управляющим средством индивидуальной мобильности, не вызывает сомнения

Материалы и методы исследования

Целью исследования является анализ уголовной ответственности за причинение вреда средствами индивидуальной мобильности

Методами исследования послужили анализ, синтез, обобщение научных источников по теме исследования, логико-юридический метод.

Литературный обзор Свой вклад в исследовании данных вопросов вносят ученые-правоведы Г.Ш. Аюпова, И.С. Макеева, В.М. Вагайцев, А.И. Чучаев, А.Ю. Пожарский.

Результаты исследования

Анализируя состав преступления, предусмотренный ст. 264 УК РФ представляется интересным исследовать правовую природу механического транспортного средства. И провести анализ, что подлежит включению в данную правовую категорию. Важно отметить, что в доктрине нет единой классификации, охватывающей значение исследуемого предмета.Учитывая отсылочность нормы, предусмотренной с. 264 УК РФ, обратимся Правилам дорожного движения, аккумулирующим базовые понятия данной темы (далее - Правила).

Пункт 1.2 Правил раскрывает категорию механического транспортного средства, под которым стоит понимать транспортное средство, приводимое в движение двигателем. Данное определение не относится к средствам индивидуальной мобильности и велосипедам.

Абзац 18 п. 1.2 Правил дорожного движения содержит неопределенности касательно признаков предмета преступления ст. 264УК РФ. Данное обстоятельство и не позволяет обоснованно разрешить вопрос о причастности к конкретному дорожно-транспортному происшествию лиц, применяющих средства индивидуальной мобильности.

Стоит отметить, что до недавнего времени правовой статус СИМ был вне правового поля, его природа не была определена. Указанный пробел по праву можно считать препятствием, способствующим усилению ДТП с участием СИМ.

В результате реформирования законодательства видятся положительные тенденции части дефиниций.Трансформация законодательства позволила определить СИМ в качестве транспортного средства, отличающегося наличием одного или нескольких колес, предназначенного для индивидуального использования, перемещение лиц путем применения двигателя (двигателей).

Руководствуясь представленной дефиницией, законодатель относит СИМ к транспортным средствам. Данное обстоятельство обуславливает необходимость определения его принадлежности к механическим транспортным средствам в рамках нормы ст. 264 УК РФ.

Принимая во внимание разнообразие подходов, обратимся к доктрине. Так, Г.Ш. Аюпова и И.С. Макеева убеждены, что СИМ нельзя считать предметом преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ по причине того, что их базовое назначение не обусловлено движением по автодорогам. И в этой связи авторы полагают о необходимости квалификации по ст. 268 УК РФ [1].

Интересна позиция Н.А. Колоколова, по его мнению ситуация, при которой причине вред с применением СИМ следует квалифицировать по ст. 264 и 264.1 УК РФ [5].

Рассмотрим некоторые примеры из судебно-следственной практики.

Так, в одном из приговоров деяния лица, управляющего мотоблоком нашли уголовно-правовую квалификацию по ст. 268 УК РФ [9].

Так, гражданин Савинцев В.В. признан виновным в совершении преступления, регламентированного ст. 268 УК РФ в связи допущением наезда на пешехода на элктросамокате, в связи с чем последнего причинен тяжкий вред здоровью [10].

Довольно противоречивая судебная практика складывалась в г. Санкт-Петербурге, когда Петров П.П., управляя СИМ наехал на пешехода Немова Р.В., причинив потерпевшему тяжкий вред здоровью. Судом деяние было квалифицировано по ч.1 ст.118 УК РФ [11].

В рамках темы, исследования хотелось обратить внимание на то, что ст. 264 и 268 УК РФ имеют так называемые "нормы-двойники" в КоАП РФ. Этими нормами считаются ст. 12.24 и 12.29..

Ряд судебных инстанции при анализе кейсов полагали, что причинение вреда путем использование самоката не способно привести к негативным последствиям, предусмотренным ст. 12.29 КоАП РФ. Позиции базировались на том тезисе, что субъекта правонарушения невозможно соотнести к лицам, прямо принимающим участие в дорожном движении [12].

Однако, выше отмеченная позиция не рассматривалась длительный период времени в качестве единственной верной. Утратило актуальность данное умозаключение, когда Верховный суд высказался в данном вопросе. Так, Верховным судом резюмировано, что нарушение Правил с применением СИМ необходимо соотносить с нормой ст. 12.29 КоАП РФ. [13].

Бытующее мнение о том, что водители СИМ не правомочны нести ответственность в соответствии ст. 264 УК РФ видится противоречивым.

В качестве примера можно привести приговор, Ленинского районного суда г. Тюмени. Так, суд рассматривал действия Головко П.А. , позволившего себе управление электросамокатом в состоянии алкогольного опьянения. Судебным органом отмечено, что самокат представляет собой механическое транспортное средство. Суд сделал вывод о том, что самокат относится к механическим транспортным средствам категории «М», вследствие чего действия подсудимого квалифицированы по ст. 264.1 УК РФ [6].

Представляются системообразующими новеллы от 25.06.2024 , в результате которых в полном объеме исследованы границы анализируемой категории. Так, благодаря поправкам под механическими транспортными средствами в статьях 264 - 264.3 УК РФ понимаются автомобили, автобусы, троллейбусы, трамваи, мотоциклы, квадрициклы, мопеды, иные приводимые в движение двигателем транспортные средства, на управление которыми в соответствии с законодательством Российской Федерации о безопасности дорожного движения предоставляется специальное право, а также трактора, самоходные дорожно-строительные и иные самоходные машины.

Указано, что субъекты, осуществляющие управление транспортными средствами, не относящимися к указанным механическим транспортным средствам (например, средством индивидуальной мобильности, указанным в пункте 1.2 Правил, или велосипедом), допустившие нарушение правил безопасности движения , повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека, при наличии к тому оснований несут ответственность соответственно по частям 1, 2 или 3 статьи 268 УК РФ.

Вышеуказанные изменения казалось бы смогли разрешить возникшие в практической сфере коллизии. Между, тем имеется ряд нераскрытых вопросов. Если лицо, управляющее СИМ, причинило вред здоровью человека в будучи в алкогольном опьянении , как следует оценить его действия? В норме ст. 268 УК РФ отсутствует квалифицирующая часть, предполагающая совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения. Также справедливо возникает вопрос, какую уголовно-правовую оценку необходимо дать действиям лица, управляющим СИМ, причинившим вред здоровью и в последующем оставившим место совершения преступления? На этот вопрос ст. 268 УК РФ также не дает ответ. Фактически складывается ситуация, вследствие которой из уголовно-правового поля исключены факты совершения лицом, управляющим СИМ преступления в состоянии алкогольного опьянения, а также исключена возможность лицу, совершившему преступление при управлении СИМ скрыться с места преступления. Вместе с тем, для целей ст. 264 УК РФ выше-

указанные обстоятельства приведены как квалифицирующие признаки преступления. Полагаем, что такой подход законодателя не отвечает целям и принципам уголовного права. Безусловно, сегодня сложность заключается в том, что имеющееся в дух источниках понятие различны по природе и специфике.

Так, в Правилах своего рода индикатором принадлежности к механическому транспортному средству выступает двигатель.

Однако, примечание к ст. 264 УК РФ закрепляет иное условия, а именно: наличие специального права на управление. И в данном случае оправданно обратить внимание на то, что в легальном определении СИМ делается соответствующее указание на использование двигателя при передвижении человека.

В этой связи возникает противоречие: уголовный закон СИМ не относит к механическим транспортным средствам, ввиду отсутствия специального права на управление анализируемым СИМ, а Правила указывают на наличия двигателя при передвижении на СИМ.

Полагаем, что возникшую противоречивую ситуацию можно разрешить путем введения императивного правила для водителей об обязательном получении права на управление СИМ. Эти изменения одномоментно разрешает имеющиеся коллизии и определят принадлежность СИМ к механическим транспортным средствам. Данная новелла обеспечит возможность применять к водителям СИМ аналогичные нормы права, в том числе положения Уголовного закона. Включение безапеляционной нормы разрешит коллизию между ст. 264 и ст. 268 УК РФ , унифицирует процедуру привлечения к ответственности, тем самым обеспечит высокий уровень безопасности дорожного движения.

Заключение. Подводя итог вышесказанному отметить, что аналитика статистических данных упрямо демонстрирует об увеличении количества ДТП с применением с СИМ. Однако, стремительность развития и усложнения общественных отношений не корреспондирует динамике совершенствования законодательства. Это обстоятельство свидетельствует о том, что отношения динамично развиваются и право не способно превентивно на них воздействовать. Указанный вывод актуализирует важность последующего усиления и оптимизации уголовно-правовой ответственности вследствие причинения вреда лицом, управляющим СИМ.

Правовая неопределенность в аспекте уголовной ответственности за ДТП с применением СИМ потенциально формирует риски для охраны граждан.

В этой связи не вызывает сомнения значимость всеобъемлющей законодательной инициативы, устраняющей противоречивые аспекты.

Видится оправданным производить правовую оценку дорожно-транспортным преступлениям с использованием по ст. 264УК РФ после корректировки законодательства в части закрепления обязательного специального права на управление СИМ.

Унификация законодательства путем внесения предложенных изменений окажет положительное влияние на данную группу отношений. Только единое правовое поле, фундамент которого закладывает Уголовный закон, выступает стабилизирующим фактором укрепления стабильности и устойчивости развития анализируемых правоотношений.

Литература

1. Аюпова Г.Ш. Особенности квалификации нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, обусловленные признаками предмета / Г.Ш. Аюпова, И.С. Макеева // Уголовное право. 2019. N 1. С. 4 - 8.

2. Вагайцев В.М. Вопросы совершенствования правовой регламентации участия в дорожном движении средств индивидуальной мобильности / В.М. Вагайцев // Алтайский юридический вестник. 2022. N 4. С. 53 - 58.

3. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2024 год. Информационно-аналитический обзор.- Москва: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2024.- 150 с

4. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 9 месяцев 2025 года. Информационно-аналитический обзор.- Москва: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2025.- 41 с

5. Колоколов Н.А. Лицо, подвергнутое административному наказанию, - специальный субъект в современном уголовном праве России. Анализ примеров из новейшей судебной практики применения статьи 264.1 УК РФ / Н.А. Колоколов // Мировой судья. 2019. N 3. С. 14 - 23.

6.Официальный сайт Прокуратуры Тюменской области. — URL: https://epp.genproc. gov.ru (дата обращения: 28.08.2025).

7.Чучаев А.И. Транспортные преступления: понятие, виды, характеристика: монография / А.И. Чучаев, А.Ю. Пожарский. Москва: Проспект, 2018. 256 с.

8.Правила дорожного движения Российской Федерации Утверждены Постановлением Совета Министров — Правительства Российской Федерации от 23.10.1993 г. № 1090: (ред. от 16.07.2025 г.).— URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 25.08.2025)

9.Приговор Ефремовского районного суда г. Ефремово Тульской области от 4 июля 2016 г. по делу N 1-95/2016г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://sudact.ru (дата обращения: 18.08.2025)

10.Приговор мирового судьи судебного участка N 1 Ленинского района г. Челябинска от 11 января 2022 г. по делу N 1-1/2022г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://sudact.ru (дата обращения: 18.08.2025)

11.Приговор мирового судьи судебного участка N 100 Красносельского района г. Санкт-Петербурга от 14 декабря 2021 г. N 1-55/2021-100 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://sudact.ru (дата обращения: 18.08.2025)

12.Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 27 августа 2021 г. N 16-5823/2021 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 22.08.2025)

13.Постановление Верховного Суда РФ от 4 июля 2022 г. N 78-АД22-22-К3 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 22.08.2025)

14.Решение Верховного Суда РФ от 30 марта 2022 г. № АКПИ22–66[Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 29.08.2025)

Topical aspects of criminal liability for causing harm by means of individual mobility

Prutovyh R.E.

Altai branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The author analyzes the problematic aspects of criminal liability for causing harm by a person operating a personal mobility device. Various approaches to the criminal law assessment of this act have been studied, and examples from judicial practice have been provided.. The article assesses the current state of legislation on the issue under analysis and offers practical recommendations for overcoming the identified problems. The author believes that it is appropriate to classify traffic crimes involving personal mobility devices under Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords**:** mechanical vehicles, personal mobility devices, criminal law qualification, criminal liability

References

1. Ayupova G.Sh. Features of qualification of violation of traffic regulations and operation of vehicles, caused by the signs of the subject / G.Sh. Ayupova, I.S. Makeeva // Criminal law. 2019. N 1. P. 4 - 8.
2. Vagaytsev V.M. Issues of improvement of legal regulation of participation in road traffic of means of individual mobility / V.M. Vagaytsev // Altaysky legal bulletin. 2022. N 4. Pp. 53 - 58.
3. Road traffic accidents in the Russian Federation in 2024. Information and analytical review.- Moscow: FKU "Scientific Center for Road Traffic Safety of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", 2024.- 150 p.
4. Road traffic accidents in the Russian Federation in the first nine months of 2025. Information and analytical review.- Moscow: FKU "Scientific Center for Road Traffic Safety of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", 2025.- 41 p.
5. Kolokolov N.A. A Person Subject to Administrative Punishment is a Special Subject in Modern Russian Criminal Law. Analysis of Examples from the Latest Judicial Practice of Applying Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation / N.A. Kolokolov // Magistrate. 2019. N 3. Pp. 14 - 23.
6. Official website of the Prosecutor's Office of the Tyumen Region. — URL: https://epp.genproc.gov.ru (accessed: 28.08.2025).
7. Chuchaev, A.I. Transport Crimes: Concept, Types, Characteristics: Monograph / A.I. Chuchaev, A.Yu. Pozharsky. Moscow: Prospekt, 2018. 256 p.
8. The Road Traffic Regulations of the Russian Federation were approved by the Decree of the Council of Ministers-Government of the Russian Federation dated 23.10.1993 No. 1090: (as amended on 16.07.2025). URL: https://www.consultant.ru (accessed on 25.08.2025)
9. The verdict of the Efremov District Court of Efremovo, Tula Region, dated July 4, 2016, in case No. 1-95/2016. [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://sudact.ru (accessed on 18.08.2025)
10. Sentence of the magistrate of the court district N 1 of the Leninsky district of Chelyabinsk dated January 11, 2022 in case N 1-1/2022. [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://sudact.ru (accessed on 18.08.2025)
11. Sentence of the magistrate of the court district N 100 of the Krasnoselsky district of St. Petersburg dated December 14, 2021 N 1-55/2021-100 [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://sudact.ru (date of access: 18.08.2025)
12. Resolution of the Sixth Cassation Court of General Jurisdiction dated August 27, 2021, No. 16-5823/2021 // SPS "ConsultantPlus" [Electronic resource]. – Access mode: URL: http://www.consultant.ru (accessed: 22.08.2025)
13. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 4, 2022, No. 78-AD22-22-K3 // SPS "ConsultantPlus" [Electronic resource]. – Access mode: URL: http://www.consultant.ru (date of access: 22.08.2025)
14. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 30, 2022, No. AKPI22–66[Electronic resource]. – Access mode: URL: http://www.consultant.ru (accessed on 29.08.2025)

Особенности ценностных ориентаций у несовершеннолетних, осужденных за корыстные преступления

Соболев Николай Гургенович
кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела разработки методологий социальной, психологической воспитательной и педагогической работы с осужденными центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников, УИС ФКУ НИИ ФСИН России

Трансформация социальных институтов в современном мире характеризуется большой динамикой и поиском новых моделей развития как общества в целом, так и человека в частности. При этом роль системы ценностных ориентаций определяет направленность и содержание взаимоотношений человека и общества. В условиях современной ситуации развития отечественной социальной системы и ее институтов (семья, образование, религия) изучение особенностей личностной системы ценностных ориентаций становится особенно актуальным.
На личность несовершеннолетних, совершивших преступление и оказавшиеся в условиях социальной изоляции, оказывает существенное влияние внешние факторы: криминальная тюремная субкультура, криминогенное общение в местах лишения свободы, трудности социальной адаптации, фрустрация и отчужденность в условиях социальной изоляции. В этой связи возникновение смысловых кризисов личности и конфликтов подростка с окружающими становится весьма вероятным. Значение сформированной устойчивой, осознанной системы ценностных ориентаций, способной осознано обеспечить просоциальный тип личностной активности, оградив от неустойчивой, ситуативно обусловленной активности, зависимости от внешних обстоятельств, трудно переоценить.
Проведено эмпирическое исследование особенностей ценностных ориентаций несовершеннолетних, осужденных за насильственные преступления. Выявлены доминирующие ценностные ориентации, определены значимые различия ценностных ориентаций у несовершеннолетних, осужденных за корыстные и насильственные преступления.
Ключевые слова: ценностные ориентации, несовершеннолетний осужденный, корыстные преступления, сохранение собственной индивидуальности, личностная позиция, жизненный путь.

Фундаментальные перемены социальной сферы, происходящие в современном обществе, оказывают существенное влияние на трансформацию личности, ее взгляды и убеждения. В связи с этим актуальным остается вопрос качества и вектора взаимодействия человека с окружающей действительностью. При этом личность несовершеннолетнего характеризуется неустойчивостью интересов, противоречивостью поведения и ориентацией на поиск субъектов (индивидуальных, групповых), необходимых для идентификации, самоидентификации и самоутверждения в условиях трансформации окружающего мира и его институтов.

В этой связи ценностные ориентации для подростка, во-первых, играют регулирующую функцию, определяя направления активности (увлечения, друзья, учеба и т.д.) и способы их реализации (целенаправленные или импульсивные) в конкретных социальных ситуациях (например, благополучная или асоциальная семья). Во-вторых, ценностные ориентации выступают в качестве смыслообразующей функции, определяя субъективное отношение и личностные смыслы для несовершеннолетнего. Таким образом, целенаправленность поведения, устойчивость социальной активности и жизненной позиции подростка во многом зависит от системы ценностных ориентаций личности, ее смысловой системы [1, с. 132-137].

На личность несовершеннолетнего, совершившего преступление и оказавшегося в воспитательной колонии, в первую очередь оказывают влияние социально-психологические факторы: криминальная тюремная субкультура, условия отбывания наказания, режим, затруднения в удовлетворении собственных потребностей и т.п. Следовательно, актуальность психологического сопровождения несовершеннолетнего в условиях социальной изоляции не вызывает сомнений. Концепция развития уголовно-исполнительной системы учитывает важность и необходимость оказания помощи и психологической поддержки несовершеннолетних осужденных [4]. Системная работа по организации психологического сопровождения несовершеннолетних на разных этапах отбывания наказания, в том числе после освобождения из учреждения, предполагает анализ индивидуально-психологических особенностей и развития внутриличностных ресурсов, повышая адаптивные возможности личности и социальную реабилитацию.

Анализ и коррекция системы ценностных ориентаций несовершеннолетних, совершивших преступления различной степени тяжести и характеризующихся разным уровнем социальной направленности, думается, выступает узловым фактором социальной адаптации и исправления личности. Надо учитывать, что психологические особенности несовершеннолетних, осужденных за корыстные преступления, характеризуются следующим: высокий уровень вербальной и физической агрессии, формирующий, преимущественно, конфликтный способ общения и взаимодействия, эгоцентрический уровень личностно-смысловой сферы, обусловливающий ориентацию на личную выгоду, а окружающие люди оцениваются через дихотомию «нужен-хороший)/не нужен-плохой», автономность и независимость в оценке окружающих и отстаивании собственной позиции.

В научной парадигму термин «ценностные ориентации» впервые введен в рамках чикагской социологической школы У. Томасом и В. Знанецким [5, с. 229]. По мнению авторов, придерживающихся социологического подхода в изучении социальных явлений (например, адаптации переселенцев к новым социальным условиям, феномену социального изменения личности и ее установок).

В публикациях отечественных психологов концептуальные рамки «теории ценностных ориентаций и активности личности» были существенно дополнены и переосмыслены. Так, в работе В.Б. Ольшанского под ценностными ориентациями понимается побуждение субъекта к социальному признанию и просоциальной активности [3, с. 470-471].

Представители отечественной социологической школы В.А. Ядов, А.Г. Здравомыслов под ценностными ориентациями понимали отношение субъекта к предметам (материальным и идеальным) актуального общественного строя, посредством которых достигаются цели жизнедеятельности) [2, 7].

В публикациях отечественных пенитенциарных психологов (А.Н. Сухов, К.Е. Игошев, В.Ф. Пирожков, М.С. Яницкий, А.А. Истомин, А.И. Ушатиков и др.), посвященных изучению особенностей ценностных ориентаций осужденных отмечается значимость ценностно-смысловой сферы при понимании причин, побудивших человека совершить преступление и поиска эффективных средств и методов исправления и ресоциализации.

В.П. Тугаринов обосновывал идею о важности психологического аспекта ценностных ориентаций как вектора направленности личности и возможностях самореализации с учетом актуальных и осознанных идеалов [6].

Изучение такого динамично изменяющегося феномена как ценностные ориентации несовершеннолетних осужденных в современных условиях трансформации общественных институтов при организации психологического сопровождения на разных этапах отбывания наказания, представляется, является значимым и актуальным.

Таблица 1
Сводная таблица средних значений по опроснику «Морфологический тест жизненных ценностей» (В.Ф. Сопов, Л.В. Карпушина) в первой и второй группах

Шкалы	Первая группа		Вторая группа		U- Критерий
	Ср. знач.	Ст. отклон.	Ср. знач.	Ст. отклон.	
Развитие себя	3,5	0,5	2,9	0,7	
Духовное удовлетворение	3,4	0,8	3,7	3,8	
Креативность	4,6	1,1	4,2	0,6	
Активные социальные контакты	5,5	1,3	3,2	0,9	p≤0,01
Собственный престиж	3,3	0,7	4,7	1,2	p≤0,05
Высокое материальное положение	5,4	0,9	4,7	1,4	
Достижение	6,4	1,7	4,7	1,2	p≤0,01
Сохранение собственной индивидуальности	5,6	0,7	4,1	0,3	p≤0,01

С учетом изложенного, было проведено исследование особенностей временной перспективы у несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательной колонии впервые, на базе УФСИН России по Вологодской области. Выборку составили 40 человек (20 несовершеннолетних, осужденных за корыстные преступления, первая группа, и 20 несовершеннолетних, осужденных за насильственные преступления, вторая группа). В качестве инструмента, позволяющего исследовать особенности ценностных ориентаций несовершеннолетних, нами был использован опросник «Морфологический тест жизненных ценностей» (В.Ф. Сопов, Л.В. Карпушина) (см. Таблицу 1).

Анализ эмпирических данных, представленных в таблице 1, позволяет отметить, что у респондентов, включенных в первую группу, наибольшие показатели по таким шкалам как «Достижение» (6,4), «Сохранение собственной индивидуальности» (5,6), «Активные социальные контакты» (5,5). Вероятно, высокие баллы по данным шкалам характеризует респондентов, включенных в первую группу, как достаточно амбициозных и независимых, стремящихся к защите своих интересов подростков, осознанно определяющих свое отношение к самому себе, собственной деятельности и общению с окружающими (другим воспитанникам, персоналу учреждения). При этом, данная динамическая ценностно-смысловая система несовершеннолетних характеризуется дефицитарностью, пробельностью и деформированной нравственной позицией.

Кроме этого, значимые различия по шкалам «Достижение» (p≤0,01), «Сохранение собственной индивидуальности» (p≤0,01), «Активные социальные контакты» (p≤0,01), «Собственный престиж» (p≤0,05) между респондентами первой и второй группы, позволяют отметить, что для несовершеннолетних, осужденных за корыстные преступления, характерно следующие особенности:

1. Ориентация в выборе жизненных ориентиров на материальные потребности, используя их как ожидаемые цели конкретные блага (деньги, машины, отдых, здоровье и т.п.). При этом, актуализация у несовершеннолетних, осужденных за корыстные преступления, альтруистической личностной позиции, как стратегии психологического сопровождения, представляется необходимым условием коррекции личности.

2. В иерархии ценностных ориентаций достаточно высокое значение ценности «Сохранение собственной индивидуальности» у подростков, совершивших корыстные преступления, в психологической работе с данной категорией осужденных позволяет обратиться к механизму осознания своего жизненного пути, рефлексии аксиологического пространства. Психологам воспитательной колонии необходимо выстроить диалог с воспитанником, ориентированный на рефлексию и понимание собственной системы ценностных ориентаций и перспективы развития личности, как многоуровневой системы смысловых образований. В этой связи необходимо указать на формирование личностной позиции, основанной на принятии собственного жизненного пути и актуализации устойчивых личностно смысловых содержаниях, обеспечивающих просоциальный тип социальной активности и реинтеграции в гражданское общество.

Результаты нашего исследования продемонстрировали содержательные особенности в системе ценностных ориентаций у несовершеннолетних, осужденных за корыстные преступления, были определены направления оказания психологической помощи подросткам в условиях социальной изоляции и подготовке к освобождению.

Литература

1. Братусь Б.С. Смысловая сфера личности Текст.// Психология личности в трудах отечественных психологов / Сост. Л.В. Куликов. СПб.: Питер, 2000. С.130-140.

2. Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. М.: Политиздат, 1986. 221 с.

3. Ольшанский В. Б. Личность и социальные ценности // Социология в СССР. Т. 1. М.: Мысль, 1966. С. 470-530.

4. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 N 1138-р (ред. от 27.05.2023) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года».

5. Семенова К.Г. Теоретические аспекты ценностных ориентаций в концепциях зарубежных и отечественных исследователей // Вестник МГПУ. Серия: Психология и педагогика. 2023. Т. 17. № 3. С. 227-241.

6. Тугаринов В.П. О ценностях жизни и культуры. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. 156 с.

7. Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.

Characteristics of Value Orientations in Juveniles Convicted of Acquisitive Crimes

Sobolev N.G.

Federal Penitentiary Service Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

The transformation of social institutions in the modern world is characterized by great dynamism and the search for new development models for both society as a whole and individuals in particular. At the same time, the role of a system of value orientations determines the direction and content of relationships between individuals and society. Given the current development of the Russian social system and its institutions (family, education, religion), studying the characteristics of an individual's system of value orientations is becoming particularly relevant.

The personality of juveniles who have committed a crime and found themselves in social isolation is significantly influenced by external factors: the criminal prison subculture, criminal interactions in prisons, difficulties with social adaptation, frustration, and alienation in such isolation. Consequently, the emergence of meaningful personality crises and conflicts between the adolescent and others becomes highly likely. The importance of a well-developed, conscious system of value orientations, capable of consciously promoting a prosocial type of personal activity and protecting against unstable, situationally determined activity and dependence on external circumstances, is difficult to overestimate.

An empirical study was conducted to examine the value orientations of juveniles convicted of violent crimes. Dominant value orientations were identified, and significant differences in value orientations were identified between juveniles convicted of mercenary and violent crimes.

Keywords: value orientations, juvenile offender, selfish crimes, preservation of one’s own individuality, personal position, life path.

References

1. Bratus, B.S. The Semantic Sphere of Personality. Text. Personality Psychology in the Works of Russian Psychologists. Compiled by L.V. Kulikov. St. Petersburg: Piter, 2000. Pp. 130-140.
2. Zdravomyslov, A.G. Needs. Interests. Values. Moscow: Politizdat, 1986. 221 p.
3. Olshansky, V.B. Personality and Social Values. Sociology in the USSR. Vol. 1. Moscow: Mysl, 1966. Pp. 470-530.
4. Order of the Government of the Russian Federation dated April 29, 2021 N 1138-r (as amended on May 27, 2023) "On the Concept for the Development of the Penal System of the Russian Federation through 2030."
5. Semenova K.G. Theoretical Aspects of Value Orientations in the Concepts of Foreign and Domestic Researchers // Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series: Psychology and Pedagogy. 2023. Vol. 17. No. 3. Pp. 227-241.
6. Tugarikov V.P. On the Values of Life and Culture. Leningrad: Leningrad University Press, 1960. 156 p.
7. Yadov V.A. Self-regulation and Forecasting of Personal Social Behavior: Dispositional Concept. Moscow: TsSPiM, 2013. 376 p.

Диалектика развития уголовного законодательства в России

Сорокин Алексей Иванович
кандидат юридических наук, кафедра уголовного права и криминологии Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова, sorokinlex@gmail.com

Беспрецедентная динамика институциональных трансформаций начала 2026 года диктует необходимость отказа от сугубо механистического восприятия охранительных норм, требуя глубокого переосмысления эволюции уголовного права. Концептуальный нерв современной академической дискуссии пролегает по линии столкновения двух объективных, но диаметрально противоположных императивов. С одной стороны, налицо острая потребность государства в жестком пресечении экстерриториальных цифровых угроз, защите конституционного суверенитета на фоне глобальной турбулентности. С другой, кристаллизуется встречный запрос общества на системную гуманизацию правосудия, декриминализацию пограничных деликтов. Именно это неразрешенное диалектическое противоречие между обеспечением тотальной коллективной безопасности и защитой свобод отдельной личности парализует традиционные законотворческие механизмы. Исследовательский фокус статьи нацелен на комплексный историко-теоретический анализ нелинейного, спиралевидного развития российского уголовного законодательства сквозь призму классической философской триады Гегеля. Отмечается, что отечественная правовая система исчерпала лимиты экстенсивного расширения Особенной части УК РФ и вплотную подошла к стадии сложного диалектического синтеза. Этот этап требует точечной дифференциации юридической ответственности. Излагаемые в статье материалы представляют интерес для исследователей-криминологов, теоретиков права, специалистов в области стратегического государственного управления, которые конструируют современную архитектуру безопасности.
Ключевые слова: алгоритмическое прогнозирование, гуманизация правосудия, диалектика права, институциональный синтез, криминализация, уголовная политика, уголовное законодательство, философия права

Введение

Современный этап государственно-правового и институционального развития Российской Федерации характеризуется интенсивной динамикой структурных преобразований. Это закономерно обусловливает необходимость непрерывного философского и доктринального осмысления эволюции нормативной базы.

В данном исследовательском контексте диалектика развития отечественного уголовного законодательства представляет собой исключительно сложный, многовекторный и, что принципиально важно, нелинейный исторический процесс. В отличие от позитивистских подходов, при которых уголовный закон рассматривается сугубо механистически (как «застывший» свод предписаний), современная академическая наука интерпретирует его через призму классической материалистической и идеалистической диалектики. Закон единства и борьбы противоположностей выступает здесь не как абстрактная фигура речи, а как реальный онтологический «фундамент», на котором базируется вся система сдержек и противовесов в обществе.

Уголовное право перманентно находится в состоянии глубокого внутреннего напряжения. Оно балансирует между объективной потребностью государства в обеспечении тотальной национальной безопасности и императивом защиты неотъемлемых прав отдельной личности. По существу, эта непрекращающаяся коллизия интересов формирует «живую ткань» правотворчества. Ретроспективный анализ убедительно указывает на то, что на протяжении столетий правоприменительная парадигма неукоснительно проходила классическую гегелевскую триаду. На каждом историческом витке формировался изначальный государственно-властный тезис (установление жесточайшего контроля), за которым неизбежно следовал общественный антитезис (требование гуманизации, декриминализации). Это в конечном счете приводило к формированию нового институционального синтеза.

Как представляется, именно осознание описываемого цикличного, спиралевидного развития дает возможность выявить истинные закономерности криминализации и пенализации деяний. Вероятно, по состоянию на начало 2026 года российская правовая система вступила в абсолютно новую фазу поиска этого оптимального синтетического состояния. Традиционные институты преступления и наказания, которые были сформированы еще в индустриальную эпоху, подвергаются масштабной ревизии – под колоссальным давлением глобальной цифровизации, гибридных угроз, изменения самой структуры социума. Впрочем, процесс концептуального поиска сопровождается существенными регуляторными издержками, догматическими противоречиями. Научное осмысление диалектических закономерностей эволюции охранительных норм является не рядовой узкоспециализированной теоретической задачей, а насущной практической необходимостью стратегического государственного управления.

Материалы и методы

В современных исследованиях диалектика развития уголовного законодательства раскрывается через сочетание историко-эволюционного, аксиологического, функционально-структурного подходов.

Так, И.А. Абдулханнянов и Е.А. Суворова анализируют трансформацию структурно-композиционной модели уголовного закона. Авторы выявляют закономерности коди-

фикационного усложнения и обновления нормативной материи [1]. А.В. Агутин в своих работах обосновывает противоречивое единство духовно-нравственных оснований правосудия и либерально-правовых стандартов, а также исследует соотношение стратегий национальной безопасности и цифровизации судопроизводства через призму диалектики конкретного и абстрактного [2, 3]. А.В. Аносов акцентирует профилактический потенциал норм с административной преюдицией, демонстрируя функциональную взаимосвязь уголовного и административного начала [4]. Д.В. Ванин и А.В. Калинкин рассматривают стадию возбуждения уголовного дела как пространство конфликта между публичными интересами преследования и гарантиями прав личности [5]. Е.А. Куликов концептуализирует предмет уголовно-правового регулирования с позиций соотношения общего, особенного, единичного [6]. Н.А. Малышева и М.Ю. Пучнина раскрывают цифровую трансформацию деликтных конструкций и институционализацию киберпреступности [7, 9]. В.Н. Сизова и А.М. Сика прослеживают эволюцию уголовного проступка и института принудительных работ в исторической ретроспективе [10, 11], увязывая это с диалектикой. Публицистический материал Е. Меркачевой отражает актуальные векторы реформирования наказаний, высвечивая общественно-политический контекст изменений [8].

Выбор упомянутых публикаций объясняется тем, что они охватывают ключевые линии развития уголовного законодательства – кодификационную, ценностно-идеологическую, цифровую, превентивную, пенитенциарную. Это помогает рассматривать его динамику как процесс снятия противоречий между традицией и модернизацией, публичным и частным, безопасностью и свободой. Одновременно с этим, источники фрагментарны. Так, отсутствует целостная метатеоретическая модель диалектического развития уголовного права; недостаточно разработаны эмпирические критерии оценки цифровых новелл. Наблюдается противоречие между акцентом на усилении превенции и одновременной гуманизацией наказаний.

В данной статье автор опирается на диалектический метод (для выявления внутренних противоречий и тенденций развития), формально-юридический анализ (в целях интерпретации нормативных конструкций), сравнительно-исторический подход (чтобы проследить эволюцию институтов). Этим обеспечивается комплексное осмысление обозначенной проблематики.

Результаты и обсуждение

Диалектика – метод аргументации в философии, а также форма и способ рефлексивного теоретического мышления, исследующие противоречия, обнаруживаемые в мыслимом содержании этого мышления.

Исторический путь отечественного уголовного права невозможно рассматривать вне контекста смены общественно-экономических формаций и политических режимов. Если обратиться к глубокой ретроспективе, начиная с Соборного Уложения 1649 года, можно проследить неуклонное формирование мощного охранительного тезиса: приоритет всегда отдавался защите интересов суверена, государственной казны, религии [1, 6]. Личность в характеризуемой парадигме рассматривалась не как самоцель, а исключительно в качестве объекта властного воздействия. Своего апогея описываемый государственно-центричный подход достиг в советский период развития права.

Советское уголовное законодательство, в частности, Уголовные кодексы РСФСР 1922, 1926, 1960 годов, воплотило в себе «кристаллизованный» тезис о примате социалистической собственности и государственной безопасности над любыми частными интересами. Правосудие того времени откровенно носило классовый характер. А жестокость санкций за посягательства на публичный уклад была весьма высока. Уместно предположить, что в реалиях плановой экономики и существовавшего устройства общества иная модель была попросту невозможна. Государство жестко подавляло любые «флуктуации», которые выходили за границы официальной идеологии.

Между тем, ни одна система, построенная на тотальном доминировании одного элемента, не способна к бесконечному существованию без внутреннего обновления. С распадом Советского Союза и сменой конституционного строя в начале 1990-х годов сработал закон диалектического отрицания. Принятие Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года стало мощнейшим антитезисом всей предшествующей правовой традиции [2]. Произошла мощная переоценка ценностей. Так, на первое место в иерархии объектов уголовно-правовой охраны были концептуально и нормативно поставлены жизнь, здоровье, права и свободы человека. Преступления против государства и собственности сместились на второй план. Описываемый либеральный прорыв был исторически необходим для легитимации новых рыночных отношений. Однако он заложил «семена» для возникновения совершенно новых диалектических противоречий в будущем.

В отличие от предыдущих подходов, с опорой на которые предполагалось однонаправленное движение в сторону либерализации, правоприменительная реальность XXI века продемонстрировала несостоятельность чистого, ничем не ограниченного антитезиса. Уголовный кодекс образца 1996 года (при всей своей прогрессивности) оказался недостаточно адаптивным к вызовам времени: террористическим угрозам, транснациональной организованной преступности, коррупционным схемам нового типа и т. д. [3, 5]. По-видимому, государство осознало, что чрезмерное ослабление публично-правовой охраны парализует работу институтов власти; оно ставит под удар само общество.

Начался сложный, многоуровневый процесс поиска диалектического синтеза. Он развернулся в 2000-2020-х годах и продолжается в 2026 году; характеризуется так называемым «отрицанием отрицания». Ярчайшим примером такого философско-правового витка спирали служит «реинкарнация» института административной преюдиции. Отвергнутая в 1996 году как архаичный пережиток советского прошлого, сегодня преюдиция вновь активно и повсеместно внедряется в Особенную часть Кодекса. Характеризуемый возврат не является регрессом. Современная преюдиция позволяет правоприменителю филигранно отделять систематическое игнорирование закона от случайной оплошности, являясь эффективным «буфером». Законодатель таким образом синтезирует потребность в жестком реагировании на рецидив и стремление избежать стигматизации граждан за единичный сбой в поведении [4].

К 2026 году данный синтетический подход нашел свое выражение в одновременном протекании двух, казалось бы, взаимоисключающих процессов: гуманизации и пенализации. С одной стороны, расширяется применение альтернативных мер (принудительные работы, ставшие полноценным самостоятельным видом наказания). С другой, предельно ужесточаются санкции за государственную измену, шпионаж, диверсии, масштабные экономические махинации. Вследствие этого резюмируем, что современная уголовная политика утратила линейность. Она стала точечной, дифференцированной, глубоко прагматичной.

Еще один фундаментальный закон диалектики – взаимный переход количественных изменений в качественные – находит свое эмпирическое подтверждение в структурной трансформации преступности, которая служит объективным «ускорителем» эволюции закона. Анализ

обобщенных криминологических тенденций демонстрирует парадоксальную картину: конвенциональная, традиционная уличная преступность (грабежи, кражи, бытовое насилие) неуклонно и планомерно снижается, уступая место высокоинтеллектуальным цифровым деликтам [7].

Информационно-телекоммуникационные технологии полностью изменили криминальную среду. Удельный вес киберпреступлений стабилизировался на беспрецедентно высокой отметке, составляя значительную долю от всего массива регистрируемых деяний [9]. Это количественное накопление цифровых угроз неизбежно перерастает в новое качество, требуя от законодателя перестройки самых базовых институтов Общей части УК РФ. Децентрализованные финансовые активы, применение нейросетей в целях генерации мошеннического контента (дипфейков), трансграничный характер хакерских атак объективно обесценивают классические догмы о месте, времени совершения преступления, форме соучастия. Правоприменитель сталкивается с ситуацией, когда дематериализация предмета посягательства весомо усложняет процесс доказывания. Возникает принципиально новая диалектическая коллизия между консервативной, привязанной к физическому пространству буквой закона и экстерриториальной, виртуальной природой современных криминальных вызовов (таблица 1).

Таблица 1
Фундаментальные диалектические коллизии в уголовном праве (составлено автором на основе [1-3, 10, 11])

Сущность правовой коллизии (противоречия)	Проявление тезиса (охранительный вектор)	Проявление антитезиса (либеральный вектор)	Формирующийся институциональный синтез
Информационная безопасность vs Приватность	Жесткий контроль трафика, криминализация создания вредоносного ПО	Защита тайны переписки, коммерческой тайны, персональных данных	Внедрение дифференцированных норм об ответственности за незаконный оборот Big Data
Карательное воздействие vs Социализация	Увеличение предельных сроков лишения свободы по совокупности приговоров	Расширение оснований для УДО; развитие института пробации в пенитенциарной системе	Масштабное применение принудительных работ как альтернативы изоляции от общества
Борьба с рецидивом vs Избежание стигматизации	Возврат к административной преюдиции в Особенной части УК РФ.	Декриминализация малозначительных деяний, перевод их в статус проступков	Концептуальная проработка категории «уголовного проступка» для пограничных составов

Представляется важным сформулировать ряд рекомендаций, которые направлены на преодоление накопившихся догматических коллизий. Представленные ниже предложения базируются на принципах системного подхода и призваны устранить хаотичность в развитии отечественного уголовного законодательства.

Во-первых, рекомендуется легализовать в Общей части УК РФ самостоятельную правовую категорию – «уголовный проступок», расположив ее в иерархии между административным правонарушением и полноценным преступлением. Назначение данной меры заключается в формировании адекватного, гибкого инструмента реагирования на деяния с пограничным уровнем общественной опасности. Новизна подхода состоит в том, что осуждение за уголовный проступок не должно влечь за собой судимости в ее классическом, стигматизирующем, ограничивающем права понимании, но при этом позволит государству применять воспитательные и превентивные меры уголовно-правового характера. Реализация описываемого шага решит застарелую проблему искусственного перекоса судебной статистики и спасет сотни тысяч граждан от клейма уголовников за незначительные экономические или бытовые оплошности.

Во-вторых, целесообразно разработать и утвердить на высшем государственном уровне единую, стратегическую «Концепцию уголовно-правовой политики Российской Федерации на период до 2035 года». Примечательно, что базовые дискуссии вокруг подобного документа уже ведутся в экспертном сообществе [8]. Назначение данного концептуального акта состоит в жестком ограничении бессистемного, казуистичного законотворчества. Новизна идеи заключается во внедрении обязательного алгоритмического прогнозирования: ни одна новая норма не должна вноситься в кодекс без предварительного эконометрического расчета ее влияния на загруженность следственного аппарата, судов, пенитенциарной системы. Это поможет преодолеть синдром «ситуативного реагирования», когда закон переписывается под воздействием сиюминутных медийных поводов.

Заключение

Проведенный комплексный историко-теоретический анализ всецело подтверждает гипотезу о глубоко диалектической природе отечественного права. Развитие уголовного законодательства в России отнюдь не сводится к простому механистическому изменению санкций или случайной перекомпоновке диспозиций отдельных норм. Напротив, имеет место непрерывная, сложнейшая историческая трансформация базовых институциональных механизмов, которая служит точным «зеркалом» объективных противоречий самого российского общества. Уголовный закон предстает не как монументальная и «застывшая» догма, а в качестве живой, «пульсирующей» макросистемы, развивающейся в строгом соответствии с фундаментальными законами философии (от единства и борьбы противоположностей до отрицания отрицания).

Как было продемонстрировано в статье, на рубеже 2025-2026 годов отечественная уголовно-правовая политика демонстрирует ярко выраженный управленческий дуализм. С одной стороны, государственная власть формулирует строгий охранительный тезис, бескомпромиссно пресекая высокотехнологичные формы противоправного поведения, защищая конституционный суверенитет, обеспечивая национальную безопасность на фоне беспрецедентного внешнего давления. С другой, активно и методично реализуется гуманистический антитезис: расширяется сфера применения альтернативных видов наказаний, в частности, принудительных работ. Декриминализируются малозначительные деяния. Это содействует сохранению демографического потенциала, снижению социальной стигматизации. Искомый синтез достигается сегодня исключительно посредством точечной, «ювелирной» дифференциации юридической ответственности.

Дальнейшая эволюция охранительных норм будет неизбежно сопряжена с переходом накопленных цифровых и структурных изменений в принципиально новое качественное состояние. Внедрение искусственного интеллекта, децентрализация экономических связей потребуют доктринального обновления Общей части УК РФ. Предложенные в рамках данного исследования рекомендации обладают значительным потенциалом для практической имплементации. Предположительно, их системная интеграция в реальный законотворческий процесс даст возможность смягчить риск появления неработающих, «мертворожденных» норм и весомо повысить общую эффективность государственного принуждения.

Итак, диалектика развития уголовного законодательства представляет собой бесконечный путь научного и практического поиска хрупкого равновесия между свободой отдельной личности и коллективной безопасностью государства. Очевидно, что именно через глубокое междисциплинарное осознание этих философских коллизий

реально построение гуманной, справедливой, по-настоящему устойчивой правовой системы, которая способна адекватно отвечать на глобальные вызовы грядущих десятилетий.

Литература

1. Абдулханнянов И.А., Суворова Е.А. Эволюция структурно-композиционного оформления отечественного уголовного законодательства // Право и управление. – 2025. – № 11. – С. 221-225.
2. Агутин А.В. Духовные скрепы российского народа и правосудие по уголовным делам: диалектика духовно-нравственного (конкретного) и либерального (абстрактного) // Oeconomia et Jus. – 2023. – № 1. – С. 25-36.
3. Агутин А.В. Стратегии национальной безопасности российской федерации и цифровизация отечественного уголовного судопроизводства: диалектика конкретного и абстрактного // Журнал прикладных исследований. – 2024. – № 1. – С. 113-121.
4. Аносов А.В. Профилактическая функция уголовно-правовых норм с административной преюдицией // Академическая мысль. – 2025. – № 2 (31). – С. 19-24.
5. Ванин Д.В., Калинкин А.В. Диалектика обеспечения прав личности и осуществления уголовного преследования в стадии возбуждения уголовного дела // Юридическая наука: история и современность. – 2023. – № 4. – С. 96-100.
6. Куликов Е.А. Предмет уголовно-правового регулирования: понятие и содержание с позиций диалектики общего, особенного и единичного в уголовном праве // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. – Томск: 2021. – С. 11-13.
7. Малышева Н.А. Цифровой деликт: научная состоятельность категории // Цивилист. – 2025. – № 6 (58). – С. 37-43.
8. Меркачева Е. В России меняют подход к наказаниям: что ждет преступников и потерпевших // URL: https://www.mk.ru/social/2025/10/23/v-rossii-menyayut-podkhod-k-nakazaniyam-chto-zhdet-prestupnikov-i-poterpevshikh.html (дата обращения: 28.02.2026).
9. Пучнина М.Ю. Киберпреступления: понятие, виды, меры противодействия // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2025. – № 2 (61). – С. 203-207.
10. Сизова В.Н. Эволюция уголовного проступка в системе кодифицированного российского уголовного законодательства // Искусство правоведения. – 2023. – № 4 (8). – С. 82-88.
11. Сика А.М. Принудительные работы (и их аналоги) в истории отечественного уголовного законодательства // Lex Criminalis Scientiarum. – 2025. – Т. 2. – № 3 (5). – С. 243-249.

The Dialectics of the Development of Criminal Legislation in Russia

Sorokin A.I.

Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov

The unprecedented dynamics of institutional transformations in early 2026 necessitate abandoning a purely mechanistic perception of protective legal norms and call for a profound rethinking of the evolution of criminal law. The conceptual core of contemporary academic debate lies in the collision of two objective yet diametrically opposed imperatives. On the one hand, there is an acute need for the state to firmly counter extraterritorial digital threats and safeguard constitutional sovereignty amid global turbulence. On the other hand, a societal demand is crystallizing for the systemic humanization of justice and the decriminalization of borderline offenses. This unresolved dialectical contradiction between ensuring comprehensive collective security and protecting individual freedoms paralyzes traditional legislative mechanisms. The article focuses on a comprehensive historical and theoretical analysis of the nonlinear, spiral development of Russian criminal legislation through the prism of Hegel's classical philosophical triad. It is noted that the domestic legal system has exhausted the limits of the extensive expansion of the Special Part of the Criminal Code and has approached a stage of complex dialectical synthesis. This stage requires a more precise differentiation of legal responsibility. The materials presented in the article will be of interest to criminologists, legal theorists, and specialists in strategic public administration engaged in shaping the contemporary architecture of security.

Keywords: algorithmic forecasting; humanization of justice; dialectics of law; institutional synthesis; criminalization; criminal policy; criminal legislation; philosophy of law

References

1. Abdulkhanyanov, I.A., Suvorova, E.A. Evolution of the structural and compositional design of domestic criminal legislation // Law and Administration. – 2025. – No. 11. – Pp. 221–225.
2. Agutin, A.V. Spiritual bonds of the Russian people and criminal justice: the dialectics of the spiritual-moral (concrete) and the liberal (abstract) // Oeconomia et Jus. – 2023. – No. 1. – Pp. 25–36.
3. Agutin, A.V. National Security Strategies of the Russian Federation and the digitalization of domestic criminal proceedings: the dialectics of the concrete and the abstract // Journal of Applied Research. – 2024. – No. 1. – Pp. 113–121.
4. Anosov, A.V. The preventive function of criminal law norms with administrative prejudice // Academic Thought. – 2025. – No. 2 (31). – Pp. 19–24.
5. Vanin, D.V., Kalinkin, A.V. Dialectics of ensuring individual rights and carrying out criminal prosecution at the stage of initiating a criminal case // Legal Science: History and Modernity. – 2023. – No. 4. – Pp. 96–100.
6. Kulikov, E.A. The subject of criminal law regulation: concept and content from the standpoint of the dialectics of the general, the particular and the individual in criminal law // Legal Problems of Strengthening Russian Statehood. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. – Tomsk: 2021. – Pp. 11–13.
7. Malysheva, N.A. Digital tort: scientific validity of the category // Civilist. – 2025. – No. 6 (58). – Pp. 37–43.
8. Merkacheva, E. Russia is changing its approach to punishment: what awaits offenders and victims // URL: https://www.mk.ru/social/2025/10/23/v-rossii-menyayut-podkhod-k-nakazaniyam-chto-zhdet-prestupnikov-i-poterpevshikh.html (accessed: February 28, 2026).
9. Puchnina, M.Yu. Cybercrimes: concept, types, and countermeasures // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. – 2025. – No. 2 (61). – Pp. 203–207.
10. Sizova, V.N. Evolution of the criminal misdemeanor in the system of codified Russian criminal legislation // The Art of Jurisprudence. – 2023. – No. 4 (8). – Pp. 82–88.
11. Sika, A.M. Compulsory labor (and its analogues) in the history of domestic criminal legislation // Lex Criminalis Scientiarum. – 2025. – Vol. 2. – No. 3 (5). – Pp. 243–249.

Личность виновного как система взвешенных параметров: алгоритм оценки общественной опасности личности

Тащилин Роман Игоревич
аспирант, Донбасский государственный университет юстиции, romantasilin56@gmail.com

В статье решается задача формализации второй ключевой составляющей принципа индивидуализации наказания — общественной опасности личности виновного (ООЛ). Автор предлагает трехуровневую модель оценки, основанную на структурированном анализе криминального анамнеза, обстоятельств совершения преступления и социально-личностных характеристик. Каждому выявленному фактору присваивается стандартизированный балл, что позволяет перевести качественные признаки, закрепленные в ст. 60, 61, 63 УК РФ, в количественную метрику. Предлагаемый алгоритм устраняет проблему «двойного учёта» обстоятельств и создает прозрачную, воспроизводимую систему, интегрируемую в общую формулу методологического порядка. Модель рассматривается как инструмент для объективной и сбалансированной оценки личности в контексте назначения наказания.

Ключевые слова: общественная опасность личности, индивидуализация наказания, криминальный анамнез, отягчающие и смягчающие обстоятельства, формализация, методологический порядок.

В соответствии со ст. 60 УК РФ, при назначении наказания суд обязан учитывать личность виновного. Однако, в отличие от общественной опасности деяния, которая материализуется через причиненный вред, личность представляет собой многогранный и динамичный конструкт, чья опасность для общества носит прогностический характер. Традиционная судебная оценка, опирающаяся на внутреннее убеждение судьи и общий перечень обстоятельств из ст. 61 и 63 УК РФ, часто сводится к их механическому перечислению без ясного понимания, какой «вес» имеет каждое из них в итоговой мере наказания. Это порождает непредсказуемость и разобщенность практики: наличие аналогичных судимостей или сходных смягчающих обстоятельств в разных делах приводит к существенно различающимся выводам о степени опасности личности.

Преодоление данного субъективизма лежит на пути декомпозиции понятия «общественная опасность личности» на ряд проверяемых, наблюдаемых и измеримых параметров. Настоящая статья предлагает и обосновывает трехуровневую алгоритмическую модель оценки ООЛ, которая, будучи агрегирована в единый числовой показатель, может быть использована в рамках методологического порядка для точного расчета наказания.

Модель строится на предположении, что общественная опасность личности для целей назначения наказания проявляется через три взаимосвязанных аспекта:

- Объективная криминальная история прошлое поведение, свидетельствующее об устойчивости противоправных установок;
- Характер совершённого деяния обстоятельства, раскрывающие мотивацию, степень подготовки и отношение к содеянному;
- Социально-личностный профиль — устойчивые характеристики, влияющие на потенциал ресоциализации и вероятность рецидива.

Этим аспектам соответствуют три модуля расчета: модуль № 1 криминальный анамнез (оценка «уголовной биографии»); модуль № 2 обстоятельства совершения преступления (формализация отягчающих и смягчающих факторов); модуль № 3 личностные и социальные факторы (оценка социальной интеграции и установок).

Криминальный анамнез: формализация «уголовной биографии» (модуль № 1)

Данный модуль переводит в баллы информацию, содержащуюся в справке о судимостях, и оценивает динамику преступного поведения.

А. Характер и иерархия судимостей (формальный статус):

- особо опасный рецидив: +5 баллов за каждую судимость, его образующую;

- опасный рецидив: +3 балла за каждую судимость, его образующую;

- простой рецидив (умышленное преступление при наличии судимости за умышленное): +2 балла за каждую судимость;

- неснятая или непогашенная судимость: +2 балла (дополнительный показатель «актуальной» социальной дезадаптации).

Совершение преступления в период:

- испытательного срока при условном осуждении: +4 балла;

- отбывания наказания в виде ограничения свободы: +3 балла;

- отсрочки отбывания наказания или отсрочки исполнения приговора: +3 балла;

- условно-досрочного освобождения (УДО): +4 балла (как грубое нарушение доверия);

Б. Категорийная тяжесть криминального прошлого (содержательная оценка):

- совершённое ранее особо тяжкое преступление: +3 балла за факт;

- совершённое ранее тяжкое преступление: +2 балла за факт;

- преступление средней тяжести: +1 балл за факт;

- преступление небольшой тяжести: +0.5 балла за факт;

В. Криминологические паттерны и динамика (качественные характеристики биографии):

- «специализация» (повторение однородных преступлений): +2 балла (указывает на выработанный преступный навык);

- возрастание тяжести деяний: +2 балла (негативная динамика);

- совершение преступления в составе организованной группы/сообщества: +3 балла (высокий уровень криминальной социализации); либо группы лиц по предварительному сговору: +1 балл;

- начало преступной деятельности до 18 лет: +1 балл (длительность криминального опыта);

- наличие административных правонарушений, аналогичных по объекту посягательства инкриминируемому преступлению (например, мелкое хулиганство перед хулиганством): +0.5 балла за каждое в течение последних 3-х лет (максимум +2 балла);

- злостное уклонение от исполнения ранее назначенных судом мер уголовно-правового характера (неуплата штрафа, уклонение от обязательных/исправительных работ): +2 балла;

Принцип исключения двойного счета: Если конкретная судимость уже оценена по пункту А (например, как опасный рецидив — +3), ее категориальная тяжесть по пункту Б не суммируется. Применяется максимальный балл из двух.

Обстоятельства совершения преступления: баланс отягчающих и смягчающих факторов (модуль 2)

Модуль представляет собой формализованную матрицу, переводящую диспозиции ст. 61 и 63 УК РФ в числовые значения.

А. Отягчающие обстоятельства (ст. 63 УК РФ). Каждое обстоятельство, не являющееся признаком состава, добавляет +2 балла.

1. Наступление тяжких последствий (выходящих за рамки состава, например, смерть потерпевшего при умышленном причинении средней тяжести вреда здоровью);

2. Особо активная роль в совершении преступления по сравнению с другими соучастниками (организатор, подстрекатель);

3. Привлечение к совершению преступления: лиц, заведомо для виновного страдающих тяжелыми психическими расстройствами; лиц, находящихся в состоянии опьянения; несовершеннолетних.

4. Совершение преступления по мотиву:

- политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды;

- ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы;

мести за правомерные действия других лиц.

• Совершение преступления в целях:

- скрыть другое преступление или облегчить его совершение;

- пропаганды, оправдания или поддержки терроризма.

6. Совершение преступления в отношении:

- лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга;

- малолетнего, иного беззащитного или беспомощного лица, а равно лица, находящегося в зависимости от виновного;

- женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности.

7. Совершение преступления:

- с особой жестокостью, садизмом, издевательством, а также мучениями для потерпевшего;

- общеопасным способом (например, поджог, взрыв);

- в условиях чрезвычайного положения, стихийного или иного общественного бедствия, а также при массовых беспорядках.

8. Совершение преступления:

- с использованием оружия, боевых припасов, взрывчатых веществ, взрывных или имитирующих их устройств, специально изготовленных технических средств, ядовитых и радиоактивных веществ, лекарственных и иных химико-фармакологических препаратов, а также с применением физического или психического принуждения;

- с использованием форменной одежды или документов представителя власти.

9. Совершение преступления:

- с использованием доверия, оказанного виновному в силу его служебного положения или договора;

- с использованием служебного положения, в том числе лицами, замещающими государственные должности РФ или субъекта РФ, а также главами органов местного самоуправления.

10. Совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел.

11. Совершение преступления в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения (если это не признак состава). Данное обстоятельство учитывается, так как свидетельствует о пренебрежительном отношении к самоконтролю и повышенной общественной опасности в момент деяния.

Б. Смягчающие обстоятельства (ст. 61 УК РФ), дифференцированный подход:

Активные обстоятельства, существенно снижающие напряженность и способствующие восстановлению справедливости (-2 балла каждое):

1.явка с повинной (добровольное сообщение о преступлении).

2.Активное способствование раскрытию и расследованию преступления:

- изобличение других соучастников;

- розыск имущества, добытого преступным путем.

3. Оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления.

4. Добровольное возмещение имущественного ущерба и (или) заглаживание вреда, причиненного в результате преступления, иным образом.

5. Примирение с потерпевшим (при условии заглаживания вреда).

Пассивные или ситуационные обстоятельства, характеризующие личность или контекст деяния (-1 балл каждое):

1.Совершение преступления впервые (отсутствие непогашенных или неснятых судимостей);

2.Совершение преступления небольшой или средней тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств;

3.Совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств (например, крайняя нужда, болезнь близких);

4.Совершение преступления по мотиву сострадания (например, эвтаназия);

5.Совершение преступления при нарушении условий правомерности необходимой обороны, задержания лица, совершившего преступление, крайней необходимости, обоснованного риска, исполнения приказа или распоряжения;

6. Противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившаяся поводом для преступления;

7.Чистосердечное раскаяние (признание вины, осуждение содеянного);

8.Наличие у виновного малолетних детей;

9.Совершение преступления несовершеннолетним (учитывается как самостоятельное смягчающее обстоятельство, даже если лицо достигло совершеннолетия к моменту суда);

10.Престарелый возраст виновного (например, старше 65 лет, если это влияет на степень опасности);

11.Наличие у виновного заболевания, не исключающего вменяемости, но существенно ограничивающего его возможности.

Важное правило: рецидив, указанный в ст. 63 УК РФ, не учитывается в данном модуле, если он уже оценен в Модуле 1.

Личностные и социальные факторы: оценка социального потенциала и установок (модуль 3)

Модуль оценивает факторы, не связанные напрямую с криминальным прошлым, но характеризующие личность в широком социальном контексте.

1. Социальная интеграция и образ жизни (объективные индикаторы):

Отсутствие постоянного места работы или учебы без уважительных причин на момент преступления: +1 балл.

Ведение паразитического или маргинального образа жизни (систематическое тунеядство, бродяжничество): +2 балла.

Наличие устойчивых социально полезных связей:

Постоянная официальная занятость (стаж более 1 года): -1 балл.

Обучение в образовательном учреждении: -1 балл.

Наличие на иждивении несовершеннолетних детей, престарелых родителей, инвалидов: -1 балл.

Состояние в законном браке, ведение общего хозяйства: -0.5 балла.

2. Психофизиологические и поведенческие характеристики:

Наличие диагностированного психического расстройства, не исключающего вменяемости (расстройство личности, легкая умственная отсталость), если оно связано с совершением преступления: +1 балл (как фактор, снижающий контроль). Если расстройство не связано с генезом преступления, может учитываться как нейтральный или смягчающий фактор по усмотрению суда на основе экспертизы.

Стойкая алкогольная, наркотическая или иная токсикоманическая зависимость: +2 балла (как криминогенный фактор риска и показатель глубокой социальной дезадаптации).

Склонность к агрессивному, импульсивному поведению, подтвержденная данными (полицейские вызовы, свидетельские показания): +1 балл.

Наличие инвалидности (I, II группы) или тяжелого соматического заболевания, ограничивающего возможность исправления в местах лишения свободы: -1 балл (гуманитарный корректор).

3. Ценностно-нормативные установки (субъективные индикаторы, выявляемые в процессе):

Открытое негативное, пренебрежительное отношение к закону, правоохранительным органам, суду в ходе следствия и суда (угрозы, оскорбления): +2 балла.

Полное отсутствие раскаяния, равнодушие к причиненному вреду, обвинение потерпевшего: +1 балл.

Приверженность антисоциальной, экстремистской или криминальной субкультуре (символика, лексика, круг общения): +2 балла.

Наличие положительных характеристик с места работы, учебы, от органа местного самоуправления, общественных организаций: -1 балл.

Регулярное участие в социально-одобряемой деятельности до преступления (волонтерство, донорство, помощь нуждающимся): -1 балл.

Факты позитивного посткриминального поведения (активное участие в программах реабилитации, обучение): -1 балл (может быть учтено на стадии исполнения приговора при замене наказания).

Итоговый расчёт и интерпретация показателя общественной опасности личности (СООЛ)

Формула: СООЛ = Σ (Модуль 1) + Σ (Модуль 2) + Σ (Модуль 3)

Результат представляет собой число, которое может быть, как положительным (преобладание отягчающих, опасных факторов), так и отрицательным (значительное преобладание смягчающих обстоятельств и позитивного социального профиля).

Примерная шкала интерпретации:

< -5 баллов: Крайне низкая общественная опасность. Редкий случай, характерный для лиц, совершивших малозначительное деяние при стечении тяжелых обстоятельств, с полным заглаживанием вреда и безупречным социальным профилем.

-5 – 0 баллов: Минимальная общественная опасность. Первичное преступление, активное раскаяние, позитивные социальные связи.

0 – 7 баллов: Умеренная общественная опасность. Либо первичное преступление при нейтральных/небольших отягчающих обстоятельствах, либо простой рецидив при активном смягчении.

8 – 15 баллов: Повышенная общественная опасность. Опасный рецидив или совокупность нескольких отягчающих обстоятельств при первичном преступлении.

16 – 25 баллов: Значительная общественная опасность. Особо опасный рецидив или сочетание множества тяжких отягчающих обстоятельств с негативными личностными факторами.

> 25 баллов: Исключительная общественная опасность. Системный рецидивист, совершивший тяжкое/особо тяжкое преступление с особой жестокостью, на почве ненависти, с использованием служебного положения и демонстрирующий полную социальную деградацию.

Интеграция в методологический порядок и практическое применение.

Рассчитанный показатель СООЛ не используется изолированно. В рамках методологического порядка он нормируется и, вместе с формализованным показателем общественной опасности деяния ($X_э$), служит входными данными для Интегрального индекса тяжести преступления (ИТП).

Гипотетический пример. Рассмотрим дело о краже (ч. 1 ст. 158 УК РФ), где подсудимый ранее был судим за аналогичное преступление (простой рецидив), но активно способствовал раскрытию и возместил ущерб.

Модуль 1: Простой рецидив (+2), преступление небольшой тяжести (+0.5). Итого: 2.5;

Модуль 2: Активное способствование раскрытию (-2), возмещение ущерба (-2). Итого: -4;

Модуль 3: Безработный (+1), положительная характеристика от соседей (-1). Итого: 0;

СООЛ: 2.5 + (-4) + 0 = -1.5.

Отрицательное значение СООЛ будет выступать корректором, снижающим итоговый ИТП и, соответственно, смягчающим наказание в рамках санкции статьи, что математически отражает учёт позитивного посткриминального поведения и потенциала к исправлению.

Предложенная трёхмодульная модель переводит качественную, оценочную категорию «общественная опасность личности» в систему взвешенных и проверяемых параметров. Она не заменяет судейское усмотрение, а структурирует его, требуя от суда явного, мотивированного и количественно выраженного решения по каждому значимому фактору. Такой подход обеспечивает прозрачность, воспроизводимость и единообразие судебных решений, минимизирует влияние скрытых когнитивных искажений и создает надёжный фундамент для следующего шага синтеза показателей опасности деяния и опасности личности в едином алгоритме назначения справедливого и обоснованного наказания.

Литература

1. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 2. — Москва: Наука, 1994. — 393 с.
2. Ольков С.Г. Математические начала теории судебных приговоров // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2016. № 3. С. 4–24.
3. Ольков С.Г. Теорема назначения уголовного наказания по правилу модернизированного рычага и сопутствующие теоремы уголовного процесса // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Том 13. № 1 (47). С. 64–69.
4. Кудрявцев В.Н., Ольков С.Г. Квантование общественной опасности: математические методы в уголовном праве // Российский юридический журнал. 2023. № 2 (143). С. 45–58.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
6. Петрова Е.А. Компенсация морального вреда в уголовном процессе: проблемы доказывания и оценки // Законность. 2021. № 7. С. 32–38.
7. Смирнов А.В., Калинин А.И. Судебно-психологическая экспертиза в оценке морального вреда: новые подходы // Вопросы психологии. 2022. № 5. С. 112–125.
8. Алексеев С.С. Философия права. — Москва: Норма, 1998. — 336 с.
9. Нерсесянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3–15.
10. Тащилин Р.И. Объективная истина и справедливость в уголовном процессе. Измерение величин имущественного ущерба и физического вреда // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2025. № 2. С. 15–23.

The Personality of the Guilty as a System of Weighted Parameters: An Algorithm for Assessing the Public Danger of the Personality

Taschilin R.I.

Donbass State University of Justice

The article solves the problem of formalizing the second key component of the principle of individualization of punishment — the public danger of the personality of the guilty (PDL). The author proposes a three-level assessment model based on a structured analysis of criminal history, circumstances of the crime, and socio-personal characteristics. Each identified factor is assigned a standardized score, which allows translating the qualitative features enshrined in Art. 60, 61, 63 of the Criminal Code of the Russian Federation into a quantitative metric. The proposed algorithm eliminates the problem of "double counting" of circumstances and creates a transparent, reproducible system integrated into the general formula of the methodological order. The model is considered as a tool for an objective and balanced assessment of personality in the context of sentencing.

Keywords: public danger of the personality, individualization of punishment, criminal history, aggravating and mitigating circumstances, formalization, methodological order.

References

1. Tagantsev N.S. Russian Criminal Law. Lectures. General Part. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: Nauka, 1994. 393 p.
2. Olkov S.G. Mathematical Principles of the Theory of Court Sentences // Bulletin of Higher Educational Institutions. Ural Region. 2016. No. 3. pp. 4–24.
3. Olkov S.G. The Theorem of Imposition of Criminal Punishment Based on the Modernized Lever Rule and Related Theorems of Criminal Procedure // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. 13. No. 1 (47). pp. 64–69.
4. Kudryavtsev V.N., Olkov S.G. Quantization of Social Danger: Mathematical Methods in Criminal Law // Russian Law Journal. 2023. No. 2 (143). Pp. 45–58.
5. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on July 1, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.
6. Petrova E.A. Compensation for Moral Damage in Criminal Proceedings: Problems of Proof and Assessment // Legality. 2021. No. 7. Pp. 32–38.
7. Smirnov A.V., Kalinin A.I. Forensic Psychological Examination in Assessing Moral Damage: New Approaches // Questions of Psychology. 2022. No. 5. Pp. 112–125.
8. Alekseev S.S. Philosophy of Law. Moscow: Norma, 1998, 336 p.
9. Nersesyants V.S. Philosophy of Law: A Libertarian-Legal Concept // Voprosy Filosofii. 2002. No. 3. pp. 3–15.
10. Tashchilin R.I. Objective Truth and Justice in Criminal Procedure. Measuring the Amount of Property Damage and Physical Harm // News of Higher Educational Institutions. Ural Region. 2025. No. 2. pp. 15–23.

Создание фиктивной задолженности в процедуре банкротства юридических лиц как типичный способ преступной деятельности

Федоров Анатолий Михайлович
аспирант, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

В статье исследуется проблема создания фиктивной кредиторской задолженности в процедурах банкротства юридических лиц как группы наиболее распространенных способов преступного мошенничества в указанной сфере. Анализирует причины нераспознаваемости данных деяний следователями и иными правоприменителями, среди которых выделяется некая шаблонность мышления. В работе подробно рассматриваются типичные способы мошенничества - формирования фиктивных требований: использование аффилированных лиц, заключение мнимых сделок, материальный и интеллектуальный подлог документов. На основе анализа судебной практики и позиций налоговых, следственных органов, обосновывается целесообразность квалификации подобных действий по квалифицированным составам мошенничества (ст. 159 УК РФ). Формулируется вывод о необходимости разработки криминалистических методических и профилактических рекомендаций как для следователей, так и для участников арбитражного процесса с целью повышения эффективности противодействия криминальным банкротствам.
Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), фиктивная задолженность, реестр требований кредиторов, криминальное банкротство, интеллектуальный подлог, мошенничество, методика расследования.

В современной России растет количество преступлений в сфере банкротства, связанных как с укрытием имущества от кредиторов, так и отъема его у должников либо у кредиторов.

Зачастую внешне, казалось бы, сугубо гражданские правоотношения в сфере несостоятельности (банкротства) имеют выраженный криминальный оттенок. Однако далеко не всегда правоприменители распознают в действиях участников этих правоотношений признаки преступной деятельности. Преступления остаются нераспознанными, не регистрируются и не расследуются, причиняя, тем не менее, громадный ущерб гражданам, обществу, государству.

В одной из ранних публикаций мы сформулировали определение понятия преступлений, связанных с банкротством юридических лиц в криминалистическом аспекте [1]. То есть определение, дающее представление о том, как в прикладном аспекте наиболее эффективно предупреждать, выявлять и расследовать соответствующие общественно опасные деяния. Итак, речь идет о группе разнородных, общественно опасных деяний, совершаемых преимущественно из корыстных побуждений должниками, кредиторами, арбитражными управляющими и иными лицами, а также организованными преступными группами, объединенными сферой несостоятельности (банкротства), подпадающие под признаки четырех групп составов преступлений:

- «криминальные банкротства» (ст.ст. 195-197 УК РФ),
- сопутствующие хищения и иные преступления в сфере экономики,
- сопутствующие коррупционные преступления,
- иные сопутствующие.

Полагаем, что на основе именно такого определения, классификации преступлений, и с целью повышения эффективности противодействия преступной деятельности можно и нужно формировать методику расследования преступлений, связанных с банкротствами юридически лиц. На той же основе следует создавать рекомендаций профилактического, просветительского характера. Нужно адресовать их арбитражным управляющим и иным участникам правоотношений в сфере несостоятельности (банкротства).

Отметим, что в типичных способах преступлений, связанных с криминальными банкротствами следователям намного проще и даже, условно говоря, выгоднее выявлять признаки мошенничества по ч. 3-4 ст. 159 УК РФ. Ведь квалифицированные составы этого преступления относятся к категории тяжких, тогда как составы криминальных банкротств (ст. ст. 195-197 УК РФ) относятся к категории небольшой или средней тяжести. Это существенным образом снижает мотивацию в борьбе с ними для типичного правоприменителя стороны обвинения.

Кроме того, названную мотивацию снижает и следующий фактор. Составы криминальных банкротств относятся к категории деяний, совершаемых в связи с предпринимательской деятельностью. Известные изменения и дополнения, внесенные в статьи 5, 20, 81.1, 108, 164 УПК РФ существенным образом усложнили работу следователей по делам этой категории. Например, наиболее строгие меры пресечения избирать, а точнее ходатайствовать об избрании, сложнее или практически невозможно.

В криминалистической литературе принято выделять существование так называемого феномена «нераспознаваемости» преступлений [2]. Отмечается, что личная практика каждого правоприменителя обычно однообразна. В результате возникают несколько упрощенные, шаблонные представления о преступности и не преступности тех или иных посягательств. Хранящиеся в памяти «образцы» деяний, которые точно подпадают под признаки того или иного состава преступления, часто мешают следователю даже задуматься над тем, может ли быть квалифицировано как преступление то или иное общественно опасное деяние, которое он ранее не расследовал. Таким образом, в практике образуются и широко распространяются десятки типичных и весьма опасных нераспознаваемых, «неузнаваемых» преступлений [3].

Именно таким – слабо распознаваемым преступлением в сфере банкротства является способ его совершения, подпадающий под признаки преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ. Речь идет о способе, связанном с включением фиктивной кредиторской задолженности в реестр требований кредиторов.

Согласно статье 2 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (Далее - Закона о банкротстве) [4] под должником понимается - гражданин, в том числе индивидуальный предприниматель, или юридическое лицо, оказавшиеся неспособными удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и т.д., а кредиторы, это лица, имеющие по отношению к должнику права требования по денежным обязательствам и иным обязательствам, об уплате обязательных платежей и других выплат.

Формой для участия в процедуре банкротства и соразмерного удовлетворения требований кредиторов является их включение в реестр требований кредиторов.

В соответствии с п. 6 ст. 16 Закона о банкротстве требования кредиторов включаются в реестр требований кредиторов и исключаются из него арбитражным управляющим или реестродержателем исключительно на основании вступивших в силу судебных актов, устанавливающих их состав и размер [4].

Установить факт включения в реестр требований кредиторов возможно только на основании решения суда. Для этого нужно доказать факт задолженности компании-банкрота вследствие определенных сделок, по которым должником не были возвращены денежные средства кредитору. Таковыми могут являться кредитные договоры, договоры займов, различные неисполненные Должником сделки.

В этой связи злоумышленниками применяются различные способы, как незаконно добиться преимущества в реестре требований кредиторов путем включения в него фиктивной задолженности.

Как в крылатой фразе одного из героев культового кинофильма: «**Три магнитофона, три кинокамеры заграничных, три портсигара отечественных, куртка замшевая… три… куртки…» [5]** на практике можно увидеть спланированные попытки недобросовестных лиц, направленные на включение в реестр требований кредиторов фиктивной кредиторской задолженности по классической модели в виде заключения между аффилированными компаниями мнимых сделок с явным раздуванием фиктивной задолженности.

Зачастую на интернет-ресурсах, в том числе на сайте Федеральной налоговой службы Российской Федерации, публикуется информация о том, что создание фиктивной задолженности – это преступление, которое должно быть квалифицировано правоохранительными органами как покушение на мошенничество - ч. 3 ст. 30 и ч. 4 ст. 159 УК РФ, которое, в частности, может осуществляться путем составления фиктивного договора займа при том, что денежные средства не передавались [6].

К.В. Третьяков в своей публикации делает вывод о том, что отсутствие уголовной ответственности за создание фиктивной кредиторской задолженности является одной из причин злоупотреблений в сфере банкротства. Со слов автора, актуальность вопроса обусловлена тем, что в реальности это явление носит массовый характер. Массовость же обусловлена отсутствием надлежащего уголовно-правового регулирования и, как следствие, отсутствием наказания. Формирование объективного реестра требований кредиторов является базовой основой института банкротства, и отсутствие нормативно выраженной уголовной ответственности за создание фиктивной кредиторской задолженности является одной из причин злоупотреблений в этой сфере правоотношений [7].

В части криминализации данного вида деяний есть мнения авторов (среди них Третьяков К.В.) о выделении их в качестве отдельного состава преступлений. В то же время судебная практика идет по пути квалификации данных действий по признаку преступления, предусмотренного статьей 159 УК РФ [8].

Данная правовая позиция нашла свое подтверждение в информационном письме Федеральной налоговой службы Российской Федерации, где указано, что в правоохранительные органы направлено 14 обращений налогового органа, по факту включения в реестр требований кредиторов, заявленных неправомерных (фиктивных) требований. По четырем уже возбуждены уголовные дела. Ввиду того, что включение в реестр требований кредиторов осуществляется в деле о банкротстве, погашение заявленных требований из конкурсной массы налоговый орган считает необходимым квалифицировать по ч. 4 ст. 159 УК РФ [9].

Для исследования закономерностей совершения и раскрытия преступлений, возникновения и существования его следов, исследования, оценки и использования доказательств, а также выработки системы познания этих закономерностей необходимо рассмотреть основные способы, применяемые при создании фиктивной задолженности.

Одним из способов создания фиктивной задолженности можно считать случай, когда лица, руководившие компанией Должником (юридическим лицом, в отношении которого Арбитражным судом введена процедура банкротства), пытаются через суд включиться в реестр требований кредиторов, для контроля процедуры банкротства.

В качестве примера можно рассмотреть определение Арбитражного суда об отказе в удовлетворении требования о включении в реестр требований кредиторов должника - акционерного общества. В определении Арбитражного суда указано, что генеральный директор акционерного общества, являясь аффилированным с ним лицом, подает заявление о включении в 3-ю очередь реестра требований кредиторов, ссылаясь на документы бухгалтерского учета, акты сверок и договоры займа акционерному обществу [10].

Другой способ попытки незаконного включения фиктивной задолженности проявляется в интеллектуальном подлоге документов. Он отличается от материального подлога отсутствием подделки, а также тем, что документ составлен действительно от имени юридического лица, обладает всеми необходимыми реквизитами (включая подлинные оттиски печатей, подписи, бланк), но с искажением удостоверяемых им фактов, имеющих юридическое значение. Документ с признаками интеллектуального подлога никаких внешних признаков подделки не содержит и не нуждается в проведении дополнительных исследований и экспертиз [11].

На практике пример интеллектуального подлога можно взять из другого определения Арбитражного суда об отказе в удовлетворении требования о включении в реестр требований кредиторов в рамках процедуры банкротства. Из него видно, что родственник руководителя акционерного общества пытается включить фиктивную задолженность в реестр требований кредиторов банкрота на основе представленных в суд договоров займа между ней и акционерным обществом, которые признаны Арбитражным судом мнимыми. Договоры со стороны Общества подписаны одним генеральным директором управляющей компании, хотя на дату подписания договоров генеральным директором являлся другой директор. То есть, материально документы не подвергались подлогу, но содержат один порок - подписаны не тем директором для определенного периода времени. Также, заявитель приобщила к материалам дела квитанции к приходно-кассовым ордерам, которые подписаны неуполномоченным лицом [12].

Зачастую способами создания фиктивной задолженности являются фальсификация документов, выражающаяся в подделке платежных документов, договоров купли-продажи, займа, поставки, актов приема-передачи, решений исполнительного органа юридического лица о совершении крупных сделок, судебных актов о присуждении денежных средств, банковских документов.

Рассмотрим пример создания фиктивной задолженности арбитражными управляющими, которые были признаны виновными в мошенничестве по ч. 4 ст. 159 УК РФ, то есть в приобретении права на чужое имущество путём обмана, совершенном группой лиц по предварительному сговору, с использованием своего служебного положения, в особо крупном размере [13]. Так, в материалах уголовного дела указано, что арбитражный управляющий ООО «Х» Ц. подал исковое заявление о взыскании с ООО «Л» 1,9 миллионов рублей, с целью ввести ООО «Х» в реестр кредиторов ООО «Л». При этом арбитражный управляющий умолчал об исполнении указанных обязательств в Арбитражном суде, введя суд в заблуждение путем обмана, предоставив только часть документов. Тем самым он получил решение Арбитражного суда по делу о взыскании с ООО «Л» в пользу ООО «Х» неосновательного обогащения в размере 1,5 млн. рублей и процентов за пользование чужими денежными средствами. После чего, конкурсный управляющий ООО «Х» Ц. вовлек в совершение данного преступления конкурсного управляющего ООО «Л» Б., для незаконного приобретения права на имущество ООО «Л».

Можно сделать вывод, что одним из способов создания фиктивной задолженности может быть выявление арбитражным управляющим исполненных сделок между компанией должником и контрагентом, одну или несколько которых он оспаривает в Арбитражном суде, закрепляя долг за компанией-должником, а затем реализует право требования по заниженной цене. В конкретном случае контрагентом является другая компания-должник с имеющимся имуществом, которое при договоренности с другим арбитражным управляющим можно реализовать и присвоить.

Подводя итог, можно сформулировать следующие выводы:

1. **Высокая общественная опасность и латентность.** Создание фиктивной задолженности относиться к группе наиболее опасных способов преступлений, связанных с банкротством. Эти способы позволяют злоумышленникам устанавливать контроль над процедурой банкротства и похищать имущество должника. При этом феномен «нераспознаваемости» подобных деяний приводит к тому, что значительная часть преступлений этого вида остается без должной правовой оценки.

2. **Специфика уголовно-правовой квалификации.** Несмотря на наличие специальных составов «криминальных банкротств» (ст.ст. 195–197 УК РФ), правоприменительная практика обосновано тяготеет к квалификации способов создания фиктивной задолженности как мошенничества, квалифицированных его составов (ч. 3 и 4 ст. 159 УК РФ). Это обусловлено как тяжестью составов преступлений (в отличие от санкций статей 195–197 УК РФ), так и сложностями доказывания названных специальных составов.

3. **Разнообразие способов совершения.** Исследование показало, что типичными способами мошенничества являются не только фальсификация, материальный подлог документов, но и более изощренный **интеллектуальный подлог**, при котором документы являются подлинными по форме, но содержат искаженные факты. Особую роль в реализации подобных способов хищений играют аффилированные лица и недобросовестные арбитражные управляющие.

4. **Перспективы противодействия.** Для повышения эффективности противодействия подобным способам преступлений необходимо формирование комплексной криминалистической методики расследования, основанной на предложенной в статье классификации преступлений, связанных с банкротством. Не мене важным должно стать антикриминальное просвещение участников правоотношений в сфере банкротства, разработка профилактических рекомендаций для арбитражных управляющих.

Литература

1. Гармаев Ю. П., Федоров А. М. Понятие преступлений, связанных с банкротствами юридических лиц, в криминалистическом аспекте // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 3 (71). С. 133–138.
2. Ладошкин А.С. Особенности криминалистической методики расследования преступлений, связанных с фальсификацией доказательств в гражданском и арбитражном судопроизводстве: дис. … кандидата юрид. наук. – Новосибирск, 2019. - С. 34-35.
3. Гармаев Ю.П., Лубин А.Ф. Проблемы создания криминалистических методик расследования преступлений: Теория и практика. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. С. 37-38.
4. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N 127-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения – 25.09.2024 г.).
5. Фраза гражданина А. С. Шпака из фильма «Иван Васильевич меняет профессию» (1973).
6. Создание фиктивной задолженности – это преступление. Дата публикации: 23.08.2018 URL: https://www.nalog.gov.ru/rn43/taxation/bankruptcy/7743636/ (дата обращения – 25.09.2024 г.).
7. Третьяков К.В. Фиктивная кредиторская задолженность при банкротстве: уголовно-правовой аспект // Имущественные отношения в РФ. - 2019. - №11 (218). - С. 94-96.
8. В МВД просят убрать из УК статьи о преднамеренном и фиктивном банкротстве. URL: https://pravo.ru/news/211147/ (дата обращения: 11.10.2024).
9. Формирование фиктивной кредиторской задолженности является нарушением законодательства. Дата публикации: 04.12.2023. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn73/news/activities_fts/14109004/ (дата обращения 25.09.2024).
10. Определение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 19 июня 2024 г. по

делу № А56-108083/2022. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2e440c51-533b-4f0d-ac60-58035e5d3e7b/09572a13-40a0-4cd6-ae58-e3d90c4351bb/A56-108083-2022_20240619_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 25.09.2024).

11. Р.М. Абдрахманов. К вопросу об использовании подлога при совершении хищений // Научный Татарстан. - 2009. - №3. - С. 20.

12. Определение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 19 июня 2024 г. по делу № А56-108083/2022. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2e440c51-533b-4f0d-ac60-58035e5d3e7b/09572a13-40a0-4cd6-ae58-e3d90c4351bb/A56-108083-2022_20240619_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True/.

13. Определение Верховного суда Республики Татарстан от 28 октября 2025 г. по делу № 22-4847/2025 (на решение Набережночелнинского городского суда от 21.04.2025 по делу 1-24/2025) URL: https://vs--tat.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=24633111&case_uid=3ec5a873-1fff-46de-a346-cb102ab2df0e&result=1&delo_id=4&new=4 (дата обращения 25.11.2025). (решение не вступило в законную силу).

The creation of fictitious debt in corporate bankruptcy proceedings as a typical method of criminal activity

Fedorov A.M.

Dorzhi Banzarov Buryat State University

This article examines the creation of fictitious accounts payable in legal entity bankruptcy proceedings as one of the most common methods of criminal fraud in this area. It analyzes the reasons why these acts go undetected by investigators and other law enforcement officials, noting a certain stereotyped thinking. The paper examines in detail typical methods of fraud—the creation of fictitious claims: the use of affiliates, the conclusion of sham transactions, and the material and intellectual forgery of documents. Based on an analysis of judicial practice and the positions of tax and investigative authorities, the advisability of classifying such actions as qualified fraud (Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation) is substantiated. It concludes that it is necessary to develop forensic methodological and preventive recommendations for both investigators and participants in arbitration proceedings in order to improve the effectiveness of countering criminal bankruptcies.

Keywords: insolvency (bankruptcy), fictitious debt, register of creditors' claims, criminal bankruptcy, intellectual forgery, fraud, investigation methods.

References

1. Garmaev Yu. P., Fedorov A.M. The concept of crimes related to bankruptcy of legal entities in the criminalistic aspect // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 3 (71). pp. 133-138.
2. Ladoshkin A.S. Features of the criminalistic methodology for investigating crimes related to falsification of evidence in civil and arbitration proceedings: dis. ... candidate of Law. sciences'. Novosibirsk, 2019. pp. 34-35.
3. Garmaev Yu.P., Lubin A.F. Problems of creating criminalistic methods for investigating crimes: Theory and practice. St. Petersburg: R. Aslanov Publishing House "Law Center Press", 2006. pp. 37-38.
4. Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" dated October 26, 2002 N 127-FZ. Access from the ConsultantPlus legal reference system (accessed September 25, 2024).
5. The phrase of citizen A. S. Shpak from the film "Ivan Vasilyevich changes his profession" (1973).
6. Creating fictitious debt is a crime. Date of publication: 08/23/2018
URL: https://www.nalog.gov.ru/rn43/taxation/bankruptcy/7743636 / (date of application – 09/25/2024).
7. Tretyakov K.V. Fictitious accounts payable in bankruptcy: a criminal and legal aspect // Property relations in the Russian Federation. - 2019. - №11 (218). - Pp. 94-96.
8. The Ministry of Internal Affairs is asking to remove articles on deliberate and fictitious bankruptcy from the Criminal Code. URL: https://pravo.ru/news/211147 / (date of request: 11.10.2024).
9. The formation of fictitious accounts payable is a violation of the law. Date of publication: 04.12.2023. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn73/news/activities_fts/14109004 / (date of appeal 09/25/2024).
10. Ruling of the Arbitration Court of the City of St. Petersburg and the Leningrad Region dated June 19, 2024 in case no. A56-108083/2022. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2e440c51-533b-4f0d-ac60-58035e5d3e7b/09572a13-40a0-4cd6-ae58-e3d90c4351bb/A56-108083-2022_20240619_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (date of access: 09/25/2024).
11. R.M. Abdrakhmanov. On the issue of the use of forgery in the commission of embezzlement // Scientific Tatarstan. - 2009. - No. 3. - p. 20.
12. Ruling of the Arbitration Court of the City of St. Petersburg and the Leningrad Region dated June 19, 2024 in case No. A56-108083/2022. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2e440c51-533b-4f0d-ac60-58035e5d3e7b/09572a13-40a0-4cd6-ae58-e3d90c4351bb/A56-108083-2022_20240619_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True/.
13. Ruling of the Supreme Court of the Republic of Tatarstan dated October 28, 2025 in case No. 22-4847/2025 (based on the decision of the Naberezhnye Chelny City Court dated 04/21/2025 in case 1-24/2025) URL: https://vs--tat.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=24633111&case_uid=3ec5a873-1fff-46de-a346-cb102ab2df0e&result=1&delo_id=4&new=4 (accessed 11/25/2025). (the decision has not entered into force).

Общая характеристика киберхищений и противодействия их развитию

Фрасов Артем Дмитриевич
аспирант, Ульяновский государственный университет, tema73rf@gmail.com

Статья посвящена исследованию специфики киберхищений и необходимых мер по предупреждению дальнейшего развития негативных тенденций. В материале приведены статистические сведения, демонстрирующие структуру киберпреступлений, тенденцию роста киберпреступности и способы совершения киберхищений. Систематизированы отличительные признаки между организацией и совершением хищений в контактной среде и с применением информационно-коммуникационных технологий, что позволило обосновать масштабность совершения преступлений в киберпространстве и сложность их раскрываемости. Целью статьи является развитие теоретических подходов борьбы с негативными проявлениями преступных действий в киберпространстве и обеспечению безопасных условий цифровизации экономики. Гипотеза исследования заключается в противодействии развитию тенденций киберхищений на основе ответственности за использование передовых информационно-коммуникационных технологий и социальной инженерии в преступных целях, а также разработке совместных действий правоохранительных органов и субъектов критической информационной инфраструктуры по комплексному противодействию киберхищениям.

Ключевые слова: киберхищения; уголовная ответственность; информационно-телекоммуникационные технологии; социальная инженерия; фишинг; скиминг; претекстинг; спуфинг; дипфейк.

Преступное посягательство на чужое имущество, такое как хищение, - распространенное явление в обществе. Для описания сущности хищения в древнем русском языке использовался термин татьба, означающее тайное похищение чего-либо или насильственное отнятие, не переходящее в разбой. Хищения по способам совершения различались, а именно, кража – это тайное похищение, а грабёж - открытое хищение. При этом татьба (тайно) и кража (крадучись) оценивались как опасное проявление в обществе, указывающие на коварство и низость проявления качеств человека.

Хищение (цсл., греч. αρπαγμός) - захват, разбой, тайный и трусливый способ преступной деятельности, наиболее распространенный среди преступлений и в настоящее время. Условиям современных реалий характерна высокая активность развития цифровизации, снижение социализации и интенсивное развитие информационно-телекоммуникационных технологий, которые в свою очередь существенно меняют характеристики преступности, способствуя их совершению в киберпространстве.

Для целей настоящего исследования особое значение придается объекту и процессу исследования, что предопределяет важность содержания понятия кибер (cyber),- показывает отношение чего-либо к кибернетике, компьютерам, технологиям, сетям, в том числе сети «Интернет», содержащей элементы обратной связи с возможностью к различным «кибердействиям».

Под предметом «киберхищения» стоит понимать любой вид имущественных прав, конфиденциальной информации и персональных данных, которые незаконно присваиваются злоумышленниками без согласия их правообладателей [3]. В формате масштабирования новаций очевидно, что киберхищения совершаются с помощью информационно-телекоммуникационных технологий, включая технические средства, компьютерные сети и инструменты завладения имуществом или информацией посредством фишинга, скиминга, а также с помощью психологического воздействия на жертву через призму социальной инженерии посредством дипфейков и претекстинга.

По данным статистических наблюдений ежедневно совершается 1,5 миллиона кибератак, а 2/3 пользователей IT-ти ресурсов становились жертвами киберпреступлений [6].

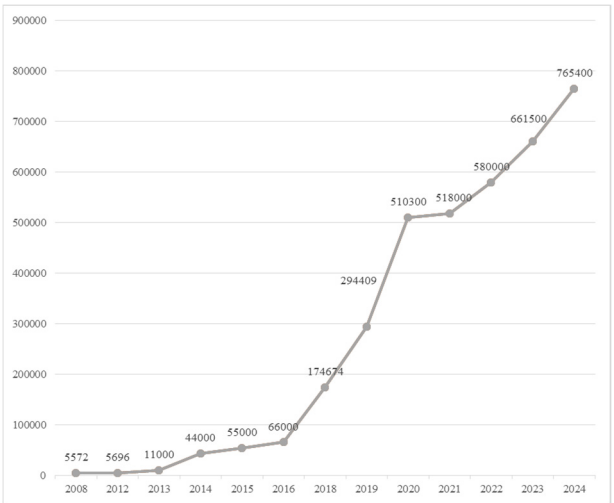

Рисунок 1. Динамика зарегистрированных киберпреступлений за период 2008г. по 2024гг.

Динамика роста киберпреступлений отражает экспоненциальный рост случаев, а именно 137 раз за последние 15 лет, с 5572 совершенных преступлений в 2008 году до 764400 преступлений в 2024 году, в том числе за последние 5 лет данный показатель превысил четырехкратный прирост, с 174674 преступлений с 2018 года. Резкий взлет произошел в период 2019-2020 годов, в пандемийный период (рисунок 1).

Наиболее распространенным проявлением киберпреступлений являются киберхищения, доля которых составляет 25% от всех киберпреступлений, совершаемых с применением информационно-коммуникационных технологий и социальной инженерии, при этом подобная активность, особенно по использованию дипфейков увеличивается.

Структура киберпреступлений, предусмотренных УК РФ [1] представлена на рисунке 2.

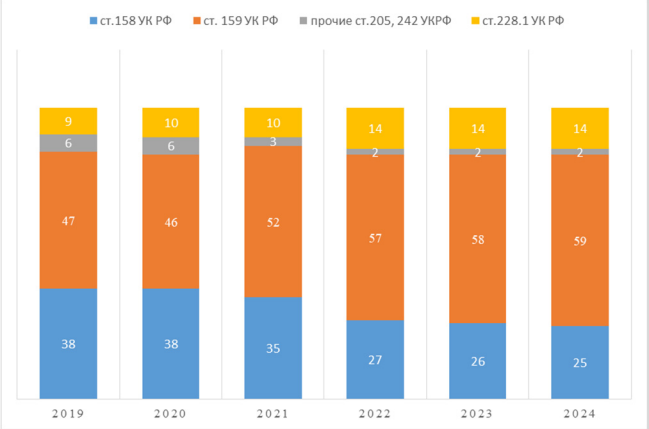

Рисунок 2. Структура киберпреступлений в период 2019-24гг (%) (составлено автором самостоятельно по данным) [7]

По данным структуры очевидно, что доля хищений и мошенничества с использованием электронных средств платежа преобладает в общем количестве киберпреступлений:

— основная доля приходится на мошенничество от 47% в 2019г. до 59% в 2024г. (ст. 159, 159.3, УК РФ);

— хищение – с 38% в 2019г. до 25% в 2024г. (ст.158 УК РФ);

— деяния по незаконному производству, сбыту (пересылка наркотических средств, психотропных веществ) (ст. 228.1 УК РФ) от 9% в 2019г. до 14% в 2024г.;

— также в формате киберпреступлений совершаются: кибертерроризм (ст. 205 УК РФ), распространение порноматериалов (ст. 242 УК РФ) и кибербуллинг (ст. 128.1 УК РФ) с 6% в 2019г. до 2% в 2024г.

Причиной негативных тенденций в киберпространстве является виртуальность применения цифровых решений в ходе совершения преступный действий, что ускоряет процесс совершения киберпреступлений и позволяет скрывать вещественные улики, к тому же, инновационные решения области ИКТ (информационно-коммуникационных технологий), которые злоумышленники используют в преступных целях более мобильны в сравнении с преследованиями, регламентированными в УК РФ, что предопределяет необходимость разработки более эффективных уголовно-правовых и криминологических мер борьбы с киберпреступлениями.

Зачастую киберхищения совершаются на основе мошенничества путем кражи с банковских счетов жертвы или незаконного сбора компьютерной информации, содержащей персональные данные лица, при условии, что все указанные действия совершены с использованием компьютерных технологий, компьютерного оборудования и сети «Интернет». В 40% случаев при совершении киберпреступлений задействуется вредоносное программное обеспечение, которое внедряется в компьютеры и смартфоны потерпевших путем перехода пользователей Интернет по опасной ссылке. Стоит отметить, что в 31% случаях вредоносными программами являлись «трояны» для удаленного управления или программы удаленного доступа.

Основные способы киберхищений денежных средств осуществляются через банковскую карту посредством подключения к POS–терминалам в торговых точках или при использовании переносных устройств в ресторанах; в местах фиктивных пунктов выдачи наличных (ПВН), при установке накладок на приемные устройства и клавиатуру банкоматов для совершения «скимминга» – копирования данных магнитной полосы карты [5].

На ряду применения информационно-коммуникационных технологий для совершения киберхищений злоумышленники используют способы социальной инженерии, - распространенный способ психологического воздействия на жертву посредством телефонного разговора или переписки путем претекстинга, а также аудио контакт или спуфинг, посредством взаимодействия по ссылке, направленных на психологическое манипулирование жертвы с целью получения информации или денежных средств обманным способом. Структура способов совершения киберхищений представлена на рисунке 3.

Рисунок 3. Структура способов совершения киберхищений

Базисными признаками киберхищений являются:

- объект преступления: жертва и манипулирование его поведением для несанкционированного доступа к его информационным, компьютерным системам, средствам обработки, хранения и передачи данных;

- субъект преступления: лицо, совершающее данное преступление. Как правило, данное лицо имеет навыки программирования, специальные навыки в области ИТ и в области психологии;

- субъективная сторона преступления: прямой умысел и корыстная цель;

- предмет преступления: денежные средства, товары, право на имущество, личная информация жертвы;

- способ совершения: скимминг, фишинг, вишинг, смишинг, подселение вредоносной программы в компьютер или иное устройство, психологическое воздействие.

Классификация кибехищений по составу:

- финансовое мошенничество. Данное преступление направлено на хищение денежных средств как у физиче-

ских лиц путем психологического воздействия и социальной инженерии на жертву с целью получения денежных средств, так и на хищение денежных средств у юридических лиц, путем несанкционированного взлома интернет-банкинга организации или внедрения вредоносного программного обеспечения (ПО) в базы данных организации;

- хищение персональных данных. Данное преступление предусматривает несанкционированный сбор персональных данных физического лица или организации. Следует отметить, что зачастую несанкционированный сбор персональных данных физических лиц происходит с целью дальнейшего их использования для получения доступа к управлению денежными средствами и имуществом лица, а также для истребования выкупа от жертвы за компрометирующую информацию, обнаруженную в «похищенных персональных данных»;

- взлом и кража данных. Данное действие зачастую совершается в отношении физических лиц. Хищение данных организации осуществляется для ее последующего разрушения, как «рыночного игрока» или для возможности инициирования процедуры банкротства указанной организации;

- распространение вредоносного программного обеспечения (ПО). Указанное деяние заключается в заражении компьютерной техники вредоносными программами с целью хищения данных, получения контроля над зараженным устройством и последующих вымогательством.

Использование современных и постоянно развивающихся информационно-телекоммуникационных технологий в комплексе с подходами социальной инженерии дает возможность мошенникам осуществлять преступные действия, нанося ущерб большому числу граждан, оставаясь незамеченными.

На основе вышеизложенного систематизируем отличительные признаки между организацией и проведением хищений в контактной среде в формате ofline и киберхищений, в формате бесконтактного взаимодействия, в режиме online, представленные в таблице 1.

Таблица 1
Сравнительная характеристика организации хищений

Критерии	**Хищения**	**Киберхищения**
Сущность	изъятие чужого имущества, причинение ущерба собственнику на условиях физического воздействия	изъятие чужого имущества, причинение ущерба собственнику путем вмешательства в ИКТ
Предмет	имущество (деньги, вещи, ценные бумаги)	безналичные и электронные денежные средства
Способ	кража, грабеж, разбой, растрата, присвоение	воздействие на серверы и ПО с целью нарушения хранения, передачи информации
Характер деятельности	преступный	преступный с отягчающими обстоятельствами
Количество участников	одиночное или ограниченное	неограниченное
Степень устойчивости взаимоотношений между участниками	высокая	в режиме online
Взаимодействие	неформальные	формализованные
Уровень изучения поведения жертвы	низкий	высокий
Характер кооперации	стабильный, постоянный	непостоянный, проектный
Влияние тенденций инновационного развития в	низкое	высокое
Наличие координатора	обязательное участие, личный контроль	необязательное участие (искусственный интеллект, блокчейн)
Географическое расположение участников	на единой территории	на разных территориях, в формате DarkNet (темная сеть, скрытый сегмент Интернета)
Иерархичность Взаимодействий	вертикаль подчинения, четкая иерархия	горизонтальное взаимодействие, коллегиальный подход
Специализация	жесткая	гибкая
Преследование	Кража (статья 158 УК РФ)- тайное хищение чужого имущества; Мошенничество (статья 159 УК РФ) – хищение путем обмана или злоупотребления доверием; Присвоение или растрата (статья 160 УК РФ) – хищение чужого имущества, вверенного виновному	«Мошенничество с использованием электронных средств платежа» (статья 159.3 УК РФ); часть третья статьи 159.6 УК РФ дополнена новым квалифицирующим признаком — деяние, совершенное с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств.

На основе проведенного обзора терминологии киберхищений в условиях цифровой трансформации, проявляющихся в выстраивании цифровых ресурсов и сквозных цифровых процессов, нами предложена дефиниция киберхищений как преступлений, совершенных в цифровой среде дистанционно с использованием информационно-коммуникационных технологий по отношению к большой численности потенциальных жертв и управлению их поведением посредством социальной инженерии, что способствует ускорению транзита передачи информации по бесшовному функционированию множества сервисов, способствующих проведению безналичных платежей на условии подчинения воли жертв корыстным интересам киберпреступников.

Кибератаки являются фактором прямого экономического и социального давления, напрямую влияющие на инновационную активность, устойчивость экономического развития, доступность и комплексность инфраструктуры и социальную стабильность, что предопределяет разработку более эффективных уголовно-правовых и криминологических мер борьбы с киберпреступлениями.

Следует отметить, что киберхищения совершаются специалистами, обладающими необходимыми навыками и компетенциями с применением высокотехнологичных информационно-коммуникационных технологий в сети Интернет.

Вышеперечисленные аспекты по киберпрпреступления демонстрируют высокотехнологичный процесс совершения преступлений в киберсреде, что в свою очередь отражается на уровне раскрываемости киберхищений, которая остается одной из низких, не превышая 20-23%, **тем самым предопределяет необходимость** разработки более эффективных уголовно-правовых и криминологических мер борьбы с киберпреступлениями. В целях противодействия киберхищениям предлагаем выделить четыре важных подхода:

во-первых, для противодействия таким общественно опасным преступлениям, как киберхищения, необходимо установление уголовной ответственности за совершаемые с помощью информационных технологий и социальной инженерии преступные деяния и закрепление указанной ответственности в соответствующих нормах Уголовного кодекса Российской Федерации [8];

во-вторых, необходимо детально проработать национальное законодательство, предусматривающее ответственность за совершение киберпрхищений;

в-третьих, необходима разработка совместных действий как со стороны правоохранительных органов, так и со стороны субъектов критической информационной инфраструктуры: банковской, налоговой, страховой систем, операторов связи для комплексного противодействия киберхищениям;

в-четвертых, важна индивидуальная виктимологическая профилактика уязвимых субъектов в зависимости от

характеристик потенциальной жертвы в виде консультирований и бесед с психологами, юристами и специалистами по информационной безопасности; необходимы программы по обучению граждан с применением практических кейсов (разбор конкретных случаев киберпреступлений, имитация фишинговых атак); оказание психологической поддержки и конкретной помощи жертвам киберхищений.

Заключение

Развитие информационно-телекоммуникационных технологий безусловно влияет как на повышение экономической активности, так и на информационную безопасность [4]. В целях противодействия киберхищениям предлагаем выделить три важных аспекта:

во-первых, для противодействия таким общественно опасным преступлениям, как киберхищения, необходимо установление уголовной ответственности за совершаемые с помощью информационных технологий и социальной инженерии преступные деяния и закрепление указанной ответственности в соответствующих нормах Уголовного кодекса Российской Федерации [2];

во-вторых, необходимо детально проработать национальное законодательство, предусматривающее ответственность за совершение киберпрхищений;

в-третьих, необходима разработка совместных действий для комплексного противодействия киберхищениям.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 №174-ФЗ / Принят ГД ФС РФ 22.11.2001 (ред. от 27.12.2018 №552-ФЗ) (с изм. и доп.)
2. Об исполнении поручения Президента по уточнению такого состава преступления, как мошенничество // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/execution/16923 (дата обращения: 17.12.2025).
3. Бирюкова Ю.В. Хищения, совершаемые с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, способы их совершения и пути их расследования // Вестник экономической безопасности.-2020- №3 С.179-185
4. Ефремова М. А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности: диссертация ... доктора юридических наук : 12.00.08 / Ефремова Марина Александровна. - Москва, 2017. - 427 с.
5. Лукьянов С.О. Мошенничество с использованием банковских карт в России: современное состояние и виды защиты // Вестник ТГЭУ. 2012. № 2. С. 201
6. https://finuslugi.ru/navigator/news/novosti_bankovskoj_otrasli/sber_kazhdyj_100_j_vzroslyj_rossiyanin_za_god_stal_zhertvoj_kiberprestuplenij (дата обращения: 17.12.2025)
7. https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Число_киберпреступлений_в_России (дата обращения: 17.12.2025)
8. Об исполнении поручения Президента по уточнению такого состава преступления, как мошенничество // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/execution/16923 (дата обращения: 17.12.2025)

General characteristics of cyberthefts and countering their development

Frasov A.D.
Ulyanovsk State University,

The article is devoted to the study of the specifics of cyberthefts and the necessary measures to prevent the further development of negative trends. The article provides statistical data that demonstrate the structure of cybercrimes, the trend of cybercrime growth, and the methods of committing cyberthefts. The article systematizes the distinguishing features between the organization and commission of thefts in a contact environment and with the use of information and communication technologies, which allowed to substantiate the scale of committing crimes in cyberspace and the complexity of their detection. The purpose of the article is to develop theoretical approaches to combating the negative manifestations of criminal activities in cyberspace and ensuring safe conditions for the digitalization of the economy. The research hypothesis is to counteract the development of cyber-theft trends based on the responsibility for using advanced information and communication technologies and social engineering for criminal purposes, It also involves developing joint actions by law enforcement agencies and critical information infrastructure entities to comprehensively counter cyberthefts.

Keywords: cybertheft; criminal liability; information and telecommunications technology; social engineering; phishing; skimming; pretexting; spoofing; deepfake.

References

1. The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law No. 174-FZ of December 18, 2001 / Adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on 11/22/2001 (as amended on December 27, 2018 No. 552-FZ) (as amended and supplemented)
2. On the execution of instructions from the President to clarify such a crime as fraud // Official Website of the President of the Russian Federation. URL: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/execution/16923 (date of access: 17.12.2025).
3. Biryukova Yu.V. Thefts committed using computer and telecommunication technologies, methods of their commission and ways of their investigation // Bulletin of economic security.-2020- №3 P.179-185
4. Efremova M. A. Criminal law protection of information security: dissertation ... Doctors of Law: 12.00.08 / Efremova Marina Aleksandrovna. - Moscow, 2017. - 427 p.
5. Lukyanov S.O. Fraud using bank cards in Russia: current state and types of protection // Bulletin of TSUE. 2012. No. 2. P. 201
6. https://finuslugi.ru/navigator/news/novosti_bankovskoj_otrasli/sber_kazhdyj_100_j_vzroslyj_rossiyanin_za_god_stal_zhertvoj_kiberprestuplenij(accessed: 17.12.2025)
7. https://www.tadviser.ru/index.php/Article:Number_of_cybercrimes_in_Russia (accessed: 17.12.2025)
8. On the implementation of the President's instruction to clarify the crime of fraud // Official website of the President of the Russian Federation. URL: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/execution/16923 (accessed: 17.12.2025)

Надзорная инстанция в уголовном процессе России: проблема дублирования функций кассации и перспективы фундаментального реформирования

Трофимик Александр Геннадьевич
руководитель Экспертно-правового центра ЮИ СФУ, старший научный сотрудник и доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Сибирского федерального университета

Богданова Александра Романовна
студент Юридического института Сибирского федерального университета

Статья посвящена соотношению стадий кассационного и надзорного производств в уголовном процессе России с использованием сравнительно-правового метода. Рассматривается генезис названных контрольно-проверочных стадий, современное правовое регулирование классической европейской модели обжалования приговоров (и иных судебных решений), построенной на разграничении апелляции и кассации как пересмотра и проверки законности. Сделан вывод о том, что, хотя в России в целом и разделяется классическая концепция, в настоящий момент действует постепенно «отмирающий» надзорный порядок пересмотра, не применяемый зарубежными правопорядками. Сформулирована гипотеза о необходимости переоценки значения надзорного производства в уголовном процессе России.
Ключевые слова: апелляция, кассация, надзор, судопроизводство, судебная система, судебные инстанции, правосудие по уголовным делам.

Вопрос о том, как должны быть сконструированы такие контрольно-проверочные стадии, как кассационное и надзорное производства в уголовном процессе Российской Федерации, занимает существенное место в науке уголовно-процессуального права и относится к разряду одного из самых сложных, поскольку ответ на этот вопрос влияет на всю систему уголовного судопроизводства, эффективность правосудия, пересмотр и проверку законности вынесенных судебных актов.

Для повышения эффективности функционирования контрольно-проверочных стадий в уголовном процессе в рамках действующей судебной системы необходимо обратиться к уголовно-процессуальному механизму устранения (выявления и исправления) судебных ошибок.

На современном этапе развития уголовно-процессуального права названный механизм является естественной необходимостью для обеспечения качества уголовного правосудия, поскольку гарантирует не только снижение общего числа судебных ошибок, сколько результативное исправление судебных ошибок и их негативных последствий.

Однако даже актуальный уровень науки не позволяет избежать судебных ошибок. В этом отношении рациональное и научно обоснованное построение контрольно-проверочных производств характеризирует именно развитые правопорядки, к которым, безусловно, относится Россия. Вместе с тем, российская наука никогда не избегала анализа зарубежного опыта для формулирования опережающих и выдающихся моделей, что актуализирует проблематику, охваченную настоящим сравнительным исследованием.

Система обжалования в целом, проверка законности и полный пересмотр судебных решений (в особенности приговоров) – это фундаментальная часть уголовно-процессуального механизма устранения судебных ошибок, которая основана на взаимодействии различных компонентов, образующих уникальные судебно-властные отношения. Эти отношения возникают в процессе реализации высшими судами в соответствии с законом государственной власти при урегулировании конфликтов, возникающих в процессе взаимодействия между субъектами права.

Примечательна в рассматриваемом срезе позиция М.В. Скляренко, согласно которой: «Механизм обжалования, проверки и пересмотра судебных решений – это общепризнанная процессуально-правовая парадигма, дискурс в поведении субъектов права в случае неприятия ими (или некоторыми из них) законности, обоснованности и справедливости решений нижестоящих судов» [3, с. 35].

Кассационное и надзорное производства являются средствами защиты прав, свобод и законных интересов путем обжалования вынесенных нижестоящими инстанциями судебных актов, и вместе с тем гарантируют справедливый результат правосудия – обеспечивают так называемый эффект «добавочной гарантии», который обоснованно можно отнести и к апелляции, и к кассации и надзору.

Однако анализ нормативно-правового регулирования кассации и надзора сквозь призму классической модели пересмотра и проверки показывает известного рода несовершенства отечественной модели, что требует проведения научных изысканий в этом отношении.

Кассация и надзор, являясь так называемым судом права, крайне схожи друг с другом: по цели, по характеру проверки, по основаниям для отмены или изменения судебного акта и другим критериям. Так, основной целью проверки является выявление и устранение нарушений закона. При этом кассация и надзор, влияя на практику рассмотрения дел нижестоящими судами, обеспечивают единообразие правоприменения на всей территории Российской Федерации.

Кассационная и надзорная инстанция выступают в качестве дополнительного (экстраординарного) способа восстановления нарушенного права осужденного, если подобные нарушения имели место. Равным образом это касается и потерпевшего, в случае если его права, свободы и законные интересы пострадали из-за вынесения незаконного решения суда.

Рассматривая две модели пересмотра судебных решений, кассационное и надзорное, стоит проследить их историческое становление.

При исследовании социальной природы надзорного производства, если рассматривать его не только как логико-гносеологический правовой конструкт, но и в аспекте влияния различных факторов, складывающихся в обществе, то многоаспектность данного феномена можно показать на примере следующих положений-установок, которые сложились в период становления данного правового института еще в советское время.

Возникновение уголовно-процессуального института надзора в советский период покоилось на следующих основаниях. Первое из них – принцип законности. Имея в свою очередь конституционный характер, данное положение обусловливало необходимость «аннулирования» актов правосудия, вступивших в силу, но при этом противоречащих нормам законодательства.

Вторым основанием являлась ограниченность обжалования. Для защиты интересов сторон не допускалось подавать неограниченное число жалоб, что таким образом снижало бы стабильность судебной практики, могло влиять на исполнение наказания и затягивание производства по уголовному делу.

Если рассматривать уголовно-процессуальный институт кассации, то близкое к современному классическому пониманию кассации положение было закреплено в УПК РСФСР 1922 года. Так, анализируя ст. 353 УПК РСФСР, можем заметить, что подать жалобу мог каждая из стороны, которая бы была этом заинтересована, но только в части нарушений прав и законных интересов лица, носивший формальный характер. Суд на данной стадии рассматривал дело, не затрагивая существа приговора. И уже в УПК РСФСР 1960 года, мы можем заметить, что вышеуказанная норма была исключена.

А.А. Сумин отмечал, что «исключение апелляционной инстанции из уголовного процесса России, привело в некотором смысле к «вакууму» в части того, в какой судебной инстанции, а также в каком порядке следует проверять обвинительное заключение суда первой инстанции через призму «фактических обстоятельств» [5, с. 101].

В свою очередь, М.С. Строгович в своих трудах отмечал: «В первые годы действия Уголовно-процессуального кодекса в кассационной практике была распространена точка зрения, согласно которой оценка доказательств является прерогативой суда первой инстанции, и кассационная инстанция в оценку доказательств входить не может… Советскому уголовному процессу был чужд формализм, отрыв юридической формы от существа дела. Поэтому из сферы деятельности кассационной инстанции не могла быть исключена проверка обвинительного приговора по существу, т.е. проверка его обоснованности имеющимися в деле и проверенными судом доказательствами» [4, с. 516].

Кассационное производство в понимании А.С. Червоткина видится так: «Кассационный суд в классическом его понимании не обсуждает вопрос факта, не решает вопрос о виновности человека, не имеет права исследовать новые доказательства, а только те, что есть в материалах дела. Это так называемый суд над судом. Он проверяет, соблюдены ли требования закона судьей и судом первой инстанции» [6, с. 4].

Иными словами, автор полагает, что предмет кассационной инстанции не должен относиться к правомерности действий, решений органов государственной власти и его должностным лицам с позиции государственного обвинения и роли суда на досудебном этапе уголовного процесса.

В настоящее время уголовно-процессуальный институт кассационного и надзорного обжалования вызывает дискуссии среди исследователей и правоприменителей, а именно, рациональность «задвоенности» аналогичных по смыслу институтов [1, с. 98].

Кассационная и надзорная инстанции имеют общие черты, такие как: основания для отмены и изменения обвинительных заключений; запрет поворота к худшему; круг субъектов, которые пользуются правом на принесение кассационных и надзорных жалоб, не принимая во внимание некоторые исключения [2, с. 815].

При анализе указанных инстанций в системе стадий уголовного судопроизводства следует вывод о совпадении их задач и значения. Так, обе инстанции по действующему УПК проверяют законность судебных актов, вступивших в законную силу, направлены на устранение допущенных судебных ошибок в применении уголовного или уголовно-процессуального закона, которые повлияли на исход дела.

Вместе с тем различия между рассматриваемыми производствами также имеют место, но, забегая вперед, не являются существенными.

Исторически надзорное производство функционировало в отечественном уголовном процессе множество десятилетий. В течение значительного периода существования надзор оказался в достаточной степени действенным внутригосударственным средством правовой защиты прав, свобод и законных интересов граждан, поскольку на протяжении всего этого времени, благодаря данной стадии обеспечивались единообразие судебной практики и устранение нарушений закона, допускаемых при рассмотрении и разрешении уголовных дел нижестоящими судами, а также исправление судебных ошибок, помимо прочего связанных с обоснованностью постановлений.

Согласно взаимосвязанным положениям ст. 342 и 379 УПК РСФСР 1960 года основаниями для отмены или изменения судебного акта в надзорном производстве являлись как вопросы права, так и факта, в частности к ним относились: 1) односторонность или неполнота дознания, предварительного или судебного следствия; 2) несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела; 3) существенное нарушение уголовно-процессуального закона; 4) неправильное применение уголовного закона; 5) несоответствие назначенного судом наказания тяжести преступления и личности осужденного.

Надзор равным образом, как и кассация предполагал проверку и законности, и обоснованности судебных актов по уголовным делам, что в советской (и некоторое время постсоветской) системе уголовного судопроизводства способствовало существенному количеству отмененных и измененных постановлений. Соответственно, надзорное производство в советский период играло важную роль, являлось действенным средством правовой защиты и обеспечивало пересмотр значительно большего количества

судебных решений, чем надзорное производство в современном уголовном процессе.

Однако действующая модель включает в себя кассационное производство в судах общей юрисдикции и Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации, что во многом предопределяет рудиментарность надзора. Советская модель, в отличие от современной российской не предполагала производство в кассации дважды: поэтому кассация охватывает подавляющее большинство дел, что в свою очередь и предопределяет формирование единообразных подходов к рассмотрению и разрешению дел нижестоящими судами. Это дает основания полагать, что «дублирование» однотипных контрольно-проверочных производств на различных уровнях может являться препятствием для формирования рационально функционирующей судебной системы.

Так, в послереформенном надзоре согласно ч. 3 ст. 412.1 УПК РФ могут быть обжалованы лишь решения Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации; определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации и определения Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации, вынесенные ими в кассационном порядке; постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации по причине нарушения законности.

Поскольку для надзора актуальны те же многие принципиальные положения, что и для кассации, можно полагать, что в действительности надзор к настоящему времени утратил статус содержательно самостоятельной стадии, поскольку лишен существенных особенностей и задач, которые бы отличали его от кассации. По существу, надзор копирует кассацию, но для малой части судебных постановлений, которые бы можно было отнести к кассационному производству.

Статистические данные о рассмотрении Верховным Судом РФ уголовных дел за 2024 год свидетельствуют о примерно одинаковом количестве дел в надзорном производстве: Президиумом Верховного суда РФ было рассмотрено за 2024 год 1757 надзорных представления и жалобы по уголовным делам, в судебном же заседании Президиума эта цифра колебалась в районе 17 уголовных дел.

Малое количество рассмотрений уголовных дел свидетельствует, что в надзорном производстве рассматривается незначительное количество жалоб, что ставит под сомнение эффективность данной процессуальной стадии.

Еще более серьезной проблемой является отсутствие четких законодательных критериев разграничения компетенции между кассационной и надзорной инстанциями. Анализ судебной практики показывает, что президиумы судов субъектов Федерации рассматривают жалобы по тем же основаниям, что и надзорная инстанция, фактически превращая надзор в "повторную кассацию", что противоречит изначальной концепции надзорного производства как исключительного механизма обеспечения единообразия судебной практики и исправления процессуальных судебных ошибок.

Однако, несмотря на очевидные проблемы дублирования, полная ликвидация надзорной инстанции представляется неоправданной по следующим причинам:

1. Функция обеспечения единообразия судебной практики. Президиум Верховного Суда РФ, осуществляя надзорные полномочия, играет системообразующую роль в формировании единых подходов к применению уголовного закона. Особенно это важно в условиях федеративного устройства России, где сохраняется риск региональных различий в правоприменении.

2. Корректировка фундаментальных судебных ошибок. Надзорная инстанция выступает как последний рубеж защиты от судебных ошибок, особенно в случаях, когда нарушения носят системный характер.

3. Адаптация к изменениям правовых позиций. В условиях динамичного развития законодательства и правовых позиций Конституционного Суда РФ, надзорная инстанция позволяет оперативно приводить судебные решения в соответствие с новыми правовыми реалиями.

Учитывая изложенное, предлагается следующая концепция фундаментального реформирования надзорной инстанции:

1. Четкое законодательное разграничение компетенции между кассацией и надзором. Необходимо внести изменения в УПК РФ, закрепив, что кассационная инстанция проверяет правильность применения норм материального и процессуального права в конкретном деле, тогда как надзорная инстанция должна сосредоточиться на:

- устранении противоречий в судебной практике;
- исправлении ошибок, искажающих основные принципы правосудия;
- рассмотрении дел, имеющих принципиальное значение для правоприменительной практики.

2. Введение жесткой фильтрации надзорных жалоб. Предлагается установить, что надзорная жалоба подлежит принятию к производству только при наличии одного из следующих условий:

- выявлено существенное расхождение в судебной практике по аналогичным делам;
- судебное решение противоречит опубликованной правовой позиции Президиума Верховного Суда РФ;
- имеются основания полагать, что допущено нарушение, искажающее саму суть правосудия;
- дело имеет особое общественное значение.

3. Введение особой процедуры надзорного производства. Необходимо разработать специальный регламент надзорного производства, включающий:

- предварительную экспертизу жалоб научно-консультативным советом при Президиуме ВС РФ;
- обязательное проведение правового мониторинга по поднимаемым в жалобе вопросам;
- вынесение мотивированных определений об отказе в передаче жалобы на рассмотрение.

4. Создание системы превентивного надзора. Следует предусмотреть возможность предварительного рассмотрения Президиумом Верховного Суда РФ наиболее сложных и принципиальных вопросов правоприменения до их массового возникновения в судебной практике. Это может осуществляться через издание разъяснений по запросам нижестоящих судов, проведение экспертных обсуждений спорных правовых вопросов, публикацию обзоров формирующейся практики.

Реализация предложенных мер позволила бы преобразовать надзорную инстанцию из дублирующего механизма в эффективный инструмент обеспечения единства судебной практики и верховенства права. При этом важно сохранить баланс между необходимостью исправления судебных ошибок и стабильностью вступивших в силу решений, что соответствует международным стандартам правосудия.

Особое значение предлагаемая реформа приобретает в контексте цифровой трансформации правосудия. Создание единой электронной системы судебной аналитики могло бы позволить Верховному Суду РФ оперативно выявлять системные проблемы правоприменения и своевременно реагировать на них именно через механизмы надзорного производства.

Таким образом, реформирование надзорной инстанции должно быть направлено не на ее упразднение, а на качественную трансформацию в специализированный

механизм обеспечения верховенства права и единства судебной практики. Такой подход соответствует как историческим традициям российского правосудия, так и современным вызовам юридической практики, обеспечивая оптимальный баланс между стабильностью судебных решений и динамизмом правового развития.

Литература

1. Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в 2024 году административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел [Электронный ресурс] / Официальный сайт Верховного Суда РФ. – Режим доступа: https://kurl.ru/SJeIn
2. Закарян С.А. Особенности судебных стадий контрольного производства в уголовном процессе / С.А. Закарян. // Журнал Российского права, – 2016. – № 5. – С. 98-107.
3. Лупинская П.А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник. / П.А. Лупинская. // Москва: Юристъ, – 2009. – № 8. – С. 815.
4. Скляренко М.В. Новое в работе системы обжалования, проверки и пересмотра судебных решений / М.В. Скляренко. // Уголовное судопроизводство, – 2021. – №2. – С. 35-40.
5. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2: Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. / М.С. Строгович. // Москва: Наука, – 1970. – С. 516.
6. Сумин А.А. Производство в суде кассационной инстанции: от Устава уголовного судопроизводства 1864 г. До современного УПК России / А.А. Сумин. // Вестник Московского университета МВД РФ, – 2015. – № 3. – С.101-105.
7. Червоткин А.С. Современная апелляция постепенно взращивалась внутри существующих форм судопроизводства / А.С. Червоткин. // Судья, – 2012. – №10. – С. 4–9.

The supervisory authority in the Russian criminal process: the problem of duplication of cassation functions and prospects for fundamental reform

Trofimik A.G., Bogdanova A.R.

Siberian Federal University

The article is devoted to the correlation between the stages of cassation and supervisory proceedings in the criminal process of Russia using the comparative legal method. The genesis of the named control and verification stages, modern legal regulation of the classical European system of reviewing sentences (and other court decisions), built on the distinction between appeal and cassation as a review of the case and verification of legality, are considered. It is concluded that, although in Russia as a whole the concept of classical models is shared, at the moment there is a gradually “dying out” supervisory review procedure that is not used by foreign legal orders. A hypothesis is formulated about the need to reassess the importance of supervisory proceedings in the criminal process in Russia.

Keywords: appeal, cassation, supervision, proceedings, judicial system, courts, justice in criminal cases.

References

1. Review of statistical data on the consideration of administrative, civil cases, cases on the resolution of economic disputes, cases on administrative offenses, and criminal cases in the Supreme Court of the Russian Federation in 2024 [Electronic resource] / Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. – Access mode: https://kurl.ru/SJeIn
2. Zakaryan S.A. Features of the judicial stages of control proceedings in criminal proceedings / S.A. Zakaryan. // Journal of Russian Law, – 2016. – No. 5. – P. 98-107.
3. Lupinskaya P.A. Criminal Procedure Law of the Russian Federation: Textbook. / P.A. Lupinskaya. // Moscow: Yurist, – 2009. – No. 8. – P. 815.
4. Sklyarenko M.V. New Developments in the System of Appeals, Review, and Revision of Court Decisions / M.V. Sklyarenko. // Criminal Procedure, 2021, No. 2, pp. 35-40.
5. Strogovich M.S. Course of Soviet Criminal Procedure. Vol. 2: Procedure for Proceedings in Criminal Cases under Soviet Criminal Procedure Law. / M.S. Strogovich. // Moscow: Nauka, 1970, pp. 516.
6. Sumin A.A. Proceedings in the Court of Cassation: from the Charter of Criminal Procedure of 1864 to the Modern Criminal Procedure Code of Russia / A.A. Sumin. // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2015, No. 3, pp. 101-105.
7. Chervotkin A.S. Modern appeal gradually developed within the existing forms of legal proceedings / A.S. Chervotkin. // Judge, 2012. No. 10. pp. 4–9.

Процедурные аспекты обыска с изъятием цифровых устройств: порядок привлечения специалиста при изъятии электронных носителей; роль понятых при копировании данных с изымаемых устройств; оформление протокола: обязательные реквизиты и типичные ошибки

Александров Сергей Алексеевич
аспирант Московского финансово-промышленного университета "Синергия", kliolcom2021@yandex.ru

Рассматриваются процессуальные особенности проведения обыска с изъятием цифровых устройств в рамках уголовного судопроизводства. Раскрываются условия и порядок привлечения специалиста при изъятии электронных носителей информации, анализируется значение его участия для сохранности и неизменности цифровых данных. Отдельное внимание уделяется роли понятых при копировании информации с изымаемых устройств с учетом специфики электронных доказательств. Анализируются требования к оформлению протокола обыска, его обязательные реквизиты, а также типичные ошибки, допускаемые на практике и способные повлечь признание полученных доказательств недопустимыми. Обосновывается необходимость строгого соблюдения уголовно-процессуальных норм и учета технических особенностей цифровой информации при производстве следственных действий.

Ключевые слова: обыск, цифровые устройства, электронные носители информации, специалист, понятые, протокол следственного действия.

Доказательства являются центральным институтом уголовного судопроизводства, целью которого устанавливается подтверждение или опровержение виновности, или подтверждение невиновности лица, подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления. В соответствии с последовательно получаемыми органами предварительного расследования доказательствами строится архитектура уголовного дела, осуществляется планирование и выдвижение версий, их проверка на состоятельность, определяется процессуальная судьба участников уголовного дела, реализуется назначение уголовного судопроизводства в целом.

По мнению А.Р. Белкина, «доказательства являются средствами убеждения в истинности того ли иного предположения. А установление истины в процессе предварительного расследования осуществляется путем доказывания обстоятельств, совокупность которых составляет предмет исследования по данному делу» [2, с. 19]. С данным доводом соглашается и ряд других авторов [3; 6]. Несмотря на в большей степени философский подход к определению доказательств, следует отметить достоинство последнего, так как оно уточняет сущностную взаимосвязь между доказательством, необходимостью установления обстоятельств по делу и процессом доказывания.

Нормативное определение доказательств как правовой категории содержится в ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ) [5]. Так, доказательства

- это «любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела».

Доказательства, имея определенное фактическое содержание, не могут существовать вне формы, в связи с чем законодатель закрепляет определенные источники доказательств в ч. 2 ст. 74 УПК РФ [5]. Процесс собирания доказательств строго регламентирован уголовно-процессуальным законодательством, любое отступление от установленной нормы необходимо рассматривать как нарушение, которое будет иметь соответствующие правовые последствия;

- признание недопустимым и исключение из массива доказательств. Другим последствием признания доказательства, полученным незаконно, будет являться так называемый эффект «плодов отравленного дерева», когда производные от него доказательства также будут исключены из массива доказательств. В связи с этим особенно важно соблюдение законодательно установленных правил собирания доказательств.

Развитие высоких цифровых технологий обусловило появление в уголовном судопроизводстве принципиально новых способов доказывания, связанных с изъятием и исследованием электронных носителей информации, копированием компьютерной информации с различных электронных хранилищ, которые в настоящее время получили чрезвычайно широкое распространение [4, с. 77] и стали

частью обычной жизни. Соответственно, законодатель должен оперативно реагировать на данные изменения и определить правовой статус таких предметов и способов работы с ними в рамках правового поля.

Обыск с изъятием цифровых устройств является одним из наиболее сложных следственных действий, поскольку связан с обращением с электронными носителями информации, обладающими специфическими свойствами. Цифровые данные могут быть легко изменены, уничтожены либо утрачены в результате неквалифицированных действий, что обуславливает повышенные требования к процессуальному порядку их изъятия и фиксации.

Порядок привлечения специалиста при изъятии электронных носителей информации имеет принципиальное значение для обеспечения сохранности данных. В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством специалист привлекается в случаях, когда для обнаружения, закрепления и изъятия электронных данных требуются специальные знания. На практике специалист обеспечивает корректное отключение цифровых устройств, предотвращение несанкционированного доступа к информации, а также осуществляет копирование данных с соблюдением требований неизменности их содержания. Отсутствие специалиста либо формальный характер его участия нередко приводит к утрате доказательственной ценности полученной информации [1, с. 150].

Роль понятых при копировании данных с изымаемых устройств также имеет существенное значение. Понятые призваны удостоверить факт и порядок проведения следственного действия, в том числе процесс копирования цифровой информации. Однако специфика электронных данных зачастую делает невозможным для понятых фактическую оценку содержания копируемой информации. В этой связи их участие носит в большей степени процессуально-гарантийный характер и направлено на подтверждение соблюдения установленной процедуры, а не на контроль технической стороны копирования.

Особое внимание должно уделяться оформлению протокола обыска. Протокол является основным процессуальным документом, фиксирующим ход и результаты следственного действия. К обязательным реквизитам относятся дата, время и место проведения обыска, сведения обо всех участниках, основания для его проведения, подробное описание изымаемых цифровых устройств, их технические характеристики, а также указание на применение технических средств и участие специалиста. При копировании данных в протоколе должны быть отражены используемые программы и носители, объем и формат скопированной информации.

К типичным ошибкам оформления протокола относятся неполное описание цифровых устройств, отсутствие сведений о специалисте, формальное указание на участие понятых без отражения их фактических действий, а также отсутствие данных о способе копирования информации. Подобные нарушения могут повлечь признание протокола ненадлежащим доказательством и исключение цифровых данных из доказательственной базы по делу [1, с. 151].

Таким образом, обыск с изъятием цифровых устройств требует строгого соблюдения процессуальных норм и учета особенностей электронных носителей информации. Привлечение квалифицированного специалиста, надлежащее участие понятых и корректное оформление протокола являются необходимыми условиями обеспечения законности и допустимости полученных цифровых доказательств.

Дополнительно следует отметить, что при изъятии цифровых устройств особое значение имеет выбор способа обращения с электронными носителями информации. В зависимости от конкретной следственной ситуации изъятие может осуществляться как путем физического изъятия устройства, так и посредством копирования содержащихся на нем данных. Выбор конкретного способа должен быть обусловлен необходимостью обеспечения баланса между интересами расследования и соблюдением прав участников уголовного процесса, включая право на сохранность личной и служебной информации.

Практика показывает, что наибольшее количество процессуальных нарушений допускается при отсутствии четкого разграничения функций между следователем и специалистом. Следователь отвечает за процессуальное руководство обыском и принятие решений, тогда как специалист выполняет исключительно технические действия, требующие специальных знаний. Превышение специалистом своих полномочий либо фактическая передача ему функций следователя может быть расценена как существенное нарушение уголовно-процессуального закона и повлечь сомнения в допустимости полученных доказательств [3, с. 215].

Отдельного внимания заслуживает вопрос обеспечения неизменности цифровой информации после ее копирования. В целях подтверждения подлинности и целостности скопированных данных в практике все чаще используются контрольные суммы и иные средства идентификации цифровых файлов. Отражение сведений о применении таких средств в протоколе обыска способствует повышению доказательственной ценности цифровой информации и снижает риск ее оспаривания стороной защиты.

Наряду с этим существенную роль играет соблюдение прав лиц, у которых производится обыск. Изъятие цифровых устройств зачастую связано с ограничением доступа к информации, необходимой для осуществления профессиональной или предпринимательской деятельности. В этой связи следователь обязан по возможности обеспечивать копирование только той информации, которая имеет значение для уголовного дела, а также фиксировать в протоколе ходатайства и заявления участников, связанные с порядком изъятия и копирования данных.

Таким образом, последующая оценка допустимости цифровых доказательств напрямую зависит не только от факта их обнаружения, но и от корректности процессуального оформления всех действий, связанных с изъятием и копированием информации. Соблюдение разграничения полномочий, использование технических средств фиксации целостности данных и отражение всех существенных обстоятельств в протоколе позволяют минимизировать риски признания доказательств недопустимыми и способствуют достижению целей уголовного судопроизводства [6, с. 100].

В современных условиях особую актуальность приобретает вопрос фиксации хода обыска с изъятием цифровых устройств с использованием технических средств. Применение фото-, видео- и аудиозаписи позволяет более полно отразить последовательность действий следователя, специалиста и иных участников следственного действия. Такая фиксация приобретает дополнительное значение при работе с электронными носителями информации, поскольку позволяет подтвердить отсутствие вмешательства в цифровые данные и соблюдение установленного процессуального порядка.

Вместе с тем использование технических средств фиксации требует надлежащего процессуального оформления. Сведения о применяемых средствах, условиях и времени записи должны быть отражены в протоколе обыска. Отсутствие указаний на факт видеозаписи либо несоответствие между зафиксированными в протоколе сведениями и фактическим ходом следственного действия может вызвать сомнения в достоверности полученной информации и стать основанием для ее критической оценки судом.

Отдельного внимания заслуживает проблема соотношения оперативности проведения обыска и необходимости соблюдения всех процессуальных гарантий при работе с цифровыми устройствами. Стремление к быстрому получению информации нередко приводит к упрощению процедуры изъятия электронных носителей, что выражается в отказе от копирования данных на месте либо в игнорировании требований к детальному описанию совершаемых действий. Подобный подход способен негативно сказаться на последующей оценке доказательств и осложнить их использование в судебном разбирательстве.

Значимым аспектом является и вопрос последующего хранения изъятых цифровых устройств и носителей информации. Нарушение условий хранения, отсутствие учета доступа к электронным данным либо ненадлежащее документирование передачи носителей между должностными лицами создают риски утраты либо изменения информации. В этой связи особую роль приобретает фиксация в материалах уголовного дела сведений о передаче, упаковке и опечатывании цифровых носителей, а также о лицах, ответственных за их сохранность [7, с. 50].

Таким образом, эффективность обыска с изъятием цифровых устройств определяется не только результатами обнаружения информации, но и качеством процессуального сопровождения всех последующих действий. Комплексный подход, включающий техническую фиксацию, соблюдение процессуальных гарантий и надлежащее документирование, позволяет обеспечить надежность цифровых доказательств и их устойчивость при судебной проверке.

Литература

1. Андреева Ю. И. Электронные доказательства в уголовном процессе // Закон и право. - 2025. – С. 147-152.
2. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве: в 2 ч. / А.Р. Белкин. - 2-е изд. - Москва : Юрайт, 2019. - Ч. 1. - 184 с.
3. Лукошкина С. В. Проблемы изъятия электронного носителя информации в контексте участия специалиста и назначения судебных экспертиз / С. В. Лукошкина // Всероссийский криминологический журнал. - 2024. - Т. 18, № 2. - С. 210–217.
4. Слифиш М. В. Доказывание в уголовном процессе Российской Федерации: учеб. пособие. - М. : ИНФРА-М, 2024. - 255 с.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. М.: Проспект, 2024. - 512 с.
6. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: учеб. пособие для вузов / отв. ред. С. В. Зуев. - М. : Юрайт, 2022. - 193 с.
7. Яковлева Н. Г. Использование цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. - 2024. № 4 (80). - С. 45–52.

Procedural aspects of searches involving the seizure of digital devices: the procedure for engaging a specialist during the seizure of electronic data carriers; the role of attesting witnesses in copying data from seized devices; drafting the protocol: mandatory details and typical errors

Alexandrov S.A.

Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

The article examines procedural issues related to searches involving the seizure of digital devices in criminal proceedings. The conditions and procedure for engaging a specialist during the seizure of electronic data carriers are analyzed, with emphasis on ensuring the integrity and preservation of digital information. Special attention is paid to the role of attesting witnesses during the copying of data from seized devices, taking into account the specific nature of electronic evidence. The requirements for drafting a search protocol, its mandatory details, and typical mistakes made in practice that may lead to the recognition of evidence as inadmissible are considered. The necessity of strict compliance with criminal procedural norms and consideration of the technical features of digital information is substantiated.

Keywords: search, digital devices, electronic data carriers, specialist, attesting witnesses, procedural protocol.

References

1. Andreeva Yu. I. Electronic evidence in criminal proceedings // Law and Right. - 2025. - Pp. 147-152.
2. Belkin A.R. Theory of evidence in criminal proceedings: in 2 parts / A.R. Belkin. - 2nd ed. - Moscow: Yurait, 2019. - Part 1. - 184 p.
3. Lukoshkina S. V. Problems of seizure of electronic information carriers in the context of participation of a specialist and appointment of forensic examinations / S. V. Lukoshkina // All-Russian Criminological Journal. - 2024. - Vol. 18, No. 2. - Pp. 210-217.
4. Slifish M. V. Evidence in criminal proceedings of the Russian Federation: textbook. manual. - M.: INFRA-M, 2024. - 255 p.
5. Criminal Procedure Code of the Russian Federation. M.: Prospect, 2024. - 512 p.
6. Electronic Evidence in Criminal Proceedings: A Textbook for Universities / Ed. S. V. Zuev. - M.: Yurait, 2022. - 193 p.
7. Yakovleva N. G. Use of Digital Evidence in Criminal Proceedings of the Russian Federation // Bulletin of Tver State University. Series: Law. - 2024. No. 4 (80). - P. 45–52.

Особенности оценки и использования результатов судебных экспертиз при расследовании незаконного производства лекарственных средств

Карпов Максим Матвеевич
аспирант, Московский университет «Синергия»

В статье рассматриваются актуальные вопросы судебно-экспертного обеспечения расследования преступлений, связанных с незаконным производством лекарственных средств. Анализируются процессуальные и криминалистические аспекты оценки заключений экспертов, учитывающие специфику объектов исследования (фармацевтические субстанции, документы, цифровые следы) и междисциплинарный характер требуемых специальных познаний. Акцентируется внимание на ключевых критериях оценки: допустимости (правильность выбора эксперта и постановки вопросов), достоверности (научная обоснованность методик, логичность выводов) и достаточности (взаимосвязь с другими доказательствами). Рассматриваются особенности оценки результатов основных родов назначаемых экспертиз: судебно-химической, криминалистической экспертизы веществ и материалов, технико-криминалистической экспертизы документов, судебно-медицинской и компьютерно-технической. Выявлены типичные проблемы, такие как недостаточная естественнонаучная подготовка следователей и отсутствие унифицированных методик для новых видов фальсификатов. Обосновывается необходимость комплексного подхода, активного использования консультаций со специалистами и совершенствования взаимодействия между следователем и экспертом на стадии назначения экспертизы для формирования полной, непротиворечивой и достоверной доказательственной базы.

Ключевые слова: судебная экспертиза, незаконное производство лекарственных средств, оценка доказательств, криминалистическая характеристика, экспертные исследования, следственная практика.

Современный этап развития фармацевтического рынка характеризуется не только прогрессом в области создания новых лекарственных препаратов, но и значительным ростом масштабов их незаконного производства и оборота. Данный вид преступной деятельности представляет собой серьезную угрозу экономической безопасности государства и, что наиболее важно, жизни и здоровью населения. Расследование преступлений, предусмотренных статьей 235.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, сопряжено с существенными сложностями, обусловленными высокой латентностью, транснациональным характером, использованием сложных технологических схем и активным противодействием следствию со стороны организованных преступных групп[1].

В этих условиях судебно-экспертная деятельность приобретает роль ключевого элемента системы доказывания. Именно посредством специальных познаний возможно установление фактического состава, свойств и происхождения изъятых веществ, идентификация способа производства, выявление признаков фальсификации документации и установление причинно-следственной связи между употреблением недоброкачественного препарата и наступившими вредными последствиями. Однако процессуальная ценность экспертизы реализуется не в момент получения заключения, а в ходе его всесторонней оценки следователем и судом. Таким образом, актуальность настоящего исследования определяется необходимостью комплексного анализа особенностей оценки и интеграции результатов судебных экспертиз в доказательственную базу по делам о незаконном производстве лекарственных средств, что напрямую влияет на законность, обоснованность и эффективность правоприменительной деятельности.

Цель статьи заключается в выявлении и систематизации специфических черт процессуальной и криминалистической оценки заключений эксперта при расследовании данной категории преступлений, а также в определении оптимальных путей их использования для формирования непротиворечивой и полной системы доказательств[2].

Особенности оценки экспертного заключения изначально детерминированы характером объектов исследования и кругом решаемых задач. В отличие от многих других категорий уголовных дел, предметом преступного посягательства здесь выступают лекарственные средства и медицинские изделия – объекты, обладающие двойственной природой: с одной стороны, они являются продукцией, обращаемой в гражданском обороте, с другой – источниками повышенной опасности для здоровья человека. Это предопределяет комплексный характер экспертных исследований, требующий привлечения знаний из различных областей: химии, фармакологии, медицины, криминалистики, товароведения, бухгалтерского учета и информационных технологий.

Ключевыми объектами экспертиз выступают:

1. Вещества и материалы: изъятые готовые лекарственные формы (таблетки, капсулы, растворы), фармацевтические субстанции, сырье, полуфабрикаты, а также образцы с мест предполагаемого производства (смывы, порошки, остатки реактивов).

2. Документы: лицензии, сертификаты соответствия, регистрационные удостоверения, товаросопроводительная документация, рецепты, технологические журналы, бухгалтерская отчетность. Их исследование направлено на установление подлинности, выявление признаков подделки или внесения изменений[3].

3. Изделия и оборудование: упаковка, блистеры, флаконы, а также технологическое оборудование, используемое для производства, фасовки и маркировки.

4. Цифровые носители информации: компьютеры, серверы, мобильные устройства, содержащие данные о рецептурах, логистике, финансовых операциях, переписке соучастников.

5. Биологические объекты: образцы тканей и биологических жидкостей потерпевших для установления причинно-следственной связи.

Соответственно, перед экспертами ставятся задачи, которые условно можно разделить на идентификационные, диагностические и классификационные. К идентификационным относятся: установление тождества вещества представленному образцу или конкретной партии; отождествление лица по почерку, голосу или следам рук; идентификация оборудования как средства производства. Диагностические задачи включают: определение химического состава и свойств вещества; установление его соответствия фармакопейным нормам или заявленным характеристикам; выявление способа изготовления и признаков кустарного производства; установление факта и способа фальсификации документа. Классификационные задачи направлены на отнесение объекта к определенной категории: является ли вещество лекарственным средством; содержит ли оно наркотические, психотропные или ядовитые компоненты; относится ли деятельность к лицензируемой.

Такое разнообразие объектов и задач обуславливает необходимость назначения не единичной, а системы судебных экспертиз, результаты которых оцениваются во взаимосвязи.

Как отмечают Е. П. Ищенко, А. А. Топорков, оценка заключения эксперта является внутренним психическим процессом субъекта доказывания, регламентированным нормами уголовно-процессуального закона. Она осуществляется по общим правилам, предполагающим исследование допустимости, достоверности и достаточности доказательства, однако наполняется специфическим содержанием применительно к экспертизам по делам о незаконном производстве лекарств[4].

Оценка допустимости включает проверку соблюдения процедурных норм при назначении и производстве экспертизы. Особое значение здесь приобретает правильность выбора экспертного учреждения и эксперта. Учитывая междисциплинарный характер исследований, необходимо убедиться, что эксперт или комиссия экспертов обладают специальными познаниями не только в общей области (например, химии), но и в конкретной подотрасли (фармацевтической химии, аналитической химии лекарственных средств). Нарушением будет поручение исследования состава сложного фармацевтического препарата эксперту, специализирующемуся лишь на традиционной судебно-химической экспертизе. Также критически важно соответствие формулировок вопросов, поставленных перед экспертом, обстоятельствам дела. Вопросы должны быть конкретными, исключающими двусмысленность и вытекающими из собранных доказательств[5].

Оценка достоверности заключения эксперта – наиболее сложный этап, требующий от следователя и судьи не только юридической, но и элементарной естественнонаучной грамотности. Она предполагает критический анализ полноты и репрезентативности представленных на исследование материалов. Эксперт не может дать достоверное заключение о способе производства на основе микроскопического количества вещества без образцов сырья или оборудования. Выводы о причинении вреда здоровью невозможны без предоставления медицинских документов потерпевшего. Необходимо также оценить научную обоснованность и валидность примененных методик. Следователю требуется удостовериться, что использованные методы анализа являются общепризнанными в научном сообществе и пригодны для решения поставленных задач. Логическая непротиворечивость и ясность выводов – еще один критерий достоверности. Выводы должны однозначно вытекать из раздела исследования, не содержать взаимоисключающих или двусмысленных формулировок[6-7].

Оценка достаточности заключения эксперта для доказывания того или иного обстоятельства неразрывно связана с его местом в системе иных доказательств. Заключение эксперта, каким бы авторитетным оно ни было, не обладает заранее установленной силой и подлежит проверке в совокупности с другими материалами дела. Например, вывод химической экспертизы о несоответствии состава препарата заявленному должен быть подкреплен результатами технико-криминалистической экспертизы документов, подтверждающими подделку упаковки и сертификатов, а также показаниями свидетелей и данными финансово-экономической экспертизы, раскрывающими схему оборота средств.

Оценка результатов судебно-химической и криминалистической экспертизы веществ, материалов и изделий требует внимания к протокольной части исследования, где должны быть отражены условия проведения анализа, чувствительность методов, погрешности измерений. Важно оценить, проводилось ли количественное определение действующих и вспомогательных веществ, или исследование ограничилось качественной реакцией. Вывод о «кустарном способе производства» должен основываться на выявлении специфических примесей, остатков растворителей, нехарактерных для промышленного синтеза, что должно быть подробно аргументировано экспертом.

При оценке заключения технико-криминалистической экспертизы документов (лицензий, сертификатов, упаковки) следователь должен обратить внимание не только на конечный вывод о подделке, но и на описание механизма этой подделки: использовалась ли печать-подделка, имело место допечатка текста, подчистка, травление. Это позволяет точнее установить умысел и уровень технической оснащенности преступной группы. Взаимосвязь с почерковедческой экспертизой, устанавливающей исполнителя подписей на фальсифицированных документах, создает целостную картину противоправной деятельности[8].

Особой тщательности требует оценка заключения судебно-медицинской экспертизы, устанавливающей причинно-следственную связь между употреблением препарата и вредом здоровью. Недостаточно констатации факта отравления или ухудшения состояния. Эксперт должен обосновать, что выявленные патологические изменения специфичны для компонентов именно данного изъятого вещества, а не могли быть вызваны иными причинами (фоновыми заболеваниями, приемом других лекарств). Для этого необходимо комплексное исследование с привлечением химико-токсикологических методов. Оценка результатов компьютерно-технической экспертизы в эпоху цифровизации становится все более значимой. Следователь должен проверить, соблюдался ли процессуальный порядок изъятия и исследования электронных носителей, исключающий возможность модификации данных. Выводы эксперта о наличии на жестком диске рецептур, чертежей оборудования, переписки о поставках

требуют привязки к конкретным лицам через другие доказательства (например, через показания о доступе к компьютеру). Цифровые следы, будучи косвенным доказательством, приобретают доказательственную силу только в корреляции с вещественными доказательствами и показаниями.

Толстухина Т.В., Гуркин М.А. пишут о том, что специфика рассматриваемой категории дел зачастую делает единственно возможной формой экспертного исследования комплексную или комиссионную экспертизу. Комплексная экспертиза, проводимая экспертами разных специальностей, направлена на решение пограничных вопросов. Например, вопрос «могло ли изъятое вещество, произведенное с использованием представленного оборудования, вызвать отравление у потерпевшего?» требует совместных усилий химика-технолога, специалиста по оборудованию и судебного медика. При оценке такого заключения необходимо анализировать степень интеграции выводов каждого эксперта в общий итоговый вывод. Нередко заключение формально является комплексным, но состоит из механического сложения независимых частей, что снижает его доказательственную ценность[9, 10].

Комиссионная экспертиза, проводимая несколькими экспертами одной специальности, часто назначается для исследования особо сложных объектов или при возникновении противоречий между ранее данными заключениями. Оценка такого заключения включает анализ дискуссионной части, где излагаются мнения каждого эксперта и обосновывается согласованная позиция. Если единое мнение не достигнуто, эксперты вправе дать отдельные заключения. Задача следователя – критически оценить аргументацию каждой стороны и определить, какое из мнений лучше согласуется с совокупностью других доказательств по делу.

К числу типичных проблем, затрудняющих адекватную оценку экспертных заключений по делам о незаконном производстве лекарств, можно отнести: недостаточную специальную подготовку следователей и судей в области естественных наук, что мешает им критически оценивать методическую базу экспертизы; формальный подход к формулировке вопросов эксперту, ведущий к получению расплывчатых, малополезных для дела выводов; слабое взаимодействие между следователем и экспертом на стадии назначения экспертизы, когда эксперт не всегда имеет возможность уточнить постановку задачи и запросить необходимые дополнительные материалы; отсутствие унифицированных, утвержденных на федеральном уровне методик проведения экспертиз для некоторых новых видов фальсифицированных лекарств[11].

Пути преодоления этих проблем видятся в следующем:

- Внедрение в программы повышения квалификации следователей и судей модулей, дающих базовые представления о современных фармацевтических технологиях и методологии экспертного исследования.
- Разработка и использование типовых перечней вопросов для назначения различных видов экспертиз по данной категории дел, что минимизирует риск ошибок.
- Активное использование консультаций со специалистами (в непроцессуальной форме) на стадии подготовки постановления о назначении экспертизы для уточнения ее возможностей и необходимых материалов[12].
- Стимулирование разработки и экспертного апробирования новых методик исследования в рамках научно-исследовательской деятельности экспертных учреждений.

Таким образом, оценка и использование результатов судебных экспертиз при расследовании незаконного производства лекарственных средств представляют собой многоаспектную деятельность, требующую от субъектов доказывания высокого уровня профессиональной компетентности. Эта деятельность выходит за рамки простой процессуальной проверки и предполагает глубокое понимание криминалистической специфики преступления, сущности применяемых специальных методов исследования и логики экспертных выводов. Эффективность расследования в конечном итоге зависит от умения следователя и суда интегрировать данные разнородных экспертиз – химических, криминалистических, медицинских, экономических, компьютерно-технических – в единую непротиворечивую систему доказательств, устанавливающую все элементы состава преступления. Особую роль играет критическая оценка достоверности заключений, основанная не на формальном авторитете экспертного учреждения, а на анализе научной обоснованности проведенного исследования. Совершенствование практики оценки экспертных заключений в данной сфере видится в развитии межведомственного и междисциплинарного взаимодействия, постоянном повышении квалификации юридических кадров, а также в дальнейшей методической и нормативной разработке вопросов судебно-экспертного обеспечения борьбы с фармацевтической преступностью.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

3. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 28.06.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 23. – Ст. 2291.

4. Криминалистика [Текст]: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности "Юриспруденция" / Е. П. Ищенко, А. А. Топорков. - Изд. 2-е, испр., доп. и перераб. - Москва: ИНФРА-М: Контакт, 2010. - 780 с.

5. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе Е.Р. Россинская - Москва: НОРМА, 2006. 656 с.

6. Особенности расследования преступлений, связанных с оборотом фальсифицированных и недоброкачественных лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок: методические рекомендации / М.Б. Анисимов, С.А. Васильев, Д.А. Кунёв, Е.Р. Моргунова, В.А. Передерий и др.; под ред. А.М. Багмета. – М.: Московская академия СК России, Главное управление процессуального контроля СК России, Главное управление криминалистики СК России, 2017. - 63 с.

7. Шляхов А. Р. Судебная экспертиза: организация и проведение. - Москва: Юридическая литература, 1979. - 166 с.

8. Савицкий А.А. Актуальные задачи и вопросы судебной финансово-экономической экспертизы по делам о банкротстве в уголовном и арбитражном процессах // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). - 2024. - С. 64-76.

9. Толстухина Т.В., Гуркин М.А. Использование специальных знаний при расследовании незаконного производства и обращения фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2015. №3-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-spetsialnyh-znaniy-pri-rassledovanii-nezakonnogo-proizvodstva-i-

obrascheniya-falsifitsirovannyh-nedobrokachestvennyh-i (дата обращения: 08.02.2026).

10. Остапенко, О. И. Объективная сторона незаконного производства лекарственных средств и медицинских изделий / О. И. Остапенко. — Текст : непосредственный // Актуальные проблемы права : материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Москва, декабрь 2017 г.). — Москва : Буки-Веди, 2017. — С. 85-88. — URL: https://moluch.ru/conf/law/archive/282/13405.

11. Пупцева А.В., Скориков Д.Г. Особенности и порядок назначения судебных экспертиз при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. ; URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=18512 (дата обращения: 08.02.2026).

12. Любавина М.А. Квалификация преступлений, предусмотренных ст. 228 и 228.1 УК РФ : учеб пособие / М.А. Любавина. - Санкт-Петербург : Юрид. ин-т Генер. прокуратуры РФ, 2016. - 175 с.

Features of evaluation and use of the results of forensic examinations in the investigation of illegal production of medicines

Karpov M.M.

Synergy Moscow University

The article discusses current issues of forensic support for the investigation of crimes related to the illegal manufacture of medicines. The article analyzes the procedural and criminalistic aspects of evaluating expert opinions, taking into account the specifics of the research objects (pharmaceutical substances, documents, digital traces) and the interdisciplinary nature of the required special knowledge. Attention is focused on the key evaluation criteria: admissibility (correctness of the choice of an expert and the formulation of questions), reliability (scientific validity of methods, logical conclusions) and sufficiency (relationship with other evidence). The article considers the features of evaluating the results of the main types of assigned examinations: forensic chemical, forensic examination of substances and materials, technical and forensic examination of documents, forensic medical and computer-technical. Typical problems have been identified, such as insufficient scientific training of investigators and the lack of unified methods for new types of forgeries. The necessity of an integrated approach, the active use of consultations with specialists and the improvement of interaction between the investigator and the expert at the stage of appointment of expertise for the formation of a complete, consistent and reliable evidence base is substantiated.

Keywords: forensic examination, illegal production of medicines, evaluation of evidence, forensic characteristics, expert research, investigative practice.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 28.02.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25. – Art. 2954.
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 20.03.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 52 (Part I). – Art. 4921.
3. On state forensic activity in the Russian Federation: Federal Law of 31.05.2001 No. 73-FZ (as amended on 28.06.2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 23. – Art. 2291.
4. Forensic Science [Text]: a textbook for students of higher educational institutions studying in the specialty "Jurisprudence" / E. P. Ishchenko, A. A. Toporkov. - 2nd ed., corrected, supplemented and revised. - Moscow: INFRA-M: Kontakt, 2010. - 780 p.
5. Forensic Examination in Civil, Arbitration, Administrative and Criminal Procedure E. R. Rossinskaya - Moscow: NORMA, 2006. 656 p.
6. Features of the Investigation of Crimes Related to the Circulation of Counterfeit and Substandard Medicines, Medical Devices and Dietary Supplements: Methodological Recommendations / M. B. Anisimov, S. A. Vasiliev, D. A. Kunev, E. R. Morgunova, V. A. Perederiy et al.; edited by A.M. Bagmet. – M.: Moscow Academy of the Investigative Committee of Russia, Main Directorate of Procedural Control of the Investigative Committee of Russia, Main Directorate of Forensic Science of the Investigative Committee of Russia, 2017. - 63 p.
7. Shlyakhov A. R. Forensic examination: organization and conduct. - Moscow: Legal Literature, 1979. - 166 p.
8. Savitsky A.A. Actual tasks and issues of forensic financial and economic examination in bankruptcy cases in criminal and arbitration proceedings // Bulletin of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). - 2024. - pp. 64-76.
9. Tolstukhina T.V., Gurkin M.A. Use of specialized knowledge in the investigation of the illegal production and circulation of counterfeit, poor-quality and unregistered medicines // Bulletin of Tula State University. Economic and legal sciences. 2015. No. 3-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-spetsialnyh-znaniy-pri-rassledovanii-nezakonnogo-proizvodstva-i-obrascheniya-falsifitsirovannyh-nedobrokachestvennyh-i (date of access: 08.02.2026).
10. Ostapenko, O. I. The objective side of the illegal production of medicines and medical devices / O. I. Ostapenko. - Text: direct // Actual problems of law: materials of the VI International. scientific conf. (Moscow, December 2017). - Moscow: Buki-Vedi, 2017. - P. 85-88. — URL: https://moluch.ru/conf/law/archive/282/13405.
11. Puptseva AV, Skorikov DG Features and procedure for assigning forensic examinations in the investigation of crimes related to drug trafficking // Modern problems of science and education. 2015. No. 1-1. ; URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=18512 (date of access: 08.02.2026).
12. Lyubavina M.A. Qualification of crimes provided for by Art. 228 and 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation: a textbook / M.A. Lyubavina. - St. Petersburg: Legal Institute of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2016. - 175 p.